

С в е т и Т е н ь

По мотивам романа Ольги Громыко

Art

Чтобы полюбить Рыску, Алык должен ее зауважать. А чтобы оценить — потерять. А если прибавить несколько лет, которые их, безусловно, изменят, цепь интересных, а подчас печальных событий, несколько новых персонажей, то получится нижеследующее...

===== Пролог =====

Вот почему ощущение, что всё закончится именно здесь, не покидало его в тот далекий год. Вот почему так не хотелось сюда ехать.

Он всегда доверял своему дару, наверное, даже больше, чем следовало бы. Нужно было и в этот раз так поступить...

Длани Сашия не любят путников, лишая их дара, и потому враги выбрали для исполнения своей цели именно такое место. Хотя, наверное, никто ничего не выбирал, потому что никто ничего не выиграл. Скорее всего, так и есть. Или же великая Хольга покарала именно его, отняв самое дорогое.

Как странно: понимание самого дорогого приходит лишь в момент потери, — по-другому просто не выходит. Либо можно оценить дорогого тебе человека, когда никак не можешь удержать его возле себя. Получается, что теперь в его жизни было и то, и другое. Но что толку от этого знания?

Стройный высокий мужчина в черном плаще с двумя мечами крест-накрест за спиной, склонив голову и держась одной рукой за дерево, стоял и не смел сойти с места. Он был красив и статен, облечен тайными знаниями, силен, умен, принадлежал к древнему знатному роду... и всё это не имело теперь значения. Ровным счетом никакого. По крайней мере, именно так он и считал, потому что у его ног, разбросав в стороны руки и глядя невидящими глазами в закатное небо, лежала черноволосая воительница с арбалетным болтом в левом боку.

Этот болт предназначался ему. А он, так много раз в жизни спасавший от верной гибели и себя, и других, на этот раз не успел. И поэтому всё теперь рухнуло. Нет больше ничего. Нет и его самого.

Откинув за спину свои белые косы (точно такие же носили из поколения в поколение все мужчины в его роду и на его земле), он упал перед ней на колени, поднял с земли, прижал к себе. Ее тело было совсем ещё тёплым и как будто живым, но мужчина точно знал, что жизнь уже покинула этот приют. Сколько ни трясись, ни согревай своим теплом, ни зови, ни меняй дорогу — её больше нет. А потому и предпринимать что-либо не имеет смысла. Он понял это ещё в тот момент, когда увидел её оседающей на землю, и тогда мир померк.

Собственно, больше по привычке бороться до конца, он яростно отбил следующий болт, а затем, почти не глядя и куда более метко, швырнул меч в арбалетчика, попав тому прямо в лоб. Вторым мечом он успокоил остальных: быстро, легко, играючи, словно на тренировке, не испытав при этом ни страха, ни жалости, никаких других чувств. Да и какие теперь могли быть чувства?

А потом ещё долго ходил по поляне, вытаскивал меч из трупа, осматривал остальных поверженных врагов, оглядывался по сторонам. И хотя знал, что женщина мертва и ей не поможешь, до последнего не хотел этого видеть. Как будто что-то мог этим изменить.

Так, значит, будем жить вечно?

Вот она, вечность, какой короткой оказалась... И — ни мгновенья покоя!

Сначала полтора месяца ожидания неизвестно чего, безотчетного, животного страха. Как же он не хотел умирать, как боялся за себя тогда! И даже не желал замечать её отношения к себе. Это теперь он наконец-то понял, что именно тогда она его и полюбила, с первого взгляда, сначала крысой, а потом тем, кого привыкла бояться с детства — саврянином... И все равно полюбила, сама боясь этой любви как огня, не желая даже себе в ней признаваться. А он чем ей ответил? Вел себя по-скотски, вечно оскорблял её, высмеивал, специально доводил до злости. Понятное дело, всему виной нервное напряжение тех непростых дней, да еще и нежелание привязываться и привязываться. Плюс ко всему — его снобизм: уж так он был воспитан.

А ещё молод и глуп...

О, Саший, да как в такое вообще можно было влюбиться?

И тем не менее, она смогла.

А дальше было еще “лучше”... Ну как, Саший побери, как можно было после того, что произошло, предлагать ей деньги?! Как будто с цыпочкой расплачивался. Конечно, он всегда наблюдал такое вокруг себя, да и многие из окружающих его людей всё измеряли в деньгах. Но можно было хоть немного подумать и понять, что даже говорить с ней о таком — оскорбительно! Тем более в свете того, что уже почти решил быть с ней.

Почти решил...

Еще одна несусветная глупость и подлость. И не отец в итоге виноват в их тогдашнем разрыве, а он сам. Он повёл себя как трус. Поэтому она и ушла.

А дальше были лишь случайные встречи, отыгранные у жизни лучины. Или это Хольга дарила возможность все изменить? Что ж, очень щедро.

Кем была для него эта женщина? Для этого даже определения нет.

С тех пор, как они впервые расстались, он совершенно иначе на неё взглянул. Она вдруг стала ему неизмеримо дорога, и с тех пор он был рад видеть её всегда, везде, всякой... Она никогда не заявляла на него своих прав, и, наверное, поэтому так хотелось, чтобы заявила. Его дар она усиливала, как свеча усиливает дар путника. С ней он был сильнее и увереннее в себе стократно: может быть, потому, что она неугасимо верила в него. Она до последней щепки вызывала трепет его сердца. Она, не скрывая, обожала его, даже став взрослой, жесткой и циничной (надо думать, у него же и научившись), все равно — обожала, даже если кричала, что ненавидит. С ней было всегда легко и хорошо, во всём. Наверное, это и есть любовь — та, о которой он так мало, скупо и редко ей говорил. А ведь это было единственное, чего она от него действительно хотела.

Вернуть бы все назад...

Но это вообще детский лепет.

Положив покойную на землю, он ещё долго смотрел в её глаза. Их нужно было закрыть, а он никак не мог этого сделать. Это означало, что больше он эти глаза не увидит. И хотя всегда предпочитал принять неизбежное сразу, без колебаний, сейчас не мог. Просто сидел и смотрел в ее мертвые глаза. В голове роились мысли: одна “прекраснее” другой.

Как сообщить детям о смерти их матери, если ему самому уложить такое в голове невозможно? Да у него язык не повернется! Кто теперь будет его лучшим другом, его напарником, его “свечой” и одновременно путницей? А самое главное — как он сам теперь будет жить? И зачем? Зачем?..

Без неё продолжать этот путь совершенно не хочется.

Может быть, взять её на руки, отнести в пещеру, самому лечь рядом и подождать? За

два-три дня либо замёрзнет насмерть, либо от пустоты в голове с ума сойдёт. Но лучше так, чем жить без неё.

По хмурому, обветренному лицу видуна катились слёзы. Он их не вытирал и, казалось, не замечал. Почему-то плакать сейчас было не стыдно. Он даже вопросом таким «стыдно или нет?» сейчас не задавался. Вся его немереная гордость, амбиции, достоинство, всё, чем он закрывался всю жизнь от внешнего мира, вдруг в один миг перестало существовать, рассыпавшись в прах.

Сколько он отдал бы за её жизнь? Всё.

Но этого от него никто не требует, потому что её вернуть нельзя.

Ерунда какая-то. Словно маленький мальчик просит у жизни прощения и обещает так больше не делать. Однако здесь всё по-взрослому. Или же жизнь и Хольга прощали, а он не исправился.

Что ж, раз так, здесь его больше ничто не держит. Он поступит, как решил, уйдет в пещеру вместе с ней, чтоб уже больше никогда оттуда не выйти. И пусть Хольга не повенчала их, так хоть Саший вместе приберет. Не в жизни, так в смерти они будут вместе, назначенные друг другу судьбой, столько раз от неё сбегавшие и наконец навеки неразлучные...

Небо успело потемнеть. Луна и звёзды ярко засияли в вышине. И после оглушительной тишины, вотсарившейся в сумерках, раздалась первая трель соловья.

Она любила соловьёв, как и всё живое в этом жестоком, неправильном мире. Она была оплотом добра, единственным чудом, в которое он верил.

Но почему же тогда Хольга не позволила ей жить?

И тогда он зарыдал. Беззвучно, горько, судорожно. Впервые за много лет. Уткнулся лицом ей в грудь и зарыдал. Его сила, дар, умение — всё сейчас было бесполезно. А это неожиданно помогло...

Лучину спустя, полностью опустошённый, он лежал рядом с ней на прелой прошлогодней листве и смотрел в небеса на яркие весенние звезды. Соловьи надрывались на все голоса. На душе было так же гадко, как и прежде. Но умирать он уже передумал.

Сейчас возьмёт себя в руки, поднимется, подберет её мертвое тело и сядет в седло. Ее нужно похоронить, но не здесь же! Нужно выбрать красивую полянку у реки, вырыть могилку и предать покойную земле. Где она обретёт вечный покой, будет знать только он: ведь она была только его. Он оставит ей её оружие, как и полагается, когда провожаешь на небесные дороги воина. А себе возьмет на память её украшение — ту непонятную штучку, которой она прикрепляла друг к другу свои косы. В память о ней, он будет делать так же, даже если кому-то это и покажется странным.

Сейчас... Ещё немного. Нет сил подняться. Но надо, потому что в этом мире ещё есть те, кто любит его и ждёт, и их нельзя разочаровать. Да и она не похвалила бы за намерение умереть, и труды её на земле стали бы тогда напрасны.

И поэтому ему придётся жить дальше.

===== Часть I Глава 1 =====

— Нет, Альк, я с тобой не поеду, — упрямо твердила Рыска, глядя на свои руки, лежащие на столе. От волнения ей захотелось есть, и им пришлось зайти в столичную кормильню. По дороге планы слегка изменились, и Альк решил, что целесообразнее будет посетить родных, которые в данный момент находятся в столице, точнее, ему очень захотелось это сделать.

Однако Рыска его стремления не поддержала. Уперлась и все утро твердила лишь одно:
— Я не поеду!

— Но почему? — уже бесился Альк. — Сожрут тебя там, что ли?

— Не сожрут, — ответила Рыска. — Но всё равно — не поеду.

Альк выругался по-саврянски. Он уже раз десять на разные лады попытался втолковать строптивнице, что ей будут рады, но та продолжала упрямяться. Хотелось, как в дворцовом саду, закинуть её на плечо и вытащить на улицу. Но даже это, как он понимал, не могло помочь: во-первых, так не делают, а во-вторых, стоит поставить — и не поймает больше.

— И что ты предлагаешь? — спросил он раздражённо.

— Сходи один. Я тебя тут подожду, — просто сказала Рыска.

— А дальше что?

— Я не знаю, — буркнула она.

Если честно, Альк и сам не знал, как её примут, вернее, догадывался, что восторгов ждать бессмысленно. Да и понятно: это для него Рыска — друг, человек, которому он так многим обязан. А для его родных, в особенности для отца? Просто весчанка. Полуграмотная девка. Такая, какой он и сам её увидел два месяца назад.

Альк одернул себя.

Да, она вот такая — весчанка, девка, дура; всё так. Но именно благодаря ей он сейчас жив! И потому его родным, если он, конечно, сам им дорог, тоже придется смириться с её присутствием.

Теперь, когда его уже не раздирали сомнения, страхи и инстинкты крысы, Альк оценил наконец все Рыскины старания. И тянули они не на сто златов, а на нечто гораздо более ценное и серьёзное. И именно поэтому он должен был привести девушку в свой дом и показать родным.

А ещё он сам этого хотел, с одной стороны. С другой же сомневался, будет ли это правильно. Однако следовало признать: отпускать её в никуда он точно не хочет.

Вопрос был только в том, почему он не хочет её отпускать? И ответа на этот вопрос пока не было. Точнее, возникшая у него за последнее время привязанность к Рыске пока не укладывалась в голове. Для этого нужно было пересмотреть всё своё мироощущение, а это трудно.

Просто взять и измениться в один миг, наплевав на всё, чему тебя много лет усиленно учили, не может никто. Для того, чтобы привыкнуть к новым жизненным обстоятельствам, нужны время, размышления, желателен чей-нибудь мудрый и добрый совет. Этого всего пока не было, и потому Альк сомневался.

А ещё ему хотелось домой. До дрожи, до боли хотелось. Он жутко соскучился по своим родным, хотел их увидеть и обнять, особенно маму, упасть перед ней на колени, попросить прощения за всё — это была его мечта, которую он считал уже несбыточной.

И теперь эта мечта, тоже, кстати, благодаря Рыске, стала вполне осуществимой.

— Рысь, ну поехали со мной, — совсем другим тоном, присев рядом с ней за стол, попросил Альк. — Мне очень туда нужно.

— Нет, — в который раз отрезала она.

— Ладно, — сдался он. — Жди меня тут до вечера. Какая ж ты упрямая!

— С кем поведёшься, — ответила Рыска.

Альк лишь покачал головой и обратился к кормильцу по-саврянски, кивнув несколько раз в её сторону. Как она поняла, предупредил его, что девушка остаётся здесь, и велел

поселить её до его прихода. Судя по тому, как кормилец улыбался и кланялся, Алька либо узнали в лицо, либо он представился.

Рыска вздохнула. Интересно, что он сказал?

Она мало что пока понимала, так, в общих чертах.

Кем Альк её представил? Раз сам он господин, то кто же она? Служанка, надо думать. А может... Да, ладно, так же не бывает...

Когда с обедом (после ухода Алька кусок перестал лезть в горло) было покончено, Рыска кое-как донесла до кормильца, что хочет пойти отдохнуть. На самом деле, ей хотелось спрятаться от взглядов, которые бросали на неё гости кормильни и служанка.

Кормилец согнулся чуть ли не пополам (видимо, всё же представили её не служанкой) и лично проводил девушку в отведенную для неё комнату, с сильным акцентом попросив обращаться, если что, и ушёл.

Рыска покивала из вежливости, твердо решив не обращаться совсем и даже никуда не выходить до прихода Алька. Увидев своё временное пристанище, девушка на миг открыла рот от удивления. Похоже, Альк сказал хозяину какие-то волшебные слова, потому что такая комната, на её взгляд, предназначалась не иначе как для тсаревны. Во всяком случае, точно не для служанки.

Пол покрывал алый с чёрным ковер, на окнах висели в тон ему занавески, сама комната была просторной и уютной, с большой кроватью, двумя креслами, маленьким столиком и комодом. А в смежном небольшом помещении обнаружилась ещё и ванна, которую две лучины спустя слуги набрали и без её просьбы.

Что ж, по крайней мере, Альк относится к ней как к равной, подумала Рыска, раз распорядился поселить её в такую комнату.

И тут впервые возник вопрос; а кто она ему? Почему он взял ее с собой? Зачем так настаивал сегодня на том, чтобы она посетила его дом? Ведь ему теперь нечего бояться: крысой он больше не станет.

Раздевшись и погрузившись в теплую воду, Рыска долго обдумывала ответы на эти и другие вопросы.

Зачем это всё? Что он имел в виду? Скорее всего, это просто благодарность, но что-то чересчур обильная. На Алька это непохоже. Он явно не из тех, кто способен заплатить за что-либо больше, чем положено под влиянием момента.

Неужели... Да нет же, так не бывает.

Что именно «не бывает», Рыска боялась не то что произнести, а даже подумать.

Вымывшись, девушка постирала свои вещи, подсушила волосы и блаженно улеглась на огромную по её меркам кровать. Недоумевать по поводу слишком уж комфортных условий ей надоело. Лучше и полезней было ими насладиться по полной, что она и сделала.

Сон, да ещё такой глубокий и крепкий, сморил её за пару щепок: она очень устала.

*

Как чувствуешь себя, возвращаясь в родной дом после долгого отсутствия? О, это передать словами невозможно!

Сердце бьётся, готовое выпрыгнуть из груди, а в голове стучит: «А как примут? Обрадуются ли? Может быть, обижены настолько, что не простят?»

И тут же понимаешь: конечно, обрадуются и, конечно, простят! Уже простили. Ведь сам на их месте давно простил бы и, вообще, с ума сошёл бы от счастья.

Хотя виноватым себя он и не чувствовал, Альк понимал, что с точки зрения своих родственников совершил серьёзный проступок, и дело даже не в Пристани. Дело в том, что он ушёл, не попрощавшись. Просто исчез в неизвестном направлении и не давал о себе знать Саший знает сколько времени.

Да, вот это он зря. Можно было написать хотя бы матери, чтобы не волновалась. Или сестре: она как раз-таки говорила тогда в его поддержку и даже предлагала ему немного денег на дорогу. Или младшему брату: тот всегда восхищался им!

Альк вздохнул, в нерешительности остановившись у калитки. Что сделано, то сделано. Даже путник не в силах изменить прошлое, даже Хольга, а значит, нечего об этом думать.

Родные обижены? Жаль. Но всё равно будут ему рады, рады до безумия: это неоспоримый факт! Они уже ждут. Он должен идти.

Твердой рукой Альк распахнул незапертую калитку, быстро прошёл через двор, поднялся по широкой каменной лестнице крыльца...

Многое в жизни теперь не так, как было до его ухода из дома. И он для них для всех — не тот, что прежде. И вообще, дважды не войдешь в одну реку... Но, как он сам неоднократно утверждал, можно войти в другую!

Стоило Альку оказаться в холле особняка, как ему навстречу тут же выскочила престарелая ринтарка, его няня. Сначала женщина грозно сдвинула брови: кто это так обнаглел, что даже не постучался?.. А потом замерла на месте, зажав руками рот. Из глаз ее хлынули слёзы. Она узнала его, узнала! За мгновение поняла: нет, не мальчик, даже не юноша, но это — он!..

— Нянюшка... — глухо произнес Альк и сделал шаг ей навстречу.

— Алечка! Живой! Сыночек мой! — прорыдала женщина и бросилась к своему подростку дитятке.

Альк, не помня себя от счастья, обнял её, на миг закрыв глаза. Как в детстве...

А по лестнице уже спешили к нему домочадцы: сестра, ни разу не видевшие его племянники, брат, слуги... Значит, не такое уж он дерьмо, раз ему тут так рады!

Они налетели на него стайей испуганных птиц и все сразу бросились обнимать. Кто-то плакал, кто-то что-то говорил. А он просто потерялся... Стоял, чувствуя себя словно во хмелю, и молчал. Сказать, что он был счастлив? Нет, это значит, ничего не сказать!

И в какой-то момент пришло осознание: это всё благодаря ей, той, что с ним не поехала. Как бы она была сейчас рада видеть всё это и разделить с ним вселенское ликование! Ведь она всегда радовалась за него больше, чем за себя, и переживала за него тоже больше...

И Альк понял, что ему не хватает Рыски. Захотелось немедленно ее обнять, хотя раньше ничего такого он не делал, за исключением той их горячей встречи после наводнения. Стало невероятно жаль, что девушка сейчас так далеко. И как он только позволил ей остаться в кормильне? Нет, вот прямо сейчас, как только схлынет эта лавина, он всё им расскажет и поедет за Рыской. Неважно, кто она: она ему нужна! И поэтому он сегодня же привезет её сюда, пусть хоть и правда на плече или поперек седла.

Да нет, конечно, не так!

Он прикажет подать карету, одолжит платье у сестры — пусть все видят, что его Рыска красивая, и, что бы там они все не сказали, предложит ей стать его женой.

А по поводу её манер... Можно же нанять учителей, самых лучших, привести ее в соответствие с их положением. Она схватывает всё на лету, она быстро всему научится! Но

это вторично! Это потом. А сначала...

На последней ступеньке лестницы, ведущей на второй этаж, стоял отец и горько улыбался, глядя на повзрослевшего сына.

Альк взглянул на него: с достоинством, но уже без гордыни, и вдруг понял насколько отец рад. И неважно ему, что его сын вернулся не тем и не так, как обещал. Оказалось, главное здесь то, что вернулся живым...

И потому Альку совсем не стыдно было за сказанные далее слова, неожиданные даже для самого себя:

— Прости, отец...

Господин посол усмехнулся:

— Да ладно... — только и сказал он.

И всё...

Они помолчали под испытующими взглядами окружающих, а потом Альк спросил:

— А где мама?

— В замке, — тихо ответил отец. — Её удар хватит, — добавил он.

— Я завтра поеду к ней.

— Я с тобой, — кивнув, согласился отец.

— Мы все поедem к маме, — сестра улыбнулась, не отпуская руку Алька. — Иди, братец, отдохни, приведи себя в порядок, — добавила она. — Все остальное — завтра!

Отец и сын, словно никого не замечая, продолжали смотреть только друг на друга.

— Сначала мне нужно поговорить с тобой, отец, — сказал Альк.

«Лучше будет сразу расставить все точки над “i”», — подумал он.

— Хорошо, я буду ждать тебя у себя в кабинете, — произнес господин Хаскиль. — Иди, тебе и правда следует переодеться и умыться.

— Что, на бродягу похож? — не удержавшись, спросил Альк.

— Зачем подтверждать очевидное? — пожал плечами посол и развернулся, чтобы уйти. — Я тебя жду, — бросил он через плечо.

Как же хорошо оказалось дома! Как приятно было, расслабившись, лежать по шею в тёплой ароматной воде. Даже в сон потянуло! Но Альк взял себя в руки: успеет он выспаться, потом, когда Рыска будет рядом. Когда отец будет всё знать...

Как здорово оказалось снова надеть привычную с детства одежду, красивую и дорогую, подчёркивающую все его достоинства. Как трогательно няня заботилась о том, чтобы ее любимый воспитанник поскорее стал красивым!

Сестра, постучавшись, вошла в его комнату, снова обняла. Глаза её сияли.

— Ты как? — доверительно спросила она.

— Все хорошо, — Альк тоже её обнял.

Надо бы поговорить с ней хоть немного, но он думал совершенно о другом.

— Слушай, Камилла, — обратился он к сестре, — а не могла бы ты дать мне на время свое платье? Любое.

— Зачем тебе? — удивилась она.

Альк вкратце рассказал ей о Рыске, и чем больше она узнавала, тем более хмурой становилась.

— Ты уверен? — наконец спросила она.

Альк вздохнул.

Нет, он был не уверен. Не уверен, что отец придёт от всего этого в восторг. Не уверен,

что Рыска со всем согласится. Да и в себе самом на этот счет — не уверен... Но кое-что он осознавал чётко, так, словно это было где-то прописано: если он сейчас отпустит Рыску, он будет жалеть об этом, возможно, всю свою жизнь.

— Я уверен, — ответил он сестре. — Дай своё платье, Камилла!

Сестра со вздохом покачала головой. Что ж, его всё равно не переубедишь, раз он решил.

— Хорошо, пошли ко мне, — произнесла она, направляясь к двери. — Только я немного поправилась после родов, — добавила она уже на лестнице, — поэтому платье дам с корсетом, чтобы не оказалось велико. Сам затянешь по размеру. Помнишь, как это делается?

— Даже помню, как снимается!

— Дурак! — Камилла шутливо хлопнула его по плечу.

Альк лишь хмыкнул в ответ.

— Шпильки, ленты, заколки всякие нужны? Волосы у нее длинные?

— Очень.

— Может, мне с тобой поехать? Приведем девушку в достойное состояние, — предложила Камилла, — отец меньше возмущаться будет.

Альк отмахнулся.

— Поверь, это ни коим образом делу не поможет. Да к тому же... Нам с ней надо ещё наедине немного пообщаться. Ты дай всё, что обещала. Я сам справлюсь.

Они как раз дошли до комнаты Камиллы, и сестра сама, без помощи служанки, собрала в сумку вещи.

— Попроси в кормильне, пусть там кто-нибудь отутюжит. А впрочем, как хочешь, — безнадежно произнесла она. Потом снова вздохнула и буквально взмолилась:

— Давай поеду с тобой! У меня сердце почему-то не на месте! Обещаю: какая б она ни была, слова не скажу. Тебе хороша — и ладно.

— Нет, я сказал, — повторил Альк, нахмурившись.

Они немного помолчали.

— Волнуешься? — угадала сестра.

— Есть немного, — отвернувшись, признался Альк.

Ей он не врал. Да и бесполезно это было: Камилла с детства его знала. С ней у него отношения сложились намного более доверительные, чем с братьями, может быть, потому, что их разделяло каких-то три года, а братья были один на десять лет старше, а другой на семь лет младше Алька.

— Ладно, надеюсь, все будет хорошо, — улыбнулась сестра. — Ты сейчас ему скажешь?

— Сейчас.

— Ну, желаю удачи. — Она проводила брата до отцовского кабинета, поцеловала в щеку и ушла.

Когда Альк вошел в кабинет, отец поднялся ему навстречу. Три щепки они смотрели друг на друга, а потом, не видя больше для этого препятствий, обнялись. А затем уселись, продолжая смотреть, отец — за стол, а Альк на диван напротив него.

Из всех своих сыновей господин Хаскиль любил Алька больше других и давно относился к нему как к равному, к тихой зависти остальных.

— Я рад, что ты жив, сын, — наконец произнес посол.

— А я рад вернуться домой и очень рад видеть тебя в добром здравии, — ответил Альк.

— Теперь ты всё понял, Альк? — спросил отец.

Альк улыбнулся.

Не то, что семь лет, — ещё месяц назад он взвился бы от таких слов. Но не сейчас.

Сейчас в жизни всё было по-другому. И потому, наверное, он произнёс:

— Да, отец. Всё понял. Не то, что ты думаешь, но понял, — он сделал паузу, глядя на отца и продолжал. — Я понял, что заставил близких мне людей страдать. Понял, что дороже вас всех в моей жизни ничего не может быть. Понял, что если не увижу вас, то сойду с ума.

— А твой поступок? Уход в Пристань?

— Об этом я не жалею, — Альк улыбнулся снова. — Мне просто немного не повезло...

— Немного? — перебил его отец. — Я уже всё знаю! Ты был крысой!

Альк глубоко и счастливо вздохнул. Надо же, теперь это вспоминалось как страшный сон, канувший в никуда с рассветом.

— Как такое получилось? И как ты смог спастись? — спросил посол.

Альк начал свой рассказ, в душе радуясь. Хорошо, что отец сам спросил об этом. Легче будет повернуть с этого разговора на тот, о Рыске. Тем более, что посла крайне заинтересовала спасительница сына.

— А где эта девушка? — спросил он, когда Альк изложил все факты.

— В кормильне, тут, недалеко, — ответил Альк, — ждёт меня, — он на миг опустил глаза, собираясь с мыслями, а потом резко вскинул голову, с вызовом посмотрев на отца. — Сто златов — это мало, — сказал он.

— Ну, дай больше, если считаешь, что так будет правильно, — весьма равнодушно пожал плечами отец.

— Не в этом дело.

— А в чем?

— Я хочу на ней жениться, — твердо сказал Альк.

Ни в лице, ни в позе господина Хаскиля ничего не изменилось. Лишь улыбка стала шире.

— Так почему же тогда ты оставил ее одну? — только и спросил он.

— Отец, ты понял, что я сказал? Я собираюсь жениться на весчанке, ринтарской полукровке!

Господин Хаскиль развел руками.

— Я прекрасно тебя понял, сын, — подтвердил он. — Не понял лишь одного: почему она ещё не здесь?

Вот тут Альк сильно удивился. Любой реакции на свои слова он ожидал от отца, кроме этой. Опешив, он задал глупый вопрос:

— И что мне делать?

— Как это — что? Немедленно езжай за ней! — взвился отец. — Я велю подать карету, — он позвонил в колокольчик.

Тут же в дверь постучал слуга.

— Да, войди, — велел посол, — срочно заложить карету. Самую лучшую! — словно прочитав мысли сына, добавил он. — Ну ты даешь! — обращаясь к Альку, возмутился господин Хаскиль, когда слуга покинул кабинет, — девушка тебя ждёт, а ты тут сидишь, беседы ведёшь! Разве так мы тебя воспитывали? Езжай, и чтоб через две лучины были здесь, оба!

Альк был удивлён так, что на мгновение онемел и прирос к месту. Нет, что родные обрадуются ему, он не сомневался, но чтобы отец так реагировал на его решение жениться

на весчанке? Да такого он себе и представить не мог, а потому приготовился спорить, ругаться, снова уйти и даже поссориться с отцом — теперь уже навсегда. Но чтоб такое! Видно, подумал Альк, и правда испереживался.

— Что сидишь? — почти рывкнул отец, — Быстро встал и пошёл!

Альк, не успев подумать и всё ещё пребывая в шоке от неожиданности, вскочил, дошёл до двери.

— Хотя нет, подожди, — вдруг остановил сына посол. — За это надо выпить! — сказал он и почти сразу протянул Альку полный бокал коньяка, заморского сверхдорогого алкогольного напитка, которым обычно никогда и ни с кем не делился.

— Может, не надо? — засомневался Альк.

— Ещё как надо! Не каждый день в жизни такие события! Сын живой возвращается, да ещё и с невестой — и это после стольких лет неизвестности! Присядь, карета всё равно пока не готова.

Если бы Альк немного подумал, то не смог бы припомнить себя таким послушным, как сегодня, за всю свою жизнь. Но ему было не до того. И потому он покорно присел на диван, сделав первый глоток. Зря, вскользь подумал он, не хотелось бы в такой день дышать на Рыску перегаром.

Но ему вдруг стало совсем хорошо и спокойно. Так бывает, когда переживания долгих дней вдруг отпускают. Старый диван в кабинете отца показался невероятно мягким и удобным, свежие цветы в вазе на письменном столе — красивыми, а сам отец — кем-то вроде бога, вершителя судеб, пославшего ему, наконец, счастье и удачу.

«Вот сейчас, — подумал Альк, — допью и поеду за Рыской. Обниму её и на руках донесу до кареты. Саший с ним, с платьем! Здесь приведёт себя в порядок, Камила поможет. А завтра к маме поедем... О, Хольга, как же хорошо!»

Альк допил коньяк залпом, и отец тут же услужливо наполнил его бокал снова. А сам присел рядом, похлопал сына по плечу, с улыбкой чокнулся с ним своим бокалом... Что коньяк какой-то другой на вкус, Альк подумать успел. И как пить начал, помнил. А вот как закончил — уже нет...

Четверть лучины спустя господин посол молча, без помощи служанки, убрал во встроенный в стену сейф две бутылки и бокалы на высоких тонких ножках. В одной бутылке действительно был коньяк. В другой — тоже, но с одной маленькой поправкой: в нём было растворено снотворное.

Расчет посла был верен: сын устал с дороги, наверняка ничего не ел, как обычно с ним бывало от переживаний. Пожалуй, тут и обычного вина хватило бы вполне, но господин Хаскиль решил перестраховаться.

Пусть теперь Альк поспит спокойно, а девица в кормильне помечет икру. К утру, а раньше он не проснется, она с ума там будет сходить. И тогда...

В принципе, у посла уже был план, оставалось лишь додумать детали. Подойдя к дивану, он остановился и посмотрел на спящего Алька.

Повзрослел! Возмужал. Немало, видно, пережил, вон, на лице все написано. Ну что ж тем лучше. Быстрее всё поймёт... На весчанке жениться собрался, ишь ты!

Конечно, радости посла при виде живого и здорового сына не было предела, но не настолько, чтобы позволить ему ТАКОЕ. Он и так много «хорошего» семье принёс. Сколько седых волос они с женой из-за него нажили — не счесть. А тут ещё добавить решил? Нет уж, сын, лучше спи. Молодой здоровый организм такое количества снотворного,

пусть и вместе с алкоголем, надолго, конечно, не остановит, но к утру всё уже будет готово.

Когда там весчане встают? На рассвете? Отлично, рано утром он лично вручит ей златы и проводит на все четыре стороны. Не сто, пусть возьмёт, предположим, двести, да хоть и триста. В конце концов, заслужила, спасла парня от смерти, себя не пожалела. За это не жалко; пусть купит себе дом и коров, как мечтала, с братом своим поделится. Пусть делает, что хочет, лишь бы ушла до прихода Алька. Этого будет вполне достаточно, чтобы гордый Альк обиделся и искать её не стал, а с него сбудется. Что сплести для девчонки, посол решит на месте. Судя по тому, что сын о ней рассказал, и простого «он не придёт» хватит.

Куда она пойдёт? Это уже не его проблема. А его проблема теперь при нем, и уж он всеми силами постарается эту проблему усмирить. Не так, как раньше, — есть и другие способы.

Посол вздохнул, поднял с пола одну из свесившихся белых кос, бережно уложил так, чтобы больше не падала. Полюбовался на сына ещё... Красавец стал!

Такое сокровище — и отдать весчанке? Жирно ей будет, подавится. Его сыну любая в пару подойдет, хоть какая. Хоть та же тсаревна, — эх, жаль, уже занята. А могло бы неплохо получиться, между прочим...

А если девчонка не уйдёт? Такой вариант посол тоже рассматривал.

Что ж, у него и на этот случай есть план, хотя это будет сложнее. Но лучше убрать её с дороги как можно скорее. Может быть, прямо сейчас? Да нет, преждевременно. Пусть настоится, как следует разозлится, изведёт себя. На такое состояние проще наложится хоть какое известие. А помноженные на деньги обида и злость мигом сделают своё дело. Фыркнет и уйдёт как миленькая. В идеальном варианте и деньги не возьмёт.

Главное сейчас — спокойствие, подумал господин Хаскиль, выходя во двор. Один раз он с Альком уже ошибся. Не надо было орать, обещать лишить наследства: это сына только подстегнуло, потянуло что-то доказывать. Но тогда отец был рассержен, растерян; отчаяние и злость затмили разум. Он поступил недипломатично: это недопустимо для посла (хотя в делах политики он подобного никогда не допускал). Вот и сейчас не стоит передергивать. Как говорят весчане: на эти грабли он больше не наступит, будет терпелив, и это приведёт к успеху.

Слуга распахнул перед послом дверцу кареты, но господин Хаскиль покачал головой.

— Нет, я никуда не еду. Распрягай, — приказал он.

Слуга поклонился, и, недоумевая, почему хозяин сам вышел во двор, а не вызвал его, пожал плечами и приступил к тому, что ему было велено.

— Перед рассветом — запряженную корову к заднему крыльцу, — через плечо бросил господин посол, и, услышав «слушаюсь», вернулся в дом.

Камилла повстречалась ему в коридоре.

— Где Альк, папа? — спросила она.

— Уснул, — с улыбкой произнес отец. — Он очень устал, дорогая, пусть отдохнет.

— Он... сказал тебе?.. — робко спросила дочь.

— О своей будущей жене? Да, конечно!

— И... ты не против? — удивилась она.

— Нисколько, Камилла! — отец посмотрел на неё чистыми и добрыми глазами. — Альк уже взрослый, ему самому решать, с кем он проживёт свою жизнь.

— Может быть, тогда давай мы с тобой заберём домой девушку? Сделаем Альку сюрприз, — предложила она, похолодев изнутри.

Камилла была старше Алька и пусть не носила дар, зато женское чутье верно подсказывало ей: есть подвох. Но какой, понять она не могла. Почему-то вдруг показалось, что если девушка будет здесь, дурного не случится.

Но отец неожиданно возразил:

— Я бы с удовольствием, доченька, но по-моему, у него какие-то по этому поводу сомнения. Давай не будем вмешиваться, пусть он сам во всем разберется, — и снова улыбнулся, так искренне и тепло, что Камиллу пробрал озноб. Точно, поняла она, отец что-то задумал.

И ей до жути захотелось вмешаться. Она решила было тихо послать служанку, якобы в лавку за нитками для рукоделия, а на самом деле — в кормильню за Рыской. Или хоть самой туда добраться... Но тут ей вспомнилась тень сомнения на лице брата. Ведь он сомневался, тут ошибки быть не может!

Вздыхнув, она махнула рукой: “Может, отец и прав...” И решила не лезть в жизнь брата.

Господин Хаскиль вернулся в кабинет, уселся за стол, разложил бумаги. Сегодня он с утра велел слуге разворачивать всех посетителей. Прямо как знал, что этот день особенный!

Ещё раз посмотрел на сына, сравнил с отражением в зеркале. С удовольствием отметил — вылитый! Со временем от глупостей отучится, станет ещё более похожим. Амбиций станет поменьше, ума побольше. А что дар есть — так это и вовсе прекрасно: его будет почти невозможно обмануть. Как политику, цены ему не будет. Да и вообще...

Посол хотел еще выпить, да побоялся сглазить. Завтра выпьет, вместе с Альком. Когда след этой девки простынет...

Самодовольно улыбнувшись, господин посол откинулся в кресле. Он и в самом деле был похож на одного известного всем бога — на Сашия.

*

Ему показалось — щепка прошла. Оказалось, не меньше, а то и больше десяти лучин пролетело с тех пор, как он решил на мгновение закрыть глаза, чтоб отдохнули. В общем, когда Альк проснулся на диване в кабинете отца, за окном было совсем темно.

Сначала он не мог понять, где находится, но мысль вырвалась откуда-то из подсознания. Так бывает, когда человек со сна не может сообразить, что произошло, но помнит, что ничего хорошего.

— Рыска! — вспомнил Альк и вскочил.

Не так-то это просто оказалось. Он, видимо, спал как убитый: рухнул и даже ни разу не пошевелился, поэтому у него одеревенела каждая мышца, да ещё и в голове шумело. Сам виноват. Зачем было пить на голодный желудок? Правда, ему всегда казалось, что два бокала крепкого алкоголя для него не доза, но, видимо, усталость и натянутые до предела нервы сделали свое дело.

Альк немного постоял на месте, размялся, сообразил, что делать. Судя по тишине, весь дом спал. Он подёргал дверь. Похоже, что отец запер её на ключ снаружи по привычке. Ничего удивительного, в кабинете горы важных документов. Но надо, тем не менее, отсюда выбираться.

Можно, конечно, постучать и покричать, но тогда весь дом встанет на уши. Его, конечно, выпустят, но от распросов на тему «куда он собрался один после полуночи», а также советчиков и помощников отделаться будет невозможно. Лучше уж вылезти в окно,

тем более, что в детстве и юности он не раз так делал, опыт есть, не помешает и темнота.

Недолго думая, Альк осуществил свой план: и пары щепок не прошло, как он оказался во дворе. Одна мысль неотступно терзала его ещё до конца не проснувшийся и слегка затуманенный алкоголем (да и снотворным) рассудок: “Как там Рыска? Не дай Хольга, обиделась за задержку и ушла! Вот этого он себе не простит”.

То ли со сна, то ли с похмелья, то ли от отцовских слов он ощутил вдруг острую тоску по ней. И сомнения, вроде, развеялись: да, он хочет на ней жениться!

Да ещё и новое открытие прибавилось: они, оказывается, ни разу не расставались, во всяком случае, надолго, с тех пор, как она подобрала его возле трупа нетопыря, если, конечно, не считать тот случай с разбойниками. Но тогда он был так зол, что ничего кроме своей злости не замечал. Все остальное время они даже спали рядышком, так или иначе. Всегда находилась причина, чтобы лечь поближе друг к другу. И несмотря на всю свою стеснительность, Рыска ни разу его не прогнала, а то и сама мостилась поближе. Что-то ведь это значит? Да конечно! То самое и значит!

Альк легко перемахнул кованую ограду, увитую плющом, и направился к кормильне, где оставил Рыску. Ничего, прогуляется пешком, тут недалеко, лучину идти, не больше. Заодно и проветрится немного, а то в голове туман какой-то. Вот тебе и дорогой алкоголь, запасами которого отец так гордится! Ничуть не лучше, а то и хуже дешёвого весчанского самогона, что по вкусу, что по последствиям. Поэтому прогулка пойдёт на пользу, а небольшой дождик только кстати.

Неплохо, конечно, в зеркало на себя где-нибудь посмотреть, а то как вскочил, так и пошёл, весь помятый. На голове, скорее всего, Саший знает что! Нет, конечно, Рыска и не таким его видела: и грязным, и мокрым, и в кровище, и пьяным с бабами, и даже крысой. Но сегодня-то случай исключительный! Не каждый день девушке предложение делаешь...

Альк на щепку остановился и снова задал себе тот вопрос: “уверен или нет?” И ответил: “уверен”. Если кто и достоин стать супругой господина Хаскиля, так только та, которой этот самый господин обязан жизнью. И вообще, тут все дороги ведут в одну точку: ему ведь никогда не нравились столичные красотки, воняющие своими духами так, словно в них не то, что искупались, а еще и пьют их не менее трех раз в день и стирают в них же всю одежду. Вот и выход! Весчанки, конечно, ему тоже не нравились, но они, по крайней мере, намного честнее. Тем более, он ведь всегда стремился к неординарности? Вот и неординарность. Черноволосая такая, зеленоглазая, похоже, по уши в него влюблённая, хоть и не признаётся...

Альк вздохнул. Он всё же не был уверен в правильности своего решения... Но, тем не менее, пошёл дальше, на ходу расплетая свои косы и разбирая пальцами спутавшиеся пряди. Пусть лучше так будет. А что делать, он на месте решит.

Да, решишь тут... Может, нужно ещё подумать?

Ох, как же это всё оказалось непросто!.. Он даже не предполагал, как трудно определиться: стоит жениться или нет? Вроде и без неё оставаться не хочется, и вместе непонятно что будет. Дар, как назло, выдает пятьдесят на пятьдесят. Да и чисто логически: все за и против — пополам.

Вспомнился рассказ деда о древнем роде воинов, непобедимых, сильных, практически неубиваемых. Если они шли в бой в арьергарде, за спинами других, враги, видя их, в ужасе обращались в бегство, ибо победить их даже не рассчитывали, предпочитая хотя бы шкуру свою сберечь. Один такой воин стоил нескольких сотен, десяток вполне побеждал всю

вражескую армию. И всем те воины были хороши, кроме одного: как только завершалась война, начинали они пить, гулять, непотребством заниматься, девок портить, свои же деревни жечь. И так расходились, что люди уже просто мечтать начинали о войне. В общем, к мирной жизни те воины были совершенно не приспособлены.

Что там с ними было, куда они делись — неизвестно. Кажется, собрались люди и попросили героев грузиться на корабль и уплывать далеко и навсегда.

Где тут правда, где ложь — неизвестно, но, похоже, прародитель Хаскилей точно был из того знаменитого рода. Во всяком случае, Альк чувствовал в себе такое начало, всегда. Так было и раньше, наверное, потому и решил стать путником. Так происходило и сейчас: беда осталась позади, и снова потянуло на приключения. Женитьба не вписывалась в эту картину ни с какого бока.

И Саший знает, что делать? Может, это уродство какое-то моральное? Или умом слегка тронулся, побыв «свечой»? Разве может такое быть: чтоб одновременно хотеть чего-то и не хотеть?

Уже подходя к кормильне, Альк нашёл, наконец, решение. Рыска была с ним честной? Что ж, он ответит ей тем же. Пусть ей будет больно от его слов. Но лучше уж от слов...

*

Рыска проснулась ближе к ночи, в сумерках.

Одинокество было таким непривычным и неприятным, что это ощущалось физически. Она отчаянно скучала по людям, с которыми провела эти месяцы, особенно, как ни странно, по Альку. Присутствие крысы до того радовало, что вспомнив свою нелюбовь к этим зверькам, Рыска лишь усмехнулась. Так немного времени с тех пор прошло... А такое ощущение, что всё это было в прошлой жизни.

— Сейчас Альк придёт! — бодро произнесла она, чтобы услышать хоть какой-нибудь голос, а заодно убедить себя в этом.

Затем девушка встала и оделась. Кормилец словно под дверью ждал: почти тут же принес ей ужин прямо в комнату. Есть не хотелось совершенно, но девушка заставила себя это сделать, однако стало только хуже. За окном совсем стемнело. Пришлось зажечь лампу.

Рыска села в кресло, но чувствовала себя как на иголках. Сердце билось в груди так, будто хотело выскочить из нее. Насильно проглоченный ужин настойчиво просился обратно. Сначала она бегала к окну чтобы посмотреть, не идёт ли Альк, каждую лучину, потом каждые поллучины, потом каждые десять щепок. В конце концов, уселась на подоконник и стала неотрывно следить за улицей, благо окно выходило на кусок дороги перед крыльцом кормильни.

Время шло. Шум в зале для гостей стих, а потом и вовсе прекратился. С улицы исчезли люди: даже шлюх и пьяниц не осталось. Город погрузился в сонную тишину. Судя по всему, перевалило за полночь. Какие только мысли не одолевали бедную девушку! И хотя об опасности среди прочего она тоже думала, первейшее, что пришло ей на ум — это то, что Альк бросил её здесь, в сердце чужой и враждебной для неё страны, без денег и какой-либо возможности вернуться домой. А когда она подумала, что теперь ещё и за кормильню должна, Рыске совсем поплохело.

Подведя итог своим мытарствам, она чуть не заплакала. Отлично получалось: денег нет, дара, с которым можно было хоть рассчитывать на заработок — тоже. Корова — и та чужая.

И ведь Альк звал с собой, он её не бросал! Она сама отказалась, дура! Вот поехала бы с ним — была бы уже при деньгах. Тугой, звенящий кошель был бы сейчас весьма кстати. И что там Альк сказал кормильцу? Может, «вгоните её в долги и продайте в курятник»?

Вздыхнув, Рыска откинулась назад, облокотившись об откос окна. Да нет же, нет... И не об этом она переживает.

За долги, в конце концов, можно оставить и корову, на которой она приехала. Не своя, ну и ладно. Хватит в честность играть. Ничего хорошего из этого не выходит. Оставить корову, да ещё и разницу потребовать. Да, потребовать! На неё и добраться до дома, а там она не пропадёт, ибо дом есть дом...

Беспокоило её не это, а кое-что другое, куда более серьёзное. Альк не такой, он её не бросит. На такую подлость, насколько она успела понять, он неспособен. Он, конечно, зловредный и циничный, но при этом честный и благородный. Во всяком случае, с тем, с кем прошел огонь и воду. Он несомненно придёт, теперь, скорее всего, утром, так что не стоит его сейчас ждать... Лучше лечь и попытаться снова уснуть. Наверное, завтра придется ехать. Нужно набраться перед этим сил.

На самом деле девушку пугало то, что будет после расчёта. Вот он отдаст ей деньги, — и что? Уйдёт навсегда?

Нет, конечно, она может поселиться и в Саврии, дружить с ним... И снова — что? В гости друг к другу ходить? О погоде и неурожае беседовать? Да это просто смешно, даже если не так утрировано. Не того уровня у них отношения. Не получится никакой дружбы, сколько другом его не называй.

После расчёта либо всё... Либо уже ничего. Либо они вместе идут по жизни, либо расстанутся навсегда, третьего не дано, и, к сожалению, второе намного вероятнее первого.

Рыска наконец-то смогла честно себе ответить: ей не нужны никакие деньги. И не за ними она поехала с Альком. Она просто не хотела с ним расставаться. Он не просто нужен ей, а необходим как воздух. Вот такой, какой он есть, нужен и всё. Только он, а не всё, что к нему прилагается. Нет, она не боится, что не подходит ему. Да, ей наплевать, что скажет его родня.

И ломать себе голову “что да как?” она не собирается. Вот он придёт, она сама его обо всём спросит. И если ему и в голову такое не приходило, возьмет пару златов (до дома доехать хватит) и уйдёт. И забудет обо всём, как о страшном сне. А уж если она верно догадалась, и у него к ней что-то есть, тогда... Тогда ничего не будет. Она просто умрёт от радости на месте — и всё.

Рыска вздохнула. Размечталась она что-то. Скорее всего, ей показалось. Не может такому, как Альк, понравиться такая, как она.

Поднявшись с подоконника, девушка вернулась на кровать и легла, заложив руки за голову. Мысли снова вернулись в отправную точку.

Нет, она не ошибается на счет него, он определённо к ней равнодушен. Но, похоже, и сам себе в этом не признается. И как с этим бороться — неизвестно. Почему у мужчин это так сложно? Вот если б он её спросил, как она относится к нему, она бы ответила...

Одну щепочку, а что бы она ответила? Как это называется? Что с ней происходит? По сути понятно, а поименовать это состояние, наверное, язык не повернётся. Как странно: ей постоянно хочется видеть его, а стоит ему подойти близко, она вздрагивает, как от страха. И ещё такое ощущение в низу живота, словно жжёт что-то. И ещё дышать тяжело становится. И сердце как бешеное бьётся. И голова кружится.

А ещё с той самой ночи в Лосиных Ямах, когда она в кормильне сказку рассказывала, она стала думать о его волосах. Момент, когда она попеняла Альку, что служанка плела ему косу, а он взял да и предложил ей тоже поплести, Рыска прокручивала в голове на разные лады раз, наверное, тысячу, ругая себя, что отказалась. Если б ещё раз предложил, она бы точно согласилась, взяла бы гребень, расчесала белые пряди, ох... Аж руки затряслись!

Неужели она всё-таки ошиблась? Ну не может быть, чтоб показалось! Только бы он поскорей вернулся! Какие там деньги: она бы и жизнь за него отдала.

Дверь открылась так внезапно, словно тот, кто за ней стоял, возник прямо из воздуха. Рыска, едва успевшая задремать, тут же подскочила и села на кровати. Сон улетучился так внезапно, словно его и не было.

— Ты меня ждала? — опустив все глупые вопросы из области «спишь — не спишь», спросил Альк.

— Ещё чего! Я сплю, — с вызовом ответила девушка.

По-другому с ним нельзя, много на себя брать начнёт. Лучше общаться с ним в его же манере. А так хочется броситься к нему и обнять, излить схлынувшее напряжение и беспокойство.

— Знаю ведь, что ждала, — уверенно возразил Альк. — Ну извини, задержался.

Рыска разозлилась. Вот ведь везёт ему! У него-то дар на месте. Все знает, ничего не скроешь. Ну и ладно.

Альк закрыл за собой дверь, прошёл, не разуваясь, по ковру, встал возле окна, глядя на улицу. Рыска присмотрелась к нему и обмерла. Таким она его никогда не видела. В дорогой одежде, с распущенными волосами он был ослепителен. От него даже пахло по-другому: богатым домом. Как будто он — и в то же время не он. Да еще и молчит... Но в руках ничего нет, денег он не принёс, и это может значить...

— Рыска, — со вздохом начал Альк, — я не думал, что спрошу такое... — он помолчал, не глядя на нее, как будто собираясь с мыслями. — Скажи, почему ты здесь?

— Как это — почему? Ты же сам меня сюда привёз! — разозлилась она. — Нормально, я его тут жду, а он такие вопросы...

— Я не об этом, — перебил ее Альк. — Меня интересует, почему ты со мной поехала? Неужели, только из-за денег?

Рыска опустила глаза.

— Я уже и не знаю, — уронила она. — Наверное, нет...

— А почему тогда?

— Альк, чего ты добиваешься? Что ты хочешь услышать? — не своим голосом выдавила девушка, по-прежнему не поднимая глаз и залившись краской до ушей. Да, а размышлять в его отсутствие, что и как она ему скажет, было легче, чем собственно сказать.

— Хочу услышать, кто я для тебя, — спокойно спросил Альк.

— Ты мой друг, — пролепетала Рыска, почти не услышав себя. Кровь стучала в висках как сумасшедшая, даже мыслей собственных было не разобрать, не то, что голоса.

— И всё? — разочарованно переспросил саврянин.

— Я не знаю, — прошептала девушка, совсем поникнув.

Было видно, что ещё немного — и она заплачет. Ещё одно его слово в таком же ключе, и так бы оно и было. Но Альк вдруг посмотрел на нее, и Рыска, почувствовав его взгляд, тоже подняла свои глаза.

— Я тут подумал... Наверное, нам не надо расставаться... — сказал он. И Рыска чуть

замертво не упала. Но отдышалась и смогла спросить:

— И... что?

— Я и сам не знаю, — уронил Альк. — Я вообще в первый раз предлагаю девушке остаться со мной... Не думал, что это так тяжело.

— А ты предлагаешь?

— Предлагаю, — с невероятной грустью произнёс он. — Но что из этого выйдет, не понимаю.

— Да почему?! — воскликнула Рыска.

— Потому что впервые в жизни дар мне ничего не подсказывает.

— Ах значит, дар! — взбесилась Рыска. — Вот, в чем дело! А представь тогда, каково мне? У меня и дара-то нет! И знаешь, я, наверное, повторюсь, но без него даже легче: не мучаешься правильно-не правильно и сколько шансов из ста... Просто живёшь!

— Я бы так не хотел.

— А тебе и не надо! Ты же у нас всех насквозь видишь! Зачем морочить голову и узнавать человека, если

можно покопаться в его тайнах и все выведать? — зло спросила Рыска.

— Я, между прочим, о тебе же забочусь. Не хочу сделать тебе плохо. Я хочу отблагодарить тебя, но вижу, что деньги тут не рассматриваются. Хочу, чтобы ты была счастлива. И не знаю, как поступить.

— А почему нельзя просто предложить мне стать твоей женой? — это вырвалось у неё так неожиданно, что она аж замерла, не в силах пошевелиться и даже вздохнуть.

Альк тоже на миг оцепенел.

— А ты хочешь быть женой такого, как я? — ответил он вопросом на её вопрос, очень тихо, как-то затравленно: сомнения его вконец измучили.

— А почему нет? — со слезами в голосе произнесла девушка.

— Ты хочешь до конца жизни терпеть мой цинизм, деспотизм, снобизм? А ещё я буду надолго уезжать, срывать на тебе зло и гулять по бабам. Тебе это надо?

— Мне всё равно... — тихо и уже заплакав, уронила Рыска.

— Что?!

— Мне всё равно, — повторила она громче.

— Что тебе всё равно? — зло спросил Альк.

Рыску вдруг отпустило, словно водой холодной окатило. Никаких чувств не осталось, только злость и разочарование — нет, с ним просто невозможно! Кого хочешь доведёт до белого каления!

— Знаешь, раз у тебя такое отношение к этому, раз ты так сильно сомневаешься, тогда зачем начал этот разговор? Давай я просто уйду и всё!

— А деньги? — грустно спросил Альк.

— Оставь себе! — раздраженно ответила Рыска.

— Да ты дура, что ли?

— Наверное, дура. Давно надо было идти своей дорогой. — Рыска откинулась на кровати.

Завтра она так и сделает: пойдёт своей дорогой. И пошёл он... Сам вечно не знает, чего хочет, и кто-то ему виноват. Жаль будет так, что сердце, наверное, разорвётся. Но лучше уж так, чем с ним... А без него как? Она два месяца на шаг от него не отходила, каждое слово ловила, в рот заглядывала... Ну как теперь жить?

— Рысь, я тебя совсем не понимаю, — вздохнул Альк. — Так ты хочешь или не хочешь быть со мной?

— А ты мне это предлагаешь или не предлагаешь?

Альк молчал. Только плечами пожал, глядя на Рыску.

— Тогда знаешь что? — спросила девушка. — Утро вечера мудренее. Вижу, сегодня мы ни до чего не договоримся, — она помолчала, собираясь с духом. — Если ты всё сказал, то либо ложись спать, либо, если не хочешь... — она набрала побольше воздуха, — иди домой.

Рыска устроилась на кровати поудобнее и закрыла глаза. А Альк так и остался стоять спиной к окну.

В этот самый момент в лампе закончилось масло. Пламя несколько раз мигнуло и погасло, изойдя струйкой едкого дыма. Комната потонула во тьме.

— Я не хотел тебя обидеть, — раздался в темноте голос Алька.

— А ты и не обидел, — чуть остыв, сказала Рыска. — Ты ерунду какую-то сказал. Буду считать, что сильно перенервничал, давно родных не видел, и поэтому... Я на тебя злиться долго не могу.

Альк не нашел, что ответить. Он опешил. Давно ли от каждого слова краснела, а тут... Быстро же она повзрослела! Может быть, и правда будет хорошей женой?..

— Ты мне тоже ничего определённого не сказала, — напомнил он. Действительно, не разговор получился, а переливание из пустого в порожнее.

— Могу и сказать, — с вызовом произнесла девушка.

— Скажи! — подначил Альк. — Тем более, раз тебе, как ты говоришь, всё равно.

— Да ты что, дурак? — вдруг крикнула она. — Такое не может быть всё равно! — уже тише, но при этом тяжело дыша, добавила она. — Ты совсем что ли слепой? Я люблю тебя!

Удар сердца, второй, третий...

Она бросилась к нему навстречу, вскочив с кровати, или он к ней?.. Никто потом не помнил.

Но когда Рыска немного опомнилась, то обнаружила себя в объятьях Алька, совсем голой! Она не то чтобы не помнила, как это произошло: она просто не поняла, как до такого дошло. А когда осознала, ей стало страшно так, как в жизни не бывало. Раньше она и за руку взять его боялась, когда он рядом садился, вздрагивала, а тут... Нет, ей не было неприятно, даже наоборот... Но от избытка чувств сердце словно в горле застряло, дыхание перехватило. Каждое его прикосновение словно огнем обжигало. А когда девушка почувствовала нечто твердое, как камень, упирающееся ей в живот, она, конечно, поняла, что это, но решила все-таки это проверить, дотронулась рукой...

И тут свет померк.

Когда Рыска очнулась, все еще было темно. В первый момент ей показалось, что Альк ей приснился. Но когда она потянулась, то наткнулась на него в темноте. И сразу подскочила, вспомнив все — не приснилось!

— Ну что, как ты? — спросил он заботливо.

Рыска молчала в недоумении. Что значит такой вопрос? А что вообще было? Почему она ничего не помнит?

— Альк..., а все... случилось или нет?

Он рассмеялся так весело, что Рыска даже обиделась.

— Что ты ржёшь? — раздражённо прошипела она, и это вызвало у Алька новый всплеск веселья. Рыска, сердито засопев, отвернулась от него, завернувшись в одеяло.

— Ладно, извини! — вдоволь повеселившись, сказал саврянин и дотронулся до Рыскиного плеча. Девушка дернулась, сбросив его руку.

— Отвяжись, — с обидой процедила она. — Надругался над бедной девушкой, а теперь ещё и на смех поднял.

Честно говоря, она совсем не злилась. Ей просто было непонятно, почему она ничего не помнит. И в глубине души хотелось, чтоб надругался ещё раз.

— Рысь, ты, вообще, за кого меня принимаешь? — спросил Альк уже более серьёзным тоном. — Чтоб я изнасиловал бесчувственное тело! Зачем мне это?

— В смысле, бесчувственное? — недоуменно спросила Рыска.

— Ты внезапно потеряла сознание, — пояснил Альк. — Я, конечно, слышал, что с девственницей такое может случиться в первый раз. Но чтоб ещё до начала!..

Рыска повернулась к нему лицом, пытаясь разглядеть в темноте и понять — опять издевается или нет?

— Как — до начала? Ничего не было, что ли? — даже разочарованно спросила она.

— Абсолютно, — ответил Альк.

Повисла тишина. Вот это да! Теперь Рыска испытывала смущение пополам со стыдом.

— И... не будет? — спросить такое едва повернулся язык.

— Да я теперь даже боюсь, — признался Альк. — Если ты только от ласк и поцелуев в обморок падаешь, что же будет, если до дела дойдёт? Разрыв сердца, наверное?

Рыска молчала. Она понятия не имела, что возразить. Да и что тут возразишь? Разочарованию ее не было предела.

А ведь было так хорошо! И всё произошедшее, и даже сам обморок. Она провалилась во что-то мягкое и нежное, обволакивающее и приятное, даже возвращаться не хотелось. А теперь от осознания того, что ничего не было и не будет, прямо чувство отрыва какое-то появилось. Как будто надкушенный кусок отобрали.

То ли её мышление претерпело за последнее время настолько серьёзные изменения, то ли потому, что она наконец призналась и себе, и Альку, что любит его, но все Рыскины представления о том, стоит ли ложиться в постель до свадьбы или нет, сейчас были отчего-то неважны. Наверное, все дело было в том, с кем ложиться. С Альком ей было хорошо, спокойно и уютно. И стоило признать: продолжения она очень даже хочет. Вот только сказать такое язык ни за что в жизни не повернётся.

Рыска перевернулась на другой бок и попыталась разглядеть Алька в темноте. Не увидела, а скорее почувствовала, что он тоже на нее смотрит. Наверняка, как всегда, догадывается, о чём она думает. Вот ведь незадача, проклятый обморок! Как же снова хочется обнять Алька! И как ему об этом сказать?

— Давай спать, Рысь, — со вздохом произнёс он. — Утром обо всем поговорим.

Девушка, едва подавив разочарованный вздох, повернулась на спину. Ну и ночка! Лучше бы правда утром пришёл. Да что ж это такое: всё хуже и хуже.

— Иди сюда, поближе, — предложил вдруг Альк, и у Рыски снова перехватило дыхание.

===== Глава 2 =====

Девушка замерла в темноте. Однако просить её дважды не понадобилось. Рыска осторожно придвинулась к Альку, борясь с неизвестно откуда взявшейся одышкой.

— Не бойся, — тихо сказал белокопый и привлек девушку к себе одной рукой. Рыску немедленно пробрал озноб. Вернее, не озноб, конечно. Её просто затрясло, как только она дотронулась до тела своего любимого. — Пока ты сама не захочешь, ничего не будет.

«Я хочу!» — захотелось закричать ей, но, понятное дело, она себе этого не позволила. Попыталась расслабиться, но оказалось, что это невозможно, хоть умри. Словно судорога всё тело свела. Ещё и голос отнялся. Что там Альк сказал, спать? Да сна ни в одном глазу не было! Кстати, сам он, похоже, тоже спать не собирался.

— Альк, что со мной? — стуча зубами, наконец смогла спросить Рыска.

— Ничего, — спокойно ответил саврянин и, повернувшись на бок, крепко обнял её. — Так лучше? — спросил он.

— Лучше, — признала Рыска.

Исходившее от его тела тепло успокаивало. Правда, его напряженный орган снова упирался в неё: теперь в бедро, но страх отпустил. Тем более, раз он сказал, что без её желания ничего не будет... Но ей ведь этого хотелось! Может быть, сказать ему? Или он сам все понимает? Странно как-то: всем все понятно, но никто не решается действовать. В обычной жизни, оказывается, тоже хватает таких ситуаций. Наверное, просто не время, подумала Рыска и мало-помалу успокоилась, стала замечать детали.

Как приятно оказалось прижиматься всем телом к телу Алька, состоящему, кажется, из одних литых упругих мышц. Головокружительное ощущение! И запах его она вдыхала тоже с удовольствием. И волосы его так близко, точнее, такое впечатление, что везде: сама-то она свои косички с вечера не расплетала, а значит, весь этот шёлк под ее щекой — его. Рыска осторожно освободила одну руку и дотронулась до Альковых волос. И правда, мягкие, совсем другие: не такие, как у нее, поэтому и не расплетаются без завязки.

— Альк! — позвала Рыска.

— Да? — тут же отозвался он.

— А тебе нравится, когда кто-нибудь твои волосы трогает?

Альк хмыкнул. Суть вопроса он понял. Ну да, бывали в его жизни женщины, которых это очень заводило, но ему самому это было безразлично. Так, элемент игры, не более. Но Рыске он ответил:

— Смотря кто и смотря как.

— А мне можно? — робко спросила она.

— Тебе — да, — разрешил Альк.

Она слегка отстранилась и запустила пальцы в его волосы, отделив небольшую прядь у виска слева и начала плести. Тут же всё её тело покрылось гусиной кожей. То странное ощущение жжения внизу живота, которое обычно она испытывала, если Альк ненароком слишком уж к ней приближался, накатило снова, на этот раз — с потрясающей силой, так что девушка непроизвольно сжала ноги вместе. А руки... Нет, не тряслись. Это ощущалось иначе. Словно через пальцы в её тело вливалось тепло и шло дальше: по рукам, по плечам, к шее, к позвоночнику. Пока она плела, её пробрало до костей, и не выдержав нахлынувших эмоций, Рыска зацепила прядь уже побольше и зарылась в нее лицом, поцеловала, потерлась как кошка.

— Как же я об этом мечтала! — прошептала она, забыв стыдиться и стесняться.

А в следующую щепку, сама не зная как, нашла в темноте губы Алька, ощутив весьма настойчивый встречный порыв. Точнее сказать, Альк почувствовал охватившее Рыску возбуждение и не смог уже сдерживаться, стал жадно целовать и ласкать ее, чувствуя, что терпение его на исходе. Это было вполне понятно: на тот момент он больше чем полгода не был с женщиной. Но и взрыв её страсти здорово подлил масла в огонь. Однако предупредить успел:

— Рысь, я больше не могу, я хочу тебя, — хрипло прошептал Альк, внутренне напрягшись. Если откажется сейчас, он, конечно, сможет сдержаться, но это будет ОЧЕНЬ плохо!

— Я... тебя ... тоже... — задыхаясь, ответила девушка, и он мгновенно перевернул её на спину и вошел в неё, чуть ли не теряя сознание от охватившего всё тело сладостного ощущения. Даже ноги ей раздвигать не пришлось: Рыска сама раскрылась ему навстречу и тут же, приняв его в себя, застонала от боли вперемешку с наслаждением, невероятной смеси чувств, которую девушка может испытать в первый раз только с тем, кого любит.

Альк, наоборот, опомнился и остановился.

— Прости, пожалуйста, — прошептал он Рыске в самое ушко. — Тебе очень больно?

— Не очень... Чуть-чуть, — ответила Рыска и сама подалась ему навстречу, снова ища губами его губы, поглаживая его по спине и по плечам. А когда вновь запустила пальцы в его волосы, Альк вдруг снова остановился, перестав, казалось, дышать.

— Руки от волос убери, а то... — начал он, но не договорил, потому что «а то» в этот самый момент и произошло.

Вздогнув всем телом и сдавленно застонав, Альк замер на Рыске, прижав её к кровати. Все его железные мышцы словно растеклись. Уткнувшись ей в шею, он, казалось, на миг отключился, ровно до того момента, как Рыска попыталась осторожно вывернуться из-под его расслабленного и налившегося свинцовой тяжестью тела.

Тогда Альк скатился с Рыски, прилег рядом с ней на спину, тяжело дыша, и притянул её к себе. Девушка прильнула к нему так доверчиво, что от этого у него сердце сжалось.

Альк был крайне недоволен собой. Такое, как он считал, простительно было разве что в первый раз: от недостатка опыта. Однако ничего не смыслившая в делах любви Рыска даже не подозревала о его мыслях. Она вообще мало что поняла, кроме того, что теперь стала женщиной. Но совсем не страдала от осознания этого, наоборот была счастлива от того, что отдалась по любви, а не потому, что так распорядилась судьба.

Альк пол-лучины собирался с мыслями, не зная, что ей сказать, а когда наконец придумал и решился было, Рыска вдруг поднялась и заглянула ему в лицо. На улице уже почти рассвело, и он довольно хорошо видел её. До неё у Алька было много женщин. Но такого счастливого лица как у Рыски в этот момент он не видел ни у одной, даже когда точно знал, что недовольной его женщина остаться не могла. И как ей мало нужно было для счастья!

Вот когда ясна стала разница между похотливой самкой, желающей пополнить список своих трофеев, и юной влюблённой девушкой.

Рыска поцеловала Алька в губы с невероятной нежностью и легко соскочила с кровати, порхнула к окну и остановилась, глядя на улицу из-за занавески. А потом начала ловко расплетать косы, стоя вполоборота. Первые солнечные лучи играли на черных волосах всеми оттенками синего, зеленого и багрового. Рыска была такая милая, такая чистая, такая нежная, что Альк невольно ей залюбовался, и, конечно, тут же ощутил прилив желания.

Рыска почувствовала его взгляд, обернулась, и первое, что ей бросилось в глаза, — это его снова пришедший в боевую готовность орган. Она сильно покраснела и отвернулась.

Альк с кошачьей грацией перетек в вертикальное положение, за долю щепки оказался рядом с Рыской и властно обнял её, прижав к подоконнику.

— Что, опять? — полушёпотом спросила девушка.

— А ты что, не хочешь этого?

Она покраснела ещё сильнее. Но призналась, пряча глаза:

— Хочу...

Он и сам уже это почувствовал: она снова задрожала и прильнула к нему всем телом, часто задышала и жадно ответила на его поцелуй.

На этот раз Альк не торопился, медленно и со вкусом лаская Рыску, но теперь ей и самой не терпелось принять его поскорее. И Альк это понял, решив уступить её стремлению. Усадив девушку на подоконник, он вошел в неё мягко, но страстно. Когда их тела снова слились воедино, Рыска сдавленно застонала и опять покраснела от смущения.

— Тебе не больно? — спросил Альк, наклонившись к её ушке.

— Нет, мне хорошо... — призналась девушка.

— Тогда стони, если хочется, — посоветовал он.

— Мне стыдно, — прошептала она, уткнувшись лицом в его плечо.

— Да-а? И кого ты стесняешься? Меня?

Рыска подняла на Алька глаза. Он улыбался, но не так, как раньше, а с невероятной теплотой во взгляде. «Действительно, — подумала девушка, — какой смысл стесняться стонать? Вообще уже стесняться нечего, последняя крепость пала. К тому же, так хорошо, что в это просто не верится!»

Все оказалось ново, непривычно, но до крайности приятно. Рыска оплела Алька как плющ и ловила каждое его движение, каждый вздох, пульсацию внутри. Она только сейчас поняла, как сильно любит его: всего целиком и каждую деталь его образа. Как приятно было видеть его лицо так близко, благо, стало совсем светло, и видно было уже хорошо. Прикосновения к его упругому мускулистому телу снова обжигали девушку. А от светлых шелковых волос она и вовсе сходила с ума, зарываясь в них лицом, вдыхая их аромат и не в силах надышаться.

А с телом Рыски происходило что-то невероятное. Страсть заполнила её всю, без остатка. В какой-то момент ей показалось, что стоит сделать еще хоть одно движение, — и она разлетится на осколки... А в следующий момент, когда это движение было сделано, внутри словно что-то взорвалось. Стало настолько хорошо, что в вероятность такого счастья на земных дорогах просто не верилось.

Рыска судорожно вцепилась в Алька и застонала, на миг потеряв чувство реальности. Мир для неё снова на мгновение погрузился во тьму... А потом накатило ощущение невероятного тепла и покоя.

Альк, продолжая обнимать обмякшее в его руках тело, думал о том, что такого искреннего проявления чувств раньше видеть ему не приходилось. Такое нельзя было сыграть, и это льстило невероятно. Однако всё равно спросил Рыску, хорошо ли ей было. Получив утвердительный ответ, он отнёс девушку в постель и все продолжилось: раз, другой, третий... А когда сил не осталось, а за окном всюду светило солнце, они просто лежали, обнявшись и слушали доносящиеся с улицы звуки просыпающегося большого города.

Озвучить произошедшее никто не решался.

Рыска усиленно прятала глаза. Ей вообще раньше казалось, что такими вещами можно заниматься только глубокой ночью, в темноте, а ведь вон какое дело: самой захотелось всё видеть, никто не принуждал...

— Ну что, ты довольна? — спросил Альк наконец. — Давай спать или ещё повторим?

— Давай поспим, — усталым шепотом ответила девушка. Помолчала немного и спросила. — А это... всегда так хорошо?

Альк усмехнулся.

— Как настроишься, — туманно ответил он. Честно говоря, сам он выпался впрок, но на то, что она согласится продолжать, не рассчитывал. Да и не стоило ей так сильно перенапрягаться в первый раз. И так всё тело теперь болеть будет, пусть отдохнёт. Да и сам он понимал, что испытывает желание уже скорее от усилившегося совсем недавно волнения: дар предупредал о чем-то пока неясном, но определённо неприятном.

— Рысь, — позвал он задремавшую было девушку.

Она вздрогнула и проснулась.

— Что? — спросила она.

— Так ты выйдешь за меня? — задал он вопрос, и с Рыски в который раз за эту ночь слетел сон. Сердце её снова затрепетало. Она села на кровати, удивлённо рассматривая мужчину, которого за это утро полюбила ещё больше, чем раньше.

— А ты сам-то хочешь этого? — не веря своим ушам, спросила она.

— Я теперь просто обязан, — сказал Альк.

— Если не хочешь, то... не обязан, — обронила она, на миг отведя взгляд и мучительно ожидая, что он скажет.

Повисла пауза.

— Я хочу... — сказал он наконец, взяв её за руку и нежно перебирая ее пальцы. — Хочу... — повторил он печально, — чтоб каждый день вот так, чтоб возвращаться домой — и радоваться, чтоб ты детей мне родила, чтоб на всю жизнь...

— Ну и в чем дело? — перебила Рыска, снова чувствуя в его голосе сомнения. — Я недостойна тебя?

Альк щепку подумал.

— Да нет, — ответил он. — За такими событиями это, пожалуй, неважно. Ерунда это... — он снова умолк.

— А что ж тогда, Альк? — не выдержала Рыска.

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Поймет или нет? Раньше понимала. «Наверное, — подумал он, — надо ей сказать».

— Я и сам не пойму, Рысь, — начал он. — Я тебе уже говорил: предчувствие. Что-то происходит. Угроза какая-то. Думал, Пристань имеет ко мне претензии — нет, не то. Смерти близко, вроде, тоже нет. Но беда совсем рядом. А какая — не знаю, — он вздохнул. — Я хочу быть с тобой. Но, боюсь, не поженимся мы. Так что не надейся зря...

— Зачем же тогда предлагаешь? — тихо спросила девушка.

— Чтобы ты знала, что все не просто так...

Рыска во все глаза смотрела на Алька. Впервые она видела его таким. Он повернулся к ней весьма неожиданной стороной. Оказывается, у него тоже есть и страхи, и сомнения. Вернее будет сказать, об этом она всегда знала: ведь он живой человек. Но никак не могла подумать, что он предложит ей руку и сердце. А та горечь, с которой он говорил о своем предчувствии лишь прибавляла событию прелести. Рыска молчала, не зная, что сказать. Конечно, вне всякого сомнения, она была согласна. Но это, похоже, само собой разумелось, так что об этом говорить?

— Жаль, ты утратила дар, — посетовал Альк. — Вместе можно было попробовать вытянуть лучший жребий.

— Я всё равно не стала бы этого делать, Альк, ты знаешь, — возразила Рыска.

— Почему?

— Потому что тогда тебе было бы очень больно, а может быть, ты бы и погиб.

Альк понимал, что она права. Но почему-то был уверен, что будь у нее дар, он непременно уговорил бы ее попробовать, даже осознавая угрозу собственной жизни. Что-то он вообще себя не узнавал в последнее время...

— Что об этом говорить? — вздохнул Альк. — Такое в принципе теперь невозможно. Ты потеряла дар, а одному нечего и пытаться... — он помолчал. — И, наверное, в самом деле, на этот раз я надорвался бы до смерти. Зато не достался бы другой! — мрачно пошутил он.

— Что ты такое говоришь? — с дрожью в голосе воскликнула девушка.

— А что такое? — уже в своей привычной манере ухмыльнулся Альк. — Могла бы гордиться: так любила, что никому не отдала. Хотя, какая разница: мёртвый, но твой, или живой, но чужой? — он вздохнул, потянулся всем телом и, сцапав Рыску, снова заставил её прилечь и прижал к себе.

Девушка фыркнула, переваривая сказанное.

— Ничего себе, какая разница! — сказала она наконец. — Это что ты имел в виду: взять и убить тебя, лишь бы другой не достался?

Альк хмыкнул.

— Ну не то, чтобы так грубо... Но многие так и сделали бы. Точнее, все, кроме тебя.

Рыска в первый момент хотела вскочить, взвиться, начать что-то доказывать. Но у нее сил на это не нашлось. Да и просто не хотелось вырываться из Альковых рук. Поэтому она лишь тихо, почти шепотом, сказала:

— Наверное, поэтому здесь с тобой сейчас я, а не другая.

Он вздохнул, крепче прижимая её к себе, но промолчал, как обычно в подобных случаях. Всегда таким был... Легче сделать, чем сказать.

— Если мы расстанемся, Рысь, — произнес Альк после паузы, — то я бы не хотел, чтобы ты меня проклинала.

— Проклятья боишься? — слабо попыталась пошутить Рыска.

— Нет, — со вздохом ответил он. — Хочу, чтобы ты меня таким запомнила, как сейчас, а не сволочью, которая тебя использовала и бросила.

Рыска совсем удивилась: от Алька подобных слов слышать ей еще не приходилось.

— С каких пор ты таким стал? — недоуменно спросила она.

— Я всегда таким был, — просто сказал саврянин. — Но не каждому можно это знать...

— Мне, значит, можно?

— Значит, можно, — согласился он со снисходительностью в голосе, но при этом снова крепче прижимая девушку к себе.

— А с другими ты почему так себя ведёшь?

— Жизнь такая... Она нас подчас делает такими, что и сам себя потом не узнаешь. А жестким и циничным живётся проще. Только и всего.

Рыска и раньше-то боялась представить их расставание, а теперь при мысли об этом у неё мурашки по спине побежали — после таких слов.

— Ты и со мной себя так ведешь, — тихо произнесла она.

— Если нам судьба быть вместе, то больше не стану, — пообещал он таким тоном, что не поверить в это было ни под каким видом невозможно. А потом еще и в висок ее поцеловал — с невероятной нежностью. И Рыске стало ещё горше при мысли о разлуке. Она молча и как можно незаметнее вытерла слёзы и попыталась успокоиться.

Помолчав десяток щепок, она спросила, лишь бы сменить тему:

— Альк, а ты в Пристань больше не вернёшься?

— Не знаю, — честно ответил он. — Теперь, если вернусь туда, в любом случае путником буду, точно знаю. Только мне это стало неинтересно, как прочитанная книга. Хотя это даёт власть... Дар, опять же — не тратить же впустую. Не знаю, как получится...

Рыска все никак не могла справиться со слезами. Мысли лезли в голову — одна печальнее другой.

— А к дедушке своему... поедешь ещё? — совсем уж тихо спросила Рыска.

— Зачем? — устало спросил Альк.

— Он наверняка тебя ждёт... — она шмыгнула носом.

— Какая теперь разница? — вздохнул белокопый. — Тем более, я с ним уже... попрощался.

Рыска обхватила Алька руками и пристроила голову у него на груди.

— Можно тебя попросить? — спросила она.

— Можно, — пожал плечами Альк.

Она глубоко вздохнула.

— Я не знаю, сколько мы пробудем вместе, — начала она, — может быть, через лучину уйдёшь, и больше не увижу тебя... Так вот, когда мы расстанемся, навести своего дедушку. Попроси у него прощения... Хотя бы за меня, если за себя не можешь.

— Рысь, ты чего? — удивился Альк.

— Пожалуйста, — прошептала девушка, и он лишь почувствовал, как по его груди потекли теплые слёзы. Как будто летний дождь начинается...

— Ладно, обещаю, — нехотя согласился Альк. Честно говоря, тут Рыска была целиком и полностью права. Извиниться стоило, как ни тяжело это для него было. Дед во всем оказался прав, да к тому же предупреждал строптивного внука заранее. — Если только он еще жив...

— Он дождетя, — почти уверенно произнесла Рыска.

— Почему ты так думаешь? — спросил Альк.

— Потому что в этом теперь смысл его жизни...

Альк повернулся на бок и развернул Рыску так, чтобы заглянуть ей в глаза. Смотрел он долго, испытующе, а потом спросил:

— Я вот все не могу понять: почему ты такая добрая, Рысь? Тебе ведь в жизни тоже досталось. Ты что, вообще злиться не умеешь?

— За что мне злиться на твоего деда? — спросила девушка, тихо всхлипнув.

— Да не в этом дело... Почему ты уверена, что за все плохие поступки нужно извиняться и что тебя непременно простят? Может быть, пусть идет как идет, а жизнь рассудит?

— У других, может быть, и так, — согласилась Рыска. — А я по-другому не могу. И вообще, будь я другой, и кое-кто... остался бы крысой за свой язык.

Альк улыбнулся. Да, как страшный сон всё это вспоминается. И нет никакого неприятного осадка или содрогания. Просто еще одна монета в копилку опыта и знаний.

— А еще я добрая потому, что люблю тебя, — Рыска снова села на кровати, серьёзно глядя на Алька сверху вниз. — Мне почему-то хочется, чтобы всем на свете было хорошо.

— И давно ты так ко мне относишься? Может, с того времени, как я был крысой? — Альк хотел над ней подшутить, но Рыска неожиданно ответила:

— Мне иногда именно так и кажется, — она обвела его взглядом, полным обожания. —

Ты такой красивый! Ты даже не представляешь...

— Ты же саврян терпеть не можешь, — снова подколот её Альк.

— Кто — я? — совершенно искренне удивилась Рыска.

Детский страх улетучился давно и без следа. Люди для неё не делились больше на саврян и ринтарцев. Нашлись другие критерии, и тем более всё это не относилось к Альку. Этот человек не был похож для неё ни на кого.

— Я про других саврян ничего и не говорю, — сказала Рыска. — Я говорю про тебя. Ты у меня самый красивый, самый умный, самый сильный и ... — она покраснела, подбирая слово, но быстро поняла, что таких слов не знает. — И не только...

— И не только? — самодовольно спросил Альк, усаживая Рыску на себя.

Лучину спустя Альк уснул с блаженной улыбкой на лице, приобняв Рыску одной рукой. Перед тем, как уснуть, он прошептал ей что-то по-саврянски.

Девушке отбило сон окончательно. Она осторожно отодвинулась чуть в сторону, вывернувшись из-под его руки, ставшей вдруг невероятно тяжелой, и долго ещё лежала, приподнявшись на локте, неотрывно глядя на него. Спать — это потом. На сон у нее целая жизнь. А Альк, похоже, только на время.

В голове вертелись эти слова...

Несмотря на свою полуграмотность, Рыска всегда была способной, легко и просто всему училась, в частности, саврянский язык давался ей легко, и кое-что она уже понимала. Что сказал Альк, она сообразила сразу. И хотя после таких предостережений она совсем разуверилась, что они пойдут по жизни вместе, услышать такое не отказался бы никто и никогда, пусть и на чужом языке.

Раз сказал, подумала она, значит размышлял об этом. Значит... А может, и ничего это и не значит.

*

Через дорогу от кормильни, за кустами стоял человек — высокий, худой, белокопый, похожий на Алька, словно его же копия лет через двадцать пять-тридцать. Стоял и курил дешёвую сигарку, глядя на третье от угла окно на втором этаже здания. За пазухой у него при каждом движении позвякивал туго набитый кошель, тяжеленный, заставляющий клониться вперед.

Он не успел. На пару лучин не успел...

Когда он тихо приотворил дверь в комнату, которую за злат указал хозяин кормильни, было уже поздно. Надо же, мальчишка-то на самом деле возмужал, ничего с ним от снотворного не сделалось: проснулся раньше, чем отец рассчитывал. Да еще и утек тихо, в окно, прямо как в детстве: что дверь кабинета закрыта, посол проверял.

...А они даже не заметили присутствия постороннего в комнате: слишком уж были увлечены друг другом и... процессом. Даже то, что уже почти рассвело, не помогло.

Посол сплюнул на землю. Его до сих пор коробило от воспоминаний... Эти развратники устроились прямо на подоконнике! Как будто кровати мало! С улицы при желании можно было такое наблюдать, что оторопь берет!

А какие стоны страсти слышались на всю кормильню! Кто знает, может быть, и жили бы хорошо... Не будь она ринтаркой, да впридачу еще и весчанкой.

Господин посол ненавидел ринтарцев так же сильно, как Рыска когда-то саврян, и причины у этой ненависти были тоже веские: на войне у него погибли все три брата.

Но дело даже не в этом. Дело в том, что Алька он этому народу не отдаст, и точка. Достаточно этой проклятой Пристаню, чуть было не погубившей его мальчика, этих полудиких женщин, с которыми он занимался тем же, чем со своей весчанкой — наверняка же, семь лет ведь там прожил!

Выбросив окурок в кусты, господин посол тихо, стараясь не попадаться на глаза рано поднявшимся горожанам, через подворотню скользнул на соседнюю улицу, где его ждал слуга с коровой. Дальше он шёл по городу как хозяин — хозяином и был.

Да, это его город! Его. И он не допустит, чтобы такие, как эта оборванка, топтали его землю. И тем более не позволит посягать на любимого сына. Он избавится от этой козявки всё равно, так или иначе. Он позже придумает, как именно. Возможно, даже убить её придется, хотя это и нежелательно. Лучше всё же принять менее жесткие меры. Но главное, успеть всё до того, как она сообщит Альку о беременности, которая теперь несомненно наступит... В крайнем случае, можно убить её и вместе с выблядком.

А пока — пусть кувыркаются. Даже полезно.

===== Глава 3 =====

Неделя пролетела как в тумане.

Естественно, Альк и Рыска остались в кормильне. Так было лучше, по крайней мере, пока. Саврянин решил не смущать свою будущую жену, дать ей время привыкнуть и к новым обстоятельствам, и к нему самому в новом статусе. Да и себе тоже...

Посторонние в такой ситуации могли только помешать и все испортить. Познакомиться же можно и потом. Да и попросту никуда не хотелось.

Первые трое суток Рыска и Альк вообще не покидали постель: просыпались, занимались любовью и снова засыпали.

Альк долго вспоминал, но так и не вспомнил ни одного такого случая в своей жизни, чтобы, переспав с девушкой, он захотел с ней остаться. Разве что... Но это было совсем иначе и очень давно. Пожалуй, уже даже не считается. А Рыска до того в нем растворилась, что забыла обо всем на свете. Как будто не было в жизни ничего этого: ни злого отчима, ни страха перед саврянами, ни хутора. Ни плохого, ни хорошего. Всегда был только Альк.

Как приятно было уснуть на его плече, чувствуя себя маленькой и хрупкой — и в то же время под надежной защитой. Как радостно было проснуться и, ещё не открыв глаза, ощутить его руки у себя на талии, тепло его тела, услышать его дыхание, стук сердца, а потом на ощупь найти его напрягшийся член — и уже в следующий момент принимать его в себя, чувствовать ставшую привычной пульсацию внутри, приятную тяжесть на себе, видеть рядом любимое лицо, запускать пальцы в светлые волосы... Она была так счастлива, что совершенно перестала соображать. Все, чего Рыске теперь хотелось, — это ещё, ещё, ещё... Тем более, столько приятных открытий, сколько ей пришлось сделать для себя за эти дни, она за всю предыдущую жизнь припомнить не могла. Оказалось, интимная жизнь настолько многогранна, что раньше наивной девушке о таком и не думалось. Нет, в свои семнадцать лет она вполне представляла, откуда берутся дети, но даже понятия не имела, что и сам предшествующий этому процесс может приносить столько удовольствия. Да и не думала она толком. Просто наслаждалась каждым прожитым днем и обществом любимого человека.

Что Альк всем доволен, Рыска не знала и не спрашивала, но отчетливо это чувствовала. Он стал каким-то другим, словно смягчился, перестал отпускать в отношении неё скабрзные шуточки (хотя это уже давно произошло), ни разу не называл больше ни девкой, ни дурой и, казалось, вообще никуда не собирался, проводя с ней дни и ночи напролет. А уж

как он в постели для нее старался!

Насколько Рыска успела изучить Алька, там, где ему не нравилось, он не стал бы задерживаться.

О том, что между ними происходит и чем все это закончится, они не говорили. Обоим было и так

нелегко осознать ситуацию, в которой они неожиданно оказались, да ещё и предчувствие Алька добавляло неясности. Впрочем, нечаянное счастье с непредсказуемым финалом на многих действует подобным образом: вроде бы всё хорошо, но мысль о завтрашнем дне пугает настолько, что и думать о нём не хочется. И даже то, что все вроде бы решено, не помогает.

А если так уж хотелось поговорить, то они вспоминали пережитое и смеялись. Смеялись... Так просто и приятно оказалось смеяться над бедой, которую удалось миновать.

А ещё Рыска попросила Алька хоть немного обучить её саврянскому языку, так, в общих чертах, чтоб не чувствовать себя совсем уж дурой, когда слышишь, как при тебе переговариваются, к примеру, кормилец со служанкой. Альк для порядка поотнекивался, но уступил. А потом ему даже интересным показалось её обучать: Рыска схватывала всё на лету и стремилась узнать побольше, да к тому же смотрела на учителя влюблёнными глазами.

Слова девушка запоминала легко, вот с произношением выходило хуже: для этого, наверное, нужно было быть саврянкой или хотя бы прожить в Саврии много лет. Сначала Альк над ней посмеивался, потом перестал. Сам он обучался ринтарскому языку с детства, ему это было нетрудно. Да и вообще, Рыска была хорошей ученицей, делала успехи; ей можно было гордиться.

Уже на четвёртый день, вернее, вечер в кормильне она вернулась от кормильца, к которому ходила за ужином, возмущённая до глубины души, и шваркнув на стол поднос с тарелками, плюхнулась в кресло.

— Что случилось? — поняв, что рассказывать она не собирается, а любопытство проходить не желает, спросил Альк.

— Там, в зале... два стражника... — Рыска шмыгнула носом.

— И что?

— Один сказал: «Смотри, какая коровка ринтарская!», а другой: «Да, я б на такой покатался!» Ну и ещё несколько слов, я таких не знаю.

Альк со вздохом поднялся с кровати, потянулся, стал одеваться. Выговорившаяся Рыска давно выбросила инцидент из головы, но вынуждена была спохватиться, особенно когда Альк, приведя себя в порядок, кивнул на дверь:

— Пойдем, — велел он Рыске.

— Не надо! — взмолилась девушка. — Не надо никого бить!

Альк усмехнулся:

— Да никого я бить не буду, — пообещал он Рыске. — Пойдем! — он взял ее за руку.

— Что мы там делать будем? — с недоверием спросила девушка уже на лестнице.

— Саврянским языком заниматься, — нахмурившись, ответил он.

Рыска нехотя пошла за ним, давно уже запомнив, что спорить с белокосым себе дороже.

— Я буду спрашивать, ты отвечай, — распорядился Альк уже в зале для гостей. — На них не смотри. Вон те?

— Да.

Когда они оказались возле стола, Альк галантно отодвинул Рыске стул, сам сел

напротив, краем уха уловив наступившую за соседним столом тишину. А потом стал задавать Рыске вопросы... по-саврянски!

Она отвечала, сначала заикаясь и краснея, а потом сосредоточилась, расслабилась и вошла во вкус. Даже про своих обидчиков забыла.

Господа стражники, которых к тому времени было уже не двое, а шестеро, десять щепок спустя начали торопливо собираться. А когда Альк как бы невзначай бросил взгляд на одного из них, лишь на миг встретившись с ним глазами, они вылетели всей честной компанией, оставив на столе недоеденное и недопитое, едва успев швырнуть на стол горсть монет.

— Видела? — самодовольно спросил Альк уже по-ринтарски.

Рыска лишь покачала головой и еле сдержала горестный вздох. Она ни щепки не сомневалась, что Альку все подвластно. Он вообще стал для нее новым богом. Жаль было лишь одного: всю жизнь ему молиться, похоже, не получится. Ведь если верить его предчувствию, а раньше он не ошибался, в любой момент все может рухнуть, и тогда она останется одна. И станет еще хуже, чем было... Но говорить об этом — значит, всё испортить прямо сейчас.

И она снова через силу улыбнулась: да, она видела, конечно, любимый, ты круче всех.

К вечеру шестого дня Рыска поняла: ей не кажется. Альк напряжён до предела. Он стал как тогда, немногословен и задумчив. А вот любил её как никогда, словно в последний раз. Ей даже закричать от удовольствия захотелось, но она, конечно, застеснялась и сдержалась.

А потом, после того как всё закончилось, обнял её сзади, крепко прижав к себе. Когда он так делал, девушка просто млела. Ничего не было приятнее, чем прижаться к нему спиной, чувствовать его руки на своей груди, ощущать тепло дыхания у себя на шее и на затылке. Рыска снова начала возбуждаться.

— Рысь, — позвал Альк. — Тебе хорошо со мной было?

Она несколько удивилась.

— Хорошо, но почему было?

— Потому что это случится завтра, — уронил он.

— Что “это”?

— В том-то и дело: не знаю, иначе уже придумал бы, что делать... — он помолчал и добавил. — Трудно сражаться с врагом, не видя его.

Рыска вскинулась:

— Но... тогда же, в пещере... Ты же победил, хоть и не видел! — нашлась она.

— Тогда я хотя бы знал, кто это. Слышал его. Догадывался, чего мне ждать... А сейчас совсем ничего, — в его голосе мелькнула растерянность.

Девушка всхлипнула.

— Что же это такое получается? Там победили, а тут еще хуже стало?

Альк слегка дернул плечами.

— Так будет всю жизнь. Привыкай.

Рыска тяжело, глубоко, горестно вздохнула.

— Альк, знаешь... Если я останусь без тебя, я сразу умру, — тихо произнесла она.

Он хотел ответить что-то резкое, в своей манере, но вместо этого осторожно повернул её к себе лицом, заглянул в глаза, полные слёз, и прижал к груди.

— Мне тоже будет плохо без тебя, — признался он. Помолчал немного и продолжал. — Но никто не умрет. А если жизнь всё же разведет нас, я постараюсь тебя найти. Я все усилия

к этому приложу. — Альк помолчал ещё. — А если уж не найду, тогда знай: я всегда с тобой, что бы ты ни делала и где бы ни была, — он сплотнул ком в горле. — Об одном прошу: не слушай никого, если это будет идти в разрез с тем, что говорил тебе я. И никому не верь: только мне. Как тогда, в пещере... Как на балу... Как на берегу реки. Не думай, что я тут самого умного из себя изображаю. Я просто понимаю в жизни больше тебя, забочусь о тебе и... совершенно не желаю нашей разлуки... А если ситуация разрешится, если всё встанет на места, я с радостью возьму тебя в жёны. Но сейчас твое право — поверить в это или не поверить. Ждать или не ждать исхода.

— Я буду ждать... — смогла выдавить Рыска, поливая его грудь слезами, но не смея даже всхлипнуть. Впереди разверзлась бездна расставания. Вот где пригодился бы дар... Но его больше нет.

Да и ничего больше не будет. Все станет незначительным в тот момент, когда её саврянин покинет эту комнату. А значит, и плакать не о чем...

Но слезы все равно продолжали литься. Рыска порывисто вздохнула.

— Я думаю, ты зря на себя наговаривал, — сказала она ровно.

— Насчет чего? — не понял Альк.

— Ты не стал бы меня обижать, изменять мне, надолго покидать и нарочно издеваться. Ты был бы хорошим мужем... Мы были бы очень счастливы.

Альк промолчал, обнимая её. Он знал это. Просто сказать такое было проще, чем осознать и уложить в голове тяжесть предстоящей потери.

*

Альк видел сон.

Он видел себя скачущим верхом через равнину, занавешенную дождём. А впереди, в туманной дали, вырисовывались шпили их родового замка.

Он скакал уже давно, под непрекращающимся ливнем, весь вымок и жутко устал: каждая мышца ныла. Но останавливаться было нельзя, потому что его ждала мать. Он хотел повидаться с ней перед её смертью, поэтому в голове у него осталась лишь одна мысль: только бы успеть!

Его уже ждали: ворота были распахнуты. Заехав на широкий двор, он спешил и, не глядя ни на кого, помчался в покои хозяйки, птицей взлетел по лестнице, толкнул знакомую дверь... И замер на пороге.

Мама сидела за роялем и играла грустную, но очень знакомую мелодию. А потом обернулась, увидела его, поднялась навстречу сыну... Серая хмарь за окном внезапно сменилась ослепительным светом, словно это не солнце, а мамина улыбка озарила всё вокруг. Альк бросился обнимать свою маму, не веря счастью: он успел!

«Как ты?» — спросил он.

«Очень счастлива видеть тебя, сынок», — ответила мама.

«Как ты себя чувствуешь? Мне сказали, что ты при смерти».

«Но со мной все хорошо! А теперь, когда ты здесь, и вообще прекрасно!»

На мгновенье радость заполнила сердце до краев. Но тут же пришло осознание: беда не здесь. Беда осталась там, в столице, откуда пришлось так срочно уехать...

Проснулся он от стука в дверь. Едва успел повернуть голову, а незваный гость уже стоял на пороге.

— Сынок, прости, что потревожил, — произнес господин Хаскиль по-ринтарски.

— Что случилось? — хриплым со сна голосом спросил Альк, садясь на кровати. В голове у него шумело. От переживаний он почти всю ночь не спал.

— Срочно езжай в замок, там беда, — ответил отец. — Мне только что сообщили: с мамой беда, она умирает...

Не успев ничего толком осознать, Альк тут же вскочил и начал спешно одеваться. Отец деликатно отвернулся к двери.

— Пап, дай немного денег, — вспомнил Альк.

— Да, конечно, — кивнул посол. — Я тебе и одежду привез, и оружие. Корова у крыльца уже стоит. Все есть. Ты только поторопись!

— Я не об этом, — перебил Альк, — Рыска пусть здесь меня ждет. Оплати её проживание.

— Зачем? — удивился отец. — Я заберу ее домой, всё устрою и выведу следом за тобой. Только ты поскорее езжай в замок, а то... Можешь не успеть, — произнес он с горечью.

— Я понял, — кивнул Альк, заплетая косы. — Просто... она стесняется, — предостерег он.

«Она» в этот момент укрылась одеялом с головой и старалась не дышать. Все её страхи и сомнения по поводу того, что ждало их впереди, с наступлением утра рассеялись, уступив место другим. При свете дня новые переживания казались актуальнее. К примеру, ей думалось: какое впечатление она произведёт на будущего свекра, если сейчас прямо как есть вылезет из-под одеяла?

— Отец, подожди в коридоре, пожалуйста, — догадался Альк.

Господин Хаскиль пожал плечами и вышел за дверь.

— Рысь, ты слышала? Вставай, — обратился Альк уже к ней.

— Я с твоим отцом не поеду! — начала Рыска, едва откинув одеяло.

— Опять ты за свое? — устало вздохнув, он посмотрел ей в глаза. — Хотя ты меня пойми, ведь слышала, что случилось! Не до выяснений сейчас!..

— Альк, но... — попыталась возразить Рыска.

— Тем более, всё равно тебе туда ехать, раз ты моя будущая жена, — перебил её белокопый. — Езжай с отцом, не морочь голову! Ничего он тебе плохого не сделает, — Альк на щепку присел рядом с ней на кровать, погладил девушку по щеке, легонько коснулся губами ее губ.

— Мне очень страшно без тебя, — призналась она.

— Ну пожалуйста! — в совсем уж несвойственной для него манере попросил Альк, и Рыска вмиг одернула себя. Некстати вспомнился эпизод с той проклятой корзиной. Но тогда она хотя бы не знала, а теперь... Вот Саший, и чего она тут кочевряжится? Это ведь не шутки, речь о его матери! Рыске стало стыдно.

— Да, я все поняла, не волнуйся! — торопливо произнесла она. — Конечно, как ты скажешь... — она вскочила, тоже стала одеваться. Альк с облегченным вздохом продолжил сборы в дорогу.

— Ничего и никого не бойся, — наставлял ее Альк, — Там моя няня, она ринтарка. Если что-то понадобится, обращай к ней.

— Да-да, — соглашалась Рыска.

— Ну вот, — Альк, полностью готовый, бросил беглый взгляд в зеркало. Потом подошел к Рыске, обнял её. — Я вернусь так скоро, как смогу.

— Главное, чтоб с твоей мамой все было хорошо, — прошептала девушка, на миг

прижавшись к любимому. В полный голос сказать она не могла: её душили слёзы. Почему-то хотелось крикнуть: «Возьми меня с собой!» Но дело было слишком серьёзным, чтобы сейчас отвлекать Алька по всякой ерунде. Более, чем серьёзным. — Езжай спокойно, я буду тебя ждать. И да поможет Хольга и тебе, и ей... — Рыска осенила знаком богини уже не его, а закрывающуюся дверь.

«Все», — почему-то подумалось ей.

Пока Рыска оделась, уложила вещи и вышла на крыльцо кормильни, Алька уже и след простыл.

Девушка сразу отметила, что на улице, где она, как оказалось, не была целую неделю, значительно похолодало, прямо как осенью. К тому же, судя по пасмурному низкому небу, собирался дождь. Плохо, Альку дня три добираться до замка. Вымокнет весь, простудится ещё... И вообще всё плохо, всё как-то некстати.

Альков отец стоял на пороге под навесом. Рыска сразу поняла, что это он: сходство между отцом и сыном было потрясающее.

— Доброе утро, — невозможная стеснительность, растерянность и страх, вежливо поздоровалась она.

Господин посол окинул её брезгливым взглядом, и девушка сжалась в комок, готовая со стыда провалиться за свой внешний вид. Конечно, штаны и рубашка на ней были чистые, но явно ношенные, не новые и... Как там Альк говорил? В городе так слуги одеваются? Отлично вышло, ничуть не лучше, чем голая и нечесаная!

— Я готова, можно ехать, — едва ворочая языком, пролепетала она.

А в следующий момент ее сердце ухнуло вниз... На нее смотрели те же глаза, что у Алька.

Те же, да не те: холодные, злые, самодовольные. Такие были у Сашия на двуиконии в Приболотье, в доме у Сурка. Рыска каждый раз отворачивалась, посмотрев в них.

«Если не узнаешь злокозненности Сашия, то и не оценишь доброты Хольги», — зазвучал в голове голос мольца. Девушку пробрал озноб. Она приросла к месту.

Господин посол улыбнулся такой же жуткой улыбкой, какой улыбался Альк, когда его сознанием владела крыса.

— Куда ты собралась ехать? — холодно спросил он.

Голос у него тоже был похож на Альков. Только акцент намного более сильный, однако заметно, что говорить по-ринтарски послу приходится много.

— Ну... к вам... домой... — совсем растерялась Рыска. — Альк так сказал...

Посол рассмеялся, и девушка чуть замертво не упала.

— И ты полагаешь, я поступлю, как хочет этот мальчишка? — спросил он.

Рыска опешила.

— Но... он же... обещал...

— Что он обещал? Жениться на тебе? — господин Хаскиль усмехнулся. — Брось, он это всем подряд обещает. К счастью, у него есть я, который не позволит ему совершить такую глупость.

Мужчина ещё раз критически оглядел Рыску с ног до головы и заключил:

— А ты и правда ничего. Даже хорошенькая. Волосы бы чуток посветлей и... Хотя и это не помогло бы.

В этот самый момент из серых туч упали первые капли дождя. А потом на землю хлынул ливень. Посол, не глядя больше на Рыску, накинул капюшон своего плаща и полез за

пазуху.

— На, держи, — протянул он Рыске кошель, — заслужила. Пойди купи себе коров.

— Что это? — не сразу поняла Рыска. Грешным делом, она напрочь забыла об их с Альком договоре.

— Деньги, разумеется. Сто златов и ещё пятьдесят сверху. Ты спасла Алька, я признателен тебе. Мне золота не жалко. Но не более того! — холодно и зло добавил он, сверкнув желтыми глазами. — Бери и уходи, пока я не передумал!

Дождь ли тек по лицу девушки или слезы — она не знала... Но в душе вдруг поселилась пустота. Это было невероятно больно, особенно, после таких дней и ночей.

— Да вы что? — отшатнулась она, — Я не возьму! Альк мне не чужой! Я люблю его!..

— Ну и люби, кто тебе запрещает? — раздраженно рявкнул посол. — Только в покое оставь. Не про тебя ягодка спела. Бери, я сказал! — он вырвал сумку из Рыскиных рук, заставив девушку пошатнуться и чуть было не упасть, сунул туда тяжелый сверток, рывком затянул завязки и швырнул ей под ноги. А потом спокойно вышел под дождь и пошел к своей корове, привязанной неподалёку к дереву.

Рыска не собиралась это глотать. Она подняла сумку, извлекла оттуда кошель и устремилась следом за мужчиной. Господин Хаскиль дошёл до своего скакуна, взялся было за узду... и замер.

В двух шагах от запряженного животного, никем доселе незамеченный, порядком уже намокший и очень злой, стоял Альк.

— Хоть бы пару лучин подождал, дал бы уехать подальше, — спокойно произнес он. Рыска облегчённо вздохнула, остановившись в шаге за спиной посла, у которого не нашлось ни слова в оправдание своих действий. Он просто открывал и закрывал рот, как рыба.

— Ты кого решил обмануть? — продолжал Альк. — Я, по-твоему, совсем без головы, что ли? Дешевый спектакль, пап. Глупый и несмешной... А ты не стой под дождем, зайди под крышу! — велел он Рыске с ещё более злой интонацией. — Ты зачем это сделал? Не мог просто сказать, что против моей свадьбы?

— Ты о чем, сын? — наконец взял себя в руки посол, перейдя на более привычный для себя язык. — Зачем ты вернулся? Время дорого, мама может и не дожждаться тебя.

— Дождётся, хвала Хольге, у нее ещё лет сорок в запасе есть, — на том же языке уверенно произнёс Альк. — Еще неделю так точно подождёт... Ты что ж делаешь, отец? Ни своих, ни чужих не жалеешь? — он злился всё сильнее.

— Сын, да о чём ты? Не веришь, что мать умирает? Так у меня письмо из замка есть, — посол полез во внутренний карман. Глаза его снова лучились теплом и добротой. Ему просто невозможно было не поверить!.. Если только не знаешь его долгие годы и не носишь дар.

— Убери свою липу, — раздраженно отмахнулся Альк. — А то я не знаю твоих методов!

— Что?

— Тебе письмо подделать — раз плюнуть. Да не такое даже, другого уровня... И отравы сыну поднести — тоже. — Альк усмехнулся. — Даже рука не дрогнула! Какой же ты подлый! — чуть ли ни с восхищением произнес Альк. — Правильно я от тебя ушел. Вернулся вот зря, — с горечью добавил он.

— Сынок, да послушай!..

— Замолчи!!! — рявкнул Альк. — Зачем ты опять лезешь в мою жизнь?

— Я не лезу...

— А как же это назвать? Ты что, целью своей поставил: лишить меня всего, что мне дорого? А я перед тобой ещё и извинялся!

— Но эта девушка тебе не пара! — наконец признался посол.

— Тебя послушать, так мне ни одна не пара.

— Ты знаешь, я всегда хотел женить тебя на её высочестве. Это была бы очень выгодная партия, наш род снова взошёл бы на престол, как во времена предков, и тогда ты мог бы стать тсарём!

Альк закатил глаза, затем покачал головой.

— Ее высочество уже занята. Теперь тебе что надо?

— Можно подумать, на всей земле нет больше наследниц престола! — отмахнулся отец, будто вопрос был давно им обдуман. — Твой брак должен принести пользу и твоей семье, и твоей стране!

— А может, вообще продашь меня, как племенного быка? — сорвался на крик Альк. — Окупишь расходы на мое содержание, а то что же я тебя в убытки вгоняю? — он был так зол, что совершенно перестал обращать внимание на Рыску. — Не нужны мне никакие тсаревны! Давно пора это понять!

— Но это ведь не повод жениться на весчанке! Так не делают, Альк! Даже из благодарности! — господин посол развел руками.

— При чем здесь благодарность? — у Алька от злости аж голос сел. — Я хочу быть с ней! И мне абсолютно всё равно, что по этому поводу думаешь и ты, и весь белый свет!

Посол посмотрел на сына с вызовом.

— Я тебе не позволю! — твёрдо сказал он.

— Да-а? Тогда попробуй, запрети. Увидишь, что будет.

Отец хлопнул себя руками по бедрам.

— Да пойми ты, сопляк, всю серьезность того, что ты собираешься сделать! Это ведь не корова, это жена! С ней придется жить, разговаривать, спать в одной постели (посол внутренне передёрнулся от свежих ещё воспоминаний). Тем более, она детей тебе родит. Ты можешь себе представить, какие они будут?!

— Какие? — не понял Альк. — Самые обыкновенные, — отрезал он. — Даже еще лучше, что она весчанка: потомство здоровое будет.

— Да, и тупое. Все в мамашу, — подпустил шпильку отец. — Говорю тебе: подумай. Ты ведь сомневаешься. Зачем тебе малограмотная девка? Ты ведь можешь выбирать какую угодно!

— Малограмотность легко исправляется, — заметил Альк. Но уверенности в его голосе поубавилось: отец попал-таки в цель.

Посол усмехнулся, почуяв это.

— Сын, ты же знаешь, что девушку из вески вывести можно, а вот веску из девушки — нет!

Альк на миг задумался и умолк. А отец ударил козырем:

— Ладно, — сказал он. — Хочешь жениться — я не против. Женись. Но сначала честно ответь самому себе: ты ее хотя бы любишь?

А бесстрашный белокопый видун снова промолчал, не зная, что ответить. Он молчал всего пару щепок: потом нашел аргументы, и спор продолжился. Но этого мига вполне хватило, чтобы стоящая за спиной посла Рыска со злостью зашвырнула кошель обратно в свою сумку и, круто развернувшись, пошла в кормильню. Её снова душили слезы, но она так

и не позволила себе заплакать.

Вот она, беда, пришла, откуда не ждали... И враг, которого не видно — тоже. Да только не там врага искали! Не отец Альков виноват в произошедшем, а... он сам.

Отец лишь озвучил его сомнения...

Савряне орали друг на друга на своём языке, но уроки не прошли даром. Рыска всё поняла. Вернее, поняла так, как подсказало ей ее мироощущение; так, как продиктовали её сомнения; так, как все мы слышим то, что хотим услышать. Или боимся.

Конечно, не нужна она Альку. Зачем ему тупая весчанка? Раньше, когда от неё зависела его жизнь, он ещё терпел. Возможно, был бы способ его удержать, если б не его отец... Вопрос только в том, зачем это нужно — удерживать его? Зачем нужен муж, который будет рядом только из благодарности, жалости или из-за здорового потомства, и при этом устроит такую жизнь, как обещал.

Рыска сердито дернула головой. С неё хватит! Может быть, она и весчанка, дура и всё такое, но у неё тоже есть чувство собственного достоинства! А потому она уходит, пусть ругаются дальше сколько им угодно. А деньги... она их честно заработала, тем более, половина их вообще принадлежит Жару... А то, что произошло за эти дни между ней и Альком касается только её, она не обязана ни перед кем отчитываться. К тому же... Следует признать: она сама этого хотела. И... так даже лучше. Так легче принять неизбежное расставание.

Если б она остановилась и подумала, если бы была постарше и поопытнее в плане общения с противоположным полом; если бы Альк успел сообразить, что отец ему врет прежде, чем уехал; если б он отказался пить предложенный отцом коньяк и сразу поехал за Рыской; если б его сестра все же решилась забрать девушку из кормильни... Наша жизнь — это цепь «если», порой незамеченных нами, но невероятно важных условий, переворачивающих все с ног на голову. Наверное, это и есть видимые путниками дороги, те, которые на этот раз ускользнули от Алька, измучившего себя сомнениями.

Так вот, если бы он так сильно не увлекся перепалкой с отцом, за которой, не смотря на ливень, с интересом наблюдала уже целая толпа зевак, он бы увидел, как черноволосая, такая неуместная здесь девушка, рывком распахнула дверь в кормильню, прошла через зал к стойке, молча швырнула на нее целый злат и вышла с черного хода, выходящего на коровник.

Когда спор, в результате которого господин Хаскиль, махнув рукой, бросил:

— Саший с тобой, делай что хочешь! — закончился, ни Рыски, ни её коровы в пределах видимости уже не было.

— Где она? — страшно рявкнул Альк уже через щепку после того, как не увидел девушку поблизости, обращаясь к кормильцу.

— Не знаю, господин, расплатилась и ушла, — замирая от ужаса, развёл руками хозяин.

Альк выскочил на улицу, приложив дверью о косяк. Его сомнения по поводу женитьбы на Рыске развеялись без следа, словно и не было их, словно и не весчанкой она была, а он не господином. Сердце пронзила боль: так вот, оказывается, как страшно ему ее потерять! А он и подумать не мог, что так относится к ней! Ну где вот она теперь?

Будь он обычным человеком, сразу попытался бы искать её, следуя простой логике. Но, будучи видуном, по привычке обратился к дару, бессильному в таком большом городе, хотя и быстро понял, что это бесполезно. Однако паника уже успела завладеть уставшим от переживаний разумом.

Он вернулся к городским воротам, к тем, через которые чуть больше недели назад они с

Рыской приехали в столицу. Что он сказал тогда страже? Представился. А о ней лишь бросил «это со мной» — и все. Расспрашивать стражу не было смысла: в тот день дежурила другая смена. Да и та, наверняка, девушку не запомнила. Кому нужна какая-то девка, приехавшая с сыном посла? Намного интереснее обсудить собственно возвращение молодого Хаскиля.

Итак, все, что Альк мог теперь сделать — это подождать Рыску у ворот, искренне надеясь, что не зная другого выхода из города, она двинется этим путем.

Он стоял и ждал, не обращая внимания ни на набирающий силу ливень, ни на поднявшийся пронизывающий северный ветер, а перед глазами проплывали события последних двух месяцев, особенно дней, проведенных с Рыской наедине.

И когда он успел так к ней привязаться? За неделю ли в кормильне, где им обоим было так хорошо? А может быть, намного раньше, ещё тогда, когда угроза смерти была так реальна? Или давно уже, сразу, с первого взгляда? Но ведь такого не может быть! Не должно! Это неправильно для господина: влюбляться в простолюдинку.

А может быть, он и не влюблен? Просто беспокоится за молодую дурочку, которую кто угодно может обидеть в чужой стране?

Однако, когда Альк в очередной раз вспомнил смущение на Рыскином полудетском личике при виде крови на простыне, сомнений в своём отношении к девушке у него не осталось.

Но как же так? Он ведь запретил себе влюбляться. Давно запретил, потому что ничего, кроме боли и разочарования, это никогда не приносило. И тем не менее, в сердце его поселилась именно любовь — себе-то можно не врать!.. А потому гордый господин продолжал стоять возле городских ворот, вглядываясь в людей и мучительно желая поскорее найти свою весчанку. Мысли, что он не найдёт её, Альк даже не допускал.

А дождь все шёл...

Господин Хаскиль, довольный донельзя, посмотрел сыну вслед и вернулся в кормильню. Хреновый он был бы дипломат, если б не имел запасного плана на случай неожиданности, которой стало внезапное возвращение Алька.

— Принеси-ка мне варенухи, уважаемый, что-то я замерз, — благодушно обратился он к кормильцу, присаживаясь за стол напротив стойки. — И присядь со мной, расскажи, что да как?

Кормилец не возражал. Он был тертый калач, мог услужить кому и где угодно и повсюду имел выгоду, о чем и свидетельствовали осыпавшиеся на него за последние дни златы от семейства Хаскиль. Даже девчонка один отжалела! А уж посол и подавно не поскупился, отсыпал щедрой рукой. За это и варенуху ему — из лучшего вина!

— Ну что, проводили девчонку? — риторически спросил господин Хаскиль, когда кормилец поставил на стол две кружки и уселся напротив.

— А как же, господин, до самых западных ворот! Сын вот только вернулся, мокрый весь, сапоги промочил... Вон дождь-то какой!

На стол лёг ещё один злат.

— Купи ему новые. — посол с наслаждением приложился к кружке. — А куда поехала — не видел?

— Видел, господин, а как же? По Самильскому тракту, прямо в лес. Он постоял ещё, подождал, пока за деревьями не скрылась.

— Превосходно, — посол залпом допил слегка остывшую варенуху. — Если в течении месяца не вернется, будет тебе еще награда. А пока, — он поднялся из-за стола, взял свой

плащ, небрежно брошенный на свободный стул и, достав что-то из-за пазухи, подал кормильцу.

— Это что? — поинтересовался тот, повертев маленький сверточек.

— Да так... На всякий случай. Если дурачинушка мой вдруг пожалует, — с невероятной теплотой в голосе пояснил господин Хаскиль. — Начнет тут пить, буянить... Ты тогда тихо подсыпь ему в вино или в еду. И за мной сразу посылай. Только успевай, пока он мечами махать не начнёт, а то и я тебе не помогу. Понял? — кормилец, побледнев, кивнул. — Ну и хорошо. — Посол, улыбаясь, накинул плащ и вышел из кормильни.

Хозяина прошиб холодный пот. Он был из другого сословия и никогда не слышал придворных сплетен и новостей. Однако, кто такие Хаскили он, естественно, знал, хотя лично с Альком знаком не был. Тем не менее, единожды увидев посольского сына, намётанным глазом определил: лучше делать, как тот говорит, даже когда трезвый и спокойный. О том, что может произойти, если Альк явится пьяный и злой, хозяин кормильни старался не думать. Спаси, Хольга, как бы боком те златы не вышли.

Но Альк не пришёл... Ни вечером, ни утром, ни трезвый, ни пьяный. Он и до дома-то еле-еле дотащился, скорее, корова довезла, устав мёрзнуть и мокнуть у городских ворот. А ему было уже всё равно. Вымокший до нитки, продрогший насквозь, в сумерках вернулся он под родительский кров, и, ни на кого не глядя, скрылся в комнате, не раздеваясь, рухнул на кровать и провалился в тяжёлое забытьё.

Приехавшая ещё днём, мать, та самая, к которой Альк срочно должен был ехать утром, не успела порадоваться его возвращению, как обнаружила, что у любимого сына сильный жар, и, конечно, поставила на уши весь дом, вызвала лекаря, отчитала мужа.

— Как ты мог такое допустить? — кричала госпожа Хаскиль. — Мало тебе было, что он от тебя в Пристань сбежал, так вообще его на небесные дороги отправить решил?

— Да что я должен был сделать? — оправдывался посол. — К ноге его, что ли, привязать? Он с девицей приехал, поссорился с ней и унесся куда-то! Мне что, искать его было надо? Не маленький ведь уже, двадцать пять лет почти! А головы на плечах как не было, так и нет, весь в тебя уродился и в папу твоего!

— Отца не трогай! — вконец разозлилась женщина и вылетела из кабинета мужа, хлопнув дверью.

А потом незамедлительно заняла свой пост возле сына, справедливо полагая, что никто не позаботится о нём лучше неё. Мать допросила и Камиллу, но та мало что знала. Уверовав, что что-то здесь не чисто, она решила подождать. Вот станет Альку лучше, и всё выяснится. Тогда дорогому супругу не сносить головы.

*

То ли сон это был, то ли бред...

Ему снилась Ладея, девушка, с которой он познакомился на третьем году обучения, а сама она была уже на пятом. То, что заставило их обратить внимание друг на друга, было не любовью и даже не дружбой. Скорее, они сплотились по национальному признаку: девушка тоже была саврянкой. Альк был так рад снова услышать родную речь, что проговорил с ней как-то всю ночь в тренировочном зале ни о чем. С тех пор они стали общаться.

У Ладеи ситуация была обратной Альковой. В своей семье она была седьмым ребенком, а отец её был рыбаком. Они жили возле самой границы, на берегу Рыбки. С неё и кормились.

Решение дочери пойти учиться в Пристань отец встретил с радостью, и со следующей

своей поездки на ярмарку привёз не снасти для своего ремесла, а книги для дочери. Вся семья затянула пояса, а Ладея стала посещать молельню: отец заплатил мольцу, чтобы тот обучил дочь грамоте. Никто из родных даже ни разу не упрекнул девушку в том, что на неё уходит столько денег.

Когда пришло время для поступления, отец ночью сам перевёз дочь через реку.

— Почему не хочешь учиться в Саврии? — только спросил он.

— Чтобы не передумать на полпути и не вернуться домой, — ответила она и ушла.

Больше домой она не вернулась — ни со щитом, ни на щите. Последняя их ночь запомнилась ему на всю жизнь. Он помнил, как она, обычно такая властная и несгибаемая, вдруг пришла к нему в совсем другом облики. От её обычного состояния не осталось и следа: в эту ночь она была для него просто напуганной девчонкой, которая хотела, чтоб её пожалели и поддержали.

— Мне страшно, Альк, я боюсь... — шептала она, прижимаясь к нему всем телом и дрожа. На эту ночь было назначено последнее для неё испытание, после которого она становилась либо путницей... либо крысой.

Но Альк думал не об этом. Он думал о том, как после испытания первым делом — в качестве разрядки — уложит её в свою постель. Да и о чем ещё может думать молодой здоровый парень в тёмной комнате, наедине с дрожащей девушкой? До окончания обучения Ладея не соглашалась на это ни под каким видом. Но теперь-то она просто обязана была согласиться!

...Когда Ладея не вернулась из Зала Испытаний, Альку, прождавшему ее до утра, показалось, что он умрёт от горя.

Дальше он помнил плохо. Его словно оглушили. Внезапно пришло осознание: да, она была ему дорога, очень дорога! Вернуть бы всё назад — и он отговорил бы её, любым способом. Он приложил бы все возможные усилия, золотые горы бы пообещал, замуж позвал бы, учебу бросил бы... Но было слишком поздно. И последняя ночь была потрачена на мысли о сущей ерунде...

— Значит, она была недостаточно хороша, раз община решила, что ей лучше быть «свечой», — звучал в сознании голос Крысолова.

Своему наставнику Альк доверял безоговорочно, и, наверное, только это его тогда и спасло, или как там это теперь следует расценивать?

А два года спустя и он оказался недостаточно хорош. И опять понял все слишком поздно... Ему удалось спастись, да и вообще, жизнь сделала подарок. А он этого опять не понял... Опять — слишком поздно. В третий раз это уже не может быть случайностью. Скорее, это показатель того, что ты законченный идиот.

Когда Альк очнулся, был поздний вечер, даже, скорее, ранняя ночь. В комнате тсарил полумрак, а за столом, спиной к нему, сидела женщина, стройная, моложавая, с короткой, как у девушек, стрижкой. Только тот, кто точно знал, мог сказать, сколько ей на самом деле лет. Почувствовав его взгляд, она обернулась, и лицо её озарилось улыбкой.

— Сыночек! — выдохнула она и бросилась к нему, едва не опрокинув стул.

— Мама... — прошептал Альк, уткнувшись в ее плечо, ощутив родной запах, такой же, как много лет назад. И так же, как в детстве, ему захотелось заплакать, пожаловаться на горькую судьбу, точно зная, что его не осудят и помогут. Только теперь это было не по статусу, да и разучился он плакать и жаловаться, так давно разучился, что и сам уже забыл, когда именно.

— Какой ты стал! — восхищенно произнесла госпожа Хаскиль, отстранившись от сына и оглядев его. — Что произошло? Расскажи мне всё, — с улыбкой попросила она.

«Всё я никому не могу рассказать», — подумал Альк. А вслух спросил, словно не слышал:

— Долго я так?

— Долго, — кивнула мать. — Больше недели. Я... да и все... жутко переволновались за тебя.

Альк вздохнул.

— И ты всё это время была здесь? — спросил он.

— А где ж я, по-твоему, должна была быть? На то я и твоя мать, — снова с улыбкой ответила она.

Он всегда ценил в ней это: не смотря ни на какие беды, она оставалась веселой, доброй, открытой и преисполненной долга, никогда не унывала, и это всегда придавало сил другим. Вот и сейчас она даже не собирается проливать слёзы о том, что было. Она радуется тому, что есть!

И, наверное, поэтому Альк без всякого стеснения произнёс:

— Прости, что мы столько лет не виделись.

Она, всё с той же улыбкой, лишь покачала головой и отвела с его лба прядь волос.

— Простить — за что? — спросила она. — За то, что не остался навсегда ребенком? За то, что вырос?

— Я мог бы тебе написать... — пожал плечами Альк.

— Значит, были другие, более важные дела.

— Ну зачем ты меня оправдываешь? — вздохнул Альк. — Лучше б поругалась!

— Уверена, ты и сам себя поругал, вдоль и поперёк. Ну и будет с тебя, — госпожа Хаскиль вновь улыбнулась и поцеловала сына.

Они помолчали. Альк прислушался к себе. Ничего не было, только слабость и пустота. Если попытаться сейчас подняться с кровати, — упадешь неминуемо.

Он посмотрел на мать. Постарела... Дед был прав, как и всегда. Постарела, да не на пять лет, а на все пятнадцать. Или ещё больше...

— Ты так плакала перед тем, как я ушёл, — уронил он.

Мать пожала плечами.

— Кто угодно плакал бы на моем месте, — сказала она уверенно. — Так у всех... Когда дети взрослеют, нам либо грустно, либо страшно, либо завидно. Главное, чтобы не было стыдно. Впрочем, будут свои, поймешь. Но с тех пор прошло много лет. Я столько думала о тебе... — она нахмурилась. — В конце концов я поняла: ты бы ушёл все равно. И Пристань тут совершенно ни при чем. Тебе нужно было искать свою дорогу, вот и все, — она отёрла некстати набежавшие слёзы и на щепку отвернулась.

— Я ведь её так и не нашёл, дорогу эту, — со вздохом сказал Альк.

Мать опять улыбнулась.

— Ещё найдёшь. Ты молод. И я тебя верю, — кивнула она. — Но ты даже не представляешь, как я рада, что ты жив! — она снова обняла своего повзрослевшего сына.

— Я рад так же, как ты, — Альк обнял мать в ответ, закрыв глаза.

— А о той девушке ты мне расскажешь? — напрямую спросила госпожа Хаскиль, отстранившись и посмотрев в глаза сына.

Взгляд его на миг затуманился. Сердце забилося чаще. Слишком больно ещё было

говорить о потере. Да и мать расстраивать Альк не хотел.

— Уже наболтали? — попытался отшутиться он.

— Что значит — наболтали? Вообще-то, я здесь хозяйка, мне всё положено знать. Ну так как? Ты расскажешь?

Альк вяло пожал плечами.

— Как-нибудь потом, — ответил он. — Сейчас лучше поесть...

Мать понимающе кивнула.

— Да, ты прав, — согласилась она. — Поесть нужно, а то ты совсем исхудал. А потом ванну принять и ещё поспать. Согласен?

— Согласен, — со всей возможной бодростью ответил Альк.

— Ну тогда пойду тебе что-нибудь принесу, чтобы слуг не будить, а там посмотрим... — сказала госпожа Хаскиль, потрепала сына по щеке и, поднявшись с кровати, на которую присела во время разговора, направилась к двери.

Выйдя в коридор, она покачала головой. Улыбка вмиг сбежала с её лица. Переживала она намного больше, чем говорила.

Как и отец, она любила Алька сильнее остальных своих детей, хотя никогда бы в этом не призналась. Да и неудивительно, сплошь и рядом такие примеры: дети, за которых сильнее переживаешь, всегда на порядок любимее спокойных и послушных. По Альку она выплакала море слёз и даже собиралась лично поехать в Ринтар и прошерстить там все Пристани, найти сына и вернуть его домой. Не сразу до неё дошло, что это будет выглядеть странно и глупо: за здоровым парнем приехала мамочка! Позор!

Но эта проблема давно решена, зато возникла другая, едва ли ни хуже предыдущей.

Когда знаешь человека с рождения, а особенно, если ещё и выносишь его под сердцем, когда следишь за первым его шагом, первым словом, первым выводом, первым поступком, то всегда знаешь, всерьёз ли он обеспокоен. Это не изменит даже долгая разлука, ибо в основе своей люди не меняются, какой бы срок ни прошёл. И потому сейчас мать понимала: её сын обеспокоен всерьёз, скорее всего, из-за той девушки, и никакого дара не нужно, чтобы это понять, достаточно простого жизненного опыта и материнского инстинкта.

И снова — «если бы...»

Если бы она была дома, когда Альк вернулся; если бы приехала хоть на день раньше... Или если бы Альк всё ей рассказал — она свернула бы горы для него. На это все матери способны, легко и с удовольствием решая неразрешимые проблемы своих детей.

Если бы она только знала!..

Но она не знала. И поэтому её сын и его несостоявшаяся невеста с этого перекрёстка пошли разными дорогами. Невероятно, немислимо разными.

===== Глава 4 =====

Крысолов окинул взглядом аудиторию и нахмурился. Прямо перед ним пустовал один стул.

— Это ещё что такое? Где Рыска? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Дело было к вечеру, мужчина устал, потому что весь день у него прошел сикось-накось. С утра пропал кошель, разбились такие необходимые в последние несколько лет очки, а господа адепты были непослушны сегодня как никогда.

— Её с утра сегодня нет, — сообщил один из учеников.

— Вижу, что нет! — вызверился путник. — Я спрашиваю: где она?

Желающих навлечь на себя гнев наставника не нашлось. Все тихо, не глядя на него,

пожимали плечами.

Он вздохнул. Голова к вечеру разболелась, наверное, метель будет: тут среди такого количества коллег точнее не узнаешь. Хорошо хоть, занятие на сегодня последнее.

Дав ученикам простое задание, — лишь бы не шумели, он решил сходить в общежитие. Рыска, не пропустившая за два с половиной года ни одного занятия, а сегодня прогулявшая весь день, его по-настоящему обеспокоила. Да и не хотелось ему сегодня уже работать.

Адепты шептались ему вслед. Он, усмехнувшись, лишь бросил через плечо, что выполнившие задание могут быть свободны, а отчитаются в следующий раз, и шепоток тут же стих.

С тех пор, как Рыска поступила учиться, по Пристани пополз слухок, что она не кто-иная, как дочь Крысолова от саврянки. Сначала шушукались лишь адепты, а потом и наставники заинтересовались, поддержав сплетню и развив тему. Путник только посмеивался, не подтверждая, но и не опровергая этот слух. Интересно было то, что девушка сама, по книгам на досуге выучила саврянский язык, притом весьма неплохо, и это добавило уверенности любителям молоть языками. А уж обращение путника к Рыске «доча» окончательно укрепило эту уверенность.

Однако и плюсы у этого слуха имелись: во-первых, считая Рыску наставничьей дочерью, адепты к ней не клеились, опасаясь гнева «отца», а во-вторых, комендантша общежития выделила девушке отдельную, «люксовую» комнату, не невесть что, но при Рыскином характере одиночки — самое то. Да и можно теперь навесить её в любой момент, вот, к примеру, как сейчас.

Дверь была закрыта, и он постучал.

Рыска открыла на стук, не спросив, кто там, ибо кроме него к ней редко кто заглядывал. Открыла, глянула красными припухшими глазами и снова заревела, плюхнувшись на кровать.

Крысолов оглядел её. Было видно, что девушка со вчерашнего дня не вставала: так и валялась на нерасправленной кровати прямо в одежде, не причёсывала волосы, никуда не выходила. О причине её поведения путник, похоже, догадывался...

Со вздохом взяв стул, Крысолов придвинул его к кровати, сел, погладил Рыску по голове.

— Ну, что случилось, доча? — спросил он, хотя всё понял.

Она на миг обернулась, посмотрела на него, а потом снова зарыдала, уткнувшись в подушку, только теперь уже в голос.

— Ох, ты, горяшко моё! — вздохнул путник. — Рыся, ну что такое? Скажи старику, а то головушка у него всё сильнее болит!

Он давно понял, как с ней нужно общаться. Самое сильное чувство у неё — это жалость. Дави на это, и не ошибешься. А потом отвлечется, успокоится и сама всё расскажет.

Подействовало и в этот раз: Рыска тут же подскочила, забыв о своей беде.

— Голова у вас болит? Сейчас, я сейчас! — она завозилась в комод, достала какой-то пузырек, накапала в ложку остро пахнущую коричневую жидкость, поднесла к его лицу.

— Вот, выпейте, и ваша боль пройдет, — пообещала она.

Пришлось глотать. Дрянь оказалась редкостная, да ещё и на спирту такой крепости, что самый ядреный самогон отдыхает, поэтому поднесенная следом кружка с водой была очень кстати.

— Где ты такую гадость взяла? — с чувством произнёс Крысолов.

— Как где? Сама приготовила! — гордо заявила Рыска. — Первейшее средство от головной боли!

— Конечно, хватит удар от крепости — и голова тут же пройдёт, — пробормотал он себе под нос, пока Рыска отвернулась, отметив, однако, значительное улучшение состояния своего здоровья. “Может, и правда хорошее средство, — подумал путник. Похоже, не зря она посещает открытые пару лет назад курсы травников при лазарете. Говорит, хвалят её там, равно как и в Пристани”.

— Где была-то весь день? — наконец спросил он.

У Рыски снова брызнули слёзы. Она отвернулась, но на этот раз быстро справилась с собой.

— Я его видела вчера... — уронила девушка. — Он к вам приходил, учитель. Что он тут делал? — заглянув ему в глаза, спросила она.

— Будто ты не знаешь, — печально проговорил Крысолов.

— Он вернётся сюда, да?

Путник покачал головой.

— Нет... Что ему тут делать? Он давно закончил обучение. — Крысолов в упор взглянул на ученицу. — Он теперь путник, Рыся. Его мечта сбылась...

— Как? Когда? — встрепенулась девушка.

— Ещё прошлым летом... Позлился три года, подулся на меня, а в конце этой весны пожаловал сюда. Жаль ему стало потраченного времени и сил. — Крысолов помолчал и заключил:

— Получил разрешение коллегии и прошёл испытание снова.

— И его допустили? — удивилась Рыска.

— А как могли не допустить? — путник развел руками. — Он информацией владеет — на десятерых хватит. К тому же хитрый, где хочешь влезет. Ну и уровень подготовки у него — не мне тебе рассказывать. И денег, скорее всего, подкинул кому следует. Мне, по крайней мере, ничего не перепало, — признался он с улыбкой.

— Всё... гладко прошло? — осторожно спросила Рыска.

— А как же иначе?

Они помолчали.

— Как ваша голова? — заботливо спросила девушка.

— Всё прошло, спасибо, доча, — ответил Крысолов, прислушавшись к себе. — Что-то, видно, старый я уже, болею часто. Умру, наверное, скоро.

— Не говорите ерунду! Я вас вылечу, если что, — пообещала Рыска.

Путник улыбнулся. Девушке определенно стало легче. Вот такие они, женщины, им всё нужно проговаривать! А ей тяжелее других: подруг у неё нет.

— Хотите чаю? Или поужинать? — спросила Рыска.

Он совершенно не хотел ни того, ни другого, но и оставлять Рыску одну — тоже. Ей только что полегчало. Пришлось согласиться, да и нечем ему больше было заняться. Дома-то его никто не ждал... Лучше и правда посидеть с ней, поговорить — неважно о чём. Адепты и наставники, те, что смакуют сплетни, в чём-то правы: она ему теперь как дочь, с тех пор, как он нашёл её там, где и не рассчитывал увидеть.

— Так будете ужинать? — повторила она, и Крысолов кивнул. — Тогда принесу дров и воды, — уже привычно зашебетала девушка.

— Может быть, в столовую сходим? — предложил путник.

— Ни в коем случае! — отрезала Рыска. — Там сегодня толстая кухарка работает. Она жуткую дрянь готовит — есть невозможно. К тому же через улицу идти неохота, там метель начинается.

Крысолов выглянул в окно. Да, и в самом деле, всё посерело, ветер поднялся, темнеть начало на две лучины раньше. Не зря болела голова!

— Хорошо тебе говорить, а мне в любом случае потом туда идти.

— Зачем ещё? — спросила Рыска. — Переночуйте в общежитии. Тут же есть комнаты для наставников. Хотите, у меня оставайтесь, я на полу посплю.

— Благодарю, но нас тогда неправильно поймут, — усмехнулся Крысолов.

— Пусть понимают, как хотят, — отмахнулась Рыска. — В общем, я сейчас, — сказала она и вышла с ведром в коридор, — лампу пока зажгите, — крикнула она уже оттуда.

*

Рыска встретила его в веске с поэтичным названием Калинки.

Путник оказался там совершенно случайно, по дороге из другой вески, куда ездил по вызову. Честно говоря, назвался в поездку сам, желая немного отдохнуть от адептов, да не рассчитал немного с погодой.

В тот год стояла на диво противная весна: время близилось уже к началу лета, а заморозки по ночам никак не отступали, не давая весчанам начать толком полевые работы. По утрам трава была вся седая от инея, лужи замерзали по краям, а поля стояли либо голые, либо с побитыми морозом посевами. А вот дождь с завидной регулярностью лил ежедневно, иногда по пять лучин кряду.

Дорога от Калинок до Ринстана шла по лесу и по болотам, естественно, в такую погоду была сильно размыта, и Крысолов решил не лезть на ночь глядя к Сашию на кулички и остаться в веске. Правда, кормильни там не было, и ему пришлось стучаться в крайнюю избу.

— Нет, господин путник, — развел руками хозяин. — У меня места мало!

— Я заплачу, — пообещал Крысолов.

— За что? За кусок голого пола шириной в три ладони? У меня десять детей, самим деваться некуда.

— Пусти хоть на сеновал! — взмолился путник. — Замерзну же к Сашию! — он и в самом деле за день вымок под дождем, продрог, устал и проголодался. Всё, о чем мечталось — это сесть у огня и поесть.

— А разница в чем? — усмехнулся мужик. — Там сена уже почти не осталось, а холодина такая же, как на улице. Хотите — ночуйте бесплатно.

— Подожди, балбес! — раздался из глубины избы зычный голос, и щуплого мужичка отодвинула в сторону крупная баба с половником в правой руке. — Давайте я вас, господин путник, к подруге своей, Ульфине отведу. Они с племянницей вдвоём живут, дом у них большой, три горницы, пожрать всегда есть, правда, племяншка её родила месяц назад. Дитё вроде спокойное, но может и заорать. Потерпите? Да ещё: идти на другой конец вески.

Крысолов оглянулся на небо. Тучи к вечеру разошлись, ветер стих. Капать, конечно, перестало. Но, судя по сиянию вокруг луны, мороз ночью снова ожидался. Да и дар против ночевки в доме неизвестной женщины не возражал, даже наоборот.

— Двор у них, опять же, большой, — продолжала баба, — сараи всякие... Зверюге вашей куда теплее, чем под небом.

— Ну, ведите, — согласился путник. — Только вот ещё что: нет ли у вас вина либо самогона какого? Я бы купил. Согреться надо срочно.

— О, на этот счет не беспокойтесь, господин путник! Ульфинкиным самогоном вся веска поится — никак не напьется. И мой балбес тоже! — погрозила она половником вглубь избы. — Так пойдёте?

— А куда ж деваться?

— Ну, тогда, пошли, — тётка шмыгнула в дом и вышла оттуда уже в тулупе поверх платья. — Холодно, хуже чем зимой, честное слово! — пояснила она, и Крысолова в очередной раз пробрал озноб.

— А как же вы назад пойдёте? — превозмогая дрожь, спросил он. — Муж вас не встретит? А то мало ли что...

— Да пусть кто попробует! — женщина воинственно потрясла половником, и Крысолов уверился, что и жизнь её, и честь в полной безопасности.

— А у девушки есть муж? — спохватился мужчина по дороге. — А то явится среди ночи. Кто знает, как отреагирует...

— Какой муж? — гоготнула баба, радуясь возможности посплетничать. — Шалава она саврянская! Да ещё и ведьма! Как глянет глазами своими — душа в пятки уходит. Дитё неизвестно от кого родила. Приехала в конце того лета на трехцветной корове, да и зимовать осталась. Зимой пузо раздуло, а по весне родила. Пацан — вылитый саврянин, хоть сама и черная.

— А говорите — саврянка, — уцепился за неточность Крысолов.

— Не, только глаза, — поправилась баба. — Говорят, мать её в войну от саврянина прижила, так вот и она, кажись, тоже самое сделала, потому как с севера приехала.

— А ведьма почему? — перебил путник. От нечего делать, он развлекался разговором, стараясь не засмеяться.

— Как почему? — тётка аж остановилась. — Саврянки ж все подчистую ведьмы! Как такое можно не знать?

— А, ну да, — серьёзно кивнул Крысолов.

Бабу понесло дальше по кочкам сплетен, да так, что у него чуть голова за пол-лучины не распухла.

— Во, пришли, — наконец, сказала она.

Дом стоял на берегу озера, отражаясь в воде при яркой луне. Красиво было — не описать словами. Он аж про холод позабыл!

Тётка толкнула калитку, просеменила через двор, без стука отворила дверь. Из дома на замерзшего вконец путника пахнуло теплом и чем-то вкусным, намного вкуснее, чем в городских кормильнях.

— Уля! — позвала провожатая.

— Чего тебе? — раздалось изнутри.

— Пусти мужика на постой. Ко мне просился, да некуда, сама знаешь. Он со зверюгой и замёрз в сосульку.

— Путник, что ли?

— Он самый.

— Три сребра заплатит — пушу, — не продешевила хозяйка дома.

— Заплачу! — пообещал Крысолов. — Только пустите!

На пороге появилась строгая сухопарая женщина в длинном белом платье и переднике с

уже невыводимыми пятнами.

— Тогда милости прошу, господин путник, — произнесла она с достоинством. — Стол, постель в отдельной горнице, баня только истоплена, нетопыря вон в тот сарай сейчас определим. Захотите — завтра оставайтесь, передохните, — она на миг встретилась с мужчиной глазами, сдержанно улыбнувшись. — Хмельного могу предложить.

— И всё за три сребра? — удивился путник. В весках он останавливался редко, а в городских кормильнях драли порой втрое за грязную клетушку и помой вместо ужина.

— Ну да, — кивнула женщина. — Только имейте ввиду: в доме ребёнок, месячный. Так что в доме не курить, не шуметь, если на двор пойдете — дверь за собой закрывать.

— На всё согласен! Только пустите к огню! — он и так замёрз, а ощутив малую толику тепла, просто затрясся.

Три лучины спустя, когда нетопырь, накормленный прошлогодними тыквами, отдыхал в сарае, за надежным засовом, а сам путник, напарившийся в бане, и его хвостатый друг, согрелись, хозяйка, накрыв на стол, вежливо пригласила постояльца отужинать. Настроение у Крысолова стало просто прекрасным. Надо же, как неожиданно повезло! Такие райские условия всего за три сребра! И хозяйка, хоть и немолодая, но милая и приветливая, всё время улыбается, с порога пару стопок рябиновой настойки поднесла, на корню убив начинающуюся хворь. Надо бы её отблагодарить как-то по-особенному...

Когда мужчина нацелился ложкой на горячие щи, госпожа Ульфина приоткрыла дверь в соседнюю комнату и заглянула туда.

— Спит? — спросила она шёпотом. — Иди ужинать. Я тебе дам, не хочу! Стесняется, — пояснила она гостю, снова улыбнувшись. Расслабившись в тепле, слегка захмелев, он тоже улыбнулся, найдя её почти красавицей. И, решив уже было скрасить одинокой женщине ночь, принялся за еду.

Но когда из соседней комнаты вышла девушка, он замер с ложкой во рту.

— О, помилуй меня, Хольга! — прошептала она, прижав ладони к щекам.

— Рыска? Ты? Но как? — опешил Крысолов.

— Вы знакомы? — удивилась женщина.

С него вмиг слетел весь хмель.

— Как ты сюда попала? — обалдело спросил путник. Он был не то что удивлён — шокирован! Но ведь он был уверен, что Альк... Вот это поворот! Сплетни и увиденное сложились в прозорливом уме, и всё стало понятно.

— Так этот упрямый выскочка обрюхатил тебя и бросил? — хлопнув стакан настойки, зло спросил Крысолов.

— Не говорите так про Алька, — тихо и жёстко ответила Рыска, сверкнув глазами.

— А, так вот почему так малого назвала, — догадалась хозяйка дома.

— Давай, рассказывай, как было, — выпив две стопки подряд, велел путник.

Ульфина подсела к столу, налила и себе стопку настойки. В глазах женщины читался интерес: она тоже ничего не знала о Рыскиной личной жизни.

— Не буду я ничего рассказывать, — твёрдо произнесла девушка и развернулась, чтобы уйти.

— Не, погоди! — остановила ее тётка. — Так дело не пойдёт! Может, господин путник прав в чём, может, милого твоего найти можно. Да и вообще — мало ли! Рассказывай, давай!

— Чего его искать? — устало уронила Рыска. — Я знаю, где он. Только зачем мне это?

— Затем, что я поеду туда и выдеру его как Сидорову козу! — вызверился путник. —

Хорошее дело: сам на золоте жрёт, как сыр в масле катается, а ты тут одна дитя его растишь! Еще и денег тебе должен!

— Он отдал, — возразила Рыска. — Кстати, вы не знаете, где Жар? Половина денег — его.

— В Ринстане, где ж ему быть? В тайной службе служит, я устроил, — отмахнулся Крысолов.

— Передадите ему?

— Ещё чего! Сам пусть сюда едет, я расскажу ему о тебе.

— Это будет ещё лучше, — сдержанно улыбнулась девушка.

— Ах ты, мать его, крысью! Да его ж убить за это мало! — выпив в четвёртый раз, продолжал яриться Крысолов.

— Кого? Жара?

— Да нет же, Хаскиля твоего разлюбезного! Вот урод! Да я ему все космы пооторву!

— Да прекратите вы! — не выдержала Рыска, ударив кулачком по столу так, что тарелки подпрыгнули. — Я сама ушла!

Повисла пауза.

— Зачем? — удивился путник.

— Не хочу посольскую родословную портить, — вздохнула она.

Крысолов, уже окончательно отказываясь что-либо понимать, уставился на девушку.

— Да ты правда, что ли, дура? — спросил он.

— Наверное, — глухо сказала она.

— Зачем ты это сделала?.. То-то я гляжу, что на него это непохоже, — задумчиво проговорил путник. — Он, конечно, сволочь, но благородная сволочь. Подобного за ним никогда не водилось, он за свои поступки отвечать умеет. Он хоть знает?

— Не знает и не узнает, — заверила Рыска.

— Да, если б знал, в два счёта бы на тебе женился, — согласился Крысолов.

— И что это была бы за жизнь? — гордо спросила девушка.

— Уж лучше, чем так.

— Как — так? У нас всё хорошо.

— Ага, хорошо, — тоже, хлопнув ещё стопочку, кивнула тётя Ульфина. — Иногда по целой ночи ревёт, а иногда и день захватывает. Как ни гляну — глаза на мокром месте. И сейчас заревёт, того и гляди!

Рыска закрыла руками лицо. Слезы снова подступили к глазам.

— Ты расскажи, как было, — попросил Крысолов. — Садись, расскажи. Я твой друг, тётя твоя тут. Нас не надо стесняться, — он погладил девушку по вздрагивающим плечам, — расскажи... Тебе же легче будет!

От души проревевшись, Рыска присела за стол и всё им рассказала, краснея аки маков цвет, когда разговор касался причины появления на свет её малыша. Рассказала про свою большую любовь, про господина посла, не одоббившего выбор сына, про то, как под проливным дождем покинула негостеприимную саврянскую столицу. И про то, как просто ехала и ехала, не разбирая дороги, пока не оказалась в Калининках. И неизвестно, что было бы, если б однажды ранней осенью, холодным промозглым вечером не постучалась она в уютный домик у озера, где неожиданно нашла и приют, и добрый совет, и дружескую поддержку, и материнскую заботу.

— Так вы ей не тётя? — поинтересовался путник у Ульфины.

— По крови — нет, а так... да, теперь уже, конечно, тётя, — ответила Муха, а это была она. — Мне ведь тоже несладко пришлось, господин путник. Одна на старости лет осталась, а тут такая радость... — она со вздохом улыбнулась, заглянув в глаза Рыски. — Ну хватит уже печалиться, милая. Радуйся тому, что есть.

Так или иначе, но Рыске полегчало. Во всяком случае, наутро она улыбалась.

Крысолов ошибся насчет простуды, а может, просто перебрал, но голова гудела с утра как колокол, и потому он остался в гостях у Рыски и её тёти ещё на сутки. Теперь уже никто не требовал с него денег, но он всё равно, по собственной инициативе, решил подкинуть немного: они лишними не бывают, когда в доме младенец.

Честно говоря, основной причиной его задержки стало не плохое самочувствие, а желание посмотреть на маленького отпрыска семейства Хаскиль. Детей путник любил, но в жизни у него с этим как-то не срослось.

Сердце замерло, когда Рыска подвела его к колыбели. Её лицо сияло от гордости и радости.

— Смотрите, — торжественно произнесла она.

Увидев малыша, путник аж вздрогнул.

— Ну как? — над ухом прошептала молодая мать.

Как? Жёлтые с зеленцой глазки, бровки вразлёт, светло-серебристые волосы — так, пушок пока, острое саврянское личико, невероятно белая кожа и потрясающее сходство во всём. Даже пальчики на руках...

— Такое впечатление, что это не ты, а он его родил, — Крысолов прицокнул. — Ну надо же! Только кос не хватает!

— Вырастут! — с вызовом пообещала Рыска.

— В Ринтарской веске?

— Ну и что? Плевать я хотела.

— Задразнят пацана!

— Пусть только попробуют, — холодно произнесла девушка, и путнику стало понятно, что это не просто угроза.

— Скажи Альку! — взмолился Крысолов. — Ну хочешь, я сам к нему поеду? Знаешь, как рад будет? Я его знаю, Рысь, не дури!

Она помолчала немного.

— Знаете, почему я ушла? — начала она. — Я для его родни — как корова беспородная. Наполовину из скакового стада, наполовину из дойного. Ни то, ни сё. Мне и Альковых закидонов хватало, а тут еще и они бы насели. Ну не дали бы нам спокойно жить! Мне-то без разницы, я бы ради него и не такое бы стерпела, а он стал бы переживать да изводить себя... Он ведь только с виду стальной. Нутро у него мягкое, чуть дотронешься — и рана. Он потому и в путники пошёл, думал, будут все видеть, какой он, весь из себя: и дар у него, и мечи, и не доберутся... И из дома уйти навсегда хотел, и женщин близко не подпускал, и ведёт себя со всеми надменно, чтоб не ранил никто. А главное, он сам этого всего не понимает! Кичится своей силой, всегда и ото всех пакости ждет... Так же жить невозможно! Представляете себе, как тяжело таким быть? И как с ним тяжело...

— Да уж знаю, — со вздохом, согласился путник.

— А главное ведь, хороший он... Добрый, благородный. Родных своих очень любит. Но никогда в жизни ни в чём таком не признается! И мне с этим тоже ничего не поделать. А смотреть на такое сил не было... — Рыска всхлипнула и отёрла слёзы. — Он сам себе

никогда не позволит быть счастливым... А отец его свои цели преследует. И... Тоже ничего понимать не желает. Я правильно ушла. Я всё равно бы не смогла ничего изменить.

— А как же ребёнок? — печально спросил Крысолов.

— А что — ребёнок? — серьёзно спросила девушка. — Альк ведь путником быть мечтал? Вот пусть и будет. Таким, как он, всё равно не до семьи. Перекати-поле... Я сначала думала, что обиделась, но дело не в этом. Просто не хочу всю жизнь сидеть и ждать... — она шмыгнула носом. — Мальчик будет только мой. Я так радовалась, когда узнала, что он будет! — улыбнулась Рыска, покачав головой. — Сутки в молельне на коленях простояла, Хольгу благодарила!.. Да и никому он не нужен, кроме меня, — заключила она.

— Ты неправ! — с чувством выпалил Крысолов. — Именно из таких, как Альк, и получаются самые лучшие мужья и отцы!

Рыска вздохнула, глубоко, тяжело и махнула рукой.

— Этого всё равно не будет, — подвела она печально и уверенно.

Помолчала, а потом совсем уж упавшим голосом попросила:

— Пожалуйста, не говорите ему...

— Да почему?

— Потому что так для всех будет лучше.

Крысолов хотел было ещё что-то сказать, но вдруг понял: она давно все решила. Переубедить её, по крайней мере, пока, не получится. Вот глупая, напридумывала себе... Может, правда, навестить Алька в замке?..

С другой стороны, мало ли что между ними произошло? Явно же, что-то она недоговаривает. Говорит, отец Альков виноват. А так ли на самом деле? Вздохнув, путник решил не лезть не в своё дело.

— Жалко... — только и сказал Крысолов.

— Что?

— Жалко, говорю, и тебя, и его. И маленького... — он посмотрел девушке в глаза. — Зря ты так, Рысь... Зря ушла. Все, что ты сказала — это... так оно и есть. Но вам всё равно не надо было расставаться! Я, когда тебя только увидел, сразу понял: такая моему ученику и нужна.

— Почему? — Рыска слегка улыбнулась, скорее, своим мыслям.

— Противоположности притягиваются... А ты его противоположность: снаружи мягкая, а внутри стержень стальной, никому не сломать. Таким, как ты, тоже надо в путники идти. Ты, кстати, не хочешь?

Спросил он риторически, чтобы просто сменить тему на менее печальную, да и мнение её по этому поводу давно знал. А она вдруг неожиданно, жёстко, по-деловому, спросила:

— А можно? А то златы-то закончатся рано или поздно, а кушать что-то надо.

Путник изумлённо уставился на девушку, а она продолжала:

— В веске жить мы будем впроголодь. А сын растёт. Хотелось бы, чтоб увидел в жизни побольше, чем в своё время я, чтоб в люди вышел, нужды не знал. Что мы с тётёй вдвоём сможем ему дать здесь? Тем более, она уже немолодая. А вот если б я выучилась, потом смогла бы неплохо зарабатывать. Вообще, я бы хотела...

Крысолов лишь головой покачал.

— Ведь условия не изменились, — предостерег он. — Ты уверена?

— Уверена, — кивнула Рыска.

— Одногоне пойму: как твой дар смог вернуться? Ты же его потеряла... И потом, ты

ведь не хотела. Сама же мне говорила, что считаешь всё это подлостью какой-то...

Она в который раз махнула рукой.

— Всё после родов пришло... — пояснила она. — И дар вернулся, и... отношение к жизни изменилось. Мне по-прежнему всех жалко. Но его, — она кивнула на колыбель, — жальче всех. И за него я кого угодно проглочу: хоть крысу, хоть корову, хоть ядовитую змею.

— А если сама станешь крысой? Учти, помочь тебе избежать этого никто не сможет...

— А я и так крыса, — нахмурившись, перебила Рыска. — Спряталась в нору и сижу тут. Только по ночам и вылезая. Надоело, — заключила она. — Хочу как Алык: всё знать, всё уметь и никого не бояться.

— Ты его идеализируешь, — с улыбкой покачал головой Крысолов.

— Да, — согласилась Рыска. — Это потому, что очень сильно люблю. Он для меня как бог: рядом с Хольгой стоит.

— Он больше на Сашия похож, по-моему, — буркнул путник.

— Наверное... Но Саший тоже бог, и тоже — рядом с Хольгой.

Крысолов оглядел девушку с неподдельным уважением. Что ещё он мог ей сказать?

— Ну что ж, тогда к осени готовься в Пристань. Дар у тебя есть. Тебя непременно туда возьмут. — Он помолчал, соображая. — Я сам приеду за тобой, чтобы по дороге с тобой ничего не случилось. Тётя-то тебя отпустит? Ей ведь самой придётся растить дитя.

— Отпустит, — ответила девушка. — Это она мне посоветовала учиться.

Уезжая на следующее утро, Крысолов оставил Рыске две книги.

— Научись хорошенько читать и писать, там много придётся, — наставлял путник девушку. — Жаль, без учителя, ну да ладно.

Тётушка Ульфина покачала головой:

— Почему это — без учителя? Я грамотная, могу помочь, если попросит.

— Прошу! — Рыска с улыбкой сложила руки шатром. Она уже больше суток пребывала в приподнятом настроении — впервые почти за год.

— Вот видите, господин путник, как вы нам помогли! — тётя похлопала девушку по плечу. — Приезжайте к нам ещё, — промурлыкала она с довольной улыбкой.

Кому ещё он «помог» (ночью на сеновале, не смотря на заморозки), Рыска догадалась, понимающе ухмыльнувшись.

— Всенепременно! — пообещал Крысолов.

С этого дня установилась тёплая, совершенно летняя погода, что вызвало благоговейный ропот весчан, прекрасно увидевших, какого гостя принимали Рыска и тётя Ульфина и как тепло они с ним прощались.

Весчане с тех пор ещё больше стали сторониться неулыбчивой девушки, укрепившись во мнении, что раз она знается с путниками, то её точно следует опасаться.

Осенью Крысолов перевёз девушку в Ринстан, помог устроиться и освоиться в Пристани, и с тех пор дня не проходило, чтобы кто-нибудь из коллег, случайно встретившись с ним, не начинал хвалить его старательную «дочь». Впрочем, было это вполне заслуженно, ибо прилежная Рыска изо всех сил тянулась за своим кумиром, а потому и успехи её не могли оставаться незамеченными. Крысолов был рад, что привёл её в Пристань. Он гордился ученицей, да и жить ему стало с тех пор веселее.

*

— Ну, вот и я, — Рыска поставила ведро с водой на пол, сбросила дрова возле печки. —

Загопите, пожалуйста, печь, — попросила она, — а я пока картошку почишу. Или, если хотите, давайте наоборот.

Господин путник тяжело вздохнул. Растапливать печь ему приходилось редко. Хозяйство в его квартире вела экономка, приходящая прислуга. Она прибиралась, вычищала и растапливала камин, добивалась, чтобы стало достаточно тепло, и уходила домой. Ел Крысолов чаще всего в кормильнях, так что и картошку чистить ему приходилось нечасто. Городская жизнь и достаток давно сделали его ленивым в быту. Даже в поездках, которые в последнее время случались нечасто в связи с немолодым уже возрастом и должностью наставника, он предпочитал заплатить тому, кто избавит его от бытовых мелочей и забыть о них.

Решив, что растопка печи всё же проще, Крысолов засучил рукава и принялся за дело, вздыхая каждую щепку.

Когда всё погасло в пятый раз, Рыска, уже закончившая свою работу, вежливо оттеснила его в сторонку и принялась за растопку сама. Однако из-за разыгравшейся за окном пурги тянуло и в самом деле плохо. Кое-как, с помощью Сашия, чьё имя девушка не раз и не два упомянула, пламя разгорелось, загудев в жерле печи. Тогда Рыска достала подвешенное за окном в торбе замёрзшее сало, с трудом нарубила его, бросила на сковородку, которую поставила на печь, и принялась нарезать картошку соломкой. Работала она быстро и сноровисто, и наставник вдруг поразился, что принял её предложение поужинать. Голова у него давно прошла, а от запаха готовящейся еды проснулся аппетит, тем более, что готовила его воспитанница намного вкуснее, чем кухаря в кормильнях, особенно для любимого учителя.

— У меня тут тоже кое-что есть, — вспомнил путник.

«Кое-чем» оказался глиняный горшочек с грибами, обвязанный пергаментом: знакомый кормилец утром угостил. Грибами оказались солёные грузди или что-то наподобие. Рыска попробовала один и одобрительно кивнула: вроде ничего.

— У вас выпить, случайно, ничего не найдется? — спросила девушка, помешивая ложкой картошку в сковородке.

— Адептам запрещается употреблять алкоголь в общежитии, — сделав постное лицо, процитировал Устав Крысолов.

Рыска улыбнулась.

— Адептам, может быть, и запрещено, но я же ваша дочь, — иронично произнесла Рыска. На слухи она с детства научилась не обращать внимание, но этот ей нравился. Она им всю пользовалась, а ещё гордилась, что её считали дочерью Крысолова.

Девушка и её учитель немного посмеялись.

— Нет, в самом деле, есть выпить или нет? Что-то мне сегодня невесело, — призналась она.

— Понимаю, — согласился путник и снова полез в свою сумку, — конечно, есть, доча, — он достал и поставил на стол плоскую металлическую фляжку. — Настойка травяная со специями. Очень согревает. Подойдет?

— Естественно, подойдёт. Отвернитесь только на щепочку, мне нужно переодеться, — попросила она.

Когда наставник отвернулся, Рыска быстро скинула ставшие давно привычными штаны и рубашку и надела зелёное домашнее платье из плотной ткани.

— Всё, можно поворачиваться, — разрешила она, расплетая косы. Она сутки не

расплеталась и не расчесывалась, поэтому кожа у неё на голове болела. Теперь ей хотелось немного отдохнуть от кос, и плести снова она не стала, только расчесала чёрный, ставший чуть волнистым полог, закрывающий её до ягодиц, и откинула назад.

— Красивые! — залюбовался учитель.

— Ага, только мешают очень. Отрежу, наверное.

— Ты что? Как можно? Такое богатство...

— Тогда отрежу и продам, — пошутила девушка.

— Я тебе сам приплачу, только не режь!

— Знаете, как они по спине хлещут, когда бежишь или с мечами тренируешься? Как вожжи, — пояснила она.

— В одну плети.

— Одна вожжа.

— А если в узел на затылке? — предположил он.

— Упадешь на спину, и либо шею себе сломаешь, либо шпильки в голову вопьются.

Крысолову было до слёз жаль Рыскины волосы, и он во что бы то ни стало решил не дать им познакомиться с ножницами, и потому, не подумав, воскликнул:

— А как же савряне воюют? У них ведь все мужики с косами!

У девушки на миг остановилось сердце. Как воюют савряне, она не задумывалась.

А вот один представитель этой нации тут же возник перед глазами, особенно его белые косы... Пальцы тут же задрожали, вспомнив ощущение шелковистых прядей, вдоль позвоночника пробежали мурашки, внизу живота зажгло, как тогда... Как же она соскучилась: и душой, и телом!..

Сердито дернув плечами, Рыска отогнала наваждение, однако порозовевшее личико не укрылось от взгляда наставника, про себя тут же обругавшего свой язык.

Помнит она его, ещё как помнит! Четыре года прошло, и ничего не изменилось. Теперь уж и не изменится, наверное...

— Откуда я знаю, как они воюют? — буркнула Рыска, снимая с печи сковородку и ставя её на стол.

От картошки исходил дивный аромат, наставник аж облизнулся, ещё раз порадовавшись, что не отказался от ужина.

Все нашлось у запасливой Рыски: и вторая ложка, и слегка зачерствевший хлеб, и луковица, и три солёных огурца, порезанных на кружочки, и даже две маленьких выточенных из дерева рюмки — на глоток. Но только девушка и наставник, наполнив их, чокнулись друг с другом и замахнулись, чтобы выпить, раздался стук в дверь.

Крысолов и Рыска удивленно друг на друга уставились. Она указала на дверь — кто? Он пожал плечами: не знаю! А потом показал на её стакан: пей! Она понимающе кивнула, выпила и выпучила глаза, но тут же заела огурцом, а затем и стаканчики и фляжка в один миг исчезли в ящике стола с помощью Рыскиных проворных рук.

Она поглядела на учителя и подавила смешок: Крысолов тоже, скривившись, жевал огурец.

— От головы и то лучше было, — признал он не своим голосом.

Стук в дверь повторился.

Рыска встала и пошла к печи, попутно выдернув из дверной ручки швабру, которую перед ужином догадалась туда вставить.

— Да, войдите, — бросила она, взяв с пола полено и нацеливаясь подбросить его в печь... да так и застыла с этим поленом в руке. Хорошо хоть не упала, когда дверь открылась...

На пороге её комнаты, на самом деле небольшой каморки с угла здания, куда с трудом поместились стол, два стула, кровать шириной в пять ладоней и комод, стоял высокий стройный мужчина в чёрном плаще с капюшоном, угрюмый, припорошенный снегом. Из-за плеч его торчали рукояти мечей. Одна из белых кос, заплетённая до самых последних волосков, спускалась из-под капюшона почти до пояса. В руках он держал седло, дорогое, красивое, почти новое, с гербом Хаскилей на задней луке.

— Можно мне войти? — спросил он.

— Да, конечно, — разрешил вместо Рыски Крысолов. — Заходи, садись, мы тут ужинаем.

Девушка замерла возле печки, продолжая жечь саврянина взглядом жёлто-зеленых глаз. Он тоже не двигался с места.

— Ну заходи уже, сквозняк ведь, дверь закрой! — напомнил наставник. Он хорошо представлял себе, что творится на душе у каждого из них...

...Но мужчина продолжал стоять.

Снег подтаял на его плаще от печного тепла. Отдельные снежинки превратились в капельки.

А они всё смотрели, словно не веря...

Крысолов по-стариковски вздохнул:

— Эх, мне б на ваше место! — и, отвернувшись, махнул рукой.

— А-а-альк! — выдохнула Рыска и, выронив полено, с места прыгнула на него.

Альк отбросил седло и поймал её на лету, обнял, поцеловал, не стесняясь присутствия наставника, крепко прижал к себе, то ли со вздохом, то ли со стоном.

Все, что было и не было перестало существовать, забылись обиды и разочарования. Осталась одна только огромная и всепоглощающая радость от встречи.

Никто из них не видел, как шедшая по коридору смазливая девица, одна из тех, кто приходит в Пристань не учиться, а строить глазки адептам и наставникам и, как правило вылетает еще до третьего курса, зло плюнула на пол и тут же нырнула в соседнюю дверь. Это у неё четверть лучины назад саврянский красавчик спрашивал о девушке-полукровке, весьма точно описав Рыску-крыску. Надо же, к этой заумной дуре — и такой мужчина! К Рыске-крыске, а не к ней, красивой! Да ещё и такая трогательная сцена чуть ли не посреди коридора! Пойти хоть посплетничать с подругами и позлословить, раз ничего не перепало.

===== Глава 5 =====

Чёрный дорогой кожаный плащ, подбитый мехом, висел на заглушке печи. Седло затолкали под кровать. Дверь снова была закрыта на швабру. На одном стуле лежали два меча в ножнах, те самые, парные, из замка Полтора Клинка, покрытые слоем уже подтаявшей изморози. На втором у стола сидел Крысолов, задумчиво отправляя в рот огурец по кусочку и глядя на своего ученика.

Альк, вытянув ноги — как раз до печи, сидел на Рыскиной кровати. В правой руке он держал сковородку, левой соскребал с неё при помощи ложки остатки картошки. Хлеб и грибы уже закончились — благодаря ему же.

Рыска, свернувшись возле Алька калачиком и уткнувшись в него лбом сбоку, счастливо вздохнула и закрыла глаза. На лице её было написано такое блаженство, что у Крысолова

защемило сердце.

Всё видел пожилой путник, всё понимал... Не только радость Рыски, сквозившую в каждом её движении, в каждом вздохе, издали бросаящуюся в глаза видел он. Радость Алька, замаскированную обычной для него наглостью и надменностью, наставник тоже вполне замечал. То, как саврянин торопливо поел, не спрашивая разрешения, отхлебнул из фляжки:

— Тьфу, это что за дрянь? — выдал он, скривившись. А потом осторожно встал, умылся и присел обратно, уложив Рыску головой к себе на колени, провел рукой по её волосам — и по лицу его скользнула тень улыбки, в жёлтых глазах, которые он тут же отвел от наставника, мелькнули усталость, покой и... нежность.

— Ты здесь какими судьбами? Уехал же вчера, — спросил Крысолов.

— Корова сдохла, — просто сказал Альк, пожав плечами. — Сюда вернуться ближе всего было.

— А крыса где? — нахмурился наставник.

— Да там, с седлом вместе, — махнул рукой саврянин.

Рыска тут же вскочила, укоризненно посмотрела на Алька, но промолчала: не тот был момент. Затем заглянула под кровать, достала тварюшку, отнесла к печке. А потом, взглянув на пустую сковородку, вздохнула и снова полезла за окно, за хлебом, чтобы хоть чем-то накормить зверька.

Убедившись, что тварь сыта и в тепле, Рыска вымыла руки и вернулась на кровать. Стоило ей уютно улечься, Альк снова попросил её:

— Может, чаю поставишь? Никак согреться не могу. Мороз там сегодня знатный...

Рыска легче белки вновь соскочила с кровати, засуетилась у печи.

— Далеко идти пришлось? — спросил Крысолов.

Альк пожал плечами:

— Вешек двадцать, наверное, я их не считал, — нехотя ответил он.

— Ты выпей ещё, — предложил путник.

Белокосый с отвращением взглянул на фляжку, но настойку допил.

— Ну и... гадость! — выдохнул он. — Дай воды! — попросил он девушку, и та с готовностью протянула ему кружку.

— Слушай, — обратился он к Крысолову. — Дай денег взаймы. К весне верну, самое позднее — к началу лета.

— Сколько?

— Чтоб на корову новую хватило и чтоб с голоду по дороге не сдохнуть.

— У меня столько с собой нет, могу только завтра к вечеру, после занятий принести, — развёл руками путник.

— А мне сию щепку и не надо. Я теперь не спешу, — Альк метнул взгляд на Рыску, на миг встретившись с ней глазами. Девушка немедленно их отвела, залившись краской. Такие намеки для неиспорченной Рыски были едва ли не хуже похабных шуточек.

— Кстати, почему у тебя денег нет? — удивился Крысолов.

— У меня и так негусто было, так с коровы в снег упал, последнее рассыпал, — признался Альк, — а снега там по... Глубокий, в общем.

— Поэтому и в кормильню не пошёл? — уточнил наставник.

Альк кивнул, глядя по волосам снова прилегшую к нему на колени девушку.

— Все ясно, — вздохнул Крысолов, не сводя глаз с Рыски и Алька и отдавая себе отчёт,

что сам он тут уже лишний, пора раскланиваться. Оглядел тесную комнату. Да, далеко от идеала. А на такой кровати и одному места мало, да и... скрипит небось, хотя в такой ситуации обычно всё равно. Но тут неожиданная идея пришла ему в голову.

— Я полагаю, ты здесь будешь? — риторически спросил он ученика.

— Куда ж мне ещё идти? — пожал плечами Альк.

— Я не о том... Может быть, ко мне пойдёшь?

— Опять на мороз? — вопросом ответил белокопый.

— Ничего, там согреешься. Моя экономка всегда хорошо натапливает.

Рыска вскинулась, видя, что Альк почти согласился.

— Ну, вообще-то я... — начал саврянин, покосившись на девушку.

— Я имел в виду, идите туда оба, — перебил путник.

— Ты со мной? — спросил Альк снова покрасневшую Рыску.

Она, продолжая краснеть, посмотрела вопросительно уже на учителя.

— Да иди уже, иди, хватит смущаться. Будто я не понимаю... — с улыбкой произнес Крысолов, уже протягивая девушке ключ, — деньги в верхнем ящике стола, в кабинете, ты бывала там. Дашь, сколько необходимо.

— Мне бы сутки отдохнуть, — предупредил Альк.

— Сколько считаешь нужным, — махнул рукой Крысолов. — Ты завтра на занятия можешь... кгхм... тоже не приходите, я скажу, что ты заболела, — обратился он к Рыске, немедленно покрасневшей снова.

— А как же вы? — вспомнила она.

— А я в крыло для наставников пойду, — не разочаровал своих учеников Крысолов. — Идите, отдыхайте, вам есть о чём поговорить наедине, — серьезно сказал он.

Альк и Рыска, не сговариваясь, тут же поднялись с кровати и начали торопливо собираться. Альк на ходу глотнул как раз подоспевший чай, Рыска накинула шубу. Крысолов и глазом моргнуть не успел, как остался в комнате один.

Он покачал головой.

Никогда в жизни путник не поощрял разврат, гоняя из общаги загостившихся девиц. Но тут развратом и не пахло. То, что происходило между Альком и Рыской, было настоящей, кристально чистой любовью, такой, которая и у него самого когда-то была и которую он так бездарно упустил. Может быть, думалось ему, теперь его ученица проявит толику ума и скажет саврянину о ребёнке? Конечно, он будет орать и беситься, но ведь тогда всё, — полдела сделано. Успокоится же он когда-нибудь! И, конечно, придумает, что делать... Жена у него теперь есть — это, конечно, помеха, но Альк будет не Альк, если не найдет выход из положения. Что он не оставит Рыску, ясно как божий день. Только бы сказала... Хотя, этот и сам догадаться может. Дай божиня, чтоб догадался!

Сам Крысолов давно решил: в их жизнь он лезть не будет, а то ещё испортишь что-нибудь, хуже сделаешь. Нет, пусть сами разберутся. А уж если всё останется как есть, то пусть его осуждают, но он всегда будет им помогать, потому что не так много по-настоящему близких людей осталось у него в этом мире: эти двое, Рыскина тётя Ульфина, к которой он повадился иногда приезжать в гости, да бойкий мальчуган, сын Рыски и Алька. Да, пожалуй, ещё бывший (бывший?) воришка Жар.

Если б его ученики не носили дара, Крысолов давно поменял бы им дорогу, чего бы ему это ни стоило, но здесь он был бессилен. Он пытался воздействовать на ситуацию через их ребёнка, но ничего не получалось. Это могло означать лишь одно: у малыша тоже со

временем прорежется дар. Да и быть иначе не может. В кого ему быть другим?

Вот ведь глупость какая: стоит сесть, поговорить, покаяться обоим — и всё! Впереди любовь и счастье, выстраданное, долгожданное, а значит — хранимое как зеница ока. Но никто не начнёт этот разговор первым. Один слишком гордый, другая слишком заботливая, нервы его бережёт, не хочет ссорить с роднёй. А может, и сомневается в нём: ведь Альк изо всех сил дерёт нос вверх, старается не показать, как Рыска ему дорога и нужна. Кто не знает, в жизни не заметит этого.

А годы-то идут... Они такие скоротечные, эти годы! Давно ли сам был таким, как Альк — молодым, амбициозным?.. А вот уже и жизнь к закату подбирается, крысы ждут-не дождутся.

Так и у всех. И у них так будет... Время-то никого не ждёт.

Альку вот тоже уже почти тридцать лет, а это хоть ещё и немного, но уже и немало.

— Помоги им, Хольга, — прошептал Крысолов, погасил лампу и вышел за дверь.

Через пургу Рыска не шла — летела на крыльях, привычно петляя по столичным улицам и переулкам. Альк шёл вроде и рядом, но было видно, что он давно здесь не был, да вдобавок плохо видел в темноте, и если б не она, долго искал бы жильё своего наставника. Так или иначе, они молча держались за руки, и Рыска вся трепетала, как и прежде.

Улица, ещё одна, небольшой проулок, вниз под арку, на второй этаж по лестнице — и вот она, нужная дверь, беззвучно открывшаяся им навстречу, стоило лишь вставить ключ в замок.

Швырнув сумку в угол, Рыска скинула сапоги, тенью заскользила по комнатам, с радостью обнаруживая, что в квартире тепло, намного теплее, чем в её комнате в общежитии. Даже шубу захотелось снять, что она и сделала незамедлительно.

А вот лампа все не попадалась: в привычном месте её не было.

— Альк, у тебя огниво есть? — спросила она, обернувшись в очередной раз — и почувствовала себя крепко схваченной сильными надёжными руками. Ощущение было такое, словно пол и потолок местами раза три поменялись. Но приятно до невозможности!

— Ты так и не согрелся? — всё, что она смогла сказать, чувствуя исходящий от него холод. Обняв Алька, Рыска словно попала в другой мир, где она была словно не она. Все воспринималось настолько иначе, настолько по-другому... Голос отнялся, дыхание перехватило, сердце готово было выпрыгнуть. Но так хорошо! Как будто всё остальное, померкнув, ушло в никуда, и опять остался только он, смысл её жизни, самый главный человек.

— Давай, снимай плащ, пошли к камину, — ласково произнесла девушка. — Так быстрее тепло станет...

— Ищешь повод поскорее меня раздеть? — с усмешкой спросил Альк.

— Да, ищу... — почему-то теперь сознаваться было не стыдно. — И ещё не хочу, чтобы ты заболел.

— А что главное?

— Одинаково... — выдохнула Рыска, и, не в силах бороться с желанием поскорее к нему прильнуть, сама начала его раздевать. Он был холодный, как ледяная глыба, но продолжал целовать её прямо в прихожей.

— Может, подождёшь немного, я дров в камин подброшу... — робко попросила она.

— Не подожду. Я тебя четыре года не видел, — голос Алька был, как всегда, спокойный, а вот руки заметно дрожали, да и дышал он часто. Почувствовав так близко тело

желанной женщины, он забыл про всё на свете, в том числе и про то, что промёрз сегодня насквозь.

— Тебе же холодно... — задыхаясь от желания, шептала Рыска.

— Сейчас будет жарко. И тебе тоже... — пообещал Альк, усаживая её на комод.

Огонь в камине разгорался всё ярче. Рыска успела-таки раздуть непогасшие угли и подбросить дров, хотя Альк был прав: стало жарко. Еще как жарко... Это она так, на всякий случай, чтоб до утра тепло подержалось. И ещё — чтобы исполнить свою фантазию и при этом не замёрзнуть.

Она бывала в квартире учителя несколько раз: Крысолов приглашал её в гости, а однажды посылал принести из его жилища забытые там бумаги, когда сам не мог отлучиться из Пристани.

Путник жил в богатом районе Ринстана, и потому квартира у него была элитная, весьма комфортабельная, трёхкомнатная, с уютной кухней, ванной, камином.

Вот этот-то камин и поразил Рыску в один из её визитов к учителю. Даже не так сам камин, как расстеленная перед ним медвежья шкура. Помнится, как метнула взгляд на камин и шкуру и, как обычно, покраснела до ушей, представив, чем можно заниматься на ней. А потом перенесла ситуацию на себя и покраснела ещё сильнее. А учитель, конечно, всё понял, улыбнулся, но промолчал.

Рыска почувствовала себя тогда так, словно он мысли её прочитал во всех неприличных подробностях, и неделю не могла смотреть ему в глаза.

А сейчас она сидела и смотрела в огонь, совершенно голая, с распущенными волосами, и некого было стыдиться. В жёлто-зеленых глазах отражались огненные сполохи. На душе у неё вотсарился покой. В произошедшее ей просто не верилось.

Еще три лучины назад она была потерянной и несчастной, а теперь — как тогда: самой счастливой на свете, потому что её сокровище дремало рядом с ней на мягкой шкуре, повернувшись лицом к огню, и смотреть на его лицо, во сне кажущееся моложе и спокойнее, было величайшей радостью на свете.

Что там будет потом? Да Саший с ним, не хочется об этом думать. Попробовать взглянуть на дороги? Не получается. Как раньше уже не будет. Их связка разорвалась, теперь дар каждого сам по себе, а значит, они мешают друг другу как любые видуны. Да и не хочется сегодня заглядывать вперед. Хочется, чтобы эта ночь не кончалась никогда. И поэтому надо прекращать думать о глупостях. Лучше лечь рядом с ним и обнять — ведь так давно об этом мечтала.

Так и сделала, но чтоб не загоразивать Алька от огня — пусть подольше погрееется — обняла его сзади, прижалась щекой к плечу, услышав размеренный стук сердца. Как же хорошо!

И почему, интересно, всё так устроено? Казалось бы, все мужики и в самом деле одинаковы, как говорила приснопамятная тётка Ксюта, ниже пояса. Да и выше различия небольшие, по крайней мере, не принципиальные. Да и Альк по сути самый обыкновенный, не назовёшь его таким уж писанным красавцем, это уж точно, просто подать себя умеет как надо. Но любят, как оказывается, не за это, а за что — так и непонятно до сих пор. И вовек не понять, но почему-то быть хочется только с ним. И поэтому он навсегда и во всём для неё самый-самый.

За два с половиной года в Пристани, где Рыску по большинству окружали мужчины и парни, она получала предложение руки и сердца раз, наверное, десять, однажды даже от

наставника, причём того не напугало и то, что у девушки есть сын. Да только всем она отказала... И дальше отказывать будет. Её сердце навеки принадлежит Альку и её тело — тоже. И вряд ли с кем-то другим ей будет так же хорошо.

Рука девушки начала поглаживать тело любимого словно сама по себе, сначала просто ласково, потом всё более настойчиво, заинтересованно, спускаясь ниже, с мускулистой груди на плоский живот с кубиками пресса и дальше вниз...

Альк неожиданно повернулся на спину.

— Я думала, ты спишь, — удивилась Рыска, продолжая его гладить одной рукой, а другой подперев голову.

— Выплюсь ещё, — он привлек Рыску к себе, стал целовать и поглаживать её нежное, податливое тело. Она с удовольствием отвечала на ласки.

— Ты устал, наверное, — предположила Рыска, хотя теперь ей было откровенно всё равно. Ей снова хотелось его, ощущался знакомый огонь в низу живота, и всё тело пробирала дрожь. — Двадцать вешек по снегу — это же так далеко, так тяжело...

— Что ж я за мужик, если из-за снега от своих обязанностей отлынивать буду? — спросил Альк, продолжая ласкать её. Рыска, как тогда, в первую их ночь, раскрылась ему навстречу, и он не смог больше терпеть, уступив её, да и своему желанию поскорее слиться воедино. Как же он соскучился!

Рыска не была уже девчонкой, наоборот, сильно повзрослела, после родов превратившись в настоящую, страстную женщину. Вот только девать эту страсть ей было теперь некуда, и она тихо страдала от своих эмоций. За четыре года она изголодалась так, что теперь просто с ума сходила от такого неожиданного поворота в судьбе, стараясь извлечь из ситуации наибольшую пользу. Постельные сцены снились ей в последнее время всё чаще, и тогда она просыпалась вся мокрая, злая и до обеда плохо соображающая.

То, что произошло две лучины назад в прихожей, стало для неё глотком воды в летний зной. А хотелось не глотка — хотелось водопада. Водопад она и получила: и тот, из светлых волос, в которые она с жадностью запустила пальцы, и водопад его страсти, прорвавшийся наружу в ответ на её страсть. Не прошло и десяти щепок, как она, содрогнувшись и застонав, уже без стеснения, замерла под ним. Слишком долго ждала, чтобы было иначе. Альк почувствовал это, самодовольно улыбнулся.

— Отдохнёшь? — спросил он её.

— На небесных дорогах отдохну... Продолжай, — попросила Рыска.

— Как скажешь, — Альк каким-то неуловимым образом перевернулся на спину, и Рыска оказалась сверху.

— Но не так же! — взмолилась она. После оргазма у неё кружилась голова, принимать вертикальное положение совсем не хотелось.

— Лень в этом деле недопустима, — предостерёг Альк.

— При чем здесь лень? Я думала...

— И думать тоже не надо, — он приподнялся, поцеловал Рыску в губы, потом стал спускаться ниже, лаская её. Уже через три щепки ей и самой перехотелось менять положение, наоборот, захотелось двигаться активнее, всё ускоряя темп. И снова стало сказочно хорошо... А потом ещё раз, и ещё... Она и сама не помнила потом, сколько раз и как именно это происходило, только хотелось всё сильнее.

В первый раз, ещё там, в Саврии, всё было настолько волнительно, ново и непривычно, что деталей девушка почти не запомнила. Теперь же, когда Рыска уже точно знала, чего

хочет и как этого добиться, ей открылось много интересного. Оказалось, что сильная страсть владеет телом и душой лишь до первого оргазма, а потом ей на смену приходит что-то другое, тоже сильное, но уже вполне разумное. Но всего приятнее было томное состояние после любви, когда больше не хотелось продолжать, а просто обнять Алька, уткнуться в его волосы и уснуть, тем более, что тело само просило сна и легко погружалось в него.

Сначала Рыска услышала:

— О, Божиня, какой разврат!

Потом почувствовала: Альковы волосы во сне попали ей в рот. А уж потом увидела сухопарую тётку в сером платье с гулей на затылке. И свою руку у Алька на... да, прямо там!

Вскочив как ужаленная Рыска накинула на него одеяло. Потом схватила своё платье, накануне небрежно отброшенное в сторону и буквально впрыгнула в него.

— Вы кто такие? — строго спросила тётка, глядя, в общем-то на Рыску, но продолжая коситься на Алька, точнее, на то, что исчезло под одеялом. Похоже, увиденное её впечатлило.

— А... я... дочь хозяина квартиры... — заикаясь, ответила девушка.

— Дочь? Ну-ну, — не поверила женщина. — Я его сто лет знаю, нет у него никакой дочери.

— Какая вам разница? — слегка придя в себя и немного возмущившись, спросила Рыска. За четыре года она неплохо научилась давать отпор тем, кто несправедливо к ней придирался. Просто ото сна ещё не отошла и не сориентировалась в ситуации.

— Да никакой! Мне — никакой. А вот страже будет интересно. Пойду-ка я её позову, — пообещала тётка, но вместо этого уселась в кресло, с интересом изучая саврянина. — Небось, воры? — спросила она. — Пришли, обокрали. Да только дверь закрыть забыли! А я всё вижу! Я всё время дома!

— Так вы не экономка? — догадалась Рыска. — А кто же? — странно, к учителю, вроде, никто другой прийти не мог.

— Я соседка! — гордо представилась она. — А вы — воры! — припечатала она. Однако бдительную женщину определённо интересовал не обворованный сосед, а мужские прелести Алька, подобных которым она, судя по всему, не видела уже лет двадцать, а то и больше.

— Какие воры, тётка? — грубо, тоном господина, произнёс Альк. — Зачем бы мы тогда спать легли?

— Ну, вам, вора́м, виднее, — безапелляционно заявила она. — Нет, я всё же стражу позову. А ещё лучше, самого господина путника, пусть он вас в крыс превратит!

— Что-то не торопишься. Иди, зови! — рявкнул Альк, махнув рукой на дверь.

— И пойду! — взвизгнула та, провожая взглядом сползающее с мужчины одеяло, но так и не трогаясь с места.

— Я тебе сейчас сам дорогу покажу! — саврянин поднялся с импровизированного ложа, одеяло с него упало, а на лице тётки отразился восторг.

— О, Хольга! — только и смогла произнести она, уставившись на то, чего она не видела так давно.

Рыска проследила её взгляд и возмутилась до глубины души. Не успев подумать, она за шкуру (и откуда силы взялись!) подняла незваную гостью с кресла, развернула к двери и весьма неласково проводила — проща говоря, вытолкала вон.

— Девонька, да погоди, погоди, не надо! Я же пошутила! — сопротивляясь, верещала тётка.

— Своего заведи и тогда смотри! — гаркнула Рыска. — Коза озабоченная!

Сердито хлопнув дверью и закрыв её на засов, она напустилась на Алька.

— Из-за тебя я дверь вчера не закрыла! — ярилась она, в то время как саврянин со смеху умирал.

— Здорово ты её! «Коза озабоченная»! А как же уважение к старшим? — смеялся Альк.

— А ты, как всегда, рад стараться!

— Да пусть посмотрит, мне не жалко!

Рыска произнесла несколько непечатных слов, причем одно — из родного языка своего любимого, отчего он пополам от смеха согнулся.

— Ты что, ревнуешь? — вдоволь повеселившись, спросил Альк.

— Кого тебя что ли? Вот ещё!

— А что, тут ещё кто-то есть? — он привлёк девушку к себе, погладил по спине. — Всё, враг повержен! Снимай доспехи, — Альк попытался стащить с Рыски платье, но она вывернулась из его рук.

— Отстань! Я жрать хочу! — прошипела она и с сердитым видом удалилась на кухню.

— Бывает, — согласился Альк.

— А всё из-за того, что кто-то вчера всю мою картошку приговорил.

— Кстати, вкусно было.

— Спасибо, я знаю! — злилась Рыска. — Для себя готовила! — она захлопала дверцами шкафов, обнаружив там пустоту. — Вот крысья мать, тут шаром покати! — со злостью и отчаянием выкрикнула она.

— Ты чего так злишься? — примирительным тоном спросил Альк.

Рыска хлопнула дверцей шкафчика с посудой.

— А сам не догадался? — вызверилась она.

— Нет, — по-прежнему улыбаясь, ответил он.

— Вечно ты себя так ведёшь: то баб при мне лапаешь, то голым задом светишь, и не только... Думаешь, мне это приятно? — кипя от гнева, прокричала она. — Всегда готов выставиться!

— Так всё-таки ревнуешь?

— Да пошел ты к Сашю! — она отвернулась к окну.

Повисла тишина. Рыска была так зла, что даже плакать не могла, лишь молча, громко сопела. Так уж повелось с самого начала: с тех пор, как она увидела Алька человеком, она ревновала его ко всем, и теперь скрывать это не было смысла, да и не утаишь шила в мешке.

Альк подошел к Рыске сзади, обнял настолько ласково, что с неё мигом слетел весь гнев.

— Ну, извини, — тихо сказал он. — Я и не думал, что ты такая ревнивая. Больше не буду...

Рыска вздохнула.

— Как же иначе? Ведь я тебя люблю... — произнеся это слово, она вдруг поняла его новый смысл. Не то, что раньше: глубже, значительнее. И тем горше было осознавать: он уйдет. Скоро. А значит, нельзя терять ни щепки.

Обернувшись, она обняла его снова, уткнувшись в широкую грудь... Всю жизнь бы так простояла.

— Пойдем в кормильню сходим, раз здесь есть нечего, — предложил саврянин.

Девушка вскинулась.

— У меня денег мало. До стипендии ещё неделя. А у учителя брать стыдно.

— Ничего себе, ты еще и стипендию получаешь? — удивился Альк. — Хорошо учишься?

— Неплохо, — скромно кивнула Рыска.

— Молодец, — заключил мужчина. — А денег... У меня есть немного. Да и у учителя же твоего можно взять, — сделав ударение на слове «твоего», сказал он.

— Альк!!!

— Что Альк? Он разрешил!

— Какой же ты нахал!

— Почему сразу нахал? Я отдам!

Рыска посмотрела на Алька в упор, и вдруг до неё дошло: он совсем не тот, с кем она когда-то делила последний кусок хлеба. Вернее, конечно, тот же, но теперь его жизнь вернулась в привычное русло. Что для него какие-то там два-три сребра, потраченные на обед в кормильне? Для него купить корову — это как для неё — пару шпилек. Вон какая у него одежда, дорогая, сшитая на заказ, седло с гербом, печатка золотая на среднем пальце левой руки и еще одно тонкое колечко на правой, тоже золотое!.. Она ему не ровня. Альк возьмет денег у учителя, и для него не составит труда их вернуть, и Крысолов прекрасно это знает.

Наверное, нужно было радоваться, но Рыске стало совсем невесело. Когда они делили нужду, было намного лучше: хотя бы не чувствовала себя человеком второго сорта.

— Не надо думать о ерунде, — вкрадчиво произнёс белокопый. — Это всего лишь деньги. Мне нисколько не жаль потратить их на кормильню. И на тебя...

— Ох, ладно, я голодная как зверь, — отогнав неприятные мысли, сказала Рыска. И тут вдруг поняла одну вещь. — Подожди! Ты же сказал, что все в снег упустил, и на кормильню у тебя не хватит.

— Хватило бы, — кивнув, сказал Альк. Он понял, что Рыска имеет в виду. Но ему просто захотелось в этом признаться...

— Зачем же в Пристань пришёл?

— А разве я не путник, не имею на это права?

Рыска молча продолжала смотреть на него.

— Ладно, захотелось увидеть тебя, — отведя взгляд, проговорил саврянин.

— Ты же не знал, что я там! — возразила девушка, хотя внутри всё снова затрепетало: она-таки значит для него что-то! Всё не просто так!

— Я почувствовал, что ты там, — признался Альк, снова посмотрев в Рыскины глаза очень серьёзно, без издёвки. — Ещё в кабинете Крысолова...

Рыска помнила. Она заглянула в дверь учительского кабинета и увидела Алька. Он сидел вполоборота за столом и прихлебывал что-то из глиняной кружки. Учитель, жестикулируя, что-то рассказывал ему... Почувствовав взгляд, саврянин обернулся, но Рыска уже отпрянула в коридор, а потом убежала в общежитие и разрыдалась. Крысолов успел увидеть девушку и мог бы сказать об этом Альку, но помнил её слова: «Если встретите его, то вы меня не видели и понятия не имеете, где я!» И хотя путник очень этого хотел, не пошёл за ней.

Однако Алька всегда было трудно обмануть. Он и в этот раз обо всем догадался, как обычно.

— Почему сразу не подошла? — тихо спросил он.

— Давай не будем об этом, — Рыска опустила глаза, понимая, что сейчас как никогда готова всё ему рассказать: о сыне, о себе, обо всём, и чувствуя, что лучше не сделает — разве что хуже. И ещё, что через щепку он догадается сам. Бывало уже такое, и не раз... А зачем ему знать? У них разные дороги, это давно ясно. Не хочет она быть бедной родственницей Хаскилей! Уж лучше пусть всё остается как есть. Её осудят люди — да и Саший с ними! Она с рождения для всех как прокажённая, не привыкать. Но теперь у неё есть, кого любить...

А Альк... Хорошо, что пришёл. Но понятно, что уйдёт. И нечего об этом жалеть. Лучше, встав на цыпочки, коснуться губами его губ, чтоб снова забыть обо всём, хоть ненадолго.

...Три лучины спустя, сидя на кухонном столе, обнимая Алька руками и ногами, прижавшись к нему всем телом, Рыска снова чувствовала себя счастливой. Какая разница, чей он? С кем он... ведь явно женат, не зря у него колечко на безымянном пальце правой руки... Главное, сейчас он только её! И спасибо Хольге за момент счастья, выпавший в жизни.

— А я всё думал: зачем Крысолову кухня? Из него стряпуха, как из меня святой Трачнил, — задумчиво произнёс Альк, положив голову Рыске на плечо. — Теперь понял, зачем.

Рыска не сразу поняла. А когда до неё дошло, что он имел ввиду, то хлопнула его по спине.

— У тебя все об одном! — сердито сказала она. — И не надоедает?

— И не надоест, — пообещал Альк, со вздохом и счастливой улыбкой глядя Рыске в глаза. А потом подхватил её под попу и понёс на кровать.

— Мы вроде в кормильню собирались, — слабо возразила она.

— Успеем... И вообще, мы же не жрать сюда пришли.

===== Глава 6 =====

«Свечу» Альк оставил на квартире, и стоило им только выйти на улицу, как Рыска ощутила нечто, чего с ней раньше никогда не случалось. Сначала словно озноб пробрал — подумала, что это от мороза, а потом вдруг словно все резервы организма в один миг мобилизовались. Как будто поток силы сквозь тело потёк — мощный, всепоглощающий. Она вдруг почувствовала себя невероятно сильной и всемогущей. Даже лёгкая усталость после бурной ночи и не менее бурного утра прошла. Девушка остановилась, посмотрела на своего любимого, отметив среди прочего, что выглядит он как сказочный герой. Всё при нём: и мужественная красота, и благородная стать, и сила.

А на лице его было удивление.

— Ты чувствуешь? — спросил он.

— У тебя тоже? — вопросом ответила она.

Как же здорово: не надо больше ничего говорить, он и так всё понимает!

— Что это? — спросила Рыска.

— Не знаю... Но, судя по ощущениям, наша связка не разорвалась, хотя я совершенно не понимаю, как это возможно, — таким удивлённым, и в то же время довольным, она Алька никогда не видела. — Я уж думал, всё...

— Я тоже, — согласилась Рыска, — Наверное, «свеча» твоя мешала...

Они продолжали стоять и смотреть друг на друга. На улице после вчерашней метели было белым-бело, зимнее солнце светило чрезвычайно ярко. Снег искрился и переливался, словно россыпь бриллиантов. А вот мороз усилился, хватая за открытые участки тела.

Но им не было дела ни до чего на свете. Оба поняли вдруг одну вещь: теперь им нельзя

расставаться. Вспомнилось всё то, что они могли когда-то вместе и представилось, что могут теперь.

Однако жизнь навязывала совсем другие условия, и не покориться им тоже было нельзя. Собственно, радоваться было нечему. И поняли они это тоже одновременно.

— Что будем делать? — спросил Альк.

— Мы должны сообщить в Пристань, — пожала плечами Рыска. — Вроде, так полагается...

— А надо? Представляешь, что будет?

— В том-то и дело, что представляю, — вздохнула девушка. Помолчала, раздумывая. — Давай хоть учителю скажем, — предложила она.

— Обойдётся, — безапелляционно заявил Альк, припомнив Крысолову обиду. — Пошли, Рысь, никому мы ничего говорить не будем. — Альк со вздохом взял девушку за руку.

— Но почему? — не поняла она.

Альк нахмурился.

— Помнишь Райлеза? — спросил он.

— Такого забудешь...

— Таких как он — половина Пристани, а другая половина по дорогам ездит. И все они хотят немеряную силу и власть. А наставники, как ты уже знаешь, стремятся к переменам в системе связок «путник-свеча», они давно хотят прекратить это всё или хоть немного изменить. Но пока не знают как. Твой учитель ведь тебе это всё рассказывал. Подумай, как хорошо было бы, если б все могли как мы?

— Так давай их научим! — радостно предложила девушка.

Саврянин фыркнул.

— Чему? — спросил он. — Ты хоть знаешь, как такое получилось?

Рыска пожала плечами. Нет, она не знала. Похоже, никто пока не знал: в этом-то всё дело было.

— Если им сказать, — подтвердил её предположение Альк, — мы с тобой не оберёмся горя. Нас не оставят в покое всю жизнь, потому что такой феномен следует изучить. И мало ли, что может прийти в голову наставникам? Я не настолько предан путничьей общине, чтоб посвятить ей всю свою жизнь. Я и вернулся-то сюда, чтобы они не думали, что испугался и чтоб не радовались, а они всё же дали мне грамоту, чтобы молчал. Поэтому предлагаю молчать и об этом. У них свои секреты от учеников, такие мелкие неприятные тайны, а у нас будет свой. Ну как?

Рыска молчала. Альк был прав, успев испытать действие одного из таких секретов на себе. Она тоже не принадлежала к тем, кто фанатично предан Пристани, тем более, в том, что произошло с Альком, ей даже пришлось поучаствовать, и, понятное дело, ничего хорошего она тогда не увидела. Ей просто хотелось в будущем зарабатывать деньги и не бояться всего подряд, потому и пошла учиться.

— Наверное, ты прав... — согласилась она.

Альк кивнул, облегченно вздохнув.

— Молодец, — сказал он. — Я в тебе не сомневался. Пока просто никому не говори. А там станешь путницей...

— Альк, подожди, — остановила его девушка. — А если я стану крысой?

Повисла пауза, в продолжение которой Альк смотрел на Рыску с горечью. Такое вполне могло случиться.

— Ты можешь отказаться от испытания, — осторожно произнёс он. Честно говоря, он вообще не ожидал увидеть её здесь, более того: не ожидал, что к ней вернётся дар.

— Я не собираюсь этого делать, — тихо произнесла девушка. — И потому... мне очень страшно.

Альк долго смотрел на Рыску, а потом сказал:

— Я не допущу этого.

— Да как?

— Пока не знаю... Но мы с тобой особенные, и потому должны друг другу помогать. Если с тобой такое случится, я заберу тебя и отпущу, как положено. Я помогу тебе, как ты мне когда-то.

— А если не отдадут?

— Деньги делают с людьми чудеса, — мрачно улыбнувшись, сказал Альк. — Заплачу — и отдадут как миленькие!

— А если у нас второй раз такое не получится? Ведь так может быть!

— Тогда просто заберу. В любом случае, мучить тебя не дам, — хмуро произнёс Альк.

— Тогда забери сейчас! — почти прокричала Рыска.

Он глубоко, тяжело вздохнул.

— Поздно, Рысь. Слишком поздно, — и, увидев потёкшие слёзы, сгрёб её в охапку и прижал к себе.

Альк и сам себе бы не признался, но ему тоже хотелось плакать в этот момент, ибо забрать Рыску с собой было самым большим его желанием, а сделать этого он не мог.

— Зачем ты женился? — шёпотом спросила девушка, давясь слезами.

— Зачем ты ушла? — горько ответил он.

Ни на один из этих вопросов не было ответа. И в то же время ответы были так ясны и очевидны, что произносить это вслух не имело смысла.

Альк до ужаса не хотел поднимать эту тему. И одновременно не хотел больше расставаться с Рыской. А она, решившаяся было рассказать о сыне, снова в последний момент передумала, поняв в очередной раз, что это бессмысленно: только рану бередить. «Лучше, — подумала она, — попросить учителя рассказать всё Альку, если она станет крысой. Пусть тогда заберёт мальчика... А сама...» В общем-то, Рыска всегда была честной. И давно решила, что если станет «свечой», то выполнит своё предназначение безропотно, и не надо её спасать, забирать, отпускать... Тем более, не надо за это платить. Выбор свой она сделала.

Но не бояться она не могла, хотя и назад поворачивать не собиралась. Однако слышать, что ты не одна, что кому-то небезразлично твоё будущее, что тебе хотят помочь, было так сладко!.. Как и всякой женщине, ей важно было именно услышать это.

Но тем больнее было то, что у Алька теперь есть жена, и то, что так или иначе придётся с ним проститься. А потому несчастная девушка никак не хотела от него отстраняться, словно таким образом можно было что-то изменить, кого-то удержать...

Они долго так простояли, прямо посреди улицы, белым днём, под ярким зимним солнцем, на сильном морозе, почти не чувствуя холода.

— Она красивая? — наконец спросила Рыска.

— Обычная... — нехотя ответил Альк.

— Как её зовут?

— Зачем тебе?

— Скажи...

— Дамира.

Рыска всхлипнула.

— Ты её любишь?

Альк отстранился и заглянул девушке в глаза.

Ни о какой любви к Дамире не было и речи, просто так сложилось, что она стала его супругой. А вот со своим отношением к Рыске он давно определился. Стоит ей сказать или нет?

Он никогда и никому не говорил этих слов, а сейчас — хотел... То, что он тогда произнёс по-саврянски, не в счёт: Рыска наверняка не поняла, да и не считается это, просто вырвалось тогда на эмоциях... Сейчас же это было осознанно.

Ну что ещё это может быть, если не любовь? Ведь не может же простое влечение длиться так долго!.. Но произнести это оказалось не то, что непросто, а совершенно невозможно!.. И пока он решался, момент ушёл...

А потом его кто-то окликнул.

— Альк!

Саврянин обернулся, увидев Жара, и даже порадовался окончанию разговора. Ну не поворачивается язык такое сказать и всё тут!

— Жар! — преувеличенно-весело воскликнул Альк, протягивая руку бывшему вору.

Рыска тут же поникла и отвернулась, вытирая хлынувшие потоком слёзы. А потом через силу улыбнулась и тоже поприветствовала названного брата. Получилось плохо: слёзы не прекращали течь.

— Что с тобой? — нахмурился Жар. — Обидел тебя опять? — кивнул он на Алька.

— Да нет, нет, всё хорошо, — наперебой начали убеждать Жара Рыска и Альк.

— А почему она ревет?

— Это от радости... — Рыска закрыла руками лицо, по опыту зная: раз потекли, пусть уж текут, а то так и будут наружу проситься.

Жар, конечно, не поверил, но, как и Крысолов, решил не вмешиваться. Он не носил дара, но глаз имел наметанный и неплохо разбирался в людях. А этих двоих знал как облупленных. Что между ними что-то произошло, он почуял за версту; что Рыска скрывает от Алька сына — точно знал. Ну, и что Альк женат — тоже: прошлым летом случайно встретились, когда саврянин приезжал для проведения обряда. Вот увидеть своих друзей вместе Жар не рассчитывал и сделал несколько неправильный вывод. Конечно, Рыска дала ему чёткую инструкцию: если встретит Алька случайно, говорить, что давно не видел её, не знает, где она и так далее. Но летом Альк не спрашивал. «А теперь, — подумал Жар, — видимо, сами разобрались. Что ж, тем лучше».

— Вы куда собрались? — буднично, словно видеть их вместе ему приходилось каждый день, спросил Жар.

— Да так... По городу пройтись, в кормильню зайти, поесть что-нибудь, — за двоих ответил Альк, быстро взяв себя в руки. — Пойдешь с нами? — спросил он, глядя на Жара в упор. В жёлтых глазах ясно читалось: пошли! Возобновления разговора Альку совсем не хотелось. Ну не любил он разговоров, в которых ему нечего было сказать! И самому было настолько не по себе, что о Рыскиных переживаниях он даже не подумал.

Жар его ожиданий не обманул.

— Да, конечно, я с вами, — неуверенно произнёс он, покосившись на Рыску, и глаза у

девушки совсем погасли.

Они пошли втроем: Жар, озадаченный странным поведением своих друзей, Рыска, всё ещё хлюпающая носом, и Альк, ушедший в свои мысли.

У Жара прямо-таки язык чесался расспросить их, что произошло, и когда-то, возможно, он так и сделал бы, но сейчас не решался, чувствуя, что дело глубоко личное. Однако, тут мог помочь алкоголь: выпив и расслабившись, не Альк, так Рыска всё расскажет. А потому Жар с порога кормильни сразу заказал три кружки варенухи.

Как только искомый напиток оказался на столе, Рыска тут же схватила свою кружку и осушила настолько быстро, насколько смогла, и снова окликнула служанку, стоящую в стороне и с интересом изучающую саврянина.

— Ещё, — попросила видунья, окинув девицу недобрый взглядом. Варенуха подействовала почти мгновенно: шли вторые сутки, как девушка ничего не ела, потеряла много сил, да ещё и перенервничала.

— Ты что делаешь? Поешь сначала! — с повелительной интонацией произнёс Альк.

— Жену свою учи, — грубо ответила Рыска, насмешливо глянув на саврянина.

— Да что с вами такое? — не выдержал Жар.

— Ничего! — раздражённо ответили оба.

Вторую кружку Рыска мигом отправила вслед за первой, не смотря на то, что варево ещё слегка дымилось.

— Ещё, — велела она служанке.

— Хватит пить! — прошипел Альк ей на ухо.

— Тебе жалко, что ли? Я сама расплачусь, — усмехнулась она. — Жмот саврянский!

— Да при чём здесь?.. — разозлился Альк. — Третья уже будет!

— А потом ещё и четвёртая, — пообещала девушка.

— Прекращай пить!

— Хочу и буду, — глядя ему в глаза, произнесла Рыска и схватилась уже за другую кружку, выхватив её у Жара и выпив намного быстрее, так как та уже слегка остыла.

Когда служанка принесла следующую кружку, Альк велел ей больше у девушки заказы не принимать, на что Рыска нагло рассмеялась и пересела за другой, свободный стол.

— А я говорю: принимать! — на всю кормильню возвестила она. Все посетители —, а было их немало — обернулись и с интересом уставились на пьяную девушку.

Альк решил иначе повлиять на ситуацию: поднялся из-за стола, подошел к служанке и попросил приготовить для Рыски какой-нибудь компот вместо варенухи. Но девушка истолковала его действия иначе: её совсем накрыло.

Для начала она сцапала последнюю кружку и выпила её содержимое, а потом, когда подали снова, Рыска лишь брезгливо осмотрела принесённое и, щелкнув пальцами, подозвала служанку:

— Это чё такое? — пьяно спросила она.

— Варенуха, госпожа.

— А мне кажется, чай! А ну неси нормальную. Неси, говорю! — она ударила кулачком по столу. Служанка кивнула и пошла было на кухню, но Рыска остановила её. — Хотя нет, подожди! Поди сюда, — заговорщически прошептала она, и лишь только девица наклонилась к ней, с ловкостью кошки сцапала её за косу, намотав на руку. — Ещё раз вот на него, — она показала на Алька, — глазами стрельнёшь — урою! — пообещала она. — Пшла вон! — и оттолкнула испуганную девушку.

— Славно посидели, — заключил Жар и, поднявшись, подошёл к подруге. — Пойдёмте отсюда подобру-поздорову, — он попытался поднять Рыску, но она сбросила его руки, глянув чуть ли ни с ненавистью.

— Никуда я не пойду, — рывкнула она. А потом поднялась из-за стола, пошатываясь, взяла стул, оседлала его, сев напротив Алька — глаза в глаза. Но обратилась к Жару:

— Знаешь, что со мной, Жар? — спросила она настолько громко, что никто в заведении не мог её не слышать. — А я скажу, — тут как раз напуганная служанка принесла ещё три кружки, и Рыска с готовностью схватила одну из них и опять выпила, не почувствовав. Альк ей не мешал, рассудив, что хуже уже не будет.

— Пять, — сосчитал Жар.

— А со мной то, что ты слишком рано ПРИПЁРСЯ! — с нажимом на последнее слово сказала она. Сожаление об упущенном моменте, помноженное на алкоголь, затмило всё на свете — даже многолетнюю дружбу. — Ещё бы десять щепок — и этот бессердечный тип признался бы мне в любви! Да-да, — кивнула она Альку, — и плюнул бы на всё: и на жену, и на родню... Остался бы со мной. А ты ПРИПЁРСЯ и всё испортил... — со вздохом заключила Рыска. Ей было уже не грустно, не обидно... Вообще никак.

— Я могу и уйти, — обиделся Жар.

— Не, уже не надо, — беззаботно отказалась Рыска.

Жар хотел переставить оставшиеся кружки на другой край стола, но девушка опять оказалась проворнее: схватила одну, выпила, икнула.

— Шесть! — торжествующе заявила она.

— А теперь слушай, — обратилась она к саврянину, — как же ты мне надоел! Ненавижу, а бросить не могу! Правда, надо было ещё крысой в кусты зашвырнуть, к Сашию. Жаль, не смогла... Ик!.. Вот скажи, ты зачем ПРИПЁРСЯ? Чего тебе в своей Саврии не сиделось?

— Успокойся, — тихо и очень зло прошипел Альк. Глаза его метали молнии.

— А ты мне кто, чтобы успокаивать?

— Альк, не надо, она пьяная! — с ужасом, зная, на что способен саврянин в бешенстве, предостерег Жар.

— Я тебя четыре года забывала, почти забыла, а ты опять? — прокричала Рыска, наклоняясь вперед. — Ты сколько ещё собираешься мне нервы мотать? Уезжай ты уже... — она шмыгнула носом. — И не приезжай больше, — тише и спокойнее добавила девушка. — Всё героя из себя строишь, а ты не герой! Ты приспособленец! Ещё какую-то дуру окрутил. Она там живёт спокойно и не знает, что её благоверный творит, чем занимается! ИК!

— Молчи, я сказал! — рывкнул Альк, саданув по столу. Как бы ни был он зол, воспитание не давало ему и пальцем тронуть девушку.

— А то что? — с вызовом спросила Рыска. — Что ты можешь мне сделать? Чем напугать? Мне и так хуже не придумаешь! Унизили меня вместе с папой своим — дальше некуда. Думаешь, я не поняла? А я поняла! Ты же сам меня саврянскому учил! «Вывести девушку из вески можно, а веску из девушки...» Ик! Так или нет? — она снова кричала.

— Это он сказал, а не я!

— А ты? Ты что сказал? — тут же нашла Рыска. — А ничего! Особенно на следующий вопрос, — она всхлипнула и закрыла на миг лицо. — Ты промолчал, — вздохнула она, — и сейчас молчишь, потому что знаешь, что я права. А тогда, — она усмехнулась, — даже искать меня не поше-о-о-ол! Ушла — и слава богам! — Рыска встала, убрала стул, накинула

шубу, раскачиваясь, как берёза на ветру, сделала два шага, обернулась и с горечью добавила, — а сейчас ты просто удачно попал, — она глубоко вздохнула, борясь с дурнотой. — Чем плохо? Замёрз, устал, без крыши над головой остался, а тут такая возможность: ужин, постель, тело под бочёк — и всё бесплатно! Никто б не отказался... И ты такой же! — ткнула она пальцем в Жара. — И вообще, все вы, мужики, начиная от папаши моего — коз-злы! Только брать можете, — она сделала ещё несколько пьяных шагов в сторону двери и рухнула между столами.

— Ой, кошмар! — Жар закрыл лицо ладонью.

— Подержи, — Альк вручил другу свои мечи.

А сам поднял Рыску с пола легко, как пёрышко, забросил на плечо и вышел на улицу. Жар, ни на кого не глядя, бросил на стол горсть монет и вышел за ним.

В ту же щепку кормильня наполнилась гомоном: посетители со вкусом принялись обсуждать увиденное.

— Как ты их все время носишь? — спросил Жар у Алька, поудобнее перехватывая мечи. — Они ж как оглобли! И холодные, заразы!

Альк смерил его странным взглядом, но промолчал.

— Куда теперь? — кивнув на Алькову ношу, спросил Жар.

— Да туда же, где ты нас встретил. Не в Пристань же мне её такую тащить, — Альк тяжело вздохнул, нахмурившись. — Поройся у неё в карманах, ключ там... — добавил он таким спокойным голосом, что Жара озноб пробрал: так спокойно саврянин говорил только тогда, когда был разозлён до предела.

— Альк... а ты что с ней делать собираешься? — с ужасом спросил бывший вор.

Тот хмыкнул.

— Не волнуйся. Тебе нечего бояться. Всё, что мог — уже сделал, — произнёс Альк и замолчал до конца пути.

В квартире Крысолова Альк сначала удивился наступившему порядку, но потом всё понял, кивнул своим мыслям: конечно, приходила экономка, прибралась, камин затопила.

Рыску Альк сгрузил на кровать, снял с неё шубу и сапоги, укрыл одеялом. Жар топтался рядом, словно чуя: он уже не тот в их коалиции. Теперь Альк для Рыски намного ближе: как муж. И главное.

Покачав головой, саврянин отвернулся от спящей девушки и протянул руки за мечами, которые Жар так и не решился никуда положить.

— И ведь сколько я раз говорил, что ей пить нельзя! — со вздохом произнёс Жар, лишь бы что-нибудь сказать, хоть немного поддержать Алька. — Раньше она хоть слушалась, а как родила — всё! Взрослая стала...

Саврянин вздрогнул и выронил свои клинки, чего раньше с ним никогда не случалось.

— Кого родила? — не своим голосом спросил он.

— Мальчика... — глупо ответил Жар, на полпути поняв, что Альк ничего об этом не знал.

Саврянин замер на месте, словно аршин проглотил, переводя изумленный взгляд с Жара на бесчувственную Рыску. Но так ни слова и не сказал, развернулся и выскочил вон из квартиры.

Далеко Альк не ушёл, да и не собирался. Просто присел на заснеженную скамейку, привалившись к стене дома. На душе было паршиво как никогда раньше.

А ведь он вчера обо всём догадался! Просто не придавал значения: радость от встречи

вышла на первый план, заслонив собой всё остальное. Едва увидев Рыску, он заметил, как она изменилась даже на лицо: стала милее, мягче, нежнее. А когда она оказалась обнажённой в его руках, Альк сразу почувствовал изменения фигуры: грудь у Рыски увеличилась, бёдра раздались, а талия словно стала тоньше и стройнее.

Если б раньше у него была возможность сравнить одну и ту же женщину до и после родов, Альк сразу бы всё понял. Но таких долгих отношений у него в жизни не случилось, и он списал все изменения на то, что девушка просто повзрослела. Да и не ломал он над этим голову. Слишком счастлив был её видеть...

Поразило его не само известие, а то, каким образом он об этом узнал.

В том, что Рыска забеременела, если разобраться, не было ничего особенного или странного. После недели непрерывных занятий любовью такое бывает. И даже то, что не сказала сразу, неудивительно: слишком мало времени прошло, она скорее всего, сама этого не знала, тем более, она была так молода, мало что в жизни понимала, могла просто не сообразить.

Но вот почему она не сказала вчера? Или хотя бы сегодня утром... Ну хорошо, хотя бы в кормильне, когда уже напилась? Почему он вообще узнал это не от неё?

Вопрос, его ли это сын, у Алька даже не возник. Зная Рыску, вряд ли она могла после той сумасшедшей недели просто взять и всё забыть, отдавшись другому. Ну вот просто не могла она выбросить из головы те дни и ночи, раз уж он сам этого не мог! А значит, и ребёнок у неё от него.

Вот только что теперь с этим делать?

Честное слово, расскажи она ему обо всём вчера, и завтра утром, не смотря ни на какое сопротивление, он забрал бы Рыску с собой вместе с ребёнком. А жена... Да развёлся бы он с ней — и всё! Что тут думать-то?

А вот теперь неизвестно, правильно ли это было бы или нет...

Раз не сказала, значит не доверяет, не любит, не хочет быть с ним вместе. А тогда пусть всё так и остается...

Смеркалось.

Скрипнула входная дверь. Жар опустился на скамейку рядом с Альком. Саврянин лениво повернул голову.

— Простудишься... — тусклым и безразличным голосом предостерёг он.

— Ты тоже, — уронил Жар.

— Ну и ладно.

Помолчали.

Злился ли Альк на Жара? Пожалуй, нет. Это не его тайна, он не мог сообщить ему летом. Правильно, настоящий друг... И сейчас бы промолчал, случайно, видимо, вырвалось. Да и всё равно уже... Раз он, Альк Хаскиль, в глазах любимой женщины выглядит недостойным знать о сыне, всё остальное не имеет значения.

— Как пацана-то хоть зовут? — спросил Альк со вздохом.

Жар немного помолчал, а потом решил, что скрывать уже нечего.

— А сам как думаешь? — вопросом ответил он.

— Что, в честь меня назвала?

— Ну, а то ж...

— Сильно переживала?

Жар цокнул.

— Ну и вопросы ты задаёшь! — помолчал и добавил другим тоном. — Год ревела, как по покойному...

Альк вздохнул и посмотрел на друга, в поздних сумерках показавшись тому постаревшим лет на двадцать.

— Похож на меня паренёк-то?

У Жара сердце уже разрывалось от безнадёжности в голосе Алька. Но и не отвечать он тоже не мог.

— Одно лицо, с рождения. А сейчас еще и косы отросли... Я его пару месяцев назад видел. Бойкий такой, как волчок. Везде и сразу. Но хороший, ласковый. Рыску обожает...

— С кем он сейчас? — Альк едва заметно улыбнулся, но вечерняя мгла скрыла это от Жара.

— С тёткой одной. Она Рыске не родная, но хорошая. Мальчик её бабушкой зовёт...

Альк закрыл руками лицо, посидел так пару щепок.

— Почему она не сказала? — вздохнул он.

— А почему ты её не удержал? Почему не вернул назад, когда она ушла?

Саврянин промолчал. Сказать, что вымок до нитки, заболел и чуть не сдох? На такое он был не способен, уж лучше оставаться подлецом или правда сдохнуть...

— Жар, у тебя есть корова? — резко сменил он тему.

— Ну... Да, — пожал плечами Жар, не понимая пока, при чём здесь это.

— Сколько стоит?

— Я за два злата брал... Альк, не уезжай, она меня убьёт! — дошло до Жара.

— А ты ей не говори.

Помолчали ещё.

— Ну так продашь или нет?

Жар вздохнул.

— Если я скажу «нет», это что-то изменит?..

— Не изменит. Твоё право помочь мне сейчас или не помочь. Не продашь — я другую найду.

— Я так и думал.

— Ну, тогда, пошли, что ли...

...Когда деньги были переданы, а корова осёдлана, Жар взмолился:

— Альк, пожалуйста, не бросай её! Не злись, что молчала о ребёнке! Она столько пережила! Только Пристань её и спасла, да ещё сын. Не уезжай!

— Ты грамоте обучился? — словно не слыша, спросил Альк.

— Обучился, — со вздохом ответил Жар.

— Если с ней или с сыном что-то случится, найди меня по путничьей почте.

— Это как?

— Письмо для меня в Пристань отдай, укажи, в каком городе меня искать.

— Это в вашей столице, о название которой язык сломать можно? — попытался пошутить Жар.

— Да, в Брбржисще.

— И что?

— И я тогда приеду... — Альк вздохнул, постоял, глядя в пустоту... А потом вскочил в седло и натянул поводья.

— Альк, ну пожалуйста, не уезжай! — Жар заступил дорогу корове, понимая, что это

бесполезно. — Вдруг с тобой случится что... Темно уже! И мороз... Как я ей скажу?

— А ты не говори, — повторил саврянин. — Я у неё седло оставил — пусть себе возьмёт. Или продаст. А то будет хранить сто лет, я её знаю, — буднично добавил он.

— И как я могу ей не сказать?

— Значит, скажи, — голос у Алька снова был безнадежно-спокойный.

— Прощу тебя, останься! Ночь ведь на дворе!

Альк вдруг мягко, по-дружески, очень тепло улыбнулся.

— Зачем ты тратишь слова? Я всё равно уеду, ты меня не удержишь.

Жар вздохнул и отошёл с дороги.

— Я знаю... — уронил он. — Но ты ещё вернёшься?

— Время покажет... Береги их, друг, — Альк пришпорил корову и легче тени растворился в ночи.

Жар долго смотрел ему вслед и не мог понять, почему такие люди как Альк всегда вызывают непреодолимое желание следовать за ними? Почему они всегда любимее милых и домашних? Ну почему?..

— Эх, — горестно вздохнул Жар. А потом протёр снегом глаза и пошёл к Рыске.

Когда она проснётся и узнает, что её любимый уехал, будет море слёз и соплей. Его долг быть рядом.

===== Глава 7 =====

Когда промёрзнешь до костей, точно зная, что тебя никто не согреет, становится грустно. Когда это не впервые, начинаешь привыкать. А если точно знаешь, что не согреют никогда, уже даже перестаешь стремиться к теплу. А хуже всего в такой ситуации осознавать, что на мороз тебя никто не выгонял, наоборот: умоляли остаться, а ты нарочно отказался сам.

Так Альк и поступил десять дней назад: ушёл в морозную ночь, оставив по уши влюблённую в него девушку, и даже не попрощался с ней...

Ну что такого в этих словах: я люблю тебя, прости, будь со мной и иже с ними? Что такого, что не мог он их сказать ни одной живой душе в мире, даже когда сам страстно этого желал?

Он заплатил за это: ночевками в зимнем лесу у трепетного костра; несколькими днями голодовки, потому что закончились деньги и нечем стало заплатить за еду и ночлег; надрывным кашлем — хорошо хоть до воспаления лёгких не дошло; гибелью коровы — пришлось добить, чтоб не мучилась, и душевной пустотой: упасть бы тоже в этот снег, и пусть заметает, не жаль...

Страхи, испытанные им в то время, когда он был крысой, оказались ничем, по сравнению с тем, что происходило в его душе теперь. Тогда он хотел жить, и это хоть немного, но помогало. А сейчас...

Альк шёл пешком с самого Ринтарского берега, чуть не провалился в полынью где-то на середине реки — Хольга отвела. Просто шёл, потому что привык бороться до конца. А вокруг становилось всё холоднее, ибо он двигался на север.

Воздух застыл и звенел. Снег сиял и переливался: днем на солнце, ночью — под луной, и на земле, и в воздухе. Но это отнюдь не радовало: слившиеся друг с другом небо и земля в бело-голубых тонах действовали угнетающе, создавая впечатление, будто не движешься, а на месте стоишь.

Единственным, что отвлекало Алька от полного сумасшествия, как ни странно, была его

крыса. Её нужно было кормить, и для неё он оставил ломоть хлеба, экономно расходуя, чтобы хватило до конца пути.

Он несколько раз мог погибнуть: и от мороза, и на реке, угодив под лёд, да и просто быть сожранным волками. Но смерть притягивает страх, а он не боялся. Ему было всё равно.

Такого чёрного отчаяния в жизни ещё не случалось. И тем чернее оно становилось, чем чётче он понимал: причина всего надуманная. Он сам устроил себе этот ад, сам свернул в бездорожье. Путник, называется...

Сколько раз он останавливался и смотрел назад, думая вернуться. Интересно то, что сделать это было проще простого, а главное: там бы его точно согрели. Он даже представлял, как проснувшаяся Рыска рвёт на себе волосы и просит Хольгу вернуть его в обмен на обещание никогда больше не пить и попросить у него прощения... Но он с детства привык быть сильным. А возвращение к Рыске означало бы его слабость.

А сколько бы счастья эта слабость принесла, и не только ему...

В какой-то момент Альк действительно упал в снег у дороги, но, полежав немного, нашёл в себе силы подняться и идти дальше. На свете все же ещё оставались те, кому он был небезразличен: мать, сестра, жена, да и отец, коли на то пошло, тоже. Они хотели увидеть его живым, и их нельзя было обмануть. Крыса опять же: она ведь не виновата, что так вышло. На тварь Альк смотрел с сочувствием.

Забывать прошлое, как ни верти, у него не получалось, а в прошлом крысой был он сам. Теперь же просто принял правила игры, а вместе с ними — крысу. Так полагалось в его нынешнем звании. И все же, хотя тварь и утратила уже и речь, и разум, он чувствовал в ней человека, наверное, как в себе тогда — крысу.

Крыса... Та крыса... Она исчезла в тот же день, что и Рыска — больше её никто и никогда не видел. А эту Альк берег: грел за пазухой, кормил, даже засунул в свою перчатку под конец пути. Правая рука чуть не отмёрзла, но крыса могла совсем погибнуть. Пришлось пожертвовать. А потом настало долгожданное тепло: он добрался-таки до замка.

Сидя в гостиной у камина, Альк ещё долго трясся от холода, как лист, а вокруг суетились домашние. Даже отец достал бутылку из своих запасов.

— С отравой? — Альк, хоть и стучал зубами, от язвы удержаться всё же не смог.

— А как же? — не остался в долгу отец.

Альк выпил всё буквально залпом, и не почувствовал не то что крепости, а даже вкуса.

А потом отогрелся в ванне, улегся в теплую постель, Дамира крепко прижалась к нему, и жизнь стала почти хорошей: как если хочешь клубники со сливками, а есть лишь прошлогоднее сморщенное яблоко, не такое уж плохое, просто на вид неприглядное, но вполне пригодное в пищу и даже по-своему вкусное. Однако не клубника...

Впрочем, Дамира вовсе не была прошлогодним яблоком. Она была милой, красивой, голубоглазой, светловолосой, а беременность — уже месяцев восемь, не меньше, лишь украшала её. Просто Альк хотел другую: ту, которая осталась далеко, за вешками ледяного безмолвия; ту, что наговорила ему прилюдно за пару щепок столько гадостей, сколько не сказали все его вместе взятые женщины за много лет (кстати, не произнесла ни слова неправды!); ту, что родила от него сына и ничего ему не сказала.

Свою Рыску... Ну что в ней хорошего? Она глупая, своенравная, упертая... Но всегда, неизменно добрая и отзывчивая. Она не испугалась ничего ради него, своего любимого, и с тех пор он обязан ей жизнью.

Альк невесело улыбнулся своим мыслям.

Обязан жизнью... А чем заплатил?..

Проявил нерешительность, слишком долго копался в себе, а в итоге поступил, как хотел отец, и позволил Рыске уйти, как оказалось, вместе с ребёнком.

Путник вздохнул. Ну почему, почему он тогда не окоротил отца? Отец смирился бы со временем и простил.

А она не простила. Она припомнила обиду и скрыла сына. Собственно говоря, её вины снова нет. В который раз вас можно поздравить, господин путник: вы снова поступили как идиот. Надо было хотя бы поговорить с ней...

...Такие мужчины, как Алык, не редкость в обычной жизни. Умные, сильные, смелые, благородные, умеющие буквально всё, они не способны лишь на одно: вовремя понять и признать, что их сердце затронула женщина. Признаться в этом хотя бы себе. И потому страдать от потери им приходится подчас всю жизнь, наверное, потому что признай они это — и растеклись бы сладкой лужицей. А кому они такие, к Сашию, нужны? Судьба у них такая, ничего тут не поделаешь...

Обняв жену, которую не видел с самой свадьбы, Алык ещё долго тупо смотрел в потолок, слушая её сонное дыхание. Как хорошо, что она беременна: не нужно придумывать причину для отказа от любви. А ему теперь, похоже, долго ничего не захочется. Не от усталости, нет... От душевной пустоты. От холода в сердце.

*

Лишь только спал мороз, Дамира начала беспокоиться.

— Алык, мне скоро рожать, — сказала она.

— Ну, я догадался, — пожал плечами Алык. Его опять звала дорога. Месяц на месте он еле выдержал. Однако и уехать пока не мог: хотелось посмотреть на ребёнка, да и жене так спокойнее. Но никаких эмоций по поводу предстоящего события он не испытывал: ни хороших, ни плохих. Просто принял как факт.

— Я хотела тебя попросить, — жена вздохнула, — поедем к моей сестре, пожалуйста. Я у неё родить хочу.

Алык только представил и тут же покачал головой: нет!

— Ну Алык! — взмолилась Дамира.

— Нет, я сказал, — отрезал путник. — Я — здоровый мужик, и то чуть насмерть не замёрз, а ты хочешь в положении устроить себе и мне поездочку на Северное побережье? НЕТ!

У девушки брызнули слёзы.

— Ну пожалуйста! — зарыдала она. — Я переживаю, хочу увидеть сестру. Мне так спокойнее будет! Там уже не холодно. Всего три дня в пути!

— Всего! — фыркнул Алык. И опять сравнил с Рыской: вот ей было бы достаточно его одного. — Там в лесу снега по пояс, а морозы еще ого-го какие!

— Алык, ну ты же путник! Сделай что-нибудь!

— Интересно, что я смогу сделать с погодой на целых три дня? — прикинув вероятность, произнес Алык. Была только одна, хоть немного приемлемая: сильная оттепель, при которой колеса кареты непременно будут проваливаться, в итоге можно сесть на брюхо, а потом рожать в дороге. — Нет, забудь, — отрезал он.

К вечеру на него насели уже вдвоем: ещё и мать подключилась.

— Алык, ну что тебе стоит? — уговаривала она. — Свози жену к родным!

— Мам, и ты туда же? Не повезу я её в таком положении по морозу Саший знает куда! — возмутился он.

Дамира уселась на диван и горько заплакала. Ему захотелось немедленно провалиться сквозь землю.

— Единственное, что я могу сделать, — кипя от злости, предложил Альк, — это привезти твою сестру сюда!

— Не можешь! — прорыдала Дамира. — Она сама недавно родила, да и хозяйство не бросишь.

— Давайте, я поеду с вами, — примирительным тоном предложила мать, вместо того, чтобы поддержать сына.

— Нет! — вконец взбесившись, рявкнул Альк. — Да вы что, с ума обе сошли?! Никаких поездок!

На самом деле он просто хотел поскорее разделаться с проблемой: дожидаться, пока жена родит, побыть с ней пару недель и скорее собираться в дорогу. То ли в крови у него было постоянное странствие, то ли в привычку уже вошло, то ли просто не хотелось делить постель с нелюбимой — да какая разница! Хотелось просто побыстрее уехать. Куда угодно, только отсюда! Родной дом стал немил.

Если бы не пресловутое чувство долга, которое Альк впитал, казалось, с молоком матери, давно бросил бы посылую женщину, тем более, что не отличалась она ни умом, ни какой-то особенной красотой — вообще ничем. Пожалуй, лишь одно было в Дамире действительно ценно: ее кротость и почти абсолютная бессловесность. Словом, за что боролся, на то и напоролся: в ранней юности Альк мечтал о такой. Да и неплоха она была как жена — наверное, как следует познакомиться с Дамирой Альк не успел, уехал через неделю после свадьбы, якобы в Ринстанскую Пристань за грамотой, на самом деле, просто из дома.

А женился он назло отцу... Ну и ещё кое-кому, если уж совсем честно.

...Едва отойдя после тяжелой простуды, которую подхватил, дожидаясь Рыску у городских ворот, Альк отправился прочь из столицы, в родовой замок Хаскилей: отдохнуть, подумать в одиночестве, может быть, встретить старых знакомых, да просто отвлечься — и застрял там на два с половиной года.

Хвала Хольге, в замке всегда было чем заняться, а владелец замка, обязанности которого легли на Алька — это как наместник, только управляет он не городом, а несколькими весками.

Время лечит и не таких. Мало-помалу он успокоился, стал забывать, с чего всё началось. Красивая северная природа, тихое сельское течение жизни, милые лица знакомых с детства людей очень располагают к этому.

Всё вернулось на круги своя, да и пора было жить дальше. Не умирать же, в самом деле...

Рыску он вспоминал, и очень часто. Она была не похожа ни на одну знакомую ему женщину: стояла особняком. В ней не было столичной фальши, но и такой уж дремучей весчанкой она тоже не была: в глупости не упорствовала, легко всему училась и безоглядно верила ему. И любила. Это невозможно было не заметить.

С невероятной горечью Альк понял, что тоже полюбил её — настолько сильно, насколько вообще был на это способен. То, кем она являлась, оказалось незначительным и мелким. А вот жизнь без неё стала пресной и какой-то... чужой, что ли. Проходила словно

стороной. Можно было делать вид, что всё хорошо, принимать участие в жизни окружающих, а в сердце носить холод. Собственно, именно такую жизнь и навязывало положение. Наверное, это и имел в виду отец.

Отец... Ему хорошо навязывать, советовать и наставлять. Они с матерью прожили душа в душу на тот момент больше тридцати пяти лет. При таком подходе можно поучать других.

Альк вполне мог найти Рыску: со связями, деньгами и его даром это не составило бы труда. Но ему, как и прежде во многом другом, мешала гордыня. У него в голове не укладывалось, что его, Алька Хаскиля, бросила весчанка! А по сути так оно и было. Но чтоб он ещё и искать её пошел по всему тсарствию — да его бы на смех подняли! Это в первый момент, пока всё ещё было остро и горячо, даже не подумав, что он делает, Альк бросился за ней. Потом же, разобравшись, поняв, как это будет выглядеть, тем более, в столице, между своим дворянским достоинством и невероятным желанием найти любимую, но безродную девушку, он, естественно, выбрал первое. И стал учиться жить без Рыски...

Надо сказать, приходилось ему не легче, чем ей, тем более, что утешения в виде ребёнка у него не было. Отец иногда приезжал в замок, но вёл себя тише мыши: выжидал, давал сыну время подумать и успокоиться. Он не хотел, чтобы Альк опять сбежал, и лишний раз не трогал его.

И время пришло. Посол не зря ел свой хлеб. Он был прирождённый дипломат, и ему удалось-таки подольститься к Альку и худо-бедно оправдать свой поступок. Даже врать не пришлось — почти.

Конечно, он испугался за сына, очень соскучился и не хотел снова его потерять. Кроме того, господин Хаскиль никогда и не скрывал, что хочет протолкнуть кого-то из сыновей на своё место при дворе, тем самым обеспечив семье еще лет тридцать почёта, уважения и власти. Он не хотел ничего плохого, просто заботился о родных, а Алька считал самым достойным приемником! Что до девицы, делай выводы сам, сынок: значит, не так уж сильно любила, раз ушла и не вернулась. Тем, кто любит по-настоящему, преграды не страшны.

Альк был так подавлен и разбит, что проглотил всё, что преподнёс ему отец, не жуя, да и попросту нужно уже было хоть чем-нибудь заняться. И он решил всё-таки последовать отцовской стезей.

И почти всё получилось.

Однако тут же возникла неувязка: послу полагалось быть женатым. Это было негласное, но непреложное требование ко всем дипломатическим чинам. И если бы господин Хаскиль так напрямую сыну и сказал, Альк бы покорился необходимости, тем более, ему теперь было всё равно. Но отец слегка перемудрил и допустил просчёт.

По возвращении в столицу отец начал подсовывать сыну девиц, которые, по его мнению, наиболее подходили на роль (или даже должность) молодой госпожи Хаскиль. В основном это всё были дочери его соратников.

Альк не терпел, если его пытались обвести вокруг пальца, вернее, заметив такую попытку, возмущался до глубины души. А не заметить внезапное повышенное внимание со стороны девиц на выданье мог разве что слепой. Поэтому когда в очередной раз на одном из столичных балов расфуфыренная красотка, томно закатывая глаза, утащила его в темный угол сада и стала домогаться, Альк, сначала сделав вид, что повёлся, на самом деле узнал девушку и, тут же вычислив ловушку, нежно прошептал ей на ушко:

— Передай моему отцу, пусть если хочет, сам с тобой спит, а потом на тебе женится, — и ушёл.

Господин посол не учёл одного — того, что Альк никогда не был рабом инстинктов, а также не терпел в людях фальши. Да и видел их насквозь — на то и видун.

А когда подобное повторилось несколько раз, отец не выдержал и закатил сыну скандал. Альк выслушал его спокойно и безразлично, а потом спросил, для чего он, по мнению отца, должен жениться. Узнав, что так положено для должности, так же спокойно ответил:

— Хорошо, я женюсь, но жену выберу сам.

А потом лихо разгулялся.

Для начала Альк напился: хорошо так, серьезно, с первым, вторым и третьим похмельем. Потом устроил в городе парочку погромов, и приснопамятная кормильня попала под раздачу первой. Не помог хозяину данный послом сонный порошок: Альк уже пришел пьяный и с мечами наголо. Даже стража не посмела вмешаться: пьяный, хорошо обученный воин с мечом против пары-тройки обалдуев, забывших, а то и не знавших, как этим оружием пользуются — это уже большая проблема. А уж на неделю загулявший, злой и обиженный на весь белый свет выпускник Пристани сразу с двумя — это просто разбегайся кто куда!.. Они и разбежались.

Кульминационным событием стал привод в дом Дамиры.

Девушку Альк нашёл прямо на улице. Ей было семнадцать лет, она поссорилась с сестрой, которая была ей вместо матери, и сбежала из дома, с Северного побережья Саврии в столицу. Сначала он хотел просто приютить её на время, а потом, когда Дамиру отмыли, причесали и переодели, решил, что такая как раз подойдет. Главное, что смазливая на вид и что весчанка: пусть отец позлится, хоть косы себе оторвёт, а сделать ничего не сможет!

Однако девушка в семью неожиданно вписалась.

Даже господин посол не возражал, спокойно благословив сына и его невесту у алтаря. После этого Альк уверился, что его отец поставил своей целью как можно сильнее испортить сыну жизнь. Спектакль не удался. Но выгнать новоиспеченную супругу из дома сразу после свадьбы не позволила совесть. Альк сам ушёл, в сердцах пожелав папе подавиться своим посольством.

Одной-единственной ночи с Дамирой (а не напился бы, и того бы не было) вполне хватило, чтобы девушка забеременела. Альк узнал об этом только по приезде и не удивился. Он давно это предвидел, как обычно. Да и смирился уже. Столько передрыг не то, что сломали его — повергли в апатию, в отупение. К такому каждый склонен: замыкаться в себе, если жизнь одну за другой отвешивает оплеухи. Защитная реакция организма.

Немного успокоившись, Альк решил, что пусть всё остается как есть. Пусть Дамира живёт в замке, рожает ему детей, а сам он просто постарается пореже бывать дома, тем более, что путником он всё же стал.

Ирония судьбы: за одну мечту пришлось заплатить другой. Вот она, крыса, и путничья грамота, и вообще он весь такой крутой — как и хотел. Но теперь оказалось, что этого недостаточно... Что хочется большего: чтоб дома ждала не просто жена, а любимая жена, к которой хочется вернуться, поделиться радостью, пожаловаться — и это вовсе не стыдно, ведь она — ближе всех! — на неудачи. А если она того хочет и ждёт, мчаться к ней хоть на другой край земли, лишь бы не расстраивалась, не плакала, не грустила. Ради такой зарабатываются деньги, совершаются поступки, сворачиваются горы. И дети, которых она родит — желанные, а не просто случайные, и потому тоже любимые.

Настало время откровений, и теперь Альк честно ответил себе: да, в тот момент, на

холодной, заснеженной улице Ринтарской столыцы он был готов навсегда остаться с Рыской и никуда больше не уезжать, по крайней мере, очень долго не уезжать, а потом часто и с удовольствием возвращаться. И мнение семьи по этому поводу было последним, о чём он тогда подумал... Но момент ушёл. А гордыня осталась... И когда она уже схлынет-то, эта гордыня? Пора бы, тридцать лет вам уже, господин Хаскиль. А ведёте себя как в шестнадцать.

Вот Саший, ну зачем он ушёл? На что обиделся? На правду? На сокрытие от него сына? А у Рыски тогда выбора и не было. К тому же, следует признать, она тоже гордая.

...Альк выглянул в окно. По равнине мела позёмка, из серых туч сыпал частый снег. Сгушались сумерки.

Поехать назад? Это значит признать, что был идиотом. Остаться? Значит, быть несчастным всю жизнь.

Он ничего не решил, спросил свой дар, но у него только голова заболела. Да еще крыса пискнула и дёрнулась во сне. С тех пор, как он покинул Ринстан, так и было, если его вопрос был о Рыске или их сыне. Когда путник сильно влюблён, это стандартная ситуация; Альк давно об этом знал. Теперь пока не успокоится и не смирится так и будет...

...Обернувшись, он увидел плачущую Дамиру, нахмурившуюся мать, тяжело вздохнул и сказал:

— Ладно, поедem. Только теперь уже завтра.

Округлившаяся девушка легче газели прыгнула с дивана и бросилась его обнимать.

— Ты у меня самый лучший! — прошептала она.

А Альк почувствовал себя попавшим в капкан. Госпожа Хаскиль вздохнула и направилась к выходу.

Без всякого дара она видела, что происходит с сыном — с одной стороны. А с другой, сочувствовала невестке: правильно, она имеет право требовать от мужа внимания и заботы.

Мать остановилась, поглядела на Алька, поймала его взгляд... Позвать его, поговорить с ним напрямую, без обиняков? Они ведь всегда хорошо друг друга понимали. Альк явно опять в своих сомнениях и переживаниях. А она могла бы повлиять на ситуацию. А потом госпожа Хаскиль посмотрела на живот Дамиры. Сегодня, приложив руку к этому упругому животу, будущая бабушка так растрогалась, что её пробило на слезу. Кроха скоро родится! А Алька дома всё равно не удержишь. Он, конечно, уедет, и так или иначе, рано или поздно, найдёт ту, другую и, возможно, бросит ради неё жену... Но это будет потом, не в такой ответственный момент! Но как же хочется ему помочь!

...Все привыкли считать, что Альк характером похож на отца, но это лишь на первый взгляд. Посол был хитёр, расчетлив, осторожен, умён, уравновешен от рождения. Глупостей за ним не водилось. Альк унаследовал все эти качества, кроме последнего. Ему были присущи и материнские черты: горячность суждений, жажда борьбы, ответ агрессией на агрессию, но он слишком хорошо владел собой, и этого никто не замечал. Тем более, он так долго копировал отца, что стал похож на него уже исподволь.

Однако удержать надолго свою тягу к свободе никто не может. Не мог и он. И это подчас прорывалось наружу в виде разгула, драк, погромов. Путнику с таким характером самое то, а вот в политики такой не годится. Интересно было то, что сам Альк это понимал, а до его отца так и не доходило, как и до многих отцов, мечтающих направить чадо своей дорогой, особенно если чадо любимое, а дорога — торная. Посол так и не желал расставаться с мечтой усадить сына в свое кресло, и Альк сопротивлялся, а отец злился,

отсюда и резонанс. А пострадали невинные, такие как госпожа Хаскиль, Дамира и... Рыска.

Госпожа Хаскиль долго думала, чью сторону ей принять и, наконец, решила, что сын для неё всё же дороже, чем муж, и тем более невестка.

Муж бесится — это плохо. Но он состоялся как личность, многого добился в жизни, и всё потому, что сам так хотел. И женились они в своё время по любви. А Альк? Он и так хлебнул, не дай божиня никому, конечно, по большей части благодаря собственному упрямству и максимализму. Но это не значит, что его нужно добить. Ему нужно помочь! И она поможет.

Пусть маленький сначала появится на свет. А если с этим всё будет в порядке, то через пару-тройку недель она самолично выпроводит сына из дома, перед этим душевно и доверительно с ним поговорив, назвав вещи своими именами. Пусть он едет к своей любимой, и незачем ждать сто лет. Эта девушка не может быть плохой, раз сын ее полюбил.

А с Дамирой... Что ж, этот удар придётся принять на себя, честно рассказав девушке, куда делся её супруг.

Госпожа Хаскиль вздохнула. Она готова к этому. Она не бросит невестку и внука на произвол судьбы. Денег в их семье достаточно, как и приживалок. Одной приживалкой больше, одной меньше — какая разница? Внук же в любом случае получает и фамилию, и наследство.

Конечно, гладко при таком положении вещей уже не будет, поднимется грандиозный скандал. Но ради счастья любимого сына можно и потерпеть. А мужу она ничего не скажет, по крайней мере, пока. Сердце женщины успокоилось, и она пошла собираться в дорогу.

Спускаясь по лестнице, госпожа Хаскиль ещё раз обдумала свое решение и утвердилась в его правильности. Много лет назад у неё самой случилась огромная любовь, не потускневшая с годами. Её отец не стал препятствовать, и в итоге получился счастливый союз, принесший много радости и четверых детей. Она упустила из виду момент, когда её любимый сын выбрал спутницу жизни. Но теперь есть возможность всё навестать, исправить, и она сделает то, что зависит от неё, чтобы помочь. И если Альк похож на неё, то тоже будет счастлив со своей ринтаркой всю жизнь.

— Сынок, проснись, случилась беда! — ворвался в сон голос матери. Альк открыл глаза.

— Что? — хрипло спросил он.

— Вставай, пошли...

— Куда?!

— У твоей жены родильная горячка, а девочка... умерла...

С него мигом слетел весь сон. Вот, отвлёкся совсем на немного, и это случилось!

За последние семь дней, с тех пор как они покинули замок, его не оставляло ощущение, что он находится в аду. Ничего удивительного, сам себе дороги перепутал!

...Пока они добирались до места, с неба беспрестанно сыпало и мело. Хотя дорогу и чистили, толку от этого было мало.

Альк уже сто раз проклял свою стоворчивость и молча ругал себя за то, что пошёл на поводу у жены и повёз ее рожать к сестре.

Дорогу он, конечно, поменял, и снег в какой-то момент прекратился, слегка потеплело, а потом солнце так ярко засветило, что с деревьев закапало. В преддверии весны такая погода не была в диковинку. Как и последовавший за оттепелью мороз...

Подтаявший за день снег ночью схватился ледяной коркой. Мало того, что дорога

превратилась в каток, так ещё и ветер поднялся, принеся новую порцию снега. Все, чего Альк добился сменой дороги, так это того, что под колёсами и коровьими копытами было теперь не просто снежное месиво, а снежное месиво на скользкой основе. Ещё и северный ветер подул с пугающей силой. И хотя до приморской вески все добрались целыми и невредимыми, времени на это ушло в полтора раза больше. К тому же, как Альк и предполагал, Дамире стало плохо: растрясло, да ещё и простыла.

Не особо-то им и обрадовались, когда на закате пятого дня, усталые, злые, замерзшие ввалились они в небольшой весчанский дом. Дамира орала дурниной: начались схватки, при этом её ещё и трясло в лихорадке. Всё большое семейство Дамириной сестры вынуждено было разбрестись ночевать по соседям.

Своих слуг, кроме одной, взятой специально для помощи в родах, Альк отправил ночевать в кормильню, хозяин которой, почуяв, в чём дело, постарался ободрать знатного господина как липку. Альк только рукой махнул — не обеднею, — и заплатил затребованную сумму. В другое время он наказал бы кормильца, но сейчас ему было не до этого. В итоге довольные слуги пошли гулять за хозяйский счет, и Альк искренне им позавидовал. Что ему предстоит, до конца он пока не видел, но чувствовал: ничего хорошего. Как пошло через одно место, так уже и будет.

В избе было натоплено так, словно это не изба, а баня. Служанка, сестра Дамиры Алида и Алькова мать суетились возле роженицы.

— Иди сюда! — неласково окликнула его мать.

А он только присел и поднес ко рту кружку с водой...

— Зачем? — вяло спросил Альк.

— Что значит — зачем? Тебе полагается быть рядом с женой, — напомнила уже Алида. — Разве ты не знаешь? Иначе твоё место займет Саший!

— Не пойду! — буркнул Альк, — Я устал, прилечь хочу. «Тем более, родит она ещё нескоро», — но это вслух он уже не сказал.

— Пойдёшь как миленький! — рявкнула мать.

Альк так устал, был так зол и раздражён, что продолжить спор ему было легче, чем подняться.

— Много, интересно, отец с тобой сидел, мам? — зашёл он с другой стороны.

— Когда тебя рожала, он как раз уезжал по делам. Вот и получилось!.. — не осталась в долгу мать.

Вздыхнув, Альк взял табуретку и сел в изголовье кровати, на которой корчилась Дамира. Ему было её по-человечески жаль, но не более того. На дороги он взглянул и ужаснулся: ничего определенного, несколько «до развилка», а остальные такие, что лучше уж вообще ничего не трогать. Мучиться несчастной девушке предстояло до-о-олго, а исход терялся в паутине дорог.

Есть Альку не хотелось, как обычно от волнения, а вот в сон в тепле потянуло моментально, но прилечь ему так и не дали. Если женщины могли меняться, периодически уходя отдыхать, то его заменить было некому. Представив, как комфортно было бы в замке, усевшись в кресло, ожидать результата родов, Альк совсем загрустил. Да и отец там вполне мог его заменить, хоть на время: не обязателен муж, можно и кого-то другого из родственников-мужчин за плечом роженицы усадить.

Но это мечты. По факту оставалось сидеть и ждать. Альк и сидел, злясь от усталости, готовый вот-вот уступить свой пост Сашию. Дороги перед его глазами были размыты и

неясны, да еще и голова разболелась от воплей: помимо него, Дамиры и трёх женщин, в избе находился ещё и маленький ребёнок, новорожденная, не больше месяца, малышка, дочь Алиды, о которой говорила жена. Так вот, девочка периодически плакала, добавляя суматохи.

Более полутора суток прошло, пока в родах, наконец, наметился сдвиг, и Альк увидел его первым: одна из дорог, раздвоившись, определилась. Оставалось повернуть, чтоб попасть на неё.

— Крысу подай, — попросил он мать.

— Я ее боюсь, — ответила женщина.

— А мне нельзя отсюда уходить, — мстительно произнёс он.

Ругаясь себе под нос, госпожа Хаскиль пошла за «свечой».

— Только за хвост не бери! — предупредил Альк с ухмылкой.

Брезгливо, двумя пальцами, мать подала ему крысу.

— Тихо все! — велел он, сосредотачиваясь на дороге. Ворот лег в руку. Альк закрыл глаза.

... Зелёное поле переходит в пшеничное — и становится золотым. Ярко-синие, цвета осеннего неба, васильки, то тут, то там выглядывают из колосьев. Белые пушистые облака пасутся в небесах, словно барашки. Лето до того разгулялось, всё до того прекрасно, что думать о плохом просто невозможно. Да и причины нет. Что может быть плохого в таком чудесном мире?

Добротный весчанский дом с палисадником, огороженный реденьким, невысоким заборчиком, вплотную притулился к берегу озера, такого гладкого, что отражающиеся в нём предметы прорисованы с невероятной четкостью.

На берег озера высыпает стайка мальчишек, лет по восемь-десять. Чёрные волосы, чёрные глаза, крепенькие фигурки ринтарцев. И лишь один резко отличается от всех: он на полголовы выше товарищей, стройный, как тополёк, худенький и светловолосый.

Он не просто чуть светлее других ребят: его волосы, заплетённые в две косы, чуть ли ни одного цвета с облаками в небе. И глаза — яркого жёлто-зеленого цвета.

Видно, что он здесь главный: ребята пропускают его вперед, указывая на озеро.

Паренёк берет камушек, один из зажатой в кулаке горсти и пускает по воде «лягушкой». Камень скачет до середины озера. Второй доскакивает почти до противоположного берега.

Мальчишки начинают прыгать, кричать, выражая восхищение. А светловолосый стоит, скрестив на груди руки и задрав нос. Он не подаёт виду, но его просто раздувает от гордости.

Друзья вновь показывают ему на воду, прося подтвердить звание лучшего пускателя «лягушки». Мальчик снова небрежно прицеливается, и тут один из товарищей легонько толкает его в бок со словами:

— Смотри, кажись, твоя мать приехала!

Светловолосый резко оборачивается. В глазах его загорается радость. Камешки горстью летят в озеро, а мальчик уже бежит в сторону леса, за околицу вески. Бежит быстро, легко, радостно.

— Мама! Мама приехала! — кричит он на бегу.

Нетопырь, подняв дорожную пыль, резко останавливается. Стройная, гибкая, как змея, черноволосая девушка спрыгивает со своего скакуна, откинув за спину две длинные, толстые косы, на ходу снимает ножны двух мечей и не глядя бросает их в траву на обочине дороги — не до них сейчас, у неё есть дело важнее, — и бегом устремляется навстречу мальчику.

Прыжок, второй, третий — и вот она уже подхватывает на руки врезавшегося в неё ребенка, начинает кружить его, взбивая пыль, топча ромашки у обочины. А потом замирает на месте, накрепко его обняв.

Затем ставит сына на землю, присаживается перед ним на корточки и смотрит в его глаза — такие же, как у неё самой.

— Мамочка! — шепчет мальчик, и девушка снова обнимает сына, прижимается щекой к его груди, улыбается, закрыв глаза. Чёрные косы метут дорогу — ей нет до этого дела.

— Сыночек мой! — шепчет она в ответ. — Альк...

— Альк? Ну ты спишь, что ли?

Альк вздрогнул и чуть не упал с табуретки.

— Да нет, конечно, — сердито ответил он со сна.

— Так расплетай косу! Ты теперь папа! — весело говорит мать. — Крысу только убери, — напоминает она.

Мир обретает реальные краски. Он снова в весчанском доме, рядом кровать с роженицей. Женщины суетятся, младенец заливается на руках у бабушки.

Альк отложил крысу, вымыл руки и расплёл правую косу. Зажмурился, дернул, поморщился, потёр за ухом — больно! Чуть не споткнувшись, подошёл к ближе к матери, попытался рассмотреть ребёнка.

— Быстрее давай! — поторопила его мать. — Смотрит он. Ещё насмотришься!

— Кто, мам?

— Девочка! — с гордостью произносит мать, пока он неловкими после сна пальцами перевязывает пуповину прядью волос. Голова болит всё сильнее, из носа вот-вот потечёт. Зато получилось! Наконец-то...

Не одевшись, Альк выскочил в холодную ночь. Мороз спал, началась оттепель. Сильный, солёный, влажный ветер дул с моря. Альк встретил его грудью и с удовольствием вдохнул. Потом провёл рукой под носом — кровь... Только почему-то он не помнил, как сменил эту дорогу.

...А через четыре лучины мать разбудила его страшным известием. В доме снова поднялась суматоха.

Их служанка, бывшая сестра милосердия, истово молилась перед двуиконием. Алида тихо всхлипывала у печи, качая дочь. Мать потерянно озиралась по сторонам. Дамира на кровати металась в бреду.

— А я ведь говорил! — в сердцах выкрикнул Альк и снова выскочил на улицу. — Ну сколько уже можно? — прокричал он небесам.

А потом уселся на скамейку у стены дома, откинувшись назад и вытянув ноги. Сколько он так просидел — неизвестно. Но ни холода, ни печали он не чувствовал. Только безразличие...

Какой смысл быть путником? Ну, поменял дорогу, а в итоге пришёл туда же, только с другой стороны!

Из дома вышла мать, а за ней Алида.

— Встань! — велела госпожа Хаскиль сыну, и когда он подчинился, накинула на него тулуп. — Не хватало мне ещё твоих болячек!

— Я уже не маленький, — буркнул Альк.

— Я вижу!

Алида глубоко вздохнула и вдруг проговорила.

— Дамира очнулась и попросила дать ей ребёнка.

— Ну и?

— Я дала свою дочь.

— Зачем? — рявкнул Альк, вскочив со скамейки. — А потом что делать?

— Тихо, послушай! — велела мать.

— У меня одиннадцать детей, Альк, — начала Алида. — Мне их иногда кормить нечем.

Эта вообще нежданчик... А у вас такое горе. Дамира не переживет, — прошептала женщина, всхлипывая.

— И что? — устало, со вздохом, спросил Альк.

— Если вы не против, Альк, я отдам дочку вам...

Он долго, молча на неё смотрел. А потом со словами:

— Идите вы все к Сашю! Делайте, что хотите! — ушёл в темноту.

Он устал так, словно на нём пахали, чувствовал себя потерянным и несчастным, и поэтому всё шёл и шёл куда-то без цели.

И вдруг остановился.

Если богиня слышала всё то, что он думал и говорил в отчаянии, ему следовало тут же падать на колени и просить Пресветлую простить его за скудоумие и благодарить за её высшую мудрость, недоступную смертному, будь он хоть трижды путник.

...Потому, что он вдруг понял, чью дорогу ему удалось поменять.

Впервые за полтора месяца Альк радовался, хотя вроде и нечему было.

===== Глава 8 =====

Рыска проснулась среди ночи от пустоты, пошарила рукой по кровати — и сердце её упало.

Не такая уж и пьяная она была, всё помнила. И, главное, сказала-то всё верно...

В темное послышался вздох.

— Альк? — позвала она вопреки тому, что подсказывал дар.

— Да уехал он, — ответила темнота голосом Жара.

— Давно? — вскинулась девушка.

— Лучин пять-шесть.

— Дай свою корову!

— На ней и уехал...

Жар думал, что Рыска как всегда расплачется, но девушка внезапно притихла. Он долго ждал реакции с её стороны, не дождался и спросил сам:

— Рысь, ты спишь?

— Нет, — чужим каменным голосом ответила она.

— Рысь, прости, но ты неправа была... Ты хоть помнишь, что было?

— Помню, — тот же каменный голос.

— А корову я ему продал, потому, что ты ведь знаешь его: он всё равно сделает, как решил, никто не помешает... Но я его просил, чтоб он не уезжал! — оправдывался Жар.

— Всё равно.

Жар допустил оплошность: он не понял, что произошло с Рыской. Не обратил внимания на каменный голос, произносивший только одну фразу:

— Все равно.

И поэтому, рассказав всё, даже то, что проговорился по поводу ребёнка его отцу, успокоился и уснул — на той самой шкуре у камина. А наутро просто поспешил по своим

делам, радуясь, что не пришлось утешать подругу. Может быть, подумал он, ей и правда уже всё равно? Лично он не смог бы столько времени терпеть, а тем более, любить того, кто треплет ему нервы.

Не заметил ничего и Крысолов, слишком занятый делами Пристани. Когда Рыска молча отдала ему ключ, он лишь спросил тихо:

— Ну что, всё хорошо?

— Хорошо, — с каменным лицом ответила девушка.

— Давно уехал?

— Вчера.

— Когда ещё приедет?

— Не знаю.

— Ну ладно, — со вздохом заключил Крысолов, сделав вывод, что его ученики ни до чего не договорились, и отвернулся, поглощённый своими наставничьими заботами.

Рыскиного состояния не заметили ни наставники, ни сокурсники, кроме трех девиц: они-то как раз порадовались, глядя на осунувшееся Рыскино лицо, почуяв, что с любимым она рассталась плохо. Да и нечего особо было замечать: девушка исправно посещала занятия, была как обычно сосредоточена, серьёзна и старательна.

А через две недели пропала.

Крысолов безуспешно постучался в тот вечер в её дверь и ушёл, несолоно хлебавши, решив, что Рыска спит. А на следующий день, не увидев её на занятиях и снова не достучавшись, пошёл к комендантше.

— А нет её. Она ключ сдала, господин, — огорошила его женщина. — Ещё вчера в обед...

Крысолов был весьма озадачен.

Жар тоже понятия не имел, где Рыска, но сразу догадался, что ничего хорошего тут быть не может.

— Вот говорил же я, — злился он, — что от этого проклятого саврянина одни несчастья! Не было его, и всё хорошо было. Как явился, так всё, беда! Где вот теперь моя Рысонька?

Жар недоговаривал. За Алька он тоже переживал. Можно было бы спросить Крысолова, всё ли с ним в порядке, но, во-первых, было не до этого, а во-вторых, ему гордыня не позволяла интересоваться саврянином.

Пораспрашивав знакомых стражников у ворот, Жар смог узнать: да, они видели девушку в темно-серой длинной шубе, вчера, ближе к закату. На чем? А не на чём, пешком.

— Вот упрямая! — взбесился Жар. А у Крысолова возникло нехорошее предчувствие, вернее, возникло оно давно, а сейчас просто стало сильным и более определённым. Именно поэтому он и взял нетопыря из стойла, зная, что придется далеко ехать.

— Ты не ездь со мной, — бросил он Жару. — Я один лучше и быстрее справлюсь, — и, выехав за ворота, пришпорил своего скакуна. Только снег вокруг вихрем поднялся!

И справился, как и обещал.

Дар привёл его к Рыске. Она сидела под деревом в пятнадцати вешках от города, в стороне от дороги. Без помощи дара её трудно было бы заметить. Сказать, что она жива в полном смысле слова было нельзя. «Еле жива» подходило лучше.

Припорошенная снегом и уже без сознания, весила она, казалось, больше, чем на самом деле. Хлопки по щекам, тряска и тому подобные действия не дали результатов. Всё, что

путник мог сделать, — это поскорее подхватить девушку на руки, сесть с ней в седло и, погоняя нетопыря, вихрем мчаться обратно в город. И хотя животное возмущалось из-за двойной нагрузки, доехали они быстро, ещё до заката.

Сдав полумёртвую воспитанницу в лазарет, Крысолов пошел за Жаром.

Весь следующий месяц они по очереди дежурили у её постели, но в сознание Рыска так и не пришла.

А в один прекрасный день, ближе к вечеру, Крысолову принесли письмо, вернее, записку с жёсткими сухими словами:

«Уважаемый господин путник, просим вас явиться в лазарет для обсуждения ситуации с вашей дочерью».

Он кивнул, отпуская посыльного.

Нечего тут было обсуждать. Всё и так было ясно. Крысолов шёл в лазарет прощаться.

Жар докурил и бросил «бычок» за ограду лазарета, поежился, приподнял воротник. Ну и зима в этом году! Скорее бы уж потеплело.

Жаль, не все до тепла доживут...

Со вздохом толкнул он дверь здания. Развязка была ему ясна как день: тут и дара не надо, достаточно было взглянуть на Рыску, полумёртвую, какую-то зеленую... Кошмар, что он скажет её сыну, когда тот вырастет? Хотя, наверное, он и сам не доживёт. Умрёт на месте от разрыва сердца, когда скажут, что Рыски больше нет...

Крысолов сидел на лавке в гулком коридоре лазарета. Он словно постарел разом на десять лет. По лицу пожилого путника струились слёзы.

Жар бросился к нему.

— Умерла? — спросил он, схватив мужчину за плечи.

— Пока нет... Но до утра уж точно не доживёт. Девять из десяти... — печально изрёк Крысолов.

Жар в сердцах треснул по стене кулаком.

— Ну почему? — воскликнул он. — Почему?! Только не Рыска!.. А вы ей почему дорогу не подправили? — напустился он на путника. — Вы же такой сильный, всё можете! Почему ей не помогли?

— Я же тебе объяснял, — устало произнес Крысолов. — Потому что путники и видуньи друг на друга влиять не могут, даже незначительно...

— А как же Альк с Рыской?

Путник отёр слёзы, привалился к стене, задумался.

— У них была особая связка. Она разорвалась, когда Альк разделился с крысой.

— А вдруг нет? — с надеждой воскликнул Жар, даже не подозревая, насколько он близок к истине.

— По-другому не может быть...

Жар устало опустил на лавку рядом с путником.

— Это всё из-за него! — прошептал он. — Ненавижу...

Они, наверное, оба задремали, прямо сидя на лавке, потому что не слышали, как помощник лекаря подошёл к ним.

— Господа! — тихо позвал он.

Крысолов открыл глаза. Жар подскочил.

— Ну? — вцепился он парню в воротник.

Тот сильно испугался и попятился.

— Умерла? — прорычал Жар.

Крысолов обратился в слух, подавшись вперёд. Голова у него разболелась, дар ничего не подсказывал.

Парень лишь губами шевелил.

— Какого Сашия ты молчишь? — зло спросил путник.

— Простите... господа, — пролепетал наконец парень. — Нет... Девушка жива... Очнулась... Ей лучше.

Мужчины бросились в палату наперегонки. Впервые за месяц у них появился повод для радости.

Конечно, бывает такое, что улучшение происходит перед смертью, но таких мыслей не возникло ни у одного, ни у второго: Жар этого попросту не знал, а Крысолов теперь как никогда ясно видел Рыскину дорогу. Он точно знал: его доча теперь выздоровеет.

И мальчика с белыми косичками, бегущего через золотое поле навстречу своей матери, он тоже видел.

Альк приехал не весной, как обещал Крысолову, и не летом, а в начале осени: в Пристани только занятия начались. Когда он покидал замок, в Саврии уже совершенно пожелтели и начали опадать листья. В Ринстане же, расположенном на много кинтов южнее, ещё до сих пор было по-летнему тепло, только по ночам стало чуть прохладнее, чем летом.

Альк сильно изменился за эти месяцы: стал ещё жёстче, ещё мужественнее, а может, так просто казалось, потому что спал с лица.

С самого начала весны он не сидел на месте и дня, подрабатывая то на трактах, то в городах. Последний месяц он провел в Лоэни: его величество послал на помощь в усмирении переворота. В итоге Лоэнь вошла в состав Савринтарского тсарствия. А Альку хватило гонорара на нетопыря. Теперь он мог собой гордиться: мечта сбылась, обрела законченные очертания.

В замок он заехал лишь на сутки — отдохнул, посмотрел на дочь, а наутро уже отправился в путь.

Решение он принял, и ему было плевать на последствия.

Мать исполнила то, что задумала: поговорила с ним, и, заручившись её поддержкой, Альк Хаскиль отбыл в Ринстан.

Поля, леса, озёра, реки промелькнули перед ним как в калейдоскопе. Путь от замка до южной столицы он одолел за три дня, ни на щепку не задерживаясь нигде без нужды. Настроение у него было такое приподнятое, что встреченный им по дороге мужик, ведущий с ярмарки корову и попросивший подправить дорожку, чтоб скотина перестала хромать, получил услугу абсолютно бесплатно: саврянин махнул рукой на протянутую мелочь и ничего не взял. Ему было некогда, он спешил. А мужик... Пусть радуется и рассказывает байки о бескорыстном путнике.

Ворота Пристани были открыты, словно его уже ждали здесь. Въехав на широкий двор, Альк привязал нетопыря и поспешил в общежитие.

Цветов надо было бы купить, да ладно... Рыска не такая, это всё для неё неважно. Она ценит не цветную шелуху, а содержание. «Содержанием» господин путник самодовольно считал себя, и основания для этого у него были: раз его полюбили крысой, то теперь, когда он неотразим, она и подавно растает.

Да нет конечно, дело не в этом! Альк просто был очень рад, что сейчас увидит Рыску — и всё.

...И несказанно удивился, не обнаружив её на месте.

— Три дня как уехала, Альк, — развела руками комендантша (она его помнила ещё с тех пор, когда он сам был адептом).

— А куда? — недоуменно спросил саврянин. Ему хотелось рявкнуть, но он сдержался: старших он уважал, особенно женщин.

— Откуда ж мне знать? — ответили ему, и пришлось уйти.

Раздумывая, где искать Рыску, Альк постучал в соседнюю с её комнатой дверь. Ему открыла девица — та самая Рыскина сокурсница, плевавшаяся ядом от зависти и ревности. На лице её отразилась неприкрытая похоть.

— Здравс-сти! — она глупо захихикала.

— Соседка твоя где? — неласково спросил Альк.

— Как где? Ты разве не знаешь? — кокетничала она.

— Откуда мне знать? Я только приехал.

— Она на свадьбу уехала, на неделю, — огорошила его девица, не обидевшись на грубый тон, а наоборот, ещё больше от этого растаяв.

— На чью? — понимая глупость такого вопроса, выдохнул Альк.

— Что значит — на чью? Кто ж на чужую-то отпустит? — хихикнула девица. — На свою, конечно же!

Альк так опешил, что не сразу понял в чём дело.

— Что застыл, как столб? — ворвался в сознание голос девушки. — Нужна она тебе? Угрюмая вечно, ни с кем не общается, ходит зимой и летом в одних штанах. Такому, как ты, краси-и-ивая нужна, — промурлыкала она.

— Как ты? — задумчиво спросил саврянин.

— Как я, — сказала девица с томным придыханием и подошла к нему ближе. — Может, встретимся разок? — она беззастенчиво притерлась к нему вплотную, игриво взялась за косу...

Альк сам от себя не ожидал и даже не понял, как хлопнул ей по руке, позарившейся на святое. С той ночи в кормильне, когда Рыска впервые отдалась ему, прошло много лет, и в них было много ночей. И много женщин... Но никому и никогда он больше не позволял трогать себя за волосы!

Девице же он улыбнулся — в своей манере, жутковато, и медовым голосом ответил:

— Непременно встретимся, моя прелесть! Через четыре года, когда ты станешь крысой — тогда и встретимся, — и ушёл, не дожидаясь ответной реплики.

Девушка уехала домой тем же вечером, навсегда позабыв о Пристани, крысах, путниках и тому подобном. Впрочем, очень скоро вышла замуж, родила много детей и ещё не раз вспомнила Алька добрым словом — намного более искренне, чем если бы просто с ним переспала.

Альк не нашёл никого: ни Жара, ни своего наставника, вернее, не нашёл там, где искал. И неожиданно встретил обоих за городскими воротами. По тому, как они оба на него посмотрели, нетрудно было догадаться и без дара, что случилось нечто нехорошее — по его вине.

— Что произошло? — напрямую спросил саврянин, опустив приветствие.

— Кто приехал! — издевательски протянул Жар. — И главное, вовремя, когда всё, что

могло случиться — случилось! Морду бы твою саврянскую набить! — зло прошипел он.

— Давай, попробуй, — мгновенно завёлся Альк.

— А ну заткнулись оба! — окоротил их Крысолов.

— Где Рыска? — спросил Альк, сверкнув глазами.

— Ты ж уже знаешь, зачем спрашиваешь? — нехотя ответил наставник. — Замуж она

выходит...

— Когда? — перебил Альк.

— Послезавтра...

— За кого?!

— Да за саврянина же, тянет ее на вас, на уродов, — вклинился Жар. — Как будто, мужиков нормальных нет!

— А вы куда вдвоём собрались?

— На свадьбу, разумеется, — пожал плечами путник.

Отвечал он сквозь зубы, похоже, тоже злясь на ученика.

На лице у Алька отразилось такое... Он поверить не мог, что люди, которых он считал своими друзьями, могут так с ним поступить — поощрить такое начинание со стороны Рыски!

— Вы что, с ума оба сошли? Или не узнаете меня? Как вы такое допустили? — взвился Альк.

— А ты где был, чтоб сейчас задавать такие вопросы? — спокойно спросил Крысолов. Альк молчал, ибо наставник был прав. — Или бы тебе больше понравилось, если бы она умерла?

— Почему — умерла? — не понял Альк.

— Потому что такое вполне могло произойти, — жестко сказал наставник. — Зимой, когда ты психанул и уехал, знаешь, что она сделала? Она собралась пойти за тобой. Пешком, в Саврию. И пошла, — Крысолов сделал паузу. — И чуть не замёрзла по дороге. Если б мы с Жаром вовремя не спохватились, ты приехал бы на её могилу, дорогой ученик.

Повисла тишина на пару щепок, а потом старый путник жестко сказал:

— Езжай домой, Альк... Или куда ты там собирался. Оставь её в покое. Она нашла себе парня, будет счастлива с ним. А ты... Как только ты появляешься, у неё одни беды. Езжай домой, в общем.

Крысолов и Жар почти одновременно развернули скакунов и устремились прочь. А он остался посреди дороги.

— Подождите, — неуверенно окликнул Альк. — Я с вами хочу...

— Зачем? — осадив нетопыря, спросил Крысолов.

— Я тоже её друг... Так или иначе.

— Ты им был, — горестно уронил Жар. — Пока не бросил её.

— Я не бросал! — раздраженно выкрикнул Альк, — Она сама ушла! Сколько раз повторять?

— Да-а? А мне показалось, это ты уехал, — Жар был зол, как никогда. — И мог бы предположить... На что тебе дар? Я бы и без дара догадался, что влюблённая девушка способна на всё!

— Что ж не догадался тогда, что она собралась делать? — зло сверкнул глазами саврянин. — Почему не удержал от глупости и не стал следить за ней неустанно? А когда уж случилось, почему меня не вызвал?

— А за каким Сашием ты был здесь нужен? — заорал Жар. — Ты же весь обиженный уехал! Куда тебя понесло?

— Посмотрел бы я на тебя после такого известия! — рявкнул Альк, — Но я ведь сказал мне сообщить, если что! Почему ты не сделал этого?

— А смысл, Альк? — вступился Крысолов. — Годом раньше, годом позже, ей всё равно — верная смерть, если ты где-то рядом.

— Ты уверен?

— Не уверен. Но всё равно: уезжай!

Они снова отвернулись и попытались уехать.

— Я теперь вспомнил, — проговорил Альк им вслед. Его словно осенило! — Мне и не надо было приезжать, чтоб её спасти. Я и так поменял ей дорогу...

Путник и бывший вор остановились, а затем развернулись.

— Давай, говори, — с обидой, велел Жар. Если честно, он был рад видеть Алька до смерти и вдвойне рад тому, что замаячило на горизонте. Однако и не злиться на саврянина он не мог. — А то вечно корчишь из себя... как будто не пережили столько вместе!

И Альк рассказал: о сне, оказавшемся дорогой, о трагедии в своей жизни, о своем решении взять Рыску в жёны — или хотя бы просто забрать её с собой.

— Так значит, ваша связка никуда не делась! — выслушав, отметил Крысолов. — То-то я смотрю, будто мне что-то такое показалось... И давно вы это поняли?

— Вот как раз зимой и поняли.

— И не сказали мне?

— И не сказали бы, — спокойно ответил Альк.

— И что же дальше? — со вздохом спросил Крысолов.

— Не знаю, — пожав плечами, уронил Альк. — Но уже хотя бы поэтому мне нужно забрать Рыску. Я, конечно, и сам могу её найти, но это потребует времени. Мне надоело терять время! Проводите меня к ней, — Альк набрал побольше воздуха. — Очень вас прошу.

Жар и Крысолов не могли читать мысли друг друга, но оба в этот момент подумали об одном и том же: что, не будь всё так невесело, попросили бы саврянина повторить три последних слова на «бис» под аплодисменты.

— А дальше что? — со вздохом спросил Жар. — Вот проводим мы тебя, а ты опять помучаешь её и уедешь.

— Нет! — рявкнул Альк. — Я заберу её... Женюсь на ней. Она тоже этого хочет.

— Ты же говорил, она во всём виновата сама, — напомнил Крысолов.

— Неважно, — уронил Альк. — Заберу всё равно, — он улыбнулся своим мыслям. — И её, и мальчика. Увезу в свой замок. Будет жить как цсаревна...

— Ты её-то спросил?

— Она согласится, — уверенно кивнул Альк.

— Ну и самоуверенная же ты скотина! — почти с восхищением произнес Жар. — Тогда ладно, поехали, — он вздохнул. А потом радостно добавил. — Какой скандал нас ждёт! Представить себе невозможно!

Жар не приветствовал с самого начала ни Рыскино немое обожание Алька, ни их последующую связь. И всё было вполне логично: ну не пара они! Благородный саврянский господин и ринтарская весчанка — это даже не смешно. Да и такого сволочного, самоуверенного и зловредного человека, как Альк, Жар в жизни не встречал. Но при всём при этом признавал: несмотря ни на какие тяжёлые черты своего характера, а может быть,

именно благодаря им, Алык вызывает непреодолимое желание подчиниться ему, без унижения, как вожаку стаи. И если даже для Жара он вожак — самый сильный, самый беспощадный, но в то же время, всегда готовый защитить, рыцарь без страха и упрёка, то что уж говорить о Рыске, по уши влюблённой в саврянина? Она априори не могла не полюбить его. А значит и ему, Жару, как брату, полагается признать и принять выбор своей названной сестры — иначе чем он лучше Альковых родственников, не принявших Рыску?

А Крысолов лишь рукой махнул: делайте, что хотите, я вас всяких принимаю, словно отец своих таких разных, вечно враждующих, но одинаково любимых детей, и уж конечно несказанно радуюсь, если вы вдруг вздумали между собой помириться.

От Ринстана до Калинок не более полутора суток пути, но за последние годы дорогу подразмыло, да и прошедшее лето выдалось дождливым. Поэтому Алык, Жар и Крысолов задержались в пути, не успев ни на венчание, ни на катание. Они явились как раз к моменту прибытия молодых под родной кров, то есть, к домику у озера.

— Опоздали, Алык, они уже поженились, — констатировал Жар, окинув взглядом двор, полный народа и выделив фигурку в белом платье.

— Наплевать, — отмахнулся саврянин и первым спешил к воротам, однако глаза его метали молнии, на скулах ходили желваки.

Алык шёл через двор, а толпа расступалась перед ним. Это было неудивительно: весчане всегда благоговели перед путниками, тем более, что этот был саврянином. И хотя на дворе и его соотечественников было достаточно — родня Рыскиного жениха, — Алык не был похож на них даже близко.

Жар замер у ворот. Скандалов, тем более, на потеху толпе, он терпеть не мог. А вот Крысолов пошёл за Альком: мало ли, что ему в голову взбредёт? Что остановить взбешённого мужчину он не сможет, путник даже не подумал: привычка сработала.

Не обращая внимания ни на гостей, ни на новоиспеченного Рыскиного супруга, Алык подошёл к девушке и развернул её к себе.

— Заканчивай спектакль, — велел он, тяжело дыша. — Я приехал за тобой.

По толпе прокатился ропот, а потом повисла тишина.

— Для тех, кто не понял, — проговорил Алык уже по-саврянски, слегка повысив голос и глядя на соотечественников, — я её забираю. Она моя. И ребёнок — тоже, — кивнул он в сторону белокомого мальчика, держащегося за руку пожилой ринтарки.

В том, что никто не посмеет возразить, ни у кого, включая самого Алька, сомнений не возникло. Уж лучше расстаться с молодой женой, чем с головой: так подумали почти все.

И тем не менее, возражающие нашлись. Вернее только одна.

В белом платье она была прекрасна и мила как никогда. И платье, и серьги, и ожерелье из жёлто-зеленого кошачьего глаза ей подарил Крысолов, не пожалевший денег на свадебные подарки образумившейся «дочери». Словом, Рыска была такой, какой Алык не видел её никогда, и потому — ещё желаннее, чем прежде.

— Собирайся, — уже спокойнее добавил он.

Но Рыска покачала головой.

— Нет, — ровно, без единой эмоции произнесла она.

— Что? — не поверил своим ушам саврянин.

— Я. С ТОБОЙ. НИКУДА. НЕ. ПОЕДУ, — отдельно произнесла она и добавила, — если хочешь, можешь меня убить.

Десять щепок они молча смотрели друг другу в глаза: он — растерянно, она — твёрдо,

как человек, который уже всё решил и не передумает. Что происходило у неё на душе, знала лишь она. Конечно, она умирала: ведь такая боль может быть только перед смертью.

— Ты хоть понимаешь, от чего отказываешься? — склонив голову, спросил Альк.

Рыска взглянула словно со стороны. Да, она понимала. Она обожала его. В нём была вся её жизнь. Всё, что она имела на этой земле, было благодаря ему. Он первым признал её дар, многому научил, заставил поверить в себя, а значит, — помог сделать первый шаг к делу всей жизни. Средства, на которые она смогла не только не умереть с голоду, но и подняться, вылезти из нищеты исходили опять же от него. И сын, которого она родила, её сокровище, её главная ценность в этом мире, тоже появился на свет благодаря ему. Альк был для неё всем... Но нужно было прощаться — навсегда, чтобы больше не рвать себе сердце, ожидая его возвращения, и не рыдать, прося смерти, когда он покидал её снова.

Рыска наконец чувствовала себя повзрослевшей. Теперь она сама решала, что делать стоит, а что — нет. И потому ответила:

— Понимаю... Но всё равно отказываюсь, — она помолчала. — Ты приносишь мне только беды. А я хочу начать жизнь сначала.

— Но ты же говорила, что любишь меня, — упавшим голосом произнес Альк. Он весело словно поник от её слов.

— Да, люблю, — честно ответила Рыска. — А ты меня?

— Я? — прямой вопрос поставил его в тупик. — Да при чём здесь?

— Скажи это, — спокойно попросила девушка, глядя в жёлтые глаза прямым взглядом.

Альк молчал, затравленно озираясь.

Однажды он уже пытался ей это сказать. Но тут было как с едой в моменты сильных переживаний: если не лезет, лучше и не пытаться себя заставлять.

К сожалению, Рыска этого не понимала...

Тем более, раз он не сумел сказать ей этого тогда, наедине, то сейчас, принародно, при тупых вещах, которым при одном виде его положено было падать на колени, даже не собиравшись. Альк лишь нахмурился и опустил глаза.

— Вот видишь, ты молчишь, — вздохнула Рыска. — Поэтому и мне больше нечего тебе сказать. Кроме одного: прощай, Альк! Я не держу на тебя зла и желаю быть счастливым. Но надеюсь, что никогда тебя больше не увижу. А теперь уезжай, пожалуйста, не порть мне свадьбу, — и, повернувшись, она пошла в дом.

За ней по пятам семенил её муж, саврянин, ростом меньше неё почти на полголовы, рано располневший, какой-то весь слащавый, зато явно обожающий девушку и готовый говорить это принародно хоть с утра до вечера.

Альк словно в землю врос. Такого удара по самолюбию ему ещё никто не наносил! На миг даже показалось, что признаться ей принародно в любви было бы не так уж и трудно...

Рыска уже не видела, как проводив её взглядом, он вскинул голову ещё выше, развернулся, чтобы уйти, но тут увидел мальчика с белыми косами и жёлто-зелёными глазами. Посмотрел сверху вниз, подошел ближе, опустился перед сыном на корточки, снял с пальца кольцо — дорогую фамильную печатку с гербом Хаскилей.

— Ты Альк? — обратился он к ребёнку.

— Да, — самодовольно кивнул мальчик. — А ты?

— Я тоже, — он улыбнулся. — Это тебе, — он взял ладошку малыша и вложил в неё кольцо.

Мальчик повертел бесполезный для него предмет, поднял глаза вверх, глядя отцу через

плечо.

— Зачем мне это? Лучше меч подари! — сказал он.

Альк рассмеялся так весело и искренне, что у окружающих кровь в жилах застыла.

— Обязательно подарю, и не один, а оба. Но потом, когда ты вырастешь, станешь путником и приедешь ко мне в Саврию. А пока... береги свою маму, — он обнял мальчика с невероятной нежностью, поцеловал в лоб, на миг закрыв глаза, поднялся и, не оборачиваясь, вышел за ворота.

Он до последней щепки ждал, что Рыска окликнет его...

А потом отцепил крысу от седла, взял сумку.

— Дай свою корову, — обратился он к Жару.

— Опять? — возмутился Жар. — А нетопырь тебе на что?

— Нетопыриха, — поправил Альк знакомым безнадёжно-спокойным голосом. — Ее зовут Лада... Рыске передай, скажи, я ей дарю, — он вручил другу поводья.

— Нет, но почему именно моя корова? — ярился Жар.

Альк, не глядя, вытащил из-за пазухи горсть монет — одних златов, высыпал в подставленную ладонь.

— Ну, ты куда? — обеспокоенно напустился на Алька Крысолов, когда тот вскочил в седло и натянул поводья.

— Не знаю, — честно, с улыбкой всё потерявшего человека, покачал головой Альк.

— Ты хотя бы... береги себя...

— Зачем? — он усмехнулся. — Кому я теперь нужен? Крыса и то больше стоит...

Топот копыт удалялся. Дорожная пыль оседала.

Девушка в белом платье печально смотрела вдаль, крепко сжимая руку мальчика с белыми косичками и жёлто-зелёными, такими неуместными здесь глазами.

— Мама, — окликнул Рыску сын.

— Да?

— Наклонись, пожалуйста.

Она опустила глаза, потом присела на корточки. Мальчик крепко обхватил её за шею.

— Ты чего, сынок? — тихо спросила она, чувствуя, как глаза наполняются слезам.

— Берегу тебя. Он сказал беречь.

— Кто?

— Тот, которого зовут как меня. Он сказал, что если буду беречь, подарит свои мечи.

Рыска осторожно разжала маленькие ручки и, уже не в силах удержать бегущие по лицу слёзы, посмотрела на сына в упор.

— Почему ты плачешь? — спросил маленький Альк.

— В глаз попало... Пойдем в дом, нас ждут гости, — она подхватила сына на руки и лишь обернулась на дорогу — как на свою прошлую жизнь.

Сын вырастет и спросит о нём. Мальчик ни в чём не виноват, а Альк от него не отказывался: он просто не знал. В любом случае, она сделает так, чтобы ребенок познакомился с отцом, тем более, что Альк скорее всего тоже этого захочет. Да и она сама не вечна, а у сына там, в Саврии, много родственников, судя по всему, очень трепетно относящихся друг к другу. Мальчик не похож на ринтарца даже отдаленно, и его, скорее всего, с радостью примут в семью. Приятно будет знать, что Альк на этом свете не один... Что оба они есть друг у друга. Тогда будет можно спокойно умереть.

Главное, не умереть прямо сейчас...

О, божиня, как же болит душа!.. Ну как, как она теперь будет жить? Если б не сын, утопилась бы к Сашию...

Но он есть. А значит, жить стоит.

— Мам, а сегодня дождь будет... — зачем-то сказал Альк.

Рыска на миг отвлеклась от своих мыслей и посмотрела на небо. Оно радовало яркой голубизной — ни облачка. Но дар ей подсказывал: да, дождь будет, к вечеру. Четыре к одному.

— ...и целую неделю будет лить, — продолжал сын. — А потом грибы полезут, много-много опят! — он развел в стороны руки, показывая, сколько будет грибов. — Бабушка все бочки заполнит!

— Откуда ты знаешь? — опешила Рыска.

— Просто знаю — и всё, — он пожал плечиками. — А ещё ты грустная. Должна быть весёлая, но всё равно, грустная.

— Почему?

— Потому что он уехал. Тот, которого зовут как меня, — совершенно по-взрослому, со вздохом произнёс маленький Альк.

— Не говори глупостей, — Рыска скользнула с сыном в дом.

Все она поняла.

Ни ей, ни Крысолову, которого мальчик называет дедушкой, это не удавалось, может быть, потому, что знали его с рождения. А Альку удалось... Едва дотронувшись, немного поговорив с ним, он пробудил у сына дар.

Рыска лишь вздохнула. Рановато, конечно, но это и так бы произошло. У двоих видунов вряд ли родился бы обычный ребёнок.

Закрывая за собой дверь, она аккуратно вытерла слёзы. Прощай, Альк, спасибо тебе за всё. Я очень тебя любила — и буду любить всегда.

Но у меня отныне другая дорога.

===== Глава 9 =====

Комментарий к Глава 9 Жёсткий, печальный, но логичный ООС

Рыска отложила книгу. В глазах рябит. Весь день читала, а уже солнце зашло, и толку от лампы мало. Масло она купила дешёвое, и противный светильник только коптит, а света дает с гулькин нос. Лучше бы свечу купила.

Свечу...

Завтра тот день, вернее, ночь, когда она и сама может стать «свечой». Поэтому сегодня ложиться она не будет: возможно, это её последняя ночь. И так как нельзя ни пить, ни гулять, ни быть с мужчиной, ни даже поесть или выпить чаю — обрядовый пост, то лучше взять мечи и пойти во двор, потренироваться. Уснуть она всё равно не сможет. А уж если захочет, то до завтрашней ночи еще целый день, успеет.

Опясавшись ножнами, она подула на светильник и вышла, закрыв дверь на ключ.

Она не волновалась. Но отупела и оцепенела от ожидания.

В небе светила убывающая луна. Хуже будет, если за сутки испортится погода: придётся переносить обряд, а это ещё две недели в таком состоянии. Но вероятность ухудшения погоды ничтожна, так что всё случится завтра.

Когда-то давно Альк рассказывал, что лучше проводить обряд при растущей луне, якобы, она более счастливая. Но это всего лишь легенда, и случившееся с ним — яркое тому подтверждение.

Альк...

За три с лишним года он стал воспоминанием, сладко-горьким сном. Она не забыла... Она помнила его каждую щепку. Но помнила так, как помнят то, чего уже никогда не будет — без сожаления. С радостью. Тем более, что в Калининках подрастал сын, его точная копия, если не считать чуть более тёмных волос и чуть более зелёных глаз — это от неё.

Мальчик с каждым годом становился всё более похож на отца и характером: дерзкий, хитрый, с задатками лидера. Все весковские мальчишки ему в рот заглядывали и сопровождали во всех начинаниях как-то: обворовывание чужих садов (ради самого процесса, а не от голода), плавание в озере, когда на улице уже лёгкий морозец, прыжки с крыши в стог сена или дёрганье за хвост племенного быка с последующим бегом от него через всю веску до ближайшего забора.

В жизни ребёнка очень многое зависит от матери. Рыскина мать в своё время слова в защиту дочери не говорила, потому девочку и клевали все, кому не лень. Алька трогать никто не смел — как раз-таки из-за матери. Весчане до смерти боялись её гнева и даже взгляда, словно она только им одним обращала их в камень. Ни про неё, ни про сына не говорили плохо даже за глаза, а дети, не слышавшие от родителей гадостей о своём вожаке, словно и не замечали нетипичной внешности Алька. Для них он был таким же как они сами, тем более, с ним всегда было интересно.

Тётя Ульфина обучала мальчика грамоте, а Рыска возила сыну книги, прямо из пристанской библиотеки, а иногда и покупала. Ей не было жаль для мальчика денег, тем более, на будущее образование. Как она успела заметить, ученье — свет, а парня, похоже, всё равно готовить в Пристань. Да и к знаниям мальчик стремился, с удовольствием: читал, писал, считал, а потом на улице рассказывал друзьям прочитанное, ещё больше укрепляя свой авторитет, а некоторых даже учил тому, что успел узнать сам.

К матери мальчик относился с невероятным трепетом и нежностью. Он обожал Рыску, хвостом ходя за ней в её краткие приезды домой. Она была для него солнцем, богом, идеалом, и, конечно, он тоже мечтал стать путником. Правда, некоторое время назад лаврами пришлось поделиться — в тот день, когда мальчик познакомился с отцом. И если Рыску мальчик ждал и любил, то про Алька сочинял небылицы, наподобие тех, какие Рыска придумывала в детстве. Надо же, не забыл... Но с этим, думалось ей, можно разобраться и позже.

Сын тянулся и к оружию тоже, поэтому год назад пришлось купить ему меч, пока ещё лёгкий, совсем тупой, скорее большой кинжал, строго-настрога запрещённый к выносу со двора или использованию без присмотра старших, но уже совсем настоящий. То, как мальчик быстро овладевал навыками боя под руководством матери и деда, ещё раз подтверждало, чей он сын. Да и меч Альк держал в левой руке, совсем как отец, хотя есть, писать и работать мог и той, и другой.

Крысолов лишь головой качал.

— Это ж надо было уродиться!

В такие моменты Рыску переполняла гордость. Да и вообще, она стала больше радоваться и не жалела ни об одном своем решении.

Родила сына? Правильно. Такого сына ни у кого нет, а вырастет — и вовсе все от зависти умрут. А что без мужа родила, так и Саший с ним и с молвой тоже... Зато родила от любимого, а это в жизни редкость.

Учиться пошла? Тем более молодец. Путничье ремесло всю жизнь и кормить, и

защищать будет. А что в старости произойдет... Ты доживи сначала до неё, до этой старости!

Замуж вышла? Верно. Мальчику отец нужен, а в доме хозяин.

Вот только жизнь семейная не задалась. Да и не ждала Рыска ничего хорошего от такого союза. Тамель — так звали мужа, девушке не то что не нравился, а вызывал лёгкое отвращение. Но его рекомендовал в своё время учитель, а ей по большому счету было все равно за кого выходить замуж. Главное было это сделать.

Тамель учился вместе с Рыской в Пристани, а дара у него было — кот наплакал. К четвёртому году обучения он едва научился рассматривать дороги, поменять же так ни одной и не сумел. По прикладным дисциплинам у него тоже сплошняком стояли тройки, а меч он держал, как дубину. Будь Рыска всё той же наивной весчанкой, что прежде, она задалась бы вопросом: как такой посредственный видун смог доучиться до четвёртого курса? А теперь точно знала: его готовят не в путники, а в крысы. И более того — он такой не один. Таких не то что много, а абсолютное большинство, расходный материал.

Рыске, как и прежде, всех было жаль, но она давно сделала этот выбор и даже на свой счёт иллюзий не питала, хотя и не боялась. Скорее всего, коллегия проголосует «против», ведь слухи о «дочери» Крысолова не развеялись, а лишь укрепились к концу Рыскиного обучения (надо думать, не без участия самого учителя). Похоже, таким образом наставник пытается помочь своей любимой ученице стать путницей, а не крысой.

Раньше, те самые семь лет назад, Рыска возмущалась бы такой подтасовке, но прежняя принципиальность выветрилась из неё подчистую за эти годы. Главным в жизни теперь был её сын, а сына надо было поднимать, следовательно, нужны деньги. И лучше всего зарабатывать их при помощи того, что умеешь, то есть, выучиться на путницу и работать на трактах или в весках, а то и по поручению короны. Так она и поступит, получив свою грамоту.

После тяжёлой болезни Рыска образумилась: решила забыть Алька и жить своей жизнью. Учитель посоветовал выйти замуж и назвал кандидата. Она просто не стала спорить.

Она просто в один прекрасный день пришла к парню после занятий и напрямую спросила:

— Я тебе нравлюсь?

Парень опешил. Он был единственным на потоке саврянином, тем более — дремучим весчанином, не просто полуграмотным, а практически неграмотным. Ринтарский язык он знал так плохо, что наставники с трудом его понимали — как и он их. Обычно ему давали задание из книг на саврянском языке и особенно его успехами не заморачивались. А теперь самая красивая девушка обращалась к нему, да так, что он её понимал, ещё и с таким вопросом!

— Ну... Да, — ответил он.

— Что значит «ну да»? Как я тебе, в качестве жены, подошла бы или нет? — резко спросила Рыска.

Бедный парень чуть сознания от радости не лишился! В Рыску он влюбился с первого взгляда, как верно подметил Крысолов. Только мечтать о ней считал тем же самым, что мечтать о звезде с неба: не возбраняется, но бесполезно.

— Конечно! — воскликнул он, — Я давно тебя люблю!

— Тогда женись на мне, — спокойно и безразлично пожав плечами, предложила

девушка, — Но учти: у меня есть сын, ему четыре года, он тоже, как ты, белокопый, и мне нужно, чтобы тебя все считали его отцом. За это я буду твоей женой, а также стану зарабатывать для нас всех, дам тебе кров, и ты будешь при деле. Есть ещё одно условие: обучение в Пристани ты должен бросить.

— Почему?

— Потому что путником тебе всё равно не быть и потому что я так хочу, — жёстко сказала Рыска. Ей, по большому счёту, было всё равно, откажется он или согласится.

Но Тамель посмотрел на неё влюбленными глазами и спросил, словно не слышал ничего:

— А ты тоже уйдёшь из Пристани, да?

— Ещё чего, — фыркнула Рыска, — Я-то с чего? Нет, конечно. Я продолжу учиться, потом получу грамоту, стану работать. А ты будешь растить моего сына, помогать тётке, работать в поле, ухаживать за скотиной — всё, как ты привык, Тамель. Если ты сомневаешься, подумай, я не тороплю. Скоро каникулы, так вот, съезди домой, посоветуйся с родными. А согласишься — добро, свадьбу планируем тогда на начало осени.

Рыска развернулась, чтобы уйти, но не успела дойти до двери, как Тамель остановил её словами:

— Я согласен!.. Можно теперь тебя поцеловать?

Чтоб укрепить его согласие, она уступила. И тошнило её потом до утра, но решив, что привыкнет потом, Рыска взяла себя в руки. То, что парень сразу со всем согласился, значительно облегчало дело: теперь не придется искать другого.

А полюбить она всё равно никого больше не сможет...

Приезд Алька на свадьбу развеял её мечту убедить всех, что Тамель — отец её ребёнка, и смысл самой свадьбы буквально пропал. Но теперь Рыска назло Альку решила остаться с Тамелем. Пусть не думает, что она никому не нужна! Да и хозяин в доме все же нужен. Потому выгонять мужа она не собиралась.

В первую брачную ночь Тамель потребовал реализации своих законных прав.

— Нет, — спокойно ответила Рыска.

— Как это — нет? Я твой муж! Ты должна! — возмутился он.

— Что значит, должна? Я тебе доходчиво объяснила, для чего ты мне нужен. Чего тебе ещё?

Она намеренно разговаривала с ним как со швалью, надеясь, что он обидится и долго не будет к ней приставать. Да и не этим в тот момент была занята её голова... Но парень совершенно неожиданно проявил агрессию:

— Так значит, да? Это всё из-за хахалы твоего благородного? Это от него ты дитя прижила? Что ж не поехала с ним, звал ведь?

— Не твое собачье дело! — вызверилась Рыска, — Я не врал тебе. Я тебя не люблю. Мне просто нужен в доме хозяин. Я думала, ты всё понял и согласился. Сейчас тебе что не нравится?

— Не нравится, как ты смотрела на него. И что говорила, — с обидой ответил Тамель.

— Знаешь, что? — взбесилась Рыска, — Алька я люблю, всегда любила и всегда любить буду. А ты... живи здесь, если хочешь. Если не хочешь, уходи, я держать тебя не собираюсь.

— Ах, так вот как его зовут! Альк! Такие имена только в господских домах дают, в веске — и не ищи!..

Рыска поднялась с кровати, куда присела было.

— Ты его имя своим поганым языком не трогай! — тихо, изменившимся голосом произнесла девушка, — Таких, как он, на свете больше нет, — одухотворённо, с фанатичным огнем в глазах, добавила она, — А таких как ты — пруд пруди. Вот и цени, что на тебя обратили внимание, — она подошла к двери, взялась за ручку. — До утра тебе время подумать, — предупредила Рыска, — Не нравится что — иди лесом, — и вышла, тихо притворив дверь.

Всю свою первую брачную ночь она прогуляла: на озере искупалась, по веске прошлась, на нетопырихе покаталась. Животное оказалось покладистым и ласковым, словно для неё выбранным. И звали нетопыриху так романтично — Лада. Так савряне называют своих любимых женщин...

Впору было разреветься. Но Рыска уже выплакала все свои слёзы. Лишь горький смешок у неё вырвался при мысли об этом. А может, Альк не сам её называл, уже с именем купил?.. Хотя продаются нетопыри на юге, очень далеко от Саврии, так что только сам мог дать саврянское имя... А если купил у саврянского купца?

Да какая, к Сашю, разница?

А с Тамелем, и правда, грубо получилось. Надо бы как-то поласковее, она всё-таки женщина и его жена. Нужно хоть немного проявить к нему нежность. Но ложиться в одну постель?.. Пока не получится, ей противно. Может, потом?

Рыска вздохнула, вспомнив, как это было с Альком...

Она даже подумать не успела, как оказалась в его объятиях, и никто её не уговаривал и не принуждал, и было хорошо уже даже от мысли, что это произойдёт.

Такого больше ни с кем не будет, и с этим следует смириться.

...На рассвете Рыска вернулась домой, всё в том же платье, мокром, с грязным подолом, тащившимся по земле. Прошел обещанный дождь, и, попав под него, она выглядела как мокрая курица, хотя ей было всё равно.

Гости, разместившиеся кто где, ещё спали. Предстоял ещё один день праздника.

Тетя Ульфина уже встала и кормила скотину.

— Ты где была? — грустно спросила она, глядя на девушку.

— Гуляла, тётъ...

— Что, в кровати не улежала?

— Нет, — честно призналась Рыска.

— Ну и правильно, — неожиданно согласилась тётя, — Нечего размениваться. Я думала вчера, что ты вообще уедешь. Уже загрустила, думаю, как я теперь одна? Мальчик-то мне теперь как кровинка, да и ты... Но лучше б ехала.

Рыска печально посмотрела вдаль, на уходящую в лес дорогу.

— Нет, тётя, это уже прошлое. Два раза в одну реку не входят, а три — так тем более... Да и куда я от тебя? Ты мне столько хорошего сделала, больше, чем мать моя. Я теперь тебя никогда не брошу, — Рыска обняла тётю.

Ульфина похлопала её по плечу.

— А он краси-и-ивый, — мечтательно протянула она, — Как лебедь среди воронья. И благородный. И добрый... Такого грех не полюбить... А мальчик как на него похож!

Рыска задумчиво покивала. Причёска рассыпалась, завитые кудри разлетелись по плечам.

— Красивый... — согласилась она, — Только не быть мне с ним уже никогда.

Тётюшка неожиданно тепло и ласково улыбнулась, заглянув девушке в глаза.

— Почему ты так говоришь? Ты ж путница!

— Видунья, — поправила Рыска.

— Ну, пока видунья, неважно... Тебе должно быть многое известно. И неужели ты сама не видишь, что в жизни всё может измениться за щепку, за долю щепки? — Рыска нахмурилась. — Вот например, — продолжала тётя, — когда ты на хуторе жила, считала меня злой ведьмой, и даже как зовут меня, не знала, как все, Мухой величала, а теперь говоришь, что я тебе роднее матери. Когда ты ушла, думала, что и не увидишь меня больше, а теперь живёшь со мной, я сына твоего ращу, а ты меня кормишь, чтить, подарки мне возишь — сама, никто не заставляет. Могла б ты о таком подумать десять лет назад?

— Не могла, — уронила Рыска.

— Так вот, и с ним ещё можешь встретиться — так неожиданно, что и сама не представляешь сейчас, где, когда и как. И будете вы друг другу не то, что сейчас, а намного ближе и дороже.

Рыска вздохнула.

— Он обиделся... Я специально сказала так, чтобы обиделся. А он гордый, не простит...

— Ещё как простит! — снова улыбнулась тётюшка.

— Да ты его не знаешь!..

— Жизнь долгая, моя родная, — перебила Ульфина, — А чем мы старше, тем умнее делаемся — и он тоже. Мало ли, что может произойти? Ты, главное, верь и надейся.

— Путникам это не полагается.

— Тогда просто улыбнись и живи дальше. Путница ты или нет, отчаяние — грех, а Хольга всё видит. И по делам воздаст.

— Тебе за что воздала? В юности ни счастья не было, ни толком мужа, ни детей...

— Было за что, девонька, уж поверь на слово, было, — вздохнула женщина, — Да и простила меня Хольга. Всё дала: и дом, полную чашу, мой, а не двоюродного мужа, и любимого под старость — учителя твоего, и дочь, и внука. А ведь думала когда-то, что на пожаре том вся жизнь моя сгорела! Ан нет, Викий деньги мне завещал, я сюда перебралась, в родную веску. А потом и ты, светик мой, ко мне пришла, сама, словно знала, куда идёшь.

Рыска стояла, привалившись к плечу обнявшей её тётки. И правда, роднее матери за пять лет стала...

— Я бы без тебя пропала, — произнесла она.

— А я бы — без тебя. Поэтому Хольга нас друг другу и послала, — она с улыбкой отстранилась. — Ладно, пойду, свиньям ещё не задала, — сказала Ульфина. Сделала два шага к сараю, обернулась и добавила. — А Алька своего не забывай. Не каждый мужик за девкой приедет, чтоб со свадьбы её увезти. Не просто это все! За мной вот не приехали в своё время...

— Мне так больно, тёть...

— Больно — знать, ещё живая, — утешила её тётка, — А живая — так дождешься. Мы, бабы, все такие, даже и путницы.

Рыска кивнула, соглашаясь. Надо было как-то жить дальше...

...Тамель, естественно, никуда не ушёл и довольно достоверно изобразил счастливого новобрачного, за что ему и был снова разрешён поцелуй, и опять её чуть не вывернуло. Если б не при всех, и не удержалась бы!

А как только праздник закончился, Рыска поспешила уехать вместе с учителем

и Жаром. Ей пора было возвращаться на занятия, её отпустили ненадолго, и она очень радовалась этому.

Проблема появилась полтора года спустя, когда в один из своих приездов Рыска узнала, что Тамель позволил себе отпустить её сыну леца — вообще-то, за дело, за самовольный уход из дома на весь день. Тетка Ульфина послала Тамеля на поиски, а он дважды вернулся ни с чем, за что и был обруган взволнованной женщиной.

Альк вернулся вечером, довольный донельзя — и холодный как лёд (было самое начало весны). Где и с кем он провёл весь день, мальчик не признался, и отчим в сердцах ему поддал.

Сын беззлобно, по факту, рассказал всё Рыске. Он не считал себя обиженным, даже признал, что был наказан за дело, но Рыске на глаза упала чёрная пелена. Она вспомнила своего отчима и его оплеухи.

Тамель чистил в коровнике навоз. Рыска вошла и сняла со стены пастуший кнут.

— Здравствуй, дорогой, — спокойно поздоровалась она.

— Здравствуй! — он бросился ей навстречу, а она наотмашь хлестнула его кнутом — куда попало.

— За что? — чуть не плача, воскликнул муж.

— Проваливай в свою Саврию, — холодно сказала Рыска, вложив в эти слова, казалось, ненависть и ко всем саврянам, и к своему отчиму, отравлявшему ей детство.

— Да за что? — всхлипнул Тамель.

— Ты ударил моего сына, — спокойно, сделав ударение на слове «моего», объяснила она.

— Да ты знаешь, что он сделал? — воскликнул муж снова.

— Убил кого-то?

— Он на весь день из дома ушёл! Твоя тётка мне все мозги продолбила!

— Проваливай, — повторила Рыска и ушла.

Её возмутил поступок мужа, да и Колаевы «ласки» были в памяти свежи. Можно было бы ещё понять, если б Тамель испугался за ребенка, а то ведь просто устал от тётиних понуканий. Вообще, Тамель всё больше напоминал жене её отчима: такой же круглый, бесцветный, противный донельзя, вечно потный, соответственно пахнущий, бесхребетный, трусливый. Как он вообще в Пристань угодил? К тому же, Альк говорил, что в Саврии детей бить не принято — значит, муж ещё и со сдвигом? Ну и нашла себе пару, ничего не скажешь!

Представив Алька на его месте, Рыска лишь вздохнула. А что она знает об Альке? Они слишком мало общались, чтобы делать о нём выводы, по большинству, либо в условиях нервного напряжения, либо в постели. И всё. Каков он в быту, Рыска толком понять не успела. Разве что тогда, в Лосиных Ямах... С усмешкой вспомнила она ши из бобровой головы... Уж если он тогда был таким капризным, когда она ничем была ему не обязана, то как бы он застраивал её, стань она его женой? Правильно она ушла, жить с ним было бы невозможно... Да нет же, конечно, он был бы хорошим мужем и отцом. Теперь, спустя годы, она не только чувствовала это, но и понимала, исходя из приобретённого опыта. Он не мог быть другим. Его воспитывали для этого: чтобы прожил счастливую жизнь, неоднократно продолжил свой род... Ну и повезло же его жене!

...Тамель опять не ушёл.

Он ползал за Рыской на коленях все три дня, что она провела дома, умоляя разрешить ему остаться.

Честно говоря, она и не хотела, чтобы муж уходил. Ни любви, ни какого другого чувства к нему она так и не испытала, но следовало признать, что руки у него растут откуда надо, он хорошо управляется по хозяйству, да и вообще, так или иначе, тётя и сын теперь дома не одни, пока её нет. В общем, хреновый плетень, да за ним тише.

— Ладно, можешь остаться, — бросила Рыска мужу уже из седла, — , но ещё раз я узнаю, что ты тронул МОЕГО ребёнка, уже не кнутом приласкаю, а чем потяжелее. И тогда точно выгоню... хм, если идти сможешь. А не сможешь — закопаю, — она кивнула, холодно улыбнулась и уехала.

На нетопырихе она пока не ездила, сдала внаём одному из наставников. Рано ей ещё было, не по статусу. Да и сглазить можно... Но все видели и знали, что за зверь у неё есть, окончательно уверившись, что папа-наставник начинает заранее экипировать дочь и что это он купил ей такого знатного скакуна, потому что Рыске по-любому быть путницей.

Жар женился через год после Рыски на лознке по имени Селина, которая и Рыске-то сразу понравилась, а уж он сам и вовсе души в ней не чаял, называл: «моя звездочка». Девушки быстро подружились, Рыска стала ещё более частой гостьей в их доме. Через девять месяцев после свадьбы у Жара и Селины родился сын, а ещё через год — дочки-двойняшки. Жар продолжал служить в тсарской тайной службе и был абсолютно счастлив. Рыска очень радовалась за названного брата.

И Алька она однажды видела — прошлой зимой. Припозднившись, он заночевал в Пристани.

Она случайно увидела его из окна.

Рыска всю ночь просидела на кровати, не зажигая свет и борясь с желанием отыскать его в крыле для наставников и заезжих путников, и ожидая, что он придет к ней сам, вздрагивая от каждого шороха.

Но он так и не пришёл.

На рассвете, так и не уснув, Рыска побежала к комендантше и напрямую спросила о нём. Как будто, раньше нельзя было!..

— Так до свету ещё уехал, Рыся, — ответила едва проснувшаяся старушка, обладавшая невероятной памятью на людей.

— Он мне ничего не передавал? — тяжело дыша, допрашивала старуху девушка.

— Вроде нет...

— Где ночевал? — допытывалась Рыска.

— В пятьсот седьмой.

— Дайте ключ! Я сейчас принесу! — она протянула руку, не допуская мысли о возражениях.

Комната хранила следы Алька. Пахло богатым домом и чем-то неуловимым, что было только его, что чувствовала только она. На столе догорала свеча: до последнего ждал, вся сгорела за ночь. Кружка с недопитым, ещё теплым чаем стояла рядом. Постель была не смята — даже не ложился, похоже, как и она...

На бархатной поверхности кресла осталось последнее послание — длинный белый волос. Рыска намотала его на палец, приложила к губам, закрыла глаза...

А ведь он её ждал...

А ведь он приезжал за ней в веску.

А ведь нашёл тогда, в общежитии, не смотря на то, что дар тут бессилён.

А ведь не прогонял тогда, в Саврии, просто был слегка не уверен... Нужно было только

немного выждать!

А ведь лучше него никого нет...

Она больше не плакала — ни разу со свадьбы. Не плакала и теперь. Глупо плакать, если сама прогнала и не додумалась прийти этой ночью. Он ведь гордый, сам на такое не способен.

И далось ей это «люблю»? Может быть, ему это недоступно, может, его обидели когда-то в связи с этим словом. А она не поняла, прицепилась к такой ерунде!.. Хотя в том, что Альк её любит, она никогда не сомневалась.

Рыска злилась на себя, но с тем, что хочет именно услышать это, ничего не могла поделать... Вот и результат: не услышит, а теперь и не увидит его больше.

Как же всё сложно в жизни...

Тихо прикрыла дверь, заперла на ключ, понуро побрела вниз... Как там говорила тётя? Простит? Может, как раз простил, потому и приехал? А она не поняла. Дура. Правильно он говорил — дура! Глупая девка. Упустила такую любовь!

В одном у неё точно не было сомнения: ни с кем другим ничего подобного у неё уже не будет. Никогда.

Она просто не допустит этого.

Годы шли, и природа потребовала своё. После последней встречи с Альком, Рыска поняла, что более обходиться без мужчины не в состоянии. Трезво рассудив, что его ждать бесполезно, а сама она давно уже взрослая женщина, Рыска стала позволять себе встречи с мужчинами, которые, разумеется, заканчивались в постели. Относилась она к этому как к чему-то необходимому, вроде похода на рынок за продуктами, не испытывая никаких чувств по отношению к своим случайным партнерам. Это была лишь потребность повзрослевшего организма высокотемпературной женщины. А от случайной беременности и прочих неприятностей спасали зелья, которые она мастерски научилась готовить на курсах. В крайнем случае, и дорожку можно было подправить — тут и без крысы получится, если сразу; тут либо да, либо нет.

В мужчинах недостатка у неё не было: выбирай любого. И иногда она выбирала, в основном, из старшекурсников, которые скоро закончат обучение и уйдут, либо туда, либо сюда. Пару раз в городе знакомилась... Вот только с законным мужем не смогла лечь в постель ни разу, даже просто поспать рядом. И зачем он её терпит? Лучше бы ушёл...

В том, что я такая стала, ты виноват, Альк...

Рыска давно смирилась, что будет жить без Алька. Но она не могла не видеть его во сне, не вспоминать, не искать глазами на улице, не сравнивать с ним каждого мужчину (кстати, ни один и в подметки не годился, ни в чем). Она понимала одно: забыть его не получится. Ничего не поможет. И, наверное, поэтому, в эту ночь, кромсая клинками воздух, она думала:, а может, крысой будет лучше? А пусть это будет она... Хоть чем-то послужит людям. Жить ей всё равно незачем.

О договоре Алька с Жаром она знала: если она станет крысой, Жар ему сообщит, и он заберёт себе их сына, хотя ей всё чаще в последнее время стало казаться, что Альк и так это почувствует, даже на таком расстоянии... Тем лучше.

Грустить о ней особо некому, у всех своя жизнь: тётя и учитель вместе, им легче переносить беды. Он ездит к ней в Калинки не реже раза в месяц, а летом, когда у адептов каникулы, и вовсе там живёт. У Жара теперь есть Селина и дети, ему не до названной

сестры. Во всяком случае, он не один, есть кому его поддержать, а потом и забудется. А муж... Да плевать она на него хотела, пусть хоть косы себе оторвет, ей все равно!

Сына жаль... Но он ещё маленький. Алькова жена, раз он её выбрал, не может быть плохой. Она и станет матерью мальчика. А ещё у Алька есть мать и сестра. Они и без Рыски вырастят ребенка, тем более, в достатке, о каком и мечтать невозможно. Может статься, и не вспомнит он потом свою маму, ведь только семь лет ему исполнилось недавно...

А она... Как там говорил Альков дед? «Прими безумие как спасение!» И она примет. Сойдет с ума за месяц, растворится в крысе и умрёт три-четыре года спустя где-то на дорогах их большого тсарствия, но даже не почувствует этого...

Да, пусть так и будет.

Пусть путником будет кто-то другой: не тот, кто больше этого достоин, а тот, кто больше хочет жить, тот, у кого есть те, кто без него действительно не обойдется. И она искренне желает этому человеку счастья. А сама принимает свою судьбу...

Завершив последний оборот, она остановила полёт мечей и ловко, не глядя, послала их в ножны. А неплохо научилась, следует признать! Конечно, до Алька далеко, но он ведь с детства с клинками не расставался, да и таланта ему Хольга отсыпала щедрой рукой. Зато она, Рыска, старательная, прилежная, способная... И ещё ей тупо нечего больше делать, особенно, когда нападает тоска. Особенно по ночам...

Наставники хвалят её в один голос. Учитель от гордости чуть что не лопнет. Однокурсники умирают от зависти, особенно парни.

Жаль, крысе это умение не пригодится. Ни это, ни другое. Только дар, а он был и до учебы.

Но она всё равно не жалеет...

А уж если она всё-таки станет путницей, то завтра же отрежет проклятые косы, а то всю спину исхлестали! Давно собиралась, да руки как-то не доходили. Теперь самое время.

Вытерев со лба пот, Рыска пошла обратно в общежитие. Луна ушла, звезды поблекли. Начинался рассвет — возможно, последний в её жизни... Ну и пусть.

Хорошо, что намахалась и устала: захотелось спать. Так она и сделает. Время быстрее пройдёт. А потом...

Рыска порадовалась, что догадалась вымыться с утра, после тренировки, потому что к вечеру в помещение общажной купальни набилось столько народу, что пробиться туда не получилось бы ни при каких условиях. Даже воды набрать не дали, и ей пришлось идти во двор, к колодцу... Ну, собственно говоря, ребята правы: перед таким событием грех не помыться.

Рыска проспала весь день и проснулась только перед закатом: измотанный бессонницей и голодом организм потребовал хотя бы сна, раз еды всё равно не дадут. Вот и хорошо, зато не пришлось слоняться весь день без дела, сходя с ума от неизвестности.

Когда она вернулась в комнату с ведром воды, учитель уже ждал её. На кровати валялась небрежно брошенная хламида: то ли халат, то ли плащ серого цвета, похоже, шёлковый, но некрасивый, какой-то траурный. Как саван.

— Наденешь, когда пойдешь в Зал Испытаний, — опутив приветствие, объяснил Крысолов, — Это и больше ничего.

— Хорошо, — буркнула Рыска. Она тоже не стала здороваться: ну какой «добрый вечер» сейчас может быть?

Учитель подошёл к ней, взял за плечи, заглянул в глаза и... сам вдруг заплакал, вернее, проронил несколько слёз, но быстро справился с собой.

— Я не хочу, чтобы получилось как тогда... — со вздохом произнёс он, — Как с ним... И, если что, не проклинай меня. Я всегда был на твоей стороне. Но мнение других мне неизвестно. Я узнаю его вместе с тобой.

— Я не сомневаюсь в вас, — уронила девушка, — Я вам очень благодарна за всё: за семь счастливых лет, за всё, чему научилась, за Алька — что решились и смогли ему помочь. И проклинать вас не собираюсь... Как случится, так пусть и идёт. Кто-то же должен быть и «свечой», — слегка улыбнувшись, добавила она.

— Но не такие, как ты и он! — воскликнул Крысолов.

— Это лишь Хольге решать, — она смотрела остановившимся взглядом куда-то поверх его плеча. Ей виделся Альк, такой, каким она нашла его, в виде крысы. Потом он же, победивший шоша. Снова он — на пороге скита... Вот так, наверное, жизнь пронесётся перед глазами. — Единственное, о чём я жалею, — это о том, что потратила слишком много лет на глупости, не нашла его, не поехала с ним. Все эти семь лет Альк мог быть со мной!.. А теперь уже всё. — Подступили слёзы, но Рыска сдержалась. — Я даже не буду просить вас что-то ему передать. Вы это и так сделаете. Да он и сам все знает... Это такое счастье: когда твой любимый всегда знает, что ты хочешь ему сказать...

— Рысонька, ну не надо так! Не надо сейчас прощаться!

— А потом уже не получится, — она посмотрела учителю в глаза и улыбнулась.

У него снова потекли слёзы. Как, наверное, ему больно, подумала Рыска. С ней такое впервые, а скольких учеников он вот так проводил в неизвестность за годы? И не счастье...

— Давай отложим обряд на год, — предложил Крысолов, — Вызовем Алька. Он сможет тебе помочь, я уверен! У вас с ним особая связь, все получится!..

Но Рыска лишь, печально улыбнувшись, покачала головой.

— Нет, — отказалась она, — Пусть всё будет по-честному.

— Да нет здесь честности, как и во всём нашем тсарствии! — зло бросил наставник, — Ты же сама видела, что было с Альком!

— Для меня честность есть, — твёрдо, как и прежде, сказала девушка, — А за год ожидания я сойду с ума и без «свечи». И я не боюсь, — она вздохнула, — А теперь идите. Я хочу побыть одна, — она поцеловала учителя и осенила знаком Хольги.

Когда он ушёл, Рыска хотела помолиться, но в голове была какая-то каша, ничего не вышло.

Заплетать косы она не стала: всё равно уже. Накинула хламиду и пошла в учебный корпус, поднялась наверх, туда, где уже кучкой толпились её однокурсники, одетые в такие же хламиды: и парни, и девушки. Такое одеяние проще и быстрее сбросить, оставшись обнаженным.

Не смотря на полный коридор народу, тишина стояла гробовая. Даже дыхания не было слышно... Среди такого количества облеченных даром и одновременно взволнованных людей, Рыска почувствовала себя какой-то оглушенной, придавленной к земле. Выносить такое было невозможно! Она физически ощущала страдание каждого.

В Зале Испытаний Рыска уже бывала: учитель водил её на экскурсию. Там, в круглом помещении — стеклянный потолок в виде купола. И стол — большой, каменный, холодный... И второй выход с другой стороны — через него выходят те, кого выбрали путником.

— Кто последний? — тихо спросила Рыска, не узнав своего голоса, и коридорное эхо повторило её слова, многократно усилив.

— Хочешь, ты иди, — послышался ответ. Кто отвечал, понять не удалось.

Она осмотрелась.

— Уже вызывали, — напомнил тот же голос.

Рыска вздохнула — и вздох тоже повторило эхо.

И правда, чего тянуть? Все, что зависело от неё, она сделала. Она хорошо училась. Она была одной из лучших на своём потоке. Кем её назначили, уже решено... Осталось лишь узнать это.

Девушка подошла к двери, на миг оглянулась назад. Здесь не было тех, с кем ей хотелось попрощаться. Не было и тех, кому она пожелала бы удачи. Она так ни с кем из них и не познакомилась: боялась привязаться. И все из-за этого самого момента!

Тот единственный, которого она хотела бы увидеть напоследок, был далеко, и он давно уже прошёл этот зал.

Рыска выдохнула.

— Помоги мне... Альк, — прошептала она, почему-то по-саврянски, и твёрдой рукой толкнула входную дверь Зала Испытаний.

===== Глава 10 =====

Голова болела немилосердно уже третий день. Больно было не только думать, но и просто смотреть на свет.

Разыгрывать напоказ спектакли Альк никогда не любил, предпочитал мучиться в одиночку, поэтому сначала хотел уехать из замка, куда прибыл ненадолго, чтобы немного отдохнуть, но обнаружил, что если лежать более или менее терпимо, то в вертикальном положении находиться совершенно невозможно. Ещё и кровь из носа пошла, чёрная, как смола, и не останавливалась, пока не прилёт. Хорошо хоть никто не видел, а то испугались бы до смерти.

Тихо, стараясь не попасться никому на глаза в таком виде, он ушёл в башню, одну из самых высоких в их замке, прилёт на кушетку, слишком короткую для его высокого роста. От подъёма по винтовой лестнице всё кружилось перед глазами ещё пол-лучины.

Мать, всё видевшая и чувствующая, пришла за ним следом.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросила она, склонившись над сыном. От вида его лица, по цвету сравнявшегося с волосами, и запекшейся под носом кровавой корки у неё чуть удар не случился, но она взяла себя в руки, не позволив себе излишнего проявления чувств. — Тебе плохо? — риторически спросила она.

— Мам, пожалуйста, можно я побуду один? — попросил Альк. Говорить тоже было больно.

— Да, ухожу, ухожу, — согласилась госпожа Хаскиль. — Может, одеяло тебе принести?

— Не надо... Здесь прохладно, так лучше... — сказал Альк из последних сил. Он чувствовал: если скажет ещё слово, потеряет сознание, и это как минимум.

Покачав головой, мать направилась к двери.

— С папой такое было, — вспомнила она уже на пороге. В голосе её звучала горечь. — Как раз перед маминой смертью. Он дня три мучился, пока она между жизнью и смертью была. А как умерла, всё прошло, — произнесла она и вышла.

Лучше б молчала...

Да нет, конечно, спасибо за подсказку!

К боли прибавилось ещё и беспокойство. Альк переложил ситуацию на себя и всё понял. Это неожиданно придало ему сил.

Дедушка, по словам матери, очень любил свою жену. Она умерла рано, в родах, Альковой матери тогда лет десять было. И раз дед почувствовал её смерть таким образом, значит, всё ясно. Ясно, чью смерть сейчас чувствует он. Вернее, не обязательно смерть...

Собрав волю в кулак, Альк поднялся с кушетки, (наверное, слишком резко, за что поплатился новым взрывом в голове и новым потоком крови из носа), подошёл к окну и посмотрел на юг.

До Ринстана при самом скором темпе — три дня пути, учитывая весеннюю распутицу и его нынешнее состояние — все пять. И да, время самое подходящее: середина весны. Рыска окончила обучение. Ночь посвящения вполне может быть и сегодня, кстати, и луна сейчас в соответствующем случаю виде. Значит, к началу в любом случае не успеть... Да и не нужно никуда ехать: получилось в прошлый раз на таком и даже большем расстоянии — получится и теперь.

Правда, и вероятность сейчас меньше, и состояние не из лучших.

Итак, ночь только начинается, голосование в самом разгаре... Вообще-то повлиять на других, облеченных даром, обычно нечего и пытаться — это не может получиться.

Но они с Рыской составляют исключение. Они не могут влиять на других видунов, но могут друг на друга.

Альк присел обратно на кушетку, откинувшись назад. В любом случае, в сознании остаться не удастся, так хоть не на пол падать. Закрыв глаза, представил тот зал — свой ночной кошмар... Головная боль стала настолько нестерпимой, что он глухо застонал, вцепившись правой рукой в подлокотник.

...Девушка с длинными чёрными волосами, совершенно обнаженная, очень красивая в залитом лунным светом круглом помещении берет со стола крысу... Раньше она ненавидела крыс. А потом смогла изменить о них мнение — из-за всего одной.

Ей не страшно.

Ей всё равно, и поэтому она ему не помощница. В этом он сам виноват: был бы рядом с ней, и она боролась бы.

Из зала ведет множество дорог, но лишь одна, по которой она продолжает путь человеком. Один к тридцати пяти... Вот гады, проголосовали за то, чтобы она была «свечой», все, кроме одного — того самого. Ничего не изменилось... И он ничем ей не поможет.

Крысу Альк уморил на днях, причём ничего не делая. Она сама сдохла в тот день, когда разболелась голова. Можно было бы использовать Рыскин дар, но ей всё равно. К тому же, зал этот... В нем Саший знает что может получиться. Как раз вернее направишь на самую паршивую дорогу, хуже сделаешь.

Похоже, в самом деле остается ехать и забирать её, как обещал.

Или можно попробовать поменять дорогу одному...

Один к тридцати пяти — это почти невозможно. Нет, в истории такие случаи, конечно, есть, но ему самому сейчас так плохо, вряд ли он такое сможет.

А может, как раз поэтому и сможет?..

Рыска должна жить. Она добрая и светлая, она принесёт людям много хорошего, многих спасёт. К тому же их сын... Что он скажет, когда тот вырастет и спросит его: а что ты сделал, чтобы спасти мою мать? А ведь спросит, это точно. У двоих видунов не может быть

ребёнка без дара, а значит, мальчик со временем сам во всем разберется, и, конечно, совершенно справедливо осудит отца.

Да и не в этом дело.

Дело в том, что пока Рыска есть на свете, Альк и сам находит силы жить. Не будет её — и всё. Он тогда тоже умер.

Что это — любовь или их связка? Нет времени разбираться.

Снова представился Зал Испытаний и она с крысой в руках.

Из носа хлынуло с новой силой. А боли он уже не чувствовал...

Подумай обо мне, хотя бы на щепку... Хоть обрутай, прокляни. Только подумай...

Ворот привычно оказался в руке, с огромным трудом подался...

И вдруг стало легко. Наверное, надорвался. Нестерпимо яркий свет ударил в глаза...

Зал, освещённый луной.

Не нужны никакие светильники: и так всё видно.

Тридцать шесть наставников — совет коллегии, рассевшись по местам, пожирают её глазами. Но Рыске не до стыда и смущения...

Где-то здесь и учитель — её хранитель, её друг, её отец. Да, вон он, с левого края, во втором ряду. То ли луна его так освещает, то ли он бледен, как полотно. И то, и другое весьма вероятно.

«Не смей думать о ерунде, — говорил он ей. — Сосредоточься!»

Но как раз о ерунде и думается: какой же холодный пол, какой противный сквозняк. Если она не станет крысой, то простудится, это точно.

Так подло умирать весной, когда тебе только исполнилось двадцать пять лет... И главное, она ещё может уйти, прямо сейчас. Но она не собирается этого делать: не для того столько лет училась.

Итак, теперь всё или ничего. И главное, итог безразличен...

— Вам предлагается выполнить следующее задание, — стараясь не смотреть на молодую прекрасную девушку, произносит Глава Общины, — Вы должны выбрать проявитель чернил — один из восемнадцати.

Перед Рыской поставили пузырьки в два ряда. И положили абсолютно чистый лист бумаги.

Сердце застряло в горле...

Ну зачем же так изощрённо издеваться?..

...Темная галерея замка Полтора Клинка. Свет и музыка, исчезнув за поворотом, всё удаляются...

Дверь с замком. Жар на корточках с отмычкой, освещённый тусклым голубоватым светом.

Альк, прямой, как стрела, на миг болезненно сжимает её руку, и у неё, как обычно, перехватывает дыхание. Лучше бы он этого не делал, она и так на грани паники.

Дверь открывается, являя помещение с головами и чучелами животных.

Саврянский шлем с косами на наушах и два клинка поверженного врага...

Пузырьки со светящимися в лунном свете гранями...

«Иди, путница!»

Хриплое дыхание Алька за спиной... Листок с проступающими буквами...

«Прячь, ворюга!»

Вниз по лестнице, выход через кухню, битва у ворот, бешеная скачка...

Остекленевший взгляд человека-крысы...

Хмурое, пасмурное утро. И он, такой чужой, такой несчастный, растерянный. Сидит, не глядя на неё, точит трофейные клинки.

Хочется, рыдая, обнять его, сказать: «Ты не один! Я с тобой!» Но ему это то ли не нужно, то ли он сам не знает, что ему нужно.

В любом случае, она не посмеет даже близко к нему подойти...

А потом ручей под старой ивой. Капли его крови на её платье...

«Тебя никто не спрашивает. Тебя заставляют... Иначе мы всё умрем...»

Бумага, впитавшая чернила.

Светлые буквы на черном фоне...

«Рано или поздно, всё равно придётся сделать выбор, на каком ты пути. И наречь его хорошим».

Ты, как всегда, был прав.

Пальцы наткнулись на граненое стекло — вроде этот. Рыска взяла кисточку, пушистую, как тот колосок, обмакнула в прозрачную жидкость... Руки дрожат, невозможно ничего сделать. Пока ещё руки, а не крысиные лапы... На листок падает капля, вторая, третья...

Бумага чернеет, но букв как не было, так и нет. Они расплываются, ничего не прочитав. Даже в неверном свете луны это понятно.

— Хм... Ну что ж, теперь глотайте крысу!

Крыса маленькая, совсем ещё детёныш. Другая в рот не пролезет.

Как там говорила — хоть ядовитую змею? Так отвечай за свои слова. Тем более, действительно, уже всё равно.

А потом земля и небо поменялись местами, и жизнь в самом деле пронеслась — до самой вчерашней ночи...

— Всё, можете быть свободны, — звучит спокойный голос Главы Общины. — Что с вами? Вам плохо?..

...Тот же зал, залитый луной. Лицо учителя в слезах — и его улыбка. Руки, запахнувшие хламидообразное одеяние.

— Мы победили, доча! Мы победили! — шепчет он, обнимая ее. — Вот, возьми, — в ладонь тыкается что-то холщовое, но при этом тяжёлое и звенящее.

— Это что? — язык еле ворочается.

— Деньги. Иди, отметь... Просто напейся. Иди, иди...

Рыска оборачивается на входную дверь.

— Нет! Тебе туда, — учитель легонько подталкивает её.

Справа от трибун коллегии — маленькая дверца. Вот туда она и вышла — в темный гулкий коридор, затем на лестницу. И — выпала на прохладный, залитый лунным светом, так же, как Зал Испытаний, двор Пристани. Подняла голову вверх и вдохнула полной грудью.

Она это сделала!!!

Ночной воздух опьянял не хуже вина, и у Рыски закружилась голова. Она плюхнулась на скамейку и обнаружила, что сидит на ней не одна.

Парень, оказавшийся рядом, вскинул голову, весело рассмеялся и бросился её обнимать. Опешив, Рыска даже не сразу сообразила, кто это.

— Ты Рыска! Рыска! — повторял он. — Дочь наставника! — он крепко, от избытка эмоций, обнял девушку. — Я так рад, что у тебя получилось! — добавил он.

У парня был сильный саврянский акцент. По-ринтарски он говорил чуть понятнее Тамеля.

— Я тоже за тебя рада, — мягко отстраняясь, с улыбкой произнесла Рыска. — Но... я считала, что ты ринтарец, — почему-то вдруг подумалось о такой незначительной мелочи: о том, что у её случайного товарища темные волосы и саврянский акцент... Да какая ей разница?

— Хочешь пойти со мной? — зачем-то спросила она. Хотя, оставаться, а тем более, напиваться, одной желанья и в самом деле нет.

— Куда?

— В кормильню, — просто сказала она. Странно, на душе не было ни горя, ни сожаления. Только облегчение. И радость. Не о чем жалеть: все знали, на что идут. Их предупреждали в самом начале...

И когда она стала такой циничной?

— Время за полночь, — с сожалением пожал плечами парень, — все кормильни уже закрыты.

— Нет, я знаю круглосуточные забегаловки, — возразила девушка.

Может, это как болевой шок? Не сразу понятно, что больно? Скорее всего, так. Поэтому, срочно принять анестезию!

— У меня денег нет, — печально признался парень. — Только на дорогу до дома.

— Я угощаю, — Рыска потрясла кошельком.

— Отец дал? — догадался парень.

— Да. Пошли скорее.

— А он тебе правда отец?

Сладко защемило сердце.

— Правда, — соврала она. Какая теперь, к Сашию, разница?

Прошло не меньше трёх лучин. Они уже посидели немного в одной кормильне, перебрались в другую и незаметно перешли на саврянский язык, когда Рыска вдруг спросила спутника:

— А как тебя зовут?

Парень разинул рот.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А ты этого не знаешь? За семь лет? Мы же учились вместе...

— У меня плохая память на имена, — вновь соврала она. Врать было весело!

— Странно... — пожал плечами парень, но всё же представился. — Янек. Можно просто Ян.

— Что-то ты на саврянина совсем не похож, — заметила Рыска.

— А я только наполовину, — словоохотливо пояснил он. — У меня отец саврянин был, а мама — ринтарка. Он её в войну с собой забрал. А я весь в маму уродился, чуть-чуть только светлее.

Рыска присмотрелась к парню внимательнее, отметив в итоге, что в самом деле, волосы у него не чёрные, а тёмно-каштановые. И глаза — светло-карие. Вот почему бы ей такой же было не родиться?

— Отец дворянин был, а мама — весчанка, — продолжал Ян, радуясь благодарной слушательнице...

— Подожди, — перебила девушка. — А родители отца на их свадьбу разве

согласились? — спросила она.

— Конечно! Им мама сразу понравилась. Она у меня очень хорошая!

Рыска лишь кивнула. Вот везёт же некоторым!

— А косы твои где? — скорее, пошутила она.

Темноволосого парня она с косами не представляла. Пожалуй, это было бы курам на смех. Но Ян неожиданно серьёзно ответил:

— Отрезал, как только в Ринтар перебрался. Здесь это по-дурацки смотрится.

Уж куда как по-дурацки... Каждому, видимо, своё. Алька, например, без кос и представить невозможно...

Тьфу ты, ну почему она опять думает о нём?!

— А почему ты в Ринтаре учился? Отец был против? — тряхнув головой и прогоняя непрошенные воспоминания, спросила Рыска.

— Не-ет! — возразил Ян. — Он сам меня сюда отправил, чтобы я овладевал языком и изучал традиции предков.

— А почему отец — был? — задала она риторический вопрос.

— Так умер, — печально ответил парень. — Два года назад. Жаль, сейчас очень обрадовался бы...

Рыска лишь головой покачала. Есть ведь на земле и другие пути: и полукровки, рождённые от браков по любви, и родители, не препятствующие желаниям своих детей... И союзы между дворянином и весчанкой.

Но она почему-то попала на эту дорогу, где одни только «нет» и «нельзя».

Да вздор это всё! Зато она теперь — путница! И что за мысли лезли в голову? От страха, не иначе. Подожди, Пресветлая Хольга, я к тебе пока не собираюсь!

— А ты тоже наполовину саврянка? У тебя мама оттуда, да? — спросил теперь Ян.

— Да, конечно, — снова соврала Рыска, прихлёбывая варенуху. Простое вино ей не нравилось, да и трясло слегка после пережитого, хотелось согреться — так она и сделала, выпив три кружки кряду.

— И поэтому ты так хорошо знаешь наш язык? Она тебя учила?

— Да, — опять с улыбкой кивнула Рыска. Наврать с три короба, пусть обалдеет. Тем более, больше они не увидятся, это точно.

— А почему ты Тамеля в мужья выбрала? — перешёл Ян на более серьёзную тему. — Он же... — он замялся, подбирая слово, чтоб и отразить суть, и не обидеть, — вообще никакой, — дал он наконец определение. — Других, что ли, не было? — он подсел поближе к девушке.

— Тебя, что ли? — повернула она к нему голову, раздумывая, стукнуть ли его сразу или нет? Однако немного рассмотрела и решила: да, он, пожалуй, ничего. Мало ли, чем закончится вечер...

— Ну хотя бы!

— Не получилось бы.

— Почему?

— Потому что ты косички отрезал, — полушутливо объяснила она. — Я косички плести люблю!

— И вышла за Тамеля из-за ЭТОГО?

— Ну да, — снова улыбнулась Рыска и уткнулась в свою кружку. — А я, кстати, тоже скоро косички отрежу!

— Зачем? — парень аж подскочил.

— Надоели, по спине хлещут, — честно призналась она. — Да и, может, я вообще в Саврию собираюсь переехать. А там женщины длинные волосы не носят.

— Нет, подожди, — остановил её Ян, — у меня одна штука есть. Мне отец подарил, а я тебе отдам, если хочешь. Повернись, пожалуйста, — попросил он. Рыска повернулась к Яну спиной, а он немного пошевелил её косы. — Покрутись теперь, — предложил он.

Девушка несколько раз мотнула головой. Косы, словно привязанные друг к другу, никуда не делись. Она встала с лавки, покрутилась сильнее — косы не разлетались и не хлестали. Несколько раз подпрыгнула — не хлещут! Слово одна другой мешает это сделать. И как она раньше сама до такого не додумалась? Сняла безделушку, повертела в руке, — как двойной браслетик, восьмерка с замочком.

— Здорово! — искренне восхитилась она.

— Мне тоже косы не нравились, — признался Ян, — а отец настаивал, чтобы я не стригся. Я тоже сказал, что они мне мешают. А он для меня вот эту штучку у ювелира заказал. А я тебе дарю, если нравится!

Рыска пожала плечами.

— Это ведь память о нём, — нехотя возразила она.

Штучка ей на самом деле понравилась.

— Я и так его помню, — махнул рукой Ян, — сына в его честь назову. А это мне больше не пригодится. А тебе... Пусть это тебе удачу принесёт! — парень улыбнулся и вздохнул, отпуская прошлое. — Давай лучше выпьем, госпожа путница!

После того, как они в очередной раз выпили, Ян спросил:

— А ты как себя называть будешь?

— В смысле? — не поняла Рыска.

— Ну, у каждого путника есть прозвище. Вот твоего отца зовут Крысолов. А ты, раз стала путницей, тоже должна что-то придумать.

Рыска растерялась. Да, заучилась она совсем... Всякие забавные традиции прошли стороной.

— Я о таком и не слышала, — призналась она. — Да и, вообще, это не я должна придумывать, а молва. Люди. Им виднее.

— Согласен, — кивнул Ян.

Они выпили ещё: за удачные прозвища, которые им со временем придумают.

И вдруг Ян спросил, совсем уже по-свойски:

— А почему того саврянина, ну, который к тебе приезжал, так называют?

Рыска похолодела изнутри, но беспечно спросила:

— Какого саврянина?

— Высокий такой, с двумя мечами. Если мне не изменяет память, из Хаскилей, хотя геральдику я плохо знаю. У него на седле герб был: щит, два меча крест-накрест и звезда.

— И как его называют? — удивилась Рыска.

— А ты что, не знаешь?

— Не слышала.

— Вернувшийся.

Что-то много воспоминаний для одной ночи... Хотя это особенная ночь.

...Затопленное поле. Женщины, ищущие своих мужчин.

Труп в луже... нет, не он...

А где же он тогда? Где? ГДЕ?

Она должна найти, должна увидеть... Иначе сойдет с ума.

Как она рыдала тогда... Думала, всё, жизнь закончилась. Но он пришёл. Живой... И впервые в жизни обнял её — мокрую, грязную, но теперь донельзя счастливую...

До каких пор она будет его вспоминать?

— Ну так почему?

— Я не могу тебе сказать, — она вдруг перешла на шёпот, потому что голос был готов сорваться. Она несколько лет не плакала, а теперь слёзы подступили совсем близко. Спокойно, Рыся, дыши глубже! И думай о том, что завтра тебе за это будет стыдно.

— Почему не можешь? — умирая от любопытства, спросил Ян.

— Это тайна. И не моя. Налей лучше, — велела она. Странно, она и не заметила, как они перешли на ледяное вино. Ох и голова же завтра будет болеть!

Да ну и ладно.

— Как его хоть зовут? — не унимался парень, пробуя зайти с тылу: любопытство так и распирало его.

Но Рыска молча пила вино.

— Ну скажи, он из Хаскилей? Я не ошибся?

Рыска выпрямилась. В её глазах, смотрящих в никуда, снова появился фанатичный блеск.

— Альк Хаскиль, — с придыханием произнесла она. — Рыцарь без страха и упрёка.

Ян с обалдевшим видом заглянул ей в глаза. Ему, конечно же, захотелось, чтобы кто-нибудь так же относился и к нему.

— Кто он тебе? — совсем трезвым голосом спросил парень.

Рыска задумалась.

А правда, кто? Как будто и никто. И в то же время — всё. Тот, о ком думаешь всегда, даже когда думать уже не способна. Такое невозможно объяснить — можно лишь прочувствовать.

— Он был моим мужем, — опять соврала — или не соврала — Рыска. Сама не поняла. По крайней мере, говоря это, она верила в свои слова.

— Ничего себе! — удивился Ян. — То-то я слышал, что у тебя сын от саврянина, ещё до твоей свадьбы с Тамелем... Это правда?

— Правда, — тут и врать не пришлось. — Его сын. Тоже Альк...

— А почему вы развелись?

Девушка пожала плечами.

— С ним тяжело... Его постоянно нет дома. Не пропустит ни одной юбки, — фантазировала Рыска, — может ни за что обругать, — почти мечтательно произнесла она, словно и правда была когда-то замужем за Альком.

— Но ты всё равно его до сих пор любишь? — напрямую спросил Ян.

— Почему ты так решил? — слегка удивилась девушка.

— Когда он приезжал, вы так с ним обнимались, прямо посреди коридора. Вся общага обзавидовалась!

— Никто, вроде, не видел...

— И у стен есть уши, — уже совершенно обнаглев от алкоголя произнес Ян. — А потом ты из-за него чуть с собой не покончила. А Вернувшимся его называют, потому что он был крысой. Вот в такую же ночь как сегодня и превратился... Но кто-то его спас, — Ян

выжидательно посмотрел Рыске в глаза. — Вся Пристань судачит, что ему помогла ты. Он ведь здесь, в Ринстане учился, у твоего отца — здесь и испытания проходил. А ты упростила папу — и его спасли. А он из благодарности бросил тебя, ещё и...

— Хватит! — с истерическими нотками в голосе крикнула Рыска, треснув по столу рукой, — или закрываем тему, или я уйду!

Ян помолчал.

— Ну ладно тебе, прости, — попросил он, — просто все судачат...

Девушка покачала головой.

— Всё не так было, Ян, — тихо проговорила она, — никакой крысой он не был... Это слухи. Вернувшийся... Ну, потому, наверное, что ушёл до испытаний, а потом вернулся. А расстались... Это не он, это я его бросила. Надоело быть униженной и недостойной. И он хотел быть со мной, но встрял его отец. А жалею я об этом до сих пор. И, наверное... да, люблю.

Правда красиво переплелась с вымыслом, сложившись в легенду, — впрочем, красиво рассказывать она всегда умела. Ян заслушался, как и другие до него. А шила-то, и правда, не утаить в мешке...

— Ладно тебе, — он по-дружески похлопал Рыску по плечу. — Не переживай! Ты очень красивая, встретишь другого, — подбодрил Янек. О том, что у девушки есть муж, никто и не вспомнил. — Давай лучше выпьем, — и потянулся к бутылке. — А знаешь, тебя не надо никак называть, — вдруг сказал Ян, — тебе Рысь очень идёт. Не надо ничего менять.

— Я подумаю, — с улыбкой ответила девушка.

Наверное, это некрасиво — дышать парами варенухи попеременно с ледяным вином на Главу путничьей Общины, когда он вручает тебе долгожданную грамоту.

Да уж...

Учитель лишь криво улыбнулся, увидев её в помятом, «вчерашнем» виде. Впрочем, такими были все.

«Всех» было шестеро: Ян, ещё три парня и одна девушка. И, конечно, Рыска.

Девушка была как раз из той троицы, что с Рыской не дружила, а лишь шепталась за спиной. Одна из её подруг сбежала на четвёртом курсе, никому ничего не объяснив. Другая вчера стала крысой... Двух парней Рыска видела на занятиях, одного — никогда не встречала, но такое тоже вполне имело место.

За крысу, как оказалось, следовало заплатить, и она одолжила денег у учителя. Не то, что бы много — десять златов, но и не мало. Новоиспечённые путники друг на друга не смотрели. Каждому теперь предстояла своя, отдельная дорога, а Пристань оставалась в прошлом. В этом был весь смысл: путник — по жизни одиночка. И Рыска поняла, что верно ни с кем не общалась все эти годы. Лучше так, чем грустить о расставании. Да и о тех, кому не повезло, — тоже.

Может быть, думала она, так во всём? Если бы она тогда просто отвезла Алька в Мирины Шахты и отдала деду, не вдаваясь в подробности его личной жизни, то забыла бы о нём и жила дальше? Или это черта её дурацкого характера — во всё вникать? А будь она другой, не было бы так тяжело?

Но тогда и огромной любви тоже не было бы.

Крыса попыталась её цапнуть и что-то произнесла из серии «чтоб ты сдохла».

— Молчи! — приказала ей Рыска. — Не хватало мне ещё препирательств с крысой!

Оказалось, на седле есть специальное крепление для мешочка с хвостатым другом.

А седло, которое оставил ей Альк, было шикарное, похоже, на заказ сделанное. И тоже с их гербом, как и то, для коровы, которое он не забрал той злосчастной зимой, — совсем новое, из высококачественной кожи. Такого на всю жизнь может хватить.

Только вот...

— Что мне с гербом-то его делать? — вздохнула Рыска, обращаясь к учителю, вышедшему проводить её до ворот.

— Ничего, — задумчиво ответил Крысолов. — Носи с честью. Наверное, он сам так хотел, раз оставил всё тебе. Да и смысл в этом есть: ты мать его сына, и он его признал, раз подарил фамильное кольцо. Ты теперь имеешь право носить этот герб.

Рыска посмотрела на учителя в упор и вдруг разрыдалась, обняв его. Он лишь молча гладил её по спине, давая время успокоиться.

— Ничего, ничего, — приговаривал он, — поплачь. Столько всего... Бедная моя девочка!

— Учитель... ну когда это кончится? — взхлёб шептала Рыска. — Я хоть когда-нибудь его забуду? Хоть через сто лет? Я больше не могу! Теперь его герб ещё... Всё напоминает, везде, повсюду...

— А ты найди его, — серьёзно посоветовал учитель. — Вот увидишь, он обрадуется. Я вообще не пойму, как вы могли расстаться? Вы ведь друг для друга созданы!

— Это я дура! — слёзы все лились, и не было им конца. — Подумала: раз сомневается, раз не может сказать «люблю», значит, я ему не нужна.

— А он не говорил?

— Один раз, — призналась девушка, — по-саврянски. Наверное, решил, что я не поняла... Может, случайно? Может, оговорился?

— Ну-у, — протянул путник с улыбкой, заглянув в заплаканные глаза, — наоборот, это хорошо. Значит, думает об этом. Хм, мне б никогда и в голову не пришло, что он на такое способен... Значит, я вдвойне прав! — Крысолов снова похлопал воспитанницу по плечу. — И если это будет в моих силах, я непременно ему всё расскажу. И даже не отговаривай!

— Что расскажете?

— Что тебе плохо без него.

— Вы этого не сделаете! — воскликнула Рыска. — Я со стыда умру, — добавила она тише.

— Ещё как сделаю, и ты знаешь, что это будет правильно. А стыдиться — кого? Меня, старика, или его, который всякой тебя видел? — Крысолов помолчал. — В моей жизни тоже была большая любовь, которую я потерял и никогда не забуду. И вам я просто не позволю испортит себе жизнь, как испортил я!

— Да-а? — удивилась юная путница. — У вас была любовь?

— А ты думаешь, что я всегда был старым пнём? — ухмыльнулся Крысолов.

— Я никогда так про вас не думала! — жарко воскликнула Рыска. И снова заревела — теперь по другой теме: — Ох, вас я теперь тоже долго не увижу! Учитель, ну как же я без вас? — она опять уткнулась ему в плечо. Нервы у неё окончательно сдали.

— Ну, это совсем уж ерунда, — заметил Крысолов, — скоро адепты сдадут экзамены, и я приеду к вам на всё лето.

— Так я тогда уеду!

— Ну и что? — он улыбнулся, тепло, по-отечески. — Поверь, я никуда не денусь. Ты всегда знаешь, где я и что я тебя жду. Сплетники были правы: мы с тобой навсегда близкие

люди, — он поцеловал девушку в лоб. — А теперь езжай, и да поможет тебе Хольга на твоём пути. И, пожалуйста, внемли моему совету: если встретишь его, не отпускай. Он любит тебя, а ты — его. А время не ждёт. Не дожидайся, пока кто-нибудь из вас уйдёт на небесные дороги, ибо с этим уже ничего нельзя будет поделать.

Рыска вздохнула.

— Ну не знаю... Я ведь замужем, а Алык женат.

— Вздор! — рявкнул путник. — Глупая отговорка! Заключение брака назло друг другу — и всю жизнь этим спекулировать? Это как минимум недостойно таких умных людей, как ты и он.

— Но ведь вы сами посоветовали мне выйти замуж, — заметила Рыска.

— Не отрицаю, — со вздохом махнул рукой путник, — не представляешь себе, сколько раз я об этом пожалел. Но я хотел как лучше! Хотел, чтобы ты отвлеклась. Думал, сможешь рано или поздно забыть обо всём, детей ещё родишь... Теперь вижу, что это невозможно. А потому нечего за это и держаться.

Рыска кивнула и вытерла слёзы. А потом вскочила в седло, внезапно ощутив себя невероятно сильной и удачливой. Плакать больше не хотелось — да и не о чем было. У неё всё получилось! Она теперь путница! И даже нетопырь у неё есть — а некоторые лет по пять на него зарабатывают! Впору было наконец-то порадоваться.

Выехав за ворота, она остановилась, осадив свою Ладу.

— До свидания, учитель! — крикнула Рыска, помахав Крысолову рукой. — Всего вам доброго!

— И тебе, моя родная! До новых встреч! — ответил он.

Привратник, всласть погревший уши — будет теперь, что в кормильне рассказать! — закрыл ворота.

Крысолов вздохнул. Ещё один этап жизни остался позади — это печально. Но Рыска покинула Пристань путницей — и это воодушевляет.

Первое, что Алык увидел, очнувшись, были голубые глаза Дамиры.

— Хвала Хольге! — прошептала она и в слезах обняла его, а потом выглянула в коридор и крикнула служанке: — Быстро сообщи матушке, что господин пришёл в себя!

Алык посмотрел по сторонам. Он находился всё в той же башне, — лежал на той же самой кушетке, только в окно ярко светило солнце. Наверное, было уже за полдень.

— Папочка! — закричала пятилетняя дочка и забралась к нему на кушетку.

— Иоланта, не трогай папу, он нездоров! — предостерегла Дамира.

— Не надо, пускай... — Алык погладил девочку по голове.

— Мама плакала, — сообщила девочка, — боялась, что ты умрёшь. И бабушка тоже.

— А ты? — он через силу улыбнулся. Хорошо хоть голова больше не болит. Но слабость во всём теле невероятная.

— А я не плакала! — гордо сказала дочь. — Как ты можешь умереть? Ты же самый сильный на свете!

Алык усмехнулся. Только ещё один человек во всём мире так верил в него: девушка, которая вчера благополучно прошла через Зал Испытаний.

Она жива и счастлива.

Но не для него...

— Доченька, пойдись к бабушке и скажи, пусть она распорядится, чтобы мне принесли

поесть, — попросил он, взглянув на жену, молча вытирающую слёзы у окна.

— Да, папочка, — Иоланта мигом спрыгнула с кровати и устремилась к двери.

— На лестнице осторожно! — бросил Альк ей вслед.

Когда шаги девочки стихли в коридоре, он устроился поудобнее на кушетке.

— Ну что ты там стоишь? Иди сюда, — позвал он.

— Ты мне? — встрепелась Дамира.

Скабрезничать Альк не стал.

— Конечно, тебе, — произнёс он устало, — присядь сюда.

Дамира подошла, присела рядом.

— Что ты хотел? — опустив глаза, спросила она.

— Ничего, — он взял её за подбородок, заглянул в глаза. — Испугалась? — тихо спросил он.

— Очень... — выдохнула девушка и снова расплакалась. — Столько крови... Ты весь холодный был, я думала, — умер... — всхлипывая, шептала она.

— Ну, успокойся, — Альк привлёк жену к себе, стал поглаживать по спине. — Ничего страшного. С путниками так бывает, — постарался объяснить он. — Ты нашла меня?

— Я, — шмыгнув носом, ответила Дамира.

— Спасибо, — искренне сказал он. — Ты у меня умница.

Она приподнялась, посмотрела мужу в глаза, словно не веря тому, что услышала. За шесть прожитых вместе с ним лет Дамира разговаривала с Альком всего несколько раз, в основном по делу, да и видела-то его нечасто. А чтоб в его голосе звучала благодарность, да ещё и нежность... Такого вообще никогда не было! Она давно смирилась, что мало значит для своего мужа, и ни о чём его не просила: тихо жила в замке, растила дочь, плакала по ночам в подушку от одиночества. А тут такое!..

— Приляг ко мне, — попросил Альк, слегка подвинувшись. Ему вдруг захотелось ощутить чью-то близость, почувствовать тепло.

— Сейчас матушка придёт, — предупредила Дамира, покраснев до ушей.

— Ну и что? Ты ведь моя жена, — напомнил Альк, и у Дамиры чуть сердце от радости не выпрыгнуло. Она с готовностью скользнула под одеяло, обхватила мужа руками, уткнулась лицом ему в грудь.

— Я так тебя люблю!.. — прошептала она.

Черноволосая путница, верхом на нетопырихе, ускакала вдаль по лесной дороге. Она не оглянется больше назад...

— Я знаю. — Альк крепче прижал к себе Дамиру.

Рыска осадил нетопыриху на перекрестке дорог, возле указателя. Левая дорога вела в её веску, правая — на север, в Саврию...

Постояла, посмотрела и повернула на Калинки, не оглядываясь более. Пора домой.

А всё, что было... пусть остаётся в прошлом. Мало ли, что там говорил учитель... Это её жизнь. И ей надоело думать о человеке, который не будет с ней никогда... Но увидеть его вдруг захотелось сильнее, чем обычно: пусть бы посмотрел, какая она стала и что не умерла без него!.. Хотя... ей теперь всё равно.

Да, всё равно.

Она вернётся домой и немного отдохнёт. Она жутко соскучилась по родным, особенно, по сыну. Она не видела их всех почти целый год. А руки так и просятся поработать, как она привыкла с детства, — даже не предполагала, что по чёрному крестьянскому труду можно

скучать!

Видимо, это и есть её стезя. Её дорога. И жизнь наладится! Она ведь ещё так молода! И у неё всё получилось.

...У околицы вески на закате следующего дня Рыска встретила Тамеля: он вдруг со слезами бросился её обнимать. Долго плакал, целовал, а она не знала, чем ответить. Впервые в жизни ей не было это неприятно.

— Что случилось? — растерянно спросила она мужа.

— Ничего, — Тамель улыбнулся. — Я просто очень рад тебя видеть. Я думал, что ты стала крысой... — и он заплакал снова. — Тётя каждый день в молельне поклоны бьёт, Альк про тебя спрашивает — дня не проходит. А я-то знаю, что может случиться, но... решил пока молчать, подождать немного.

Рыска полной грудью вдохнула влажный весенний воздух.

— Всё хорошо, — умиротворенно произнесла она.

— Ты насовсем? — робко спросил муж.

— Нет, конечно, — покачала она головой, — но крысой уже не стану, — и она поцеловала Тамеля. Надо же, по нему она тоже скучала! — Пойдём скорее домой. Я такая голодная!

В сумерках они пошли по дороге через веску — рука об руку. Рядом плелась усталая Лада. «Пусть всё так и остается», — подумала Рыска совсем по-бабьи.

Альк... Это Альк. Как талисман. С ним было так хорошо, что не забыть ей этого вовек. Но где он? А здесь её любят и ждут. Сюда всегда можно вернуться.

Сердце сжалось, когда глаза увидели светлые окна родного дома и их отражение в озере.

У самой калитки Тамель снова поцеловал Рыску, и она опять не испытала отвращения.

==== Часть II Глава 11 =====

Комментарий к Часть II Глава 11 В политике и военной стратегии автор не силён, уж извините.

Прочитав послание, его величество тсарь Савринтарский Шарес помрачнел.

— Так, значит, это правда, — уронил он. — И где они обосновались? Вы узнали?

— Боюсь, очень близко, Ваше Величество, — уронил Кастий, — не далее Малой степи. На северо-западном её побережье.

— И что там происходит?

— Пока только сбор войск. Нам следует тоже готовиться к войне.

— Это я понял, — раздраженно ответил тсарь. — Не понимаю только, почему такое произошло? И кто это, откуда? С другого материка, что ли?

— Нет, — вздохнул начальник тайной службы, — всё намного проще, Ваше Величество. Как уже неоднократно говорилось, на Ринтар и Саврию никто не нападал лишь потому, что выжидали, кто же победит в затянувшейся междоусобице, чтобы спокойно добить обескровленного победителя. И такой неожиданный поворот, как объединение двух тсарствий в одно, очень многим не понравился. Этого следовало ожидать.

— Знаю, что следовало, — уронил тсарь, — но лично я ждал беды скорее с востока, чем с запада.

Кастий кивнул.

— Поверьте, то место, где собираются войска, никоим образом не говорит об их принадлежности к какому-либо народу. Состав противника весьма интернационален, а

количество увеличивается с каждым днём. И кого только нет: степняки, лоэнцы. Но большинство все же составляют ринтарцы и савряне. Видимо, из тех, кого не устроило объединение.

Тсарь нахмурился.

— Этим-то чего не хватало? — спросил он. — Налоги были снижены, угроза войны миновала. За десять прошедших с воссоединения лет уровень жизни улучшился значительно.

— Что поделаешь, Ваше Величество, людям всегда чего-то не хватает, — вздохнул Кастий. — Какое бы благо ни было сделано для народа в целом, всегда найдутся те, кого обделили, или те, кто считает себя обделённым. А когда делаешь на кого-то ставку, следует помнить, что другой, тот, на кого она сделана не была, скорее всего будет недоволен.

— Не понимаю вас пока, господин советник! — перебил Шарес.

— Я объяснюсь, Ваше Величество. Вы всегда были близки к народу, снизили налоги, увеличили время общения с вечами до трех дней в месяц. Но за счет этого появились и те, кого вы обделили, то есть, дворянство, знать, купечество. Опять же вступили в игру сторонники вашего покойного батюшки: они-то рассчитывали на другой итог.

— На какой, интересно? На мою смерть, наверное? — возмутился тсарь.

— Нет, немного не так, хотя и это их тоже устроило бы, — холодно и спокойно возразил Кастий.

— А что же ещё тут может быть?

Кастий немного помолчал, собираясь с мыслями.

— Дело в том, Ваше Величество, что есть ещё один человек, у которого есть право на савринтарский трон, причем вполне законное. Ваш батюшка собирался выбрать своим приемником не вас... — он вздохнул, — особенно, после того, как узнал о вашей связи с вашей будущей женой. И, конечно, его соратники об этом знали и на это надеялись.

— Кто этот человек? — снова перебил Шарес.

Начальник тайной службы молчал.

— Не томи! — рявкнул тсарь.

— Это... ваша сестра, Ваше Величество, — прозвучало в напряженной тишине.

Тсарь вскинул голову.

— Именно она стоит во главе вражеского войска, — добавил Кастий.

— Что? Какая сестра? У меня нет сестры!

— Прошу прощения, но есть, Ваше Величество. Именно её и хотел посадить на престол ваш отец, тем самым остановив им же спровоцированную войну.

— Каким образом?.. Откуда она взялась? — опешил Его Величество.

— Позвольте, я присяду, — попросил Кастий.

Шарес кивнул, позволяя советнику присесть за стол напротив себя.

— Дело в том, — начал Кастий, — что у девушки саврянские корни. Её матерью была двоюродная сестра покойного саврянского тсаря, якобы пропавшая во время войны, а на самом деле... Впрочем, тут точно не скажу, могу лишь предположить, ибо и саврянская княжна, и ваш батюшка мертвы. Видимо, Его Величество забрал девушку с собой во время войны, состоял с ней в связи, простите за подробность, а потом у них родилась дочь. Об этом стало известно лишь теперь.

— Куда же вы смотрели?

— Простите, Ваше Величество, наша служба тоже не всесильна, тем более эту часть своей жизни старый тсарь оберегал как зеницу ока. Так вот, княжна умерла в тот же год, что

и ваш отец, а девушка вплоть до позапрошлого года жила в Ринстане, и где бы вы думали? Она с отличием закончила Пристань и получила путничью грамоту. А затем покинула страну. Совсем недавно внешняя разведка донесла, что девушка стоит во главе войска. Она носит корону и называет себя тсарицей-видуньей. Но сведения пока предварительные.

— А что по поводу нападения? — нахмурившись, спросил Шарес.

— О планах врага на этот счёт пока известно мало, но по моим соображениям пара месяцев у нас ещё есть. — Кастий перевел дух: всё самое неприятное сказано. — О девушке я лично наводил справки в Пристани.

— И... что?

— Она была одной из лучших учениц за последние десять лет.

Повисла тревожная тишина.

— Как её хоть звать-то? — зачем-то спросил тсарь.

— Виттора, — не колеблясь, ответил Кастий. — Тсарица-видунья. Ваш отец назвал её в свою честь.

Тсарь кивнул и, подумав, сказал:

— Пригласите ко мне Главу Пристани и передайте военачальникам приказ готовиться к войне, — вторая часть приказа была давно уже выполнена: Его Величество даже не сомневался в этом.

— Слушаюсь, — Кастий поклонился. — Я могу идти?

— Да, ты свободен, — тсарь махнул рукой, отпуская советника.

От Главы Пристани, явившегося лучину спустя, Шарес не узнал ничего нового, практически, беседа оказалась бесполезной.

В полной растерянности Его Величество пришел в покои своей супруги, тсарицы Исенары.

Её величество взяла, сидя в кресле. Семилетний тсаревич и шестилетняя тсаревна играли на ковре у её ног.

Увидев мужа, Исенара поднялась, отложив вязание, улыбнулась и подошла к нему, слегка придерживая одной рукой свой упругий живот. В тсарской семье вскоре ожидалось прибавление.

Поцеловав жену, тсарь присел в кресло напротив неё. Дети, оба темноволосые и светлоглазые, похожие одновременно на обоих родителей, тут же влезли на колени к отцу.

— Чем ты обеспокоен? — спросила Её Величество, видя, что он не решается начать разговор.

— Милая, помнишь, я говорил тебе об угрозе войны, — осторожно начал Шарес.

— Да, — с невозмутимым видом кивнула Исенара, вновь взявшись за вязание.

— Сегодня я получил донесение. Сведения достоверны, — со вздохнул тсарь, — войска собираются в Малой степи, — и он по порядку пересказал всё, что узнал от Кастия, и свои соображения своему лучшему на все времена советнику. Конечно, тсарица никаким образом не участвовала в этом, но она всегда поддерживала супруга. Поговорив с ней, тсарь всегда чувствовал себя спокойнее и увереннее.

Но сегодня Её Величество удивила мужа окончательно.

— Против путников должны воевать путники, ты это и сам прекрасно понимаешь, — сказала она. — А против лучших — лучшие.

— Да, я предупредил Главу Пристани, как уже говорил, — кивнул Его Величество.

— Это замечательно, но недостаточно, — покачала головой тсарица, — позволь мне

тоже принять в этом участие, Шарес.

— Но как? — удивился он. — Ты же в положении!

— Это ни при чем, — отмахнулась Исенара. — Помнишь то письмо, которое ты отправил мне как раз перед смертью твоего отца?

— Конечно, — ласково улыбнувшись, кивнул царь.

— Оно не попало бы ко мне, если бы не верные люди. Позволь вызвать их для разговора. Они могут очень помочь в этой кампании. Они путники.

Шарес пожал плечами.

— Так в чем разница? Я уже говорил с Главой Пристани. Их и так задействуют.

— Сомневаюсь, дорогой. Может быть, их и задействуют, но не так, как хотелось бы.

— Почему?

— Они ещё очень молоды, не состоят в Совете Пристани. Если их и задействуют, то как обычных воинов их звена, — её величество в упор посмотрела на мужа. — Они могут принести намного больше пользы, чем от них ожидается, — заключила она.

Царь вздохнул.

— Вряд ли от них будет такая уж польза, раз они молоды, — возразил он, — наверное, опыта у них тоже мало?

Исенара покачала головой.

— Я бы не стала их рекомендовать, мой дорогой, если бы в них сомневалась. Они особенные, — уверенно произнесла царица, — не такие, как все путники. Когда они вместе, им цены нет. Поверь мне, пожалуйста, — она с мольбой посмотрела на мужа.

Шарес вздохнул.

— Сейчас выбирать не приходится, — проговорил он, немного подумав, — тем более, если верные... Может быть, это заменит многое другое. Особенности... Что ж, завтра я свободен две лучины до полудня. Вызывай их.

— Нет, — покачала головой Её Величество, — я сама с ними поговорю. Или, в крайней мере, с кем-то одним из них. А тебе потом доложу, — она улыбнулась. — И ещё, я попросила бы грамоту от твоего имени для них.

Царь нахмурился.

— Ты действительно в них уверена? — спросил он.

— Как никогда в жизни, — ответила Исенара.

Его Величество немного помолчал, соображая. А потом кивнул.

— Наверное, ты права. Нужно задействовать всё возможности. Грамоту ты получишь сегодня же, — он поднялся из кресла.

Её Величество тоже поднялась и поцеловала мужа.

— Тебе не придётся ни щепки жалеть о своем решении, — заверила она.

Уже на пороге Его Величество обернулся.

— Одна из этих двоих, случайно, не твоя тайная советница? — с хитрой улыбкой спросил он.

— Угадали, Ваше Величество, — улыбнулась в ответ Исенара.

— Тебе не кажется, что ты слишком уж привязалась к этой девушке? — спросил царь уже серьёзно.

— Возможно, — согласилась с ним жена, — но такие, как она, других чувств не вызывают. Думаю, после того, как она выполнит моё поручение и вернётся, я представлю её Вашему Величеству, — церемонно произнесла она, — и поверь, она хороший человек.

Она заслуживает такого отношения к себе.

Лучину спустя тсарь шёл по гулкому коридору дворца в сопровождении охраны и размышлял. Ему вспоминались события десятилетней давности, пережив которые, он воссоединился со своей любимой. словно один день пронесли эти годы. А его Исечка осталась такой же, как и прежде, и он — самый счастливый в мире муж. И если в тсарствии, как и полагается, всегда проблемы и передраги: либо соседи грозят войной, либо год Крысы на пороге стоит, либо ещё какая напасть, — то семья у него замечательная. А когда семья приносит человеку радость, то будь он хоть трижды тсарь, со всей прилагающейся к этому головной болью, он будет счастлив.

В жизни Его Величества мир и покой наступили в тот день, в ту щепку, когда он, наконец, смог обнять любимую — не тайком, а уже как свою невесту. А потом была свадьба, дети, и ничто с тех пор так не трогало его душу, как они все. И ничто больше не могло расстроить настолько, чтобы выбить из колеи. За своей семьей Шарес чувствовал себя как за незримым щитом, предохраняющим от горя и бед. И потому он сам был в любую щепку готов защищать их, как ему и полагалось. Будь он в мире один, сейчас кроме предстоящей войны ни о чём не думал бы и, конечно, был бы натянут как струна. А вот поговорил с женой, обнял её и детей — и уже легче.

А по поводу этих путников... Может, жена и ошибается. Может быть, и нет в них ничего такого, как она выразилась, особенного. Но её слова поддержки, её голос, её милое лицо придали молодому тсарю сил и уверенности в себе — как всегда. Он успокоился. Его замешательство прошло без следа. Пока его любимая рядом, ему ничего в жизни не страшно.

Пусть Исенара поговорит со своими верными людьми, пусть отдаст им распоряжение. Вреда не будет.

А что там за сестра, выяснится позже. Может быть, и не сестра вовсе, а самозванка. Да и какая, к Сашию, разница? Войне уже в любом случае быть.

Но точить мечи на родную кровь не хотелось бы. Не приведет это ни к чему хорошему.

Ох, отец, что ж ты наделал?.. Что ж ты наделал? Десять лет прошло, а я все ещё расплачиваюсь за твои грехи и не расплачусь, похоже, до самой смерти.

Жаль, с тебя уже спроса нет...

Жара стояла невероятная — просто огонь вместо воздуха. И если в Калинках, где Рыска передохнула неделю, ещё можно было как-то жить, то Ринстан встретил её раскаленным камнем домов и мостовой.

Город есть город. За цивилизацию приходится платить непомерную цену. И как они здесь живут, да ещё и добровольно? Если б не крайняя нужда, ноги бы её тут не было, но следовало проверить, не вызывала ли её тсарица, на службе у которой она состояла в последние два года.

Изнывая от жары и отчаянно тоскуя по прохладной воде озера, расположенного практически у порога в родной веске, она зашла в кормильню на самой окраине столицы. Завсегдатаи заведения слегка обалдели от вида красивой стройной девушки в коротких, до колена, штанах и рубашке без рукавов, застегнутой ровно настолько, чтобы была прикрыта аппетитная грудь, и, наверное, хотели отпустить пару сальных шуточек, да в следующий момент узрели мечи, крысу, взгляд исподлобья и моментально потеряли к ней интерес.

Рыска заказала квасу, осушила кружку чуть ли не залпом и развернулась было к выходу, но кормилец вдруг окликнул её.

— Госпожа путница, можно вас на щепочку?

— Чего тебе? — неласково буркнула Рыска. В помещении было ещё ничего, а вот предстоящий выход на раскаленную улицу несколько не радовал.

— Госпожа, ну зайдите в подсобку, — шёпотом позвал мужик, покраснев до ушей. — Я не могу о таком на весь зал говорить!

Прицокнув, она зашла в подсобку, и кормилец, воровато оглянувшись на зал для гостей, моментально закрыл за ней дверь.

— Госпожа путница, помогите, пожалуйста! — начал он.

— Что такое? — спросила она. Мозги плавилась от жары. Спрашивать о чем-то дар совершенно не хотелось, а именно этого от неё, похоже, и хотели.

— У меня жена рождает, уже вторые сутки, — зашептал мужик ещё трагичнее, одновременно начиная всхлипывать, — ей сорок лет уже, а дитё только первое! Боюсь, помрут они...

— Придурок, почему лекаря до сих пор не позвал? — со злостью перебила его Рыска, забыв об уважении к старшим.

— Так... Стесняется она. Лекари сплошняком мужики...

— Идиот!

— Так вы возьмётесь?

— Где она?! Быстро веди!

Мужик заскакал по лестнице, повторяя:

— Сюда, сюда! За мной! Пожалуйста, любые деньги...

Женщина, исходя криком, металась на кровати. Находящаяся в том же помещении старуха помогала лишь морально — один за другим била земные поклоны перед двуиконием. Духота в комнате стояла ужасная.

— Окна открыть! — с порога скомандовала Рыска. — Все вон из комнаты! Да, и это... Кормильню закрой, всех на улицу выгони!

— Зачем? — удивился мужик.

— Бегом, если хочешь, чтоб все живые были! — рявкнула она, не собираясь ничего объяснять.

Оставшись наедине с измученной, а теперь ещё и напуганной женщиной, девушка резко сменила тон.

— Потерпи, милая, потерпи, — зашептала она, скидывая с плеч ножны, а затем присаживаясь на табурет у кровати и осторожно кладя руку на сведенный судорогой живот, — сейчас легче будет!

— У тебя крыса... Я боюсь... — простонала женщина.

— Кого, крысу? — улыбнулась Рыска. — Она добрая, не бойся. А нет, так будет, — взглянув в глаза зверьку, пробормотала Рыска, — только полежи тихо, всего пять щепок, очень прошу.

За два года столько раз это было: разбегающиеся вдаль от перекрёстка дороги, ворот — когда лёгкий, а когда и не очень, визг несчастной твари, головная боль не меньше чем до завтрашнего утра, звон монет...

— Спасибо, госпожа путница!

— Обращайтесь, если что...

Озноб и ощущение пустоты.

...Удивленный хозяин самолично сварил для неё варенухи, и, выпив горячий напиток,

она пришла в себя.

— Спасибо вам! Спасибо! — повторял на разные лады кормилец. — А денег столько хватит? Может, скотинку вашу почистить? А ночевать вам есть где? Может, тут останетесь? Дай вам Хольга здоровья!

— И жениха богатого... — в тон ему, мрачно ответила девушка.

— И жениха, и деток! И... Здоровья... — не придумав ничего нового, добавил он.

Рыска отставила кружку и поднялась из-за стола.

— Может, пообедаете у нас? Как раз жаркое подоспело.

Путница лишь отрицательно покачала головой. Её слегка подташнивало от потери сил — вероятность оказалась маловата.

— Ну куда же вы? Посидели бы ещё! — не зная, как порадовать благодетельницу, метался мужик.

— Нет, спасибо, я пойду. Меня ждут, — она нацепила ножны и быстро пошла к выходу.

Наверху, в комнате над кормильней, мирно спали новоиспечённая мать и её крошечная дочка. С ними теперь всё будет в порядке, Рыска точно это знала.

Златы остались лежать на столе. Выскочивший следом кормилец никоим образом не повлиял на её решение отказаться от оплаты.

— Тогда скажите ваше имя! Мы так дочь назовём, — взмолился мужчина.

Но путница лишь покачала головой. Плохая примета — называть ребёнка в честь того, кто случайно помог ему родиться.

За два года Рыска изменилась до неузнаваемости, из милой девушки превратившись в жёсткую, не улыбкувную женщину. Она нещадно обдирала тех, кто обращался к ней с глупостями. Она знала себе цену на царской службе. Она относилась к людям так, как они того заслуживали, не скупясь на ругань и подробное описание своего видения ситуации. Но никогда не отказывала в помощи раненым, больным и действительно несчастным, неизменно бескорыстно, если речь шла о жизни и смерти.

Ни злой, ни жестокой Рыска не стала, ибо в основе люди не меняются. Ей по-прежнему было жаль всех и каждого, но она мастерски научилась определять, кого жалеть стоит, а кого нет.

А ещё пустота...

Жизнь была пуста.

Она долго старалась забыть свою единственную любовь, и ей это удалось. Только, к сожалению, стало не лучше, а хуже. Словно из души вырвали кусок, а на замену так ничего и не нашлось...

Теперь ей требовался отдых, и до завтрашнего утра никуда ехать она не планировала. Представив, что творится в общежитии Пристани, как там сейчас жарко и неудобно, к тому же воды в купальне наверняка нет, Рыска решила туда не ходить, а лишь оставить там свою Ладку, где животное будет накормлено, вычищено и под присмотром. Можно было пойти отдохнуть на квартиру к учителю, благо, сам он в Калининках, а ключ у неё есть, но с того памятного дня она туда больше не ходила. Лучше уж пойти к Жару — там по крайней мере заскучать не дадут. Да и пора уже — давненько не общалась с названным братом и его семьей.

Справившись в Пристани, нет ли для неё письма, и получив отрицательный ответ, она пошла в гости к Жару.

Самого его не было дома, зато Селина и дети несказанно обрадовались её визиту. Рыска

до вечера общалась с ними, попутно помогая по дому, а там и хозяин явился — уже после заката, когда малыши улеглись спать.

— Вот те раз! Рыска приехала! — и он обнял названную сестру. — А мне как раз ты и нужна, — он достал из внутреннего кармана письмо. Путница лишь кивнула — не зря её тянуло сюда. — Это тебе от Её Величества, — сказал Жар, хотя это и так уже было понятно.

Рыска явилась к тсарице ещё в тот год, когда закончила своё обучение, и встретила невероятную радость со стороны Её Величества. Исенара пригласила девушку на службу — личным тайным советником, услышав об успехах путницы и в память о заслугах, её и её друзей. Его Величество впоследствии не раз шутливо говорил супруге, что личный тайный советник есть ни что иное, как каприз тсарицы, но самой Рыске от такой службы была сплошная польза: Исенара хорошо оплачивала работу, и все были довольны.

Обычно Рыска появлялась в Ринстане раз в три месяца: сообщала новости в тсарствии со своей точки зрения, отвечала на вопросы, выполняла поручения. Но иногда Исенара вызывала её во дворец и вне установленного порядка. Жар частенько выполнял роль связного, по долгу службы часто бывая во дворце: если Рыска находилась в столице, он передавал ей письма от тсарицы, если же она отсутствовала, вызывал её путничьей почтой.

За два с лишним года между женщинами завязалось что-то наподобие дружбы, если такое вообще возможно между бывшей неграмотной весчанкой и монаршей особой.

Путница развернула письмо.

«Как можно скорее явись во дворец», — прочитала она.

Такое случалось не впервые, служба Её Величеству — это круглосуточно и ежедневно, и потому, разведя руками, Рыска отказалась от ужина и ушла. Дела государства не ждут, и хотя она всего лишь обычная путница, оказанное ей доверие обязана оправдать.

Показав на входе кольцо тсарицы, служившее ей пропуском все эти два года, девушка беспрепятственно вошла во дворец с чёрного хода, поднялась по ступеням на третий этаж и скользнула в еле заметную дверь у лестницы. В небольшой, но богато убранной, комнатке с окнами на закат тсарица принимала ее во все предыдущие визиты.

Рыска уселась в кресло и позвонила в колокольчик.

Пришлось переодеться перед посещением дворца в тёмно-зелёное платье с длинным рукавом и уложить волосы (спасибо, Селина помогла), и теперь девушка изнывала от жары, а шпильки впивались в голову, вызывая желание почесаться. Так она и не привыкла к принятым здесь правилам. Рубашка со штанами и две косы были для неё намного удобнее. Но это же дворец! Полуголой не явишься.

На пороге материализовалась служанка — всё та же, что и обычно, немолодая, немногословная и расторопная.

— Добрый вечер, — поздоровалась с ней Рыска. — Доложите Её Величеству, что я уже здесь, — попросила она.

— Сию щепку, госпожа. Ужинать будете?

— Нет, — отказалась девушка. — Лучше воды принесите.

Служанка кивнула и удалилась.

Исенара пришла лишь через две лучины, когда уже стемнело и была зажжена лампа.

— Добрый вечер, госпожа Рысь! — поздоровалась тсарица.

— Добрый вечер, Ваше Величество, — ответила путница, вставая. При взгляде на живот Исенары, она тоже улыбнулась. Тсарица слегка порозовела — и ответила улыбкой.

— Кто? — сразу спросила она, присаживаясь напротив своей советницы и делая ей знак

тоже садиться.

— Мальчик, — ответила Рыска, — через полтора месяца.

— Ну, хорошо, — удовлетворённо кивнула Её Величество. — Ты будешь ужинать? — спросила она.

— Нет, — в который раз покачала головой девушка. Жара не располагала к этому, к тому же после сегодняшних событий ей всё ещё было не очень комфортно.

— А я поем, — совсем по-свойски, в чём чувствовалось её отношение к госте, произнесла Исенара, — что-то в последнее время голодная постоянно, даже ночью, — она позвонила в колокольчик и попросила подать ей ужин.

Они немного поговорили, скорее, по-дружески — о детях, о женском. А потом, когда служанка убрала со стола, Её Величество перешла к делу.

— Я хотела тебя спросить о предстоящей войне, — начала она, сразу став серьёзной и напряженной. — Будет или нет? Может быть, всё же минует?

— Будет, — неохотно уронила Рыска. Это уже и без дара было понятно всем, просто тсарице в её положении присущи были сомнения. — В любом случае будет, — добавила путница.

— А как скоро?

Рыска давно уже знала все ответы на вопросы о войне, поэтому ответила почти сразу.

— Сроки туманны, Ваше Величество. Возможно, уже через три месяца, а может и через год. Пятьдесят на пятьдесят.

— А дорогу можно поменять? Чтобы попозже...

Рыска усмехнулась, глядя в пол.

— А смысл? Ни к чему откладывать неизбежное — как и приближать его, — путница подняла глаза, и они сверкнули, отразив огонек светильника.

— Позволь поспорить с тобой. Если всё отложить, можно подготовиться к войне лучше, — возразила Исенара.

— Не забывайте, что и враг без дела сидеть не будет, — напомнила Рыска. — В любом случае, это решать не нам с вами. Думаю, над этим уже размышляют. Я, как и вы, могу только ждать.

Тсарица лишь вздохнула, согласно кивая и продолжала.

— Есть сведения, что во главе вражеского войска стоит женщина и что она — сестра Его Величества, незаконнорожденная дочь старого тсаря. Ты можешь что-то сказать по этому поводу?

На этот раз Рыска думала долго. Что-то неясное, но почему-то знакомое, словно прошедшее с ней рядом, маячило где-то поблизости. Но что это и откуда, понять было невозможно. Дар так и не дал ей никакого ответа. Путница покачала головой.

— Трудно, Ваше Величество, надо быть ближе. К тому же, я без крысы сейчас. Не взяла, чтобы вас не пугать.

Тсарица отмахнулась.

— Напрасно, — сказала она, — в следующий раз бери. Не те события происходят, чтобы разыгрывать кисейную даму, — она помолчала. — Ладно. Чем ты сейчас занята?

Рыска пожала плечами.

— Пока — ничем. Приехала узнать, не нужна ли я вам, заодно брата навестить. А там — как получится, в общем... слушаю ваше поручение, госпожа, — догадалась путница.

Исенара слегка улыбнулась. Приятно, когда тебя окружают те, кто понимает с

полуслова.

— Отправляйся в Малую степь, — велела Исенара, — постарайся выяснить личность этой женщины. Её называют тсарица-видунья...

— Видунья? — перебила Рыска. Вот что смутно знакомое не давало покоя. Однако, это не всё...

— Да, выпускница Пристани, — кивнула Её Величество. — Так вот, выясни о ней как можно больше. Доложишь лично мне. Или... Ну, мало ли... У меня вскоре предстоит такое событие, — Исенара улыбнулась, — если я буду нездорова, тогда доложи Его Величеству. Этот вопрос важен больше для него, чем для меня. Необходимо понять, в самом ли деле эта женщина приходится ему сестрой.

— Вы будете здоровы, — уверенно произнесла девушка. Так приятно сообщать хорошие известия! Намного приятнее, чем пророчить беду. — Но почему именно я? Разве в нашем царстве мало путников? Его величество разве кого-либо уже не послал на это задание?

Исенара вздохнула.

— Конечно посылал, но по каким-то причинам толком выяснить ничего не удалось. Возможно, ты сможешь сделать больше других, — предположила Её Величество.

— Я? — удивилась Рыска. — Почему вы так решили? Я самая обычная путница, у меня не такой большой опыт. Я могу ровно столько же, сколько все остальные, а может, и меньше.

— Это когда ты одна, — хитро прищурившись, напомнила Исенара.

— Так я и есть одна! — пожав плечами, проговорила Рыска.

— Позволь не поверить тебе.

— Вы о чём? — путница помрачнела, всё поняв.

— О ком, — поправила тсарица, — об Альке Хаскиле, — они пару щепок смотрели друг на друга. — Ты давно его видела?

— Пять лет назад, — спокойно произнесла Рыска.

Тут уже помрачнела Исенара.

— А найти его можно? — спросила она.

— Наверное, вам это легче будет сделать. Напишите ему, передайте путничьей почтой, — предложила девушка.

— Так и месяцы могут пройти, — отмахнулась тсарица, затем отвернулась, долго смотрела на темное окно, после чего спросила. — То, что ты говорила мне о нём — правда?

Рыска про себя обругала свой длинный язык.

Может, мужчины и правы, не поручая женщинам ответственных постов?.. И главное, не возразишь ничего: сама же рассказала тсарице о связке, чуть больше года назад, разоткровенничавшись в лучину печали. Исенара тогда по-человечески пожалела её. Более того, в тот день её отношения с тсарицей и перешли на другой уровень, приблизившись к дружеским. Однако слово не воробей, как говорится, и Её Величество запомнила произнесённые советницей слова. Видимо, на то они и тсари — потомки царей. Им самой Хольгой велено всё помнить и обо всём одновременно думать. Итак, нещадно ругая про себя свою излишнюю откровенность, Рыска ответила, опустив глаза:

— Правда, Ваше Величество.

Исенара ещё немного помолчала.

— Тогда я вынуждена поручить найти его и попросить тебе помочь, — сделав верные выводы, произнесла тсарица.

— Это будет трудно, — попыталась отговориться Рыска.

— Но ты это сможешь, ведь верно? — глядя ей в глаза, больше подтвердила, чем спросила Исенара.

Подавив вздох, Рыска кивнула.

— Да, Ваше Величество, — уронила она.

— Я могу на тебя положиться?

— Да...

Оспаривать распоряжение тсарицы Рыска не собиралась ни по каким внутренним причинам — Её Величество могла на неё положиться, так же, как и молодая путница точно знала, что известие об их с Альком связке не дойдет до Пристани, хотя об этом уже знают не только они.

Потом Её Величество рассказала Рыске всё, что было известно по поводу предстоящей войны и пресловутой тсарице-видунье, но путница слушала дальше вполуха. Воспоминания, непрощенные и давние, навалились на неё. К тому же многое из сказанного уже было ей известно.

Дослушав тсарицу, Рыска заверила, что всё поняла и постарается исполнить поручение в точности. Исенара же, хоть и не носила дар, легко почувствовала изменение Рыскиного настроения и не стала задерживать её дольше, да и время подбиралось к полуночи. Вручив девушке охранную грамоту с печатью Его Величества, тсарица разрешила ей идти.

Но стоило Рыске приблизиться к двери, Её Величество вдруг произнесла:

— Честно говоря, я тогда подумала... Вы ведь как единое целое с ним были. Это издалека в глаза бросалось. И потом, всё, что ты говорила... Может, это не моё дело, но почему вы расстались? Да ещё так надолго...

Рыска на миг замерла.

Ее уже не трогали такие разговоры. Ей просто не хотелось их вести. Та её вспышка — не в счёт. Это было от отчаяния.

— Мы расстались навсегда, Ваше Величество, — уронила она.

— А как же ваша связка?

— Связка — связкой, она необременительная, а жизнь у каждого своя. У него жена, например, есть, — возразила Рыска.

— Я не об этом, — тихо сказала тсарица, — то, что каждый из вас связан узами брака, я знаю. Но как до такого дошло? — Исенара поднялась из кресла, подошла к Рыске, заглянула в глаза — и увидела там пустоту. — Он ведь никогда и ни к кому не относился так, как к тебе. И песня эта... Думаешь, он для меня её пел?

Рыска посмотрела тсарице в глаза.

— А для кого же?

— Да для тебя же! Прощался с тобой! — воскликнула Исенара.

Путница покачала головой, снова глядя на Её Величество прямым взглядом.

— Вы ошибаетесь, Ваше Величество, ничего такого не было, — ровно произнесла она. Тогда о расставании страшно было подумать. Теперь же было понятно, что есть кое-что куда более страшное...

— Нет, ты не права! — возразила тсарица с улыбкой. — Ты просто была молода, наивна и напугана. Ты и представить не могла, что твоя детская любовь может оказаться взаимной. А я давно его знаю! С детства. И поверь, он не такой уж непробиваемый, каким хочет казаться. Во всяком случае, я тогда сразу поняла, как он относится к тебе. И что в его жизни случилось что-то очень нехорошее, и ему самому намного хуже, чем мне: мало того, что

произошла неприятность, так ещё и появилась причина, по которой эта неприятность стала вдвойне досадна. Ведь в молодости и так хочется жить, а если ещё и любовь...

— Вы ошибаетесь, Ваше Величество, — повторила Рыска.

— Нет!

— А может, и нет, уже и не помню. Столько лет прошло. Всё ушло, как песок сквозь пальцы.

Исенара вздохнула.

— Есть вещи, которые не тускнеют с годами, — печально, отчаявшись убедить Рыску, уронила она, — как бриллианты. Когда ты увидишь его, ты поймешь, что я права.

Рыска с грустной улыбкой покачала головой.

— Боюсь, что уже нет, Ваше Величество.

— Тогда мне очень жаль, — заключила Исенара.

— А мне не жаль, — Рыска помолчала. — Разрешите мне идти?

Тсарица кивнула, и молодая путница покинула комнату.

Да, она значительно изменилась за последние два года. Она не пустила слезу и не вздохнула, даже не замедлила шаг. В лице её не дрогнул ни один мускул. Да и о разговоре она тут же забыла, начав прокручивать в голове суть задания. Воспоминания отпустили её, вернее, они уже не цепляли как раньше, проходя стороной.

Найти его? Что ж, это не составит труда. Она найдёт. Но лишь как человека, который в самом деле сможет ей помочь. Слишком много прошло времени, чтобы сейчас было по-другому.

Предательски дрогнуло в груди, но Рыска тут же себя окоротила. Это так, воспоминание. Ничего уже нет. Просто ей давно нужен мужчина — и всё лишь поэтому вспоминаются подробности из прошлого, тем более, с ним действительно было неплохо... Ну, ладно, хорошо... Себе можно не врать: лучше всех. Но это только физиология, ничего личного.

И хватит думать о глупостях! Сначала задание — потом всё остальное.

Тихо, стараясь не шуметь, Рыска забрала вещи из дома Жара, где все уже спали, и пошла в Пристань за нетопырихой. Жар не обидится, ведь он ей почти коллега — тоже на государственной службе. Он прекрасно знает: может произойти что угодно. А вот Лада возмутилась: она, видимо, настроилась спать всю ночь, а её неласково подняли и выгнали за ворота.

Отъехав от города на десяток вешек, Рыска остановилась в поле и спешила. Отошла от дороги, раскинула руки и закрыла глаза.

В поле было намного лучше, чем в городе — свежее, прохладнее. Ветерок обдувал разгоряченное скачкой тело. Кузнечики заливались на все голоса. И вода журчала где-то рядом, буквально в двух шагах. Вот сейчас она определится с направлением и пойдёт искать воду, обмоется слегка (уж очень жарко), а потом немного поспит, хоть пяток лучин — не железная всё же.

Не отвлекаться!

Представила Алька... Да, с поправкой — наверное, повзрослел тоже (или, постарел, если совсем честно). Пять лет всё-таки прошло.

Образ нарисовался так неожиданно легко, словно только вчера расстались.

Рыска открыла глаза. Ага, северо-восток. Придется сверяться каждый раз — он, наверняка, тоже на месте не сидит, на то и путник.

Она ни щепки не сомневалась, что найдёт его. А не искала раньше лишь потому, что не видела в этом смысла. Да и успокоилась уже, смирилась: не судьба — значит, не судьба. К тому же хотела наладить семейную жизнь, в чем не преуспела: первый порыв на радостях после окончания учебы быстро прошёл. Да и было теперь, чем заняться: работа оказалась интересной и прибыльной. Собственно говоря, времени на личную жизнь за последние годы почти что не было.

Воткнув в землю выломанную из кустарника палку, чтобы отметить направление, подсказанное даром, Рыска отправилась искать воду и быстро её нашла: небольшую речку или даже большой ручей. Она с удовольствием искупалась, напоила и крысу, и нетопыриху Ладу, свою красавицу, а затем улеглась на траве, подложив под голову свернутый плащ и раскинув в стороны руки.

— Спокойной ночи! — прошептала она небесам, начавшим заметно сереть.

Летняя ночь уже подходила к концу. Скоро и солнце должно взойти, и как только это случится, она поднимется и тронется в путь. Засыпая, Рыска думала, что выбрала правильную дорогу. Путницей быть лучше, чем весчанкой, у которой хоть и есть и дом, и семья, но все дни как один — серые и одинаковые. Пожалуй, она всё же не ошиблась, выбирая свой путь.

===== Глава 12 =====

Господину Румзу, наместнику Зайцеграда, всегда нравились блондины, особенно вот такие, высокие, широкоплечие, с жёстким выражением мужественного лица, от которых явно веет силой. А уж от саврянских кос просто дыхание перехватывало.

Но красавчик пришёл вовсе не за тем, чего господину наместнику хотелось бы от него получить. Даже шансов никаких, так, полюбоваться... Ну и по делу тоже. А если высказать неприличное предложение, тут, похоже, одним только мордобоем не обойдется: мечи-то у саврянина явно не для красоты, хотя смотрятся эффектно. Ещё отрубит башку, не посмотрит, что наместник.

В последние годы найти себе красивого парня Румзу Косому становилось всё труднее, даже на одну ночь, даже за деньги. А о том, чтобы любовник был ещё и умным или благородным, вообще давно не было речи. В основном на такое теперь идут с голодухи или за услугу. Но, как правило, бестолковая, отбившаяся от рук молодежь, а это всё не то. Ах, вот если бы себе такого красавчика за тридцать или даже ближе к сорока, явного аристократа... Да, это давно из области мечты. В последний раз от подобного он получил кружкой в лоб, ещё и принародно — обидно и унижительно. Он же не хотел ничего плохого! Так, песенки послушать... Но его не поняли.

Вот с тех пор и осталось собирать шваль да терпеть выходки Лео, своего постоянного, но весьма неверного, так сказать, друга...

— Проходите, господин путник! Я давно вас жду! — радушно улыбнулся Румз Косой.

Альк с неприкрытым отвращением его оглядел и без приглашения уселся в кресло.

«Неужели, ты, сволочь, меня не узнаёшь?» — пронеслось в голове.

Однако связываться не хотелось. Провались ты пропадом, гад, ты своё получил. Если сейчас не твякнешь что-нибудь не то, отвечу на твои вопросы, получу деньги и уйду. Городом ты правишь нормально, не хуже и не лучше других. Если корона тебя терпит, то я тоже не судья. Да и народ жалко: жареным здесь пахнет и в прямом, и в переносном смысле... Но жутко хочется убраться из этого проклятого города!

— По злату за вопрос, — сразу заломил Альк.

Выщипанные брови поползли вверх.

— Помилуйте, господин путник! Это же... грабеж! Я же на благо города! — «Эх, я б для тебя и ста не пожалел, но за другое!»

— Ну как знаете, я вас не заставляю, — Альк поднялся из кресла, но был остановлен. Выбирать наместнику особо не приходилось: летом Зайцеградская Пристань пустела. Большинство наставников разъезжалось, равно как и адепты, кроме тех, кто проходил практику — всем хотелось повидаться с родными, а то и подзаработать за лето, что в весках намного проще, чем в городе. Те, кто остался, были уже слишком стары, чтобы чем-то помочь. Одна надежда была на заезжих.

Саврянский путник заехал в город отдохнуть и перекусить, ещё вчера, и остановился в кормильне, хозяин которой тут же доложил наместнику. Румз побоялся его упустить и прислал за ним своего поверенного.

У Алька не было никакого желания снова общаться с Румзом, но дар вдруг подсказал две вещи: во-первых, несчастный город и правда стоял на пути надвигающегося пожара, а во-вторых, его самого ждало в резиденции наместника что-то хорошее, нужное... Что-то, чего не следовало упускать. И он нехотя явился пред бесстыжие наместничьи очи.

— Нет-нет, господин путник, я согласен! — Румз не был дураком и прекрасно знал, к чему может сейчас привести торг с видуном: этот уедет, а следующий может прибыть лишь на пепелище. А Альк прекрасно понимал, что наместнику некуда деваться.

Засуха в этой части страны стояла ужасная: с самой середины весны не упало ни капли дождя с раскаленных небес. Посевы погорели, ближайшая река практически пересохла. То, что городу и окрестным вескам грозит голод в ближайшую зиму, не подлежало и тени сомнения. Казалось, хуже быть уже не может. Но Сашию мало было для полного счастья. Две недели назад поднялся жуткий ветер из степей, с запада, горячий и злой. Всё, что не высохло, досохло за неделю.

А потом начались пожары.

Сначала сгорела веска, вешек на пятьдесят западнее города, причём сгорела подчистую, в головешки, не уцелел почти никто из жителей.

Следом огонь перекинулся на лес. Долго тлела подстилка, с переменным успехом сдерживаемая весчанами с лопатами, а потом пал поднялся выше, на сосновый бор. И хотя до Зайцеграда было ещё далеко, наместник забил тревогу. Ветер, нагулявшись, слегка стих, но хорошо просушенная ветром и солнцем древесина и так уже прекрасно горела, неизменно приближая пожар к городу, за последние годы разросшемуся и подступившему к лесу чуть ли не вплотную. Полыхнуть могло со дня на день, тем более, что несильный, уже ставший ласковым ветер нёс с собой запах гари, что не добавляло хорошего настроения ни наместнику, ни горожанам.

Немудрено, что путник был на сегодня единственной надеждой города, и никто не собирался на нём экономить.

— Итак, я вас слушаю, — произнёс он и, не мигая уставился на Румза Косого жёлтыми глазами.

— Я хотел бы узнать, скоро ли пойдёт дождь? — начал наместник.

Альк подумал, пожал плечами и равнодушно ответил.

— Не раньше конца лета. Раз.

— А... ветер не стихнет?

— Нет. Два.

— Может быть, направление поменяет?

— Нет. Три.

— О, Хольга, что же делать?.. А если свалить ближайšie к городу деревья, это поможет?

— Ненадолго. Четыре.

Альк отвечал на вопросы, одновременно думая, кто посадил эту образину и идиота на такой ответственный пост? Ведь если здесь так ждали путника, могли бы подготовиться к его приезду заранее, продумав, что спрашивать стоит, а что — бесполезно, какой вопрос выбросить, а каким заменить сразу несколько. Да любой весчанин поступил бы мудрее! Сам ведь себе, идиот, расходы увеличивает! Но если врать Румзу у Алька и в мыслях не было, то и облегчать ему задачу — тоже. Моральный ущерб за один весьма неприятный случай.

За то, что это косоe недоразумение так и не поплатилось кое за чью смерть...

— Может, объявить переселение? Это поможет? — продолжал тем временем наместник.

— Поможет, только как вы себе это представляете? Это ведь не веска, а большой город. Народ наверняка не согласится, — дал пояснение путник. — Двадцать два и двадцать три.

Румз про себя выругался, отметив внимательность белокомого: не запутаешь!

— А корона может нам помочь? — безнадежно спросил наместник.

— О чём вы раньше думали? Теперь уже вряд ли. Если только...

— Что?

— Пепелище расчистить. Двадцать четыре.

Повисла тишина.

— Так что же делать? — пролепетал наместник, забыв пялиться на Алька и схватившись за голову.

Путник холодно, самодовольно и как-то по-волчьи улыбнулся.

— Ясное дело — дорогу менять. Кстати, можно было и сразу догадаться. Двадцать пять, — с удовольствием припечатал он.

— Нет, но это уже не счита-а-ается! — по-бабьи взвыл наместник. — У вас вообще совесть есть?

— Нет. Двадцать шесть.

Румз открыл рот, но Альк, отсмеявшись, смягчил приговор.

— Ладно, шучу по поводу последнего. Двадцать пять, — он снова, не мигая уставился на наместника. — Ну что, дорогу меняем?

Румз Косой вздохнул, прикинул ущерб от пожара, соотнёс его с затратами на путника — эх, хорош, стервец, как с картинки! — и махнул рукой, соглашаясь.

— Тогда... — Альк подумал немного — не над вероятностями. Их он давно уже знал. — Примерно два к девяносто семи. Довольно трудный случай, вполне могу погубить «свечу». Так что за всё про всё — сто пятьдесят златов.

— Господин путник, я уже и не знаю...

— Или двадцать пять сейчас — и счастливо оставаться, — он снова посмотрел в глаза Румза, не мигая.

— Согласен, — со вздохом произнёс наместник.

— Деньги вперёд, — Альк протянул руку ладонью вверх в таком царственном жесте, что наместнику на щепку показалось, будто он не у себя в кабинете, а на аудиенции у его величества.

Пришлось Румзу, скрепя сердце, расстаться с деньгами.

— А если не получится? — попытался возражать наместник, с тоской глядя на златы, исчезающие в кошельке саврянина.

— Получится, — заверил путник.

И в этот момент дверь наместничьего кабинета распахнулась, впустив стройную, черноволосую девушку, увидеть которую здесь, да ещё и в таком виде Альк не ожидал, не смотря на все подсказки дара. На ней было надето что-то такое, что раньше можно было представить разве что на цыпочках из курятника: рубаха с коротким рукавом со шнуровкой почти до пупа спереди и облегающие штаны длиной до колена, всё в светло-зелёных тонах. Косы, её чёрные косы, как всегда перевязанные веревочками, отросли ниже ягодич и были сцеплены друг с другом чем-то блестящим. А раньше она не носила побрякушек...

— Добрый день, господа, извините, что без приглашения и без стука, — начала она. Голос тоже был другой — не стало девичьей звонкости. И смотрела она словно сквозь собеседников — не отводила глаз, не опускала их долу, но всё равно, словно не видела, с кем разговаривает. В первый миг показалось — может, не узнала? Но тут же стало понятно: узнала, просто восторгов по этому поводу не испытывает.

Из-за двери на наместника испуганно смотрел его поверенный:

— Я пытался её остановить, господин... — начал оправдываться он. Господин Румз лишь зло махнул на него рукой — иди отсюда! Затем слегка скривился, как от зубной боли. Женщин он терпеть не мог, а путниц, тем более сразу с двумя клинками — подавно.

— Слушаю вас, госпожа путница, — кисло произнес он.

— У меня дело к господину Хаскилю. Поручение его величества, — Рыска подошла к столу и швырнула перед наместником царскую грамоту, кивнув на Алька.

Румз лишь метнул взгляд на грамоту. Не она его теперь интересовала. Он думал о другом — о событиях десятилетней давности. О бесследно исчезнувшем из тюрьмы саврянине... О том, что этого путника он уже когда-то где-то видел. И девушку — тоже. И фамилию Хаскиль слышал...

То, чем теперь Румз мог заплатить за свои действия, было намного хуже пожара. Можно было вполне лишиться не только своего поста, но и головы.

Что господа путники его помнят, сомнений у наместника не вызывало. Поэтому, когда черноволосая девушка повелительно произнесла:

— Оставьте нас, пожалуйста, нам нужно пообщаться наедине, — Румз вышел за дверь без разговоров.

Единственной его надеждой было то, что, возможно, путникам сейчас не до него, и если он будет молчать, беда обойдет его стороной.

Итак, выйдя из кабинета, он осторожно притворил дверь и приложил к ней ухо, молясь, чтоб обошлось.

Оставшись одни в кабинете Зайцеградского наместника, Альк и Рыска некоторое время смотрели друг на друга. Как давно они не виделись! Как давно...

И расстались не самым лучшим образом.

По логике вещей гордому господину полагалось сразу подняться, гордо вскинуть голову и уйти. Но почему-то ему совершенно не хотелось этого делать.

Ему снова хотелось обнять девушку, давно ставшую ему чужой, просто так, без причины, не думая о том, кто она ему. Кто они друг другу...

Наверное, Альк так и сделал бы, ведь на самом деле, не было причин поступить иначе,

но Рыска, с усталым вздохом опустившись в наместничье кресло, вдруг холодно произнесла:

— Добрый день, господин Хаскиль.

Альк всего на миг замер от такой неожиданной холодности с её стороны, но девушка этого и заметить не успела.

— И вам доброго дня, госпожа Рысь, — спокойно ответил он и продолжил собирать деньги в кошелёк.

Рыскин отказ ехать с ним много лет назад, казавшийся все эти годы самым тяжёлым и непоправимым событием в жизни, померк и растворился. Как обычно, оказалось, что хуже быть — может!

Тяжело прощаться с тем, кто любит тебя... Но намного тяжелее понять и принять то, что уже не любит. Но на то ты и знатный господин, для того и получил соответствующее воспитание, чтобы ни словом, ни взглядом, ни единым движением этого не показать, а продолжать делать вид, что ничего не произошло.

— Мне поручено собрать сведения о готовящейся войне и о предводительнице вражеского войска, — начала Рыска.

Альк хмыкнул.

— А я при чём здесь?

— Ваше содействие было бы весьма кстати, — пожав плечами, произнесла она, — Никто не настаивает. Расчёт только на вашу добрую волю.

— Нет, — ответил путник, убрал кошель и поднялся, не глядя больше на девушку. Теперь ему в самом деле захотелось уйти.

Она весьма равнодушно пожала плечами.

— Нет — так нет. Но, возможно, я тоже могла бы оказать вам услугу, — она на миг улыбнулась глазами. — Например, помочь с дождём, за который заплатил вам наместник. Вам ведь не справиться одному, господин Хаскиль.

Альк бросил на неё взгляд как на слабоумную.

— МНЕ? Не справиться одному? Вы сами верите, в то, что говорите, госпожа Рысь? — с усмешкой спросил он.

Рыска улыбнулась в ответ.

— В ваших способностях нет сомнения, — покачала она головой, — А вот вашему хвостатому другу может и конец прийти. Не так ли? — вкрадчиво произнесла она.

— Мне все компенсировали, — продолжая улыбаться, возразил Альк, — Так что, не извольте беспокоиться.

— Компенсировали — что? Поток чёрной крови из носа? Головную боль на неделю? Состояние, когда сдохнуть хочется? Или осознание того, что вообще не надо было в эту Пристань соваться? — произнесла она горько.

Рыска не то что бы попала в точку, нет... Альк просто не успел ещё осознать, что перед ним теперь не дура-девка, которую можно сбить с толку парочкой умных слов, а взрослая женщина. Путница. Как минимум, достойная соперница в словесных поединках. Она прошла той же дорогой, что и он сам и говорила то, что ей уже довелось пропустить через себя.

Но не признавать же это!

— В любом случае, я не намерен делиться с вами гонораром, — произнес он холодно.

Рыску за живое задело — так, да? Но ей было, чем ответить.

Она усмехнулась.

— Не забывайте, что я вам должна, господин Хаскиль, — произнесла девушка, — К

тому же, если вы слишком уж... переусердствуете и навредите собственному здоровью, то здесь, кроме меня, вам помочь некому. Но вы же умный человек! Зачем тратить лишние силы и средства? Посодействовать вам сразу будет легче, чем потом ...

— Беспокойтесь за себя, госпожа Рысь! — перебил её Альк, — Я справлюсь сам, — он направился к двери. — И вы мне ничего не должны.

— Позвольте мне это решать! — зло бросила Рыска, — Вознаграждение, полученное мной от вашего отца, было незаслуженным. Я желаю всё возместить. Я смогу это сделать, если помогу вам в работе.

— Да-а? Вы так высоко цените свои услуги? — с насмешкой спросил Альк, — Я, между прочим, с господина наместника сто пятьдесят златов взял.

— А почему бы мне себя не ценить? Вы же себя цените. К тому же, как раз семьдесят пять и отдам, раз сделаю половину работы.

— Почему — семьдесят пять?

— Половина от ста пятидесят, которые я получила от вашего отца.

Альк щепку подумал, как бы ещё её уколоть и нашёл:

— Тогда с вас вся сотня. Мы договаривались на меньшую сумму! — всё так же, с улыбкой, возразил он.

— О, да, конечно! — тут же нашлась Рыска, — Тогда добавлю наличными. Только сразу столько у меня с собой нет. Потерпите ещё немного? — она полезла за кошельком, развязала его, начала высыпать златы на стол.

— Да ты что, с ума, что ли сошла? — рявкнул Альк.

— Что такое? — Рыска с невозмутимым видом подняла на него глаза.

— Ты издеваешься, да?

— Издеваюсь, — согласилась Рыска.

— Зачем?

— Получаю удовольствие. Ты всегда так делал.

Они как-то одновременно замолчали, снова уставившись друг на друга. Похоже, никто ни на кого по-настоящему не злился.

Всё прошло, подумалось Рыске. Она больше ничего к нему не чувствует.

И самое главное, он как всегда об этом знает. Однако и точка кипения благополучно осталась позади.

— Возьми меня с собой, пожалуйста! — уже совсем иначе, тихим голосом, с просительной интонацией и нежной улыбкой произнесла Рыска, — Ты ведь всегда меня оберегал. Совсем другой сделал... Вот за это я тебе и должна. Позволь теперь мне помочь тебе. И не надо никаких денег. Так, по старой дружбе... А там — как решишь.

Она всегда знала: на Алька бесполезно орать; он не приемлет чужого мнения, его не подкупишь и не запугаешь. Но один подход к нему всё же есть, во всяком случае, был раньше, тогда, в недолгий период счастья. Да и шаг к примирению ей, как и тогда, полагалось делать первой.

В этот раз тоже подействовало.

— Хорошо, пойдём, — уронил он устало, — Только одно условие: слушайся меня.

— Когда я тебя не слушалась? — радостно улыбнулась Рыска.

— К сожалению, никогда не слушалась, — со вздохом произнёс Альк, обвешиваясь своим оружием.

— А потом... Ты потом поедешь со мной? — ещё до конца не веря в успех, но уже

желая закрепить его, спросила она.

— У тебя же царский приказ. Как я могу с тобой не поехать? — пожал он плечами как можно равнодушнее. А затем открыл перед Рыской дверь, пропуская её вперёд. Опять воспитание, чтоб его...

Румз, едва успевший отскочить от двери, проводил их недовольным ревнивым взглядом. От сердца у него малость отлегло: господа путники озабочены другими проблемами, им не до него.

Ну почему, интересно, подумалось наместнику, такие красавчики всегда — с бабой? Стоит заметить хоть одного, так обязательно рядом крутится вот такая востроглазая, готовая в горло за него вцепиться. Эх, ничего не понимают эти бабы в крепкой мужской любви! Зачем они вообще нужны? А уж если Саший их создал, так пусть бы знали свое место: сидели дома, рожали детей, а не лезли в путники.

Эх, тоска, хоть бы Лео сегодня приехал, что ли... Небось опять, гад, по бабам пошёл. Одни беды от этих баб!

...Когда Альк и Рыска оказались на улице, белокопый спросил, кивнув на дверь:

— Узнала его?

— Узнала, — ответила девушка.

— И что?

— Ничего, — честно ответила девушка, — Пусть катится к Сашию.

Альк покачал головой.

— И всё? Он ведь так и не понёс наказания, — странно, но он почему-то совсем перестал злиться. Так, скорее ворчал для порядка. Да и вообще думал про наместника как-то отстранённо, словно проблема отошла на второй план.

— Почему не понёс? — ухмыльнулась Рыска, — Очень даже понёс.

— И какое же?

— А ты посмотри на него, — она обернулась через плечо и улыбнулась.

— Но мы, кстати говоря, оба, вполне могли погибнуть. Неужели ты не хочешь его покарать?

— Не хочу, — совершенно спокойно ответила Рыска.

И подавила вздох. Её сердце болело от пустоты, как ни старалась она улыбаться и делать вид, что всем довольна.

Плевать ей было на наместника. Да и наплюешь тут, когда мужчина всей твоей жизни — вот он, только руку протяни, а тебе всё равно. Нет, не больно, что он не с тобой, не страшно, что скоро уйдёт, а всё равно.

За пять лет всё выветрилось и быльём поросло. Её вообще больше не интересуют мужчины, ни этот, ни другие. Разве что для физиологической разрядки... Но любовь — нет. Она ушла и не вернётся. Ну и пусть, так легче.

Дым клубился над лесом — пока далёкий, но неизменно приближающийся. Пахло соответственно: гарью, пылью, хорошо просушенной обожжённой сосной, её кипящей смолой и пеплом.

Некоторые люди без всякого объявления спешно покидали город. Те, кто всё же надеялся мало-мальски на удачу, каждую щепку поглядывали на запад.

Ветер не крепчал, но и не стихал окончательно, устойчиво дует со степей, слегка успокаиваясь лишь в вечерние часы, а с утра снова набирая силу.

— Похоже, конец, — вздохнул хозяин кормильни «Очаг», глядя с верхней площадки своего заведения на близкий лес. Ветер швырнул в лицо пыль и принёс гарь. Кормильня его была полностью деревянной и стояла близко к окраине... Если пожар доберется до города, то его со временем вполне возможно и потушат, но потом, когда на помощь пришлют тсецов.

А «Очаг» на очереди — первый, и гореть ему в первых рядах, это сомнения не вызывает. Что ж, он не уйдёт до конца, постарается, как сможет, защитить кормильню.

Решив помолиться Хольге, кормилец спустился вниз, собираясь пройти в жилое помещение, бросил беглый взгляд на зал для гостей. Эх, никого нет уже который день. И так доходы из-за засухи и пожара упали, так скоро вообще их не с чего будет получать...

Махнув рукой, он хотел удалиться, но дверь внезапно открылась. Сонный вышибала хряпнулся с табуретки. Хозяин поспешил за стойку, навешивая на лицо улыбку, и опешил...

С детства он обладал отличной памятью на людей. А уж этих двоих ему было не забыть и через сто лет.

Высокий саврянин и его черноволосая спутница, переговариваясь, вошли в полутёмный зал, подошли к стойке. Увидев, что оба с мечами, кормилец чуть не упал в обморок. Ничего себе, они ещё и путники!..

Похоже, ему нечего бояться пожара. Его гораздо раньше изрубят в капусту.

— Что угодно господам? — дрожащим голосом спросил кормилец.

— Попить что-нибудь дай, — не глядя, бросил мужчина.

Не смотря на страх, хозяин обратил внимание, что на этот раз саврянин вовсе не похож на бродягу и пьяницу. Его благородное происхождение не только в дорогой одежде (и не жарко ему в черном!) и оружии. Всё написано на лице. А вот девица, хоть на этот раз и одета в новую и чистую, хотя и излишне откровенную одежду, как была весчанкой, так и осталась. И что может связывать таких разных людей? Хотя, что здесь непонятно? Это ведь издалика бросается в глаза.

А вот зачем они здесь?..

— Вина? Пива? — предложил хозяин.

— Нет! — раздражённо произнёс саврянин (почти без акцента), как будто хозяин отвлекал его от чего-то важного, — Просто попить, без алкоголя!

— Квасу лучше всего, — куда более вежливо, с полуулыбкой, пояснила девушка, укоризненно глянув на своего спутника.

— Кушать что-нибудь будете? — снова спросил хозяин.

Девушка лишь покачала головой.

Опасные гости сами взяли кружки и уселись перед стойкой, за ближайший стол.

Кормилец почти сразу бросился протирать стойку, а на самом деле просто крутился поблизости от путников, чтобы послушать, что с ним собираются сделать — и не преуспел: путники беседовали по-саврянски.

Нервное напряжение достигло предела. Отбросив тряпку, хозяин с размаху бросился перед гостями на колени.

— Простите! Простите меня, господа! Простите старого дурака! — запричитал он.

— За что? — удивилась девушка.

Саврянин бросил на кормильца брезгливый взгляд и отвернулся.

— Простите! Простите! За всё — простите! — умываясь слезами, кормилец продолжал ползать на коленях. — За бутылку, за стражу, за коров! Простите старика!

— Ой, комедия, — саврянин залпом допил квас, поднялся, взял мечи. — Я тебя на улице жду, — бросил он девушке, продолжая хмуриться, и вышел.

Проводив его взглядом, чернокосяя велела кормильцу:

— Встаньте, пожалуйста, не надо позориться, — она помогла старику подняться, даже отряхнула пыль с его колен. — Успокойтесь, пожалуйста, мы здесь не за этим!

— Простите... — продолжал хлюпать он, — Я и так сейчас в убытке... А тут пожар! А теперь ещё и вы...

— Мы тут ради пожара и есть, — объяснила Рыска.

— Да? — по-своему понял хозяин и снова чуть не упал.

— Да, постараемся помочь, не бойтесь! — она улыбнулась, вытащила горсть монет, аккуратно положила на стол, взялась за своё оружие.

— Не надо! — горячо воскликнул хозяин, с ловкостью кошки сцапал монеты и вложил обратно ей в ладонь, — Да благословит вас Хольга!

Девушка с милой улыбкой кивнула и тоже направилась к выходу.

...Альк хмуро посмотрел на Рыску. Он всё видел в окно, и настроение у него совсем испортилось. К тому же, жарница стояла потрясающая, ему и правда было жарко в чёрных штанах и рубашке. Уроженец севера, лето, тем более в Ринтаре, он не слишком любил.

— Ты со всеми такая добрая? — угрюмо спросил он Рыску.

— Со всеми, — видя его сдвинутые брови, в той же манере ответила она.

— И много ты с этого видела?

— Мне хватает, — ответила девушка и отвернулась.

— Да? И где-то, чего тебе хватает? — совсем уж зло спросил саврянин.

Рыска вскинула голову, глядя вдаль.

— Тебе не понять, — уронила она. Что добро возвращается к человеку, она была уверена всегда, и никакие трудности в жизни не могли повлиять на это.

— Да куда уж мне? — в ответ на её реплику, фыркнул Альк.

Рыска медленно перевела на него взгляд и спокойно спросила:

— Тебе поругаться захотелось? Вернись назад в кормильню, — и замолчала. А потом вскочила в седло.

Путники не ходят по двое, какова бы ни была их задача. В народе бытует мнение, что они друг другу мешают, потому и путешествуют, и работают по одному. Во всяком случае, так говорят.

И тем не менее, эти приехали вдвоём: знатный господин из Саврии и чернокосяя девушка-полукровка, одетая распутнее некоторых цыпочек. Оба на нетопырях, с крысами, при оружии — всё как положено.

— Прошу вас, господа, — велела девушка собравшимся у городских ворот людям, — Вернитесь в город.

— Мы посмотреть хотим! — крикнул кто-то.

— Тут абсолютно не на что смотреть, — отрезала путница.

— Ну мы так, издалека!

— Да, близко подходить не будем! — раздался голоса.

— Могу нетопырей подержать! — предложили из толпы.

Белокосый окинул толпу недобрым взглядом.

— Госпожа вам что, недостаточно понятно сказала? — негромко спросил путник, и тут

же повисла тишина. Народ, не возражая более, в считанные щепки нырнул за городские стены, но лишь для того, чтобы поскорее занять удобные позиции и посмотреть хотя бы оттуда.

Отъехав чуть ли не на полвешки, путники спешили и прошли немного вперёд. Ринтарка покрутилась на месте и махнула рукой на северо-восток. Саврянин согласно кивнул головой. А потом взял её за руку — и оба замерли, всего на пару щепок, лицом в сторону указанного девушкой направления.

А потом она дёрнула головой, высвободила руку и пошла к своей скотине, чтобы тут же вспрыгнуть в седло, но на ходу успела бросить своему спутнику что-то через плечо. А затем поскакала в сторону города.

— Это у них получилось или нет? — спросила торговка пирожками у хозяина скобяной лавки.

— Саший их знает? Я их вообще по двое никогда не видел, — ответил тот.

Девушка уткнула куда-то вдоль стены, наверняка проскользнув в город через другие ворота, а вот саврянина толпа обступила прямо на въезде.

— Ну что, господин путник, получилось или как? — спросил кто-то из горожан.

Преодолевая желание просто послать мужика подальше, путник кивнул. С годами он стал намного сдержанней, чем раньше.

— Всё в порядке, не волнуйтесь, — бросил он, не поворачивая головы, — К вечеру дождь будет. Дайте проехать, — и, хмурясь, растворился в городских переулках.

===== Глава 13 =====

Давно так не трясло, а может, и никогда...

Сразу после смены дороги Рыска отправилась в общежитие Зайцеградской Пристанки, где незамедлительно сняла комнату. Она уже начинала ощущать последствия. До кормильни было ближе, но там наверняка найдутся не особо трезвые соседи, от которых в таком плачевном состоянии отделаться будет трудно.

И теперь, лежа на кровати и завернувшись в выпрошенное у комендантши пуховое одеяло, она всё продолжала дрожать всем телом, уже четыре лучины. Зря отказалась от горячего молока с мёдом, которое предлагала ей комендантша! Сейчас было бы весьма кстати. Нет ведь, буркнула:

— Сама справлюсь! — и поспешила скрыться в комнате, стеснялась, что кто-нибудь заметит, что у неё зуб на зуб не попадает. Как будто, с другими путниками такого не бывает...

Хорошо хоть знаний хватило на то, чтобы понять, что происходит и как с этим бороться. Да, пожалуй, не зря она окончила аптекарские курсы при лазарете (кстати, как и Пристань, с отличием). В просторечье её состояние именовалось отходняком после поворота дороги при чрезвычайно малой вероятности. Не будь с ней Алька, разделившего тяжесть ворота, сейчас валяться бы ей без сознания, и хорошо, если в общежитии, а не прямо в поле. А с крысой вообще можно было бы попрощаться. Она годилась бы только на помойку, хотя, конечно, она так не поступит. Если, вернее, когда Рыска уморит крысу, она похоронит её как человека, тем более, что это и есть человек...

Альку всё это тоже тяжело далось: видела прекрасно, как нос зажал и побледнел. Хотела что-то сказать ему, но если раньше не решалась, то теперь и подавно незачем.

Да и почувствовала его обиду.

И угораздило же их зайти в эту кормильню?.. Если б Альк не обиделся на неё за

кормильца, все прошло бы легче.

Народ, считая путников всесильным, здорово заблуждается. В этом ремесле столько допусков и нюансов, что голову можно себе сломать. Даже незначительная для обывателя мелочь способна изменить всё до неузнаваемости.

А вообще, при чём здесь это? Она сама виновата. Не надо было в такой ответственный момент вспоминать, что произошло в этом городе и в этом лесу десять лет назад. Шальная, вскользь пронесшаяся в голове мысль не позволила попасть на нужную дорогу. Выбрана была другая. Дождь, разумеется, пойдет, да и огонь погаснет, это точно, но вместо этого... О, Хольга, это едва ли не хуже.

И ведь Альк ничего ей не сказал. Лучше б обругал, как раньше, легче было бы. А он лишь молча кивнул, когда она бросила ему:

— Завтра жду тебя у городских ворот.

...Ну почему так трясет? Как будто на улице не лето, а зима!

И как, оказывается, противно на душе, когда там ничего нет. Любовь ушла, а на её месте так ничего и не появилось — некого ей любить. Муж таких чувств не вызывает. Правильно ей говорили когда-то: не стерпится и не слюбится. Да если б он хоть вёл себя по-человечески, а то вечно взбрыкивает, нарываясь, как будто она держит его, а в последние два года совсем отбился от рук. Хотя, в его поведении нет ничего удивительного, если учитывать, как она относится к нему.

...Окончив обучение в Пристани, Рыска вернулась домой усталая и опустошенная. И испытала потребность кого-нибудь обнять, прижаться, чтоб её пожалели и утешили, а кроме Тамеля никого поблизости не оказалось. До всего остального дошло само собой, тем более, это ведь был её муж. Впервые после свадьбы они оказались в одной постели. А вообще-то, ночная темнота на многих действует как-то по-особенному, заставляя делать то, чего раньше и представить было невозможно.

Но разочарование, пришедшее с рассветом, оказалось настолько горьким и отвратительным, что Рыску аж подбросило на кровати. Первое, что она сделала — это заварила себе травяной сбор против зачатия, от души возблагодарив Хольгу за полученные в области травоведения знания. Жаль только, от гадостного ощущения на душе сбора не придумали.

В то утро она чувствовала себя так, как будто изменила Альку. Нет, конечно, по факту это было не так, а раз уж на то пошло, то и не впервые. Да и вообще, кто он ей есть, чтобы так это расценивалось?.. Но именно такие мысли и посетили её тогда.

Промучившись до вечера и встретив со стороны мужа желание всё повторить, она решила честно всё рассказать Тамелю: и о своей первой любви, и обо всех похождениях, думая, что он оскорбится и уйдет. Но получилось только хуже: он мало того, что не ушёл, так ещё и из подчинения вышел.

А потом оказалось, что у Тамеля есть любовница — Рыска узнала об этом в один из своих приездов домой. Любовницей оказалась некогда бездетная вдова из соседней вески, совсем недавно родившая сыночка — чёрненького, но со светлыми саврянскими глазами. Тётя подтвердила: Тамель давно зачастил в эту веску.

— Гоните его, госпожа путница, негодяя неблагодарного, — посоветовала тётина подруга, та самая, которая некогда указала Крысолову дорогу в их дом.

— Пусть делает, что хочет, мне всё равно, — бросила Рыска и забыла об инциденте.

Душа её давно опустела. Любить по-прежнему было некого...

Вернее, рядом всегда были близкие люди: сын, тётя, учитель, Жар с семьей. С её величием завязалось нечто, похожее на дружбу. Да и служба нравится, что ни говори. А вот любви больше не было. Это не тяготило, но пропасть в душе всё росла и росла с каждым днём. Рыска перестала узнавать сама себя.

В какой-то момент ей это надоело, и она попыталась обратить внимание на мужчин — не как на объект прелюбодеяния, а попытаться завязать отношения.

Но никто так и не вызвал у неё таких эмоций, как когда-то Альк. Даже ничего похожего. На ночь сгодится, а связывать с ним свою судьбу — ни к чему. Обмен шила на мыло. Тот, с кем не хочется не то, что ложиться в одну постель, а даже разговаривать, уже есть. Любимого же нет и не будет.

...Рыска порывисто села в кровати. Трясти её так и не перестало.

Было у неё с собой одно средство, помогающее в таких случаях. И принять его давно было пора. И в том, что это поможет, путница не сомневалась. Беда была в другом: в побочном эффекте этого чудодейственного эликсира, коим являлось внезапное низменное желание, порой непреодолимое. И если где-то в лесу или в поле при отсутствии, так сказать, кандидатов, бояться было нечего, то в общежитии Пристани она, конечно, не одна. Конечно, летом большинство адептов и наставников разъехались, но не может же такого быть, чтобы совсем никого не было? По крайней мере, заезжие либо уже есть, либо будут к вечеру.

Очередная судорога отдалась болью в суставах. Нет, надо пить этот Сашиев эликсир, а то сейчас до обморока дотерпится, а это недопустимо, потому что завтра нужно в дорогу. К завтрашнему дню надо прийти в себя.

Отмерив нужное количество капель заметно трясущимися руками, Рыска бросила взгляд в открытое окно. Ветер дул теперь совсем с другой стороны и явно пах грозой. Это было хорошо заметно, потому что окно как раз находилось на северо-восточной стороне. И хотя в городе за крышами облаков было пока что не видно, то, что они уже есть или совсем скоро будут, не вызывало у путницы никаких сомнений.

Проглотив противную микстуру, почти чёрную, отдающую рыбой, Рыска запила её водой. На голодный желудок, после суток, проведенных в седле и напряженного дня перед этим, средство подействовало почти сразу. Тело её расслабилось, мысли успокоились. Стало хорошо и даже потянуло в сон — , но ненадолго.

Похоже, она смогла-таки на лучинку задремать, но вскоре проснулась и ощутила тот самый побочный эффект в полном объёме. Та же песня, да на новый лад!

Теперь думалось по-другому: почему считается, что это состояние лучше того? Или это на неё одну так действует? А может быть, следует принимать с оговоркой: для тех, кому есть с кем переспать?

Рыска вздохнула.

Будь у неё такой, она бы и так, без зелья пришла в себя. Ведь ничто так не успокаивает, как живое человеческое тепло. Тепло, которого ей так давно не хватает...

Промучившись еще с лучину, Рыска решительно поднялась с кровати. Поняв, что больше не выдержит, она решила сходить в купальню, привести себя в порядок и выйти в город. А то что же это такое получается: всем дождь, а ей везде и во всем — облом?

...В купальне, на первом этаже здания, слышался плеск воды. Как и во всем Зайцеграде, здесь царил чистота. Наместник терпеть не мог путников и Пристани, но жизнь им испортить было трудно: Пристань — крепкий орешек, способный самостоятельно, без помощи короны, за себя постоять. И он нашел способ отыграться: лично инспектировал и

учебные корпуса, и общежитие, делая упор именно на чистоту, при этом нагряться мог в любой момент под девизом: «Это мой город, а грязи здесь я не потерплю. Если хотите, жалуйтесь его величеству». Естественно, проще было поддерживать порядок.

Итак, спустившись на первый этаж, Рыска незаметно заглянула за неплотно прикрытую дверь купальни и увидела совершенно голого молодого человека, оценила визуальную его возможности, хмыкнула. Возможно, и в город идти не придется, а то погода — хуже некуда. Пока только ветер с пылью, а к вечеру ещё и вольёт, а то и раньше.

Она решительно открыла дверь в купальню.

Парень закрылся тазиком, опешив от её наглости, но не сказал ни слова.

— Привет, — поздоровалась она, — А ты ничего...

— Спасибо, — обалдело отозвался парень.

Молод ещё, отметила Рыска, не более двадцати двух лет, ринтарец. Наверное, адепт, практикант, летом здесь других и не бывает. А может, просто выглядит молодо, ну да ладно, сейчас не до выбора. Она сгорала от желания. А парень... Да всё равно она его больше никогда не увидит.

— Как тебя зовут? — спросила она, — А впрочем, зачем мне это? — Рыска решительно шагнула ему навстречу, убрала мешающийся в неподобающем месте деревянный тазик, закинула руку парню на плечо, потянулась, а губам... Тот на миг заинтересовался — , но лишь на миг.

А потом вдруг побледнел и замер, словно проглотил аршин...

— Ах ты, кошка блудливая! — услышала Рыска за спиной, и от этого голоса её мигом отпустило.

А потом её весьма невежливо вытолкали в коридор.

— С лёгким паром! — рявкнул Альк, запустив в парня букетом чрезвычайно колючих роз, и так приложил дверью, что с потолка штукатурка посыпалась.

Таких слов Рыска в жизни не слышала! При чём на обоих языках: не даром Альк хвастался, что знает оба как родные. Он, казалось, даже не осознавал, на каком языке ругается. И все это было — ей одной!

И, естественно, посреди коридора.

А её вдруг разобрал смех. Все, чем она могла по началу ответить — это истерический, до слёз хохот, только подливающий масла в огонь.

А сколько нашлось зрителей! Коридор вмиг наполнился народом, да ещё и из комнат выглядывали. А казалось, что летом общага пустует.

Несчастный адепт, попавший под раздачу, счёл за счастье тишком проскочить в свою комнату, благо она была рядом, и, почёсываясь, закрыться в ней. Однако тут же припал к замочной скважине: интересно же, что он теперь с ней сделает?

Но благородному саврянину воспитание не позволяло поднять руку на женщину.

— Что, вот так запросто взяла бы и переспала неизвестно с кем? — орал он.

— А ты что, так не делаешь? — в том же тоне спросила она и снова захохотала.

— Я мужчина!

Рыска, надрываясь от смеха, сползла по стене.

— И что? — вытирая слёзы, спросила она, — Кто ты мне есть, чтоб лезть в мою жизнь? Муж? Я перед тобой отчитываться не обязана!

— О! Я подозреваю, ты периодически так делаешь! — догадался Альк.

— Совершенно верно, так же, как и ты, — ответила Рыска и снова рассмеялась.

— Какой пример ты подаёшь ребёнку! — снова рявкнул белокопый.

— Я уверена, твой пример понравился бы ему больше, — опять смех.

— Какая же ты стала! Я раньше о тебе такого даже подумать не мог!

Рыска неожиданно перестала смеяться и даже улыбку погасила.

— А я раньше такая и не была, — зло сказала она, — Это всё из-за тебя. Ты меня бросил. А теперь ведёшь себя как собака на сене: и самому не надо, и другим не позволю!

— Да я же к тебе и шёл...

— И что? — выплонула она, сверкнув глазами, — Я должна от радости умереть? Ах, господин Хаскиль, всю жизнь вас одного и ждала! Да не дождёшься!

— Ты что себе позволяешь? — вновь взвился он.

— Да ничего! У меня были отвратительные сутки, за которые я устала как рабыня, потом тяжёлый, дерьмовый день, а теперь, благодаря тебе, будет дерьмовый вечер. Ты рад?

— Я рад! — не остался в долгу Альк. Ещё щепку посмотрел на неё с ненавистью, а потом, не найдя больше доводов, развернулся к выходу, — Кстати, одеваться стала как шлюха. В курятнике тебе и место, — бросил он через плечо.

— Кому знать, как ни тебе, какие там особенности моды, — крикнула Рыска ему вслед, — Кстати, знаешь, — добавила она, — Иди-ка своей дорогой. Без твоей помощи обойдусь.

Альк на миг замер, но тут же продолжил свой путь.

— Что смотрите? В цирке, что ли? — вызверилась Рыска на окружающих, когда за Альком захлопнулась дверь и устремилась вверх по лестнице.

— Хватит хулюганить! — кричала ей вслед комендантша, почуяв, что эпицентр бури сместился и лично ей уже не угрожает, а значит можно и пошуметь для порядка.

Парень, которого безуспешно пыталась снять Рыска, попеременно со своим товарищем подглядывал в замочную скважину, а потом, когда Альк покинул общежитие, рискнул открыть дверь. Адепты-третьекурсники выглянули в образовавшуюся щель, но успели лишь посмотреть вслед столь откровенно одетой девушке.

— Красивая, — сказал товарищ несостоявшегося Рыскиного утешителя, — пойдёшь, догони! Этот её хахаль ушёл уже, а девушка разозлилась. Знаешь, как стараться будет?

— Ты с ума сошёл? — таким тоном, словно ему предложили поцеловать змею, воскликнул парень, — Знаешь хоть, кто этот её хахаль?

— Нет, — пожал плечами адепт.

— Это Вернувшийся! А она, похоже, Рысь. Спасибо, она сделать ничего не успела, а то меня бы сейчас от стен и пола отскребали. Чудом пронесло!

Товарищ понимающе закивал.

Об Альке Хаскиле по прозвищу Вернувшийся, совершенно безбашенном саврянском путнике и его подруге, тоже не отличающейся мирным нравом, по Пристаням ходили легенды, одна другой страшнее, где правда причудливо переплеталась с вымыслом. В одной сказки сходились во мнении: связываться с Хаскилем не стоит — уж лучше уступить ему, как бы он ни был неправ. Рысь ему не жена и даже не невеста, а просто подруга, но всё равно прикасаться к ней категорически не следует, иначе можно не досчитаться некоторых частей тела. Девушкам тоже не стоит строить Вернувшемуся глазки: то ли примета плохая, сто процентов крысой станешь, то ли просто Рысь все космы повыдергивает.

Осенив себя знаком Хольги, господа адепты решили, что лучше всего сегодня из комнаты не высовываться. Второй раз за день не повезёт, и дар тут не поможет.

А к легендам с тех пор прибавился ещё и слух о ребёнке, которого Рысь родила от Вернувшегося, но прячет и ему не показывает. Обсуждений теперь должно было хватить на год.

Вспоминая детали скандала, Рыска ещё долго истерически смеялась, катаясь по кровати в своей комнате. А потом, видимо, эффект лекарства сошёл на нет. Появились разумные мысли. Например, возник вопрос, зачем это Альк к ней приходил, да ещё и с цветами? У него такое не в чести. Потом стало обидно: вот ведь, баба-дура, не могла лучинку подождать!.. Он бы пришёл, и тогда... как знать... Не пришлось бы искать ветра в поле. И ведь не почувствуешь здесь: город, да ещё и коллеги кругом. Хотя, Алька-то она в городе нашла... Почему же тогда не почувствовала, что он сейчас придёт? Видимо, мысли были затуманены зельем. Лучше б не пила эту дрянь.

Третья посетившая её мысль была настолько неожиданной, что девушка уже и не знала, горевать теперь или радоваться. Подумалось, что раз Альк так разозлился и устроил с ней разборку на глазах у всех, значит, думает о ней ещё. Значит, не забыл.

Все его обидные слова вмиг выветрились из головы. Тем более, что он был прав, произнося их.

Вскочив, Рыска завозилась в сумке, быстро нашла платье, приличествующее случаю. Только бы не уехал! Жутко хочется с ним хотя бы поговорить, увидеть, обнять. И почему не сделала этого раньше, ведь дважды представлялся случай, а она только и могла, что скандалить...

Пусть прошла любовь, но они не чужие! Хватит уже бодаться, пора заключить мир, им же на роду написано идти рука об руку, иначе не встретились бы они в этом мире, такие разные. Надо держаться друг друга, пусть не как супруги, но хотя бы как коллеги, напарники, друзья, в конце концов.

Он там сейчас злится — ничего. Она и на колени готова встать, извиниться за свою глупость, да что угодно сделать, лишь бы увидеть его.

Только бы не уехал! Только бы дождался...

Зайцеградский курятник для элиты был устроен с размахом: не просто двухэтажное здание наподобие гостиницы, как везде, а большая, огороженная территория на окраине города, по которой были разбросаны маленькие уютные домики с камином, ванной, бассейном, а сам двор утопал в цветах. Такое устройство заведения было очень удобным для его высокопоставленных гостей: посещая его, господа не рисковали наткнуться друг на друга, в крайнем случае, могли просто не узнать знакомых в темных аллеях двора. Популярность у такого курятника была бешеная, как раз-таки из-за обстановки таинственности и практически полной анонимности.

Девочки здесь тоже работали элитные: на подбор красавицы, молоденькие, свежие. Штатный лекарь регулярно осматривал их на предмет неприятных заболеваний. Но и цены здесь были ломовые — на то и элитное место. Каждая цыпочка получала за две лучины злат, столько же шло в общий фонд. Из этого фонда оплачивались услуги горничных, коровнюхов, садовников, дворников, лекаря. Что-то шло на текущий ремонт зданий. Свой процент имела стража. Ну, и конечно, налоги, по-зайцеградски высокие. В итоге за две лучины с цыпочкой следовало заплатить не менее двух с половиной златов, ибо и чистая прибыль тоже должна была откуда-то браться.

Однако господа не жаловались и не скупились: в приятном месте и отдохнуть приятно,

а это стоит денег.

...Стража, которая и так нигде и никогда не отличается стремлением работать, в ливень, зарядивший ещё перед закатом, исчезла с улиц подчистую. Выйдя на крыльцо, наседка решила, что беды в этом нет, ибо в такой дождь всякая шваль тоже вряд ли таскается по улицам.

Огромная чёрная туча, каждую щепку озаряемая молниями и оглушительно гремящая, загнала по домам и горожан, и приезжих. Дождь стоял стеной, и наседка сегодня не особенно рассчитывала на наличие клиентов, просто весь вечер тихо сидела за стойкой и перебирала документацию заведения, раздумывая, не выпить ли ей чаю. Впрочем, досады ливень у неё не вызывал: рано или поздно он закончится, а пожар теперь не страшен.

Девочки в соседней комнате от нечего делать играли в карты, каждую щепку хохоча. Пламя в затопленном по случаю внезапного похолодания камине уютно потрескивало. Дождь шуршал по черепице. Тишь да гладь. Нет, надо точно чайку заварить!

Поставив перед собой кружку, наседка снова взялась за бумаги. Наместник строго следил за отчётностью, у него не сорвёшься. Да ещё и требование недавно выдвинул: закрытием грозил, если в заведении не появятся два-три мальчика-петушка. Для себя, гад, старается! При чем ему только блондины нравятся, а где ж их тут взять? Ну да ничего, согласных найти, а уж волосы покрасить — раз плюнуть. Тем более, господин Румз весьма обеспеченный человек, может, и польза выйдет.

Дверь скрипнула, оторвав наседку от раздумий. В проёме двери появился высокий хмурый мужчина в длинном чёрном плаще. Он откинул капюшон, и наседка отметила: саврянин. Вот как раз такой типаж описывал вчера господин наместник.

Женщина, сама выросшая из шляхи, дежурно улыбнулась:

— Добрый вечер, господин, что пожелаете? — начала она, — Блондинки, брюнетки, рыжие. Можете всех посмотреть.

— Да всё равно, — махнул рукой мужчина, — Домик на всю ночь. Ужин. Нетопыря моего велите накормить.

— Сию щепку, господин, — залебезила тётка, — Есть ещё пожелания?

— Есть. Не беспокоить, — он бросил перед женщиной пять златов и на миг встретился с ней глазами.

— Много, господин. С путников не больше трёх за такие услуги, — ласково пропела она. У неё дыхание от его взгляда перехватило.

— Бери и не выделывайся, — буркнул белокопый, схватив протянутый ключ с цифрой семнадцать и направившись к выходу.

— По центральной аллее, второе ответвление, и по нему до конца, — объяснила она дорогу, — Может, зонтик возьмёте? Дождь ведь...

— Обойдусь, — всё так же неласково бросил путник, накидывая капюшон, — Раньше, чем через лучину, девку не присылай, — и вышел за дверь.

Не успела наседка оправиться от неприятного впечатления, которое произвели на неё жёлтые, как у кота глаза, видевшие её, казалось, насквозь, как в помещение вошёл ещё один человек с не менее неприятным взглядом, на этот раз женщина, вернее, девушка. И тоже — путница!

Хозяйка курятника не мало повидала на своем веку, и женщин-клиентов в том числе, но вот чтобы двое путников подряд!.. Да ещё мужчина и женщина! И глаза такие у обоих, будто в душу заглядывают.

— Добрый вечер, госпожа, что угодно? — тем не менее, с улыбкой спросила наседка, — Мужчин у нас нет, уж не обессудьте.

— Есть один, — нахмурившись, проговорила путница, — Четверть лучины назад пришёл. Саврянин. Где он?

— Никого не было, — захлопала накрашенными ресницами тетка. Конфиденциальность и неразглашение также были одними из отличительных черт заведения. Сообщать личность и местонахождение клиента неизвестно кому наседка ни под каким видом не собиралась.

— Не врите. Он здесь, я точно знаю, — безапелляционно заявила девушка, — В каком он домике? Отвечайте быстро.

— Никого не было, госпожа, уверяю вас, — повторила наседка. Эх, не зря переживала! Еще разборки сейчас не хватало. С этой сбудется. Жена его, похоже, но разве так бывает? Но пусть сначала найдёт! Они, путники, тоже не всеильны, и в городе им тяжело.

Но девушка и не собиралась никого искать. Она просто молниеносно закинула руку за плечо и выбросила вперед — уже с мечом, оперев кончик тётке аккурат в левую грудь и заставив прижаться спиной к стене. Отступить последней было некуда. А закричишь — так кто здесь заступится? Стражи поблизости нет, а на девок надежда слабая. Кричать ещё хуже, чем молчать.

— Госпожа путница, что вы себе позволяете? — срывающимся голосом начала наседка, — Стража заходит к нам регулярно!

— Не сомневаюсь, — криво улыбнулась девушка, — Но мне это без надобности. Скажите, где мужчина. Я готова заплатить за информацию злат, — она испытующе вцепилась в наседку жёлто-зелёными глазами. — Итак, где он?

— Он пять дал, — плотоядно, забыв, похоже, и о мече, заявила наседка.

— Зато, наверное, вот так не делал? — она ткнула мечом сильнее, чуть что не до крови. — Один злат и твоя жизнь. Ну как?

Тётка пустила слезу.

— Он ведь тоже может кого-нибудь потом убить, госпожа, — воззвала она к жалости.

— Да-а? А я точно это сделаю, и не потом, а прямо сейчас. Говори давай!

— Семнадцатый домик, — не выдержала напуганная женщина, — По главной аллее...

— Найду, — меч уже был в ножнах, злат — на стойке, а путница — за дверью. Однако зонтик прихватить не забыла, хотя ей никто и не предлагал.

Наседка плюхнулась в кресло, держась за сердце. Ну и что теперь делать? Разгромят всё заведение к Сашию.

Она бы незамедлительно пошла в отделение стражи, невзирая на ливень, но дело было не в этом. Путники подчинялись по сути Пристани, а связываться с ней у тётки желания не было.

Со вздохом, она решила подождать исхода: глядишь, разберутся между собой полюбовно. Похоже, девица саврянина просто приревновала. Да и он весь хмурый пришел, назло ей, наверное, хотел сделать.

Раздался оглушительный раскат грома, и комнату, тускло освещённую двумя масляными лампами, озарила молния.

Хоть бы она в Пристань их, дурацкую, ударила! Одни беды от этих путников.

Рыска шла по аллее через ливень, и сердце её гулко билось. Она никогда так раньше не делала, считала, что бросаться на безоружного с мечом — это низко, недостойно воина, да и просто неправильно. Тем более, тётка и правда может вызвать стражу. Хотя, конечно, это

мелочи жизни: у путников во все времена свои правила и своя мораль, выкрутиться нетрудно. Да и не собирается она здесь задерживаться. Сейчас либо он пойдёт с ней, либо она — без него. В крайнем случае, всегда можно извиниться и подкинуть денег.

Желание увидеть Алька было сейчас для Рыски превыше всего, остальное казалось неважным.

В семнадцатом домике, который она тут же нашла, светились окна. Рыска без стука открыла дверь. Алька она нашла в купальне, голого, с мокрыми волосами. Интересно, что закрылся он так же, как её несостоявшийся сегодняшней любовник — тазиком. Девушка улыбнулась.

— Выйди отсюда, — угрюмо велел белокопый.

— Давно такой стеснительный стал? — усмехнулась девушка.

— Что, работаешь здесь? Пойди, скажи насадке, что ты мне не подходишь, пусть другую пришлёт, лучше блондинку с во-от такими сиськами, — он показал объем одной рукой.

— Прекрати, — уронила она и отвернулась. И в самом деле, раз всё в прошлом, не стоит вести себя так вызывающе.

— Зачем ты пришла? — спросил Альк, спустя три щепки и обходя её уже в штанах.

— Я просто... — начала Рыска и осеклась. А правда, зачем она пришла? — Извиниться хотела... Прости, я была не права. Я и не думала...

— А ты никогда не думала, — горько сказал Альк, присаживаясь в кресло, — Если б думала, всё было бы по-другому. Дура ты... Да и я, получается, не лучше...

Он сказал это так, что ни спорить с ним, ни орать, ни ругаться, ни тем более плакать ей не захотелось. Лишь молча проглотить его слова, оглянувшись на прожитые годы, в очередной раз осознавая, что всё в прошлом и не подлежит возврату. Было просто жаль — и всё. Говорить было не о чем.

Покачав головой, она направилась к двери.

— Я только хотела спросить...

— Да поеду я с тобой, поеду, — раздражённо перебил Альк, — Только сейчас, будь добра, уйди... Потом поговорим, — он поднял глаза, — Дай побыть одному. Скажи там, если не трудно, пусть шлюхи отдыхают, никого мне не надо.

— И так никого не будет... — уверенно произнесла Рыска, — Завтра у городских ворот, — бросила она и вышла.

Разговора не получилось...

С одной стороны была злость — на себя, на идиотку. Не надо было вообще уходить с того места, где они меняли дорогу. Подластиться к нему как раньше — и всех делов, а не гордую включать. Да ещё застеснялась своего состояния, жесткого отходняка после такого, хотела быстрее спрятаться... Да кто бы понял её лучше, чем Альк?

С другой стороны разбирал смех: просто притча о том, как дед с бабкой друг к другу в гости ходили. Ну, а вообще на душе было противно. Мерзкое состояние, чувство отрыва, словно потеряла что-то безвозвратно. Так, наверное, себя чувствуешь, когда без руки или без ноги остаёшься: и умереть-не умрёшь, и всё равно ты уже не ты. Ещё и уснуть теперь не получится, сердце бьётся, как бешеное. При таком его ритме не то что спать — усидеть невозможно.

Хорошо хоть Ладу и крысу в Пристани оставила, приехала сюда на наемном экипаже. Пусть хоть животные спокойно отдохнут, раз глупая хозяйка не хочет.

Конечно, не всё так плохо, завтра Альк поедет с ней. Возможно, ещё будет момент

поговорить по душам. Наверняка будет!

Только дожить бы до него, до этого завтра. Не удавиться от неизвестности...

Лучше всего сейчас пройтись по городу пешком. А что? Дождь как раз прошёл, так, крапает слегка. Гроза ушла на запад. Надо думать, погасит до утра лесной пожар. Да и не последняя это туча. Это лишь авангард. Их придёт еще много, целый караван, все с грозой, со шквалистым ветром. За месяц реку нальёт вровень с берегами, не хуже, чем в половодье. На городских клумбах захлюпает, лягушки заквакают в погребах. И тепло этим летом так больше и не станет... И все из-за её оплошности. Не надо было в самый ответственный момент думать о разбойниках и виселице.

...На этот раз в домик наседки она постучалась и вошла, лишь услышав «да-да».

Тётка побелела как полотно. Но Рыска лишь аккуратно поставила на место взятый без спросу зонтик.

— Извините меня, пожалуйста, — опустив глаза, произнесла она упавшим голосом, — Господин путник просил передать, что девушка ему не нужна, — добавила она и закрыла за собой дверь.

===== Глава 14 =====

Три лучины прогуляв по городу, Рыска устала и замёрзла. В ночь сильно похолодало, опустился туман. У неё отсырел плащ, намок подол платья, самого по себе шелкового и прохладного, а теперь просто ледяного, как накалившееся на морозе железо. Замшевые туфельки вообще набрали воды и хлюпали. Пришлось их снять. Ещё и меч охладил спину — лучше б на пояс прицепила или вообще не брала. Усталость, правда, тоже навалилась, теперь и поспать немного получится, но появилась другая напасть: в тумане она напрочь потеряла, в какой стороне находится Пристань, ещё и заблудилась в городских переулках. К Сашию такие прогулки!

У кого бы дорогу спросить? Голова разболелась от волнения и недосыпа, от дара толку никакого, поэтому и заблудилась в трёх соснах. Путница, называется!

Продолжая поминать Сашия, Рыска свернула за угол, и на глаза ей попало заведение со светящимися окнами. Надо же, это ведь приснопамятный «Очаг». Значит, вышла на окраину. До Пристани, правда, далеко, но зато известно, где именно она находится.

Ну, раз кормильня подвернулась под руку сама, значит нужно туда зайти, выпить кружечку варенухи и идти спать. Завтра рано вставать, а потом весь день в седле (спасибо, у нее нетопырь, а не корова). Прекрасная перспектива. Но если прямо сейчас не выпить горячего вина, то ещё и простуда обеспечена.

Хозяин, увидев её, расплылся в искренней улыбке:

— Добрый вечер, госпожа путница, что желаете? — поклонившись, произнёс он.

— Добрый вечер, — ответила она, — Сварите варенухи, пожалуйста. Я замёрзла.

— Сию щепку, госпожа. Вам кружку или...

— Кувшин, — в последний момент передумала Рыска, — Всё равно не выплюсь, так хоть согреюсь.

— А где же ваш... друг? — спросил кормилец, тоном «слава богине, что его тут нет».

Рыска лишь рукой махнула и ушла за стол возле камина — ждать и сушиться. Молодец хозяин, что развел огонь, сейчас бы плохо пришлось.

Она сняла плащ, положила ножны с мечом на соседний стул, расплела отсыревшие волосы и уселась спиной к огню.

Варенуха подоспела быстро — и четверти лучины не прошло. Небось, хозяин держит

вино подогретым, только специи потом добавляет. Да ладно, главное — горячая. Девушка с благодарностью уткнулась в кружку, начав согреваться чуть ли не с первого глотка. Хозяин исчез в подсобке.

Рыска огляделась.

Народу было довольно много, большинство столов занимали подвыпившие компании — наверное, напились на радостях, что пошёл дождь, и пожара теперь не будет. За соседним с ней столом рядом с пустым графином спал мужик. В дальнем уголке, почти у двери за маленьким столиком разместились парочка, парень и девушка — чай, похоже, пьют. Вернее, друг на друга любят, чайник на столе только для проформы, чтоб на улицу не выгнали. Ну, и с верхней веранды доносятся шум и удалые песни. Служанки снуют туда-сюда...

Всё правильно, беды удалось миновать, люди радуются.

Рыска вдруг осознала:, а что было бы со всем этим городом и с этими людьми, если б тогда, много лет назад они с Альком погибли здесь на самом деле?

Если бы он умер в тюрьме, а её повесили вместе с Жаром?.. Наместник собственными руками мог подписать приговор всему городу...

Рыска вздохнула, откинувшись на спинку стула. В её душе, как и бывало с ней чаще всего, не было ни злости, ни желания отомстить. Она считала, что лишь Хольге судить о грехах каждого, в том числе и наместника Зайцеграда.

Вот только обидно немного: народ радуется, а ей суждено весь вечер просидеть здесь в одиночестве. Да ещё и с Альком неизвестно как расстались.

Вот как он там теперь? Один, в препоганом настроении... Стоп, дорогая, ты же не об этом думаешь? Признайся: ты переживаешь, что он всё же вызовет к себе девицу.

Да какая разница!

Или всё же разница есть?

Сделав большой глоток варенухи, Рыска запретила себе об этом думать.

...Неизвестно, сколько она просидела в кормильне у камина, но, похоже, от усталости, тепла и легкого опьянения начала задрёмывать, потому что совершенно не помнила потом, как и куда исчез подчистую весь народ и уж конечно не знала, почему это произошло.

А всё было легко объяснимо: кормильню «Очаг» почтил своим вниманием один весьма неприятный тип, которого многие горожане прекрасно знали в лицо. Тем же, кто не знал, подсказали, и все сочли за благо поскорее убраться восвояси, потому что никому не хотелось связываться с Душкой Лео. Даже вышибала обменялся взглядом с хозяином и, после досадливого взмаха руки последнего, пошёл домой. Никакая сила здесь помочь не могла. Рыска же опомнилась самой последней, и встреча с любовником наместника ей была теперь обеспечена.

Душка Лео появился в городе лет семь назад, и в те времена был совсем другим. Он был потомком древнего, но разорившегося дворянского рода, и потому работать физически ему и в голову не приходило. Зато в детстве его обучали музыке, и именно этим он и подрабатывал, распевая песни по кормильням. Богатым одиноким горожанкам Лео очень даже нравился, и потому иногда после своих выступлений, когда в кормильне, а когда и на праздниках, где мог спеть каждый, он отправлялся в гости к какой-нибудь престарелой даме. Там ему приходилось работать уже по-другому, но это тоже приносило некоторый доход. Лео мечтал стать постоянным любовником одной из таких дам, тем самым обеспечив себе крышу над головой, безбедную жизнь, а может быть, и наследство в перспективе. Но женщины, все как одна, на утро выпроваживали красавчика на улицу, едва удостоив

вознаграждения.

О зайцеградском наместнике, любителе мужского тела, он услышал в одной из городских кормилен и решил рискнуть. Человеком он был беспринципным, начисто лишённым таких понятий как достоинство и честь, и спать с мужиком для него было проще, чем работать.

Разузнав о господине Румзе как можно больше, Лео слегка расстроился: наместнику нравились блондины. Лео таковым не являлся.

Однако и этот вопрос оказался решимым.

Одна из любовниц парня держала цирюльню, и с её помощью буквально на следующий день он превратился в блондина. Длинные волосы подруга заплела ему в две косы, и в таком виде Лео вполне мог сойти за саврянина, благо глаза имел довольно светлые, серо-зелёные.

Устроить встречу оказалось совсем просто: наместник обожал ухаживать за собой и пользовался услугами любовницы Лео. В очередное посещение Румзом цирюльни парень «случайно» попался ему на глаза и был представлен учеником.

Наместник заинтересовался парнем, старательно изображающим акцент, и мечта Лео очень скоро сбылась: Румз Косой забрал его к себе и дал все то, о чём тот давно мечтал.

Особой привязанности наместник к парню не испытывал, но здраво рассудил, что лучше такой любовник, чем никакого, а потому подчас терпел его выходки.

А выходки эти становились все отвратительнее.

В последние пару лет Лео совсем затерроризировал город. Он с ноги открывал двери в любую лавку, брал всё, что ему нравилось и уходил, в мыслях не имея заплатить. Если он посещал кормильню, чудом можно было считать уже то, что она в итоге не сгорала, погром же и разорение были обеспечены. Но самой большой страстью Лео были женщины: хотя наглец и позволял любовнику делать с ним в постели всё, что тот пожелает, склонности к этому не имел, интересовался, как и прежде, противоположным полом. Только это помогало выплеснуть агрессию за вынужденную связь с женщиной.

Однако Лео не просто гулял от своего любовника по бабам. Ему требовалось кое-что другое, тоже весьма извращенное, тем более, ни одна нормальная женщина уже давно не желала иметь с ним дела. Осталась лишь одна подруга-цирюльница, приводившая Лео в надлежащий вид и имевшая с этого доход.

Итак, цыпочки, как Лео считал, были его недостойны. За уважаемых горожанок было кому заступиться. И потому он решил обратить своё внимание на заезжих — такие иногда попадались. Торговки, актрисы из бродячих театров, гадалки или просто странницы — вот был его контингент. Такие женщины, как правило, путешествовали без мужей, и делать с ними можно было что угодно: защитить их всё равно было некому, а красоты он не искал.

Уговорить женщину добром провести с ним время и разделить ложе Лео даже не пытался, потому что ему нравилось именно сопротивление. Ему хотелось не близости, а унижения жертвы. Иногда приходилось и убивать недостаточно покорных или слишком голосистых. Был и случай, когда он нарвался на чересчур яростное сопротивление, чуть не оставшись без самого дорогого, и с тех пор нашёл себе «друзей» — чтобы было кому помочь если что, таких же мразей, как он сам. Пару раз дело чуть не было предано огласке, но высокопоставленный любовник Лео смог все замять.

Войдя в «Очаг» он сразу отметил Рыску как подходящую кандидатуру. Тем более, в кои-то веки раз ему попала красивая девушка. То, что она была путницей, ни коим образом не испугало вконец обнаглевшего негодяя, а наоборот подстегнуло. То, что может сделать

Пристань не только с ним, но и с самим наместником за такое, Лео и в голову не пришло. Да и не задумывался он о таком, ибо собирался попользоваться девушкой и отправить её в путешествие по небесным дорогам. Меч, лежащий рядом с Рыской, скорее рассмешил его. Сам он не владел оружием, вернее, в руках-то, конечно, держал, но толку от этого было мало. Что женщина может быть с клинком на ты, Лео не верил. Тем более, сражаться с девкой в его планы не входило.

Когда дверь в «Очаг» резко распахнулась, хозяина чуть удар на месте не хватил, потому что на пороге возник именно тот посетитель, о котором по городу ходили самые жуткие на свете байки. Душка Лео, обряженный в разноцветное, похожее на женское, платье, в сопровождении трех друзей заполнил собой сразу весь зал. Народ, сообразив, в чём дело, незамедлительно притих, а потом стал в спешном порядке покидать заведение. Некоторые в суматохе успели скрыться, не заплатив, но кормильцу не было до этого дела. Ущерб, который обещало нанести присутствие Лео, даже близко не мог сравниться с такой мелочью.

Оглядевшись, разодетый как павлин псевдосаврянин уселся за стол, уложив на него ноги в дорогих сапогах с серебряными подковами, и щёлкнул пальцами. Кормильцу не оставалось ничего другого, как подойти.

— Да, господин, — трясаясь как осиновый лист, пролепетал он.

— Пива мне, вина, пожрать, чтоб четверым хватило, — начал распоряжаться он, — Забегаловку закрыть, всех на хрен отсюда. Девки пусть остаются. Да, и вон та, — он указал на Рыску, — тоже. Сам проваливай, ты тут до утра не нужен.

— Но как же, господин...

— Ты не понял меня? Пошёл вон, пока живой! — велел Лео визгливо.

Хозяин понуро поплёлся в подсобку, на ходу бросив взгляд на задремавшую Рыску.

И тут его осенила неожиданная мысль. Он ускорил шаг.

Конечно, он был преисполнен благодарности к госпоже путнице, и ему её было искренне жаль. Что опечаленная, полупьяная, да ещё и сонная девушка от четверых мужиков в одиночку не отобьется, кормилец понимал. Зато теперь он знал, кто ему может помочь.

И где искать помощника — тоже знал: болтливая служанка из элитного курятника две лучины назад приезжала за едой, и пока для неё готовили заказ, сидела на кухне и трещала без умолку. С её слов хозяин «Очага» понял, что саврянский путник остановился в их заведении. Ясное дело, что это тот самый, заходивший днём. Не сотня же их в город понаехала. Да и спутница его невесёлая пришла. Видать, поссорились, он ей назло в курятник подался. Кому ж понравится такая выходка?

Кормилец понимал, что успеть туда и обратно до тех пор, пока с девушкой ничего не случилось, он не сможет, но зато представлял, что угрюмый саврянин сотворит за неё с Лео и компанией. Кормильня уж точно будет спасена. Ну побьют слегка посуду и мебель, главное, чтоб стены остались. И не то что кормильне — всему городу сплошная польза, если Лео в эту ночь слегка поучат уму-разуму. А с наместником путники сами пусть разбираются.

Следовало заметить, что Алька хозяин кормильни боялся ещё больше, чем Лео, но в данном случае выбора особого не было.

Сняв фартук и раздав на ходу распоряжения служанкам, кормилец выскочил на улицу. На случай, если белокопый всё же уехал, у кормильца был запасной план: тогда он пойдёт в Пристань. Там тоже не особо боятся наместника и с Лео разберутся. Достаточно будет рассказать, кто именно покусился на госпожу путницу.

Надо же уже положить этому беспределу конец! Тем более, случай подходящий.

Рыска уловила сквозь дремоту, что в кормильне вдруг стало тише, и мгновенно пришла в себя. Однако слегка опоздала: в тот же самый момент её схватили за запястье. Она метнула взгляд на стул, но её мечта там не было и в помине. Зато сидел пьяно ухмыляющийся молодчик. На роже его читалось: «Вот сделаю с тобой, что захочу, и ничего мне за это не будет!»

Но эта рожа вдруг показалась ей почти красивой, когда она увидела три остальные, особенно ту, совершенно оборзевшую, устремившую взгляд подведенных углем глаз через стол в её декольте. Этот непонятный мужик был одет в какой-то яркий, совершенно петушиный наряд, носил саврянские косы при совершенно ринтарском типе несколько недотёпистого лица и смотрел не менее нагло, чем все остальные. По тому, что в кормильне нет ни одного человека, кроме неё и этой четверки, а дубовая дверь заложена засовом, Рыска быстро и без помощи дара поняла что именно с ней собираются сделать.

В первый момент вспомнились пещеры под дланью Сашия и разбойники. По спине пробежал холодок, но она не позволила себе запаниковать. Там у неё хотя бы была надежда на то, что ей помогут. Здесь она, похоже, была сама за себя.

Саший принес её в эту кормильню!

Да, конечно, теперь она другая. Но и захватившие её негодяи имеют иные намерения. Они не подчиняются приказам. Им просто не хватает острых ощущений. Без оружия, практически схваченная, с четверыми мужиками она не справится.

Но попытаться ей никто не запретит.

— Кто вы? — испуганно пролепетала она, вызвав хохот своих мучителей.

— Кто мы? — коверкая слова на манер акцента спросил разодетый, — Я Лео Великолепный, Правая рука наместника. А это мои друзья, — он так долго разыгрывал из себя саврянина, что ему уже даже изображать такую речь не приходилось: само получалось. — Прошу любить и жаловать! — добавил он, и «друзья» снова заржали.

— А что вы хотите? — в той же манере спросила девушка, незаметно освобождая руку из ослабевшей хватки потерявшего на миг бдительность парня.

Дружный хохот усилился, а потом «Великолепный» поднялся из-за стола, сделал несколько танцевальных па и, повернувшись к Рыске лицом, рванул с себя цветное одеяние, похожее на женское платье. Пуговицы разлетелись в стороны, а странный тип оказался под платьем совершенно голым. Член его уже торчал, предвкушая удовольствие. Рыску передернуло.

— Я хочу научить тебя искусству любви, сладкая, — пропел он медовым голосом и пошёл ей навстречу.

— Похвально, — совсем другим, ставшим для неё обычным голосом, пробормотала Рыска.

Она сидела спиной к камину, чувствовала его жар и помнила расположение предметов рядом с ним. И потому в следующий момент рука путницы змеей сползла со стола и ухватила лежащую у камина кочергу — чтобы тут же нанести молниеносный удар по затылку сидящего справа мужика. Тот моментально ткнулся носом в стол, потеряв сознание. А Рыска тут же ударила и левого, но тот успел отскочить и выбросить вперед руку. Ему от Рыски достался лишь синяк на предплечье.

— Ах ты, маленькая дрянь! — взбесился он тогда. Хотел схватить девушку, но она размахивала перед собой кочергой, не хуже, чем мечом, и трусливый, способный справиться

лишь со своей прислугой молодчик, покосившись на поверженного приятеля, отступил. Третий участник действия вообще замер, сидя за столом.

Но повелительный крик Лео:

— А ну, ловите её! Это ж баба, чего испугались! — заставил их прийти в себя, и Рыскины удачи закончились. Мерзкие, недостойные называться мужчинами твари, словно стервятники накинудись на жертву. Кто-то выхватил у неё кочергу, получив, впрочем, напоследок, ею по лбу. А потом ей вывернули руки. Потные лапы Лео стиснули грудь. Она, естественно, пыталась сопротивляться, но её прижали прямо к камину. Позади было пламя, впереди — три пьяных ублюдка, которых не остановило бы и явление Сашия воочию.

— Кричи же ты, сучка, что ж ты молчишь?.. — услышала она визгливый голос Лео.

...Дверь кухни с треском распахнулась, но насильники не обратили на это никакого внимания. Им в этом городе было дозволено всё, они и в мыслях не держали кого-то стесняться.

Но это от них сейчас и не требовалось.

Они вообще ничего не успели понять.

Потому что предводитель загулявшей компании вдруг потерял равновесие, а потом и вовсе отлетел к противоположной стене, собрав по дороге все столы и стулья и неплохо приложился головой и ребрами. Второй получил в челюсть и мешком рухнул на пол. Третий успел сориентироваться и отскочил от Рыски без посторонней помощи, постарался как можно дальше отползти на четвереньках, но тоже как-то внезапно распростерся на полу. Остро отточенный меч уперся ему в шею.

— Ай, не надо! Не убивайте меня! Мы ничего ей не сделали! — совершенно по-бабьи заверещал несостоявшийся насильник.

— Конечно, не сделали, — спокойно и уверенно произнёс Альк, — Иначе ты бы уже сдох, — убрал меч и добавил, — Пошел вон отсюда.

Рыске было не до них всех, потому что у неё загорелось платье. Зато и опомнилась от пережитого она быстро: как смогла, затушила пламя, сбросила обгоревшие остатки и зашвырнула их в камин. Только чудом с её волосами ничего не случилось.

Когда она увидела своего спасителя, сердце её зашло как раньше...

Альк удостоил её недовольного взгляда, демонстративно медленно снял с себя камзол и не глядя швырнул ей, оставшейся практически в чем мать родила.

А потом подошел к «Великолепному» и поднял его с пола, сцапав сразу за обе косы и слегка намотав их на руку.

— Выбирай, урод, тебя сразу убить или сначала покалечить? — зло спросил он по-саврянски.

Лео молчал.

— Ты оглох, что ли?

Лео продолжал молчать. До слегка ненормального мужика дошло, что как бы плохо ему сейчас не было, вполне может стать ещё хуже, если он произнесёт хоть одно слово. Но и если не произнесёт — тоже.

— Он немой, что ли? — спросил Альк у Рыски, не поворачиваясь.

— Нет, — ответила она, застегивая пуговицы, — Просто... он по-саврянски... наверное, того... не понимает, — ответила девушка. До неё теперь по-настоящему дошло, какой беды удалось избежать, и её затрясло, словно пришлось свернуть ещё один ворот.

— В смысле?.. — не понял Альк и развернул своего пленника к себе лицом. Не смотря

на свежие кровоподтеки и неярко освещенное помещение, национальность Лео была ясна как день, и истинного саврянина это возмутило окончательно. Поэтому, когда извращенец позволил себе произнести, на этот раз по-ринтарски и без акцента:

— Ты за это заплатишься, саврянская морда! Я Правая рука наместника! — Альк, не помня себя от злости, снова выхватил меч. Рыска лишь успела закрыть руками лицо, прошептав:

— Не надо...

...А открыла их, услышав истошный визг.

— Ты что наде-ела-а-а-ал!

Ей показалось, «Великолепный» лишился как минимум руки или ноги, а то и башки, но на самом деле Альк всего лишь отсёк не полагающиеся ринтарцу косы. А потом отбросил меч, одной рукой схватил Лео за горло, а другой запихал обрубки ему в рот.

— Жри, сволочь, — прошипел он и толкнул попирателя традиций, да с такой силой, что тот совершил второй за эту лучину полёт — на этот раз недалеко. Зазвенела, осыпаясь, разбитая слюда, и злосчастный любитель удовольствий исчез за окном.

...Альк оборачивался так медленно, что, казалось, за это время можно было успеть добежать до Пристани, но во-первых, у Рыски от волнения отказали все мышцы, а во-вторых... Да не собиралась она уже никуда бежать!

Встретившись с ним глазами, она снова почувствовала себя девчонкой, впервые увидевший так близко от себя разъярённого саврянина. Только на этот раз голой была она сама. Ну, или почти голой.

Они пару щепок смотрели друг на друга, а потом Альк спросил, как всегда, до жути спокойно:

— А что будет в следующий раз, когда меня поблизости не окажется?

Но Рыска его уже не слышала.

— А-а-альк... — прошептала она и, сделав несколько шагов вперед, буквально вцепилась в него, не помня себя от счастья. Вот чего она хотела с того момента, как увидела его... Да нет, гораздо раньше: как только получила задание от тсарицы... Нет, ещё раньше.

Она все годы, с тех пор, как их дороги разошлись, об этом мечтала. И теперь была счастлива, не смотря ни на что. Все её беды показались вдруг такими незначительными, когда она так близко услышала учащенный стук его сердца.

Альк много чего собирался ей сказать, в том числе нецензурного, но все слова застряли в горле. Ничего больше не хотелось, кроме как обнять её в ответ, закрыв глаза, и поцеловать в макушку. Весь мир ушёл на второй план. Осталась только она... И ей он мог простить буквально всё лишь за удовольствие снова увидеть. Да и ничего такого она не сделала. Просто чуть с ума не сошла от тоски. Так же, как он сам...

Как же внезапно это стало понятно! И надо же: на этот раз, не поздно. Впервые в жизни вовремя!

Так они и стояли, обнявшись, не в силах хоть на миг отстраниться друг от друга. Служанки начали выглядывать в разгромленный зал, но кормилец выразительно погрозил им кулаком, и они спешно скрылись в подсобке. Помешать такому таинству не смел никто.

...Один из пришибленных извращенцев застонал, очнувшись, и Рыска словно вернулась к реальности.

Она подняла глаза.

— Альк, прости меня, пожалуйста, прости... Это я напортачила сегодня, когда мы

дорогу меняли, — сказала она, испытывая потребность хоть за что-нибудь извиниться и снова уткнулась ему в грудь.

— Где ты напортачила? — удивился он.

— Я вероятность перепутала, — призналась она, — Теперь вместо засухи потоп будет!

— Тьфу ты, — действительно: какая ерунда! — И что не так? Они хотели дождь — вот им дождь, — Альк помолчал щепку, — Пошли, что ли? — совсем по-свойски спросил он.

— Куда? — Рыска снова посмотрела на него. Она ещё не до конца осознала, что произошло.

— Для начала на улицу. Или хоть на верхнюю веранду. Тебе надо воздухом подышать. Красная вся, — Альк легонько провел пальцем по Рыскиному носу.

Девушка помотала головой.

— Я не могу, Альк, — призналась она, — Меня ноги еле держат. Боюсь, упаду... Давай лучше здесь посидим.

Альк обвел взглядом помещение, побитую мебель и посуду, двух недобитых гуляк, вообразил, какая в скором времени поднимется суматоха и принял решение.

— Эй, хозяин, — позвал он.

Кормилец тут же материализовался перед ним, согнувшись в поклоне.

— Да, господин путник!

— Вино ледяное есть?

— Да! — с невероятным усердием ответил он.

Альк хмуро оглядел мужика поверх Рыскиной головы, в который раз укрепившись в своём мнении, что добрые поступки люди совершают лишь видя свою выгоду. Благодарить кормильца было не за что. Ему ведь не за девушку было страшно, а за своё заведение... Да и не было на самом деле необходимости за ним ходить: Альк и сам уже почувствовал, что с его дурочкой случилась беда и, конечно, не стал ждать исхода, сидя на месте. Как бы зол на Рыску он ни был, оставлять её на милость победителя не собирался. Кормилец встретился ему в двух шагах от своей обожаемой забегаловки и буквально разрыдался от радости.

— Неси давай, — велел путник, — И закусить что-нибудь. Всё с собой... Да, и платье какое-нибудь для госпожи найди.

Кормилец снова поклонился.

— Слушаюсь, господин! — он направился было на кухню, но вдруг остановился и обернулся. — А с этими — что? — он указал на стонущих друзей «Правой руки наместника».

— Я откуда знаю? — раздражённо рявкнул Альк, — Хочешь, выброси. Ты же хотел, чтобы я их успокоил? Я это сделал. Дальше твои проблемы.

— Но... мне придется все рассказать страже... — пролепетал хозяин, — И про вас тоже, господин путник!

— А мне ВСЁ РАВНО, — с чувством сказал Альк, и кормильцу со вздохом пришлось удалиться.

Когда Рыска переделалась в принесённое ей белое с красной вышивкой платье и кое-как убрала волосы, Альк благостно улыбнулся и подхватил её на руки.

— Куда мы? — тихо спросила девушка, приклонив голову к его плечу.

— Куда-нибудь...

===== Глава 15 =====

Туман заполнил город, затопил площади, улицы и переулки, стёр очертания предметов,

погасил звуки, обнял своими крыльями каждый дом, каждое дерево, затёк во все щели, успокоил разгорячённую землю. В тумане всё виделось и чувствовалось иначе, словно и нет бешеного темпа путничьей жизни, дорог и выбора на них, звона мечей и вечного нескончаемого пути.

Словно не надо больше никуда спешить...

А над туманом поднималась луна, полная, круглая, всё понимающая, всё разрешающая — даже обнимать чужую жену, когда своя где-то далеко...

Рыска подняла счастливое лицо и улыбнулась. Альк поцеловал её в губы, чувствуя, как сердце забилось сильнее.

Сердце... Он думал, его уже и нет, сердца этого. Оказалось, есть, живое и бьётся как в юности.

Просто раньше незачем было.

Они уже две лучины сидели вот так, обнявшись, на скамейке в городском парке. Рыска удобно устроилась у Алька на коленях, обвила его руками, пристроила растрепанную голову у него на груди, поджала босые ноги, обвила его так крепко, что он поначалу опасался за целостность своих рёбер, но молчал, обнимая и согревая её. Разжимать объятия не было ни малейшего желания. И обсуждать произошедшее тоже не хотелось: ни то, что было в кормильне, ни прожитые порознь годы. Всё и так было предельно ясно, а потому и искать виновного не было смысла. Виноваты были оба, и при этом никто не виноват. Просто молодость... Просто глупость.

Корзина с едой и бутылка ледяного вина, которые дал им хозяин “Очага” так и стояли нетронутые на скамейке, рядом.

— Давай выпьем, что ли, или спать уже пойдём? — спросил Альк наконец.

— А давай! — согласилась Рыска.

Они выпили по стаканчику, закусили огурцом.

— Третий раз — алмаз, — задумчиво изрекла девушка.

— При чем здесь?

— Да так... — отмахнулась Рыска. — Как поживаешь-то? — спросила она, лишь бы завязать разговор.

— Как видишь, — ответил Альк, предоставив ей самой это решать.

— Давно дома был? — снова спросила девушка.

— Давно, — он помолчал, вспоминая, — Снег только выпал. Месяцев семь назад, наверное...

Надо сказать, в его жизни тоже мало что изменилось. И хотя к жене относиться Альк стал немного иначе, домой всё равно не особенно стремился. Смириться с чьим-то присутствием и принимать любовь вовсе не значило полюбить самому.

— А ты как давно была дома? — спросил он.

— Совсем недавно. Я как раз только приехала в Ринстан, и меня тут же вызвали во дворец, — призналась Рыска, — А сюда я чуть больше, чем за сутки добралась.

Альк усмехнулся.

— Хоть бы животное пожалела, раз себя не жалеешь, дурочка... Кстати, как ты меня нашла?

— А ты откуда узнал сегодня, где я и что у меня случилось? — вопросом ответила она.

Они посмотрели друг на друга.

— Неужели у нас такая сильная связь? — спросила, наконец, Рыска, — Чтобы вот так, в

огромном городе... Или на большом расстоянии...

— Получается, что так, — ответил Альк. Он был невероятно счастлив во-первых, давнó всё это знал во-вторых, и уже не удивлялся.

А у Рыски возник неожиданный вопрос:

— Почему же тогда до сих пор не нашел меня?

— А какой смысл, Рысь? — пожал он плечами, — Однажды я уже пытался забрать тебя с собой. Ты не захотела. Не могу же я тебя заставить! Тем более, я приезжал ещё раз. Ты ведь видела меня, тогда, в Пристани. Я всю ночь тебя прождал. Почему ты не пришла?

— А ты — почему? — с горечью спросила она.

Но выяснять этот вопрос снова никто не собирался. Всё и так было понятно.

— Однажды я случайно тебя встретил, — сказал Альк, — Видел издалека, в веске, недалеко от нашего замка. Ты воду у колодца пила. Я сначала глазам не поверил, потом из виду тебя потерял. Можно было и попробовать тебя найти, но я не стал... — он помолчал и добавил, — А ещё год назад я приезжал в вашу веску. Видел издалека сына возле озера. Он с друзьями играл.

— Ты к нему подходил? — вскинулась Рыска.

— Нет, — с горечью уронил Альк, — Зачем тревожить ребёнка? Тогда он маленький был, а сейчас, скорее всего, все понимает и...

— Он помнит тебя, — перебила Рыска с дрожью в голосе, — Кольцо твоё на цепочке носит, на шее. Ни на щепку с ним не расстанется. И всем рассказывает, что вырастет, станет путником и поедет к тебе в Саврию.

Альк три щепки молчал, нахмурившись и глядя Рыске в глаза.

— Он знает, кто я? — спросил он осторожно.

— Нет, — ответила Рыска, — Но теперь узнает. Я расскажу ему сразу, как только вернусь домой, — она помолчала, потом опустила глаза и тихо добавила, — Я очень пожалела о том, что сделала... Надо было послушаться учителя и во всём тебе признаться.

Альк молча обнял её снова. Обсуждать такое не имело смысла, да и попросту не хотелось.

— Расскажи мне о нём, — лишь попросил он.

— Что рассказать?

— Что угодно.

Рыска помолчала, собираясь с мыслями, пожалала плечам и начала.

— Ему недавно исполнилось девять лет, — сказала она. — Ростом он уже почти с меня. Подвижный ребёнок, успеваает и по дому помогать, и играть, и учиться. Ни щепки на месте не посидит. Любознательный, смелый, дерзкий, но очень добрый. Меня всегда ждёт и знает, когда приеду. А тогда бежит встречать. В последний раз чуть с ног не сбил, — она усмехнулась. — Друзей у него много: почти все мальчишки с нашей вески. Он им такие сказки рассказывает — заслушаешься.

— Весь в тебя, — заметил Альк.

— Только в этом, — возразила Рыска, — Внешне он и близко на меня не похож. Вылитый ты, и чем дальше, тем больше сходства. Такие же стремления: во всём лучшим хочет быть. И с мечом не расстанется, разве что в кровать с собой не берёт. Меч я ему уже третий покупаю, предыдущие малы стали. А первый он попросил в пять лет, когда тебя увидел. Недавно вот попросил второй клинок, чтоб на двух сразу учиться, сказал, что ему правую руку некуда девать. Да я вот только не знаю, стоит ли?

— Почему — не стоит? Пусть попробует, — возразил Альк.

— А кто учить его будет? Я не смогу как положено, потому что самоучка. Учитель вообще к одному клинку привык. Боюсь, испорчу парню технику. Лучше пусть подрастёт, я потом в столице ему преподавателя найду.

— Ты не права, надо начать как можно раньше. Тем более, если сам стремится.

— И что делать?

— Я могу его обучить, — сказал Альк, и Рыска опешила от такого простого решения. — Тем более, он, похоже, тоже левша?

— Как ты... — с улыбкой произнесла Рыска, — Хотя, такое, вроде, не наследуется, это случайность. Кстати, он и правой рукой владеет не хуже, чем левой.

— А вот это как раз наследуется. Мне тоже нет разницы, правая или левая.

Рыска счастливо вздохнула.

— Я же говорю, весь в тебя. Учитель, когда его в первый раз увидел, сказал: ” Как будто сам родил!”

Альк промолчал, но от него просто исходили волны гордости за такого прекрасного сына. И Рыске в который раз стало стыдно, что она когда-то имела глупость их разлучить. Собственные амбиции и желание что-то доказать в то время показались вдруг несерьёзными и жалкими.

— Кстати, как там Крысолов поживает? Что это он вдруг к вам в веску зачастил? — спросил Альк. Рыска щепку подумала, стоит ли рассказать, и решила, что достаточно с неё тайн. Хватило одной, за которую она так горько поплатилась. Больше, пообещала она себе, никогда и ничего от этого человека она не скроет, даже если речь идет о незначительной мелочи.

— Учитель с тётёй моей живёт, — призналась Рыска.

— Да? И часто? — съязвил Альк.

— На всё лето приезжает. Ну и ещё порой... — ответила девушка, мигом пожалев о своей откровенности.

— Вот старый ловелас, — саврянин покачал головой. — Что ж в город её не заберет?

— Она сама не хочет, по крайней мере, пока Альк не повзрослеет, — с нажимом произнесла Рыска, — Говорит, ребёнку нужен свежий воздух. А потом — как получится...

— Получится у него... — ухмыльнулся Альк, но тему развивать не стал.

— Ну а у тебя как? Как жена? — Рыска хотела перевести разговор на что-нибудь другое, но неожиданно для себя затронула ещё более неприятный момент. И хотя спросила она ласково и беззлобно, ощутила при этом дикий укол ревности. Однако на то и дала видунам дар великая Хольга, чтобы Альк почувствовал эту ревность и сказал лишь:

— Давай потом, Рысь. У нас ещё много всего впереди, успеем обсудить и это.

— А сейчас?

— А сейчас выпьем ещё и спать... Ну, не то, чтобы спать, но в постель — это точно.

Они снова встретились глазами, и Рыску как тогда, много лет назад, пробрал озноб от предвкушения. Она поспешила отвести взгляд.

Выпив ещё по стаканчику ледяного вина, Альк и Рыска снова обнялись. Девушка уже согрелась, но слезать с колен любимого даже не собиралась, а он и не имел ничего против. Как и прежде, она была лёгкая, как пушинка. Обнимая Алька, Рыска думала, что и учитель, и её величество были правы: такая любовь не может пройти. Никогда. А ещё сегодня она считала по-другому...

— А мне показалось — всё, — со вздохом произнесла Рыска, — Увидела тебя — и никаких эмоций. Так, воспоминания...

— Не верю, — серьёзно произнёс Альк, — Аж в курятник за мной пришла! Так делают либо неприличные женщины, либо очень сильно влюблённые.

— А может, я неприличная, — с улыбкой возразила Рыска.

— Да, так оно и есть, — согласился Альк, — Да ещё гонору столько! Всё в официальном ключе! “Господин Хаскиль!” Я уж думал, за давностью лет, забыла как меня зовут... Кстати, ты кто?

— В смысле?

— Откуда у тебя царская грамота?

— Что за вопрос? — с наигранно умным видом спросила Рыска. Похоже, и это придется рассказать! — Откуда может быть царская грамота?

— Понятное дело — откуда. Почему она у тебя? Кем ты служишь? — спросил он.

— Это важно? — пряча глаза, произнесла девушка.

— Нет, — пожал плечами Альк, — Но ты же сама решила ничего от меня не скрывать. Тем более, мне стало любопытно, — признался он.

Рыска кивнула.

— Я тайный советник её величества, — сказала она.

Альк три щепки весьма удивленно смотрел на неё.

— Ничего себе, — наконец, сказал он, — И давно?

— Чуть больше двух лет. С самого окончания Пристани.

— Никогда б не подумал...

— Что? — Рыска вдруг гордо вскинула голову, — Что из тупой весчанки такое получится?

Альк не сразу нашёл, что ответить. Вообще-то, именно это он и имел в виду. Но прошедшие годы и наполнившие их события заставляли смотреть на всё иначе.

— Может быть, когда-то и да, — честно признался он, — А теперь... Мне ничего другого не остается, как признать... что я горжусь тобой. Ты у меня молодец. Зря я сомневался тогда. Надо было смело на тебе жениться.

— Не надо... — уронила Рыска, прижимаясь к Альку крепче и закрывая глаза.

— Что?

— Не надо, говорю, — повторила она, — Всё получилось, как получилось. Назад не повернёшь... Стань я тогда твоей женой, может, и было бы все замечательно. Да только не была бы я ни путницей... Никем бы я не была. И себя бы не уважала, как сейчас. И слов таких от тебя не слышала бы.

— Зато мы были бы счастливы...

— А мы и так счастливы, — она подняла глаза, — Разве нет?

— Да, — согласился Альк, — Но я-то хотел привезти тебя в замок, познакомить с мамой. Она очень хочет тебя увидеть, и Алька тоже...

— Ты ей про нас рассказывал? — удивилась Рыска.

Альк глубоко вздохнул.

— Она ждала вас тогда, когда я за тобой приезжал, — сказал он с горечью И очень расстроилась, что ты не согласилась ехать со мной.

Повисла тишина, в продолжение которой Рыска снова молча обругала себя за глупость.

— А как же твоя жена? — напрямую спросила она, — Что бы ты делал, если б я

согласилась?

— Всё можно решить.

— А дочь?

— Дочь остается дочерью, что бы между её родителями ни произошло, — заключил Альк, — Всё, хватит об этом. Ты поедешь теперь со мной или нет?

Рыска вздохнула. Тётя тоже была права: Альк простил её. И друг для друга они теперь значат больше, чем прежде.

Однако жизнь снова диктовала свои условия.

— Я ведь теперь на службе, — осторожно произнесла Рыска — Долго на месте не бываю. И уйти не могу. Да и, честно говоря, не хочу. Тем более, грядёт война.

Какого угодно ответа на свои слова она ожидала...

А Альк вдруг сказал — так легко, словно так было всегда:

— И не нужно никуда уходить. Давай просто продолжим путь вместе, — он помолчал. — Тем более, так мы сильнее.

Теперь настала Рыскина очередь удивиться.

— Ты согласна? — спросил Альк далее.

— Зачем тебе это? — не веря собственным ушам, спросила девушка, — Ты разве не хотел жену, которая будет сидеть дома и ждать тебя? — она смотрела на саврянина во все глаза.

— Когда-то, может, и хотел, — пожал он плечам, — Но это себя не оправдало. Тем более, что изменится, если ты будешь сидеть дома? Что так, что этак — всё равно в разлуке. А я хочу, чтоб ты всегда была со мной. Каким образом связать это со службой, мы придумаем.

Всё было так предельно просто, что поверить в такое сразу не получалось. Рыска вновь, впервые с тех пор, как под проливным дождём покинула столицу Саврии, чувствовала, что она в этом мире не одна, что на свете есть человек, который защитит её от любого зла, не смотря ни на что. Только вот...

— Знаешь, Альк, дело в том, — начала она, — мы ведь очень давно расстались... Мы практически стали другими людьми. Я уже не та девочка, которая покорно шла туда, куда её вели, — она помолчала. — Лучше признаться сразу: я все эти годы была сама по себе, не считалась ни с чьим мнением, если не хотела этого. Я вряд ли изменюсь за одну щепку.

Альк хмыкнул.

— Ну и что? — просто сказал он, — Никто и не говорит, что будет легко. Придётся привыкать. Нам обоим, — он поцеловал Рыску. — Зато доподлинно известно, что порознь нам плохо.

— А тебе плохо без меня? — кокетливо спросила Рыска.

Альк помолчал, глядя куда-то в даль.

— Без тебя моя жизнь — пустышка, — произнёс он, — Чужие незнакомые дороги. А моей словно бы и нет. Как будто так и остался крысой...

Рыска, потрясённая до глубины души, сползла с Альковых колен, встала напротив него и уставилась в упор.

— От тебя ли я это слышу? — прошептала она.

— От меня, — просто сказал Альк.

— И почему вдруг всё так повернулось?

— Потому, что у каждого должен быть человек, за которого и жизни не жалко. У меня

такой человек давно уже есть.

Ничего другого ей не оставалось, как броситься к нему в объятия снова: ведь ни о чём подобном она и не мечтала.

...А потом как-то внезапно упала темнота.

Рыска напрочь позабыла всё: и дорогу до Пристани, в ходе которой Альку пришлось нести всё, включая саму девушку. И то, как на рассвете уже, она поскреблась в общежитие, и заспанная комендантша, приговаривая:

— Весь день хулюганют и ночью поспать не дают, никакого спасу от них нет! И здоровые уже, не адепты ведь, вот как пойду к Главе Пристани!.. — всё же впустила их. Не помнила она ни путь наверх, ни то, как набросилась на Алька не хуже загулявшей кошки, ни... вообще ничего. Пришла в себя только от стука в дверь, настойчивого, сопровождаемого криком:

— Я ж просила не хулюганить! Весь этаж перебудили! Я сейчас к Главе Пристани пойду!

Не открывая глаз, Рыска услышала как Альк поднялся и подошёл к двери.

— Извините, — тихо сказал он, — Не виделись давно.

— Не виделись! Выселю вот к Сашию, — сварливо, но уже тише проговорила старуха.

— Ну поймите пожалуйста, вы же тоже были молоды, — медовым голосом произнёс саврянин. Дверь заскрипела, открываясь шире.

У бабки тоже изменился голос — наверное, от увиденного.

— Да ладно, красавчик, я ж всё понимаю. Чуток потише в следующий раз, — вполне мирно попросила она, и дверь закрылась.

С Рыски вмиг слетело забытьё.

— Ты опять голый ходишь? — спросила она строго, когда Альк прилёт рядом и обнял её.

— Зато и конфликт исчерпан. Теперь нас никто не выселит, — улыбнулся саврянин.

— За что нас выселять? — удивилась девушка, — Не шумим, не пьяные. За что?

— Ты шутишь или издеваешься? — Альк заглянул ей в глаза.

— Не поняла? — Рыска села на кровати.

— Хорошо хоть, бабуля повелась. Лично я за такое точно бы выселил. Хотя бы из зависти и вредности.

— Да в чём дело-то?

Лицо Алька приобрело невероятно серьёзное выражение.

— Дело в том, милая моя, что ты кричала так, как будто тебя режут. Воображаю, что старушка подумала, — с расстановкой объяснил он.

Рыска продолжала смотреть на него, как баран на новые ворота.

— Не помнишь ничего? — скорее утвердительно произнёс Альк.

Рыска отрицательно помотала головой. Она не помнила. Зато Альку такого до конца дней было не забыть! Нет, ему, конечно, по сути всё понравилось, но это было столь неожиданно... Рыска вела себя в постели так же... как одевалась. Нет! Цыпочкам из курятников далеко было до неё! Это могло быть либо от избытка соответствующего опыта, либо...

— Что ты вчера пила, моя дорогая? — спросил Альк, заглядывая ей в глаза.

Рыска нахмурилась, вспоминая, а потом со вздохом откинулась на подушку.

— Точно. Это от “Подъёма”, — догадалась она, — Побочный эффект.

— Что за “Подъём”? — вкрадчиво спросил Альк.

— Эликсир “Подъём”. В состав входят двадцать семь трав и порошок устрицы, — заученно произнесла Рыска, — Помогает восстановить силы, потерянные на смену дороги при малой и ничтожно малой вероятности. Обладает побочным эффектом в виде возникновения... непреодолимого низменного желания. Принимается в каплях по количеству полных лет на стакан воды. Действует быстро, но побочный эффект сохраняется от четырех лучин до суток, — она помолчала и мрачно добавила, — Да уж... В сочетании с алкоголем может вызвать провал в памяти.

— И кто тебя этому всему научил? — спросил Альк.

— Я курсы при лазарете закончила, — уронила Рыска, злясь на себя. Ну как можно было забыть, что сутки нельзя пить?

— И почему до такого дошло, раз ума палата?

— Мне очень плохо было, — смущённо произнесла девушка, — Могла сознание потерять.

Альк покачал головой.

— Эту дрянь ещё пьют старые дядьки, у которых молодые жёны или любовницы, — произнёс он, — Как раз-таки из-за побочного эффекта. Чтоб не разочаровывать своих женщин. Некоторых хватает удар. Если пить такое часто, можно привыкнуть, и без “Подъёма” уже ничего не получится, — он посмотрел Рыске в глаза. — Ты часто такое пьёшь?

— Ну... — она подумала, — Раз пять уже пила.

— И каждый раз такой результат? — спросил саврянин. То ли Рыске показалось, то ли в его голосе послышались нотки ревности.

— Да что случилось-то? — не выдержала девушка.

Но Альк уже справился с приступом, подобным тому, накануне, когда увидел её в купальне с адептом.

— Ничего, — только и сказал он, — Не пей это больше. Во всяком случае, в таком количестве. Хотя бы в половину меньше. А лучше согрейся и поспи, поешь хорошо и пару дней отдохни. А ещё лучше... не надрывайся без надобности, — посоветовал Альк мрачно.

— Подожди! — сообразила вдруг Рыска, — А с тобой почему ничего не случилось? Я же не одна меняла эту дорогу! Как тебе удалось так быстро прийти в себя?

Альк усмехнулся.

— А кто тебе сказал, что сам я такое не пью? — он хитро сверкнул глазами.

— А где же побочный эффект? — спросила Рыска. Щёки у неё вмиг запылали от ревности, ещё и кровь в висках застучала.

— Израсходовал, — подтвердил её мысли Альк.

— На кого? — задыхаясь от ярости, прошипела девушка.

Но белокопый уже рассмеялся и обнял её, прижав к себе.

— Да на тебя же... Но ты не оценила.

— Что, правда?

— Да нет же, конечно! Просто я больше и сильнее тебя. У меня опыт богаче. Поел, выспался — всё и прошло, — сказал Альк. На самом деле, он обманывал, чтоб Рыска не переживала. Кровь носом шла у него ещё две лучины, и вполне могла потечь снова, после драки, а голова болела до тех пор, пока он не почувствовал близко теплое тело своей

любимой — и её спасительный для него дар.

Но Рыска на этот раз поверила. Она завистливо посмотрела на него, признавая, что учиться ей ещё и учиться. А кое-что и никогда не постигнешь, потому что женщина.

Но думать в такую ночь... вернее, утро о таких пустяках — увольте! Слишком приятно было лежать в мягкой чистой постели, прижимаясь к боку самого любимого человека в мире и вдыхать его запах.

— Надо бы поспать. А то скоро в дорогу, — почти прошептала Рыска, прикинув, что, похоже, никто из них и глаз ещё не сомкнул.

— В какую дорогу? — возразил Альк, — Выспимся — тогда и поедем.

— Ну, раз так, — она не стала возражать и даже обрадовалась, словно ей требовалось его разрешение. А потом прильнула к нему плотнее. — Тогда можно ещё не засыпать, — и потянулась к его губам.

Альк ответил неожиданно вяло.

— Ну что такое? — удивилась Рыска.

— Да так... Просто всё то, что ты забыла, отняло некоторое количество моих сил. Давай и правда поспим немножко, — предложил он. Не признаваться же, в том, что она его заездила!

— Хорошо, — легко согласилась девушка, — Раз ты устал и больше не можешь... Надо же понимать, ты ведь намного меня старше! Сколько тебе? — спросила она, словно сама у себя, — Лет тридцать пять, а то и больше. Тогда, конечно, отдыхай. — Рыска с заботливым видом нежно поцеловала Алька в щеку, накрыла его одеялом, прилегла рядом, прижавшись и положив голову ему на плечо, и закрыла глаза.

Три щепки стояла тишина.

— Что значит — больше не могу? — наконец, возмутился Альк, — А ну, иди ко мне, — он перевернул девушку на спину.

— Да ладно, — отмахнулась Рыска, — Лучше отдохни. А то такой тяжелый день! Я не обижусь...

...Две лучины спустя, когда всё закончилось, Рыска с видом победителя снова удобно пристроила голову на плече любимого.

— Вот теперь можно и поспать, — сказала она, и Альк понял, что она добилась от него того, чего хотела, но лишь вздохнул и ласково погладил черную шелковистую волну, укрывшую его не хуже одеяла. Это был момент, когда нечего больше желать, когда счастье стало полным, и все проблемы ушли куда-то на второй план. Ведь нет ничего прекраснее, чем засыпать — уже не ночью, а утром, обняв самого любимого в мире человека, которого давно не видел и увидеть уже не мечтал.

— Альк, — позвала Рыска, когда он почти заснул.

— М-м?

— Раньше мне только казалось, а теперь я уверена...

— В чём?

— Я тебя люблю, больше, чем нашего сына. Так ведь нельзя...

— Ты преувеличиваешь, — произнёс Альк, борясь с зевотой, — Просто он всегда ждёт тебя, ты знаешь, что можешь увидеть его, когда захочешь. А по мне ты просто очень сильно соскучилась...

— Нет! — перебила она, — Не в этом дело! Меня Хольга за это и карает. Никого нельзя так сильно любить, как я тебя! — жарко произнесла Рыска. Чувство, которое она совсем

недавно считала умершим, бурлило в ней теперь прямо как Рыбка во время наводнения, и ощущалось это намного сильнее и острее, чем в юности. Даже страшно было. Молчать о таком было просто невозможно!

Альк, усмехнувшись, повернулся на бок, притянул её ближе.

— Глупости это всё, — он поцеловал её в висок. — Ты, похоже, хорошая мать, раз стараешься даже в мыслях не обделить своего ребёнка. Всё проще: я был до него и буду после, когда он вырастет, найдёт себе спутницу и покинет тебя, чтобы устроить свою жизнь. И вообще, ты его любишь только потому, что он — моё продолжение. И твоё тоже.

— Это звучит очень цинично, — сделала вывод Рыска.

— Согласен. Но так оно и есть! Дети и родители от рождения — наши близкие люди. Это не изменится, что бы в жизни не случилось. Но есть и те, кого мы сами нашли, кто не был, но стал нам близок. И это намного ценнее родственных уз. И наши родные, если они нас любят, должны это понять.

Рыска вздохнула.

— Твой отец так и не понял, — сказала она.

Альк покачал головой.

— Он понял. Но потом, позже, — он погладил Рыску по голове. — Ты не сердись на него и когда увидишь — не вспоминай.

— Я и не собиралась, — ответила девушка, — Я сделаю так, как ты скажешь.

Альк ещё крепче обнял Рыску, уткнулся в её волосы. Ничего другого он от неё и не ждал.

Как же хорошо, подумал саврянин. Еще с утра о таком и подумать было невозможно. И вот ведь как странно: даже не почувствовал ничего, так, если только в общем... Дар отказывает в такие моменты.

А сейчас, вот она, живая, тёплая, нежная, готовая в любой момент ответить лаской на ласку. И как он жил без нее?

Она дышала ему в шею — так приятно, чуть-чуть щекотно, прижималась к нему всем телом — словно змея обвила: кажется, что тонкая, но известно, что сильная, освободиться нечего и думать. Он погладил её по волосам, по спине, по ягодицам. Она подняла глаза, улыбнулась, и он понял, что не так уж сильно сегодня и устал.

*

В Пристань Румз Косой не сунулся, вообразив, что может произойти, и представив размеры скандала. Однако и отпустить путников он тоже не мог.

Честно говоря, он мечтал разорвать их на части, в лучшем случае, завершить то, что не получилось в прошлый раз, но теперь это было сложнее, чем десять лет назад, потому что их в этот раз видел весь город, а особенно — Пристань. Наместник и так здорово перетрухнул, услышав фамилию саврянина, но дело пообещало заглухнуть на корню.

Но этот ненормальный придурок Лео все испортил! Ну какого Сашия ему понадобилась путница? Ведь сколько раз говорено: Пристань и всё, что с ней связано ему полагается за пять вешек обходить! Нет же, гад такой, он, похоже, специально так сделал — за что и получил.

Однако синяки, ссадины, отрубленные косы и сломанные рёбра Лео были ничем, по сравнению с предстоящими событиями. Дело обещало очень плохо для господина наместника закончиться, но наутро после происшествия в “Очаге”, когда Румз, не

сомкнувший за ночь глаз, лихорадочно соображал, что же теперь делать, слуга, подававший ему завтрак, неожиданно сообщил:

— Мне только что передали. Вас желает видеть господин путник.

У Румза чуть удар на месте не случился.

— Саврянин? — только и спросил он.

— Нет, ринтарец. Из столицы. Похоже, высокопоставленный. Приглашать?

Наместник быстро сообразил, что так быстро в столицу сообщить никто бы не смог и что это не по его душу. А ещё — что, возможно, через этого путника удастся повлиять на тех и ответил утвердительно.

С первых щепок разговора со столичным путником Румз сообразил, что обратился по адресу.

*

Лавка готового платья попала им почти на выезде из города, и так как за последние сутки ощутимо похолодало, Рыска решила заглянуть туда и прикупить себе что-нибудь потеплее рубашки без рукавов и коротких штанов.

— Подождёшь меня? — спросила она Алька. Тот огляделся вокруг. От ворот и к ним нескончаемой вереницей тянулся народ, и, ожидая, пока Рыска вернётся из лавки, путнику пришлось бы, прижимаясь к стенам домов, да ещё и удерживая сразу двух нетопырей, что ему совсем не улыбалось.

— Тут до ворот два шага, — буркнул он, — Я лучше тебя за ними подожду.

Настроение у Алька было сегодня неважное: то ли из-за мерзопакостной, похожей на осеннюю погоды, то ли из-за того, что он толком не выспался. Но срываться на вновь обрётённой женщине он не собирался.

Рыска кивнула и скрылась в лавке, передав поводья Альку.

Лавка была небольшая, ничего дорожного Рыска в ней так и не нашла и совсем уже было собралась уйти ни с чем, как вдруг хозяин предложил ей вещи, пошитые на заказ, но не востребованные. Примерив белую льняную рубашку и чёрные штаны, путница сочла и цену, и качество приемлемыми, собралась прямо в этом и идти. Рыска обулась, полезла за кошельком, как вдруг по спине у неё пробежали мурашки: дар предупреждал о чём-то очень нехорошем.

Портной только и видел, как госпожа путница побледнела не хуже полотна, как задрожали руки, держащие кошелёк.

— Вот, возьмите, — прошептала она и опрометью бросилась на улицу, оставив на прилавке горсть монет.

Хозяин лавки пересчитал: больше дала, покачал головой. Странные они люди, эти путники. Вот кто знает, что с ней случилось? Может, почувствовала, что крыша скоро рухнет!

Когда Альк уже собирался выехать из города, один из стражников вдруг окликнул его:

— Господин путник, задержитесь на щепочку, с вами хотят поговорить.

Саврянин осадил своего нетопыря и придержал Рыскину Ладу. Люди позади него недовольно загудели, но он даже не обернулся.

— Кто это хочет со мной поговорить? — неласково осведомился он.

— Господин Румз, наш наместник. Он ждёт вас в караулке.

— Что ему нужно?

— Он мне не сказал.

Альку совершенно не хотелось снова видеть косую рожу, но дар почему-то вдруг подсказал, что нужно непременно зайти в караулку, просто во что бы то ни стало! С чего бы это вдруг, он не успел подумать, ибо дару своему всегда доверял больше, чем простой логике. Караулка находилась совсем рядом, да и Рыску всё равно нужно было дожидаться. Альк решил сходить, пообщаться с наместником, тем более, тоже имел, что сказать. Привязав скакунов к дереву, он толкнул дверь в караульное помещение, по сути каменную нишу в толще городской стены.

И то, что он увидел, не понравилось ему чрезвычайно...

Господин наместник, улыбаясь, восседал за столом, и улыбка у него была мерзкая, но при этом победная. Словно у охотника, сумевшего завалить крупного и опасного зверя.

— Ну что ж, господин путник, вот мы с вами и встретились, — проговорил Румз, — Если хотите, можете превращаться в крысу, как тогда, в тюрьме, но уверяю вас, это никоим образом не поможет!

Всё, что Альк успел сделать — это обернуться, почувствовав чьё-то присутствие. Но почувствовал он это не даром, а просто, как обычный человек.

Потому что дара не было.

===== Глава 16 =====

Берек смотрел сочувственно и насмешливо.

— Не ожидал меня увидеть? — спросил он, приставив остриё меча к горлу саврянина.

— Я думал, ты сдох, — спокойно ответил Альк.

Выхватывать мечи было поздно, да и невозможно в помещении шириной в полтора шага.

— Как видишь, жив-здоров, чего не скажешь о моём племяннике. Впрочем, сейчас ты отправишься за ним, — пообещал Берек.

Альк не испугался наставленного на него клинка, нет... Беда была совсем в другом.

Дар, пропавший вдруг, как ему вначале показалось, был при нём, но это было скорее плохо, потому что стоящий рядом путник тянул его не хуже, чем из "свечи". Объяснить такое казалось невозможным, и это было страшно.

Однако дальше произошло ещё более неожиданное событие. Дверь в караулку отворилась, и на пороге возникла черноволосая девушка, до ужаса похожая на Рыску — или же такое впечатление создавали чёрные волосы и зелёные глаза.

И дар из белокомого тянула она, а не Берек, просто это было так мощно и всеобъемлюще, что нетрудно было и перепутать.

Девушка посмотрела Альку в глаза, с интересом, даже дружелюбно, и он словно к месту прирос. Не было сил не то, что пошевелиться или сказать хоть слово, а даже отвести взгляд.

— Ну? Ты что собрался делать? — сердито бросила она старому путнику, — Ты же обещал просто поговорить!

— Поверь, его надо убить! Если мы его отпустим, сильно пожалеем! — проговорил он.

— Не сейчас, — покачала она головой, продолжая пристально смотреть на Алька, — Мы позже с ним разберемся, не здесь и не так. Сейчас у нас мало времени, так что пошли, и быстро! — велела девушка.

Берек выругался, но меч убрал, а потом резво выскочил на улицу. Девушка всё стояла и смотрела Альку в глаза, а потом улыбнулась и тихо, бесшумно вышла, притворив дверь.

Как только это произошло, саврянин сумел стряхнуть оцепенение, выскочил следом за

девицей, но увидел лишь море народу, затопившее выход из города. И Берек, и девушка просто растворились в людском потоке.

Выругавшись, Альк вернулся обратно, на ходу выхватывая меч.

Румз Косой, оставшийся в караулке, не успел предпринять ничего, кроме того, что залез под стол, но для Алька, тем более взбешённого произошедшим, не составило труда вытащить его оттуда, схватив за шиворот.

— Что, пидор, хотел заманить меня в ловушку и прирезать? — теперь уже меч упирался в горло господина наместника. — Ну и куда же делись твои друзья?

Женоподобный тип, привыкший, что перед ним все падают на колени, не то что не собирался, а попросту не умел защищаться: для этого у него имелась стража. Но ведь сам же велел никому не заходить в караулку, пока не вызовет! И теперь саврянский клинок весьма выразительно колотил кожу на холеной шее, а жёлтые глаза прожигали насквозь.

— Вижу, ты хорошо меня помнишь, верно? — прошипел Альк. Румз с готовностью затряс головой, но не проронил ни слова. — Ну что, убить тебя, что ли?

Наместник взвизгнул и зарыдал, затрясся и замахал руками. То, что просить пощады бесполезно, он, разумеется, прекрасно понимал. Оставалось лишь молча молиться, чтобы хоть кто-нибудь вошёл в караулку.

На этот раз господину наместнику несказанно повезло, потому что дверь, заскрипев, открылась и на пороге снова возникла чернокобая девушка.

— Альк, нет... — прошептала она, — Пожалуйста, не надо!

Саврянин на миг обернулся через плечо и снова впери́л взгляд в наместника.

— Слышал? — спокойно сказал он, — А ты её повесить велел!

— Не убивайте, господин путник!.. — не своим голосом выдавил наместник.

Альк подчёркнуто медленно и осторожно убрал меч за спину.

— И не собирался, — произнёс он уже на пороге, открывая дверь своей женщине, — Делать мне больше нечего — мараться о такое дерьмо! Тем более, скоро ты будешь мечтать о смерти, ублюдок.

Румз сполз по стене, рыдая. Он остался жив, но радоваться было нечему. Последняя надежда на спасение истаяла, как только Берек покинул караулку, и теперь стало ясно: лучше было бы погибнуть сразу.

Лучше б саврянин его всё же прирезал...

То, что произойдёт, когда его величество узнает о событиях последних дней, не говоря уже обо всём остальном, будет намного хуже смерти, о чём и говорил белокобый видун.

И вдруг он замер, отняв руки от лица. Косые глаза Румза натолкнулись на плащ, какие стражники одевают во время дождя. Улыбка, похожая на гримасу, исказила лицо наместника.

...На улице Рыска вопросительно посмотрела на Алька, но не доби́лась от него ни слова. Она пыталась заставить себя думать, что всё дело в наместнике, которому он так давно мечтал отомстить, но дар подсказывал, что всё намного хуже.

Бледность Алькова лица, молчание белокобого, сведенные к переносице брови говорили о том же...

*

Подходил к концу второй день дороги, после того, как путники покинули Зайцеград. Они остановились на ночёвку на опушке леса: никакого жилья поблизости не было, да и

погода вроде располагала к этому.

Рыска привычно, по-походному обустроила стоянку, попросив Алька лишь принести хвороста, сготовила что-то на костре в небольшом котелке, а теперь сидела на брёвнышке у огня спиной к мужчине и расчесывала волосы — любовно, с удовольствием, и затухающие сполохи бликами играли на них, переливаясь всеми оттенками красного и золотого.

Альк бросил на это лишь пару взглядов, но приказал себе не отвлекаться, а сначала заточить мечи, а лишь потом заниматься всем остальным.

За два дня он много чего передумал по поводу произошедшего перед отъездом из негостеприимного города. Кто эта девица, похожая на Рыску, он понятия не имел, а вот ощущение, когда не можешь сойти с места, почему-то помнил... Наверное, так было, когда его сделали “свечой”?. А может быть, нет? Но такое с ним определенно уже случилось, скорее всего, давно.

То, что Берек и его спутница-полукровка сейчас находятся далеко, Альк был уверен. О выходе старого, выжившего из ума путника, а также о деяниях наместника Зайцеграда они с Рыской сообщили в Пристань того же города, и известие тут же разлетелось во все концы царствия.

А вот с Рыской получалось хуже.

Он так ничего толком ей и не рассказал, не желая расписываться в проявленной слабости, ограничился парой сухих фраз о Береке, про девушку же не сказал и слова. Рыска чувствовала, что он не договаривает, тихо обижалась за недоверие, но не выражала это никак.

Как оказалось, труднее всего начать разговор после долгого молчания — а молчали они практически всю дорогу от Зайцеграда. Рыска, кажется, была права: притираться друг к другу было сложно. Начни она разговор первой, и он непременно ответил бы. Но девушка тоже молчала.

Альк несколько раз взмахнул заточенным мечом, убрал его в ножны и хотел было отложить, как вдруг Рыска бросила через плечо, весьма повелительно:

— И мои заточи.

— А сама ты не можешь? — огрызнулся Альк, скорее по привычке.

— Я устала, — ответила Рыска, заплетая косу, — Я ужин готовила. Равно как и вчера. И ветки для лежака тоже я ломала!

— Что, считаться будем? А я дрова собирал, — нашёлся саврянин, готовый спорить, как обычно, до победы.

Но Рыска, зная это по опыту, уже сменила голос на медовый.

— Ну, пожалуйста, — промурлыкала она, обернувшись через плечо и улыбнувшись, — У тебя так хорошо получается! Я так не умею!

Альк вздохнул. Он прекрасно понимал, что его используют, а отказать сил не было. Только ей такое было позволено! Ни с кем раньше у него ничего подобного не случилось... Да и что ему, мечи поточить трудно?

Однако он проворчал:

— Как же ты раньше без меня обходилась?

— Очень плохо, — серьёзно сказала Рыска, слегка кивнув.

Подумав, что она, скорее всего, права, Альк взялся за дело с удвоенной энергией. Кто заботился о ней в жизни? Никто. Только Жар. Не было рядом с ней по-настоящему сильного мужчины, на которого можно было бы положиться. Что отчим — ничего от него, кроме

оплеухи, не дождёшься, что муж — может быть, и проявил бы свою силу, да похоже, душа у неё к нему никогда не лежала, и принимать его помощь было скорее всего неприятно. А теперь пришло время ей узнать, что значит быть не одной... Пусть красуется, как женщине и положено, а он мужским делом займётся.

А когда они выполняют задание, он привезёт Рыску в замок и честно во всем признается жене. И будь, что будет... Жизнь слишком коротка, а глупостей сделано уже и так достаточно, чтобы продолжать увеличивать их количество.

Прав был Крысолов: годы неумолимо летят. Вот и он, Альк, уже не тот. Нет, в плане физической формы пока всё в порядке, об этом рано говорить. А вот нервы ни к Сашину стали! По ночам не спится. Голова иногда болит по нескольку дней. А как дорогу поменяешь, так кровь льётся по две лучины, остановить невозможно — это у него после “свечи”. Видно, всё же надорвался тогда... И вообще, к старости жди сумасшествия, сдвига в ту или иную сторону. Будет вот как дед, в святого играть, либо ещё что похуже, когда его лишат права на “свечу”...

Альк взглянул на Рыску и улыбнулся украдкой.

С тех пор, как она снова появилась в его жизни, всё изменилось. Во всяком случае, обняв её, спал он как убитый — давно такого не было.

И никто никогда не лишит его права на “свечу”, пока она есть на этом свете. Его путница и его “свеча”. А он — её “свеча”.

И как такое может быть? Странно так... Сам Саший ногу сломит. Кто из них есть кто — непонятно, но как будто оба на равных.

Но об этом никому, конечно, знать не надо.

— Рыска, — позвал её Альк.

— Да? — ответила девушка, не поворачиваясь и продолжая заниматься своими косами.

— Мы завтра мимо Мириных Шахт поедem. Ты не против, если деда моего навестим?

— А он жив ещё? — искренне удивилась девушка, повернувшись.

Знакомство со стариком она помнила и в душе считала себя причастной ко всему, что тогда сказал и слелал Альк, а потому — виноватой.

— Конечно, жив! — ответил Альк, словно это само собой разумелось, — А как же?

— Сколько ж ему лет?

— Восемьдесят семь.

— Ничего себе! Да, конечно, навестим, что за вопрос? С удовольствием! Только...

— Что?

— Кем ты меня ему представишь?

— В смысле? — не понял Альк.

— Мне как-то неловко знакомиться с твоим дедом при том, что у нас... — Рыска замаялась, — непонятные отношения, — сформулировала она наконец.

Альк рассмеялся.

— Чем тебе непонятны наши отношения? — спросил он с усмешкой.

— Мне — понятны, а вот дедушка твой может... обеспокоиться.

Альк покачал головой.

— Я так думаю, человек, проживший такую долгую жизнь, поймёт всё сам и беспокоиться о таких вещах не станет. А представишься ему сама, тем, кем себя считаешь.

Рыска вздохнула. Ничего себе, облегчил задачу! Ладно, на месте виднее будет.

— Вы с ним помирились? — тихо спросила она, поднимаясь с бревна и подходя к

Альку.

— Как ты просила, — ответил Альк, не поднимая глаз и продолжая приводить в порядок один из Рыскиных мечей.

— Ты извинился? — тоном мамочки спросила девушка.

— Да, — Альк на миг всё же поднял глаза. — И за себя, и за тебя, — это было сказано таким тоном, который раньше для этого человека был не то что не характерен, а... Представить было невозможно, чтобы Альк извинился перед кем-то и не то, что бы этого не стыдился, а вроде как даже... гордился, что ли! Десять лет определённо не прошли для него стороной, подумала Рыска. Как и для неё...

— Не будет лишним мне извиниться ещё раз, — сама себе кивнула Рыска. А потом подошла к Альку, села с ним рядом, подождала, пока он отложит заточенный клинок, и положила голову ему на плечо, потерлась виском, обвила руками. Ей очень тяжело дались два дня молчания и неизвестности, и теперь, когда напряжение схлынуло, неумолимо потянуло на сближение.

— Рысь, подожди немного, ещё один остался, — попросил Альк, борясь с желанием всё бросить и тоже её обнять.

— Сама заточу, — решила она, не желая ни в какую разжимать объятия.

— А ужин?

— Как раз слегка остынет, слишком горячо ещё... Я что, уговаривать буду?

— Нет, конечно, — Альк отложил меч в сторону и легко подхватил Рыску на руки, отнёс на уже расстеленный лежак, начал целовать и раздевать.

Девушку пробрал озноб.

— Холодно сегодня, — посетовала она.

— Ничего, сейчас жарко будет, — пообещал Альк.

В её памяти всплыла выюжная ночь в Ринстане и шкура у камина... С этим человеком ей было тепло всегда и везде, даже в пещерах под дланью Сашия, даже на берегу взбесившейся реки. Одни воспоминания о нем согревали... Нельзя так любить, в который раз подумала Рыска, Хольга накажет. Но так хочется!..

И как только она могла подумать, что всё осталось в прошлом? Наверное, просто заставила себя в это поверить, чтобы было не так больно. Но теперь было ясно, что она любит Алька сильнее, чем прежде. И он её — тоже. И мало ли, может он это сказать или нет?

Она и так это знает.

*

Отшельник накрывал на стол. Рыска пыталась ему помочь, но он её остановил, мягко усадив обратно на табуретку.

— Отдохни, дитя, ты устала, — велел он, вручая Альку ведро для воды.

— Я, между прочим, тоже устал, — буркнул мужчина.

Отшельник с интересом посмотрел на внука.

— А ты мне ещё за тот случай должен. Так что иди за водой и не спорь! Искупай грех трудом, так сказать, — сказал он безапелляционно. Альк сверкнул глазами, но ничего не сказал и вышел за дверь. — И дров захвати! — крикнул дед ему вслед.

— Давайте я ему помогу! — уцепилась Рыска за возможность сбежать из-под внимательного взгляда.

— Сиди, не надорвётся, — сказал старик громко, чтобы Альк слышал. Потом выглянул в окно с каким-то вороватым видом. — Мне с тобой поговорить надо, наедине, — добавил он тихо и быстро, — Поэтому с самого начала признайся честно: что он значит для тебя? — спросил он, остановившись напротив девушки.

Рыска оглядела отшельника и отметила: сильно постарел. Усох. Морщин стало больше. Понятное дело, ведь прошло целых десять лет, а он и тогда был далеко не молод. Ряса на нём совсем простая, чёрная, но явно не дешёвая. Волосы седые, и это вполне отличается от просто светлых саврянских волос: они становятся чуть желтее, а где-то серее. (Надо же, у Алька, оказывается, тоже есть седые, на висках!) Но глаза у старика остались такими же ясными, как прежде.

— Ну так что? — напомнил отшельник.

— Я его очень сильно люблю, — призналась Рыска, — У нас есть сын. Мы решили быть вместе, несмотря ни на какие обстоятельства...

— Очень хорошо, — оборвал ее старик, — Значит, не всё потеряно... Да убери ты крысу, я все знаю!

Следует заметить, что перед тем, как постучаться в скит, Альк предостерёг Рыску, что старик вполне может догадаться об их связке и попросил всё время держать крысу при себе, чтобы сбить его с толку — так же, как и в присутствии других путников. Рыска подозревала, что это может не помочь, но спорить с Альком не стала, крысу с собой взяла. Другие путники — это другие путники, им нет дела, почему это их коллеги путешествуют вдвоем. А вот дедушка очень даже удивился, увидев их вместе и, похоже, именно этим и заинтересовался, вот и вычислил их связку на раз.

— Ну вот, так лучше, — сказал он, когда Рыска отложила крысу, — Скажи мне, как он?

— В каком смысле? — не поняла Рыска.

— Странностей не наблюдаешь?

Рыска пожала плечами.

— Я с ним всего четыре дня общаюсь. Мы до этого пять лет не виделись.

— Плохо, — заключил отшельник. Потом немного помолчал, соображая, и начал:

— Слушай внимательно, говорю быстро, а то вернётся сейчас... Такой случай, как ваш уже был в истории путничества. Я случайно прочитал о нем в книге «Путники и “свечи”», где описываются частные случаи. Если хочешь, поищи такую книгу в библиотеках, ознакомься. Так вот, тогда дело было замято, как и сейчас. Пристани оно не прибавило бы популярности. Тогда тоже произошло разделение, а потом парень-“свеча” выжил, а девушка-путница погибла. Он сошёл с ума и отправил на небесные дороги огромное количество народа, — отшельник осенил себя знаком Хольги. — И подводя итог сказанному, я прошу тебя: понаблюдай за Альком. Ты знаешь, о чем я говорю, раз общалась с ним тогда.

— А что может быть?

— Безумие, разумеется. По крайней мере, отголоски оного.

— С чего вы взяли, что это может случиться? — перебила Рыска, — Вы же сами сказали: после смерти путницы! Я жива, и уже поэтому такое невозможно!

— Кто знает? — со вздохом возразил старик, — Возможно, это и не зависит от тебя. А может, я сгущаю краски, и нет ничего такого... Я просто предупреждаю, чтоб потом не было печальных последствий. Просто смотри за ним и ничего ему не говори. А чуть что — обращайся в Пристань.

— Чтоб Алька убили?

— А лучше, пусть он кого-нибудь убьёт? — спросил отшельник жёстко.

Рыска горестно вздохнула.

— Я думала, “свеча” на него не повлияла... — уронила она.

— “Свеча” не может не повлиять, — вздохнул старик, — К сожалению, не может... Он просто очень сильный, умеет бороться со своими страхами и слабостями. Возможно и теперь просто крепко держит себя в руках... Жаль, точнее это узнать невозможно. — он снова немного подумал. — Хорошо, в Пристань сообщать не надо. Сообщи мне или... есть ли у тебя друзья среди наставников?

Рыска с готовностью закивала.

— Да, есть. Крысолов, мой учитель, — она слабо улыбнулась, — Он тоже знает о нашей связке.

— Хвала Хольге, на него можно положиться, — согласился отшельник, — Сообщи ему. Но не забывай о нашем разговоре. Будем надеяться, что пока ты жива, все будет в порядке. К стати, это действует в обе стороны. Ты сама-то ничего такого не чувствуешь?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, безотчётный страх, провалы в памяти.

— Нет, — уверенно произнесла девушка, прикинув, что побочный эффект зелья не считается.

— Хотя это радует, — заключил старик, — Но теперь ты должна беречь себя, если хочешь, чтобы с ним ничего не случилось. Или из-за него, — цинично произнёс он. И добавил, — Поверь, не ты одна за него переживаешь. Мне тоже хотелось бы думать, что с ним всё в порядке... Всё, он идет. Слёзы вытри, — и очень резво оказался у стола.

Рыска отвернулась к печи, делая вид, что подкидывает туда дрова. Вот Саший, а она столько лет жила в счастливом неведении! Знать бы, не оставила бы Алька уже поэтому... И вот незадача: всё сказанное стариком стойчески перенесла, а последняя фраза выбила из колеи — разревелась. Вспомнилось посещения скита десятилетней давности. Так же, как тогда, её душа разрывалась теперь на части.

В какой-то момент Альк заметил, что Рыска плачет, но она отмахнулась, сказав, что ей попал в глаза дым, и больше вопросов не последовало.

После обеда, когда дед и внук всласть наговорились, Альк и Рыска продолжили свой путь. Старик предлагал им заночевать у него, но Альк учтиво поклонился и произнёс:

— Благодарю, дедушка, но нам, развратникам, не место под этим святым кровом. Особенно ночью.

Отшельник покачал головой.

— С каким бы удовольствием я вырвал твой поганый язык! — сказал он. Но обнял внука сердечно, как в последний раз. Собственно, старик был уже в таком возрасте, что так оно могло и быть. А может, видуны уже точно знали об этом, просто не озвучивали.

Рыске старик пожал руку, на миг заглянув в глаза, и слегка кивнул, словно желая удачи, и сердце её снова сжалось. До самого вечера на ней лица не было.

Когда остановились на привал, девушка как обычно приготовила ужин, но сама есть не стала, а поспешила поскорее прилечь, сказавшись уставшей.

Сердце у Рыски снова бешено колотилось, и потому уснуть нечего было и пытаться. Лежа на спине, она тупо смотрела в темное, затянутое тучами небо.

Погода, словно стараясь сделать ей как можно хуже, испортилась: дул противный ветер с близкой реки, с востока доносились раскаты грома, то и дело стрелы молний прочерчивали

небосвод. Надо было в веске заночевать... Впрочем, о грозе путница совсем не думала. Ненастье в собственной душе было куда страшнее.

Когда Рыске показалось, что Альк уснул, она встала, не в силах больше улежать на месте, подкинула дров в костер и уселась напротив, обхватив руками колени и положив на них голову.

Отшельник просил ничего не рассказывать Альку.

Она обещала сама себе ничего от Алька не скрывать...

— Ну и долго собираешься так сидеть? — услышала она его голос у себя за спиной и подскочила.

— Я думала, ты спишь... — пролепетала она, схватившись за сердце и обернувшись.

— А я думал, мы друг другу доверяем, — Альк помолчал. — Что тебе дед сказал? — напрямую спросил он.

Рыска вздохнула. Пусть знает, решила она, и во всём призналась, испытав невероятное облегчение. Правду говорят: вдвоём беде противостоять легче.

Выслушав, Альк лишь отмахнулся.

— А я-то испугался! — сказал он, — У дедушки маразм. Не слушай его.

— Не может быть! — уверенно возразила Рыска, — Нет у него никакого маразма, и ты это знаешь.

— Ну, хорошо, он за меня переживает. И книгу эту я тоже читал. Из неё же могу сделать вывод: пока ты жива, со мной ничего не будет.

— А вдруг?

— Ладно: за эти десять лет ничего же не было! С чего должно быть теперь? И потом: ничего такого я не чувствую. Поверь, мне есть, с чем сравнить. — где-то в глубине души Альк даже немного сожалел, что перед ним больше не наивная девчонка. Такую успокоить было бы проще. Но сам же говорил: с умной надо и самому быть на высоте!

— Я не знаю, Альк... — тихо сказала она. К счастью, в её голосе было больше печали, чем желания узнать что к чему. — Я просто не хочу опять выбирать между “плохо” и “очень плохо”.

Альк пожал плечами:

— Да тебе и не придётся, судя по всему. Тебе будет всё равно, если дед прав, — заметил он, — Но я всеми силами постараюсь этого не допустить, — пообещал Альк мрачно. — Ладно, хватит ломать голову. Ты ничего не добьёшься тем, что не выспишься. Ложись спать, завтра нужно ехать весь день, а то мы и так уже задержались.

Рыска со вздохом прилегла рядом с Альком, но сна так и не было.

— Альк? — позвала она.

— Ты уляжешься уже или нет? — раздражённо спросил он, видимо, успев задремать.

— Теперь твоя очередь, — не обращая внимания на его ворчание, сказала Рыска.

— По поводу чего?

Она помолчала, а затем спросила не терпящим возражений тоном.

— Что произошло в Зайцеграде?

Альк вздохнул, переворачиваясь на спину.

— Я тебе уже всё рассказал, — ответил он.

— Тогда почему злишься? — она приподнялась на локте. — Говори, давай! — велела она, — И не забывай: я так же вижу тебя насквозь, как и ты меня.

...Прошла лучина. Рассказ давно иссяк, а вот ветер, наоборот, усилился.

Альк поведал Рыске о девушке, сумевшей парализовать его волю, утаив, впрочем, её обещание разобраться с ним позже.

Рыска молча поднялась с лежака, подкинула дров в костер, потом поднялась во весь рост, глядя куда-то вдаль, и застыла, скрестив руки на груди. Альк видел лишь чёрный силуэт на фоне изредка освещаемого молниями неба — стройную изящную фигурку с развевающимися на ветру волосами. Словно берёзка на краю обрыва во время урагана... Захотелось обнять её и согреть. Так и сделал: поднялся, подошел к ней, прижал к себе. Одетая в одну только тонкую рубашку, она была вся холодная, словно из камня вырезанная. Лишь склонила голову ему на плечо, но с места не сдвинулась...

— Ну что ты? — тихо спросил белокопый, — Пойдём спать! Ты же замёрзла вся...

— Значит, всё хуже, чем я думала? — словно не услышав его, полуутвердительно произнесла Рыска, — Мало нам было разлуки, которую я еле пережила, войны, которая нависла над царством, теперь ещё и это?!

— Рысь, путникам не положено паниковать, — предупредил Альк, чувствуя, что ещё щепка — и она расплечется.

— А мне надоело! — истерически выкрикнула она, вырвавшись из его объятий, — Путникам не положено паниковать! Весчанке нельзя замуж за господина! Нельзя нормально объяснить, что произошло, из всего надо делать тайну! — крик потонул в раскате грома. — Ты знаешь, что это за девка, похожая на меня? — прорыдала Рыска.

— Не знаю.

— И не догадываешься?

— Пока нет...

— Это она! Тсарица-видунья! И эта сволочь Берек присягнул ей на верность. И ещё неизвестно сколько таких как он и его крысиный племянник! Никому теперь нельзя верить, Альк!.. — сорвавшись с места, она побежала куда-то в рощу. Альк, оставшись один, вздохнул. Именно такой реакции он и боялся.

...Он не пошел её искать. Сел у костра, задумчиво глядя в огонь. Он чувствовал, что ей нужно побыть одной.

А раньше она такой не была. Раньше предпочитала плакать на чьем-то плече...

Рыска вернулась через лучину, замёрзшая окончательно.

— Прости, пожалуйста, — упавшим голосом произнесла она, — Что-то я...

— Да ладно, — Альк тут же поднялся, снял с себя кожух, который достал из сумки и надел, пока ждал её накиннул ей на плечи. — Разве можно так делать? Заболеешь ведь... — он заставил её лечь на лежак, укрыл, обнял. Она долго дрожала всем телом, вжимаясь в него, потом согрелась, слегка отстранилась, глубоко вздохнула.

— Я очень боюсь, что мы опять расстанемся, — произнесла Рыска без оковностей, — Наверное, это то единственное, чего я по-настоящему боюсь...

Альк хмыкнул.

— Ты думаешь, меня радует такая перспектива?

— Знаю, что нет...

— Тогда и не думай об этом.

— Не могу, — прошептала она, — Вдруг это будет уже навсегда!..

— Не будет, — уверенно произнёс Альк.

— Почему? — Рыска подняла голову.

— Сама посуди: как только в жизни случается беда, наши дороги пересекаются. И с

самого начала так было. Тем более, мы ведь можем найти друг друга где угодно...

— Дело не в этом, — перебила Рыска, — Дело в том, что может произойти такое, что и искать друг друга не захочется.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Альк.

— Мало ли причин. Тем, более так уже бывало. Сама не знаю...

— Ну вот, раз не знаешь, так и не говори!

— Может, ты и прав, — вздохнула Рыска, прижимаясь к любимому, — Хочется в это верить...

— Нам с тобой не расстаться никогда, — произнёс Альк, так словно кто-то свыше подсказал ему это, — Хотя бы по причине существования нашей связки. Мы как две половины чего-то большого и важного.

— Как те невидимые чернила? — спросила Рыска, и перед глазами живо встал Зал Испытаний, а потом и замок...

— Да, пожалуй... Очень удачный пример, — согласился Альк, — Если состав подобран верно, если “свет” и “тень” друг другу подходят, открываются совсем другие горизонты, — он улыбнулся. — А потому, как бы там ни было, найдутся и обстоятельства, и возможности для встречи, и даже те, кто этой встрече поспособствует, — он посмотрел Рыске в глаза. — И в этот раз всё опять сложилось именно так, как я говорю... Ты кем себя считаешь? — он дотронулся пальцем до ее носа.

— В смысле?

— Ну, “светом” или “тенью”?

Она вздохнула.

— Какая разница?.. Главное — всё прочитать, ничего не упустить...

— Не упустим, — заверил Альк, крепче обнимая Рыску.

— А как же эта девка? Как же то, что рассказал твой дед? Война — как же? — она всё не могла успокоиться.

Альк помолчал и произнёс.

— Всё сможем. Как тогда, с рекой... Ты, главное, верь мне. Не слушай никого. Ты сама уже убедились, что к нам не относятся никакие правила, нас не касаются чужие дороги. Ведь убедились?

— Ну да.

— Тогда верь, — серьёзно сказал он.

Рыска помолчала, обнимая Алька.

— Почему нам так тяжело-то? — спросила она с горечью, — Крошечная крупица счастья — и опять море бед. За что нам это?

— А ты не догадываешься? — усмехнулся Альк, — За всё надо платить, Рысь. И за огромные возможности нашей связки — тоже.

— Как будто мало платим, — пробормотала Рыска, вспомнив, как ей было плохо в последний раз, — Один только побочный эффект чего стоит... — произнесла она и прикусила язык.

Но Альк всё слышал.

— Кстати, ты часто так делаешь? — буднично спросил он.

— Что — делаю?

— Ну, как в общаге. Молоденьких мальчиков снимаешь.

— Примерно с той же частотой, что и ты, мой дорогой — девочек, — не удержавшись,

связвила Рыска, неожиданно для себя — совершенно спокойно. Не обязана она отчитываться!

— Серьёзно, — прикинув “частоту”, заметил Альк. Честно говоря, его Рыскина выходка здорово задела, но крыть ему было нечем. — Придётся следить за тобой в оба, — сделал он вывод.

— Ты что, дурак, что ли? — разозлилась Рыска, — Неужели ты думаешь, что мне теперь кто-то кроме тебя нужен?

— Всякое бывает, — философски заметил Альк, — Может быть, тебе мало!

— Да чтоб у тебя язык отсох! — в сердцах бросила девушка, — Ну да, я не жила монашкой! Но я была одна! — прокричала она.

На небе снова грянул гром, и молния га миг осветила всё как днём.

— А муж? — в голосе Алька послышалась уже явная ревность.

— Так, всё! — Рыска села на лежаке и хлопнула рукой по земле, — Я обещаю тебе, что с этой щепки и до самой смерти, как бы плохо и трудно мне ни было, включая все побочные эффекты, не посмотрю ни на какого другого мужчину, кроме тебя, даже если ты будешь от меня далеко, даже если я буду сомневаться в том, что ты жив, пока точно это не узнаю, даже если сильно на тебя разозлюсь или много выпью — всё равно буду тебе верна! — на одном дыхании выпалила она.

— Ого! — восхитился Альк, — А перед ликом Хольги повторишь? Правда, про смерть там в последнюю очередь, но зацепило. Оригинально.

— Ты что, издеваешься? — возопила Рыска, — Тебе ещё и в молельне поклясться?

— Ну да. Так все делают.

— Ты о чём? — не поняла она.

— О том самом, — он забросил руки за голову, приняв как можно более безразличный вид, — Ну так как, ты согласна?

— На что?

— Выйти за меня. Или на одно колено встать?

Рыска, не найдя слов, хлопнула его по груди — довольно сильно, с потом улеглась рядом, повернувшись к нему спиной и подтянув колени к груди.

— Что ты за человек? — слегка успокоившись, проговорила она, — Я сейчас радоваться должна, а мне убить тебя хочется. Такое событие опошлить!

— Зато и о глупостях думать перестала, — отметил Альк, смеясь, — Ну так что?

Рыска поджала губы.

— После того, как это прозвучало в первый раз, я думала, меня уже не удивишь, но ты превзошёл самого себя, — сказала она, — Ты хоть что-нибудь умеешь делать по-нормальному?

— Ну хорошо, — Альк развернул девушку к себе лицом, так легко, словно не сопротивлялась она изо всех сил. — Я понимаю, что для тебя это важно, и потому больше не буду скабрешничать на эту тему, — он помолчал и совсем иначе продолжал, — Я прошу тебя стать моей женой и разделить со мной все тяготы уже известной тебе путничьей жизни, а если тебе надоест — осесть в замке, и уверяю тебя: одно твое слово, и мы так и поступим. Я обещаю, что буду беречь тебя и защищать до тех пор, пока это в моих силах. Я клянусь, хотя для меня это будет тяжелее всего, что буду верным мужем, не смотря на то, что раньше за мной такого не водилось.

— Это можешь не обещать, всё равно не верю, — вставила Рыска.

— Как скажешь, — тут же согласился Альк.

Прогрохотал гром, небо осветилось молнией, на землю упала первая капля.

— А ещё, — добавил Альк, — обещаю, что сделаю для тебя что угодно, абсолютно все, что попросишь. Ну, теперь согласна?

Рыска опустила счастливые глаза.

— Ну конечно! — прошептала она.

Альк поцеловал её с невероятной нежностью, как никогда раньше.

Гром грянул прямо над ними, снова сверкнула молния, а следом, через щепку хлынул ливень потрясающей силы.

— Засвидетельствовано, — подвела итог Рыска, поднимаясь.

— Да, только, по-моему, не Хольгой, — Альк тоже поднялся, откидывая за спину вмиг намокшие волосы.

Чувствуя себя полными идиотами, они так и сидели на намокших одеялах. Путники! Простой дождь от себя отвести не могли!

— Так значит, что угодно для меня сделаешь? — Рыска слегка толкнула Алька в бок. — Я вон там ёлки видела, — она кивнула головой чуть назад, — Пойди с них веток наломай, что ли... Навес сделаем, — спокойно и задумчиво, словно ливень не намочил уже насквозь и их, и всю поклажу, сказала она и рассмеялась.

Альк, старательно хмурясь, поднялся на ноги, сделал два шага и тоже рассмеялся. А потом подхватил Рыску на руки, стал кружить, целовать, раздевать... Всё равно уже, мокрее не будет.

Они снова были счастливы. А дождь... Это всего лишь дождь.

===== Глава 17 =====

Что было тому виной — задержка ли в пути, неважная погода или какая-то другая причина — неизвестно. Они опоздали.

Опоздали безнадежно. Путь, проделанный вдоль бывшей границы Саврии и Ринтара, а затем по Малой степи, оказался бесполезен. Недавнее пребывание в Степи большого воинства было легко заметить, а вот самого воинства уже не было, и с места оно снялось совсем недавно. Путники буквально шли по его следам. Но успели лишь одно: посмотреть вслед отплывающим кораблям.

Ничего выяснить не удалось, а почувствовать на таком расстоянии было уже невозможно.

То, что царской тайной службе уже обо всём известно, было ясно как день: и без них было кому доложить монарху об отплытии недругов в неизвестном направлении. Вопрос был в другом: откуда теперь ждать беды?

Стоя на берегу и глядя вслед кораблям, один за другим исчезающим в туманной дали, Рыска молча ругала себя. Выполнить то, что она обещала её величеству, никто бы теперь не смог. Вот если бы они не задержались тогда в Зайцеграде!.. Но что теперь об этом говорить?

— Поздравляю, госпожа путница, мы отлично справились, — произнёс Альк, похлопав Рыску по плечу.

Она недовольно дёрнулась. Она и так убить себя была готова за скудоумие, вызванное невероятным, так внезапно свалившимся на нее счастьем, а он ещё издевается! Хотела сказать колкость в ответ, но взглянула на Алька и передумала. Если он в чём и виноват, то в равной с нею степени, и это вовсе не повод для ссоры. Лучше хорошенько подумать, что теперь делать.

— Я думаю, возвращаться надо, — неуверенно произнёс саврянин.

— А точнее никак? — спросила Рыска.

— Сама-то как думаешь?

Сама она никак не думала. Такой неясности, какую она увидела на дорогах перед собой, ей не приходилось встречать ни разу за всю жизнь. Создавалось такое впечатление, будто кто-то нарочно сбивал их с пути. И, конечно, Альк увидел то же самое.

— Почему ты вдруг решил, что нужно возвращаться? — спросила девушка.

— Предложи другой вариант.

Она пожала плечами.

— Ты же сам всё видишь...

— О чём тогда может быть разговор? — Альк посмотрел на Рыску через плечо, спускаясь к морю, — Если дар не помощник, нужно следовать простой логике. А по логике стоять здесь и смотреть в даль нет смысла. Лучше всего будет сейчас искупаться в море, немного отдохнуть — и в обратный путь, — как всегда спокойно сказал он и через голову потянул с себя рубашку.

— Как мне надоело твоё вечное спокойствие, когда всему конец! — выверилась Рыска.

— Чему — конец? — не оборачиваясь, но так же спокойно спросил Альк, — Кто-то умер?

— Нет! — рявкнула она, — Но теперь мы понятия не имеем, откуда ждать беды!

— А так — имели?

— Можно было хотя бы попробовать это понять! — кричала она, — Если б мы не задержались...

— Да-а? А если б я был дальше, если б ты меня сразу не нашла, то кто был бы тогда виноват? — это Альк спросил уже с улыбкой.

— У тебя на всё есть отговорка! — бросила она и, отвернувшись, пошла к нетопырю. Уезжать одна она, конечно, не собиралась, но и разговаривать с ним дальше не хотела. Пусть себе купается, раз может думать о такой ерунде в критические моменты!

В путь они отправились молча. Рыска старательно прятала от Алька глаза. В душе её кипела злость. Однако по дороге, немного поразмыслив и успокоившись, она признала его правоту: действительно, мало ли что ещё могло им помешать?

Если разобраться и принять во внимание то, что та девица, с которой якшается Берек, действительно тсарица-видунья, можно предположить и намеренный отвод войска. Тогда бы они по-любому не успели.

Похоже, этой Витторе вовсе не на руку с ними сталкиваться и, разумеется, она знает об их связке... Вот только откуда? И кто она? Теперь Рыске и самой чрезвычайно интересно стало об этом узнать.

Жаль, она не вернулась тогда всего на пару щепок раньше! Жаль, её видел Альк, а не она...

Рыска украдкой бросила взгляд на своего спутника. Зря она на него напустилась. Извиниться, что ли, подумала она, но тут же с горечью поняла, что не может. Не может как раньше...

Да, и в самом деле тяжело восстанавливать утраченное! Пожалуй, в молодости легче было. Тогда она была просто влюблённой девчонкой и благоговела перед ним, поражалась, как много он знает, восхищалась, а теперь... Теперь может и поспорить, и послать, и сказать что-нибудь действительно обидное, благо аргументы всегда найдутся. Но мысль о

расставании с ним как и прежде ужасна, а значит... Значит следует быть сдержаннее.

Но как же это трудно!

...Рыска так и не смогла ничего сказать, но с наступлением ночи всё решилось само собой, ибо трудно злиться на горячо любимого человека, лежа рядом с ним под одним одеялом... И уж совершенно невозможно думать о недавних разногласиях после упоительных занятий любовью.

— Прости, пожалуйста, конечно, ты прав, — прошептала она, прижимаясь к Альку. Он лишь хмыкнул и поцеловал её в макушку.

— Успокоилась? — спросил он.

— Да... — Рыска вздохнула. Полежала молча, глядя в звёздное небо, и спросила, — А дальше что, Альк? Доберёмся до Саврии, а потом — что?

— Думаю, тогда дар нам подскажет, — туманно ответил Альк, — Спи, Рысь, завтра обо всём поговорим, — он снова нежно поцеловал её, и Рыска, весь день переживавшая, окончательно успокоилась и вскоре засопела. Была она по природе своей слишком уж женственна, а теперь ещё и счастлива, и потому не почувствовала, что происходит с её любимым.

Альк подождал, пока Рыска уснёт, поднялся с лежака и присел у костра, глядя в затухающий огонь. Не до сна ему было... Ещё с обеда на него навалилось предчувствие беды, и чем ближе к границе Саврии они подъезжали, тем сильнее оно становилось. Понять, в чем дело, он пока не мог, но раз Рыска ничего не чувствовала, можно было предположить, что к ней эта беда не относится.

Подкинув в костёр немного дров, Альк со вздохом обернулся и долго смотрел на озаряемое пламенем спокойное лицо девушки.

Его беда теперь не могла к ней не относиться, точнее, никогда не могла.

...Уснуть саврянин сумел только под утро, когда небо из чёрного стало грязно-серым, а воздух посвежел, став почти холодным.

Во сне Альку явился Райлез — в том самом месте и времени, где они расстались: в пещерах под дланью Сашия.

Сон был таким реальным, что немудрено было перепутать его с действительностью, ибо Альк чувствовал промозглую сырость пещер, слышал дыхание врага совсем рядом, ощущал пустоту в собственном сознании, а потом — о, радость! — к нему вернулось зрение. Теперь он ни щепки не сомневался в собственной победе.

Однако в этот момент всё и изменилось. Наверное, боги для того и вернули ему способность видеть, чтобы он смог навсегда запомнить самую жуткую картину в своей жизни...

Райлез ни с того ни с сего прервал начатую атаку и метнул меч в темноту, на звук — лёгкий вздох притаившейся у стены девушки. Метнул — и попал...

Послышался предсмертный вскрик, и даже то, что клинки саврянина в следующую щепку одновременно вонзились в тело врага, уже не имело значения.

...Она лежала на уступе, раскинув руки. Милое, совсем детское лицо было спокойно и безмятежно. Она выглядела так же, как при жизни, если бы не остановившийся взгляд, не тоненькая струйка крови, стекающая из правого уголка её рта, и не меч, вошедший в левый бок по рукоятку...

Райлез не смог заполучить свою “свечу” и не сумел одолеть белокомого в единоборстве. И, тем не менее, убил его.

...Альк открыл глаза, и, не найдя её рядом, вскочил.

— Рыска! — позвал он.

— Что? — отозвалась она, появляясь из-за кустов ивняка с котелком в руке.

— Ты где была?

— За водой к реке ходила, — она поставила котелок на землю, подошла к нему вплотную, встала на цыпочки, поцеловала в губы. Он ответил на поцелуй и поспешил отстраниться, а потом занялся повседневными неотложными делами. Нужно было сворачивать лагерь, собираться в дорогу... Но он то и дело поглядывал на девушку, словно не веря, что видит её живой.

Умом саврянин понимал, что сон — это всего лишь сон, тем более, такой, как этот, отголосок былого, что ничего такого быть уже не может, ибо и Райлеза десять лет как сожрали крысы, да и сам он — уже не “свеча”. И все же от гадостного осадка избавиться не мог.

Беспокойство его нарастало.

*

Границу они пересекли на третий день пути от побережья, вскоре после полудня, и тут же зарядил противный, затяжной, похожий на осенний дождь. “Чеговицы” значилось на указателе на въезде в небольшой приграничный городок, напомнивший Рыске Йожиг. По дороге на восток они объехали его с южной стороны, а теперь возникла необходимость туда заехать: следовало пополнить припасы, да и дождь становился всё сильнее. Потемневшее небо светлеть, похоже, не собиралось. По логике вещей, нужно было оставаться в городе до утра, подождать, пока погода не наладится, да и подумать о дальнейшем не помешало бы.

Теперь и Рыска почувствовала: и Альково напряжение, и подсказку дара о том, что случилось что-то нехорошее. А противнее всего оказалась пустота, как перед пропастью: ещё шаг, и провалишься в бездну. Почти то же самое, припомнил саврянин, что и в тот далёкий год, когда они с Рыской расстались и от развилки пошли разными дорогами.

Рыска лишь печально посмотрела на него и ничего не сказала. Зачем озвучивать, он и так все знает. Как обычно.

Рынок в городе не работал: то ли из-за дождя, то ли потому, что время неумолимо близилось к вечеру. Пришлось посетить единственную в городе лавку, где, как в весках, продавалась и еда, и одежда.

Прикупив продуктов в дорогу, Рыска выбрала себе непромокаемый плащ и сапоги, переделась в сухую одежду и слегка повеселела, но, взглянув на своего спутника, опять ощутила тянущую пустоту. Словно под ложечкой сосёт.

Они вышли на улицу и пошли искать кормильню. Дождь набрал силу, превратившись в ливень, снова поднялся ветер. Стало ещё холоднее, чем было.

Рыска не любила эту страну. Саврия платила ей тем же.

Нет, сегодня точно не стоит никуда ехать, подумала девушка. Пообедать, снять комнату и отдохнуть до утра.

— Чувствуешь? — вдруг спросил Альк, остановившись посреди улицы под дождем и взглянув на неё. У Рыски сердце на миг замерло.

И тогда она увидела дороги...

Восемь дорог вели из Чеговиц.

На пяти из них Альк и Рыска неминуемо расставались — уже навсегда.

Ещё на двух, где они оставались вместе, война охватывала все тсарствие, и гибло столько народу, что лучше было все-таки расстаться.

Последняя дорога была неясной, как говорится, “до развилка”.

— Повернем туда? — спросил Альк глухо.

— Я боюсь... — прошептала Рыска.

— На других ещё хуже.

— Почему ты так думаешь? Ты же дальше не видишь!

— Зато чётко вижу другие. Как и ты... Мне они не нравятся.

Пару щепок они смотрели друг на друга.

Рыска шмыгнула носом.

— Я обещала тебя слушаться, — уронила Рыска, — Тем более, мы всё уже обсудили... Ты никогда меня не подводил. Ты мой герой, мой бог, мой самый первый учитель, — она на миг опустила глаза и тут же снова их подняла. — Если ты считаешь, что так будет правильно, то... я согласна, — она протянула ему руку.

Альк её принял и сначала прижал к губам, а потом слегка сжал — со всей возможной нежностью и осторожностью.

— Лучше б я все-таки потеряла этот проклятый дар... — еле слышно произнесла Рыска в последнюю щепку, перед тем, как всё пошло по выбранному ими пути.

*

Кормильня в Чеговицах была закрыта: хозяин, по словам соседей, уехал куда-то на неделю, и это не прибавило хорошего настроения. Пришлось искать, где находится Пристань.

В маленьком, чуть больше вески, городе, это оказался небольшой огороженный двор, на котором расположились загон для нетопырей, двухэтажная гостиница, столовая и приемная штатного городского путника, гордо именовавшего себя Главой Общины.

В гостинице почти никого не было, и Рыска выбрала самую лучшую комнату на втором этаже. Оставив там вещи, девушка предложила своему спутнику сходить в столовую.

— Что будешь есть? — спросила Рыска, присаживаясь за стол.

Альк постоял, осмотрелся и покачал головой.

— Ничего, — ответил он, глядя мимо Рыски, — Не хочется...

Рыска поняла, что дело совсем плохо.

— Ты не заболел? — заботливо спросила она, хотя давно знала, в чём дело.

— Нет, — ответил саврянин, — Ты ешь, а я лучше пойду отдохну, — он развернулся и направился к выходу.

Как тогда в пещере, отметила Рыска, тихий, поникший, словно раздавленный предчувствием. Пусть и правда идёт в комнату, побудет один, может быть, немного успокоится.

Она вздохнула. Кому, как не ей было знать, что не успокоится он, пока ситуация не разрешится.

Однако Рыска решила взять себя в руки и всё же поесть, поэтому просто проводила Алька взглядом, а затем встала, взяла себе миску похлебки и ломоть хлеба и уселась обратно. Борясь с желанием побежать следом за своим любимым и попытаться его утешить, она помешала жидкий суп и без аппетита откусила от куска хлеба.

— Привет! — вдруг раздался прямо над ухом звонкий голос. Рыска вздрогнула и

обернулась, увидев стоящую рядом девушку. — Можно к тебе присесть?

— Да, пожалуйста, — разрешила она, разглядывая пришедшую. Смутно знакомая девушка была одета во все чёрное — от тонкой шелковой рубашки с серебряной вышивкой до кожаного плаща, хорошо защищающего от ненастья. Долго вспоминать не пришлось: девица училась вместе с Рыской в Пристани, жила в соседней комнате и... тоже стала путницей. Вот только как её зовут, Рыска то ли не помнила, то ли и не знала: общаться с однокурсниками она никогда не стремилась.

— Как поживаешь? — спросила девушка, присаживаясь рядом, ставя на стол тарелку супа и принимаясь за еду.

— Как обычно, — уклончиво ответила Рыска.

— А я тут проездом, — сообщила девушка, — Еду в Ринстан. Этот красавчик, что сейчас вышел, с тобой? — она кивнула на дверь.

— Со мной, — кивнула Рыска.

— Вы помирились? — с ехидной улыбкой уточнила собеседница.

Рыска цокнула. Эта девица и две её подружки всегда были охочи до сплетен.

— Помирились, — нехотя ответила Рыска. Что толку было скрывать? Басни про Вернувшегося и Рысь все давно знают.

— Повезло тебе, я прям завидую, — девушка шустро принялась за еду. Рыска только сейчас поняла одну вещь: а девица-то тоже полукровка! Такие же чёрные волосы и жёлто-зелёные глаза. Словно в зеркало смотришься. — Ты где сейчас служишь? — продолжала допрос девица.

— Да нигде... По дорогам, — Рыска снова попыталась есть.

— И куда направляешься?

— Сегодня уже никуда. Время к вечеру, ещё и дождь. Здесь заночуем, а там видно будет, — отделаться от таких трещоток, как Рыска давно успела понять, добром невозможно. Лучше односложно отвечать, глядишь, надоест и отстанут. Главное: не выдавать ни крупицы полезной информации.

— Дождь уже прошёл! — весело сказала девица, — Сейчас поем — и в путь.

Рыска искоса глянула в окно и оторопела: закатные лучи неизвестно откуда выглянувшего солнца позолотили дальний лес и купол молельни, хорошо различимый с того места, где сидела девушка. Но она готова была поклясться, что ещё щепку назад было пасмурно и слышался шорох дождя по крыше!

— Кто же так ставит, упадет ведь! — кивнула девица на кружку с чаем на соседнем столе, где обедал пожилой мужчина.

— Да нет, далеко... — зачем-то возразила Рыска.

В следующую щепку мужчину окликнули, и он, резко обернувшись, сбил свою кружку, выругался и сцепился с кухарем по этому поводу.

У Рыски шевельнулась была догадка, но что-то другое, тяжёлое, навалилось на неё вдруг, снова отбив аппетит.

А вот девица как раз закончила есть, оставив миску с ложкой.

— Ну, бывай, коллега, я поехала, — она похлопала Рыску по плечу, вызвав произвольную дрожь, и выскочила из столовой молодой горной козой, простучав по полу высокими острыми каблучками. И как только в такой обуви можно ездить верхом, а тем более сражаться, если придётся?

Сбросив неприятное впечатление, какую-то неправильность — может, от того, что за

годы обучения она так и не общалась с этой девушкой и не ожидала от неё панибратства, а может, от того, что на душе плохо, а рядом звучит бодрый, звонкий голос, Рыска взялась было снова за ложку — и тут окончательно расхотела есть. Вскочила, едва не перевернув стол, и бегом побежала наверх.

Развилок был близок.

С Главой Пристани она столкнулась у лестницы, чуть не сбила мужика, на ходу перебирающего бумаги, извинилась, пробежала на пару ступенек вверх...

— Ты Рысь? — окликнул он её.

— Да, — девушка остановилась.

— Спутник твой — Хаскиль? — Рыска кивнула. — Тут ему... письмо. Срочное. Передашь?

— Не было же ничего... Мы же лучину назад к вам заходили... — возразила девушка, похолодев. Впрочем, она сразу поняла — ему; ошибки нет.

— Только что принесли, девонька, — печально уронил мужчина, — Ничего хорошего... — и протянул ей вчетверо сложенный листок. — Уж извините...

Рыска почувствовала, как ноги за мгновение налились свинцом, но поблагодарила путника и понуро побрела наверх.

Путничья почта считалась самой быстрой в Савринтарском царстве. Стоило отдать письмо в ближайшую Пристань, и оно срывалось в полёт с ближайшим путником, выехавшим после отдыха или еды по своим делам. Более того: письмо размножат в том количестве, которое потребует отправитель и передадут во все запрошенные им города. Есть, разумеется, и минус у такого сообщения: никакой тайны переписки, и потому письма для путников содержат лишь точную, сжатую информацию.

Можно передать письмо и из вески, любому проезжему или приглашённому путнику и точно знать, что оно найдёт адресата. Только так и можно связаться с неуловимыми воинами удачи, при чём отправитель ничего не должен платить: всё идет в счёт взносов, которые путники платят общине.

Однако и от самого путника кое-что зависит: если он ждёт письма, должен интересоваться его наличием в городах, где бывает, и Альк с Рыской так и поступили, едва войдя в Чеговицинскую Пристань.

Но письмо принесли чуть позже.

...Альк сидел в комнате за столом, подперев голову одной рукой. Он не то, что не прилёг, а даже плащ не снял. Только ножны с мечами скинул и бросил на кровать.

Он был весь как сжатая пружина... До дрожи хотелось его обнять. Рыска подошла ближе и... не посмела. Просто со словами:

— Альк... вот... — положила на перед ним письмо.

Он бросил на неё затравленный взгляд, развернул послание, быстро пробежал глазами и отбросил, со вздохом откинувшись на спинку стула. Когда так долго ждёшь беды, сама беда воспринимается как облегчение.

— Читай, — уронил он.

Рыска тут же схватила листок бумаги.

Мелким, убористым почерком с сильным наклоном вправо по-саврянски там было написано:

“Дамира родила мальчика. И дитя, и мать при смерти. Срочно возвращайся домой”.

Дата стояла позавчерашняя.

Рыска подавила вздох. Она вообще не знала, что ей делать: молчать, говорить, может, уйти или помочь ему собраться?.. Её просто приморозило к полу.

— Я поеду, — тускло сказал Альк, — Ты со мной?

Ей хотелось бы сказать — Да! — но дар подсказывал ей, что она не может этого сделать.

— Нет, Альк, — вздохнула она, опустив глаза, — Мне... Наверное, в другую сторону. Потом найдёмся... — она произнесла это внешне спокойно, но внутри у неё всё похолодело.

Он понимающе кивнул. Он как обычно знал и чувствовал всё то же, что она. А она только что определилась с направлением: несмотря на невыполненное задание, она должна была возвращаться в Ринстан. Почему — она пока не знала, но чувствовала, что в ней там есть необходимость, и немалая. Что это очень важно.

Альк поднялся, нацепил ножны.

— Давай попробуем поменять дорогу, — предложила Рыска тихо.

Альк на миг задумался.

— Бесполезно, — отрезал он, — Слишком далеко, сдохнем оба, — добавил он спокойно.

— Давай хоть попробуем! — настаивала Рыска.

— Нет! — он посмотрел ей в глаза.

— Но почему?!

Рыска уже всё видела. Он, как всегда, был прав. Но вероятность, хоть и ничтожная, все же оставалась.

А потом, уже в следующую щепку, что-то изменилось — словно струна лопнула, и Альк на миг замер, поморщившись как от боли. Она тоже это увидела: крошечное тельце новорожденного младенца, вдруг вздрогнувшее и замершее, начав наливаясь синевой. И женщину с расширенными, блестящими горячим блеском синими глазами, мечущуюся в бреду.

— Я поеду, — повторил Альк. И, словно прочитав Рыскины мысли, хотя в подобные моменты, похоже, так оно и было, добавил, — Тобой ради неё одной я рисковать не буду.

— Альк, давай...

— И не провожай меня. Иначе я с ума сейчас сойду!.. — в его голосе прорвались истерические нотки. Он мотнул головой, схватил сумку и вышел за дверь.

Рыска смотрела в окно. За серой завесой вновь начавшегося дождя всё было размытым и таким же серым.

Альк вышел из гостиницы и накинул капюшон, а затем направился к стойлу, где ждал нетопырь.

Рыска, тяжело дыша, держалась за край стола. Только бы выдержать... Только бы за ним не побежать...

Она не выдержала.

Когда дверь комнаты ударила о косяк, девушка была уже внизу. А потом выскочила на крыльцо и с криком:

— Подожди! — бросилась за Альком.

Он обернулся, поймал её на бегу, слегка пошатнувшись, прижал к себе, оторвав от земли, стал целовать, тяжело дыша.

— Рысочка моя, ну зачем?.. Ну зачем?.. — повторял он, целуя её губы, заплаканные глаза, мокрые щеки.

— Алык, я не хочу... Я не хочу без тебя жить! — захлебываясь слезами, шептала она, — Я без тебя умру!

— Поехали со мной, — снова безнадежно предложил он.

— Я не могу... — она уткнулась в его плечо, рыдая. Он прижал её к себе, так и не опустив на землю.

— Не плачь... Пожалуйста, не плачь, — попросил Алык, — Я ведь не бросаю тебя! — он глубоко вздохнул. — Это ничего не меняет. Я выполню всё, что обещал. Мы будем вместе...

— Не-е-ет! — воскликнула Рыска, — Скоро начнётся война! Ты можешь погибнуть!

— Я не боюсь смерти, — возразил Алык спокойно.

— Да пойми ты, что Я БОЮСЬ твоей смерти! — вырвалось у неё криком души, — Я ведь люблю тебя... Я боюсь, что ты умрёшь, больше всего на свете! — в этот момент она как никогда ясно увидела паутину разбегающихся во все стороны дорог. Она боялась не зря.

Алык вздохнул, ставя Рыску на землю и, уже вполне взяв себя в руки, произнёс:

— Ты ведь у меня путница. Ты можешь мне помочь.

— Как ты мне? Тогда, когда я чуть не замёрзла? — всхлипывая, спросила она.

— Да, как я.

— А если у меня не получится?..

— Ты сможешь, — оборвал он, — Я в тебя верю. Только не надрывайся сильно. Себя тоже береги, — предостерег Алык, — А если что... Покажи нашего сына моим родным. Просто покажи, хотя бы маме...

— Нет! — опять зарыдала Рыска, — Я даже думать об этом не хочу! Я лучше сдохну!

— Тебе нельзя, — уже совершенно успокоившись, произнёс Алык, глядя Рыску по щеке, — Тебе ещё сына растить. Кстати, — он лёгким неуловимым движением снял перевязи мечей и отдал ей. — Передай ему... Я обещал. Пусть он учится. Жаль, не смогу помочь...

— А ты как без них? — пролепетала Рыска, принимая оружие из его рук и во все глаза глядя на любимого, в очередной раз проклиная себя за потерянные годы и за то, что её сынок так и не познакомился с ТАКИМ отцом.

— Ничего, у меня ещё один есть, — успокоил её Алык, — А там и до дома недалеко. Там найдётся... да и не в этом дело... — он снова со вздохом обнял Рыску, немного помолчал и добавил. — Если всё же суждена мне смерть, помни меня, — Рыска вздрогнула, а Алык продолжал, — Ещё передай Крысолову... Учителю... спасибо за всё... Мою признательность и... поклон. И Жару — привет, — он отстранился, снова заглянул в заплаканные глаза, — А уж если встретимся ещё, тогда... Тогда я клянусь честью рода Хаскилей, что больше не оставлю тебя и никогда не допущу, чтобы ты плакала или грустила. Не забывай ни одного слова из того, что я тебе сказал.

— И те слова?.. — опустив глаза, спросила Рыска. Спросить об этом было самое время...

— Какие?

— В нашу первую ночь... В кормильне... По-саврянски, — она вдруг покраснела, как в юности.

— Ты уже тогда поняла? — удивился Алык — и тут же улыбнулся, приподняв её голову за подбородок. У Рыски сердце застряло в горле. Нет, подумала она, пусть не повторяет! Пусть лучше останется жив, даже если не с ней...

— Я повторю, — с достоинством произнёс саврянин, — Я люблю тебя, Рыска из

Приболотья. Очень люблю. Больше всех на свете. Не забывай этого, — Альк в последний раз поцеловал Рыску. — Береги себя и нашего сына, — добавил он и, развернувшись, направился к нетопыриному стойлу.

Выход из стойла был прямо на улицу, поэтому Альк исчез из виду, лишь войдя туда. Рыска ещё долго просто стояла и смотрела на ворота, за которыми он скрылся, а дождь все шёл и шёл. Но она этого не чувствовала. Она ничего не чувствовала, кроме боли в собственной душе.

Кто-то положил руку ей на плечо, и дождь почему-то вдруг закончился, точнее, на голову ей перестало капать. Рыска обернулась. Глава Чеговицинской Пристани стоял рядом, справа, прикрывая её зонтом.

— Пойдём, девонька, хватит мокнуть, — ласково сказал он и, взяв её под локоть, мягко развернул к крыльцу, — Пойдём, чаю выпьешь или покрепче чего...

— Я умру сейчас... — сообщила она, глядя на старого путника расширенными глазами.

— Не-ет, — возразил он, качая головой, — Не умрёшь. Я тебе не дам, — он вздохнул. — Хватит, не плачь, я ж понимаю всё. Пойдём, пойдём, — слегка подталкивая девушку, он увёл её в свой кабинет.

Она оборачивалась всю дорогу до крыльца, но Альк не вернулся. Да она этого и не ждала. Она просто старалась получше запомнить широкий двор с набрякшими от дождя деревьями, большой деревянный амбар, где прятались от ненастья нетопыри, высокий, в полтора человеческих роста, забор, покрашенный в болотный цвет, высокого мужчину в чёрном плаще, удаляющегося прочь, и одну из белых кос, трепещущую на ветру.

...Наверх, в комнату, где она оставила свои вещи, Рыска подняться не смогла — просто обессилила и приросла к месту, обнявшись с мечами, там, где присела, в кабинете старого путника. А потом напилась какой-то настойки по брови и упала с табуретки, но мечи не выпустила. Глава Пристани со вздохом уложил её на старый шаткий топчан и укрыл покрывалом. Забрать у девушки мечи так и не получилось.

Глава Чеговицинской Пристани очень жалел Рыску, как и всех женщин на свете, не смотря ни на их возраст, ни на статус, ни на национальность.

Дело было в том, что за прошлый год у него овдовела одна дочь и умерла вторая — упала с коровы и сломала шею. С тех пор он не выносил женских слез и готов был сделать что угодно, лишь бы успокоить несчастную. Да и письмо, адресованное Альку Хаскилю, он читал, и байки о Рыси и Вернувшемся тоже слышал, справедливо полагая, что истина где-то рядом. Скорее всего, пришёл он к выводу, ничего такого в них нет, они просто несчастные, вечно их друг от друга отводит, и произошедший на его глазах эпизод их жизни был тому ярким подтверждением.

Когда путник засиделся в своем кабинете за полночь, за ним пришла жена, благо, жилище Главы Пристани в Чеговицах располагалось в том же здании с другой стороны.

— Я тебя заждалась, — с укоризной бросила сухопарая, рано постаревшая саврянка. Вообще-то она была привычна к задержкам мужа. Раньше он и подавно редко бывал дома, всё больше по трактам разъезжал, но в последние семь лет осел, приняв управление Пристанью. Но сегодня женщине не спалось.

— Тут... беда приключилась, — признался муж, указывая на девушку, спящую в обнимку с мечами, — Девочка вот... Плохо ей, — старик едва сдержался, чтобы не пустить слезу.

Жена путника принялась.

— Так она ж пьяная! — склонив голову на бок, заметила она.

— Так я и напоил, — не стал отпираться путник. А потом рассказал жене вкратце всё, что видел и понял.

— Почему ж ко мне не привел? — выслушав, спросила жена, — Я б хоть уложила нормально...

— Ей сейчас всё равно, где спать, — махнул рукой мужчина, — Слезами умывалась, сердешная. Её бы воля — поехала с ним, не раздумывая, да вишь ты, служба. Служба... — он помолчал, вспомнив горестный момент из своей жизни. — Она плачет, никак не успокоится, а он тоже стоит, лица на нём нет. И туда надо — дитё с женой помирают, и тут не бросишь. Сам чуть не плачет... А потом мечи ей отдал и уехал. Знаешь, кто он?

— Кто же?

— Посольский сын. А она из весчан, ещё и из Ринтара. Небось родители его им пожениться не дали, вот и мечутся теперь, бедолаги, — он снова помолчал, борясь с комом в горле. — И чего к детям лезть? Сами разберутся... — и всё же пустил слезу, хотя и сразу её отер.

— Уж и не юная, — вздохнула женщина.

— Где ж тут юность, раз уже путница? Лет тридцать, почитай... Пошли уж, пусть спит. Утро вечера мудренее, — Глава Пристани поправил на девушке покрывало, подул на свечу и вышел вслед за женой.

*

Рыске снился сон.

Она — и вроде не она входила в покои ее величества. Она — и вроде не она, как всегда, при оружии и с длинными чёрными косами открыла дверь в комнату для совещаний, ту самую, у лестницы, вошла, поприветствовала тсарицу. Косы привычно хлестали по спине при каждом шаге.

Исенара встала ей навстречу — и тут стало темно.

...А когда лампы снова загорелись, её величество, вся окровавленная, лежала на полу возле кресла. Алые капли расплескались по светло-бежевому ковру...

— Ваше величество, нет!!! — закричала она — теперь уже точно она.

А потом вбежали стражники, заломили за спину руки и потащили вниз по лестнице.

— Это не я! Не я! — слышала Рыска свой голос.

Но её никто больше не слышал...

...А потом открыла глаза.

Было так темно, что Рыска не сразу и поняла, где находится. Руки онемели, сжавшись на чём-то длинном и холодном. Пошевелилась и упала с узкого топчана, неплохо приложившись об пол боком, бедром и виском. Была бы трезвая, поранилась бы. Одновременно с падением, раздался жуткий звон.

Рыска с трудом поднялась, потирая ушибленное и шипя от боли. Зато сразу вспомнила, где она.

Мир был настолько нереальным и чужим, словно она впервые попала сюда.

В кармане обнаружилось огниво, на столе нашлась и свечка. Путница высекла искру, затем осветила комнату. На глаза попался старый гобелен, пыльный и рваный, зато изображающий лесное озеро и пару лебедей с птенцами.

— Эх, лебеди, птицы белокрылые... — прошептала она сама себе.

Все вспомнилось...

Рыска, шатаясь, подошла к мечам, бережно подняла их, словно это были не мечи, а её родные дети, уложила их на топчан и уселась рядом.

Чем дальше разлука, тем радостнее встреча, но тем тяжелее будет новое расставание.

Кто это сказал? Кто-то из великих.

И оказался прав, потому что теперь ей было намного хуже, чем раньше, до этой встречи.

КАК ЖЕ БОЛЬНО!!!

Как будто все нутро выдрали. Ничего не осталось... Пустая жизнь, ненужная.

И не носить бы ещё дар (и кто его даром только назвал?), не иметь понятия о завтрашних злоключениях — так нет же, всё известно наперед... И чем дальше, тем точнее. Кажется, можно что-то изменить, но либо выбор не велик, либо приходишь другим путём к тому же самому разбитому корыту.

С годами напрашивался вывод: а стоит ли вообще что-то менять? Может быть, жизнь и даётся только для страдания?

Но как же подло — после таких дней, после таких слов снова остаться одной! И как оказалось, если прощаешься по-доброму, то это ещё больнее, чем расставание со скандалом. Слез, во всяком случае, проливается ещё больше, ведь плакать о том, кто струсил — недостойно, о том, кто бросил — стыдно и глупо, а о том, кто уехал к умирающим родным и поклялся вернуться?.. В самый раз, но ещё горше.

Слёзы снова потекли по щекам, словно вопреки воле хозяйки.

Поднявшись, Рыска вышла на улицу, решив немного пройтись по двору. Может быть, на свежем воздухе станет хоть немного легче, хотя бы алкоголь слегка отпустит?

...Судя по положению луны, время близилось к рассвету, но, видимо, неплохо вчера приложилась к стакану, раз до сих пор так плохо.

Прошла по двору, присела на скамейку, взглянула на небо. Всё та же луна, что светила им двоим в Зайцеграде, стояла над городом, но от неё осталась половинка. И на неё хотелось выть...

Стоило лишь представить Алька, как в виски стрельнула боль, да такая сильная, что она чуть было со скамейки не упала, но справилась, отдышалась. Вроде прошло... Это временно, подумала Рыска. Это из-за похмелья. Завтра всё пройдет...

Она поднялась, прошла по двору. Дождь давно закончился, но ночь была холодная. Холодно вообще в ней, в этой Саврии... И как они тут живут? А замок Хаскилей ещё и севернее, полтора-два дня пути отсюда.

...А потом даже представлять не понадобилось — само пришло: благообразный старик-саврянин в белых одеждах развел руками и отошел от постели больной. Светловолосая девушка лежала, раскинув руки с закрытыми глазами, а на лице её застыл покой...

Не успел Альк. Умерла она... Наверняка он уже знает, так помоги ему, Хольга... Успокой его, защити.

Что её саврянин благополучно доберётся до замка, путница точно знала. Беда была совсем не на этой дороге.

Она должна была случиться дальше... Намного дальше. Слишком далеко. Там, где поменять его дорогу будет невероятно трудно.

А потом, если предположить, что всё получится, их дороги надолго разойдутся. Возможно даже навсегда...

Всем путникам известно: если планируешь с кем-то совместное будущее, никогда не

выбирай развилку. Он непременно разведёт в разные стороны... Но у них и выбора-то считай не было. Другие дороги на самом деле были ещё хуже этой... Если бы она последовала за ним вчера, беда случилась бы не только с ним и не только здесь. А вот с кем ещё, пока было так и не ясно.

Теперь же по крайней мере есть хоть небольшой шанс — и для них двоих, и для всей страны.

Мелодия вплелась в сознание как-то внезапно, словно ниоткуда. В голове это звучало или на самом деле? Наверное, всё-таки, кто-то где-то пел, потому что слова были другие и на саврянском языке. Не узнай она мотив, и не поняла бы даже, что это за песня.

Рыска подошла ближе к забору, обняла одной рукой дерево и прислушалась. Пели совсем рядом.

Завтра наше время закончится...

Похоже, Альк, наше с тобой завтра было вчера...

Не судьба нам быть вместе, и ты понял это ещё тогда, много лет назад, потому и не подпускал меня близко так долго.

... Следы мои ветром сгладятся...

Невозможно горевать всю жизнь, и если ты ушёл навсегда, то я тоже рано или поздно успокоюсь, приму своё одиночество, стану жить дальше... Тем более, такое уже было.

Я не хочу этого...

Упав на колени и вцепившись в древесный ствол, она снова разрыдалась, на этот раз беззвучно и судорожно. Тот вечер в Зайцеграде, в кормильне “Очаг”, представился так отчётливо, словно щепку назад там была... Вот когда она поняла, что значит для неё этот человек: в тот самый момент, когда испытала одновременно и страх за него, и ревность, и благодарность за спасение, и отчаяние, что скорее всего не сможет помочь.

И эта песня... Такие не приходят на ум просто так. Они всегда навеяны душевными переживаниями, а значит, он тоже боялся, что в любой момент они могут расстаться навсегда. Почему она поняла это только теперь, через столько потерянных лет? Ведь он пел ДЛЯ НЕЁ, и эту песню, и другие. Права была её величество...

Её величество?!

Рыска резко вскинула голову. Она ясно увидела, кому ещё грозит беда и почему ей срочно надо возвращаться в Ринстан.

Произошло нечто непонятное, и в голове путницы всё сложилось в одну чёткую картинку. Рыска вдруг поняла, с кем имеет дело.

Полукровка, талантливая девушка, одинаково хорошо владеющая и оружием, и даром. Закончила Пристань с отличием два-три года назад... Они не дружили и не общались с Рыской, но её подруги называли её Витка.

Виттора. Тсарица-видунья. Дочь покойного тсаря Ринтара и саврянской княжны. Законная наследница Савринтарского престола в случае смерти Шареса и Исенары и их детей. Дело за малым: эту смерть организовать. И не понадобится никакого войска, если она сумеет подобраться к монаршей семье.

Каким образом Виттора собирается это сделать, пока является вопросом, но намерение её ясно и без всякого дара, иначе зачем ей в Ринстан? Уж не родню повидать, это точно. Да и не бывает таких совпадений. А уж что дар все эти соображения подтверждает, нечего и говорить.

В следующую щепку Рыска поднялась и быстрым шагом направилась к крыльцу

гостиницы.

Жаль, что они с Альком снова расстались, но ведь она и не надеялась, что будет иначе. Просто расслабилась слегка. Просто судьба дала им возможность увидеться и... попрощаться?.. И не о чем тут жалеть: оба всё знали, оба чувствовали. Что не забыть его уже до самой смерти, давно ясно, иначе забыла бы уже. Хорошо, что простились наконец по-доброму, с надеждой на лучшее, хотя путникам надежда и не полагается.

Но надо жить дальше.

И думать о личном — не время. Нужно спешить в южную столицу, прямо сейчас, не дожидаясь утра, потому что счёт, похоже, идёт на дни. Поздно может стать в любой момент, потому что Виттора выехала из Чеговиц ещё вчера — эх, догадаться бы, выехала бы следом, вместо того, чтобы реветь тут и напиваться!

А перед Главой Пристани как неудобно! Напилась ведь как свинья! Даже как спать ложилась, не запомнила. А вообще, спасибо старому путнику огромное, не остался глух к её страданиям. Хороший, наверное, человек. На учителя чем-то похож, как похожи между собой все неравнодушные к чужой беде, хорошие люди, невзирая ни на возраст, ни на пол, ни на... цвет волос...

Рыска вернулась в оставленную комнату, зажгла масляную лампу, начала спешно собираться в дорогу и... не обнаружила на месте своих мечей. По-хорошему, нужно было прямо сейчас поднять на уши всю Пристань, но ей было не до этого: уверенность в том, что её предположение по поводу Витторы верно крепко с каждой щепкой, и поэтому нужно было торопиться. Мечи, безусловно, жалко, она их не просто купила в оружейной лавке, а заказала год назад, отдала за них довольно круглую сумму и очень к ним привыкла. Да только чтобы выяснить, куда они подевались, нужно будет остаться здесь ещё на некоторое время, да и это вряд ли поможет. Тем более, сама виновата: дверь надо было закрывать!

Потом можно с этим разобраться. Да и оружие у неё теперь есть. А вот времени — нет.

Рыска подхватила сумку, взяла крысу и вернулась в кабинет Главы Пристани за мечами.

Старый путник уже проснулся и вошёл в кабинет следом за ней.

— Ты как, девонька? — спросил он печально. Видно было, что он не проснулся рано, а вообще ещё не ложился, переваривая печальную историю, произошедшую на его глазах.

— Всё уже хорошо, — учтиво кивнула Рыска. — Большое вам спасибо! — она закинула на плечи Альковы мечи и сразу же прогнулась немного назад. Ну и тяжёлыми же они оказались! Но было не до выбора. Других теперь не было.

— У меня мечи украли, разберитесь пожалуйста, — бросила девушка уже из дверного проёма, на ходу.

— Как?! — воскликнул путник, идя за ней следом, — Давай я сейчас всех подниму, выясним!

— Думаю, уже поздно. Я, кажется, догадываюсь, кто их взял.

— Кто?!

— Некая Виттора, — сообщила Рыска и остановилась. Да, конечно, следовало рассказать Главе Пристани подробнее! — Она вчера здесь была. Не ночевала, только поела. Такая же полукровка, как я. Она ренегат, — и путница рассказала то, что имела право рассказать, предъявив для подтверждения своих слов царскую грамоту.

— Я понял, — выслушав и помрачнев, произнёс мужчина, — Я сообщу в Северную столицу, — пообещал он.

— Да, конечно, а мне пора в путь. Я теперь тороплюсь, — произнесла Рыска, уже

направляясь в нетопыриный сарай, — Я и сама попытаюсь встретиться с ней и... пообщаться, — она улыбнулась, открывая дверцы стойла, — Лада, подъём! — позвала она, и животное, по-кошачьи потянувшись, поднялось на лапы и, подойдя к хозяйке, потерлось мордочкой. — Ах, ты моя красавица! — похвалила её Рыска, почесала нетопыриху за ухом и сняла со стены седло.

— Красивая какая, — заметил Глава Пристани, — Моя сдохла в том году... Дорого они сейчас стоят?

— Я не знаю... — покачала головой Рыска, затягивая седло на Ладе, — Я не покупала её. Мне Альк подарил, — сказала она, и лицо её на миг словно осветилось. Душа наполнилась тихой нежной грустью. — Как думаете, встретимся мы с ним ещё? — спросила она у старика, глядя в его глаза прямым взглядом.

— Не знаю, девонька, — покачал он головой, отворяя ей ворота на улицу, — Но от всей души желаю этого. Вам обоим.

— Спасибо вам за всё, — ещё раз повторила путница, вскакивая в седло.

Старик кивнул и помахал ей рукой на прощание.

Рыска пришпорила Ладу, и та, хорошенько отдохнувшая, молодая и здоровая, с удовольствием сорвалась с места, проскакала до городских ворот и, радуясь дороге, а особенно тому, что впереди лежал крутой спуск, расправила крылья и спланировала вниз. Всадница еле сдержалась, чтобы от неожиданности не завизжать, когда почувствовала отрыв от земли.

— Ну ты даёшь! — только и сказала она, похлопав скакунью по шее. Та на миг обернулась, хитро взглянув на хозяйку: “Я что? Я ничего!” — и устремилась вдаль. — Жаль, ты в самом деле летать не умеешь, придётся паром через реку ждать, — посетовала Рыска.

Небо уже было совсем светлым, звёзды меркли. Луна ушла. Природа начинала просыпаться. В кронах деревьев робко запевали свои утренние песни ранние птицы.

Путница на нетопыре мчалась через сонный лес и думала лишь об одном: успеть. Не дать врагу добраться до столицы! Остановить любой ценой.

Она была уверена: всё получится. Даже при том, что её самый надёжный друг теперь далеко. Даже при том, что его мечи слишком тяжелы для женской руки. Зато они есть.

Когда-то Альк говорил, что может сражаться на всём. На чем угодно.

— Я тоже теперь могу, — тихо, сама себе, сказала она, — Я теперь всё могу, Альк.

===== Глава 18 =====

Когда ясное, омытое вчерашним дождём утро превратилось в солнечный, ветренный день, а Рыска благополучно миновала Рыбку, настроение стало почти хорошим, ибо солнечный свет прогнал сомнения прошедшей ночи. Мимо, как и прежде, мелькали леса и поля, ехали и шли по своим делам незнакомые люди, навстречу летела обожаемая путницей дорога, позади оставалась вешка за вешкой, в голове была чёткая цель, и на сердце стало легче. Сомнения ушли, а обещанное показалось вполне осуществимым.

Конечно, было невероятно жаль несчастную женщину и малыша, но с этим уже невозможно было что-либо поделать.

Однако Рыска правильно поступила, не поехав с Альком. И дело было даже не в том, что ей следовало торопиться в Ринстан. Дело было в том, что если бы поехала, то презирала бы себя за это: ведь никто, считала она, не должен утешаться после смерти жены с любовницей. Это гадко и мерзко, всё равно, что пировать на поле побоища.

Теперь, когда ревновать Алька к жене больше не требовалось, Рыска испытала жалость

к Дамире. Похоже, у несчастной девушки от рождения была плохая дорога (наверное, Хольга так решила), и если бы не муж-путник, закончилась бы эта дорога намного раньше, ещё добрый десяток лет назад. Ни детей ей богиня не дала, ни счастья женского. Это с одной стороны. Но в жизни всё двойко, и если взглянуть на ситуацию иначе, такой удаче можно и позавидовать. Правда ведь, если разобраться, многие ли могут похвастаться тем, что сбежали из дома в столицу в одних портках и почти тут же отцепили себе в мужья богатого, знатного, благородного, да ещё и мудрого и красивого господина? Рыска, например, всего только одну такую же знала — себя, и то, она-то женой так и не стала. Хотя познала любовь, а это дорогого стоит.

Любовь...

А ведь были времена, когда Рыска вообще в неё не верила, считала выдумкой, чем-то, что придумано лишь для красоты... Как резные наличники на окнах: вроде и красиво, а толку от этой красоты нет. Замени на обычные тесовые доски, и ничего не изменится.

Был и момент, совсем недавно, кстати, когда девушка считала, что этому чувству в её жизни места больше нет. А теперь понимала: есть, и всегда было. И жить без любви вообще невозможно! Никому.

В молодости любви ждёшь — бессознательно, ещё не понимая, для чего она тебе нужна. В зрелости только ей одной и дышишь, даже если она вот такая, неправильная, как у них с Альком. В старости любовь, наверное, переходит в другое качество — этого она пока не знала. Но только когда она есть, и стоит жить!

Жизнь наполняется смыслом лишь от одного осознания того, что ты кого-то любишь. И невозможно описать то, что происходит в душе, когда понимаешь, что тебя тоже любят! Это даёт силы и жить, и бороться, и ждать.

Слова Алька она запомнит навсегда, даже если больше его не увидит. Такие слова как бриллианты: их трудно добыть, но невозможно недооценить. И ждала этих слов она слишком долго... Но ведь дождалась!

Надо же, “клянусь честью Хаскилей”! Ещё бы что другое могло вызвать сомнения, но если он поклялся честью рода... Для него это очень важно! Такую клятву не выполнить он не может, разве что действительно помешает смерть... Жаль вот только, что и смерть эта весьма вероятна.

Снова навернулись слёзы, но Рыска приказала себе думать о хорошем. Когда настанет время, она почувствует, что нужна её помощь. Иначе и быть не может. И тогда — дело за ней. И она всё сможет. Должна. Обязана.

Даже если самой ей после этого уже не быть собой или вообще не жить...

Дай только богиня успеть до этого спасти её величество или хотя бы предупредить. А уж если всё получится...

Если всё получится, тогда останется ждать, и она дождетя.

Улыбнувшись, Рыска решила немного помечтать, чтоб стало радостнее на душе. Да и не мешает это в пути, наоборот, дорога проносится незаметнее.

Итак, Альк теперь вдовец, и, как это ни печально и ни цинично, ей, Рыске, это на руку. С его стороны больше нет никаких преград. Они могут пожениться, как только всё закончится и уляжется.

Девочка, которую воспитывают Хаскили вместо умершей когда-то малышки, по закону — дочь Алька. И если все срастется, Рыска приложит все усилия, чтобы завоевать её любовь, чтобы она и в мыслях не считала себя в чем-то обделенной. Жить без матери плохо, Рыска

знала это не понаслышке, ощутила на себе. Она будет относиться к Иоланте как к родной, добьётся, чтобы малышка называла её мамой не потому, что она, Рыска, жена её отца, а потому что хочется её так называть.

А в своей жизни навести порядок ещё проще: она теперь разведётся с Тамелем во что бы то ни стало. Надо думать, её величество поможет, даст разрешение на развод. Пусть Тамель тоже будет счастлив со своей женщиной, тем более, у них уже есть ребёнок. Она не держит на мужа никакого зла и не имеет к нему претензий. Если разобраться, в том, что их жизнь не сложилась, Рыска виновата сама. Делить им нечего, пусть он идёт своей дорогой. Она даже подкинет ему немного денег: пусть поднимет хозяйство. В конце концов, не чужой, пять лет из жизни не выбросишь.

А Альк... У Рыски аж сладко защемило в груди. Сын помнил мужчину, подарившего ему кольцо. “Тот, которого зовут как меня” — называл он его в своих рассказах, которых великое множество сочинял для товарищей. Да и как ещё могли звать человека, которым мальчик восхищался? Только одно имя приходило на ум: то самое, которое сам он с честью носил и которым гордился — ведь во всей веске ни у кого больше такого не было, и наверное, во всём Ринтаре!

Детские впечатления очень сильные, и Альк запомнился сыну навсегда, при чём запомнился былинным героем, бесстрашным воином. Всё, чего сын о нём не знал (вернее, абсолютно всё), легко придумалось. И, надо сказать, уложилось в образ. То ли мальчик чувствовал даром всё то, что рассказывал друзьям, то ли нафантазировал, но это до того было похоже на произошедшие в действительности события, что Рыске и возразить было нечего. Да она и не собиралась.

— Окороти ты его! — не раз просила её тётя, — У него эти рассказы с языка не сходят!

Но путница лишь улыбалась, качала головой и говорила:

— Пусть рассказывает. Ему же надо кем-то гордиться.

И теперь просто представить себе невозможно размер радости мальчика, когда он узнает, кем ему приходится его герой!

Рыска вздохнула. Дай божиня, чтоб эти сведения не стали посмертными. Но в любом случае, она расскажет сыну об отце в ближайшее время, если это будет в её силах. Альк уже совсем взрослый и очень сообразительный. Он и в пять-то лет многое понимал не по возрасту. Возможно, он даже догадывается обо всём, ибо Тамеля своим отцом он никогда не считал и не называл. Теперь, наверное, сообщить ему самое время.

И она сделает это. И ещё отдаст ему мечи.

Рыска поправила перевязи оттянувших плечи клинков. Такое оружие носить — большая честь. Рыска и раньше знала, что саврянские мечи из замка Полтора Клинка выше всяческих похвал, а теперь, годы спустя, научившись разбираться в оружии, подтверждала это уже с другой точки зрения. Прекрасные клинки. Ей самой, конечно, не по руке — слишком уж длинные и тяжёлые, но так они и не для неё! Себе она купит другие, как только доберётся до столицы. А эти, как Альк и обещал, достанутся их сыну. Пусть ребёнок радуется. И — как там сказал Альк? Чем раньше начать обучение, тем лучше? Добро, она так и поступит. Сначала парню будет тяжело, но он привыкнет. Тем более, он же не останется маленьким навсегда. На то он и ребёнок, чтоб расти. Да и наследственность у него хорошая: еще пара лет — и перерастёт свою маму. Станет таким, как отец — высоким, широкоплечим. Сильным. Обучит она его и сама. В Пристани есть книги на соответствующую тему: возьмёт, разберётся, чай, не дура, заодно и свою технику улучшит.

И всё у них будет хорошо.

Только бы всё получилось...

До столицы оставалось что-то около сотни вешек, что при хорошей скорости на нетопыре преодолевалось за сутки непрерывной скачки, когда Рыска уснула в седле и чуть было из него не вывалилась. Следовало признать: она очень устала, и не только она. Лада тоже дышала тяжело и припадала на переднюю правую лапу. Похоже, намяла мозоль либо занозу загнала.

Помянув Сашия, путница спешила, осмотрела лапы своей боевой подруги, вытащила занозу, а потом стала осматриваться по сторонам в поиске места для отдыха. Кстати, перекусить чем-нибудь тоже было бы совсем не лишним.

Погода была вроде бы и неплохая, солнечная, но ветер при этом дул мерзкий, пронизывающий. Спать под деревом совсем не хотелось. К тому же, свинцово-серые тучи снова заходили с северо-востока.

Хорошенько осмотревшись, Рыска заметила-таки город и направилась туда, на въезде сообразив, что она здесь уже бывала. Это был тот самый город, где они с Альком и Жаром спасли когда-то от виселицы господина лекаря, якобы укравшего жемчуг у госпожи Лестены, любительницы ночных перекусов.

Улыбнувшись своим воспоминаниям, девушка решила поесть и отдохнуть там. Время приближалось к вечеру, и она собралась поспать до полуночи, а потом снова трогаться в путь. Жаль, человек, хоть путник он, хоть нет, не может долго без сна и еды, да и нетопыри, к сожалению, не железные. А иначе она скакала бы без отдыха и к завтрашнему вечеру добралась бы до Ринстана.

Надо думать, виной всему была её усталость, потому что дар ничего ей не подсказал...

Стоило Рыске войти в кормильню, как народ во главе с вышибалой оттуда вымело подчистую, и при этом в глазах людей читался такой священный ужас, что она слегка оторопела. Но та же усталость помешала понять, что же произошло.

Путница подошла к стойке, хотела было заказать себе обед и спросить о комнате, но хозяйка кормильни, к стати, той самой, в которой Альк весьма неласково, но очень быстро добыл необходимые им сведения, вскочила и бросилась на улицу через чёрный ход.

Не успела девушка понять, что же происходит, как дверь с треском отворилась и на пороге появилось трое стражников с мечами. Ещё двое зашли с чёрного хода. За спинами блюстителей закона маячили горожане с вилами, дубинами и топорами. В окнах тоже потемнело от обилия народа на улице. Прямо-таки облава на волка! Нестройный гомон напоминал жужжание пчелиного роя.

— Что происходит? — возмутилась Рыска.

— Она ещё спрашивает! — рявкнул начальник караула.

А затем сунул ей под нос подписанную наместником грамоту. — Читай давай! — велел он, — Да скажи спасибо, что мы успели вперёд народа, а то живо бы тебя на вилы насадили!

Рыска пробежала написанное глазами, и её прошиб холодный пот.

Грамота была ни чем иным, как предписанием на арест путницы-полукровки, содержала подробное описание её примет и имела пометку внизу красными чернилами: “взять живой или мёртвой”.

— За что? — опешила Рыска.

— За побоище на рынке. За убийство с особой жестокостью двенадцати человек, в том числе одного ребёнка, и ранение более чем полусотни. За порчу и грабёж, учиненные в

городе. И, конечно, за осквернение путничьего звания.

— Я этого не делала! — возмутилась Рыска, — Я вообще приехала меньше лучины назад!

— Да что вы с ней разговариваете! Прибейте её — и дело с концом. За такое только убивать и надо! — выкрикнул кто-то из толпы, и народ подхватил призыв:

— Убейте её! Убейте! — вопили люди, потрясая своими орудиями.

— А ну всем молчать! — гаркнул начальник караула, — Никто никого убивать не будет! На то есть палачи. И судьи, чтобы решить. Может, это и не она вовсе, просто приметы совпали...

— Она это, она! — взревела толпа, — Полукровка саврянская! Прибить её! Зарезать! Не части разорвать!

Стражник оглядел девушку.

Два дня назад, когда произошло побоище на рынке, была не его смена, и он спокойно сидел на речке с удочкой. Неизвестная путница, по описанию очень похожая на эту, ни с того ни с сего выхватила среди рынка мечи и начала крошить всех и вся, без разбору. Подойти к ней никто не смог: клинки вертелись, словно мельница. За десяток щепок полегла уйма народу.

Наигравшись, кровожадная девица сдёрнула с груди одной знатной горожанки медальон с рубинами и толкнула женщину так, что та пролетела до ближайшей стены и ударилась о нее затылком. В сознание дама не пришла до сих пор.

После всего убийца вскочила на свою зверюгу и пустилась наутек, по дороге покалечив ещё пару человек.

Пока стража добралась до места происшествия, злодейки давно простыл след.

— Подождите! — Рыска подняла вверх руку. — У меня есть царская грамота! Я здесь по поручению короны!

— Что, людей по её поручению убиваешь? — прорвался голос из толпы.

— Да не убивала я никого! Вот грамота, сообщите в столицу! Известите её величество! — сорвалась на крик Рыска и полезла в кошелёк.

Однако грамоты на месте не оказалось.

Зато вместо неё на пол из кошелька выпал золотой медальон с рубинами...

— А ну, быстро за мной, оружие сдать, руки за спину! — велел стражник и добавил тише, — Лучше пошли по-хорошему. Толпа тебя растерзает сейчас!

Рыска метнула взгляд в окно, на запруженную народом улицу, взглянула на дороги, насколько это возможно было в такой толпе... Ей ничего не оставалось, кроме как скинуть перевязи с ножами, отдать их стражнику и безропотно позволить себя увести.

Вот теперь она, похоже, действительно везде опоздала.

*

С его отъезда из Чеговиц дождь не прекращался ни на щепку. Альк вымок до нитки, едва не загнал нетопыря, но остановиться так себе и не позволил, преодолев двухдневный перегон за сутки.

Что Дамира умерла, он почувствовал уже давно, и с горечью отметил, что ему практически всё равно. Не более чем чисто человеческая жалость слабо шевельнулась в его душе, тут же сменившись новым предчувствием, таким тяжёлым, что даже смерть маленького сына, которого он не то что не видел, а даже не знал о его скором появлении,

отошла на второй план. Что толку рвать себе сердце, назад не повернёшь. А вот не явиться на похороны — это было бы бесчестьем с его стороны. Да и не в этом было дело, а в том самом предчувствии огромной беды. Похороны, безусловно, вещь ужасная. Но то, что должно было последовать за ними было ещё ужаснее, и это он осознал по дороге. Теперь нужно было торопиться в замок, и не только из-за похорон.

Он должен был повидаться с родными и понять, кому из них грозит смерть. А смерть в самом деле грозила, и, похоже даже не одному человеку, а как минимум двоим. Что к чему, он пока не понимал, нужно было быть ближе, и он торопился.

К вечеру следующего дня, вымокший, усталый, замёрзший Альк ступил, наконец, под родной кров. И сразу понял, что случится, когда и с кем.

Выслушав соболезнования от родных и посмотрев на покойных супругу и сына, уже умытых и уложенных в гробы, уточнив детали похорон и отдав слугам некоторые распоряжения, Альк поспешил отыскать своего старшего брата Эдгарда.

Надо сказать, за прошедшие десять лет, с тех пор, как Альк вернулся домой живым и здоровым, братья почти не общались. Да и раньше, ещё до побега Алька из дома, они не были особенно близки, что и немудрено было при такой большой разнице в возрасте: Эдгард был на десять лет старше Алька, в детстве сильно задира́л нос, не желая водиться с “мелким”, а потом и детство прошло. Эдгард женился и уехал в восточную часть страны. Альк на следующий же год сбежал из дома. Когда наступила взрослая жизнь, общаться оказалось незачем и не о чем.

И тем не менее, а может быть, как раз поэтому, Эдгард был единственным из семьи, кто не простил Альку его уход в Пристань.

Многие, впрочем, подозревали, что Эдгард в тайне завидует младшему брату: и дар у него, и родители его больше всех любят, и родовой замок тоже почему-то полагается Альку после смерти родителей (завещание отца Эдгард видел своими глазами). Альк всё это тоже знал, и ему это льстило. Однако вслух ничего подобного никогда не говорилось, никто ни с кем не ссорился, и теперь, чувствуя большую, несоизмеримую с такими мелочами жизни беду, Альк решил в кои веки раз наступить на горло своей гордыне, благо, повод был достойный.

Итак, Эдгарда Альк нашёл в кабинете отца: он беседовал с отцом, сидя у камина. Отец и брат поприветствовали Алька, тоже выразили соболезнования, и путник отметил: плевать они оба хотели и на Дамиру, и на ребёнка. Никому несчастная девушка здесь была не нужна, ни живая, ни мёртвая. И если ни мама, ни сестра никоим образом не выражали этого, стараясь быть милыми и дружелюбными, то отец невестку вообще не замечал. Хотя внучку полюбил. (Интересно, что бы он сказал, если бы узнал о ней правду?) Эдгард же попросту ни разу в глаза не видел жену брата.

Альк вдруг подумал: а что за жизнь была у его покойной жены? Она жила в огромном замке, где кроме дочки у неё не было ни одного родного человека, целыми днями умирала от безделья. Как будто в клетке золотой... И столько лет! Она была тихой и кроткой, никогда ни с кем не спорила и ничего не просила. Не предъявляла ему, своему мужу, никаких претензий и не ждала его ласки. Радовалась, когда приезжал и молча плакала, провожая. Она даже по имени его по началу назвать не могла — величала господином, пока он в довольно жесткой форме её не окоротил. Лишь однажды она очень настойчиво просила его поехать к её сестре, но это было продиктовано страхом предстоящих родов. Всё остальное время Альк её почти не слышал. В постель с ней он лёг всего несколько раз за почти семь

лет так называемой совместной жизни...

От такой “жизни” повеситься можно, подумал Альк. И это он ей такое устроил! Именно за это Хольга и покарала — не дала детей.

Он горько усмехнулся. Богиня покарала его, а плохо снова было Дамире. Конечно, она всегда могла уйти, но ведь Альк прекрасно знал, что она этого не сделает, а выгнать было стыдно.

И теперь было стыдно. Но эти угрызения совести обещали остаться уже до конца жизни.

— Выпьешь? — спросил Алька отец, беря со стола бутылку.

— Благодарю, не надо, мало ли, что ты нальёшь? Мне сейчас не до сна, — как обычно, съязвил Альк.

— Ты опять? — возмутился отец, — Я уже извинился сто раз!

— Лучше бы один раз не делал, то, за что пришлось бы извиняться... Ладно, наливай, — разрешил Альк, присаживаясь в свободное кресло поближе к огню.

— Ты хоть бы переоделся, что ли, — проговорил господин Хаскиль, покосившись на сына.

— И так сойдёт, — махнул рукой тот.

— Ещё заболеешь, как тогда.

— Надо же, какой заботливый! — Альк усмехнулся и добавил. — Ничего со мной не будет, мне сейчас не до этого. Эдгард, я вообще-то, с тобой хотел поговорить.

Брат удивлённо поднял брови.

— О чём? — спросил он с неподдельным интересом.

Раньше они больше положенного не общались.

— О той грамоте, что ты получил на днях и о том, куда ты направляешься. Я прошу тебя туда не ездить, — жёстко произнес Альк.

Отец лишь вздохнул. Он уже всё знал; об этом они со старшим сыном и говорили.

— Это почему ещё? — надменно спросил брат, до того похожий на Алька, словно они были близнецами.

— Потому что тебя убьют на Северном побережье. И тебя, и твоего сына.

Эдгард хмыкнул.

— Так на то и война, чтобы ходить под смертью. Тем более речи о ней пока нет. Просто готовность войск.

Альк на миг остекленел взгляд.

— Война точно будет. И начнется она именно там. На твою долю этой первой волны вполне хватит, — произнёс он, глядя брату в глаза, — Ты погибнешь, если поедешь. Девять из десяти.

— Много ты понимаешь, — фыркнул брат, — Не верю я в твои предсказания и во всю вашу хрень! — изрёк он, — Придумали ерунду какую-то и балдеют от неё! Ещё и деньги с людей стригут! Моя бы воля, позакрывал бы ваши Пристани к Сашию.

Понимая, что не добьётся ничего, Альк обратился к отцу:

— Запрети ему! — он показал на брата рукой, и тот расхохотался.

— Вам запретишь... — вздохнул отец, — Запретил уже раз... До сих пор расхлёбываю, — с горечью сказал он. — Нет уж, теперь сами думайте и разбирайтесь.

— Его убьют, отец! — заорал Альк, — И в этом буду виноват я!

— Ты и не только в этом виноват, — устало произнёс брат, откинувшись в кресле, — Ты как сбежал в свою Пристань, так у всей семьи до сих пор одни несчастья. Так что одной

бедой больше, одной меньше — какая разница? Да и на каком основании я могу не явиться на сбор войск? Это ты у нас вольный наёмник, а я военнообязанный, тут без вариантов.

— Давай я тебе руку сломаю! — зло бросил Альк.

— Попробуй! — Эдгард поднялся, встал напротив Алька.

— Запросто! — сверкнул глазами Альк, тоже поднявшись из своего кресла.

— А ну, прекратите! Не хватало мне здесь ещё ваших разборок! — окоротил их отец, —

В доме двое покойных, имейте уважение!

Братья ещё немного посмотрели друг на друга — с ненавистью, с невысказанной злостью, с обидой или чувством превосходства, а потом Эдгард резко развернулся и направился к выходу.

— Хотя бы сына с собой не бери! — безнадёжно крикнул Альк ему вслед.

— Пошёл к Сашию, — буркнул брат и исчез за дверью.

Альк вздохнул и сел обратно в кресло, чувствуя себя выжатым до капли. Он заранее точно знал, что брат его не послушает. Как и тогда, когда просил деда о помощи...

И что теперь делать? Племянника уговаривать нет смысла, он подчинится отцу. Остаётся лишь безучастно смотреть, как оба они погибнут...

Альк вдруг вскинул голову. Кое-что сделать всё же было можно.

— Отец, я могу взять два меча из арсенала? — спросил Альк, не глядя на него.

— А твои где? — удивился господин Хаскиль.

— Сыну подарил, — гордо произнёс Альк.

— Какому сыну? — вскинулся бывший посол.

— А ты не знал? — с издёвкой спросил путник, надменно взглянув отцу в глаза, — Так у меня есть сын.

— Откуда?!

— От той девушки, которая ушла из-за тебя. Помнишь, тогда, в столице?.. Весчанка, ринтарская полукровка, — с удовольствием, смакуя подробности, сказал Альк, — Та, на которой я хотел жениться, — он сделал паузу, наслаждаясь удивлением и недоумением отца. — Она ушла, будучи уже беременной от меня. Родила его и вырастила. Одна, — подчеркнул он.

Отец фыркнул, стараясь не показать своё замешательство.

— Так может, ещё и не от тебя. Откуда ты знаешь-то? Ты хоть видел его?

Альк тепло улыбнулся.

— Видел, — кивнул он, — Я не сомневаюсь, что он мой. Она даже назвала его в мою честь.

Господин Хаскиль нахмурил брови.

— И знаешь что, отец? — продолжал путник, — Когда всё это закончится, я привезу их сюда, и мне безразлично, что ты думаешь по этому поводу, — он немного помолчал, наблюдая, как у отца вытягивается лицо. — И я на ней женюсь!

— Тебе одного раза было мало? — устало спросил отец.

— Тут другое, — со вздохом пояснил Альк, — Я её очень люблю, — во второй раз это слово произнести оказалось намного проще. — И она меня — тоже. Мы потеряли десять лет из-за тебя, — добавил он с нажимом. — И если ты снова вмешаешься...

— Хоть светлый или чёрный? — перебил господин Хаскиль, поспешно отвернувшись к огню.

— А какое это имеет значение? — Альк нахмурился, приготовившись встать на защиту

своих любимых. Вот если б раньше так мог!

Отец по-стариковски вздохнул.

— Никакого, — проговорил он горестно, — Никакого... — повторил он тише, — Если ты признал его сыном, то тогда... я... мы будем рады. Только вот мама как же? — обернувшись, спросил он, — Она с ума сойдёт!

— Она давно знает, — махнул рукой Альк, вызвав некоторое удивление со стороны отца. — А Рыска... моя... — он подумал щепку. — Моя невеста, — подобрал он слово, наиболее достойное для любимой, — Она теперь путница. Она редко будет здесь бывать, не волнуйся, — Альк поднялся, собираясь уйти. — Так можно взять мечи? — спросил он напоследок.

Отец задумчиво кивнул и со вздохом начал.

— Мы все совершаем ошибки, сын. И я тоже не исключение, — произнёс он когда-то невозможные для себя слова, что заставило Алька замереть, а затем обернуться. — А потом... за эти ошибки платим, — он посмотрел на сына. — В том, что сейчас происходит в твоей жизни, виноват я. Но я не хочу больше быть виноватым. — господин Хаскиль поднялся из кресла, подошёл к сыну, взял его за плечи, с улыбкой заглянул в глаза. — Ты у меня молодец. Настоящий мужчина, пусть и не такой, как я мечтал, другой, но настоящий. Достойный сын нашего рода. И поступки у тебя — достойные. Когда на небесных дорогах я встречусь с нашими предками, мне не будет стыдно смотреть им в глаза, ибо я воспитал хороших детей. И внуки у меня замечательные, — из левого глаза бывшего посла скатилась слеза. — А сейчас, мой сын, я хочу сделать то, что давно должен был: я благословляю тебя. На всё, что ты решил сделать. И знай: я не сомневаюсь в тебе. Я рад, что у тебя есть любимая и буду счастлив назвать её дочерью, — он помолчал. — И на то, что ты собираешься сейчас сделать — тоже благословляю. Ты ведь решил пойти с братом? Не смотря ни на что?

— Да, — ошеломлённо и слегка рассеянно ответил Альк.

— Тогда иди. Бери любые клинки, какие тебе нравятся — и иди. Постарайся, как сможешь, защитить родных. Я уверен, у тебя получится, как всегда, — отец на щепку обнял сына — и тут же отстранился, отвернувшись к камину. — Иди, — сдавленно добавил он.

Альк развернулся, дошёл до двери, но вдруг снова остановился, оглядел мрачноватое помещение с книжными полками от пола до потолка и произнёс, не глядя на отца:

— Пап, он светловолосый. Мой сын... И носит косы, как мы. Мать обучила его нашему языку. И всегда говорила ему, что он — саврянин, — и, не оборачиваясь, вышел из кабинета.

*

Дождь. Снова дождь.

Рыска была права: вероятность они перепутали. Только одного она не знала: такое случается лишь тогда, когда ошибся не один, а оба. Она не могла этого знать. Это было личное наблюдение Алька за их связкой.

Как же плохо ему было без неё! Вот сейчас бы обнять, прижаться к ней, да просто почувствовать, что она где-то рядом — и сразу стало бы легче. Голова, снова разболевшаяся с утра, прошла бы. И ещё с ней он смог бы спасти брата.

За вчерашний вечер и сегодняшнее утро Альк ещё трижды пытался уговорить Эдгарда никуда не ездить, но тщетно. Чем дальше, тем сильнее брат закусывал удила, теперь твердо решив ехать Альку на зло и совершенно не отдавая себе отчёта, что это ни при чём. В итоге путник махнул рукой.

Жаль, от головной боли так же легко не отмахнёшься.

... Два гроба, большой и маленький, занесли в фамильный склеп. Каменные створки со скрипом закрылись.

Кто-то о чём-то его спросил, а он не понял. Голова болела всё сильнее.

— Как мальчика назвать, сынок? — прорвался в сознание голос матери. Женщина дотронулась до руки сына и вздрогнула, словно ожёгшись — такой холодной была его рука. — Ты слышишь? — переспросила она.

Альк взглянул на мать и увидел её словно сквозь дымку.

— Как хотите... — через силу произнёс он и поспешно ушёл за подстриженные высокие кусты, обрамлявшие некрополь.

Не успел он скрыться за живой изгородью, как кровь хлынула из носа потоком, миг пропитав одежду и волосы, обагрив руки и траву, на которую он опустился, чтобы не упасть. А самое главное, стала ясна причина этого.

Альк привалился к стволу дерева, не замечая совершенно промокшей земли под собой, превозмогая боль, попытался сосредоточиться.

Вдруг перед ним снова возникла мать.

— Что с тобой? — спросила она и, увидев кровь, зажала рот рукой. — Опять? — догадалась она.

— С ней беда... — прошептал путник, тяжело дыша, — Там, в сумке у меня... Бутылочка чёрная... Принеси...

— Твоя сумка в замке!

— Принеси, я потерплю... Побыстрее!.. — простонал он.

Мать не стала больше задавать ему вопросов, сразу понеслась на выручку.

Чёрная бутылочка... Случайно попалась вчера на глаза... Рыска подложила, не иначе. Знала, что понадобится...

Пол-лучины показали Альку вечностью. К головной боли и кровотечению прибавились судороги. Силы оставляли его. Он почувствовал себя немощным стариком, когда попытался и не смог подняться. А кровь всё текла — обильно, толчками. Так ведь и вся вытечет...

Мать вернулась, запыхавшись. Не юная уже, за шестьдесят ей... Хотя еще вполне держится.

— Вот, — протянула она сыну пузырёк тёмного стекла.

Альк улыбнулся из последних сил побледневшей до синевы матери.

— Отойди, пожалуйста, — попросил он, — Не отвлекай меня. Всего пара щепок...

Мать шагнула за деревья, а он попытался сосредоточиться на Рыске.

Альк увидел её в тюремной камере, среди бродяг. На виске у неё запеклась кровь. Улегшись на нары, она закрыла руками лицо. Даже в таком виде она выражала не растерянность и страх, а злость и желание бороться. Губы её шевельнулись.

— Помоги мне, Альк!

Он услышал её голос так отчетливо, словно она стояла рядом. Точно так же он слышал её мысли в моменты сильных потрясений.

— Хорошо... Так легче, — прошептал он и взялся за ворот... И в тот же миг его сознание стало проваливаться, уходить, гаснуть. Он словно в вату, медленно погружался в обморок. Из последних сил он успел отхлебнуть из склянки.

“Не сдохнуть бы”, — подумал он в последний момент.

...Когда госпожа Хаскиль вновь склонилась над сыном, он с облегченным вздохом открыл глаза.

— Тебе лучше? — обрадовалась мать, — Давай, провожу тебя в замок.

— Сам дойду, — совершенно нормальным голосом, будто ничего и не было, произнёс Альк и поднялся с мокрой земли. Одежда на нём по случаю похорон была чёрная, на ней это было незаметно, а вот белые косы насквозь пропитала кровь. Проведя под носом пальцем и почувствовав запекшуюся корку, он вытер лицо рукавом. — Спасибо, мам, — сказал он. И... извини.

— Не за что! — радостно — ведь сыну полегчало! — ответила женщина.

— Это пока не за что, — пробормотал Альк себе под нос.

Но этого мать уже не услышала.

*

Когда Альк проснулся, солнце сияло вовсю. Наверное, за полдень уже, подумал он, потянулся, сел на кровати... Опа, не на кровати. На полу!

В следующий момент Альк вскочил на ноги и замер с открытым ртом.

То, что он увидел, потрясло его до глубины души. Хорошо хоть до башни дойти ума хватило, а не прямо посреди гостиной расположиться...

Покрывало с кушетки и две подушки валялись на полу. А на всём этом великолепии возлежала та, с кем он делил сегодня эту импровизированную постель. Её одежда, да и его тоже, была расшвыряна повсюду. Вот тебе и побочный эффект!

Эта женщина работала в их замке на кухне ещё с тех пор, когда Альк был ребёнком. Он помнил её молодой девушкой, и она была старше его лет на пятнадцать, грубо говоря, годилась ему в матери. В детстве она иногда рассказывала ему сказки, в юности была предметом эротических фантазий.

Что ж, исполнил мечту. Наверное...

Он ничего не помнил с тех пор, как вчера открыл дверь на кухню... Зато тело помнило: болела каждая мышца, видимо, от невероятного старания.

Альк хотел тихо исчезнуть, но не успел. Женщина открыла глаза, улыбнулась довольной улыбкой, закинула за голову руки.

— Прости, пожалуйста, — глупо брякнул он.

— За что? — улыбнувшись ещё шире, спросила женщина, — Я уже семь лет вдова. У меня этого так давно не было. А чтоб с такой страстью — и вообще никогда. Зря я тогда, лет двадцать назад отказалась, да ещё и пощечину тебе дала. Если б я знала... Это ты меня прости!

Альк не краснел уже давно. Наверное, те самые двадцать лет. А сейчас захотел прямо-таки сквозь землю провалиться. Такой случай в его жизни действительно был...

Он сцапал свои штаны, надел их и отвернулся, чтобы не видеть зазывно торчащих сосков. Судя по всему, служанка была не прочь прямо сейчас повторить. Либо просто издевалась.

— Я понимаю, что спрошу сейчас глупость, но всё же ответь, — проговорил он, присев на кушетку. — Что вчера было? После того, как я пришёл весь в крови. Я был пьяный, я не помню, — пояснил он.

— Что было? — она сладко потянулась, зевнула. — Ты попросил горячей воды, умылся... ну как умылся? Руки вымыл, лицо чуть-чуть обтер. А потом... — она умолкла.

— Что — потом?

— Ну... как тебе сказать? Взял меня прямо на кухонном столе, — заключила она.

— Кто-нибудь это видел?!

— Что значит — кто-нибудь? Это все служанки видели. Ты и их приглашал, но я решила, что мне нужнее. Увела тебя сюда, ну и... Сам понимаешь.

— Какой кошмар!!! — Альк закрыл руками лицо.

— Кстати, вином от тебя не пахло. Но это так, к сведению. Но глаза были безумные, я даже сначала испугалась, — произнесла служанка.

— А... господа где были? Из них кто-нибудь видел?

— Нет, не волнуйся, — успокоила она. Поднялась, начала одеваться. — Когда мы сюда пришли, они только с некрополя назад развернулись, вон по той дороге, — она кивнула на окно. — Да не переживай ты так, ну было и было! От меня не убудет. Служанкам я языки подкорочу, будут молчать, — она подошла ближе, посмотрела ему в глаза, участливо спросила, — Плохо очень было?

И Альк кивнул.

Женщина натянула платье, обулась.

— Когда привезёшь сюда свою, я лично каждой голову оторву, которая про это ляпнет, — пообещала она, — Надо же понимать, что можно говорить, а что нельзя... А ты не рви сердце. Всё прекрасно было. Мне даже очень понравилось, — она опять улыбнулась, без похоти, скорее, с благодарностью. — Пойду прикажу воды для тебя согреть. Лучше хоть стало? — спросила она.

— Да, — не поднимая глаз, произнёс Альк. Голова у него больше не болела, хвала Хольге. — Поесть мне что-нибудь там сообрази, — попросил он.

— Слушаюсь, господин, — поклонилась она. А потом подошла, на миг обняла его одной рукой, поцеловала в макушку. — Перестань умирать от стыда! — посоветовала она, — Всё правильно. А то хватил бы удар — и всё!

— От чего? — Альк, наконец, смог посмотреть на женщину.

— А вон от того, — она кивнула на валяющуюся в углу бутылку с открытой крышкой, судя по всему, пустую. — Считаю, легко отделался.

— Откуда ты про такое знаешь?

— А у меня сестра — знахарка.

Женщина давно ушла (ему показалось, что вприпрыжку сбежала по лестнице; напевала так уж точно), а Альк еще долго сидел на кушетке, копаясь в себе. Потом махнул рукой и оделся. Всё это мелочи, решил он. Главное он сделать смог, остальное — ерунда.

Обернувшись на пороге, он вдруг понял: если Рыска умрёт, он не сможет этого не почувствовать. Дед был прав: оставшись без Рыски, он тут же либо сдохнет, либо сойдёт с ума, и уж лучше первое.

Ну как всё не вовремя!..

*

Когда полностью готовый он спускался по лестнице, время было далеко за полдень, а точнее, ближе к вечеру. Выезжать на ночь глядя, да ещё и после бессонной ночи не хотелось чрезвычайно, но выбора ему не оставили: брат с племянником уехали ещё утром, и Альк должен был теперь спешить, если хотел их догнать.

Чувствовал он себя так, словно на нём вспахали надел целины. Вчерашняя усталость

после суток скачки показалась сущим пустяком.

— Папочка! — окликнул его детский голосок. Альк обернулся. Иоланта бежала к нему по лестнице.

Путник улыбнулся и, чуть наклонившись, подхватил дочку на руки.

— Ну, что, моя красавица, как у тебя дела? — ласково спросил он.

— Всё хорошо! — защебетала девочка, — Мои куколки уже поужинали, и я уложила их спать. А где мама? Бабушка сказала, что она уехала.

Альк пристально посмотрел в голубые глаза, продолжая улыбаться. Потом перевёл взгляд на мать, стоящую на лестнице. Она отрицательно покачала головой: не говори!

— Да, Иоланта, мама уехала, — подтвердил он, — И я тоже сейчас уезжаю. Поэтому иди к бабушке, мне пора в путь.

— А когда ты вернёшься? — беззаботно, спросила дочка.

— Скоро, дорогая, ты и оглянуться не успеешь, — сердце у него сжалось от собственных слов. Так тяжело обещать ребёнку то, во что ты и сам не веришь.

— А мама когда вернётся? — серьёзно спросила девочка, — Тут служанки болтают, что она умерла. Этого ведь не может быть, правда, папочка? — в чистых глазах была такая надежда, что другого ответить он не смог:

— Конечно, не может быть. Не слушай глупых женщин. Слушай только то, что говорю тебе я. — он помолчал, снова на миг встретившись взглядом с матерью. — Мама уехала далеко и надолго, но она обязательно вернётся. Просто у неё теперь такая работа... — он и сам не заметил, куда его занесло, а вот девочка сделала свои выводы:

— Такая же работа, как у тебя? — тут же догадалась Иоланта.

— Да, как у меня, — подтвердил Альк.

— Она что, теперь тоже путница?

Отступить было некуда, и пришлось ответить:

— Тоже.

Иоланта немного подумала и закапризничала:

— Я хочу к ней! Хочу к маме! К маме!..

— Ты должна ждать! — перебил её Альк, — И её, и меня. Ты ведь уже большая и умная девочка. А когда мы с ней приедем, будет большой праздник. Ты будешь ждать?

— Буду, — грустно ответила Иоланта, — А потом, когда вы вернётесь, вы больше не уедете?

Альк вздохнул. И так уже заврался дальше некуда!

— Когда ты вырастешь, мы будем брать тебя с собой, — пообещал он. Затем крепко обнял дочь, поцеловал в лоб и поставил на пол. — А теперь иди. Мне уже пора, — и, кивнув матери, вышел за дверь.

По дороге Альк решил подойти к склепу — хоть так попрощаться.

Но когда увидел новую табличку, крайне возмущился. Хотелось даже вернуться и поругать родных за глупость и такое напутствие, но действие это было бы бессмысленно: всё равно ничего уже не изменишь. К тому же, его спрашивали, как назвать мальчика, а он просто отмахнулся.

На большом фамильном склепе, выполненном из серого камня, среди целых полей цветов и рядов раскидистых зелёных деревьев, появилось ЕГО имя. Тут любой несусеверный станет таковым, а уж если дар подсказывает...

— Ну что ж, один есть, второго не будет. Не дождёшься! — бросил он склепу и

решительно отправился в путь.

Горевать об умерших он будет после. Нынешний момент был для того, чтобы попытаться спасти живых.

===== Глава 19 =====

Стражники споро шли через толпу: один впереди, распахивая людское море как плуг, двое по бокам. Ещё двое шли следом.

— На виселицу ее! На виселицу! Крови! Резать! Колесовать! — неслось отовсюду. Мысли потонули в сплошном потоке чёрной ненависти. Ничего удивительного в этом не было, ибо страх обывателей перед путниками граничит с нелюбовью к ним, порождённой невежеством и завистью. Тем более, что толпа по сути своей тупа, озлоблена и кровожадна. А уж если на помост попадает путник, редко кто может отказать себе в удовольствии посмотреть, как он загнётся в страшных муках.

Но вели Рыску пока не на помост, а в тюрьму.

Возле самого входа в учреждение кто-то всё же изловчился и швырнул камень, который поцарапал Рыске кожу на виске. Ещё б чуток, и никакая казнь не понадобилась бы, но это было просто. Это она отвела... Сложнее было другое: почему она сюда попала? И как теперь выбираться?

Однако по дороге путница немного успокоилась, поразмыслила. Всё же не зря она получила образование.

Когда она сдала имущество, её посадили перед наместником — тщедушным типом с блёклыми глазами алкоголика и красной рожей. Пахло от благородного господина последствиями вчерашних возлияний, которые он тщетно попытался перебить какими-то резкими мужскими духами.

— Ну что, попалась? — злорадно спросил он. Рыска оглядела кабинет — клетушку с тусклыми, сто лет немывтыми окнами, но ничего не ответила. А наместник продолжал, — Зачем же такие зверства? Грубо, госпожа путница. Могла бы просто дороги перепутать.

— Я никого не убивала. Вы ошибаетесь, — тихо, но уверенно произнесла Рыска.

— Это мы выясним, — пообещал наместник, — Есть свидетели. Но скажи: если у тебя нашли медальон, что ещё нужно? Впрочем, я сегодня добрый. Можешь выбрать себе казнь.

— А ещё могу потребовать защитника, — с вызовом бросила Рыска.

— Какого защитника?

— Законного, — спокойно произнесла девушка, — И не пудрите мне мозги, — жёстко добавила она, — Десять лет назад, когда Ринтар объединили с Саврией, к нам пришли и их законы. В частности, теперь никого не могут казнить без суда или безнаказанно избить в тюрьме, а ещё каждому положен защитник. Прошу предоставить мне то, на что я имею право по закону.

Наместник опешил. Беда с этими путниками, всё они знают. Это тебе не весчане и не купцы. И даже не разбойники. Эти учёные, мать их крысью, да ещё и Пристань за них... Хотя, от этой за её изуверства отказалась.

— У тебя, вообще, как язык поворачивается? — возмутился градоправитель, — Положила столько людей, а теперь тебя ещё и защищать прикажешь? Не много ли хочешь?

— Только это, — невозмутимо ответила путница, — И ещё лекаря. Меня ранили, — Рыска спокойно смотрела ему в глаза. — А ещё бы с её величеством поговорить... — вздохнула она безнадежно.

— Может, тебе еще Сашия из бездорожья вызвать, жабоглазая? Зачем тебя из твоей

Саврии принесло? Чего там не сиделось? — мерзко прошипел наместник и ухватил её за косу.

Рыска рванулась, коса выскользнула из руки мужика.

— За это вы поплатитесь, — мрачно пообещала она. — Крысу мне верните. Она моя до приведения приговора в исполнение. По закону, который здесь, похоже, никто не уважает, — она с достоинством отвернулась, не желая продолжать разговор.

Наместник заскрежетал зубами. Ведь сам же запросил Пристань и получил ответ: да, даем разрешение на арест. Соблюсти все положенные формальности. И на суде, и на казни будут представители Общины. Да и вообще, дело неминуемо дойдёт теперь до тсаря. Просто прибить девку не получится. А народ жаждет её крови! Не то, что тюрьму могут разнести — как бы самому наместнику не перепало за задержку! С защитником этим ещё беда: в городе таких нет, придётся запрашивать Ринстан. Ох, так же и недели пройдут, если не месяцы. От тюрьмы и резиденции градоправителя народ может и камня на камне не оставить... А то и ещё хуже: нагрянет тсарь, обратит внимание, что к чему — и полетит господин наместник из своего кресла. Ведь грехов за ним немало, стоит лишь копнуть. Одна только грязь на улицах чего стоит... А в этом кресле, надо думать, удобно, покидать его не хочется.

Но делать нечего, придётся искать защитника и ждать его прибытия. Может, Хольга смилостивится, и он прибудет раньше тсаря? Защищать тут особо нечего, все её на рынке видели. Народ в один голос скажет: убивала, изуверствовала. А там и помост сколотить недолго. Только бы поскорее...

В душе попрощавшись со своим постом, наместник велел увести узницу в камеру.

Когда Рыска покинула кабинет, мужчина обратил внимание на клинки. Не смотря на страсть к выпивке, оружие он любил и ценил. А эти были, похоже, изготовлены на заказ, да не в этом веке: лет двести назад, а то и больше. Тогда умели ковать мечи... Тем более, в Саврии. Да этим клинкам цены нет!

Взяв один меч, тот, что был длиннее, господин наместник извлёк его из ножен. Клинок холодно взблеснул, и блик попал ему в глаза. Проморгавшись, он поднял меч вверх, примерился, сделал пару взмахов. Тяжелый какой! И как с ним девка-то управляется, а тем более, с двумя? А заточен как! Нужно очень хорошо чувствовать оружие, чтобы содержать его в таком идеальном порядке. Видимо, так оно и есть, судя по произошедшему на рынке.

Девицу точно надо уgomонить. А оружие её даже очень господину наместнику приглянулось! Даже настроение поднялось. Жаль, нельзя забрать мечи себе прямо сейчас. Но ничего, он подождёт. А заодно подумает, как отвести от себя беду и не допустить визита тсаря в город.

Наместник убрал клинок в ножны, уложил на стол рядом со вторым, полюбовался, повздыхал.

— Никому даже пальцем не трогать! — велел он страже и ушёл думать. Опасную же гостью послал Саший в его город.

— Про лекаря не забудь, — бросила путница из камеры напротив кабинета, когда он выходил в коридор. Наместник аж вздрогнул, но сдержался, не стал орать на стражу, почему посадили так близко.

Оказавшись в камере, Рыска огляделась и увидела кучку заключенных. Ими были трое бродяг, одна шлюха, пьяная до поросычего визга, и неприятный парень с шустрыми глазами. Кое-кого напоминает...

Шлюху здесь уже, похоже, поймали все, по крайней мере, бродяги, и интересы мужской

половины камеры мигом переключились на новоприбывшую. Да, весёлые соседи, подумал Рыска. И главное, ничего тут господину наместнику не предъявишь, всё по закону: камеры переполнены. Куда ещё сажать? Сделают вот сейчас с ней, что захотят, и охрана будет ни при чём, и наместник чист.

Да только не на ту напали!

— Чё, красуня, ноги раздвигай, — подходя к ней и развязывая штаны, начал первый бродяга. Двое других гадко хихикали у него за спиной.

— Дай я первый! Я в тот раз последним был! — прохныкал бродяга из второго ряда.

— Заткнись, Гнус! Соблюдай очередь. Госпожа путница любит сильных мужчин! Да, красотка? — он подмигнул девушке и обнажил в улыбке гнилые зубы.

Рыска, стоя спиной к решётке, сделала неуволимое для окружающих движение, на мгновение коснувшись своих чёрных кос. Да ещё крысу на нары положила, заставив сидящего на них паренька брезгливо отодвинуться.

— Чё стоишь? Штаны снимай! — рявкнула шваль, но девушка продолжала молча смотреть бродяге прямо в глаза.

— А может, поможешь? — дерзко спросила она.

— О, это мы всегда! — обрадовался маргинал, подходя к ней вплотную, обдавая зловонным дыханием.

В следующую щепку вокруг его шеи, словно змея, обвилась длинная чёрная коса. Бродяга даже не сразу понял, почему воздух исчез из его легких. Никто не ожидал такого от девки! Тут не только товарищи несостоявшегося насильника попятились, но и воришка напрягся. Бомж, тут же забыв о своих намерениях, закашлялся, потом захрипел, а когда начал синеть, Рыска отпустила его. Он мешком обвалился к её ногам.

— Ты ведь слышал, что я сделала? — глухо спросила она, сверкнув светлыми глазами, — Ну, все слышали? Я убийца, положила тьму народу, ещё больше покалечила. Мне всё равно подышать, так что вас я не боюсь, это точно. Ещё раз тронете меня или её, — она показала на шлюху, — урою всех. Забились в угол и чтоб тихо! Мне надо поспать. — она турнула с нар вора, стряхнула сennую труху, сняла верхнюю рубаху, скатала и положила в изголовье, разулась, влезла на нары, блаженно вытянулась, положив крысу рядом. — А ты следи, — бросила она вору, — Если что, буди. Всё замечай. Крысу мою стереги. Если выйду отсюда живая, тебя тоже вытащу. Дорогу поменяю, и тебя выпустят.

Вор с готовностью закивал.

— А меня тоже можно выпустить? — заскулил один из бродяг, тот самый, который просил право первенства в обладании девушкой. Он сразу почувствовал перемену власти в камере.

— Посмотрим, — бросила Рыска и закрыла глаза. Спать ей расхотелось, тем более, что надо было подумать. Да и ранка на виске саднила. Дороги были одна гаже другой, в любом случае, ждал помост. И ещё был один вариант выйти живой при помощи слепого поворота. Можно было попробовать.

...После смены дороги она почувствовала усталость, да и пора было, наконец, поспать. Глаза закрывались.

— Следи, — напонила она вору, хотя уже была уверена, что никто здесь не посмеет её тронуть.

На улице продолжала неистовствовать толпа, но путница знала, что их нечего бояться, от слов к делу они не перейдут, если только не... нет, это почти невозможно. Поэтому можно поспать лучин шесть-восемь...

— Госпожа путница, вас зовут, — окликнул её вор, и она села на нарах. В камере было темно.

— Кто? — хрипло спросила она со сна.

— Стража, конечно.

Рыска нехотя встала и подошла к решётке.

— Эй, путница, к тебе лекарь пришёл, — беззлобно бросил стражник, открывая замок и выпуская девушку в коридор. — Да не бойсь, в кабинете он. Иди, ждёт тебя.

Второй стражник с ржавым мечом наголо стоял рядом — на всякий случай.

Путница оценила на глазок своих тюремщиков, прикидывая, не попытаться ли ей сбежать. Один, тот, что держал на изготовку меч, был слишком зелен, чтобы быть таким уж хорошим бойцом. Выхватить у него ржавую орясину, привычки к которой у него явно не чувствовалось, было бы плёвым делом. Второй стражник был уже стар, но судя по его выправке, раньше служил в тсецах. С ним пришлось бы повозиться. Но ни эти двое, ни третий в другом конце коридора Рыску не беспокоили. С ними она бы справилась.

А вот с толпой, которая не желала расходиться, не смотря на позднее время — нет. И потому мысль о побеге была для неё неприемлема. Она покорно пошла туда, куда её повели.

Скрипнула обшарпанная дверь, и Рыска оказалась в том же помещении, где накануне общалась с наместником. На столе, заваленном бумагами, лежали клинки — не посмел сразу забрать, побоялся, а значит, она всё сделала верно.

А за столом она увидела человека в белом одеянии — и чуть было не бросилась его обнимать. Вот куда вывел слепой поворот!

Присев на стул напротив лекаря, она произнесла, обращаясь к нему:

— Попросите стражников выйти. У меня интимная проблема.

Лекарь кивнул.

— Слышали, господа стражники? Прошу вас выйти.

— Может ещё ковровую дорожку ей до камеры постелить? — зареготал тот, что постарше, — Так лечи, мы отвернёмся!

— Господин стражник, имейте уважение к даме! — повысил голос лекарь.

— К даме! — заржал мужик, — Да ты знаешь, кто она? Она убийца!

— Мне это безразлично, у меня свои принципы, — с достоинством ответил оппонент, — Для меня она в первую очередь человек, который ждёт моей помощи. Да и вообще, я на вас пожалуюсь, и делу конец! — пригрозил он.

— Да ладно, подавись, — пошёл на попятную старший стражник и бормоча: “чего я там не видел?”, вышел за дверь, не забыв, впрочем, прихватить с собой мечи. Молодой семенил следом.

— Смотри, грязными руками не лапай! — бросила Рыска.

— Тебе-то теперь какая разница? — буркнул тот.

Как только дверь за стражниками закрылась, Рыска вскочила со стула, и, подбежав к лекарю, зашептала ему буквально на ухо.

— Послушайте, господин, вы меня, скорее всего, не помните, но мы с вами знакомы. Десять лет назад вы ухаживали за девушкой по имени Вериша и угодили в тюрьму из-за жемчужного ожерелья её госпожи, которое изгрызли крысы, — и она как можно более сжато и чётко изложила свою историю.

— Так это были вы, — печально заключил лекарь.

— Не я. Мои друзья, — возразила Рыска, — Я лишь уговорила их это сделать.

Лекарь вздохнул.

— Всё равно: спасибо вам! А Вериша теперь моя жена. У нас трое детей... А вот госпожа Лестена умерла, два года назад. От обжорства, — уронил он, — Только не пойму тогда: зачем вы убили столько людей?

— Я этого не делала, — покачав головой, произнесла Рыска, — Это ошибка! Пожалуйста, поверьте.

Лекарь думал не более трёх щепок.

— Мне кажется, вы говорите правду... — тихо и печально сказал наконец он, — Не может быть, чтобы человек, способный помочь случайному знакомому за десять лет мог так измениться... — он снова вздохнул. — Чем я могу помочь вам в знак моей благодарности? — спросил он со вздохом.

Рыска просияла: вот если бы все были такие догадливые! Она мгновенно схватила со стола бумагу, обмакнула перо в чернильницу (благо, всё нашлось на столе) и написала: “Позаботьтесь о своей безопасности, на вас и его величество вероятно готовится нападение. Я попала в тюрьму, и мне грозит казнь. Буду признательна, если поможете. Заранее благодарю. Рысь”.

Далее она поставила число и название города. Затем Рыска подула на бумагу для просушки и, свернув её, отдала лекарю.

— Кому это передать? — спросил он.

— Её величеству. И как можно скорее.

У лекаря на щепку вытянулось лицо, но он сумел с собой совладать.

— Это в Ринстан надо ехать?

— Да, конечно.

— Вы уверены, что её величество сейчас там?

— Уверена, — кивнула Рыска.

— Тогда... Да, конечно, как скажете... Но разве мне поверят?

Рыска сдёрнула с пальца кольцо её величества (единственное, что у неё не отобрали, рассудив, что такие кольца просто так не дарят, а если что, можно снять и с трупа) и отдала лекарю вместе с письмом.

— Прошу вас, поторопитесь, — сказала она, — Выехать надо прямо сейчас. Дорожные расходы я оплачу, когда выберусь.

— О, какие глупости! — отмахнулся лекарь, — Давайте я промою вашу рану, чтобы никто ни о чём не догадался.

Он взялся за дело и очень быстро справился, потому что ничего страшного в Рыскиной ране не было.

— Ну всё, — произнёс лекарь, собирая в сумку приборы и снадобья, — Я пойду. Прямо сейчас выезжаю. Храни вас Хольга, госпожа путница! Ещё раз, спасибо вам.

Лекарь вышел, а Рыска присела на стул.

— Видишь, ты был неправ, — тихо проговорила она, — Добрые дела нужно делать.

Вскоре стражник отвел её обратно в камеру. Проходя по коридору, она обратила внимание на поломойку, замотанную в платок. Рыска обернулась, почувствовав присутствие дара.

“Видунья, что ли? — подумалось ей, — Тоже, наверное, как я когда-то, понятия не имеет о своих возможностях... Да ладно, мне сейчас не до этого”.

Улёгшись на нары, Рыска ещё долго думала.

Кто её подставил — а что подставили, в том не было сомнений, она поняла. Это Виттора: не зря они встретились в Чеговицах. Почуяла, змея, что именно её личность Рыску и интересует, решила убрать с дороги. И мечи Рыскины утащила она. Это было сделать проще простого, ибо в комнате, где путница оставила своё оружие, до утра никого не было при нараспашку открытой двери. Скорее всего, хотела обезвредить её по дороге: напасть на безоружную и тихо, мирно, без проблем прибить. Но не подрастала, что Альк отдаст ей свои клинки, а они намного смертоноснее тех. Пришлось ей слегка изменить планы.

То, что Виттора всю дорогу была где-то поблизости, буквально сопровождала Рыску — это понятно. Вопросы были в другом: почему Рыска не почувствовала присутствие чужака, тем более, облечённого даром? И как, когда могла Виттора выкрасть у неё грамоту и подложить медальон?

Что в этой видунье такого особенного, раз даже Альк не смог с ней справиться? Что она делает с людьми, если в её присутствии невозможно сдвинуться с места? Да и в город этот её, Рыску, словно направило что-то... Получается, тсарица-видунья может менять дороги даже другим видунам?

Эх, если б кого-то спросить или почитать что-нибудь на тему... Но жизнь такой возможности не даёт. Её вообще очень даже вероятно сейчас потерять, эту жизнь. Конечно, есть надежда на лекаря, но в любом случае придётся ждать. И вот это труднее всего...

Лучше всего, решила Рыска, лечь и выспаться. В этой камере её теперь никто не тронет: и Виттора не страшна, спасибо решёткам и страже. Дело её застопорилось: без защитника суда не будет. Только бы лекарь успел предупредить её величество!..

Перед тем, как уснуть, путница взглянула на дорожку лекаря. Она была всего одна, прямая и широкая, с благополучным исходом, словно кто-то её уже подправил. Лекарь доберётся до столицы дня за три, может, за четыре. Ещё день там на всё про всё. Чтобы её величество отказала ей в помощи, быть не может. Исенара, как за два года успела понять Рыска, человек надёжный, благодарный и преисполненный долга, к тому же, облечённый властью. Оставить в беде своего человека тсарица не способна. Плохо то, что она в положении: это делает женщину слабой и толкает на необдуманные поступки. Но, к счастью, она там не одна, есть кому ей подсказать, что следует делать. Одной лишь грамоты от её величества, доставленной с нарочным наместнику лично, будет достаточно, чтобы Рыску отпустили, и тогда... Но в первую очередь пусть монархи усилят свою охрану. Их жизни для государства, безусловно, важнее, чем её. Хотя умирать самой тоже очень не хочется.

Главное, чтобы Виттора не опередила лекаря. Но дар подсказывал, что он успеет, что без проблем доберётся до столицы. И это тоже было странно...

Не понять было и того, зачем этой кровожадной стерве понадобилось убивать столько народу? Неужели из любви к процессу?

И ещё возник вопрос: а если удастся выбраться и добраться до Витторы, если жизнь столкнет их в единоборстве, сможет ли она, Рыска, хладнокровно вонзить клинок в живое тело, пусть это и тело врага? Не дрогнет ли у неё рука? Ведь раньше ей убивать не приходилось...

Стоило об этом подумать, как воображение вкупе с даром подкинуло парочку не особо приятных картин, и спать расхотелось.

Рыска повернулась на бок.

— Слышь, воришка, — позвала она от нечего делать, просто чтобы отвлечься, — Тебя

как звать-то?

— Зовите Кротом, госпожа, — ответил парень.

— Домушник, что ли? — догадалась Рыска.

— Да, — гордо ответил Крот, — А вы правда путница?

Рыска хмыкнула.

— Нет, просто крыс люблю... Ну, конечно, правда. Рысь меня зовут.

— Ух ты! А я про вас слышал! Это вы тогда новую войну остановили! — восхищённо воскликнул парень.

— Нет, все не так было, — с горечью, задумчиво возразила Рыска, — Я там была ни при чём...

— А кто же при чём?

— Это Хольга свою волю явила, — просто произнесла путница, — С чего ты вообще такое взял?..

— А я два года в Пристани учился, слышал про вас. У вас, говорят, отец — старший наставник, — сообщил парень.

— Да-а? — удивилась Рыска, — Как же ты учился? У тебя же дара нет!

— Потерял, — со вздохом ответил Крот.

— Не догадываешься, из-за чего?

— Конечно, догадываюсь... Так про вас правду говорят? Это всё-таки вы всех спасли?

— Нет, это байки, — стояла на своем Рыска, — Сам подумай, раз учился, кто такое сможет? Тем более, один, без “свечи”?

Крот подумал немного и сказал.

— Так ведь все знают, что вы были не одна! С вами Вернувшийся был. Тот, которого в крысу превратили... А кстати, как вы так вдвоем смогли? Это ведь невозможно!

Рыска пожала плечами.

— Сам себе и ответил.

— В смысле?

— Это невозможно, следовательно, такого не было, — подвела она итог.

Три щепки стояла тишина.

— А я тоже такое слышала, — подала голос цыпочка, — Мой отец в ополчении служил, возле Ёжиги. Рассказывал, как парень с девушкой наводнение вызвали... Кстати, госпожа путница, у вас закурить не найдётся?

— Не курю, — со вздохом ответила Рыска, перевернувшись на спину и заложив руки за голову.

Пусть говорят, что хотят, подумала она. Им всё равно не понять...

— Не, люди, — подал голос один из бродяг, — Что же это получается? Раз госпожа путница за такое дело взялась, чтобы столько людей спасти, значит, убивать на рынке она не могла... Значит, зря её сюда посадили? Не она это?

— Конечно, не она, — отозвался другой, более хриплый голос, — Та б меня точно задушила! А эта отпустила. Да и непохожа совсем...

Рыска села на нарах, взгляделась в темноту.

— Ты чё там сказал? — спросила она жёстко.

— Да так, красуня, не бери в голову, — мирно ответил бомж.

— И всё же?

Маргинал закрылтел, поднимаясь с пола.

— Я говорю, та, если уж придушила, не отпустила бы, раз она дитё невинное не пожалела. Да и волосы у неё другие.

— Какие — другие? Да ты где, вообще, её видел?

Бомж покашлял немного, после чего охрип окончательно. Но охотно ответил:

— Видел — на рынке. А волосы... Они короче, чем у тебя. Тоже чёрные, в две косы заплетённые, — он незаметно для Рыски потер след на шее. — Но короче! Придушить такими не получилось бы, длины бы не хватило. Они у неё на спине болтались, по лопаткам били, кружились вместе с ней, одна справа, другая слева. А у тебя они длинные, до самой жо...

— Я тебе шас в рыло дам! — пообещала Рыска.

— Извини! Извини! Я ж по делу, — залезил маргинал, — Они ж у тебя и правда по... это самое. А у той... Да у неё и башмаки другие, и крысы у ней не было. Я как под мясным прилавком проснулся, когда она всех кромсать начала, так вылезать и не стал... Башмаки её в первую очередь заметил. Ещё подумал: и как ей удобно на таких каблуках? А потом выглянул в щель между досками — и косы её увидел. И нетопыря. Здоровенный такой зверюга, наверное, самец. От крови озверел, на дыбы встал и чуть с привязи не сорвался. Седло на нём из серой кожи было, а крысы не было, ни справа, ни слева. Я и подумал: что ж за путница без крысы? Может, и не путница? А потом... — бродяга умолк.

— Что — потом? — спросила заинтересованная шлюха.

— Потом — ничё. Рука отрубленная рядом со мной упала, я и сблевал. А вечером напился в дугу и сюда попал.

Рыска обдумала слова бездомного, а потом спросила:

— Сможешь всё это на суде повторить?

— Ясное дело, смогу, да только не бесплатно же, — тут же согласился бродяга, — За злат — повторю, а так не было меня там, и делу конец.

— Договорились, — Рыска снова разлеглась на нарах.

В камере повисла тишина. Кто-то начал похрапывать. Потом шлюха сцепилась с кем-то из бездомных на предмет кражи у нее дешёвых, подаренных клиентом сережек.

— Госпожа Рысь, а вы правда не убивали? — вдруг с надеждой спросил Крот.

— Правда, — тихо и устало ответила Рыска, — Зачем мне это? Я не для того семь лет в Пристани училась, чтоб ерундой заниматься.

— Ага, а мечи у вас, у путников, для красоты что ли? — обиженно спросил придушенный бродяга.

— Для порядка, — неласково ответила Рыска, — Уж во всяком случае не для такого. — она вздохнула. — Ребёнок-то хоть чей был? Тот, убитый?

— У сапожника, подмастерьем работал, — прохныкал третий маргинал, — Из вески два года назад приехал. Хороший был, жалостливый. Завсегда медечку подкидывал... ы-ы-ы... — завыл он, — И как только можно дитё уби-и-ить?..

— Так, заткнулись все!!! — рявкнула путница. Ещё щепка, показалось ей, и она сама разревётся. — Я — спать, — сообщила она уже спокойнее, — А вы чтоб молчали. Всем ясно?

— Ясно, — нестройно проблеяли заключенные, и настала тишина, если такое вообще возможно в тюрьме.

Суд состоялся раньше, чем Рыска рассчитывала.

Наместник расстарался и достал-таки из-под земли защитника для путницы-убийцы. И

трех суток не прошло, как за Рыской пришёл конвой.

— Подъём! — скомандовал стражник, — Крысу сюда давай!

— Куда? — спросила девушка.

— Ясно — куда. Суд сейчас будет, тебя уже все ждут.

Рыске не оставалось ничего другого, как смириться и подчиниться, снова позволив себя увести. Прошло всего три дня, с тех пор, как лекарь уехал в столицу. Даже имея крылья, туда и обратно за такой срок не успеть, тем более, лекарь уже не молод. Наверное, только в одну сторону и добрался. Хоть бы успел предупредить тсарицу! Хотя бы с ней всё будет в порядке.

Что до Алька, которому может понадобится её помощь... От мысли об этом Рыску прошибал холодный пот, потому что с её даром что-то случилось за последние дни. Она его почти не чувствовала. Так, образы какие-то, дороги словно в тумане. Сама себе она стала казаться какой-то словно потерянной, неполноценной. Вот чего, наверное, боятся все путники... Вот о чём идёт разговор. Вот только почему с ней такое произошло?..

Перед тем, как подняться с нар, она сделала то, чего не делала уже давно, с самого окончания учебы в Пристани.

— Помоги мне, Альк... — прошептала она.

Не пресветлую богиню, а своего любимого вспомнила она, когда стало совсем плохо. Он всегда был её богом. И, наверное, бог — только тогда и бог, когда в него кто-то верит. Во всяком случае, это имя если и не помогало, то хотя бы успокаивало, придавало сил. А то, что надеяться сейчас не на что, не вызывало и тени сомнения. Напало оупение, как тогда, перед испытанием.

С защитником Рыска обмолвилась всего парой слов и поняла: он куплен с потрохами, и ей не помощник.

...Свидетелей по делу было хоть отбавляй. Не только Рыскин сокамерник, но и очень многие люди, оказавшись не в толпе, а на свидетельской трибуне, высказывали сомнения, что убийца — именно она, как раз-таки из-за волос путницы.

— Короткие, до лопаток, не больше! — здраво рассуждали одни, — А у этой — гляньте! — ниже, чем до... этой самой. Что ж они, за четыре дня отросли?

— Эти путники и не такое могут! — суеверно возражали другие, — Им свиньёй обернуться ничего не стоит, а вы говорите — волосы!

— Не слушайте ничего, ваша честь, она это, она, кому ж ещё быть? Пошлите её на казнь! — рыдали третьи, родственники и близкие погибших и тяжело раненых.

— Да ведь не похожа на убийцу, клянётся Хольгой, что не убивала и вообще, только что приехала. К тому же, тсарицу известить просит. Такими вещами не шутят, — заколебался обвинитель, впрочем, высказав свои сомнения пока только наместнику. — А ну, как мы и правда её известим? — но в ту же щепку нащупал под столом толстый, набитый златами кошель, неизвестно как перекочевавший к нему, и унял свой пыл, во всеуслышание повторив лишь то, что уже было принято за истину.

Защитник слабо блял, делая вид, что приводит какие-то доводы, а на самом деле, переливая из пустого в порожнее.

Но когда в зал суда вошёл последний свидетель, у Рыски сразу отнялись и руки, и ноги. Подняв глаза, она встретилась взглядом с Румзом Косым, наместником Зайцеграда...

...А щепку спустя зазвучал рассказ про разбойников, убитых десять лет назад близ этого города, на окраине леса, при чём она, Рыска, по словам Румза, сыграла в этом спектакле главную роль, а разбойники утратили свой статус. Народ взвыл, стаей голодных волков,

предвкушая, как напьется ее крови.

И можно было бы возразить, попытаться бороться, но она вдруг обессилела. Просто привалилась к прутьям клетки и уставилась в пустоту. Даже не попыталась ничего сказать. Да и смысла в этом не было. Это там, в тесной караулке, нужно было объяснять Румзу, в чём он не прав. Здесь было поздно.

Здесь видели уважаемого, знатного человека, не имея ни малейшего понятия о его злодеяниях. И ещё убийцу на скамье подсудимых, которая вот-вот получит по заслугам... Всё, как и положено. И не было здесь крысы, которая перегрызла бы веревку.

— Спешу предупредить вас, господа, — кротко произнес Косой в конце своей речи, — Вешать её нельзя, она что-то делает с веревками, они потом рвутся. Лучше отрубите ей голову, — с милой улыбкой предложил он.

И толпа взревела снова...

Судье едва удалось прервать этот многоголосый рёв. Стража с трудом сдерживала желающих немедленно расправиться с убийцей прямо без помощи палача.

Рыске дали последнее слово.

— Не убивала я... — пожалала плечами она. Её слова уже не могли ничего изменить. — Тем более, мальчика. Да и вообще, на такое не способна. Но, похоже, меня здесь никто не слышит...

Но кое-кто её все же и слышал, и понял, и порадовался.

Он сидел в первом ряду. Сообщать о том, что он выжил из ума и подлежит отлучению от Пристани было так же бессмысленно, как и о бесчинствах Румза: её бы никто не послушал. Оставалось лишь вяло удивляться, каким образом об их деяниях до сих пор не стало известно всем и вся. Хотя, это ей было безразлично.

Берек подошёл ближе, сел возле клетки, оскалил зубы и тихо проговорил:

— Ну, что, без Хаскиля своего — много ли ты можешь? Конец тебе, быдло безродное. А потом и до него доберёмся, будь уверена. Обоих к Сашию отправлю!

Рыску передёрнуло. Захотелось броситься на него, вцепиться в морду... Но понимая, что клетка не позволит ей этого сделать, она лишь улыбнулась ему в ответ и спросила:

— Привет-то передать?

— Кому? — не понял мужчина.

— Да племяшке вашему, Райлезу. Нам нетрудно, мы передадим... Когда встретимся с ним. У Сашия... — она оскалилась в ответ — не хуже волчицы. — А там и вас дождёмся!

— Сука! — прошипел Берек и, рывком поднявшись, вернулся на своё место.. — Выучилась, тварь! — пыхал он уже оттуда.

Нет, не дошли до этих мест сведения о его безумии. Иначе община не прислала бы его сюда. Жаль, с этого знания толку чуть...

Судья ударил молотком по столу и провозгласил:

— Виновна. Приговаривается к отсечению головы, завтра утром на площади. Приговор обжалованию не подлежит.

Рыска осмотрелась. Румз уже исчез из поля зрения, а Берек торжествующе улыбнулся Рыске и последовал за ним.

Ну как же жаль, что Альк их обоих не прирезал!

Услышав приговор, наместник просиял и подумал сразу о двух приятных вещах: о бутылке коллекционного двадцатилетнего вина, принесённой им для судьи, но не понадобившейся (теперь можно спокойно употребить это вино в одну личность прямо в

кабинете) и о двух саврянских клинках, которые можно спокойно, без зазрения совести, забрать себе. Конечно, хорошо бы и девку перед смертью немного помучить, но время дорого. Формальности соблюдены, завтра же, прямо с утра девицу и успокоят. Народ насладится казнью и будет счастлив. А его величество теперь вряд ли стоит ждать! Делать ему больше нечего, как по захолюстьям мотаться, время своё драгоценное тратить. Тут война на пороге стоит. Будет он ещё о каждой убийце думать. Для этого наместники есть!

— Увести, — бросил он конвою, кивнув на путницу.

И только хотел пойти за клинками, как его окликнул судья.

— Господин наместник, можно ли с вами поговорить? На щепочку!

— Да, господин судья, — благостно отозвался он.

— У нас в доме праздник по случаю рождения внука, — начал тот, отведя градоправителя к окну, — А суд, как видите, затянулся. Я теперь опоздал к началу. Жена будет меня очень ругать! Не могли бы вы поехать сейчас со мной? Гарантирую отличный стол и развлечения!

Наместник, не раздумывая, согласился. Конечно, подкаблучничество судьи он не одобрял, но вторая половина последнего, хоть и была женщиной авторитарной, увлекалась самогонварением, и её настойки, которые сегодня, естественно, будут литься рекой, наместник очень даже уважал... А мечи можно и завтра забрать. Никто их взять не посмеет.

Рыска металась по камере словно тигр, посаженный в клетку, или, наверное, словно рысь. Никто из соседей не смел ничего сказать или хотя бы попасться на её пути. Она была так зла, что даже слов у неё не было: она лишь сопела и сверкала глазами. Нужно было что-то делать, а что? Что?!

Стражники, узнав, что наместник сегодня уже не придет, устроили посиделки в его кабинете. Оттуда уже лучину раздавался лихой гогот, звон стаканов и восхищенные возгласы по поводу мечей, которые так и остались там лежать, ожидая нового хозяина.

Зло разобрало путницу ещё сильнее: ну куда этому задохлику такое оружие? Он весит-то меньше, чем те клинки. Рыска в душе обзывала себя последними словами. Альк доверил ей то, что для него самого было невероятно дорого, то, что добыл с таким трудом, то, что просил передать сыну!.. Вполне возможно, Алька она больше не увидит, и смотреть ему в глаза ей не придется, и не придется отвечать на вопрос: почему не сберегла? Но тут дело даже не в этом! Дело в ней самой. Оставив врагу такое оружие, она и на том свете не будет знать покоя, а тем более, жить. А значит, уже хотя бы поэтому, надо выбираться и любой ценой выручать клинки.

Только вот никто ей не поможет. Если даже её величество уже и введена в курс дела и пошлёт гонца, до завтрашнего утра ему не проделать такое расстояние. Ни под каким видом. Пока гонец доскачет, госпожа путница, к огромной радости горожан, а также Румза и Берека, лишится головы. Вот Саший, как же быть? Времени осталось только до утра...

Рыска вцепилась правой рукой во внешнюю решётку камеры и облокотилась на руку лбом. Как же быть?

— Верни мои серёжки, чмо немытое! — негодовала шлюха.

— На себя посмотри, блядь подзаборная! — не остался в долгу бомж.

— Я тебе сейчас рожу расцарапаю, козёл! — пообещала девка.

— Ага, давай! Завтра твою защитницу казнят, так я те покажу небо в алмазах! — злорадно ответил бродяга.

— А ну, заткнитесь оба! — окоротил их главный бомж, тот, что был придушен, — Не

видите, человеку плохо?

Рыска продолжала стоять у решётки.

Дар её практически сошёл на нет, угасая, словно вывалившийся из печи уголёк. Крысу ей после суда вернули, да что с неё было толку?.. Похоже, пришла пора попрощаться с жизнью.

Стражники куда-то скопом двинулись по коридору, оставив охранять заключенных лишь одного.

— И закусь захватите, надоело одной водой запивать под семечки! — крикнул он товарищам вслед, — Эх, везёт! А мне до утра тут торчать, вздохнул он и пошёл куда-то вниз по лестнице.

Уборщица, всё та же, в платке, взяла ведро с водой, поставила на пороге покинутого стражниками кабинета, и у Рыски, которая уже не ждала, что может быть хуже, по спине побежали мурашки от предчувствия. Она подняла голову, всмотревшись в тётку.

В тот же миг та обернулась.

— Привет! — широко улыбнулась она, — Рада меня видеть?

У Рыски похолодело всё внутри.

Это была Виттора.

===== Глава 20 =====

— Что, язык проглотила? — усмехнулась девица, — Великолепный спектакль, да? Ты оценила? Всех убила я, а казнят за это тебя!

Рыска отмерла.

— Стража! — крикнула она, — Стража! — повторила она погромче.

— Не старайся, дорогая, идиот вышел на улицу покурить и захлопнул дверь. На первом этаже все окна с решётками, не влезешь. Есть одно незарешеченное на втором, но с его пузом туда вряд ли взберёшься. Так и будет там стоять, пока его товарищи не вернуться. Мы с тобой успеем наговориться, не волнуйся, — медовым голосом пропела Виттора. — Что хочешь узнать? Я вся к твоим услугам!

Рыска почувствовала себя оглушённой. В висках заломило с чудовищной силой. Дар отказал. Виттора же стояла и улыбалась.

— Ах, извини, тебе, наверное, больно? Я больше не буду, — боль стала на мгновение нестерпимой, так, что Рыска, зажав виски и глухо застонав, присела на корточки... А потом так же внезапно прошла. Бедная крыса истерически визжала на нарах.

— Видишь, как я могу? — с ласковой интонацией похвасталась Виттора, — Но это только когда вы по одному. Вдвоём вы мне очень сильно мешали, хотя так вас отслеживать намного проще. Когда вы вместе, вы как маяк для меня. Но и сильнее... Это да. Поэтому я вас и разделила, — объяснила Виттора.

— Где Альк? — вскинулась Рыска, вцепившись в решётку.

— Как это — где? Поехал на похороны жены и сына, будто не знаешь.

— А убила их — ты, — утвердительно произнесла Рыска.

— Они и так были не жильцы, я лишь ускорила неизбежное, — махнула рукой Виттора. Действительно, какая ерунда!

Рыска просто на миг дар речи потеряла. Ценившая жизнь превыше всего на свете, она не могла уложить в голове, как можно так поступить с живыми людьми, а тем более, с ребёнком!

— И зачем ты это сделала? — наконец спросила она.

— Чтобы твой милый уехал, и ваша связка перестала мне мешать, я ж уже сказала.

— Я не о том. Это всё тебе — зачем?

— А-а! Ты о предстоящей войне? Так тебе, весчанке, не понять. Ты в жизни не знала, что значит жажда власти! Всегда заботилась лишь о насущном. А я хочу лишь взять то, что принадлежит мне по праву: Савринтарское царство. Мне самой Хольгой наречено править объединённым государством, ибо я дочь царя Ринтара и саврянской царицы.

— Тогда почему же об этом праве не знают другие? — спросила Рыска, — Почему твой отец не назначил тебя преемницей, не показал народу?

— Да просто не успел. Его земная дорога оборвалась раньше, — она продолжала улыбаться, — Свои права мне придётся отвоёвывать самостоятельно.

— И не важно, какими средствами будет достигнута цель? — склонив на бок голову, спросила Рыска.

— Абсолютно, ибо она их оправдывает, — согласно кивнула Виттора, — Как известно, лес рубят — щепки летят.

— Это те самые щепки, что летели на днях на рынке, как я понимаю, — вздохнула путница. — Ну и сволочь же ты!

Виттора пожала плечами с равнодушным видом.

— Считай как хочешь. Зато тебе отрубят голову, а я... Я займу Савринтарский трон. Да и вообще... Лучше уж быть сволочью, чем идиоткой. Ты ведь чувствовала, что нужно ехать с Альком. Почему не сделала этого? Зачем его отпустила?

— Да кто ж так делает? С любовницей — на похороны жены. Так нельзя!

— Ах, нельзя? Когда в мире такое творится, не до этикета. Тем более, тебе-то что? Это ему должно было быть стыдно, — совершенно спокойно, а главное — верно расписала ситуацию Виттора. У Рыски от злости чуть пар из ушей не повалил. Она ещё поучать будет!

— Я тебя убью! — прошипела она.

— Такая вероятность есть, но она ничтожно мала, — согласилась девушка, — Был бы Хаскиль поближе, возможно, на это и стоило надеяться. Но он далеко. Так далеко, что совсем потерял тебя из виду. Да и не до тебя ему сейчас. У него есть проблемы посерьёзнее. А ты почти потеряла дар. Как, хорошо тебе?

— Да что я тебе сделала? — воскликнула Рыска, снова ощутив боль в висках.

Виттора холодно рассмеялась.

— Скажем так, ничего личного. Ты просто стоишь на моём пути. На последнем испытании из-за тебя я чуть не стала крысой.

— Это почему ещё? — удивилась Рыска.

— Потому что твой бесценный поменял тебе дорогу, тем самым изгадив мою. Как видишь, он тоже поступил нечестно и беспринципно: поменял одну жизнь на другую, без колебаний. Не успею я вовремя сообразить что к чему, сейчас болталась бы на чьем-нибудь седле. Но, хвала Хольге, успела. Моя дражайшая подружка пострадала за меня. Но это лишь один из эпизодов твоего вечного попадания мне под ноги. Ты ведь у нас ещё и при дворе состоишь! А мне соврала, что по дорогам работаешь. Ай-ай, нехорошо врать! — она помахала перед Рыскиным носом измятой грамотой.

— Отдай, — сверкнула глазами путница.

— Отбери, — снова спокойным голосом разрешила ей Виттора, — Да и зачем тебе? К ней голова нужна. А у тебя её скоро не будет. Но иначе нельзя! Ты ведь у нас подруга Исены? Естественно, в войне примешь её, а не мою сторону, хотя мне бы такой боец

пригодился, — она подумала. — Ладно, я сегодня добрая. Вот прямо сейчас присягни мне на верность — и я тут же вытащу тебя отсюда. Правда, с одним условием: ты должна будешь немедленно пойти и убить Исенару. Тебе это сделать будет проще простого: ты вхожа в её покои, тебя даже никто не остановит. Ну как?

— Поцелуй меня в зад! — грубо бросила Рыска. Такое ей даже не мыслилось, никогда и ни при каких обстоятельствах. А соврать, чтобы выбраться отсюда, все равно не получилось бы: стерва, похоже, видела её насквозь.

— Ну и дура, — заключила Виттора. — Хотя... спасибо тебе! Ты значительно облегчила мне задачу своим необдуманном поступком. Ну неужели ты не догадалась, что мне моментально становится известно о человеке всё, что он скажет или сделает, если я этого захочу? И о тебе тоже! Ну, конечно, надо быть близко. Издали можно и ошибиться. Но о твоей глупости я сразу узнала.

— Ты о чём?

— О том самом, — у Витторы был до такой степени нежный голос, что смысл её слов казался вдвойне ужасным, — Твой спаситель, лекарь, уже оповестил тсарскую особу о твоей беде, и она, преисполненная благородства, естественно, кинулась спасать свою подругу. Она не поступила бы иначе! — проговорила Виттора. — А её супруг, наш дорогой тсарь Шарес и по совместительству мой тупой братец, не мог оставить жену одну в таком деле и попёрся с ней.

Сказанное вызывало сомнения, но удостовериться Рыска не могла: в голове поселилась пустота. Но если всё это было правдой... Тогда иного имени, кроме дуры, госпожа путница действительно не заслуживала. Ну ладно, сама, но Исенара! Да ещё и его величество... Неужели всё?..

— Да-да, ты верно поняла, — озвучила её мысли Виттора, — Напасть на них в дороге и поубивать может любой дурак, а уж тем более такая, как я!

— Сука! — вызверилась Рыска, — Я убью тебя! — снова пообещала она.

— Дерзай. Пока я слышала только твои слова. Хотя и мечами ты научилась владеть неплохо.

— Там будет охрана, тебе к ним не подобраться! — воскликнула Рыска, убеждая скорее себя.

— Верно, охрана, — согласилась девица, — Но и я буду не одна. Хотя какая тебе теперь разница? — Виттора снова тепло улыбнулась и продолжала. — А когда не станет ни тебя, ни Исенары, ни Шареса, ни их ублюдков, а я взойду на трон, меня будет ждать ещё одна награда!

— Да чего ж тебе ещё-то не хватает?

— Человеку всегда чего-то не хватает, особенно женщине, — философски заметила Виттора, — Раз я стану тсарицей — а я ей стану! — то мне будет нужен достойный меня супруг. И я его уже выбрала. Тебе не интересно узнать, кого я имею в виду?

— Какая мне разница? — мрачно спросила Рыска.

— Уверю, тебя заинтересует мой избранник, — видунья сделала паузу. — Им будет Альк Хаскиль, — произнесла она таким тоном, словно всё уже решено, и завтра свадьба.

У Рыски вся кровь отлила от головы. Дар речи, впрочем, она тоже потеряла.

— Да, ты не ослышалась, — подтвердила Виттора, — Он самый. Правда, он пока об этом не знает, но, учитывая его прагматичный подход к жизни, думаю, он предпочтёт принять моё предложение, тем более, что я буду ОЧЕНЬ настаивать. Ну, как тебе мой план?

— Никогда не была кровожадной, но сейчас мне вдруг захотелось нарубить тебя на куски, — с чувством произнесла Рыска.

— Помечтай, — разрешила Виттора. — Кстати, никогда не могла понять: ну что он в тебе нашёл? Ты, несмотря ни на какую учёбу, как была быдлом, так и осталась. Такие, как правило, даже для периодических встреч не подходят, годятся только для постели. Да и вообще: разве можно такому, как он, быть с такой, как ты? Это же кошунство! Всё равно, что из отколотой, грубо слепленной миски весчанскую похлебку золотой ложкой хлебать! И повезло же тебе, прямо не верится! Такой мужчина, всё при нем, еще и аристократ, ещё и путник — и на такую козу внимание обратил! Кошмар!!! — при произнесении последней фразы лицо Витторы просветлело, на этот раз абсолютно искренне, и от Рыски это не ускользнуло.

— А тебе-то что? — грубо бросила она, — Ты, между прочим, такая же, как я, иначе как бы нас перепутали?

— Я дочь тсарей! — гордо произнесла Виттора. Вот с такой же гордостью и Альк задирает нос. — Мне такие по штату полагаются. А ты просто попала удачно. Как ты это сделала, не пойму, поведай напоследок, будь так добра, — ласково попросила девица.

— Не твоё собачье дело, — прошипела Рыска.

— Ну, как знаешь, — пожалала плечами Виттора, — Значит, пора тебе познакомиться с местным правосудием, а мне — с родней, жаль, знакомство будет недолгим, — она развернулась, собираясь уйти, но вдруг остановилась и добавила, — Кстати, ублюдка твоего я тоже убью. Нечего заступать дорогу потомкам тсарей.

— Альк этого не допустит, — уверенно, но внутренне вздрогнув, проговорила Рыска, — Он любит сына и защитит его.

— Если ещё будет, кого защищать, — кровожадно процедила видунья, — Тем более, зачем ему нужен будет сын от весчанки, когда есть от тсаревны? И папа его рад будет. Ты не находишь? — девица вернулась и снова остановилась напротив Рыски, любуясь произведенным эффектом.

— Ты о чём? — не поняла путница.

— О своём мальчике. Ему пять лет, его зовут Деллхард. И живёт он... впрочем, это уже неважно. Альк будет рад, — Виттора улыбнулась до ушей.

Рыска замерла с открытым ртом.

— Как такое может быть? — еле шевеля губами и похолодев, спросила она.

— Ну ты что, маленькая что ли, не знаешь, откуда дети берутся? Или не помнишь меня беременной на четвёртом курсе? Этот ребёнок у меня от Алька.

— Да как???

— Охотно поясню, — благосклонно кивнула Виттора, — Когда ты, как последняя дура, отвергла человека, которого любила, приехавшего за тобой в твою сраную веску и готового забрать тебя со свадьбы, он, естественно, был слегка огорчён, немного (прости: много) выпил и нашёл утешение в моей постели. Только и всего. А в середине следующего лета я родила ребёнка. Поверь, он так же, как и твой — копия отца, это видно без помощи дара, и сомнений у Алька не возникнет. Думаю, сильно убиваться он не станет. А если станет, я опять его утешу. И всем будет хорошо!

Рыска почувствовала себя раздавленной. Ей стало ещё хуже, чем было, если такое может иметь место накануне смерти. Конечно, она и раньше знала натуру Алька и давно смирилась, но ревность в душе всегда бушевала дикая. Начиная от сидящей у него на коленях

служанки в Лосиных Ямах и заканчивая цыпочками из Зайцеградского курятника, она готова была растерзать в клочья каждую, кто покушался на её саврянина. А эта ещё и была врагом.

Понимая, что ничего не добьётся ни криком, ни злостью, а лишь вызовет смех, Рыска рассудила, что разумнее всего прекратить разговор, и отступила вглубь камеры.

— Эй, я ещё не всё сказала, — окликнула её Виттора.

— Зато я всё услышала. Уходи, — глухо бросила Рыска. — И знай: я убью тебя.

— Никого ты не убьёшь, — рассмеялась девица, — Это я тебя сейчас убила. Тебе даже смерть перестала казаться такой уж страшной. Измена оказалась страшнее! Хотя, как он может тебе изменить? Кто ты ему? Понятно же, для чего ты ему нужна! Он просто развлекался с тобой, когда этого хотел!

— А тебя, наверное, вообще не запомнил? — уже усевшись на нары, спросила Рыска.

На лице Витторы на миг отразилась растерянность, но она быстро совладала с собой.

— Это неважно, — сказала она, — Важно то, что он останется со мной, а ты сдохнешь. Что ему передать, когда увижу? — спросила наглая девка.

Но Рыска перестала реагировать. Она легла на нары и закрыла глаза. Виттора постояла ещё, позлословила, но, видя что к ней потеряли интерес, всё же ушла.

Как только её шаги затихли в конце коридора, Рыска, резко открыв глаза, вскочила с нар. То, что происходило в её душе, было подобно урагану, и теперь рвалось наружу, не замечая никаких преград.

Если бы...

Если бы Виттора, упиваясь тем, что так легко убрала Рыску с дороги, не захотела позлорадствовать, если бы не стала заводить разговор на тему “с кем быть Альку Хаскилю”, возможно, Рыска и смирилась бы с судьбой, послушно опустив голову на плаху, либо ничего не сумела придумать до утра. Но теперь она испытала приступ бешенства, какого в её жизни ещё ни разу не было. Всё, чего ей сейчас хотелось — это посмотреть в наглые жёлтые глаза своего обожаемого Алька и задать ему соответствующие вопросы, хотя и знала она заранее все ответы.

И ещё убить эту тварь...

Даже беспокойство за сына отошло на второй план, ибо Рыска действительно принадлежала к славной категории женщин, что любят мужчину больше, чем ребенка, да и не мешало в данном случае одно другому.

Рыска оглядела соседней по камере, занимающихся по большинству либо сном, как воришка Крот, либо вылавливанием в давно нечесаной шевелюре вшей. Шлюха продолжала взывать к вору своих серёжек.

— Отда-а-ай! — ныла она.

— Я не брал! — отбрёхивался бродяга.

И тут Рыску осенило. И как она раньше не додумалась? И толпа так удачно рассеялась, предвкушая завтрашнее зрелище...

— Давай серёжки, — велела она, возникнув перед препирающимися маргиналом и цыпочкой. Бомж моментально и без разговоров выполнил её просьбу.

Рыска повертела безвкусные безделушки, отметив главное для себя: стальные загнутые крюки, которые вдеваются в уши. — Я их забираю, — решила путница.

— Они мои! — взвизгнула цыпочка.

— На вот, вместо них, — она сняла с пальца настоящее золотое обручальное кольцо. Всё равно оно больше было ей не нужно. Шлюха открыла было рот, но спорить не посмела

— взяла.

Рыска подошла к спящему Кроту.

— Проснись, — она дотронулась до него рукой, и парень в ту же щепку сел на лавке, где спал.

Рыска сунула ему под нос серёжки.

— Зачем? — удивился он.

— Сможешь таким крюком замок открыть? — спросила она.

Крот пожал плечами.

— А как не фиг делать! — профессионально сказал он.

— Так вперед и побыстрее, — велела она.

— А потом что? — спросил парень.

— А потом держитесь все за мной. И как только выйдем из тюрьмы, разбегайтесь кто куда, лучше покиньте город. Уже вечерет, всё должно выгореть. А уж если вас возьмут, валите все на меня.

Сокамерники медлили.

— Ну что, до скончания века тут сидеть собираетесь? — рявкнула Рыска, — Давайте, поднимайте задницы! Всем дороги подправлю, будете жить по-человечески! — пообещала она.

Крот со вздохом разогнул серёжку.

— Меня и так повесят, и так, какая мне разница? — буркнул он, подходя к решётке.

Остальные тоже стали подниматься.

— Спасибо вам, госпожа Рысь, — начала шлюха. — А можно мне такую дорогу, чтоб замуж выйти, детей родить...

— Можно, — махнув рукой, согласилась Рыска. — Только уж попозже... Но всенепременно. Вы меня тут немного развлекли, поверили в мою невиновность, а я добра не забываю. За это я всех выведу.

— У тебя и оружия-то нет, — всё еще сидя, возразил придушенный бродяга.

— У меня оно есть, — Рыска подёргала себя за косу, хмуро улыбнувшись. — Поднимайся давай!

В этот момент замок, звякнув, открылся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Рыска протянула крысу шлюхе.

— Я боюсь! — дёрнулась та.

— Больше, чем каторги? Не мели ерунды.

Едва девица неуверенно, двумя пальцами взяла зверька, нацелившегося её цапнуть, как Рыска в два счёта оказалась в коридоре, затем в кабинете, дверь в который никто не удосужился закрыть, схватила ножны с мечами, тут же их надела и заняла позицию впереди своей свиты. С мечами наголо.

Из всех камер неслись приветствия смельчакам.

— Молодцы! Побейте всю стражу!

— И нас выпустите! — кричал кто-то.

Но Рыске было не до них. Ей надо было теперь торопиться.

Незадачливый стражник, которому, видимо, Виттора открыла захлопнувшуюся дверь, попался им на пути через щепку и схватился за меч. Но он был всего лишь посредственностью, к тому же, не оценил противника по достоинству. В камере его и закрыли, без единой

царапины. Убивать попавших под раздачу Рыска считала недостойным.

...Уже четверть лучины спустя, когда её сокамерники растворились в сумерках вечернего города, она скакала по направлению к столице. Побег удался так легко, что девушка мучилась вопросом: ну почему, почему не додумалась до этого раньше?

За ней теперь, конечно, пошлют погоню, но это уже не в камере. Пусть попробуют догнать нетопыря на коровах, а догонят — неизвестно, кому хуже от этого будет. Да и вообще, это неважно. Важно сейчас спасти царскую чету.

Рыска успела выспаться в камере, Лада тоже отдохнула, так что обе чувствовали в себе силы скакать без остановок, хоть до самой столицы. Да и злость и ярость кипели в путнице молодым игристым вином. Пусть только попадётся теперь эта стерва, и она растерзает её вместе со всеми приспешниками! И у неё получится — Рыска твёрдо знала, потому что она — на свободе! — как же начинаешь ценить это понятие, после того, как поживешь в клетке!

Рыска мрачновато усмехнулась и настроилась на победу. Все было теперь при ней: и свобода, и верная скакунья, и оружие, и крыса, а главное... Дар вернулся к ней, стоило Витторе отойти подальше.

*

Она скакала всю ночь, держа в голове одну лишь мысль: успеть. Что бы там в жизни ни произошло, стать причиной гибели монаршей четы было бы намного страшнее всего остального, и потому она торопилась, как только могла, не позволив себе ни единого привала.

Немилосердно хотелось пить и есть, но всё, чем Рыска располагала — это парочка сухарей и четыре сушёных-пересушенных пескаря (схватила со стола, где пировали стражники). Когда она всё это съела, пить захотелось ещё сильнее, но ничего похожего на речку или ручей ей так и не попадалось. И зачем только она съела всё это? И вообще, очень неудобно, что в трудные моменты жизни её тянет жрать. Вот бы как Альк, терять аппетит от волнения...

Альк... Вспомнив о нём, Рыска фыркнула. Как она ни старалась завести в себе механизм обиды, ничего у неё не получалось. Неприятно — это да. Но совсем не смертельно, как оказалось чуть позже, как только девушка слегка успокоилась. А как же страшно было думать о том, что они навсегда расстались! Чем дальше, тем чётче Рыска понимала, что лучше уж ждать героя, того, в кого давно и безнадежно влюблена, и при этом чувствовать себя немножко душой из-за измены последнего, чем задирать нос и говорить всем, включая себя, что всё кончено. Тем более, она давно знает, какой он; никакого открытия Виттора ей не сделала.

Однако гадостный осадок присутствовал. Появилось ощущение собственной вторичности: да мало ли, сколько у него сыновей по всему царствию и за его пределами?

С другой стороны, публично признался в любви он только ей. А если нет?.. Вот Саший, отделаться от этих мыслей не получалось, они то и дело выскакивали на первый план.

Как же это трудно, когда в твоей душе всё одновременно: и страх, что больше не увидишь любимого человека, что его жизнь под угрозой, и обида на него, и ревность и... как это ни банально, любовь. Да и думать теперь надо было совсем не об этом.

Думать надо было о том, что беспринципная, а может, и сумасшедшая тварь в человеческом обличье, по недосмотру богов получившая дар и высокородность, а по недосмотру людей — знания и путничью грамоту, находится на полпути к столице и имеет

целью обезглавить тсарствие. Что ещё Виттора собирается сделать, Рыска старалась пока не думать...

Тсарица-видунья вполне была способна и найти Рыскиного сына, и убить — рука у неё не дрогнет, но до монаршей четы ей сейчас ближе, и эта цель приоритетнее, и потому начнет она с Шареса и Исенары, а уж потом возьмется за всё остальное. Необходимо не дать сделать ей ни то, ни другое. Нужно убить Виттору, чего бы это ни стоило.

Честно говоря, Рыска на собственный счёт не обольщалась, да и Виттору хорошо помнила. Несмотря на свою любовь к разнообразным сплетням, девушка была весьма и весьма талантлива, легко осваивала любую дисциплину. Если совсем честно, только ей из всех адептов старательная Рыска и уступала. Всего на полшага, но уступала! Так было на протяжении всей учёбы. И ещё одно: в Рыске жила весчанская осторожность, а Виттора обладала дворянской дерзостью, порожденной безнаказанностью. И осознание всего этого, пожалуй, породило бы в путнице страх, не позволив пуститься в погоню или рассчитывать на победу, но только не в этот раз. Рыскина ярость была сейчас намного сильнее страха. Она не то что бы не боялась вступить теперь в бой. Она просто не задумывалась над тем, боится она или нет, во всяком случае, за себя.

...Каждый опыт, как известно, идёт нам на пользу, даже если он нежеланный или неприятный, и Рыска оценила это совсем неожиданно для себя. Оказалось, она научилась чувствовать присутствие своего врага. Противные мурашки, бегавшие по всему её телу, как она смогла понять, и говорили о близости Витторы. И такое уже случалось с ней: преследовало всю дорогу от Чеговиц, но Рыска думала, что это вызвано усталостью и недосыпом. Когда же в тюрьме Виттора продемонстрировала ей свою силу, путница смогла разобраться, что к чему. И вот теперь, стоило ощущению слабо возобновиться, как Рыска увидела с холма довольно большой отряд, человек, наверное, в пятьдесят.

Во главе отряда неслась всадница на нетопыре. Она и вправду выглядела тсарицей. А тсарице полагалась свита.

Издалека Рыска успела заметить, что в этой свите есть так же ещё один всадник, принадлежащий к представителям их общего ремесла, видимо, Берек. А вот остальные были на коровах. Кто есть кто, с такого расстояния было не разобрать. Единственное, что было понятно Рыске — так это то, что ринтарцев и саврян в сопровождении тсарицы-видуньи примерно поровну. Мрачная ухмылка пробежала по её лицу, когда она вспомнила, как в детстве боялась саврян. Оказалось, что тогда было ещё не так страшно. Тогда было хотя бы сразу понятно, кто тебе враг, а кто — нет.

Да, дела... Чем дальше, тем хуже.

Итак, одна задача была выполнена: путница догнала врагов. Но, разумеется, напасть одной на такое количество вооруженных людей решил бы только безумец. И Рыска решила, что разумнее всего будет тихонько следовать за отрядом, а когда он станет на привал (а это рано или поздно произойдет), объехать его и на всех парах нестись дальше. Жаль, сил оставалось всё меньше: усталость и голод давали о себе знать.

Над силой дара Витторы Рыска задумывалась уже не впервые. Как такое может быть, в голове не укладывалось. И в библиотеке Пристани свидетельств на эту тему тоже не было. Напрашивался вывод, что дар Витторы — это ещё более уникальное явление, чем их с Альком связка. На девушку не влияет никто, а она влияет на всех, да как: тянет дар как из свечи! Хотя, сама же обмолвилась, что вдвоём они все же могли бы с ней потягаться... Виттора, похоже, какая-то сверхвидунья с даром настолько потрясающей силы, что никакая

“свеча” ей не нужна.

Внезапно вспомнилась их недавняя встреча в Чеговицах: затяжной дождь, закончившийся неожиданно и почти мгновенно, кружка, упавшая со стола... Все это, в принципе, мог бы проделать любой путник, если бы не одно но: это произошло очень быстро. А Рыска, сидящая рядом, даже не смогла понять, когда и как Виттора поменяла эти дороги.

Всё стало вдруг понятно и очевидно: Виттора имеет возможность менять дорогу быстро и незаметно, независимо от присутствия других видунов, без помощи и без вреда для себя. Вот почему она смогла подставить Рыску.

Вот почему за ней пошёл народ.

Вот только как бороться с видуней такой силы, было совершенно непонятно. Даже закованная в кандалы, даже раненая она останется опасной. Единственное, что с ней можно сделать — это напрочь отрубить ей голову, чтобы и подумать не успела.

Забывшись всего на миг, Рыска спросил

а дар: есть ли такая вероятность? — и с радостью увидела, что такая вероятность есть...

Но стоило ей об этом подумать, как едущая впереди группа всадников, подчинившись приказу, отголосок которого Рыска вполне расслышала, осадил коров и начала разворачиваться в ее сторону.

Путница помянула Сашия: вот ведь идиотка, привлекла внимание! — и хотела было разворачиваться и утекать, но тут увидела то, что почувствовала ещё рано утром.

На соседнем холме показалась другая группа всадников — под царскими знамёнами, и была она многочисленнее и лучше вооружена, чем сборище головорезов Витторы. Битва обещала состояться уже сию щепку.

И можно было бы надеяться на тсецов и спасти себя, тем более, что абсолютно вся свита самопровозглашённой самодержицы развернулась для поимки дерзкой путницы, и лишь одна Виттора продолжила путь.

Но для того, видимо, Хольга и наделила Рыску даром, чтобы она прямо в тот же момент спросила его: а почему Виттора бросается в атаку одна? И дар подсказал: именно теперь проклятая тсарица-видунья в шаге от осуществления своей мечты. Именно теперь у неё может всё получиться, если...

Хрупкая девушка вздохнула, на миг закрыв глаза и выхватила из ножен клинки, слишком длинные и тяжёлые (вот Саший, надо было хоть разок потренироваться!) для женской руки... Это был теперь единственный шанс, и не только для неё.

Наверное, всё же есть смысл носить дар... Наверное, Альк знал, что делает, отдавая ей своё оружие. Наверное, они оба знали...

Буря Рыскиных эмоций вдруг стихла, словно её и не было.

Знай, я всегда с тобой, где бы ты ни была и что бы ты ни делала...

Словно живую услышала она этот голос, и всё её тело сжалось, как пружина. Даже несоразмерно большой вес клинков перестал вдруг иметь значение. Только одно стучало теперь в голове: прорваться туда, вперёд, через эту толпу, неважно какой ценой, потому что если она не прорвётся и не остановит проклятую тсарицу-видунью, тогда уж лучше и в самом деле погибнуть.

Огромные лезвия описали в воздухе сверкающие дуги — и закрутились мельницей. Если бы Рыска увидела это со стороны, она была бы потрясена тем, что действительно такое смогла. Тех, кто первым решился к ней подойти или просто не успел отскочить, а то и не

стал этого делать, не ожидая от девушки подобной прыти, наискось располовинив, отбросило в стороны. Хорошо, что молодая путница, не оглядываясь, мчалась дальше, иначе следующий труп был её: она бы замёртво рухнула если не от вида покойников, то от осознания, что оборвала чью-то жизнь — уж точно.

Раньше она использовала свои мечи в основном для тренировок. Порой приходилось пугать ими разбушевавшуюся пьянь в кормильнях, хотя в таких случаях хватало, как правило, одного только внушительного вида клинков и самого путничьего звания, по крайней мере, до прихода блюстителей закона.

Пару раз, конечно, пришлось ей и сражаться. Например, однажды в лесу, в сумерках Рыска напоролась на разбойников, на поверку оказавшихся оголодавшими весчанами. В поисках наживы мужики, вооружённые одними вилами и двумя дубинами, вышли на большую дорогу. Однако, сражение увяло на корню: стоило Рыске слегка, несерьёзно задеть одного из злоумышленников, как остальные в ужасе разбежались. Ещё как-то раз выпало по заданию вычислять в толпе шпиона. И когда Рыске это, наконец, удалось — не без последующей головной боли, разумеется, искомый шпион выхватил меч, собираясь дорого продать свою жизнь. Но и на этот раз всё закончилось лишь фехтованием — даже никто никого не задел, ибо почти сразу вмешалась стража.

Всё остальное время Рыске приходилось выполнять другие задания, не связанные напрямую с применением оружия. Как правило, она либо исполняла поручения её величества, либо ездила в охранении гонцов, где и тсецов хватало. Разъезжать по дорогам одной ей пока приходилось немного, и потому возможности применить на практике боевые навыки ей толком не выпадало.

А вот теперь невольно пришлось воевать без дураков. По-настоящему.

Нет, мечами она теперь владела хорошо, благо, уже девять лет почти ежедневно упражнялась в этом. Но одно дело потренироваться в паре с кем-нибудь из однокурсников либо принять участие в состязаниях мечников — и даже взять призовое место. Но убить...

Рыска знала, что рано или поздно ей придётся это сделать, но думать об этом ей обычно не хотелось... А сейчас было просто не до дум.

Накрыло какое-то мрачное осознание: я ведь уже убивала однажды, пусть не мечами, а при помощи дара, пусть ненамеренно, желая спасти одних, пожертвовав другими... Но убивала!

И стало совсем не страшно.

Давайте, гады, подходите, я вас жду! Вы не люди, раз спутались с этой мразью. Тем более, вы сами лезете на меня; я вас об этом не прошу.

Удар, ещё удар... Один отскочил, зажимая плечо, второй слегка задел путницу по правому бедру, но в тот же миг остался без головы, третий захрипел, поражённый в горло...

А Рыска, не останавливаясь, всё неслась вперёд через эту толпу, ибо на строй это было нисколько не похоже, продолжая разить врагов. Лада пару раз вякнула — ей тоже перепало. Нога наливалась болью, но с этим потом... Отправляя нападающих на небесные дороги, она держала в голове одну лишь цель: девушку верхом на нетопыре, одетую в чёрное. Только бы успеть её достать, пока она не натворила неописуемых бед. Сомнений, в том, что она это сможет, у Рыски даже не возникало.

До передового отряда тсарского охранения оставалось около четверти вешки, и Рыска почти догнала Виттору, а вот преследователи заметно поотстали: кто-то погиб, кто-то был серьёзно ранен, кто-то всё ещё пытался её догнать, но скакунья путницы давала фору любой

корове. И вот до Витторы осталось совсем чуть-чуть, ещё немного — и можно смахнуть гадине голову прямо на скаку. Ещё немного ближе... Но не позже, потому что потом они поравняются с царской охраной, и тогда могут быть жертвы среди своих же.

И вот когда до Витторы осталось всего лишь полкорпуса, она вдруг обернулась, улыбнулась Рыске, и глаза её сверкнули золотым... В ту же щепку Лада припала на переднюю правую лапу, и Рыска на всём скаку вылетела из седла — легче птички, однако успела и сгруппироваться, и отбросить оружие, чтобы не напороться самой. И, конечно, тут же вскочила на ноги, подобрав один меч, тот, что короче. Нетопыриха у стояла рядом, виновато тыкаясь мордой в плечо хозяйки — прости, мол, оплошала. Но путница, оценив расстояние, поняла, что уже не успевает. Единственное, что теперь можно было сделать — это метнуть меч.

Рыска не отличалась особенной меткостью, разве что из арбалета стрелять слегка научилась, но навыки её были далеки от идеальных. Меч же она метала откровенно плохо — и это тот, свой, сработанный по её руке. Этот же, и так неподъёмный, а после битвы ещё потяжелевший, казалось, нечего было и пытаться отправить в погоню за ускользящим врагом.

Итак, Виттора скакала дальше.

Эх, была-не была, подумала путница. Хоть нетопырю в зад попаду, а там...

И с большим трудом послала меч в полёт, попробовав, впрочем, почти безнадежно, направить его путём смены дороги.

Клинок рассёк воздух — вжух-вжух-вжух! — а потом послышался глухой удар.

Рыска на миг посмотрела назад. Никто уже за ней не гнался. Все, кто ещё был на этом способен, спешно осадил коров и помчались в обратном направлении, лишь увидев то, что сама путница ещё не увидела и не осознала.

Медленно повернулась она обратно....

Нетопырь без всадника продолжал скакать куда-то влево, а потом спланировал с вершины холма... А девушка в чёрном ласточкой распласталась по земле.

— Так я что... попала что ли?.. — спросила Рыска у самой себя — и тут же взвизгнула от восторга на грани истерики, подпрыгнула на месте, поняв, что да, попала!.. Но её радость была недолгой: потревоженная рана на бедре отозвалась болью, кровь, успевшая слегка остановиться, хлынула с новой силой. Зажав рукой свежий порез и подобрав валяющийся рядом второй клинок, путница поковыляла к поверженному врагу, чтобы удостовериться в благополучной отправке ненормальной в бездорожье. Дара Витторы Рыска не чувствовала — возможно, царица-видунья погибла. Но это с равной вероятностью могло означать и то, что она просто потеряла сознание. Но в тот момент, взвинченная после боя, Рыска вполне была способна хладнокровно вонзить в беспомощное тело клинок, или даже сразу оба, чтобы сомнений не осталось...

Но в ту же щепку её со всех сторон окружили тсецы из царского охранения, оцетинившись мечами и взведёнными арбалетами. Споткнувшись, девушка упала на колени.

— Руки вверх! — прозвучал приказ, — Оружие на землю!

Ей пришлось подчиниться. Рыска аккуратно положила клинки на траву, затем подняла руки, боковым зрением примечая, что за недавними агрессорами отправлена погоня.

— Я не враг... — тяжело дыша, проговорила она, — Доложите её величеству... Я не враг!

— Сейчас разбер-рёмся! — подъезжая ближе, рывкнул начальник охранения, —

Отвечай: кто такая?

— Я путница, Рысь... Проводите меня у тсарице, — слегка отдышавшись, попросила она, — У меня секретные сведения.

— Грамоту давай! — велел тсец, протягивая левую руку, но в правой продолжая держать наизготовку обнажённый меч.

Но тут, растолкав воинов, перед девушкой явился Крысолов.

— Учитель!.. — простонала Рыска. На лице её заиграла блаженная улыбка. — Как я рада! Где её величество?

— Её здесь нет, — ответил путник, — А вот его величество с удовольствием с тобой поговорит.

— Но... он же не знает меня! Откуда он...

— Достаточно того, что тебя знаю я, — заверил учитель.

— А как же... — Рыска качнулась в сторону распростёртого тела Витторы.

— Всё после, — отмахнулся Крысолов, — Да успокойтесь вы, господа, я ручаюсь за неё. Это моя ученица, — бросил он тсецам.

Воины с явной досадой убрали оружие и рассредоточились по равнине, осматривая поле недавнего боя. Крысолов же тем временем спешился, подал Рыске руку, помог ей подняться и снова подобрать клинки.

— Пойдём, доча, — сказал он, — Я представлю тебя его величеству, вернее, покажу воочию, ибо он о тебе наслышан.

— Да откуда? Я же... — начала Рыска, делая неуверенные шаги.

Крысолов усмехнулся.

— Что ж это за тсарь такой, если он не знает, что творится в его семье и с кем общается его супруга? — спросил путник, — У наших монархов нет друг от друга секретов, — пояснил он с улыбкой, — Поэтому, если ты служишь тсарице, то одновременно и тсарю тоже.

— А вы здесь откуда?

Учитель приосанился.

— А я теперь служу в охране тсаря! — гордо заявил он.

— Здорово, — превозмогая боль и стараясь не хромать, улыбнулась девушка.

— А её величеству я о тебе тогда напомнил, — признался путник, — Мне хотелось, чтобы ты получила должность при дворе, чтоб тебя оценили по достоинству. И судя по тому, что гонца для твоего спасения отправили незамедлительно, как только узнали, что ты в беде — оценили-таки. К тому же, его величество решил теперь лично посетить тот город по дороге на север и разобраться, что там к чему...

— Подождите, учитель, — вдруг перебила его Рыска, — Какого гонца? — спросила она.

— Того самого, что привёз грамоту о твоём освобождении, — уверенно произнёс Крысолов, — Правда, я и представить себе не мог, что он успеет так быстро...

— Но меня никто не освобождал! — воскликнула дева, — Я сбежала из тюрьмы!

— Что? — не понял путник.

— Да, сбежала, — подтвердила она, — Кстати, в столице уже известно о Береке? — задала она весьма неожиданный вопрос.

— Известно — что? — нахмурился Крысолов, — Ты о чём, доча?

Рыска хотела было ответить, но тут раненая нога отказалась ей служить. Запнувшись, девушка упала, как подкошенная, коротко вскрикнув. Попыталась подняться и не преуспела.

— Да что такое? — склонился над ученицей старый путник, — Ты ранена, что ли?

— Немного... — стиснув зубы, выдавила Рыска.

— Дай посмотрю... Ой, мать ты моя! И это — немного? — опешил Крысолов, — Как нога-то ещё цела?

— Ладу тоже... посмотрите, — шипя от боли, попросила путница. Перед глазами у неё мельтешили мухи, язык во рту еле ворочался.

Тряхнув головой, она попыталась отогнать дурноту и снова попыталась подняться.

— Лежи уж! — велел Рыске учитель, — Сейчас перевяжу тебя и в седло посажу. Ой, горе ты моё!..

Она ничего не отвечала. Только тупо кивала ему. А Крысолов всё причитал:

— Вот уж вырастил на свою голову! Ранена — и молчит! И с кого же только пример берёт?..

Но Рыска лишь улыбалась ему побледневшими губами. Осознание победы не давало грустить, не смотря на боль.

Пока тсецы вылавливали приспешников Витторы, царь отдал приказ становиться на привал до утра. Слуги разбили лагерь, поставили шатры, разложили костры и приступили к приготовлению обеда.

Для Рыски и её учителя тоже нашлось пристанище — отдельный, хоть и небольшой шатёр на краю лагеря.

Крысолов самолично осмотрел рану своей любимицы и перевязал. В другое время Рыска справилась бы и сама, но, похоже, потеряла много крови, и дурнота всё никак не отпускала её, накатывая волнами. Однако в её сумке нашлось необходимое снадобье, выпив которого девушка слегка пришла в себя. Словом, две лучины спустя, отмытая и переодетая, правда, слегка пошатывающаяся и с лихорадочным блеском в глазах, Рыска предстала пред царские очи.

Раньше девушка видела его величество лишь на портретах, а теперь... Теперь поняла, что в жизни Шарес намного моложе, улыбчивее и красивее. Пожалуй, мелькнула шаловливая мысль, он даже мог бы понравиться ей самой как мужчина, если бы сердце не было навеки занято другим, не таким смазливый, но до конца жизни единственным, даже если ей больше никогда не суждено его увидеть.

— Добрый день, госпожа путница, как ваша рана? — участливо спросил царь.

Рыска склонилась перед монархом. Боль, едва прошедшая после выпитого зелья собственного производства, снова пронзила раненое бедро. Поморщившись, девушка схватилась за учителя. А ей ведь казалось так, царапина!

— Извините, ваше величество, ей очень больно, — вмешался Крысолов, — Но она у нас терпеливая. Пожалуйста, позвольте ей присесть.

— Да, конечно, — разрешил царь, указывая на раскладной стул напротив себя.

Рыска молча глянула на путника, но отказываться не стала — присела на предложенное ей место, чувствуя себя дура-дурой. Даже боль показалась вдруг неважной...

Эх, надо было тогда, ещё много лет назад просить Алька обучать её не саврянскому языку, а дворцовому этикету (вот когда бы он повеселился по-настоящему!). Нет, конечно, путница не раз бывала во дворце, общаясь с царицей, но та не требовала от советницы многого, считала подругой, и Рыска её не боялась. Да и не ходила она никуда, кроме их тайной комнаты!

А теперь, хоть и в полевых условиях, но пришлось воочию увидеть самого Шареса! И хотя молодая путница догадывалась, что рано или поздно это произойдёт, всё же надеялась,

хотя и не рассчитывала, что Исенара в этот момент будет рядом.

— Добрый день, ваше величество, — проговорила Рыска, как только смогла взять себя в руки, — Я... к вашим услугам.

— Для начала, может быть, пообедаете? — предложил царь, указывая на накрытый стол, — Я слышал, вы более суток скакали без отдыха.

— Нет, благодарю вас, ваше величество, — отказалась девушка. Её до сих пор мутило, не смотря ни на какое зелье, да и без этого кусок в горло при нём бы не полез. — Давайте лучше сразу к делу, — предложила она.

— Ну как угодно, — царь кивнул, — Господин путник, вы позволите? — обратился он к Крысолову.

— Да, конечно, я на улице подожду. — учитель с поклоном покинул шатёр, а у Рыски все поджилки затряслись. Она впервые осталась один на один с царём! Надо ли говорить, что о своей ране она позабыла в тот же миг?

— Итак, госпожа Рысь, слушаю ваш рассказ, начиная с того момента, когда вы познакомились с её величеством, — произнёс Шарес, — А так же всё то, что вам удалось разузнать. Я вас слушаю, — повторил он.

— Прошу прощения... Что, с того самого года, когда могла произойти новая война между Саврией и Ринтаром? — уточнила путница.

— А вы знакомы так давно? — удивился царь, — Ах, ну да! Я же об этом слышал!.. Ну тогда — с того самого года, — кивнул он, — Я желаю знать всё, раз уж вы мне служите.

Рыска сдержанно улыбнулась.

— С удовольствием расскажу, ваше величество, только сначала... позвольте спросить?

— Да, госпожа Рысь?

— Где её величество? — шёпотом, стараясь сдержать внезапно подступившие слёзы, спросила она, — С ней всё хорошо? Я очень беспокоюсь, но никто не хочет говорить о ней... — предательская слеза всё же скатилась по щеке девушки. Руки у неё задрожали, и она поспешно убрала их под стол.

Ничего из этого не укрылось от внимательного взгляда царя. Он молча поднялся из-за стола, налил воду из графина в тонкий бокал, протянул путнице и улыбнулся. Рыска с жадностью проглотила воду.

— Никогда б не поверил, что две такие разные женщины способны дружить, — тихо сказал он, видя, что Рыска немного успокоилась. — Два с небольшим дня назад я слышал от неё почти то же самое о вас, — пояснил царь, — Её величество тоже рвалась в бой, и я почти позволил ей ехать со мной... Но лекарь запретил ей садиться верхом на корову, а карета сильно задержала бы нас, — он помолчал. — С её величеством Исенарой всё в порядке. Она во дворце, охрана которого была усилена в ту же щепку, как ваш друг доставил ваше письмо. И... она очень ждёт вас, госпожа Рысь. Прошу, навестите её хотя бы ненадолго.

— Всенепременно, — прошептала Рыска, опустив глаза. Слёзы хлынули из её глаз потоком, как только с души упал камень.

===== Глава 21 =====

Они беседовали долго.

Когда Рыска покинула царский шатёр, солнце уже клонилось к закату. Девушка устала не хуже, чем во время страды, когда-то давно, в своём весчанском детстве, но получила за свои старания награду: расписку на сто златов, которую следовало обналичить во дворце, а также кольцо — взамен того, что дала ей когда-то Исенара и которое вернулось к царице

вместе с письмом, переданным лекарем. Теперь этому кольцу полагалось стать для путницы новым пропуском во дворец.

Когда Рыска уже выходила из тсарского шатра, его величество вновь её окликнул.

— Одну щепочку, госпожа Рысь. А ваш... — тсарь подумал, подбирая слово. — Ваш напарник, господин Хаскиль... Где он?

Как всегда, при упоминании этого имени, у Рыски замерло сердце.

— У него случилась беда, ваше величество. Он потерял жену и сына, — ровно произнесла она. — Мы решили, что для доставки сведений о вашей сестре будет достаточно одной меня. Где он сейчас, я не знаю, — обобщила Рыска. Ясное дело, тсарю совершенно незачем знать, что и как было на самом деле. В целом же она не сказала и слова неправды.

— Ни за что не поверю, что он мог отпустить вас одну в такую опасную поездку, — покачал головой тсарь.

— Никакой опасности не предполагалось, — вздохнула девушка и добавила совсем уж упавшим голосом, не глядя на Шареса, — Всё произошло уже потом, он не знал. К тому же... Я смогла справиться сама.

— Позвольте снова вам не поверить. И у вас, и у него есть дар. Почему же вы не почувствовали опасность?

— Путники не так всемогущи, как все думают... — устало, словно сама себе, ответила Рыска, — Я пойду, ваше величество?..

Тсарь поднялся из своего кресла, подошёл к ней ближе, заглянул в усталые глаза и проговорил совсем другим, доверительным тоном:

— Я всё знаю о вас, госпожа Рысь. Мне её величество рассказала... Я не о вашей связке, — он помолчал, давая ей время осознать. — Завтра я поеду на север. Мне доложили о готовящейся вражеской атаке и о том, что произойдёт она именно там, на северном побережье Саврии. Вполне возможно, я встречу его, вернее, я собираюсь его разыскать.

— Зачем? — удивилась Рыска, забыв о субординации.

— Для таких, как он, всегда найдётся дело важнее простого сражения. Такие стоят сотен... — задумчиво улыбнулся Шарес. — Так вот, госпожа Рысь, может быть, передать ему что-нибудь?

Рыска молчала. То, что она хотела бы передать, в слова не укладывалось. К тому же, теперь угроза жизни Алька стала, наконец, для неё ясна...

Она пожала плечами со спокойным видом, но внутренне похолодев.

— Это неожиданно, ваше величество, — сказала она, — Я не знаю...

— Подумайте до утра, — тсарь положил ей руку на плечо. — И отдохните. На вас лица нет.

Крысолов ждал её неподалеку от тсарского шатра, беседуя с кухарем о способах разжигания костров в дождливую погоду. К вечеру стало пасмурно, прошёл небольшой дождь, сделав все вокруг сырым и противным, а тему — злободневной.

— Ну вот и ты, — улыбнулся учитель. — Давай ужинай, а потом пойдём ко мне в шатёр. Я так рад, что мы встретились!

Рыска тоже была рада, что жизнь предоставила возможность пообщаться со старым путником, прямо как в старые добрые времена, когда она училась в Пристани. Однако и тревога усилилась: там, далеко на севере, высокий белокопый видун смотрел с обрывистого берега в морскую даль... Но понять пока ничего было невозможно. То ли от боли, то ли от усталости сосредоточиться никак не получалось... Ладно, решила она. Видимо, ещё не

сейчас. Нужно немного подождать. А пока поужинать, хотя особого желания и нет, поговорить с учителем, отдохнуть.

У костров помимо них разместилось много народу, в основном это были тсецы из охранения и слуги. Среди большого количества народа Рыска увидела и своего знакомого, лекаря, с чьей помощью ей удалось оповестить монархов об опасности. Преисполненная благодарности, Рыска хотела вручить ему деньги, но наткнулась на отказ:

— Что вы, госпожа Рысь! — замахал он руками, — Как я могу? Вы ведь когда-то спасли меня от виселицы. Я лишь вернул вам долг... и то, получается, что не вернул. Я видел, как вы сражались и слышал, что вы ранены. Позвольте вас осмотреть?

Это оказалось кстати, и путница согласилась. Лекарь осмотрел Рыскину рану и обработал какой-то мазью, после чего боль утихла и стала ощущаться как-то отстранённо, словно не у неё. Затем лекарь вручил девушке две баночки и пояснил:

— Вот это наносите каждый день, и всё заживет буквально за пару недель, только поменьше тревожьте порез, больше отдыхайте. А это, — он показал на вторую баночку, — Применяйте только тогда, когда боль становится нестерпимой. Впрочем, на ваше усмотрение.

Они ещё немного поговорили. Рыска рассказала, что тоже знает толк во врачевании, вызвав ещё большее уважение лекаря, и получила несколько советов, которые впоследствии могли сильно пригодиться.

Затем, сославшись на усталость, девушка ушла в шатёр вместе со своим учителем, где ещё долго отвечала на его вопросы — практически пересказала тот рассказ, который недавно выслушал царь, только без церемонного “ваше величество”. Крысолов лишь головой качал, слушая ученицу. То, что узнала Рыска о даре тсарицы-видуньи, его озадачило, и он заверил Рыску, что ничего такого раньше не слышал, однако пообещал обсудить с коллегами и постараться разобраться.

— Гонца, о котором вы говорили, наверняка убили, — со вздохом сказала Рыска.

— Да уж конечно, — согласился Крысолов. Немного помолчал и добавил, — Как и всех тех, кого отправила Пристань, чтобы сообщить о безумстве Берека. Счастье, что ты-то смогла сбежать и вовремя среагировать. Иначе жертв могло быть намного больше, уж поверь. Но ты у меня молодец, я в тебе и не сомневался, — он улыбнулся. — Я бы и сам до такого, пожалуй, не додумался. Это ж надо: применить крюк от серёжки как отмычку! Недаром в юности общалась с вором! — усмехнулся он.

— Замок открыла не я, — возразила девушка, — И Жар больше не вор, — напомнила она.

— Бывших воров не бывает, — со знанием дела произнёс путник. — Просто этот вор перешёл на другой уровень, доча. Ему теперь, скажем так, можно воровать. Но в пределах разумного.

Рыска махнула рукой. В особенности службы названного брата она не вникала, считая, что меньше знаешь — крепче спишь, хотя дар ей иногда кое-что подсказывал, но ничего страшного Жару пока не грозило.

— Теперь страже в тюрьме нагорело, наверное, — вздохнула Рыска. Но тут же утешилась, — Пить надо меньше на службе!

— Действительно! — согласился Крысолов, — А уж наместнику теперь точно не поздоровится. Из кресла своего он полетит как пить дать, да и вообще как бы не посадили, вместе с судьёй. А вот людей можно понять. Это хорошо ещё, что ты им в руки не попалась,

а то не спасли бы тебя тогда ни я, ни царь, — он вздохнул. — Ладно, доча, давай укладываться помаленьку. Завтра всем нам в путь: нам на север, тебе, надо думать, на юг. Как чувствуешь себя?

— Да всё пока нормально... — устало уронила Рыска, — Думаю, завтра немного хуже будет, а потом пойдёт на спад.

Крысолов немного помолчал, а потом не выдержал: всё же задал так мучивший его вопрос:

— До чего договорились-то с ним? — уточнять, кого он имеет в виду, не требовалось.

Рыска отмахнулась.

— Да как всегда, ни до чего, если по итогу.

— Это как?

Рыска пожала плечами.

— Война на пороге, — вздохнула она. — Как бы там ни было, всё равно — война, вы же знаете. Собравшиеся войска так или иначе пойдут теперь в атаку, с идейным вдохновителем или нет... А вот если переживем эту войну, тогда, может быть, и будем с Альком вместе... — она помолчала. — А вам... если не встретитесь с ним больше, он передавал свою признательность и поклон...

Рыска умолкла. О том, что Альку грозит смерть, учителю говорить она не стала. Незачем было расстраивать старика раньше времени. Крысолов в свою очередь не стал скабрзничать, а лишь молчал, задумчиво улыбнулся и кивнул. Шутить на эту тему совершенно не хотелось. В такие времена шутки подобного рода были недопустимы. А ну как и правда, больше не встретишься?.. Одно дело говорить колкости за глаза о живом и совсем другое — почесать всласть язык, а потом узнать о смерти, тем более, о смерти того, кто на твоих глазах из заносчивого мальчишки превратился в настоящего мужчину, воина, а главное — человека, того, к кому давно относишься как к сыну. Уж лучше удержать при себе острое словцо, чем до конца жизни корить себя за него. Да и не стал бы Альк передавать такие вещи, если бы не чувствовал близко беду. И Рыска такая печальная... Всё одно к одному.

— Давай, доча, ложись, — стараясь не показывать свою взволнованность, сказал Крысолов, и как только девушка улеглась, подул на свечу. Ему хотелось скорее оказаться в темноте, чтобы ученица не видела ни растерянности на его лице, ни непрошеной слезы.

Рыска блаженно растянулась на лежаке. К походной жизни ей было не привыкать, а с учителем — спокойно и легко, словно он и в самом деле её отец. Но сон к ней теперь не шёл. Она слишком беспокоилась, что уснёт и не почувствует, когда её любимому потребуется помощь.

— Учитель, — позвала она.

— М-м? — раздалось из темноты. Крысолову тоже отбило сон.

— А я... убила кого-нибудь? — спросила Рыска. День оказался таким длинным и насыщенным, что она совершенно позабыла об этом.

— Кого-нибудь! — тихо воскликнул Крысолов, — Человек пятнадцать раненых, четверо из них — не жильцы, и семеро убитых. Достаточно? Проредила врагов как надо, да и болтунами дознавателей обеспечила.

— А эта... Витора... умерла? — не своим голосом спросила Рыска, чувствуя снова подступающую дурноту.

Крысолов хмыкнул.

— Вот как раз нет! — сказал он, — Твой меч её навершием по затылку приложил. Да неплохо так, она всё ещё без сознания, возможно, не выживет. Но лучше бы жила, потому что из нее мно-о-ого всего вытянуть можно... Чего с тобой? Ты куда? Ах да, в первый раз ведь...

Рыска многое могла возразить по поводу сказанного учителем, высказать свои соображения и сделанные после общения с видуньей выводы, но ей внезапно стало не до этого. Осознание того, что оборвала столько жизней, перемешалось с услужливо подкинутыми даром картинками, и теперь ей срочно нужно было бежать, невзирая на боль в ноге, вон из шатра, за лагерь, в ближайшие кусты, чтобы благополучно попрощаться со всем ужином и забыть о еде на пару-тройку дней.

*

...Ничего страшного, так бывает, уговаривала себя Рыска, уже две лучины сидя под деревом спиной к лагерю. Как и во все сложные моменты своей жизни, она вспомнила Алька и его первое убийство. И его переживания по этому поводу... Даже ему тогда было очень плохо, хотя он намного лучше владеет собой. И он — мужчина. Он с детства мечтал быть путником, и, наверное, морально готовился, что убивать придётся. А ещё его сознание в тот момент захватила крыса, так что он мало что запомнил, осознал лишь потом...

Рыска снова кинулась в кусты. Можно подумать, она что-то запомнила! Даже не посмотрела и ничего не поняла, пока учитель не сказал... И тем не менее, ей было очень плохо, просто наизнанку выворачивало. Хотя лучше уж так: пусть всё быстрее проходит, чем копить в себе горечь воспоминаний...

Но семь человек! И четверо при смерти! И это война ещё даже не началась!..

О, Хольга, ну вот опять...

Когда, наконец, стало немного полегче, Рыска отдышалась и прислушалась к ночным звукам: крикам совы, стрёкоту кузнечиков, шелестам, шорохам. Дождь давно прошёл. В небе снова ярко светила луна, уже растущая, тоненький серп. Две недели назад они вот так же смотрели в ночь вместе с Альком...

Как-то он там? Помнит ли о ней? Нет, понятное дело, что ему сейчас не до неё, но вот бы вспомнил, хоть ненадолго. Словно по волшебству, его образ возник перед глазами. Почему-то появилось такое же ощущение, как тогда, на берегу Рыбки, перед наводнением...

Альк стоял на краю скалы, одетый в военный доспех, с мечами в руках, готовый к битве. Рыска никогда не видела его таким раньше...

Далеко внизу плескалось холодное северное море, ещё не штормящее, но уже беспокойное. С неба потоками изливался дождь, тучи то и дело озарялись сполохами молний.

На море в предрассветных сумерках покачивались корабли вражеского флота, и было их так много, словно это и не корабли вовсе, а опавшие листья в ручье. А вверх по скалам поднимались враги, словно муравьи, но гораздо более воинственно настроенные, до зубов вооружённые и выкрикивающие какой-то единый боевой клич, сливающийся в нестройный гул.

Альк тоже был там не один, но количество его соратников значительно уступало количеству врагов. В такой схватке победить нечего было и пытаться... Если только не...

Так, словно он был рядом, Рыска услышала его голос:

— Помоги мне, я никогда не просил...

А потом, холодно взблеснув в свете озарившей их молнии, закрутились его клинки. Альк вступил в битву с врагами — отчаянно и безнадежно, но как всегда легко и красиво...

...Дернувшись и неслабо приложившись головой о ствол дерева, Рыска проснулась, не сразу осознав произошедшее.

— К Сашию такие сны, — тихо сказала она и, поморщившись от боли, осторожно поднялась на ноги. Всё тело затекло, рана снова о себе напомнила, да вдобавок, девушка продрогла так, что зуб на зуб не попадал. Хотелось поскорее добежать до шатра, где было относительно тепло, но она смогла лишь ковылять с остановками, иногда шипя от боли.

Когда, наконец, она добралась до лежака и легла, натянув покрывало до подбородка, до неё дошло, что именно случилось...

Каким-то непостижимым образом, во сне, она смогла поменять дорогу Алька, и теперь его жизни уже ничего не угрожало. Ледяной страх за него отпустил. Впервые с момента расставания в Чеговицах, Рыска была за него спокойна.

— Благодарю тебя, о Пресветлая! — прошептала девушка, борясь с рыданиями.

Десяток щепок она молча плакала, вознося богине благодарственные молитвы. А потом ей стало так плохо, что даже боль в свежей ране показалась незначительной. Голова разболелась, дар практически сошёл на нет, из носа потекла кровь, а обычный озноб перешёл в судороги. Перетерпеть такое состояние нечего было и рассчитывать. С этим нужно было срочно что-то делать.

Мучаясь вопросом, что же такое они смогли сделать, путница поднялась снова, наощупь нашла свои вещи, кое-как оделась и покинула шатёр, чтобы не мешать учителю спать.

На краю лагеря продолжали гореть костры, и народ возле них тоже нашёлся. Были тут и трое тсецов, один из которых стоял поодаль, вглядываясь в темноту, а двое других травили у костра байки, и кухарь со слугами, которые, похоже, уже встали, чтобы успеть вовремя приготовить завтрак, и ещё несколько человек, в основном из obsługi, которым по тем или иным причинам не спалось в эту ночь.

Рыска шепотом, отведя в сторонку, обратилась к одному из тсецов:

— Прошу прощения, у вас выпить не найдётся?

На лице мужика отразилось недоумение. Он истолковал Рыскину просьбу по-своему, решив, что начальник охранения таким образом пытается выведать, не пьют ли его подчинённые в карауле.

— Да как вы можете, госпожа путница? Мы не пьём! — клятвенно заверил её тсец.

“Расскажи это своей бабушке”, — чуть не вырвалось у Рыски, без помощи дара почувствовавшей запах алкоголя от мужика. Но вслух она сказала:

— Да мне это безразлично, я хочу выпить. Я бы купила, если у вас есть. Мне согреться надо.

Тсец, увидев наконец, что у путницы дрожат руки и вспомнив, что она ранена, сразу успокоился и сказал:

— А-а... Так у нас мало. Вы обратитесь к кухарям, у них запасено в дорогу.

Кухарь оказался понятливее, пошарил по мешкам и извлёк на свет две бутылки, предложив Рыске на выбор: обычное вино или ледяное. Девушка попросила сварить для неё варенухи, а пока ждала, грелась у костра.

Когда ей вручили большую глиняную кружку, такую, из каких, как правило, пьют пиво, Рыска сделала несколько глотков и начала согреваться. Выпив половину, она попросила сварить ещё, а сама уселась поближе к костру на чурбачок. Конечно, варенуха надолго не

поможет, но главное — дотерпеть до утра. А там проснется лекарь, возможно, что-нибудь посоветует.

Как только Рыске немного полегчало, мысли её вернулись к Альку. Понять, что с ним, как он, она так и не могла, но беспокойства больше не было. Можно было вздохнуть с облегчением.

Рыска устала в костер. От варенухи тело её расслабилось. И головная боль, и боль в ноге, хотя и не прошли окончательно, но потеряли остроту и значение, как оно и бывает при небольшом опьянении. Но она решила ещё немного посидеть у костра, погреться.

Кухарь подал ей ещё одну кружку с дымящейся жидкостью и ушёл по делам, позвав с собой слуг. Тсецы тоже растворились в темноте. Она осталась у костра одна.

... — Да давайте лучше здесь, у костра посидим, тут теплее, — услышала она женский голос, и из темноты в круг света вышли три женщины. Две были одеты как служанки, третья — как госпожа. Служанкам, похоже, было лет по сорок. Дворянка смотрелась ровесницей Рыски. Все трое принадлежали к саврянской нации — на соответствующем языке и говорили. Общались они на равных, видимо, потому, что бутылка вина, которую держала в руке одна из служанок, была далеко не первой. Служанки трудились при царской полевой кухне, а знатная девица, судя по всему, следовала на север в свите царя, чтобы добраться до Саврии целой и невредимой. Возможно, она была дочерью кого-то из приближенных монарха или его супруги.

— А это еще кто? — спросила дворянка громким пьяным шёпотом у путницы за спиной.

— Да не шепчи! Она по-нашему, небось, не понимает, — успокоила её первая служанка. — Путница это, которая сегодня в одиночку тьму народу положила.

— А-а! А чего не спит?

— Откуда я знаю?

Рыска на миг снова почувствовала дурноту, но смогла отдышаться, а потом сделала большой глоток варенухи, и всё как будто прошло.

Уходить от костра Рыске не хотелось: возле огня было всяко теплее, чем в шатре, а спать не хотелось. Да и забавно было послушать, что при тебе скажут те, кто думает, что ты их не понимаешь.

А говорили женщины, которых поравнял алкоголь, на весьма банальную, но неисчерпаемо интересную тему: о мужиках. Ну, и всё, что касается этого тоже приплеталось к теме. Досталось и её персоне:

... — Интересно: а кто ей тот путник, который с нами от столицы едет? — спросила одна из служанок, имея в виду Рыску и Крысолова.

— Ясное дело, кто, — прыснула вторая, — Ушли в один шатёр, что ж тут неясного может быть?

Служанки грубо и несколько хрипло заржали в унисон.

— А вот и нет, не угадали! — стараясь сохранить надменный тон, отличающий госпожу от простолюдинок, но не в силах бороться с собственным заплетающимся языком, проговорила дворянка.

— А кто же он ей? — спросила первая служанка.

— Отец! Он её дочерью называл! — сказала девушка таким тоном, словно это её заподозрили в связи со стариком. — Тем более, у неё есть любовник. Да такой, что с ним никто бы связываться не захотел, и тоже путник!

— А ты откуда знаешь? — в один голос спросили тётки.

Судя по тону, у них все поджилки затряслись от предвкушения сплетни.

— Хи-хи, — жеманно хихикнула девушка, — Да это при дворе все знают! Это Рысь, любовница Алька Хаскиля. Он знаешь кто? Сын бывшего посла Саврии в Ринтаре!

На щепку вотсарилась тишина.

— Подожди! — возразила вторая служанка, — А с чего ты решила, что это именно она?

— Ха! Да вы седло её видели? С его гербом? Это она, точно вам говорю! Ик! Такие вещи просто так не дарят!

Служанки снова затихли, переваривая услышанное.

— Не может такого быть, — теперь возражала вторая служанка. — Зачем сыну посла такая нужна?

Рыска вспыхнула и чуть не обернулась.

— А что такого? Она вроде ничего, — произнесла первая.

— Она по манерам — весчанка. И вообще, мужик-мужиком. Разве на такую может сын посла позариться?

Дворянка посмеялась и тоном, полным превосходства, объяснила бабам:

— Так потому-то она и любовница, а не жена! Что же здесь непонятного?

Теперь смеялись все трое.

Рыска кумушек не видела — они уселись на бревне сзади неё. Но выражение их лиц путница вполне могла себе представить. Она тихонько улыбнулась, решив всё же не вмешиваться.

К сплетням ей было не привыкать. Всю жизнь, сколько она себя помнила, сплетни роились вокруг неё не хуже потревоженных пчел. То люди судачили о том, откуда она взялась с такими глазами в ринтарской веске, то почему они с Жаром вместе ночуют на одном чердаке. В Пристани её моментально окрестили дочерью Крысолова, а после первого визита к ней Алька стали со вкусом обсуждать их отношения, хвала Хольге, было о чём посудачить, ибо её пьяная выходка в кормильне не прошла незамеченной. И вот что интересно: людям было вполне достаточно двух вскользь брошенных слов, какого-нибудь крошечного, но всем заметного события — и сплетня раздувалась до размеров Главной площади столицы! Детали народ прекрасно придумывал самостоятельно. Поэтому сейчас Рыска понимала: обернись она, дай понять, что прекрасно понимает по-саврянски, разгони поддатых дур — и сплетни только укрепятся!

Да и честно говоря, плевать ей на это было. Считают её дочерью учителя — так это же хорошо! Она была бы счастлива, если бы этот достойный человек был её отцом. Тем более, что они давно друг к другу именно так и относятся. А по поводу Алька... Он теперь вдовец. Ему эти сплетни безразличны, а ей и подавно. А то, что она весчанка по рождению и, благодаря своему ремеслу, стала слегка мужиковатой — так это не сплетня, а правда. На что здесь обижаться?

Рыска немного согрелась и от костра отодвинулась. А женщины продолжали свою беседу, уже совершенно не обращая на неё внимания. Теперь дворянка вела сольную партию.

— А ещё, девочки, — гордо сказала она, — Я в прошлом году с Альком Хаскилем сумела лично познакомиться!

— В каком смысле? — спросила вторая, более скептическая служанка.

Послышалось бульканье — видимо, высокородная девица приложила к бутылке, после чего смачно рыгнула.

— В том самом! — заявила она, — У нас в замке бал давали. Так Альк нас посетил! Вместе с женой, разумеется. Так вот, пока его бессловесная половина общалась со старухами, мы с посольским сыном... слегка прогулялись ко мне в комнату... Ик!

Одна из служанок вздохнула, а другая спросила:

— И как же теперь вы, госпожа, собираетесь выходить замуж? — зависти в её голосе не было, скорее сочувствие.

— Да ерунда это! — как о чём-то незначительном, проговорила девица, — Зато есть теперь, что вспомнить! Знаете, какой мужчина? Незабываемый! А какие он мне комплименты делал! С ума можно сойти! Ик! Ой, прошу прощения... — дворянка сорвалась с места и весьма резво ринулась в кусты.

Рыска еле слышно вздохнула. Если б девица знала, что она её понимает, была бы она так разговорчива или нет? Может, чего нового рассказала бы... Хотя, пожалуй, ей в таком состоянии всё равно. Вот на счёт комплиментов — это она зря. От Алька такого в жизни не дождёшься.

Рыска уже собралась было уйти, как вдруг вторая служанка быстро-быстро заговорила:

— Слушай, что расскажу: я тоже этот герб видела, только вспомнить не могла, где и когда. Так вот, я его видела, когда к своей сестре в гости ездила! Она у Хаскилей в замке служит.

— И... что?

— То, что у них там до сих пор право первой ночи сохранилось. Представляешь?

— Да ладно!

— Хольгой клянусь! Так вот, когда моя сестра семь лет назад замуж выходила, ей как раз ночка с господином и перепала!

Первая служанка хмыкнула.

— Так может, и не с ним. Он же там наверняка не один!

— Да с ним, с ним, — уверенно произнесла тётка, — Я же помню, как она его называла! И она такая довольная осталась! Только ей теперь есть с чем сравнить, и оказалось так, что муж её господину и в подметки не годится, ни с какой стороны. Так она до сих пор по нему и вздыхает!

Служанки помолчали.

— Да-а! — мечтательно протянула первая. — Везёт же некоторым! А ты его видела?

— Конечно! Она мне его показала! Издалека, но я рассмотреть успела.

— И как? — выждав, спросила женщина.

Томное придыхание.

— Сестра, наверное, не соврала... Тут только от одного вида в обморок упадёшь, а если представить всё остальное... Я прям обзавидовалась! Такого б хоть на раз, чтобы узнать, как оно бывает...

— Да ну, зачем? — вздохнула первая с горечью, — Чтоб всю жизнь вспоминать и злиться, что у тебя не так?

— Саший его знает... Дуры мы, бабы.

— Эт точно.

Женщины немного помолчали, булькая вином.

— Что-то благородной нашей долго нет, — спохватилась вторая служанка, — Пойдём посмотрим, куда девалась. А то отвечай потом перед его величеством!

— А нам-то что? Она хоть и благородная, а оторва ещё та! Да пошли уж, а то волки ещё

съедят...

Судя по доносящимся из кустов звукам, волкам такое блюдо тоже было не по вкусу. Но женщины всё равно поднялись и пошли разыскивать госпожу, упившуюся не хуже портового грузчика.

Но Рыске было уже не до этого. Уж лучше бы, подумала она, лежала и тихо тряслась в шатре или сразу разбудила учителя. Да всё что угодно лучше, чем стать невольным слушателем таких откровений...

Конечно, ничего нового или необычного Рыска не услышала. Ещё давно, в Пристани где Альк был в своё время заметной фигурой, ей довелось узнать слушок о том, что он вообще пошел учиться не ради мечты, а из-за несчастной любви. Но это было даже логично. Трудно представить себе нормального мужика, у которого к двадцати пяти годам не было бы в прошлом подобной истории! Собственно говоря, многие встают на путь к делу всей жизни именно потому, что тяжело пережили первую потерю. Рыска и сама подалась в Пристань, чтобы заполнить душевную пустоту. Возможно, у Алька тоже так было.

Да и о праве первой ночи в замке Хаскилей она слышала, на этот раз — лично от Алька, тайны тут не было.

Но на душе почему-то стало невероятно, невозможно паршиво. Ощущение было такое, словно посреди улицы штаны на самом интересном месте порвались. И что, теперь так всю жизнь, что ли, будет?

Нет, то, что Альк нравится всем женщинам без исключения, Рыска давно успела заметить и смирилась с этим фактом. Но дело было не в них.

Дело было в нём самом.

Альку тоже всегда очень льстило женское внимание. Он всегда с удовольствием пользовался каждым подобным случаем, заигрывая как с дамами, так и с бабами. Это по большинству было несерьёзно, больше в шутку, и от таких шуток она, Рыска, когда-то и сама с ног до головы заливалась краской. Но ведь не всегда так было! Порой наверняка доходило и до дела?..

С годами она, конечно, поняла, что бороться с этой чертой его характера бесполезно, да и нормально это для здорового красивого самца. Но ей самой это было не то, что неприятно — она просто растерзана была готова любую посягнувшую на Алька женщину (или просто оказавшуюся поблизости)! Пожалуй, именно ревность помогла ей и догнать Виттору, и победить: у них личные счёты. Да и из тюрьмы выбралась она, скорее всего, от злости.

Но вот что теперь было делать?

Конечно, то, что её любимому не грозит смерть, было прекрасно, и шанс быть вместе вырисовывался всё чётче. Да вот только возник вопрос: хочет ли она с ним быть? После таких событий Рыска сильно сомневалась в этом.

Нет, её любви не суждено пройти никогда, она теперь точно это знает. Но, похоже, не напрасно ей казалось, что искать друг друга может и не захотеться. Не напрасно она чувствовала, что они расстанутся навсегда... Наверное, и правда, слишком долго она была одна и привыкла считаться лишь со своим мнением. А её мнение на этот раз было таково: с неё хватит! Не хочет она всю жизнь случайно наткаться на Альковых бывших или случайных. И если что-то из этого ещё можно было бы понять, вроде первой любви или права первой ночи, прописанного в законе тсарствия, то как объяснить вот такие моменты, к которым относится вот эта пьяная овца? Или ребёнка, родившегося у Витторы от Алька, хотя он довольно убедительно говорил, что в глаза девицу никогда не видел?

И это всего лишь несколько примеров. А сколько их вообще, этих женщин, успевших урвать кто-то ночь, кто-то неделю, кто-то грязные обжималки где-нибудь в каморке, а кто-то — как она сама или Виттора, ребёнка?.. Что на это сказать? Как обычно: поздравляю, госпожа путница, вы дура! Таких как вы у Алька Хаскиля — что песка на берегу. Слишком много вы хотели от него. Но получили как обычно лишь головную боль.

Поднявшись, Рыска уныло побрела в шатёр.

Нет, она не имеет ни малейшего желания делить своего единственного мужчину с тысячами тысяч посторонних женщин. От осознания своей вторичности ей ещё хуже, чем от одиночества, и потому это самое одиночество она и выбирает.

Теперь с Альком всё хорошо, беспокоиться больше не о чем. А если случится что-то, она теперь и на расстоянии сможет помочь. Как и он ей... А потому нет ни одной объективной причины продолжать сходить с ума.

Как только тсарь вышел из шатра, Рыска бросилась к нему, не обращая внимания на стражу.

— Доброе утро, ваше величество, — зачастила она, — Вы спрашивали, что передать. Вот, — и она протянула Шаресу лист бумаги, сложенный уголком.

— Доброе утро, госпожа Рысь, — тсарь бросил взгляд сначала на письмо, затем на бледное, осунувшееся лицо девушки. — Вы что-то, извините, ещё хуже выглядите, чем вчера. Вам плохо?

— Нет, всё в порядке, — поспешно ответила Рыска.

Голова у неё кружилась, в висках стучало, за ночь она так и не сомкнула глаз, но не говорить же об этом обо всём его величеству?

— Может быть, оставить вам один шатёр и прислугу, чтоб вы слегка отдохнули? — заботливо спросил он.

— Нет, спасибо, ваше величество, не нужно. — снова отказалась путница. — Мне пора, меня ждет её величество, да и дома тоже...

Тсарь со вздохом покачал головой.

— Конечно, решайте сами... Но вы ведь ранены. И ваш нетопырь — тоже. Прошу вас, будьте осторожны!

Рыска кивнула.

— Да, конечно... Так вы передадите?

Шарес молча взял у путницы письмо. Он понял: за ночь что-то случилось. И то, что в этом послании нет ничего приятного — тоже понял. Но передать весть Альку предложил он сам, и теперь не мог отказаться, как и заглянуть в письмо, и вмешаться.

А Рыска как раз на это и рассчитывала, иначе отдала бы послание учителю, следовавшему в том же направлении, но Крысолов не передал бы такое письмо, прекрасно догадавшись об его содержании. Да и прочитать, и вмешаться вполне бы мог, естественно, из лучших побуждений. А тсарь на то и тсарь. Он такого не допустит.

Итак, его величество спрятал письмо во внутренний карман, глядя на Рыску печальными, всё понимающими глазами.

— Счастливого пути, ваше величество, спасибо вам, — учтиво поклонилась Рыска.

— Благодарю ещё раз за службу, госпожа Рысь, — кивнул тсарь. — Не забудьте передать от меня поклон её величеству!

— Не забуду, — бросила Рыска и, развернувшись, затерялась в толпе суетящихся людей,

скорее, чтобы царь не видел её слёз, скрылась из виду.

Учитель только что проснулся, когда Рыска влетела в шатёр и, едва бросив “доброе утро” покидала вещи в сумку, обвесилась мечами и бросилась на выход. Она знала: одно его слово — и она передумает. Разревется и никуда не поедет. А тогда мытарства затянутся до конца жизни.

А у неё больше нет сил. Все получилось как и раньше: горячая встреча, несколько сумасшедших ночей, а потом горькое разочарование. Ничего нового. А его клятва — это всего лишь слова. Отзвучали и ушли в небытие.

— Ты куда, доча? — потягиваясь, спросил Крысолов.

— Мне пора, учитель, меня ждут.

— Да погоди!..

— Эту девицу, Виттору, непременно убейте, сейчас, пока она без сознания, иначе об этом все очень сильно пожалеют. У неё намного более сильный дар, чем у нас с вами, — быстро произнесла Рыска, перебив учителя. — А я поеду...

— Рыся, будь осторожна, война скоро. И... ты же ранена!

Рыска отмахнулась.

— Да знаю... Ничего. Мы с вами очень скоро встретимся, — она вернулась, на миг обняла его, чмокнула в щёку. — Я люблю вас. Берегите себя.

— Ты тоже, — со вздохом посоветовал он опадающему пологу, откидываясь обратно на лежак.

Эх, опять что-то случилось! Иначе не вылетела бы так поспешно. Молодые... Никак не поделят шкуру неубитого медведя, не выяснят, кто круче... Теперь и расстояние не помеха.

...Его величество наблюдал за окончанием сборов в дорогу уже из седла. Его надежды не оправдались: Виттора и правда оказалась его сестрой. И если он мог ещё не поверить путнице, то его собственные глаза подтвердили её слова. Виттора была потрясающе похожа на своего отца и приходилась Шаресу родной сестрой. А Исенаре — троюродной.

И даже то, что она была без сознания и не могла возглавить войско, не имело теперь значения. Войска уже были собраны, мечи уже заточены. Лавину уже было не остановить, как верно выразилась молодая путница.

...А Рыска уже скакала на юг.

Лицо её окаменело. Не было ни слёз, ни горя, вообще никаких мыслей или чувств... Только чёрная пустота.

За спиной снова были привычные клинки — она нашла их у Витторы. А мечи Алька увязанные в длинный сверток, были приторочены к седлу. Как смогла, она заточила их. Потом подучится, ничего страшного. Не боги горшки обжигают... В любом случае, брать эти клинки в руки для боя она больше не собирается, ибо ничего хорошего из этого больше не получится. А в этом бою... Всё получилось от злости, не иначе.

Пусть савряньские мечи пока полежат, подождут, пока вырастет сын.

А его... этого саврянина она теперь отпускает. И даже сердце не болит. После его приезда на свадьбу было и то хуже.

...Во внутреннем кармане царского, расшитого золотом камзола, лежал маленький треугольничек бумаги, на котором по-савряньски было написано:

“Я освобождаю вас от ваших обязательств по отношению ко мне. Рысь”.

И всё.

Вот что подсказывало путнице её предчувствие. Вот почему виделось, что это —

навсегда. Ну и хорошо. Это намного лучше, чем чья-то смерть.

Как обычно, пронеслись мимо леса и поля милой родины, и чуть менее, чем через двое суток Рыска уже поднималась по ступеням каменной лестницы, расположенной в неприметном крыле царского дворца в Ринстане.

А дальше... Дальше ждала небольшая комната в темно-зеленых тонах с окном на закат, колокольчик на столе, служанка — всегда одна и та же и счастливая улыбка её величества:

— Хвала Хольге, ты жива... — всхлипнула Исенара и расплакалась, закрыв руками лицо.

Рыска медлила. Перед ней была царица!

Но даже его величество признал их подругами. И потому не оставалось ничего другого, как первой сделать этот шаг: подойти и обнять её. И без стеснения, совсем по-бабьи, поплакать вместе с ней, радуясь, что беды удалось избежать.

...Рыска проговорила с Исенарой до рассвета. Царица всё никак не хотела отпускать свою советницу, а с лица у неё не сходила улыбка.

Наконец, путница поднялась и направилась к двери. Остановившись и уже взявшись за дверную ручку, она вдруг спросила.

— Вы ведь хорошо знакомы с семейством Хаскиль, верно?

— Да, конечно, — недоуменно пожала плечами Исенара.

— Не могли бы вы мне сказать, как зовут Алькову маму?

— Вангелия, — не успев подумать, ответила её величество, — А зачем тебе? Рыска, подожди!

Путница остановилась, обернулась и улыбнулась. Ещё вчера утром она поняла это, и душа наполнилась светом. А теперь... Ей просто хотелось поделиться радостью, но она этого не умела. Не знала, как это делается...

— Ты... — пролепетала царица, женским чутьём почувствовав, что произошло с её подругой.

— Сын уже совсем большой... — уронила Рыска, опустив глаза. — Скоро вырастет, уйдёт... А дочки... они совсем другие. Они любят маму больше. А внучку полагается называть в честь бабушки, — заключила она.

— Рыска! — Теперь Исенара сама бросилась обнимать подругу. — Ты даже не представляешь, как я за тебя рада! Он знает?

— Пока нет.

— Скажи ему!

— Обязательно, — кивнула Рыска. Второй раз она не собиралась наступать на грабли. Она ему сообщит, как бы там ни было.

...Через лучину она уже была в доме Жара, где провела еще сутки, а затем... Затем её путь лежал в Калинки, к тем, кто ждёт намного больше других.

*

Сын, как всегда, встречал её у околицы. Он больше не бегал через всю веску, боясь сбить маму с ног. Он ждал её, сидя у дороги и увлечённо плетя венки из собранных в пшеничном поле васильков, и до того ушёл с головой в работу, что поднял голову лишь тогда, когда Рыска окликнула его.

— А-альк!

Мальчик поднял глаза, просиял и вскочил, потом бросился к успевшей спешиться

матери, но уже не так, как раньше, а намного осторожнее. Да и причина была: юный видун чувствовал: с мамой что-то не так. Что-то в ней изменилось. Что — он пока не знал, но понимал: её надо беречь вдвойне!

Отстранившись, Рыска увидела, что Альк подрос — и это меньше, чем за месяц! Вот так бывает с мальчишками в этом возрасте.

Белокосый мальчик бережно надел на мать венки.

— Это тебе, — сказал он.

— А это — тебе, — Рыска, преодолевая дрожь, отстегнула от седла и отдала сыну длинный тяжёлый сверток.

Мальчик принял его, но сразу почувствовал тяжесть, положил в траву, начал разворачивать...

— Это что, мам? — недоуменно спросил Альк. — Ты меч купила, как я просил? — развернул совсем, опешил, посмотрел на мать. — Сразу два?.. Такие красивые!.. Это мне?

— Тебе, — со вздохом ответила Рыска.

— Ничего себе! — мальчик переводил глаза с мечей на мать, сидя в траве, — Сколько ж они стоили?

— Мне — ничего не стоили, — уронила Рыска. Собралась с духом и произнесла, — Помнишь того человека, который подарил тебе твоё кольцо?

— Конечно, помню, — улыбнулся Альк, — Тот, которого зовут как меня. Он герой!

— Герой, — с улыбкой согласилась путница. — Очень хорошо, что ты его помнишь и так к нему относишься.

— Почему? — удивился мальчик, — Бабушка, например, всегда ругается, когда я слишком долго о нём говорю.

— Бабушке ты просто все уши им прожужжал, — объяснила Рыска, — А мне можешь рассказывать сколько хочешь. Точнее, теперь я должна тебе про него рассказать. Ты знаешь, кто он?

— Ну... — сын задумался. — Твой друг, наверное. А может, у вас и... любовь была... — покраснев и отведя глаза, сказал он.

Но мать взяла его за подбородок и заставила на себя посмотреть.

— Совершенно верно, сынок, была, — ровно признала она, — А потом родился ты. — она помолчала. — Он твой отец, Альк. Я назвала тебя в его честь. А мечи эти — его. Он передал тебе, — мальчик замер с открытым ртом. — А кольцо его можешь носить.

— Оно мне пока велико, — огорошенно проговорил мальчик, обретя дар речи.

— Когда станет впору — носи, — поправила Рыска. — И знай, кто ты! Ты Альк Хаскиль, потомок древнего саврянского рода, — её пробрал озноб от собственных слов.

— А он... он приедет к нам?

Рыска пожала плечами.

— Пока не знаю, — улыбнулась она. — Но если не приедет, тогда я сама отвезу тебя к нему, чтобы ты познакомился с роднёй. И ты, и твоя сестра.

— Какая сестра, мам? — не понял Альк.

— Которая скоро у нас будет, — Рыска на миг опустила глаза и слегка зарделась.

— Да? — мальчик смотрел на неё, склонив голову. — А где он живёт?

— В Саврии, разумеется, — глядя сквозь сына, сказала Рыска. Быть может, думала она, ему больше, чем ей, понравится этот край. Ведь там очень красиво... А ей Саврия запомнилась лишь дождями и разочарованиями. Но ведь она с детства боялась туда

попасть!.. А её сын мечтает о Саврии как о сказочной стране. Ему там наверняка понравится...

Слов больше не было. Они молча пошли рядом. Мать вела нетопыриху вповоду, сын с огромным усилием, сильно отклонившись назад, нёс на спине мечи. Смотрелось это очень потешно, но Рыска подавила улыбку.

И вдруг Альк остановился и сказал:

— Он приедет, мам! Я вижу!

— Приедет? — оторвавшись от раздумья, дрогнувшим голосом, спросила Рыска.

— Да! — уверенно добавил Альк, — По первому теплу, по зелёной траве, по талой земле... У него огромный зверь, в два раза больше Ладки...

— Ты выдумываешь, Альк, — устало вздохнула Рыска. Сама она вообще-то видела такую вероятность, но была она ничтожно мала: один к трем сотням, не больше. — Ты просто хочешь мне угодить, — она слегка нагнула голову сына и поцеловала в макушку.

— Нет! Я не вру! — взвился Альк.

— Я не говорю, что врешь, — возразила Рыска, — Просто это лишь одна из дорог. Помнишь, я учила тебя?

— Помню, — кивнул Альк, — А ещё учила, что дорогу можно поменять!

— К сожалению, не каждую, — уронила Рыска, — Эту нельзя... — сдавленно, стараясь не расплакаться, заключила она.

Сын на миг нахмурился, а потом с вызовом, в точности, как отец, вскинул голову и сказал:

— А я всё равно буду его ждать!

==== Часть III Глава 22 =====

— И что с ним такое? Неделю уже не жрёт ничего! — раздражённо бросил слуга, поставив на стол поднос с нетронутой едой.

— Может, заболел? Ты спрашивал? А то доведём вместо посла труп, вот нас его величество похвалит! — закатил глаза кухарь.

— Его спросишь, — вздохнул слуга, присаживаясь за стол, — Молчит целыми днями. Хоть бы позвал зачем... Сидит в своей каюте, читает что-то постоянно, что днём, что ночью. Такое впечатление, что он вообще никогда не спит. А позавчера? Такой шторм был, что капитан — и тот чуть не обделался, а этот и ухом не повёл. Так и просидел до самого конца за столом с книгой. То ли выдержка у него такая железная, то ли крыша от одиночества совсем съехала.

Дверь на корабельную кухню скрипнула, впустив помощника капитана. Тот быстро уловил суть беседы и включился в разговор.

— А, вы вон о чём? — проговорил он, — Так господин посол у нас — путник. И если бы не он, то мы с вами, господа хорошие, и в самом деле бы давно рыб кормили. Он так уже не один шторм отвёл. Понятное дело, что и бояться ему нечего. Он всегда знает, что будет.

Кухарь со слугой переглянулись. К путникам они привыкли относиться со священным ужасом, но за почти два месяца пути ничего необычного не произошло. Кроме того, что посол постоянно сидел в каюте один, во всём остальном он вёл себя как обычные люди. Да и деталь одна была неясна:

— А где ж его крыса? — сообразил вдруг слуга. — Я сколько раз убирался в его каюте, так никогда её не видел!

— Вот чего не знаю, того не знаю, — покачал головой помощник, — Есть, наверное,

прячет где-нибудь, чтоб не попортили.

— Или ты так убираешься, — хохотнул кухарь, глядя на слугу, — Пыль по углам раскидал, а крысы тебе как шли, так и ехали. Разбежались по щелям — и ладно, мороки меньше.

— Да ну тебя! — обиделся слуга, — Может, это ты у нас крыс не замечаешь, а то и в жаркое добавляешь, поэтому господин посол и от еды отказывается. А я их боюсь! Не заметить никак не мог. Нет у него крысы, честью говорю. Да пойдите сами посмотрите!

Кухарь отрицательно покачал головой.

— Пойдёшь к нему! — разочарованно — любопытство-то заело! — сказал он, — Он и из каюты-то не выходит.

— Почему? Он выходит, — удивил собеседников помощник, — Он каждую ночь на палубе мечами машет, в любую погоду. Тренируется. Да как! Засмотришься! Я на параде такое видел. Он к ребятам из команды обращался — пару ему в занятиях составить, так все отказались.

— Почему?

— В штаны наложили, ясное дело, — усмехнулся помощник.

— И ты? — поддел кухарь.

— Да я-то особо и не вояка, — махнул тот рукой, совершенно не собираясь обижаться, — Стрелять — это да, умею. А меч, хоть и один, еле держу. Если только попугать того, кто не умеет, сгожусь. А такое увидевши, и правда сто раз подумаешь, стоит ли лезть на рожон... Ладно, поговорили хорошо, а теперь дайте мне пожрать, мастера поварёшки, — добавил помощник, присаживаясь за стол, — А то мне вахту сегодня стоять, я ещё поспать хочу.

*

Альк и правда не хотел есть, как обычно, в моменты переживаний. А переживать стоило, потому что дурацкий иргемаджинский язык в голове у него никак не укладывался, а плавание, по словам капитана, уже подходило к концу. Не сегодня — завтра на горизонте покажется берег, путь к которому занял почти два месяца. И за эти два месяца он смог запомнить лишь несколько фраз, да ещё полсотни слов, которые ну никак не хотели складываться в предложения. Всё это здорово злило Алька, потому что он привык, что всему и всегда легко учится, а тут такая незадача. При таком уровне знания языка разговор вряд ли получится. Оставался, конечно, шанс, что у принимающей стороны найдутся свои толмачи. Но если ему так тяжело дался их язык, то напрашивается вывод: там ведь тоже могли сломать зубы о саврянский. Единственное, что радовало господина посла — это то, что миссия не тайная, а то бы вообще впору сойти с ума.

Альк ехал в Иргемаджин с совершенно чётким и определённым заданием: позвать союзников на войну.

В последние три года нападения на Савринтарское тсарствие участились, причём откуда ждать беды, было порой совершенно непонятно. Враги приходили теперь то с севера, то с юга, то с востока, а иногда случались заварушки прямо внутри страны — там, где находились недовольные правлением Шареса (Честно говоря, Альк считал политику государя излишне мягкой, ибо народу ну никак не жилось без плетей и казней!).

Долгое время военные действия не продвигались вглубь страны, сосредотачиваясь в основном на побережьях и в приграничье, но за последний год войскам дважды пришлось

выбивать врагов из крупных городов. При этом, похоже, враг каждый раз учитывал свои ошибки, и в каждое последующее нападение собирал всё больше сил и действовал хитрее, чем в предыдущее. Откуда у врагов берутся средства для войны, было совершенно непонятно, но агрессоры становились всё сильнее, а вот Савринтарское царство война здорово обескровливала. Ежедневное содержание войска требовало немеряных затрат, а вот трудиться на земле, чтобы покрыть такие расходы стало практически некому. Да и людей погибло и продолжало погибать в стычках немало. Давно уже никто не спал спокойно. Нависшая угроза нового нападения ощущалась буквально в воздухе. Народ из приграничных городов и весок откочевал вглубь страны, а войска и ополчение находились в постоянной боевой готовности.

Его величество Шарес Савринтарский, посоветовавшись со своими приближенными, в число которых Альк Хаскиль, естественно, входил, пришёл к выводу, что борются они не с причиной, а со следствием, и что такая война может затянуться и на сто лет, и не факт, что она закончится победой савринтарцев. Следовало вычислить, где находится мозговой центр вражеской армии, и ударить по нему.

Тайная служба взялась за дело, и местонахождение пресловутого центра не сразу, но удалось-таки установить. Враги выбрали местом своей дислокации остров Пелигос, расположенный в семи днях морского пути от северного побережья Саврии. Тут же ждал и неприятный сюрприз: во главе войска стояла всё та же Виттора, царица-видунья, сестра его величества, непостижимым образом исчезнувшая из тюрьмы три года назад. Это, пожалуй, и объясняло многочисленность врагов. За столько лет давно уже было выяснено, что Виттора имеет на людей какое-то непонятное, но невероятно сильное влияние, заставляя их делать так, как она пожелает, даже находясь на расстоянии. И если отдельные, разобщенные войска ещё можно разбить, то объединенные её именем — ни за что в жизни.

Выдвигались предположения, что пока царица-видунья жива, об окончании войны можно и не мечтать.

Плохо было то, что добраться до неё было не то что трудно, а практически невозможно, ибо собравшаяся под её знаменами рать насчитывала такое количество бойцов из разных стран, что нападать на это осиное гнездо силами всего лишь одного государства было глупо и лишено перспективы изначально. Это было бы практически самоубийством. Становилось всё яснее: царствию грозит гибель, если не попросить помощи со стороны.

Обращаться к соседям не было никакого смысла. Степняки, к примеру, предпочитали не лезть не в своё дело, были слишком малочисленны, да к тому же, боялись моря, выйти в которое по-любому пришлось бы. Их следовало поблагодарить уже за то, что они не противились строительству кораблей на их побережье. С восточными соседями вообще было невозможно договориться, потому что они и сами давно точили зуб на Савринтарское царство, а может, и заключили с Витторой тайный союз, хотя в открытую этого пока и не признавали. В итоге оставалось лишь одно: обратиться к Иргемаджину с просьбой о помощи.

Это государство располагалось на большом острове (или маленьком материке), в двух месяцах пути к юго-востоку от побережья Ринтара. В государстве Иргемаджин воевали все, от мала до велика, невзирая ни на что: ни на политические убеждения, ни на религиозные настроения, ни на половую принадлежность. Там строили замечательные, независимые от погоды и ветров, быстроходные корабли, а армия считалась лучшей в мире. Договор о мире и сотрудничестве с этим государством подписывался раз в десять лет на протяжении трёх

веков и без единой проволоочки. Единственным минусом была значительная удаленность союзников друг от друга, хотя и территориальных споров в принципе возникнуть не могло.

Его величество собирался лично посетить Иргемаджин, но советник возразил:

— Это будет неумно, — сказал он, — Оставлять государство без главы во время войны не следует, даже если эта миссия — наша единственная надежда. И это лишь во-первых. Второе, о чем не следует забывать — так это то, что изначально договор у Иргемаджина был с Саврией, а не с Ринтаром. Конечно, о внесённых в устройство нашего государства изменениях наши союзники осведомлены, но на мой взгляд будет логичнее, если делегацию возглавит кто-то другой, желательнее — типичный саврянин, к примеру, господин Хаскиль.

Тсарь взглянул на Алька.

— Вы согласитесь быть нашим послом в Иргемаджине? — спросил он тоном, не терпящим возражений. Да и никаких причин возражать у Алька не было.

Не прошло и трёх дней, как небольшой корабль с дипломатическим флагом взял курс на юго-восток.

...Альк понял это не сразу, а когда понял, неожиданно для себя невероятно обрадовался. Получалось так, что мечта отца сбылась! И что было примечательнее всего — ужилась с его собственной мечтой. Стоило ли бодаться столько лет, если всё в итоге получилось так просто? Оказалось, можно быть и послом, и путником одновременно.

Первые пару недель плавания Альк просто отдыхал: отсыпался, ел. Честно говоря, постоянные странствия, периодические стычки с врагом, вечное пребывание на глазах здорово надоели ему. Давно хотелось хоть ненадолго отвлечься от этого, просто побыть одному, что в море оказалось проще простого, особенно ночью, когда все спали. Тогда он выходил на палубу, пару лучин тренировался с мечами, чтобы не терять форму, а потом садился и просто смотрел на звезды и луну, если погода была ясная. Море шумело, тихо поскрипывали корабельные снасти, слегка овевал разгоряченное тело теплый южный ветер, а Альк смотрел в морскую даль и думал.

Чаще всего его мысли занимала предстоящая миссия, а особенно — языковой барьер. Свободно владеющий обоими государственными языками своего тсарствия, он не представлял, как будет общаться с тамошним тсарём... нет, это тоже не так называется! Глава Иргемаджина зовётся иргем, и обращаться к нему следует “о, светлейший”. Вот Сашиев язык, с ума от него можно сойти! Вместо букв какие-то витиеватые закорючки, да сколько их! Почти две сотни! А когда начинаешь читать, то иногда невозможно понять, где заканчивается одна и начинается другая. На каждое слово в саврянском языке приходится по пять-шесть иргемаджинских переводов, и попробуй разбери, что именно следует говорить в том или ином случае.

Альк просил дать ему переводчика, но получил отказ: во всём тсарствии не нашлось ни единого специалиста: последний умер два года назад, новых не появилось. Пришлось учить язык самому по книгам, что без учителя оказалось весьма непросто. Но выбора особого не было.

...Когда напоззли сумерки, Альк захлопнул книгу. Продолжать забивать себе голову было совершенно бесполезно. Если два месяца стараний почти не дали результатов, то день-другой занятий ситуацию уже не исправит. Лучше пойти и позаниматься тем, что умеешь. А там, глядишь, и придумается что-нибудь действительно дельное. Возможно, в Иргемаджине есть толмачи. Взаимодействовали же они как-то с Саврией на протяжении веков! Хотя, судя по ситуации на его родине, неутешительные напрашиваются выводы... Что ж, остается

полагаться на дар, который в жизни его не подводил. Да и... выучил же он, всё же, кое-что...

Мечи со свистом взрезали воздух на радость восхищенным зрителям, припавшим к щелям дверей и окошкам. Пусть посмотрят, ему не жалко.

Да, а вот как он будет разговаривать со светлейшим иргемом — уж лучше б никто не слышал...

Две лучины спустя, сидя на ящике с грузом, Альк, по сложившейся уже привычке, смотрел на звёзды и думал. Сегодня ни с того ни с сего вспомнились вдруг события более чем трёхлетней давности — то, что произошло спустя несколько дней после того, как он распрощался с Рыской в Чеговицах.

*

...Враги, воспользовавшись непогодой, подошли к берегу тихо и незаметно, да ещё и в такой час, когда беды ждётся меньше всего: между волком и собакой, за пару лучин до рассвета в сгустившейся до предела тьме.

— Подъём! К оружию! — прозвучало над лагерем.

Альк запомнил, что вскочил тогда, ещё не соображая, что к чему. Встал, поспешно собрался, вооружился, а проснулся уже потом, потому что уснул лишь три лучины назад, вернее даже не уснул, а отключился, измученный за предыдущие недели тяжёлым предчувствием беды.

Стоило лишь взглянуть на вражеский флот, как стало ясно: предстоящая битва просто безнадежна для саврян. Их прибыло на побережье восемьсот человек

У врага одних только кораблей было около двух сотен, а само вражеское войско, вооружённое до зубов, уже проворно взбиралось по скалам: из-за проливного дождя заметить вражеские корабли дозорные смогли лишь у самого берега. При таком количестве нападающих не только всем им конец — тут половина Саврии будет захвачена не позднее, чем через неделю, даже если спешно отправленный гонец успеет добраться до ближайшего форта.

“Вот бы, как тогда, наводнение случилось”, — подумал Альк как-то вскользь, уже попрощавшись с жизнью.

Но наводнение не предвиделось даже близко, о нём можно было разве что помечтать. И ещё помолиться Хольге о спасении своей грешной души...

Но вот как раз богиня-то и не пришла ему на ум, потому что взгляд вдруг упал на большой наклонный утёс, издавна именуемый Пальцем Сашия. Именно к его подножию и причалила основная масса вражеских кораблей.

В облаках обозначился просвет, в который как раз попала заходящая луна — и озарила утёс красноватым светом, словно дав путнику подсказку.

Утёс можно было обрушить, но с такой ничтожной вероятностью, что браться за такое не стоило и пытаться. Почти как тогда...

Выбор был между смертью и... опять же, смертью. Альк понимал: если он такое сможет, как тогда смогла Рыска с его помощью, конец придёт не только его дару... Но если он не попытается, то погибнет не только он, и даже не только находящиеся здесь же брат и племянник. И не только всё войско.

Если он не попытается, враги ворвутся в страну, а при таком их количестве последствия будут воистину ужасны.

Стоя над обрывом под проливным дождём, путник видел перед собой не

приближающихся врагов, а горящие города, погибающих мирных жителей, содрогающуюся в предсмертных судорогах родину, горячо любимую им, что бы он там ни говорил...

И он понял, почему именно рука провидения направила его сюда. В это дождливое, холодное раннее утро от него зависела судьба всей страны. И, наверное, по той же причине много лет назад боги простили его и помогли выжить.

На раздумье времени уже не было, и он представил Рыску. Она сидела у дерева с закрытыми глазами. Была ночь, но он увидел её как днем, бледную до синевы и раненую. Но больше никто в целом свете не мог ему помочь... И он обратился к ней и к её дару.

Всё получилось так легко, словно ничего другого и быть не могло. Альк даже не почувствовал, как смог свернуть ворот, даже не увидел его. Просто под ногами вдруг загудело, и все ринулись прочь от берега. Кто-то крикнул:

— Ложись!

А потом упала оглушительная тишина...

Следом раздался чудовищный треск, и огромный кусок скалы рухнул в море, подняв гигантские волны и мириады брызг. В такое просто невозможно было поверить!

Те враги, что успели долезть до верха и не были смыты волной, а их, собственно, было немного, поняли, что им всё равно конец и кинулись сражаться. Их утихомирили быстро, легко и почти без потерь. Из восьми сотен саврян погибло всего тридцать человек. Но ещё даже не увидев, кто именно погиб, Альк уже знал, что его брат Эдгард окажется в этом числе. А вот племянник не пострадал.

Вражеские корабли разметало в щепки, а море до самой следующей весны выбрасывало на берег трупы. На месте Пальца Сашия образовалась невероятно ровная и гладкая площадка, на которой было скользко как на льду. Создавалось впечатление, что утёс срезало огромным лезвием.

Что было самым странным, с самим путником не случилось ровным счётом ничего: не пропал дар, не пошла носом кровь, он не потерял сознание, и даже голова у него не разболелась. Скорее всего, подумал Альк, за всё расплатилась Рыска, но и у неё, как подсказывал ему дар, всё в итоге обошлось.

Ничего не случилось ни через лучину, ни через день, ни через неделю. В пору было думать, что ничего он и не сделал, что всё произошло само по себе, но во-первых, такого не могло быть, а во-вторых, пару месяцев спустя, когда у Алька сдохла крыса, он с немалым удивлением понял, что другая ему не нужна — то есть, вообще больше не нужна крыса, а значит, от Пристани он больше не зависит. Он правильно тогда догадался: теперь его “свечой” была Рыска. А он — её “свечой”, и в то же время оба были на равных. Неважно было, кто меняет дорогу, а кто одалживает свой дар. Всё получалось как нужно в любом случае, и расстояние между ними теперь не имело практически никакого значения.

...Брата Альк похоронил в прибрежной роще и долго ещё сидел у могилы, не в силах уйти. Ирония судьбы: сумел спасти столько народу — и ничем не помог родному брату. Конечно, он сделал всё, что было в его силах, неоднократно предупредив Эдгарда об опасности, просил покинуть побережье, как мог, подправлял его дорогу. Но изменить всё до такой степени, чтобы брат остался в живых, всё равно не получилось бы. Земная дорога Эдгара Хаскиля обрывалась на этом неласковом берегу в любом случае. Пожалуй, это и была цена, которую Альк заплатил за спасение всех остальных. Он не желал этого. Так получилось...

Почему Эдгард не послушался предостережений, Альк понять не мог. У него это просто

в голове не укладывалось! Сам он так привык доверять своему дару, что в жизни не полез бы на рожон в такой ситуации. А тут... Очередное подтверждение того, что путники не всемогущи. Предупредить он мог, а предотвратить было не в его власти. Вот только зачем Эдгард так сделал? Ему назло, что ли? Глупо это как-то...

...Племянник подошёл тихо, как тень, присел рядом. Наверное, нужно было что-то ему сказать, но Альк понятия не имел, как это делается. Утешать кого бы то ни было он до смерти не любил, а с племянником общался впервые в жизни. Мальчик родился в тот год, когда Альк ушел в Пристань. Всё, что путник знал о сыне своего брата — это то, что его тоже зовут Эдгард, и то лишь потому, что в их семье это имя давали всем старшим сыновьям.

Альку было невероятно жаль племянника, но он сам чувствовал себя так, что это его надо было утешать.

— Что я теперь маме скажу?... — уронил парень.

— Хочешь, я ей напишу? — предложил Альк, посмотрев на него. Но Эдгард покачал головой:

— Не надо, дядя. За это я должен ответить сам...

— За что ответить? Ты-то в чем виноват? — взвился Альк: его горе, злость и раздражение нашли, наконец, выход. — Всё было предрешиено, и я его предупреждал!

Наверное, он был слишком резок, потому что парень, не выдержав нервного напряжения, закрыл руками лицо и заплакал.

Альк захотел в этот момент сквозь землю провалиться, развернулся, чтобы уйти — и не смог. Он вдруг понял: если он оставит племянника одного в таком состоянии, тот навсегда утратит веру в людей. Никого в этот момент не было у парня ближе, чем дядя. Лишь он один в целом мире сейчас мог понять его горе.

И, наверное, потому, обернувшись и убедившись, что никого больше поблизости нет, Альк опустился на корточки перед сидящим на мокрой земле парнем, грубо, по-мужски обнял его и долго так сидел, прижав его к себе, изредка похлопывая по плечу, но не говоря ни слова. Пусть поплачет за них обоих... Он ещё по сути совсем ребёнок. Восемнадцать лет — это так мало. Да и причина веская: смерть отца. Пожалуй, таких слёз не стоит стесняться.

А может быть, если бы в его жизни тогда... Но Альк как всегда себя одернул.

Валяясь на лежаке без сна следующей ночью, он вспоминал, но так и не вспомнил, как зовут вдову брата, сколько у них всего детей и даже — когда они виделись в последний раз. Зато ему стало понятно, почему Эдгард не стал его слушать: они были чужими друг другу. Носили одну фамилию, были похожи, как близнецы, но ничего друг о друге не знали, не общались все эти годы, да и общего у них ничего не было. И хотя в размолвке всегда виноваты оба, больше виноват всегда тот, кто остался в живых.

Ничего назад теперь не повернёшь, да он никогда и не оглядывался назад. Но впереди кое-что изменить было можно.

Покидая Эдгарда-младшего, Альк сказал ему на прощание:

— Знай: ты моя родная кровь. У тебя теперь нет отца, но ты всегда можешь на меня рассчитывать. Я хочу, чтобы ты об этом помнил.

Парень искренне удивился, даже не сразу нашёл, что ответить.

— А папа говорил, что вы плохой... Что злой, жадный и расчётливый. Я так рад, что это неправда! — сказал он наконец.

Альк подавил вздох. Приятно услышать, что думал о тебе всю жизнь родной брат, а от его сына — приятно вдвойне. Но дело теперь было прошлое, и он лишь улыбнулся в ответ.

— Он так не считал, — сказал путник, — Просто много лет назад мы с твоим отцом сильно поссорились, и он обиделся на меня. Я и не думал, что обиделся так серьезно. Тебя тогда ещё и на свете не было, и неправильно будет, если за эту глупость расплатишься ты.

— Мама всегда соглашалась с отцом по поводу вас, — добавил Эдгард.

— А твоя мама видела меня один раз в жизни, — сказал Альк, — Она вообще ничего обо мне не знает. Впрочем, ты уже взрослый и волен соглашаться с тем, с кем захочешь.

Парень покачал головой.

— Я уже и без них понял, какой вы на самом деле, — сказал он, — И, если вы не против, я хотел бы с вами дружить. Если мы оба переживем эту войну... Наверное, отец тоже хотел бы этого.

Альк по-отечески обнял племянника и пожелал ему лёгкой службы. А потом уехал: его вызывал царь. Эдгард остался в армии. Ему предстояло многому научиться, но это было скорее хорошо, ибо во все времена Хаскили служили отечеству, и сложивших головы в боях за родину было не счесть. Вырос ещё один достойный потомок рода; им можно было гордиться.

Причину размолвки с братом Альк вспомнил, и это был сущий пустяк, скорее повод, а не причина. Но именно из-за этого пустяка в жизни и образовался такой пробел. И снова — дар ничем не помог.

А сколько в жизни таких моментов, когда на эмоциях мы бросаем близким людям обидные, горькие слова, лишь бы сразу вернуть подачу. Вот если бы можно было так не делать... Не пришлось бы за это расплачиваться.

Но люди — всего лишь люди, даже если они путники, даже если мудрецы. Никто не отменял свойственных любому человеку сильных душевных переживаний, в моменты которых он особенно слаб и незащищен, ибо от самого себя никто не может защитить. Альк просто не являлся исключением.

...О предстоящем потрясении Альк не догадывался до самого последнего момента, до того, как развернул Рыскино послание... А когда прочитал, просто не поверил своим глазам: долго перечитывал, вглядываясь в каждую букву... А когда осознал, ему стало так плохо, словно все беды предыдущих дней, которые он так стойко вынес, навалились на него разом. На вопросы: за что? Что на этот раз не так? — не было ответов.

Сначала пришла злость: ни одна женщина ни разу не давала ему от ворот поворот! Рыска, как выходило, сделала это уже в третий раз. Ему захотелось выяснить — почему? И он немедленно нашел бы её. Ведь не могло же быть ничего серьёзного, он чувствовал! Но царь пока его не отпускал.

Наверное, признайся Альк ему честно, куда и зачем ему нужно ехать, и Шарес весьма вероятно вошёл бы в положение подданного, но путник ни словом, ни видом не выражал своего смятения. Делу мог бы помочь Крысолов, но для него нашлось другое задание: царь срочно отправил старого путника на запад, чтобы тот помог разобраться в очередной, возникшей там заварушке, и Альку пришлось занять его место в охране его величества.

Последней стадией была апатия: ему вдруг стало всё равно. Похоже, подумал Альк, Рыска просто хорошо подумала и решила, что одной ей быть легче и удобнее, что так ей привычнее, что считаться с чьим-либо мнением она не желает. В дело опять вступила гордыня: а вот не поеду! Пусть сама меня ищет, если хочет!

А потом время снова ускорило ход, замелькали события, и вот уже больше чем три года с тех пор прошло.

Где Рыска и что с ней, Альк не знал, больше её не видел, но чувствовал, что жива и серьёзных бед у неё не случилось. За три года забылась обида, и, пожалуй, он и рад был бы её видеть, но специально больше не искал. Да и что он сказал бы ей, если бы встретил? Похоже, они и правда оказались слишком разными, раз за десять, а теперь уже за тринадцать лет так и не смогли договориться. Похоже, им и правда лучше было порознь...

Теперь, думал Альк, помириться уже не получится, ибо прожитые порознь годы сделали не умнее, а упрямее. Каждый прожил их так, как считал правильнее и тем более теперь не изменится. И каким бы непреклонным не был Альк, Рыска тоже давно не девчонка. Она прошла долгий многотрудный путь, следует это признать. То, чем раньше Альк аргументировал в спорах с ней, теперь ей тоже было известно. Да и вообще, путникам не полагается быть вдвоём. Путникам самой судьбой предначертано одиночество, даже таким необычным, какими им удалось стать...

Она просила одолжить ей дар несколько раз — он чувствовал и не отказывал, справедливо полагая, что и ему рано или поздно может понадобится помощь. Альк был уверен, что она тоже ему поможет. Жаль, что таким же образом, на расстоянии, нельзя было пообщаться иначе, просто поговорить, хотя бы по-дружески, по старой памяти. Но на это, увы, их возможности не распростирались, ограничивались лишь сменой дорог.

Разумеется, было у него в жизни и хорошее: среди бесконечных путей-дорог, которые стали для Алька привычным, была одна — та, которая вела домой. А дома, под присмотром матери и слуг росла его дочка.

Общение с Иолантой неожиданно оказалось для него очень приятным. Альк стал стремиться домой намного сильнее, чем раньше. Из поездок он всегда привозил девочке подарки, а в свои краткие визиты проводил с ней почти всё свободное время: играл с девочкой, гулял, подолгу разговаривал. Альк искренне любил дочь.

Иоланта росла милой и кроткой. Из таких обычно и получаются отличные жёны и матери. Отца она обожала, всегда встречала радостными возгласами и с разбегу на него запрыгивала, а потом долго обнимала и целовала. Неулыбчивый путник прямо-таки таял в такие моменты.

Что по сути Иоланта Альку никто, забылось как давний страшный сон. Никто не собирался вводить ребёнка в курс дела, тем более, что кроме самого Алька и его матери об этом никто и не знал. Служанка, помогавшая при родах Дамиры, давно умерла, а с родственниками покойной связь давно была потеряна (о чем общаться знатым господам с весчанами?). Девочка имела все шансы прожить жизнь в полной уверенности, что является потомком рода Хаскиль.

Однако кое-что Алька все же беспокоило. Данное им обещание, что мать девочки жива и скоро вернётся, Иоланта запомнила наизусть и периодически задавала вопросы о ней. В какой-то момент, когда он всерьёз рассчитывал, что Рыска будет с ним, Альк естественно собирался их познакомить и, зная Рыскину доброту и любовь к детям, рассчитывал, что ситуация в итоге разрешится. Конечно, заставить девочку поверить, что Рыска — её мама он не смог бы. Но примириться с присутствием мачехи Иоланта вполне могла — и даже полюбить её. Но жизнь повернулась совсем другой стороной...

Можно было бы жениться вторично и попробовать убедить дочь, что это её мама (Альк и на такое был готов, лишь бы не травмировать ребёнка), но повторять ошибку совершенно не хотелось. Один раз он уже связал себя с первой встречной, и ничего хорошего из этого не вышло. Теперь же на кону стояла судьба неродной, но любимой дочери, а не только его.

Доверять воспитание Иоланты неизвестно кому Альк не хотел.

И потому приходилось врать. Бессовестно врать, глядя в чистые, голубые глаза ребенка.

А время шло. Девочка росла.

Альк отдавал себе отчёт, что рано или поздно придется признаваться и злился — и на себя, и на мать. Надо было рассказать всё сразу... Теперь же это было сделать намного сложнее. Вот тебе и достоинство, которое одно на весь мир, честность, неподкупность и иже с ними. Возьми, скажи ребенку, что его мамы давно нет! Что, не получается? А где же ваши принципы и невероятное бесстрашие? Куда это всё девается, когда дело доходит до таких вопросов?..

И Альк решил: ждать больше нечего. Пора. Вот вернётся из поездки и всё расскажет Иоланте. Конечно, будет море слёз, но лучше пусть она узнает это сейчас и от него, чем потом и от добрых людей, которых, хвала Хольге, кругом великое множество.

А вот сына повидать Альку так больше и не пришлось... Но к нему он тоже в ближайшее время выберется. Интересно, какой он стал? Уже двенадцать лет парню. Как же хочется хоть пару слов ему сказать, насмотреться на него. Мальчик и в четыре года был здорово на него похож, а с годами, наверное, ещё больше стал.

Вспомнилась идиотская обида на Рыску. И как только она посмела не сказать о ребёнке? Как могла!..

Чушь! Вздор. Как вообще такая глупость могла родиться в его умной голове?

Теперь же думалось по-другому: очень жаль, что не сказала, но хорошо, что родила и вырастила.

Что-то чересчур сентиментальны вы стали, господин Хаскиль. Не иначе, старость близится.

Альк усмехнулся. Нет, пока не старость. Но уже и не молодость. Совсем недавно исполнилось тридцать восемь лет, а это уже не мало! Многие его ровесники обросли брюшком и еле поднимаются по лестнице, а после поездки в седле не поймешь, кто на ком скакал: наездник на корове или наоборот.

Но он не из таких. Он не позволит себе превратиться раньше времени в развалину. Рано ещё, да и попросту стыдно. Вот взять хотя бы отца: ему уже семьдесят три года, а он ещё очень даже неплохо выглядит, такой же стройный и подтянутый, как и двадцать лет назад, и на здоровье пока не жалуется (хотя с него сбудется и скрыть недуги). С самого первого дня войны отец постоянно на переднем краю: он командующий юго-восточной армией. Таш, сын Камиллы, служит вместе с дедом. Да и вообще, всё их семейство сейчас при деле. Эдгард так и остался на севере, он уже десятник. Младший брат Алька, Мартин служит во флоте его величества. Сам Альк в последние годы в основном сопровождал царя, а теперь получил такое ответственное задание. Отец, скорее всего, уже в курсе этого назначения и наверняка очень рад.

И вот опять с высоты прожитых лет подумалось: как хорошо, что всё так сложилось! Хвала Хольге, что отец до этого всё-таки дожил!

Как же начинаешь ценить с годами простые вещи. Не свое самолюбие хочется тешить, а радовать близких, не бодаться с ними, а объяснить, в чём и где они неправы, не щеголять своим предвидением, а попробовать их убедить, чтобы не случилась беда, чтоб они не расстраивались, особенно старики: ведь никто не знает, сколько им осталось жить, да и тебе самому, раз на то пошло...

Вот ещё один недавно покинул их: дедушка. Умер два года назад. Но он прожил долгую

жизнь, видел правнуков и относительный покой и порядок в семье...

А вот Эдгарду было всего сорок пять лет... Ещё бы жить и жить, растить детей, которых, кроме старшего, осталось у него четверо, совсем маленьких, не старше восьми лет.

И Альк понимал, что будет до конца жизни винить себя в смерти брата...

*

...Что-то мелькнуло в морской дали: сначала незаметное, вернее, неотличимое от звёзд, а потом оказавшееся полоской далеких огней. И тут же раздался крик вперёдсмотрящего с мачты:

— Земля! Земля по носу!

Альк поднялся, всмотрелся в даль. Не показалось. Добрались, почти на двое суток раньше, чем рассчитывал капитан корабля.

Но на самом деле до огней было ещё очень далеко. Причаливать, наверное, они будут лишь утром. В любом случае, надо немного поспать: день предстоит ответственный.

Когда корабль лишь вошёл в порт, на берегу сразу же заметили и Савринтарский флаг, и дипломатический знак. К встрече посольства из союзной страны Иргемаджин был готов всегда.

Причал застелили ковровой дорожкой; делегация встречающих собралась в считанные щепки. Пока они причаливали, подъехал и иргем в золоченой карете.

Коридор из воинов, полуодетых, в блестящих доспехах, половину из которых составляли женщины, выстроился справа и слева от края причала.

Альк, успевший поспать не более шести лучин, а затем поднявшийся, чтобы привести себя в порядок, в последний раз взглянул в зеркало в своей каюте, поправил пояс на зелёном с золотом камзоле, обвесился мечами, заплел распустившуюся снизу правую косу и вздохнул. Вроде и не на бой собирается, а сердце выпрыгнуть готово, да ещё и руки трясутся. Первый раз — он и есть первый. Хорошо бы выпить для храбрости, да не пристало это послу. Тем более, и бояться-то вроде бы нечего.

Сегодня ему, естественно, полагается отдых. Когда произойдёт беседа с иргемом — пока неизвестно, но он, конечно, сделает упор на то, что дело не терпит отлагательств, что время дорого. То, о чём он должен попросить иргема — проще простого, и либо тот согласится, либо... Вот в этом-то всё и дело! Надо, чтобы иргем не отказал в помощи его стране. Из-за этого он и переживает.

И еще из-за того, как именно он всё это до иргема донесет...

Почему-то вспомнился Зал Испытаний в Пристани. Там тоже было либо да, либо нет... Отогнав мрачные мысли, Альк покинул каюту.

— Какие будут указания, господин посол? — тут же обратился к нему капитан, подходя и подстраиваясь под его шаг.

— Ничего особенного, — пожал плечами Альк, — Проверить такелаж и ждать.

— Долго?

— Откуда я знаю? — раздражённо бросил посол, — Просто ждите. Я сообщу, если что-то изменится.

Чем ближе он подходил к причалу, где его уже ждали, тем больше волновался. Теперь ещё и под ложечкой засосало. Разговаривать с капитаном уж точно не хотелось.

Ещё несколько шагов — и он оказался на палубе, бросил взгляд на причал... Ну и народу собралось! Словно на площади в праздничный день! И все взгляды прикованы к нему!

Вон и правитель на троне сидит: ни с кем другим не перепутаешь. На шее у главы государства огромный медальон с самоцветами, на лысой голове — золотая корона. Но золото здесь, похоже — дело обычное; оно блестит везде и всюду, на каждом человеке, им инкрустировано оружие, трон иргема и похоже даже перила причала. А вот одежда — неброская и простая, сразу видно, что из легких тканей, да и не может быть другого в такую жару.

Альк повторил про себя титул правителя и обращение к нему: иргем. О, светлейший... и тут же понял, что забыл все остальные слова, которые на протяжении двух месяцев усиленно вбивал себе в голову!.. Он забыл всё напрочь!

Но дар почему-то подсказал ему, что в этом нет ничего страшного.

Посольская свита и слуги, всего человек десять, уже ждали своего предводителя на палубе. Как он просил тсаря никого с ним не посылать! Однако его величество был непреклонен: следовало соблюдать установленные правила. Альк же считал, что достаточно будет одних слуг, все остальные в данном случае — дармоеды. Толку от них никакого: в его миссии они не помощники, а случись что — так ещё и постоять за себя не могут. Отвечай тогда за них! Ну ничего, здесь до тсаря далеко, здесь он сам себе хозяин. Вот и прекрасно, он оставит их всех здесь, на корабле. Во дворце они ему не нужны.

Посол ещё раз оглядел собравшихся людей.

— Ну, вперёд, — тихо, сам себе скомандовал он и спустился по трапу на причал.

И в тот же момент к нему подошла девушка, кареглазая, миниатюрная брюнетка в карминном платье из какой-то прозрачной ткани. Плечи, руки, верхняя часть груди и шея её были открыты взору настолько, что невольно притягивали взгляд. В разрезах длинной юбки прекрасно просматривались стройные ножки, обутые в сандалии на каблучках. Платье выгодно подчёркивало стройную талию, пышные бедра, упругую грудь. Жгуче-чёрные волосы девушки были заплетены множеством мелких кос — от самого лба. Количество драгоценностей на её шее, пальцах, запястьях, в ушах не поддавалось пересчёту. Даже на левой лодыжке болтался тоненький золотой браслетик. При взгляде на красавицу господин посол на миг забыл и о своей миссии, и вообще обо всём на свете.

Девушка скользнула по нему взглядом, и Альку на миг показалось, что в её карих глазах мелькнул живой интерес к нему как к мужчине, но тут же занавесилась вежливой гостеприимной улыбкой.

— Доброе утро, господин, — прошептала она по-саврянски практически без акцента, — Позвольте узнать ваше имя, чтобы доложить светлейшему иргему.

Альк вздохнул с облегчением. Он зря беспокоился по поводу языка. Всё складывалось удачно, и он с улыбкой произнёс:

— Доброе утро. Меня зовут Альк Хаскиль, я посол Савринтарского тсарствия.

— Следуйте за мной, — с лёгким поклоном сказала девушка, — Вам очень повезло: светлейший иргем как раз вчера прибыл в город, — на ходу объясняла она, — Вообще-то мы ждали других гостей, но нашим уважаемым союзникам всегда рады!

— А вы кто? — спросил Альк.

— Я приставлена к вам до конца вашего пребывания в Иргемаджине, ваш переводчик и ваш провожатый. Обращайтесь ко мне по всем вопросам, — продолжала говорить она, идя бок о бок с Альком. А потом на миг посмотрела на него, искренне улыбнулась. — Меня зовут Марина, — совсем другим тоном представилась девушка.

Еще десяток шагов — и они оказались перед троном светлейшего иргема. Альк учтиво

поклонился и начал разговор. С одной стороны, беседовать через переводчика было жутко неудобно, с другой Альк сразу сообразил, что из всего сказанного светлейшим и переводчицей он понимает лишь отдельные, ничего не значащие слова. Вот был бы сейчас позор! А самое главное, без языка вся миссия теряла бы смысл.

Альк посмотрел на Марину с благодарностью. Понятно, что это её работа и что ей платят за это, но как же хорошо, что она всё-таки есть!

Переводила она быстро и точно, лишних вопросов задавать не приходилось. Посол и иргем хорошо понимали друг друга и быстро договорились обсудить дело, с которым прибыл Альк через неделю, самое позднее — через десять дней. Всё время до этого иргем был занят.

Светлейшему было лет пятьдесят, и он был похож на кого угодно, только не на главу государства. Скорее он напоминал старого вояку, особенно если учитывать шрамы на лице и шее иргема, да и выправка у него была военная. Что ж, посла предупреждали, что в Иргемаджине воюют все. Видимо, правитель не является исключением.

... Каждый раз, поворачиваясь к Альку, Марина старательно прятала глаза, и господин посол быстро понял, что интерес в её глазах ему не показался.

===== Глава 23 =====

После разговора с иргемом на причале, Альку предоставили карету для поездки во дворец. Запряжены в неё были никогда не виданные им животные: вроде и похожие на коров, а вроде и нет. Цвета они были рыжевато-коричневого, выше коров в холке, без рогов и с жёсткой длинной гривой на голове — и такими же хвостами. Однако, так же как и коровы, эти скакуны, воспользовавшись невнимательностью возницы, с удовольствием объедали живую изгородь. На вопрос Алька, что это за животные, Марина едва подавила смешок.

— Вы что, правда лошадей никогда не видели? — с улыбкой спросила она.

— Нет, — с достоинством ответил посол, — У нас ездят на коровах.

Его рассказ о скаковых бурёнках вызвал у Марины веселье, а вот когда Альк упомянул нетопырей, девушка слегка удивилась.

— С крыльями? — уточнила она. — Вот здорово! И летать умеют?

— Только планировать.

— Вот бы прокатиться на таком! — с завистью сказала она, и Альк чуть было не предложил переводчице приехать к нему в гости.

В карету Марина вошла вместе с ним и уселась прямо напротив, не оставив Альку выбора, куда смотреть.

— Далеко нам ехать? — спросил посол переводчицу, стараясь не смотреть в её декольте. Она была не то что не смущена, а словно бы считала, что всё само собой разумеется, что в таком виде и следует ездить в карете один на один с женщиной, которого видишь впервые в жизни. Кстати, она тоже бросала на него взгляды, словно оценивала.

— Нет, недалеко, — спокойно ответила Марина, — Если по-вашему, — она немного помолчала, подбирая слово, — Две лучины, не больше. И... можете полюбоваться видами города из окна.

Альк решил внять совету, потому что вид декольте перед глазами заставлял напрочь забыть о том, зачем он сюда приехал. Уж лучше виды города...

Однако когда он выглянул в окно, то на миг вообще перестал думать о чем-либо, включая свою очаровательную сопровождающую.

Город весьма впечатлял. Южная земля, на которой он оказался, настолько отличалась от того, к чему он привык, что слов у него не нашлось. Город, выстроенный из белого с

золотистыми, розовыми и зелеными прожилками камня, состоял из небольших, не более чем в два этажа домиков с тростниковыми крышами и просто утопал в зелени. Развесистые деревья с огромными листьями давали глубокую тень. То тут, то там искрились, журча, фонтаны, обсаженные цветами. Вьющиеся растения заплетали домики почти до самых крыш. Пахло цветами и тропическими фруктами. На улицах было так чисто, словно это не улицы, а коридоры дворца, где за чистоту борются армии уборщиков, которых за неисполнение обязанностей карают смертной казнью. Такого прелестного места Альку в жизни не доводилось видеть.

Но были у юга и несомненные минусы: кружащиеся повсюду насекомые и нестерпимая жара.

— Здесь всегда так жарко? — спросил посол, снова посмотрев на переводчицу.

Девушка очень искренне удивилась.

— Жарко?! Да сейчас уже зима, ночью очень холодно. Теплеет только днём.

— У нас такой жары и летом не бывает, — заметил Альк.

Нет, конечно, на юге Ринтара летом довольно жарко, но ему, выросшему в Саврии, такой климат никогда не нравился. Он вообще лучше себя чувствовал зимой или осенью.

— Вам жарко? — спросила девушка, — Вы можете раздеться, — предложила она.

— В смысле? — не понял Альк.

— Ну хотя бы камзол снимите, — с невероятным спокойствием произнесла она, — У нас мужчины так не одеваются. Если такое надеть, — она кивнула на него, — да ещё и рубашку под низ, то точно удар хватит. Тем более, к обеду совсем распогодится, вам будет ещё хуже. Снимите, говорю вам! Я попробую во дворце найти что-нибудь на замену вашей одежды, но боюсь, это будет трудно.

— Почему?

— Вы очень высокий, — пожалала плечами Марина, — Наши мужчины ниже ростом. Вам такая одежда не подойдёт. Можно заказать у портного, но для этого дня три придется ждать. А что делать все это время? — рассуждала она. — Разве что... Есть у меня одна знакомая, её муж не из этих краев. Он такой же высокий, как вы. Я могла бы одолжить у неё... — Марина снова оглядела Алька — словно мерки сняла. — Да, пожалуй, завтра я смогу вам помочь, — она снова улыбнулась, словно решив в уме какую-то задачу.

Альк снова выглянул в окно, теперь для того, чтобы рассмотреть местных жителей. Женщины были одеты в бесстыдно короткие и яркие платья. У него на родине так даже цыпочки не одевались (хотя и была у него одна знакомая, которой такая одежда точно понравилась бы). Единственный, кто мог смотреть на женщину в таком виде — это муж, и то лишь в спальне.

Мужчины одевались, на его взгляд, тоже непривычно: в короткие штаны едва до колен и рубашки без рукавов, такие же открытые, как платья у женщин, но не таких кричащих цветов — белый, серый, бежевый, чёрный. Однако смотрелось это удобно и практично. Наверное, в такой одежде не так уж и жарко, подумал он.

— Вот так ты хочешь меня одеть? — кивнув в сторону окна, спросил Альк.

— Примерно, — кивнула Марина, — И вам это будет очень даже к лицу, — заметила она с улыбкой.

Конечно, можно было и поспорить. Альк даже заготовил аргументы, но тут карета выехала на самый солнцепёк, и стало жарко, как в парилке. Его аргументы растаяли, как снег на солнышке. Похоже, Марина была права.

— Нет, если не хотите одеваться, как местные мужчины, ходите как есть, вас никто не неволит. Вы гражданин другой страны, у вас свои традиции, и если вам так стыдно...

Альк ещё раз выглянул в окно.

— Да я переживу, — отмахнулся он, — Но к светлейшему иргему — и в таком виде? Ты считаешь, это будет удобно?

Девушка широко улыбнулась.

— Уверяю вас, господин посол, светлейший иргем будет точно в таком же виде. И это ещё зимняя одежда! Летом мужчины в основном ходят без рубашек.

— А женщины? — ошалело спросил Альк, не зная уже, к чему готовиться.

— А вон, как та горожанка, — Марина показала на девушку, ведущую за руку голенького мальчика лет трех. Господина посла чуть удар не хватил. Всё, что было надето на смуглой красавице — это две полоски ткани, одна из которых прикрывала бедра, а другая — грудь. Альк представить себе не мог, чтобы в таком виде ходили по улице. Но, посмотрев на всё это, он пришёл к выводу, что Марина одета более чем целомудренно, не смотря на то, что разрезы на её юбке достигают бёдер, а под платьем явно ничего нет.

Альк помолчал, переваривая услышанное и увиденное, а потом решил всё-таки расстаться с камзолом, потому что уже весь взмок под ним. Это ненадолго помогло, пришлось ещё и верхнюю пуговицу рубашки расстёгивать. И вновь — показалось или нет? — Марина едва заметно стрельнула глазами в его сторону, словно попыталась увидеть — а что там, под рубашкой?

Альк в жизни не страдал скромностью, но внимание этой девушки, пусть и весьма приятное, было столь неприкрытым и дерзким... Это было для него очень непривычно. Как правило, женщины так себя не вели — те, которых он знал.

— Всё равно жарко? — заботливо спросила Марина.

Альк кивнул, а девушка вдруг поднялась со своей скамьи, подошла ближе и чуть наклонилась вперёд, протянув руку куда-то за его спину, на миг прижавшись к нему боком и правой грудью, задев хлесткими косичками, обдав ароматом пряно-сладких духов, оглушив звоном золотых цепочек. У него аж в глазах потемнело...

Щелк — что-то произошло, и стены кареты стали решетчатыми. Вмиг посвежело.

Но девушка не торопилась садиться на своё место. Она продолжала стоять рядом с послом, почти вплотную. Грудь её вздымалась, левая рука нервно теребила кольцо на пальце правой, глаза подёрнулись поволокой.

— Что с тобой? — спросил её Альк.

Марина словно опомнилась.

— Ничего, господин посол. Просто... Что-то мне сегодня тоже жарко. Зима в этом году очень тёплая, — она наконец села на место и вновь навесила улыбку. — Давайте пока поговорим о деле, если вы не против. Пожалуйста, расскажите мне, о чём вы собираетесь беседовать со светлейшим иргемом. Мне это необходимо, чтобы перевести всё светлейшему как можно более точно.

В такую жару, да после долгого плавания, Альку совершенно не хотелось говорить о делах. Но, во-первых, это была его прямая обязанность, а во-вторых — лучший способ отвлечься от мыслей об этой девушке. Странная она была, эта Марина, хотя и невероятно красивая. Раньше он подобных женщин не встречал.

Уловив суть миссии господина посла, переводчица поскучнела.

— Даже не знаю, чем вас обрадовать, господин, — со вздохом сказала она, — То, о чём

вы хотите попросить светлейшего иргема, практически невозможно.

Повисла тишина, нарушаемая лишь перестуком копыт да скрипом колёс.

— Все так плохо? — нахмурившись, спросил Альк, — Но ведь у Иргемаджина союз с Савринтарским тсарствием!

— Это общеизвестный факт, — снова вздохнула Марина, — Но дело не в этом. Дело в том, что время сейчас беспокойное. На нас тоже периодически нападают, и иргем, как бы ни был он признателен вашему тсарствию за помощь в предыдущих сражениях, не станет так ослаблять оборону страны. Боюсь, вы зря прибыли с посольством.

Альк помолчал, соображая.

— Как думаешь, когда светлейший сможет со мной побеседовать? — спросил он наконец.

— Скорее всего, не раньше чем через две-три недели.

— Почему так нескоро? — удивился посол.

— Дело в том, — пояснила Марина, — что у нас давно добивались аудиенции послы другого государства. Всё уже договорено, потому иргем и прибыл на побережье. Вам просто случайно повезло, что вы застали его здесь.

Альк молчал. Повезло ему не случайно: он просто выбрал эту дорогу. С помощью от Иргемаджина получалось немного сложнее, требовалось лучше сосредоточиться, как следует отдохнуть. На это нужно было время. Завтра он займётся и этой дорогой. Потому его величество и выбрал его послом, а вовсе не из-за внешности, как подумали многие: никто другой из приближенных тсаря дар не носил и на события повлиять не мог.

Понятное дело, одному ему этот ворот не свернуть, слишком много на нём судеб, нужна помощь. И она, конечно, поможет... Он ни щепки в этом не сомневался.

— Что ж, я буду ждать, — сказал Альк наконец. Помолчал ещё немного и сменил тему, — Скажи, Марина, а ты откуда так хорошо знаешь мой язык? Я думал, что придётся объясняться самому, — признался он.

— А вы умеете? — в голосе её послышалась легкая ирония.

— Я пытался учить ваш язык, но он очень сложный, — уклончиво ответил посол.

— Да, иргемаджинский язык очень сложный, — согласилась Марина, — Ваш намного проще. Но я училась ему с детства, родители готовили меня... Впрочем, это неважно, — на лице девушки отразилась лёгкая досада, — Пока я служу у светлейшего переводчицей, но зато могу практиковаться в языках. Я знаю их четыре, кроме родного, в том числе ваш второй государственный — ринтарский.

Альк усмехнулся.

— А почему обратилась ко мне именно на этом? — спросил он.

— Я ведь и историю вашу изучала, и культурологию, — сказала Марина, — Мне известно, что ваше тсарствие объединилось совсем недавно, а раньше были Саврия и Ринтар — отсюда и два государственных языка. У вас внешность саврянина, и я решила, что логичнее было бы обращаться к вам на этом языке — так вам будет проще.

Альк снова промолчал, но признал, что в уме девушке не откажешь.

— Единственное, во что я не могла поверить, — продолжала тем временем Марина, — так это косы. Я просто не представляла себе светловолосого мужчину с двумя косами! Такая странная традиция... Извините за бестактность, господин посол.

В её голосе не было ни насмешки, ни издёвки — только удивление. Так реагируют, увидев какое-нибудь диво, что-то такое, что не укладывается в голове. И потому он спросил:

— Ну и как тебе?

— Вы о чём? — не поняла она.

— Как тебе мои косы?

— Мне? — недоуменно спросила Марина, — Я разных послов повидала, мне не привыкать к их необычной для нашей страны внешности...

— Я не это имел в виду, — перебил её Альк, — Тебе как женщине такое нравится или нет?

Марина как-то плотоядно взблеснула глазами, хотя тут же и отвела их. Однако вслух сказала:

— Для меня это странно, я повторяю, — она снова посмотрела прямым взглядом Альку в глаза. — То, что я видела на гравюрах в книгах, мне не нравилось, а живую я раньше ваших соотечественников не встречала. Но лично вам, господин посол, ваши косы очень идут, и, думаю, со мной согласится здесь любая женщина.

— Спасибо, — польщённо сказал Альк.

Разговор свернул на другие темы, но до самого конца поездки Альк кожей ощущал интерес девушки к своей персоне. Однако вела она себя безупречно, не считая бросаемых исподтишка взглядов. Будь он у себя на родине, Альк знал бы, что делать. Но здесь... Он, конечно, ознакомился с традициями и законами страны, но мало ли, может быть, тут как и в их языке, много непонятного, такого, чего за пару дней не постигнешь?

Среди прочего посол узнал, что мужчины и женщины Иргемаджина равны в правах. Но как именно? Может, это только к политике и устройству государства относится?..

Всё дело было в том, что девушка его тоже привлекала. Но как было сказать ей об этом и стоило ли вообще это делать, Альк пока не понимал, хотя и чувствовал: стоит только начать этот разговор, и остановиться только на словах уже не получится.

Дворец, выстроенный из светло-зелёного, слоистого камня, был огромен и величественен. Под его сводами Альк ощутил, наконец, долгожданную прохладу.

Ковров здесь не было, и это показалось ему правильным: в таком климате чем больше тряпья, тем жарче и больше пыли.

Марина поговорила со служанками на своем языке, утвердительно кивнула несколько раз и повела Алька за собой, вверх по лестнице на третий этаж, гулками прохладными коридорами, довольно светлыми, с мозаичными стенами и полом, в гостевую часть дворца.

Покои, предоставленные господину послу, были настолько шикарны, что избалованный с детства роскошью, Альк остался очень доволен: что греха таить, красиво отдохнуть он всегда любил.

— Располагайтесь, господин посол, — с улыбкой произнесла Марина, — Я пришлю ваших слуг, так вам будет удобнее. Здесь есть всё, что вам может понадобиться. На счёт обеда я уже распорядилась, его подадут через лучину. А если захотите чего-нибудь ещё, обращайтесь.

— А как мне тебя найти? — спросил Альк, снимая с плеч ножны с мечами.

— Вот колокольчик, — она указала на комод при входе. — Позвоните. Приду либо я, либо служанка.

— Интересно! — возмутился Альк, уже окончательно уверовавший, что его скудные познания в иргемаджинском вряд ли здесь помогут. — А служанке я что должен сказать?

— Просто произнесите “Марина”, и она меня позовёт, — девушка снова улыбнулась.

Тут кто-то постучал в дверь, Марина выглянула в коридор, о чём-то поговорила со

службой, а потом нахмурилась и снова обратилась к Альку:

— Извините, господин, я вынуждена покинуть вас, — сказала она, — Прибыло другое посольство, о котором я вам говорила. Требуется моё участие.

Альк и себе бы не признался, но у него сердце упало от такого известия. То ли он переживал, что его не поймут, то ли...

— У вас тут что, других переводчиков нет? — спросил он тихо, склонив голову на бок.

— Моего уровня — нет, — продолжая улыбаться, ответила девушка. — Но это всего на один день! Этих послов иргем давно ждал. Он примет их уже сегодня, а завтра, вполне возможно, найдёт время и для вас, — заметила она, — Так что прошу вас, господин посол, не сердитесь, пожалуйста. Всё складывается для вас очень удачно. Думаю, завтра, самое позднее — послезавтра я провожу вас к иргему. А на сегодня... я пришлю другого переводчика. В бытовых вопросах его знаний будет вполне достаточно. До встречи, — она слегка поклонилась и вышла.

В её взгляде, не смотря на то, что она так и не позволила себе перестать улыбаться, Альк прочитал искреннюю досаду. То ли она устала за сегодняшнее утро, то ли ей просто было обидно расставаться лично с ним, тем более, уже настроившись общаться. Пожалуй, если бы не возложенные на неё обязательства, ещё бы и дверью о косяк приложила... Нет, это определённо нельзя так оставлять!

Как всё же приятно было оказаться снова на твёрдой земле, хотя и продолжало казаться, что она всё ещё покачивается, словно и не сходил с корабля. И вообще — приятно отдохнуть с дороги. Он даже и не думал, что так устал. Вдвойне радовало то, что для отдыха здесь были созданы все необходимые условия.

Во дворце, в отличие от улицы, было прохладно и свежо: каменные стены были холодными, а занавески шевелились от лёгкого сквозняка. После поездки в карете ему казалось, что он попал не иначе как в рай.

Насекомые тоже перестали донимать: открытые окна были наглухо заделаны мелкой сеткой, а если всё же какая-нибудь мошка и прорывалась в помещение, то ей не оставляли никакого шанса на выживание специальные курения в огромных чашах, расставленные тут и там.

Комнат в апартаментах посла было то ли семь, то ли восемь, в том числе имелся бассейн с чистой водой, что очень его порадовало. И здесь действительно можно было найти всё, что могло пригодиться. Об одежде для него Марина всё же, видимо, успела позаботиться: её принёс слуга уже через лучину. Альк едва успел помыться с дороги, как его уже ждала стопка коротких штанов и рубашек без рукавов. Примерив на себя местную одежду и посмотрев на себя в зеркало, посол пришел к выводу, что ему действительно такое к лицу. В таком виде он выглядел словно даже моложе, что ли... Вот только на посла был совсем не похож. А вот удобство таких вещей недооценить было невозможно. Что ж, подумал Альк, раз тут все так одеваются, тогда и стесняться нечего.

Переводчик, парень лет двадцати пяти, явился незамедлительно, практически сразу после ухода Марины. Парня звали Салим, и хотя говорил он с сильным акцентом, но посла вполне понимал. По поводу языка теперь снова можно было не беспокоиться.

Когда Альк привёл себя в порядок, подали обед, и в первый момент он очень удивился. Подобной еды ему никогда в жизни есть не приходилось, и пришлось даже спрашивать дар, не будет ли от этого плохо. Однако и рыба, и морепродукты, и местные овощи, да и всё остальное оказалось очень вкусным. Вот только количество поданной еды озадачило.

Человек десять можно было им накормить! Особенно фруктами, которых принесли сразу целую корзину.

Словом, гостеприимство иргема посла впечатлило.

Пожалуй, отец был в чём-то прав, желая видеть Алька на этой должности. Путникам благ такого масштаба было не видать как собственных ушей при всей их вольной и безбедной жизни.

После плотного обеда Альк собирался завалиться спать, но тут снова явился переводчик и спросил его:

— Не угодно ли будет господину послу пригласить к себе женщину? Вы можете выбрать любую, — с улыбкой пояснил он.

— В смысле — любую? — не понял Альк.

— Любую, кроме светлейшей иргемы, — поправился переводчик.

Иргема — это аналог тсарицы, догадался саврянин.

— И... никто не будет против этого? — уточнил он.

— Нет, конечно! — безапелляционно произнёс Салим, — Каждая женщина почтёт за честь такую возможность!

Альк молча смотрел на Салима, отказываясь что-либо понимать.

Нет, конечно, на его родине нечто подобное тоже практиковалось, к примеру, если высокопоставленный гость имел желание скрасить свой досуг, к нему посылали какую-нибудь служанку. Право первой ночи опять же имело место... Но здесь об этом говорилось так открыто, как о чем-то само собой разумеющемся! Поневоле задумаешься о морали.

— А... мужья этих женщин не против их службы во дворце? — спросил Альк, обретая дар речи.

Парень улыбнулся.

— Не извольте беспокоиться, господин посол, — сказал он, — В нашем государстве замужних женщин на службу во дворец не принимают, как и женатых мужчин.

— Почему? — удивился Альк.

— Именно из-за иностранных посольств. Ни одна женщина не имеет права отказать чужестранцу, тем более послу, если он желает провести с ней ночь.

Альк думал, его уже нельзя удивить, но оказалось, чем дальше в лес, тем больше дров.

— Это ещё что такое? — недоуменно спросил он, — Объясни, будь добр!

— У нас такой закон, — терпеливо начал Салим, — если чужестранцу понравилась иргемаджинка, нужно ценить такую возможность. Всё от того, что от приезжих мужчин рождаются наиболее здоровые дети, а это путь к процветанию нации: чужестранцы уедут, а дети останутся в Иргемаджине. В свою очередь наши мужчины не отказывают иностранкам: в других государствах тоже наверняка хотят здоровых детей.

— Дикость какая-то... — буркнул Альк.

— Но если женщина замужем, — продолжал Салим, — может возникнуть недоразумение: с одной стороны она обязана по закону, с другой — измена у нас карается смертной казнью. Чтобы такого не произошло, во дворце служат лишь те, кто не связан узами брака. Единственная семейная пара здесь — это наши монархи. К тому же, незамужнюю женщину легко отличить от замужней: только свободная имеет право плести косы.

— А мужчинам как быть? — с ухмылкой, спросил посол.

— Женатые мужчины бреют голову наголо, — серьёзно сказал Салим, и Альку сразу

стало понятно, кто есть кто. Действительно, примерно половина увиденных им в городе мужчин, а также светлейший были лысыми, как коленка. Во дворце же он пока видел лишь слуг с шевелюрой, а служанок — с косичками.

Так значит, любая?..

На ум господину послу вдруг пришёл неожиданный вопрос:

— А вот если бы я, к примеру, позарился на дочь иргема? — спросил он, собираясь озадачить переводчика.

Но в лице парня не дрогнул ни один мускул, и он спокойно, с улыбкой ответил:

— Светлейшая иргемияна в данный момент отсутствует во дворце, заменяя своих родителей в столице, но уверяю вас, будь она здесь, с радостью разделила бы с вами ложе!

На сегодня было достаточно. От такой информации голова пухла. Махнув парню рукой на дверь, Альк сказал лишь:

— Пожалуй, я слишком устал с дороги и лягу спать один. Ты свободен.

Переводчик поклонился и вышел. Альк, задумавшись, присел в кресло.

Любую, значит... А вдруг просто неправильный перевод? Лучше уж сегодня выспаться, а завтра спросить у Марины, а то мало ли... Не хватало ещё из-за ерунды завалить всю миссию.

...Но косички Марины ещё до-олго не шли у него из головы.

*

Альк проснулся от предчувствия беды и по привычке схватился за оружие.

Ничего особенного он не увидел и не услышал. В комнате было темно, если не считать каких-то непонятных бледно-голубых светильников, по сути стеклянных сосудов с водой и помещенными в неё камнями, дающих не свет, а скорее, ориентир. За окном ровно шумел дождь. Альк выглянул на улицу и увидел сплошную стену воды, словно это был не дождь, а водопад (вот это да, он бы никогда не подумал, что после такого солнечного и безветренного дня может ни с того ни с сего начаться такой ливень!).

В общем, тишь да гладь.

Но дар его никогда раньше не подводил, и можно было делать вывод, что где-то рядом творится что-то нехорошее, страшное, лично его не касающееся, но ставящее всё посольство под угрозу.

Альк быстро оделся и вышел в коридор. На стенах в держателях горели факелы, но ничего особенного и там не наблюдалось. Стояла тишина. Скорее всего, была глубокая ночь.

Вернувшись в комнату, он позвонил в колокольчик. Заспанный Салим явился через десять щепок, на ходу оправляя рубашку.

— Слушаю, господин, — с поклоном сказал он.

— Проводи меня в покои иргема, — велел ему Альк.

— Сейчас очень поздно, господин посол, светлейший изволит почивать, — возразил парень.

— Делай, что говорю! — рявкнул путник, — Иначе мы все потом пожалеем!

Салим, испуганно оглядев его, неуверенно произнёс:

— Хорошо... следуйте за мной.

— Оружие какое-нибудь возьми, — бросил ему Альк.

— Зачем?

— Увидишь. И быстро, давай!

Парень, не споря более, вернулся в свою комнату и вышел уже с мечом. Не смотря на невысокий рост и мирную должность, оружие он держал как положено и, видимо, знал, что с ним делают, что Алька порадовало.

Они запетляли по коридорам и лестницам, Салим впереди, Альк за ним.

— Что происходит, господин посол? — не останавливаясь, решил спросить переводчик.

— Есть угроза светлейшему, — нехотя ответил Альк.

— Откуда вы знаете?

— Я путник.

— Кто? — удивился Салим, не понявший сразу значения слова.

— Предсказатель, — постарался объяснить Альк.

Видимо, тоже ознакомленный с устройством жизни Савринтарского тсарствия, в частности, слышавший о путниках, переводчик додумал слова посла по дороге и задал следующий вопрос:

— А где же ваша крыса?

— По дороге сдохла, — соврал Альк. Не время было вникать в тонкости. — Но я и так могу. Тихо теперь! — велел он.

— Подождите! — проявил бдительность парень. — Докажите! — остановившись и обернувшись, он поднял меч.

— Ты что, с ума сошёл? — взвился посол, — Пока ты тут меня подозреваешь, иргему, возможно, грозит смерть!

— А вдруг вы и есть тот, кто ему угрожает? — резонно заметил Салим, без страха глядя в глаза путника, — Я же вас вижу в первый раз в жизни!

Выругавшись, Альк признал правоту переводчика.

— Хорошо! — раздражённо рявкнул он, — Рыжая служанка, та, что приносила мне обед... Она сегодня ночевала у тебя, ведь верно?

— Вы могли это видеть, — ни капли не смутившись, возразил парень, перехватывая меч поудобнее.

— Ладно, спроси меня сам, — пожал плечами Альк.

Салим кивнул.

— Какое серьёзное событие произошло в моей жизни на прошлой неделе? — спросил он.

Посол думал лишь щепку. Всё было очевидно.

— Умер кто-то из твоих родных, — нахмурившись, сказал он, — Девять к одному — твоя мать.

В карих глазах Салима на миг мелькнула вполне интернациональная скорбь. Парень круто развернулся и, бросив через плечо:

— Извините. Следуйте за мной, — порысил дальше по коридору.

Вскоре из-за угла послышался звон металла.

— Стой! — скомандовал Альк, и парень, тут же остановившись, прижался к стене. Обойдя его, Альк осторожно посмотрел за угол — и увидел битву у дверей опочивальни иргема...

Кто есть кто, он понял сразу: воины иргема сверкали доспехами, одетыми, казалось, на голое тело, и среди них были женщины, вернее, девушки возраста Марины и с такими же, как у неё косичками. Их противники сначала показались путнику знакомыми, а потом он

сообразил: это от того, что воины одеты как северяне, неуместные здесь, но привычные для его глаз!

Альк всё понял, да и дар подтверждал подозрения. Удивляться было некогда, и он спросил переводчика:

— Посольство ждали с севера?

— Да, с острова Пелигос, господин, — кивнул тот.

— Поздравляю, дождались.

— И... что?

— Ничего хорошего. Делегация большая была?

— Человек тридцать, как я слышал. Да что происходит-то?

— А сам не видишь? — раздражённо спросил Альк, — Это вся дворцовая стража? — спросил он, кивнув в сторону битвы.

— В этом крыле — да.

— Быстро поднимай тревогу! — велел путник, — И любого чужака во дворце — нещадно убивай. Слуг моих ты видел, закрой их где-нибудь, скажи им, что я так велел. А больше никого чужого здесь быть не должно. — объяснил он, в душе радуясь, что оставил свою свиту на корабле, и путаницы теперь не будет. — Сделаешь, что я сказал?

— Да, господин, — снова без страха ответил Салим.

— Тогда удачи, — бросил Альк, выхватывая мечи.

Как сказать по-иргемаджински, что не являешься врагом иргема, посол помнил, вернее, выучил в первую очередь.

Врагов было не особенно много, да и половина из них уже пала в бою либо была смертельно ранена. Но те, кто ещё остался в живых, были хорошими бойцами, так что семерым сдерживающим их стражникам приходилось нелегко. Помощь высокого белокомого воина, выскочившего из-за угла и моментально успокоившего ещё двоих, была им весьма кстати.

Главным теперь было не пустить никого в опочивальню, вон за те шикарные двери в два человеческих роста, украшенные золотом и драгоценными камнями. Двое воинов, стоящие спиной к этим дверям, пока справлялись с этим, как Альк успевал заметить краем глаза, но оба они были уже порядком изранены, а врагов всё ещё было больше, чем союзников.

Скорее всего, изначально здесь стояло в карауле человека два-три, а остальные дежурили в коридорах. Никто не ждал подвоха, наверное, увидев дипломатический знак: ждали-то послов.

Альк нещадно ругал себя за то, что не почувствовал угрозу, увлечшись красотой своей переводчицы и ошалев от здешних законов и традиций, но это помочь уже не могло.

А противники были вполне достойны его. Немудрено: на такое не посылают кого попало. А уж когда к врагам подоспело подкрепление, стало и вовсе тяжело. Всё, на что стоило рассчитывать — это продержаться до прихода новых воинов.

Слева на лестнице, там, откуда Альк пришёл, уже слышался шум: бряцанье оружия, топот, голоса, но вздохнуть с облегчением было более чем рано. И потому, продолжая разить врагов, он изо всех сил старался прорваться к дверям в опочивальню, но у него пока ничего не получалось.

А потом вдруг из бокового коридора, скорее даже узкой галереи, вход в которую терялся в тени, выскочил высокий смуглый воин, на голову выше Алька — и тоже с двумя мечами, которыми он мгновенно разметал в стороны чужих (свои сами отскочили) и, не

останавливаясь, нанёс сразу два прямых удара, отправив на небесные дороги обоих воинов, обороняющих двери. На то, чтобы вытащить клинки из тел, понадобились бы драгоценные мгновения, но это не требовалось, потому что воин и не собирался их вытаскивать. Он наоборот их оттолкнул, вместе с телами погибших... А потом выхватил из-за спины ещё два, одним из которых снёс голову подоспевшей стражнице, а вторым — перерубил засов на дверях и исчез за ними.

Остановить такого воина было равносильно тому, чтобы остановить таран.

Альк оценил и ловкость воина, и изобретательность. Наглость маневра, а тем более — его успешность возмутили саврянина до глубины души. Привыкший быть во всём и всегда первым, Альк просто взбесился, и это придало ему сил, а также помогло сломать ритм вращающихся перед ним клинков противника, а затем поднырнуть под них, ранить врага, уgomонить ещё двоих и уже через щепку оказаться в покоях иргема, радуясь, что внутренний засов смуглый великан набросить не догадался, сделав ставку, видимо, на внезапность.

Подумать, кто победит в единоборстве — он или его враг? — Альк не успел, потому что единоборства не предполагалось. Смуглый уже стоял напротив иргема, прижав последнего к стене и держа меч у его горла. Что беседы не получится, было ясно как день, потому-то и саврянский клинок, и надрывный крик:

— Сто-о-ой! — сорвались в полёт одновременно.

Воин обернулся на крик, не успев подумать — всего лишь на миг, забыв о своём клинке и ослабив нажим... Но за этот миг светлейший иргем, тоже побывавший в своё время не в одной схватке, успел уйти в сторону, и клинок смуглого, который тот в следующую же щепку послал не глядя вперёд, наткнулся на стену. А самому воину в тот же миг прямо в шею вонзился Альков меч — и вошёл по рукоятку...

Обычно после такого никто не способен на решительные действия, да и неизвестно, успел ли великан подумать, прежде чем мешком рухнуть на застилающую пол циновку, или это было конвульсивное движение... но в следующий миг посол Савринтарского тсарствия Альк Хаскиль, схватившись за правый бок, тоже стал оседать на пол. Клинок врага, посланный не глядя, не воткнулся в тело саврянина, но прошёл по верху, оставив длинный глубокий след от середины груди до правого бедра. Хлынувшая из раны кровь мгновенно залила пол, забрызгала мебель и стены...

Пал белокосый уже без сознания и не слышал ни радостных возгласов стражников, одержавших-таки победу, ни испуганного вскрика иргемы, ни приказа светлейшего срочно позвать лучших лекарей... Не видел он и расширенных от ужаса глаз подоспевшей Марины — и слёз в них.

И, конечно, тем более не видел и не знал, как за сотни кинтов от этого места, за бушующим морем, за лесами и полями, за большими городами и крохотными, в несколько дворов весками, в далёком, занесённом снегом краю, в добротном доме на берегу озера неулыбчивая черноволосая девушка, держащая на руках двухлетнюю малышку с золотистыми кудряшками, вдруг отдала её тётке, почувствовав резкую головную боль, и, пошатываясь, без тулупа вышла в морозную зимнюю ночь под испуганным взглядом сына. И как, закрывшись в сенном сарае, лучину корчилась в похожих на предсмертные судорогах, заливая всё вокруг чёрной кровью. И как потом долго, глубоко дышала, отгоняя дурноту и пытаясь унять нервный смех и непрекращающиеся слёзы.

...Тётя Ульфина, уложив детей спать, сняла с гвоздя тулуп и вышла следом за девушкой.

— Ты где, Рыся? — позвала она раз, другой, третий.

— Я здесь, — раздалось наконец из сенника. Женщина поспешила туда.

Накинув на путницу тулуп, тётя обняла её, пытаясь успокоить.

— Тётя, он умрёт... он умрёт!.. Я не смогла!.. — надрывно, на вдохе и на выдохе рыдала Рыска, — Слишком далеко!.. У меня уже нет сил... Я не могу...

Но, наверное, поэтому эти две женщины и нашли друг друга в этом мире. Одна из них чувствовала даром, а другая знала из жизненного опыта, когда человека следует утешить, а когда нужно заставить его собраться. Вместо обыкновенного для большинства женщин “всё будет хорошо” или “так угодно богам”, Ульфина от всей души залепила Рыске пощёчину и жёстко произнесла:

— Успокойся! Ты всегда могла и сейчас сможешь, если ещё не поздно.

— Не поздно, — Рыска потёрла щёку, обиженно сопя.

— А тогда давай ещё раз! — велела Ульфина, — А я пошла тебе баню топить, а то трое суток потом трястись будешь, — и, резко поднявшись, вышла из сарая, чтобы не мешать.

===== Глава 24 =====

Снег...

Искрящийся в морозном воздухе белый снег...

Весь вчерашний вечер и всю ночь мела метель, а сегодня с утра дома, деревья, улицы — да все предметы в Ринтарской столице надели снежные шубы. А с ясного неба ярко светит зимнее солнце, и в его лучах всё выглядит так, словно усыпано бриллиантами...

Всё сияет, как то ожерелье, которое его матушка часто надевала ещё в те времена, когда Альк был маленьким, а она — совсем молодой, вызывая завистливые взгляды своих гостей.

Мама просила подарить это ожерелье Дамире в благодарность за дочь...

Но ожерелье было истинно драгоценное, платиновое, с семью крупными и огромной россыпью мелких камней. Оно было настоящим.

А его жизнь с Дамирой — от начала до конца фальшивой...

И хотя его супруга не была виновата ни в том, что Альк её не любил, ни в том, что их жизнь не сложилась, ни в смерти их ребёнка — всё равно, фальшивой жене не полагается фамильная драгоценность. Она полагается той, которую выбрало его сердце. Той, что ни по рождению, ни по социальному уровню, ни по национальному признаку ему не пара. Той, что вытащила его буквально из бездорожья.

Той, что любит его так, что ему тепло с ней в этот морозный зимний день.

А когда она задала ему вопрос:

— Ты её любишь? — он увидел дороги...

И на одной из них она действительно надела платиновое ожерелье с бриллиантами. Но для этого нужно было сказать ей:

— Я тебя люблю, — чтобы увидеть её счастливое лицо, такое юное, почти детское, с расширенными от восторга жёлто-зелёными глазами и изумленно приоткрытыми нежными алыми губами, чтобы забрать её с собой и никогда не расставаться...

Но он не смог это ей сказать, и ожерелье так и осталось у матери.

А зимний день в россыпи бриллиантов уже никогда не вернуть. Зимний день, в котором было тепло...

Зимний день превратился в летний вечер, заснеженный город — в просторную, украшенную цветами комнату в светло-зелёных тонах, а Рыска...

Её здесь быть не могло. Это другая девушка. Тоже красивая, черноволосая, но другая.

Он уже её знает, просто не может вспомнить... Как же ее зовут?..

— Хвала Великой! Вы живы! — прошептали её губы, и он вспомнил.

— Марина... — выдохнул Алык, и в ту же щепку правый бок пронзила боль, какой он в жизни не испытывал.

— Молчите! Вам нельзя разговаривать! Я позову лекаря, — быстро сказала Марина и исчезла из виду.

...А потом он долго находился между жизнью и смертью, порой не осознавая, на каких он дорогах — ещё на земных или уже на небесных? Всё, что запомнилось ему — это боль.

И сны. Когда приходили сны, боли не было.

В его снах была Рыска. Она приходила к нему, держала за руку, гладила по голове, целовала — и становилось легче...

А потом сон уходил и возвращалась боль, такая сильная, что поневоле попросишь смерти.

...Это был первый раз, когда сон прошёл, а боль не вернулась, вернее, в этот раз её вполне можно было терпеть.

Алык повернул голову вправо — и увидел Рыску... Наяву! Она спала рядом с ним, подложив руку под голову. Тонкая рука была унизана золотыми кольцами и браслетами, а чёрные волосы заплетены в мелкие косички. От запахапряно-сладких духов засвербело в носу.

Алык осторожно, чтобы не тревожить рану, вздохнул.

Это не Рыска...

Зато теперь понятно, почему он обратил внимание на эту девушку. Если не видно глаз, она похожа на не улыбчивую путницу как родная сестра, особенно во сне.

Он немного посмотрел на Марину, хотел позвать, но сразу после долгого молчания не смог — голоса не было. Хотел слегка прокашляться, но поплатился взрывом боли в боку, хотя на этот раз она быстро прошла.

А Марина тут же подскочила, протирая глаза и что-то пробормотала на своем языке.

— Извините, господин, я случайно... — опустив глаза, проговорила она уже по-саврянски, — Как вы? Вам лучше? — забросала она его вопросами. На её лице тревога была смешана с осторожной радостью.

— Спасибо... немного лучше, — ответил Алык, не узнавая собственного голоса.

— Позвать лекаря? — заботливо спросила девушка.

Алык отрицательно покачал головой.

— Я... мы очень рады, что вы живы, — прошептала она — и не смогла сдержать слёз, на щепку отвернулась, подтёрла под глазами. — Хотите что-нибудь? — спросила, совладав с комом в горле.

— Нет... — тихо ответил Алык. — Иди... отдохни... Ты очень устала.

— А вы?

— Позови слугу... Со мной... ничего не случится, — говорить было не то что бы тяжело — боль в боку нарастала при каждом вдохе. Но нужно было это сказать, чтобы девушка уверилась, что всё позади, и ей можно отдохнуть. В том, что Марина провела здесь с ним всё это время, он не сомневался: без всякого дара было заметно, как осунулось её лицо, как вокруг глаз залегли темные круги.

— Хорошо, — со вздохом согласилась она, — Мне и правда нужно отдохнуть, — она сделала шаг к двери, но вдруг остановилась. — Но если что, колокольчик — вот он. Звоните,

я тут же прибегу!

Альк лишь глазами моргнул в знак согласия.

...Оказалось, он уже три недели пребывал в таком состоянии — между жизнью и смертью. Первые дней пять он вообще лежал трупом почти без признаков жизни, потом у него начался жар и бред. И лишь ещё через десять дней наступило улучшение. Рана его, разумеется, зарастала, но медленно. Непривычный к жаркому климату организм выражал таким образом свой протест. Да и лет, увы, было уже не восемнадцать. А ещё сырость... С того самого дня, когда произошло сражение у покоев иргема, дождь, то набирая силу, то немного затихая, шёл каждый день, и конца ему не было видно.

В ночь послы снова стало хуже, на этот раз по-другому: его начало трясти. Он долго крепился, даже слуг отпустил, но справиться с ознобом так и не смог.

Поменять дорогу нечего было и пытаться: слишком слаб ещё он был.

Наконец, не выдержав, Альк взял колокольчик и позвонил.

Марина пришла так быстро, словно стояла под дверью.

— Слушаю, господин... — начала она, но увидев, как сильно Альк побледнел, бросилась к нему в замешательстве, дотронулась до его лба. — Вам плохо? — риторически спросила она.

— Холодно очень... — стуча зубами, ответил он.

Немедленно вызванный лекарь велел заварить какого-то отвара и заставил путника его выпить.

— Может, вина горячего лучше? — предположил Альк, едва понюхав содержимое кружки.

Марина перевела, но лекарь затряс головой — нет!

— Господин лекарь говорит, что от алкоголя всё лечение насмарку пойдёт, — объяснила она. — Нет, пейте отвар.

Дрянь в этой кружке была потрясающая. Не помогло даже изрядное количество сахара, добавленное туда. Но Альк мужественно всё выпил и стал ждать результата.

Когда такового не последовало, Альк задумался. Похоже, трясло его не от болезни, а от того, что кто-то где-то далеко недавно поменял его дорогу, используя его же дар. А потом из носа пошла кровь, и путник окончательно уверился в этом.

Увидев это, Марина схватилась за сердце. Бедная девушка почти отчаялась, и пришлось объяснить ей, что происходит. На самом деле, это было хорошо, потому что улучшение было теперь не за горами.

— Может быть, опять лекаря позвать? — спросила Марина, устало присев рядом с ним в кресло. Увидев близко её усталые глаза, Альк подумал: а почему она не уходит? Её ведь никто не держит! Она переводчица... Не служанка, не лекарша. Она совсем не обязана с ним сидеть. Откуда же такое рвение?

И тут он понял: Марина явно заботится о нём не по поручению, а потому, что действительно хочет помочь.

Потому что ей не всё равно, что с ним будет.

По-хорошему, она заслужила благодарность, и не только на словах. Главное, не сдохнуть сию щепку, подумал мужчина, а потом уж можно будет её и отблагодарить...

От лекаря Альк отказался, понимая, что тот ничем ему не поможет.

— Лучше найди мне ещё одно одеяло. И чаю завари... Мне нужно только согреться, и всё пройдет, — пообещал путник.

Девушка незамедлительно выполнила всё, о чем он её просил.

Но ни две огромные кружки горячего травяного отвара, ни три одеяла (на самом деле, слишком тонких, хотя и именуемых гордо зимними) так и не дали долгожданного результата. Озноб обещал продолжаться долго. Как показывала практика, дня два ещё могло так трясти. И всё усугубляла свежая рана...

— Ладно, иди, — сдавшись, сказал Альк Марине, — Всё, что могла, ты уже сделала. Я дальше сам...

Но она продолжала испуганно смотреть на него, однако уходить не спешила. Честно говоря, ему хотелось, чтобы она осталась с ним, но просить об этом Марину ему было стыдно.

Вдруг во взгляде девушки что-то изменилось. Она, похоже, что-то придумала.

А потом... сняла один браслет, второй, третий... Их так много было! И все она сложила на комод.

— А вы на левом боку лежать можете? — спросила она зачем-то.

Альк попробовал. Сначала было немного больно, но в итоге удобное положение нашлось.

— Вроде могу, — ответил он — и тут же едва сдержался, чтобы не застонать. От ставшего непривычным положения затрясло сильнее, ещё и судорога на миг скрутила.

— Закройте глаза, господин посол, — попросила Марина.

А потом что-то прошелестело... Затем его одеяло сзади приподнялось на миг, впустив холод... А в следующую щепку к его спине прижалось упругое, тёплое тело, тонкая рука обхватила его за плечи.

От такой неожиданности Алька даже трясти на миг перестало.

— Ты уверена в том, что делаешь? — спросил он.

— Уверена... — она на миг умолкла, и Альк почувствовал, что она пытается отдышаться. — Больше ничего помочь не может. А светлейший иргем велел вылечить вас... любой ценой.

Альк помолчал, осмысливая сказанное. Уже слишком взрослым он был, чтобы в такое поверить. Да и к дару мог бы обратиться... Но всё равно спросил:

— Ты обо мне заботишься только поэтому?

— Не только поэтому, — тут же ответила она, — Ещё я сама хочу вам помочь. Пожалуйста, молчите, у вас силы уходят на разговоры.

А потом Альк долго молча лежал, слушая тяжелое дыхание Марины, чувствуя исходящее от неё живое тепло и борясь с желанием забросить назад руку и дотронуться до неё, а главное — прекрасно понимая, что именно этого она и ждёт. А когда она под видом, будто просто решила слегка изменить позу, чтобы стало удобнее, легонько провела рукой по его плечу, Альк забыл и про озноб, и про боль. Хотя, такое и в учебниках описывается: если совсем плохо после смены дороги, лучшего средства, чем близость с женщиной быть не может. И он, конечно же, не раз так делал, обычно после десятого стакана. Но и представить себе не мог, как это ощущается на трезвую голову... Теперь он чувствовал себя не просто здоровым, а здоровым как бык!

— Марина, — позвал он снова.

— Что? — уже не скрывая дыхания как после пробежки, ответила она.

— Ты зачем это делаешь? — напрямую спросил Альк.

— Делаю — что? — вопросом ответила она, — Вам что, хуже стало? — она заглянула

ему через плечо.

— Ты прекрасно знаешь, о чём я, — предостерёг Альк.

— Мне уйти? — спросила она.

— Смотри какие у тебя намерения.

Она совладала с собой так быстро, что, казалось, такое в принципе невозможно.

— Никаких намерений у меня нет, — совершенно спокойно и ровно произнесла Марина, — просто я хочу, чтобы вы выздоровели.

— Зачем тебе это?

— Когда человеку плохо, ему следует помогать. А ещё я, как и все граждане нашей страны, признательна вам за спасение иргема. Так что не беспокойтесь, господин, ничего такого я не имела в виду, — объяснила девушка весьма холодно.

— Почему тогда так дышишь? — с лёгкой досадой спросил Альк.

— Не более чем нормальная реакция организма, как, наверное, и у вас, судя по тому, как сильно бьётся ваше сердце, — беззастенчиво ответила Марина.

— Ты так спокойно об этом говоришь! — удивился Альк.

— Почему я должна говорить об этом беспокойно? Есть вещи, которые понятны без слов, — сказала она. — Но, в любом случае, вам сейчас лучше поспать. Вы ещё слишком слабы для чего-либо другого.

— А ты бы и на это согласилась?

Марина хмыкнула.

— Светлейший повелел выполнять ЛЮБОЕ ваше желание. И ещё я обязана по закону. Но вам сейчас надо думать не об этом, — слегка повысила она голос. — Вам надо беречь силы. Поэтому лучше поспите, а я, если вам так будет проще, могу и уйти.

— Не надо, — разочарованно буркнул Альк, — может, и правда согреюсь. — А он-то подумал!.. И главное: дар не поможет. Обратишься к нему, хуже будет...

После таких её слов его словно водой колодезной окатили, и снова начался озноб.

— Да что ж это такое! — с отчаянием воскликнула Марина, почувствовав это, и прижалась к нему крепче, однако до того осторожно, словно знала, что может ему повредить, а что нет.

Марина была права: следовало думать о выздоровлении, и Альк понемногу взял себя в руки и успокоился, хотя это было очень нелегко. Спустя пару лучин он наконец-то расслабился и согрелся. В самом деле потянуло в сон, и не так, как он проваливался в забытьё до этого, а по-настоящему, когда становится хорошо и спокойно перед тем, как сознание отключается.

Но на границе сна и яви Альк почувствовал, как рука девушки снова нежно погладила его по шее и по правому плечу, а потом обхватила ласково, но крепко. А ещё Марина поцеловала его где-то у основания шеи, так, что мурашки побежали вдоль позвоночника, и прижалась щекой к его спине. А может быть, это всё ему уже и приснилось, он не разобрал...

Но на утро её уже не было в его постели. И вела она себя как ни в чем не бывало.

*

Начиная со следующего утра, Альк в полной мере ощутил, что ему лучше. Озноб больше не нападал, да и боль вполне затихла, возвращаясь лишь при движении. К вечеру он даже смог подняться из постели, не спрашивая, впрочем, разрешения лекаря. Но Марина, увидев

его на ногах, тут же безжалостно велела ложиться обратно, и никакие аргументы на неё не подействовали. Алык не стал долго сопротивляться и снова лёг. Честно говоря, голова у него кружилась немилосердно, но это с непривычки, решил он, это пройдёт.

Самым правильным в такой ситуации было принять заботу Марины и слуг, что Алык и сделал. Тем более, преисполненный благодарности иргем принял все возможные меры к выздоровлению посла. Кормили его словно на убой и предупреждали любое желание. Кто-нибудь из слуг круглосуточно дежурил в соседней комнате, на случай, если господину что-нибудь понадобится, но на глазах они не маячили.

Всё бы ничего, да просто валяться в постели и бездельничать Алык терпеть не мог. При его динамичной натуре это было настоящей пыткой. Следовало чем-нибудь заняться, и тогда он попросил Марину обучить её иргемаджинскому языку. Она с радостью согласилась и взялась за дело. Оказалось, язык вовсе не так сложен, как он вначале подумал. Это просто без преподавателя освоить его было трудно. С помощью же своей переводчицы посол уже через месяц вполне понимал, о чём говорят окружающие и мог объяснить слугам, что ему требуется без помощи Марины. Алык был собой доволен. Впрочем, он всегда проводил с пользой предоставленное жизнью свободное время и легко всему обучался.

Рана его теперь быстро заживала, совершенно подсохнув уже через полторы недели, правда, и чесаться стала. А потом и струп отвалился, оставив после себя идеально прямой розовый рубец — теперь уже на всю жизнь. Лучину поразглядывав себя в зеркало, Алык махнул рукой. Не первый это шрам и, надо думать, не последний. И вообще, мужчину шрамы только украшают. Тем более, голым-то он ходить по улице не собирается. Да и раздеваться особо не перед кем в последнее время, не считая случайных женщин, до мнения которых ему нет дела, так что, не страшно.

Марина старалась проводить с ним каждую свободную щепку, внимательно наблюдая за его самочувствием, советуясь с лекарем чуть что, следила, чтобы Алык хорошо питался и побольше отдыхал. После матери и няни, подумалось ему, никто не проявлял такой заботы о нём.

Нет, была ещё одна...

Светлейший иргем не стал дожидаться выздоровления посла и сам зашёл к нему, как только узнал, что Алыку стало лучше, и сам начал беседу. Марина переводила.

С первых щепок разговора саврянин понял, что Марина рассказала главе государства, для чего его прислали, поэтому всё сказанное им далее носило скорее риторический характер. В знак благодарности за спасение своей жизни, иргем согласился-таки помочь Савринтарскому тсарствию оружием и бойцами и пообещал немедленно отрядить к берегам союзной страны две сотни кораблей. А когда Алык высказал и обосновал предположение, что враг у них, похоже, общий, правитель нахмурился и мгновенно отдал приказ отрядить три сотни. Вот как откликнулась дерзкая вылазка приспешников тсарицы-видуньи, едва не стоившая Алыку жизни.

Правда, почему он не увидел эту дорогу, путник не понимал. Скорее всего, кто-то из врагов носил дар и помешал ему. Возможно, это был как раз тот высокий смуглый воин — Алык не успел в горячке боя этого понять. Допрашивать же было некого: вражеские бойцы сопротивлялись до конца и поголовно были перебиты, а корабль, на котором они прибыли, исчез из гавани, да так незаметно, словно ко дну пошёл.

Однако сожалеть об упущенных возможностях было поздно, а вот удвоить бдительность — как раз пора.

Иргем снова заговорил.

— А что вы хотите лично для себя, господин Хаскиль? — перевела девушка, на миг встретившись с Альком глазами. — За спасение жизни светлейшего иргема вам полагается награда, и вы вправе потребовать что угодно, — пояснила она.

— Мне ничего не нужно, о светлейший, — задумчиво произнёс Альк, — Но я хочу попросить наградить вместо меня другого человека. Это возможно?

Марина нахмурилась, но перевела.

— Как вам будет угодно, — снова передала она слова иргема щепку спустя, — Кого вы имеете в виду и как светлейший может выразить свою благодарность?

Альк встретился глазами с иргемом, задавшим этот вопрос из чистых церемоний. Правитель или нет, в первую очередь он был прожившим долгую жизнь человеком. Он всё понимал!

Посол усмехнулся и произнёс:

— Я бы хотел попросить назначить мою переводчицу, госпожу Марину, на должность посла в Савринтарском тсарствии. У неё есть и соответствующее образование, и задатки, и стремление.

Марина начала было переводить, но осеклась, уставившись на Алька.

— Переводи давай, — сказал он ей, — И смотри, не обманывай! — предостерёг он с улыбкой, — Я уже многое понимаю, ты сама меня обучала. Я просто говорю пока плохо.

Марина обратила взгляд к иргему и закончила фразу. Иргем заулыбался ещё шире и ответил, утвердительно кивнув.

— Светлейший иргем сказал, что выполнит вашу просьбу, — порозовев, произнесла Марина, — Спасибо вам, господин... — тихо, уже от себя, ответила она, опустив глаза.

Они беседовали ещё долго, и в конце разговора светлейший заверил посла, что будет рад видеть его в Иргемаджине и впредь, а также объявил своего спасителя почётным гражданином страны.

— Откуда вы узнали, о чем я мечтаю? — восхищённо спросила Марина, на щепку задержавшись после ухода иргема. Глаза её сияли. Она была готова прыгать от радости!

Альк пожал плечами.

— Для этого у меня и есть дар, — сказал он как-то отрешённо.

— Я не представляю, как могу выразить свою признательность! — продолжала радоваться девушка.

— Ничего не нужно, и так всё видно, — улыбнулся он.

А Марина вдруг подошла ближе, склонилась над Альком, снова улёгшимся в постель, и, наверное, хотела поцеловать его в щёку, так, из чистой благодарности. А может быть и нет...

Но в следующую щепку их губы встретились.

...А потом Марина выскочила из покоев посла, словно ошаренная, закрылась в своей комнате и ещё пол-лучины не могла успокоить дыхание и даже просто сойти с места. Так и стояла, прислонившись к двери.

Ей приходилось и раньше вступать в близкие отношения с иностранцами, но она ни разу так сильно никем из них не увлекалась. Этот мужчина был самым необычным из всех, которых она встречала в жизни. Девушка уже поняла, что своим законным правом он не воспользуется и принуждать её к близости не станет. Но она сама хотела этого... Хотела и при этом не знала, сможет ли спокойно посмотреть вслед кораблю, который увезёт его из Иргемаджина.

Долгожданный день настал: Альк самолично признал, что здоров. И, конечно, с самого утра его потянуло пойти потренироваться, что он с успехом и выполнил.

Разумеется, он чувствовал некоторую скованность мышц, но это было сущей ерундой по сравнению со всем тем, что ему пришлось пережить, с этим он со временем справится.

На следующее утро у него болело ВСЁ, но это были закономерные последствия первой после длительного, почти в два месяца, перерыва тренировки. И эта боль была скорее приятной; она и в сравнение не шла с той.

На рассвете Альк поднялся с кровати, потянулся, слегка застонав, чуть размялся и, отказавшись от завтрака, сразу оделся и вышел на широкий двор, расположенный позади дворца. Чувствовал он себя, не смотря на боль, замечательно, словно заново родился. И потому всё вокруг казалось ему невероятно красивым: и сам дворец, и сад, благоухающий после двух месяцев зимних дождей, и восходящее над городом солнце.

Переводчик Салим, заменявший Марину в её отсутствие, уже ждал его во дворе: он с радостью согласился составить господину послу пару в тренировках сегодня и завтра утром.

А на послезавтра Альк назначил свой отъезд: его миссия была выполнена, здоровье пришло в норму. Пора было возвращаться домой.

Солнце, едва взошедшее, светило искоса, ласково, было ещё очень прохладно — самое время для тренировки.

Поллучины Салим восхищенно наблюдал, как Альк для разминки крутил свою мельницу, а когда тот закончил, спросил с придыханием:

— Как вы это делаете? Просто потрясающе!

Альк лишь плечами пожал. Ещё лет десять назад он любил покрасоваться. А теперь... Наверное, всему своё время. Он настолько давно был с клинками на “ты”, так много раз слышал вот такие восхищённые возгласы, что они его уже не трогали.

— Если б мне так уметь! Я бы больше никогда никого не боялся, как вы! — фанатично взблеснув глазами, снова воскликнул Салим.

— Что ж, в следующий свой приезд обязательно научу, — пообещал Альк, сдержанно, но при этом польщенно улыбаясь.

— А вы ещё приедете? — у парня озарилось лицо. С недавних пор Альк стал его кумиром.

Господин посол щепку подумал и утвердительно кивнул — и тут же без предупреждения сделал выпад в сторону парня. Тот довольно легко и быстро среагировал.

... За две лучины тренировки Альк сделал вывод: мальчишка хоть и молод, и невысок ростом, как большинство местных, имеет тем не менее отличные задатки бойца. Тренироваться с ним было интересно, даже не хотелось останавливаться, но не стоило после ранения сразу сильно напрягаться. Поблагодарив Салима, Альк убрал мечи в ножны и развернулся, чтобы идти обратно во дворец...

И вдруг в тени возле дворцовой стены, увитой виноградом, увидел Марину... Девушка, одетая в короткое, выше чем до колен и совершенно открытое оранжеевое платье, сидела на скамье с кувшином воды и полотенцем в руках...

Альк подошёл к ней, пожелал доброго утра, чувствуя, как сердце забилося сильнее. Вот Саший, ну как же он рад был её видеть! И вроде расстались только вчера, и почти весь день она была где-то поблизости, но всё равно, каждый раз, как видел её, в душе что-то переворачивалось...

По тому, как она метнула на него взгляд и тут же опустила глаза в землю, Альк понял, что Марина тоже рада. Что с ней происходит то же самое...

Девушка полила ему на руки из кувшина, а потом, когда он умылся — подала полотенце. Альк вытер руки и отдал полотенце Марине. Но у неё так дрожали руки, что она его тут же уронила, хотя сразу и подняла, отряхнув от песка.

Альк смотрел на неё и не знал, что сказать. Он давно отдавал себе отчёт, что девушка ему нравится и чувствовал, что это взаимно, но за время своей болезни столько всего передумал, что окончательно в себе запутался. С одной стороны, Марина была именно такой, какой он когда-то хотел видеть свою жену: красивой, умной, интересной, образованной и при всём при этом — самоотверженной и заботливой. Её заслугу в его выздоровлении переоценить было невозможно. С другой стороны, она была из другого мира, привыкла совсем к другой жизни, к тому же, слишком молода... Но при этом при всём, похоже, влюблена в него так же, как когда-то Рыска.

Рыска... Наверное, она тогда не зря так рыдала.

Она чувствовала, что это всё... И от обязательств перед ней Альк был теперь свободен: она сама ему об этом написала. Она вычеркнула его из своей жизни, и неважно больше у кого и какие остались чувства.

Её милый образ таял где-то вдали...

А эта девушка стояла в шаге от него, и лицо её светилось от счастья. Она была готова выполнить любое его желание. Это не было больше связано с её обязанностями: она сама так хотела, потому что он и в самом деле был ей небезразличен...

Вот только как общаться с девушкой из другого мира, он так пока и не мог понять.

Марина как обычно проводила Алька до двери его покоев и собралась с милой улыбкой уйти к себе, но он остановил её:

— Зайди на щепочку, нужно поговорить, — сказал он. Прямо как в первый раз в жизни, отметил он про себя. Обычай их ещё... Не знаешь с чего начать!

Когда девушка тихо притворила дверь у него за спиной, Альк обернулся и в упор посмотрел на неё.

— Марина... — глухо произнес он, — Ты бы хотела... заняться со мной любовью? — ляпнул он и тут же пожалел. Ну как можно было такое сказать? Как будто на работу нанимаешь!

На лице Марины появилась такая странная улыбка — вроде и радостная, и в то же время какая-то неискренняя, издевательская. Она никогда раньше так не улыбалась.

— Это для меня честь, господин посол, — произнесла она, приподняв брови.

— И всего лишь? — удивился Альк.

— Я уже говорила, что готова выполнить любое ваше желание, господин, — сказала она, — Ну что? Мне раздеваться?

Будь на её месте любая другая, Алька бы это вполне устроило, но от Марины он ожидал другой реакции. Думал, она искренне обрадуется... Хотя за такое у себя на родине он мог получить в лучшем случае пощёчину. Кошмар... Пошло как-то вышло. Разочарованию его не было предела.

— Не надо, — буркнул Альк, присаживаясь в кресло, — Можешь быть свободна, — бросил он, не глядя на девушку.

С невозмутимым до ужаса видом Марина направилась к двери. А Альк сидел и смотрел ей вслед. Обернётся или нет? Должна обернуться, иначе зачем пришла сегодня с кувшином и

полотенцем, если не звали? Зачем возилась с ним столько времени, выхаживая после ранения?..

Но она, не замедляя шага, продолжала идти вперёд, а потом на ходу же взялась за дверную ручку.

— Ты что, всё-таки уходишь? — зло спросил Альк, вскочив на ноги.

И она замерла на месте.

— Если вам так угодно, я останусь, — ровно произнесла она, не поворачиваясь.

— А сама ты чего хочешь?

— Моё желание ничего не значит, господин посол. Я обязана по закону, и вы это знаете, — её голос всё же слегка, еле заметно, дрогнул.

— Так ты хочешь быть со мной или нет? — подходя к девушке, спросил Альк.

— По крайней мере, не так, — отрывисто сказала она, чуть повернув голову.

Альк смешался. И как это понимать? Его так долго убеждали, что любая женщина будет просто счастлива...

— Это всё ваши законы... Я ни хрена в них не понял! — он сам не понимал, злится или оправдывается, — И ты так странно мне ответила...

— А вы как спросили? — резко обернувшись, звенящим от обиды голосом, воскликнула Марина. Глаза её потемнели от гнева.

И Альк словно очнулся. Да плевал он на их традиции! Надо было сразу делать, как привык! Ведь именно поэтому он ей и понравился: за то, что не похож на местных.

— Конечно, нет, всё не так... — он, тяжело дыша, покачал головой, — Ты мне очень нравишься, Марина, — произнёс Альк, чувствуя убыстряющийся сердечный ритм, — Ты очень красивая. Я давно тебя хочу... Пожалуйста, останься сейчас со мной...

Марина снова отвернулась к двери — но лишь для того, чтобы закрыть её на засов. А потом повернулась к Альку лицом. Она уже не злилась...

— Я вас тоже хочу... С самого первого дня, господин посол... — простонала она. Грудь её вздымалась.

— Альк, — поправил он её.

— Альк... — повторила Марина и бросилась к нему в объятия.

... Что он запомнил? Звон её многочисленных цепочек на шее и на запястьях, хлесткие косички, танцующие при каждом движении, запах пряно-сладких духов, не похожих ни на одни из тех, которыми пахли женщины на балах в обеих столицах Савринтарского царства... А ещё её дрожащие руки, дорвавшиеся до него и бросившиеся сразу срывать одежду, нежные жадные губы, смуглую, гладкую, как шёлк кожу, горящие страстью карие глаза и сдавленные стоны, словно пыталась и не могла сдерживаться...

Когда страсть наконец-то схлынула, а мир понемногу начал обретать реальные очертания, над Иргемаджином сгустились сумерки. Сумерки второго дня... Первый день, следующая за ним ночь и почти весь второй день практически стёрлись из памяти, потонув в море этой страсти.

Они занимались любовью на всех поверхностях в посольских апартаментах: на кровати, диванах, креслах, столах, комодах, а также в ванне и в бассейне и — совсем уж наглость! — на выходящем на улицу балконе, правда глубокой ночью и под проливным дождём.

А потом оба уснули... Сил совсем не осталось.

Молоденькая служанка хотела было постучаться в покои посла и спросить, что тот желает на обед, но была поймана за руку старшей коллегой. Та лишь погрозила ей кулаком,

приложила к губам палец и оттеснила от двери. Однако как только та исчезла за углом, приложила ухо к двери, послушала и завистливо вздохнула.

— Везёт же некоторым! — досадливо прошептала она и пошла прочь. Савринтарский посол в Иргемаджине тоже всем понравился. Служанки со вкусом обсуждали его достоинства как мужчины на кухне, старались угодить как могли и до ужаса завидовали Марине.

Салим, с которым Альк договорился о совместной тренировке, господина посла на следующее утро так и не дождался, с ухмылкой предположив что же с ним случилось.

В общем, взаимная страсть чужестранца и его переводчицы не ускользнула ни от кого. Во дворце отношения Алька и Марины не обсуждались разве что ленивыми. Даже светлейший иргем с супругой периодически поднимали эту тему, правда, за закрытыми дверями и только друг с другом, чтобы не ронять свое монаршее достоинство. А уж их приближенные и тем более, служащие дворца предавались сплетням с утра до вечера. Особенно интересно всем стало, когда Марина по просьбе посла получила из рук иргема благодарность в виде новой должности. А уж когда герои сплетен более чем на сутки закрылись в посольских апартаментах!.. Тут многие даже побились об заклад, что теперь приезжий господин непременно заберёт девушку с собой. Сам же Альк уже давно и всерьёз об этом задумывался. А в этот вечер, засыпая рядом с Мариной, твёрдо решил так и сделать. Причины у него были веские: Марина во всём оправдала его ожидания, пройдя теперь и последнее испытание. Во всяком случае, таких искусных любовниц у него не было ни разу за всю жизнь. А ещё она была милой, красивой, покорной, заботливой, умной и терпеливой. Лучше и желать невозможно.

Но во сне ему почему-то приснилась Рыска.

Он увидел её лежащей на земле с открытыми глазами, но совершенно явно мёртвой...

Вокруг были лишь серые скалы; ни зелени, ни ровной земли... Острые скалы и каменистые осыпи, чуть прикрытые снегом. И постоянный, ледяной и пронизывающий ветер. И шум моря — совсем рядом, за ближайшей каменной грядой, запах огромного водного простора и надрывные крики чаек.

Путница лежала, раскинув руки и глядя невидящим взглядом в серое с просинью небо и сжимая правой рукой рукоять меча. Второй её клинок валялся рядом невдалеке. А в левом боку торчал арбалетный болт...

Алая кровь обагрила серые камни, слегка припорошенные снегом, и тонкая струйка её вытекала из слегка приоткрытых губ девушки.

Альк замер на месте, не в силах оторвать от неё взгляд. А в голове у него поселилась пустота — словно его и не было никогда, дара этого... А раз дара нет, значит и спасти её он не сможет.

Кто-то то подошёл к нему, тронул за плечо.

— Ей уже не поможешь, — произнес до боли знакомый голос, — Ты должен её отпустить...

Альк начал оборачиваться... и проснулся. В холодном поту.

Просыпаясь, он вздрогнул, наверное, слишком сильно, потому что прижавшаяся к нему во сне девушка тоже мгновенно проснулась и подняла голову.

— Что такое? — шёпотом спросила она.

— Ничего, плохой сон приснился. Спи, Рысь, — не сориентировавшись, ответил Альк. А в следующую щепку осознание ошибки в пух и прах разбило остатки сна!

— Прости, Марина, мне приснилось... — попытался он оправдаться.

— Да ничего, — совершенно спокойно отозвалась девушка. Однако, отодвинулась от него. — Рысь — это твоя жена? Ты не впервые произносишь это имя.

Готовый провалиться сквозь землю, Альк ответил:

— Нет, — помолчал, подбирая слова, — Она мне не жена. Просто давняя знакомая.

— Настолько давняя, что у неё даже есть от тебя сын?

Альк вздохнул.

— Откуда ты знаешь? — спросил он. Почему-то его больше не тянуло снова обнять девушку.

— Ты сам сказал, — просто ответила Марина.

— В бреду, что ли?

— Ну да. Но не только. Вчера, например, ты несколько раз назвал меня её именем. И даже не заметил этого, — слегка укоризненно сказала Марина.

Альк молчал, не представляя, что на это можно ответить. При этом угрызений совести не было у него и впомине. А вот пугающе реальный сон уходить из памяти никак не желал. Подробности отпечатались в мозгу так отчётливо, словно только что был там, ощущал на щеках солёный ветер, слышал чаек, своими глазами видел Рыску мёртвой. Даже кровью пахло, когда он склонился над ней. И хотя дар подсказывал ему, что Рыска на самом деле жива, в душе поселилась тревога за неё.

Сны видунам просто так не снятся. Обычно они являются подсказкой, следовательно, если это ещё и не случилось, то вполне может произойти. Возможно, не скоро. Но может... С очень большой вероятностью.

А значит, он правильно решил: ему пора домой. И как можно скорее.

Но как теперь быть с Мариной? После близости с девушкой отношение к ней у него слегка изменилось. Он по-прежнему считал её достойной себя, но забирать её с собой... Нет, он этого больше не хотел. Вернее, он никогда этого не хотел. Просто считал так, и скорее всего, это было на эмоциях. И хотя к разряду случайных причислить Марину было нельзя, то, что он испытывал к ней теперь, не стоило считать началом любви. Скорее, это была благодарность, желание общаться дальше, что угодно... Но нежности и страсти, как это было с Рыской, больше не было. Хорошо, что он вчера не стал торопиться и предлагать ей поехать с ним. Было бы очень неудобно сейчас. Пришлось бы выполнять обещание.

И всё же он спросил её:

— Скажи: ты хотела бы быть со мной?

— В качестве кого? — переспросила Марина.

— Моей женщины...

Она ответила не сразу, но снова спокойно и как-то задумчиво.

— Не знаю... Может да, а может, и нет. Я так и не смогла этого решить. — девушка ещё немного помолчала, — Ты мне, конечно, очень понравился. Я таких раньше не встречала. С тобой хорошо: и в постели, и вообще... Ты настоящий мужчина, за таким, наверное, как за каменной стеной, но... Слишком властный. Я бы с тобой не ужилась. К тому же...

— Что? — переспросил Альк.

— Твоё сердце занято. Так нельзя. — произнесла она наконец.

Он усмехнулся.

— Ты хоть знаешь, о чем говоришь?

— Конечно, знаю. У тебя есть любимая. И ты думаешь о ней.

— Мы давно расстались, — со вздохом возразил Альк.

Может, Марина ему и не пара, но и Рыска его давно уже не ждёт. Да и далеко она... А эта — совсем рядом.

Альк протянул руку, дотронулся до девушки в темноте и вдруг почувствовал её холодность. Она лежала на спине, заложив руки за голову. Словно мраморная статуя... По крайней мере, к нежности и ласке точно не расположена.

— А сыну вашему сколько лет? — зачем-то спросила Марина.

— Двенадцать, — ответил Альк.

— Значит, можно предположить, что вы знакомы уже тринадцать лет. И, раз ты о ней всё ещё думаешь, значит, расстались совсем недавно.

— Три года назад, вообще-то...

— Это не срок, — возразила девушка, — За это время только остыть от ссоры успеваешь.

— Да мы и не ссорились... — произнёс Альк, словно только что сам осознав это, — Просто нам оказалось не по пути.

Марина рассмеялась, тихо, тепло.

— Какая разница, сорились — не ссорились, расстались — не расстались. Ты любишь её до сих пор, — уверенно заключила она.

— Да с чего ты это взяла? — спросил он с лёгким раздражением.

— С того, что ты вспомнил о ней, как только тебе стало плохо. Это ведь что-то значит?

Белокосый тоже вытянулся, заложив руки за голову и глядя в потолок.

— Да ничего это уже не значит. Так, воспоминание, не более...

— Расскажи мне о ней, — попросила Марина.

— Зачем тебе это? — не понял Альк.

— Мне — ни зачем, ты прав. — согласилась она, — А вот тебе это нужно.

— Зачем?!

— Чтоб на душе стало легче. А то, может быть, и решишь что-нибудь по ходу.

— Да не буду я ничего рассказывать! — буркнул он.

— Как хочешь, — равнодушно пожала плечами девушка.

Десять щепок стояла тишина, нарушаемая лишь шумом дождя за окном... А потом Альк неожиданно для самого себя начал рассказ.

Он очень давно ни с кем о ней не говорил... Ему вообще в последнее время стало казаться, что ничего и не было, что Рыска ему просто приснилась. А теперь... Он впервые озвучил связавшие их события и словно заново их пережил. Оказалось, он помнит всё, словно это было вчера... И захотелось вернуться домой как можно скорее. Захотелось её найти... Просто найти, и будь что будет.

Он был неправ: Рыска всё ещё была дорога ему. Так же, как раньше. А может и сильнее. И даже если всё в прошлом, его долг помочь, ибо над ней нависла беда. Быть рядом... В качестве кого? Да разве это важно? А Марина понравилась ему с первого взгляда лишь потому, что напомнила Рыску, а вовсе не из-за всех своих несомненных перед ней преимуществ. И даже учитывая эти преимущества одна другую не заменит. И поэтому, закончив свой рассказ, он погладил Марину по плечу и сказал:

— Так что, извини меня.

— За что? — весьма искренне удивилась Марина.

— За то, что обнадежил тебя напрасно. За то что всё так вышло...

— Всё вышло как нужно, — тихо сказала девушка, — Мне только казалось, что я в тебя влюблена, но теперь вижу, что это не так... Это была просто страсть, а любовь выглядит совсем по-другому...

— А ты откуда знаешь? — спросил Альк, — У тебя она была?

— Конечно, была... — вздохнула Марина. — Но уже два года, как нет.

— В смысле? — не понял Альк.

— В смысле, я уже два года, как вдова.

Повисла тишина. А потом Альк спросил:

— Сколько же тебе лет, раз ты уже вдова? Я-то думал чуть за двадцать...

Марина тихонько рассмеялась.

— Почти тридцать два, — сказала она.

— И... долго ты была замужем?

— Пять лет. И два года его уже нет... — она помолчала, — вот так же бодались с ним постоянно, сходились-расходились. Если б знать, что так мало отмеряно, я бы слова ему поперёк не говорила... — в её голосе была явная, непривычная для посла горечь, — Хорошо хоть дети у меня от него остались. Единственное утешение.

— Сыновья? — спросил путник.

— Да... Близнецы. Он их даже не видел, представляешь? Даже не знал, что я беременна. — она опять умолкла, видимо, борясь со слезами. Альк как раз вполне такое представлял. Его вот так же не раз могли убить, а он бы даже не узнал, что Рыска родила сына.

— Где сейчас твои дети? — спросил он, чтобы сменить грустную тему.

— В столице, с моими родителями, — её голос потеплел, — Они все будут очень рады!

— Чему? — не понял Альк.

— Тому, что скоро нас станет больше. Наверное... — она явно улыбалась.

Обязанность каждой иргемаджинки — рожать здоровых детей, будущих защитников страны. И уж если ты незамужем, то можешь принести государству наибольшую пользу, родив ребенка от чужестранца — наиболее здорового и крепкого. Но кто сказал, что так делают все? Марина, к примеру, не хотела больше детей, и если отказать иностранным гостям она не имела права, то выпив специальное зелье могла легко предотвратить беременность. Но только не в этот раз!

— Что-то я тебя совсем не понимаю, — сказал Альк.

Она рассмеялась.

— Теперь у меня скорее всего будет ребёнок. Лучше всего — сын. Это отличный повод для радости в моей семье.

Альк, хоть и слышал уже о таком, немного опешил.

— А твои родители... как к этому отнесутся? — лишь спросил он.

— Говорю же: очень обрадуются.

Господин посол помолчал. В его стране девушку из знатного рода, совершившую такой поступок, в лучшем случае выдали бы замуж за весчанина, в худшем — казнили бы, на усмотрение родителей.

— Что ты молчишь? — спросила Марина.

— Я удивлён, — пояснил ей Альк, — В моей стране нельзя рожать неизвестно от кого.

— Ничего себе, неизвестно от кого! — искренне удивилась теперь Марина, — Я собираюсь рожать от чужестранца, мало того — от посла! Это большая честь для моей

семьи!

Мало-мальски переварив информацию, Альк сказал:

— Ну... по крайней мере, я не буду себя чувствовать так, будто использовал тебя.

— На счёт того, кто кого использовал, вообще можно поспорить, — возразила девушка, — Мне, например, если я рожу девочку, полагается государственная премия в сто золотых, а если мальчика — то в двести.

— Серьёзно?

— Ну да!

— Тогда понятно, зачем ты меня выхаживала, — пошутил он. Но получилось не смешно.

— Я не поэтому тебя выхаживала, — тихо, изменившимся голосом, сказала Марина.

— А почему же?

— Потому что с тобой всё было так же, как тогда... — прошептала вдруг она, — Как с моим мужем... Он тоже был сильным и смелым. Тоже никого не боялся... А служили мы вместе, в береговой охране... — она всхлипнула, — На нас напали пираты... И была битва, — она молчала щепок десять, — Его убили у меня на глазах, вернее, тяжело ранили... Вот так же всё вокруг было в крови... И его ещё можно было спасти, но пока мы добрались до берега, он умер. А я не смогла ему помочь... — она разрыдалась.

Альк легко развернул её и прижал к себе, уже без страсти, с состраданием, стал гладить по голове. Она долго молча плакала, обняв его и судорожно прижавшись. А потом порывисто вздохнула и отстранилась.

— Я ведь даже на похоронах не плакала, — опустошенно произнесла она, — И два года ни с кем о нём не говорила. Я даже не думала, что мне так больно... А с тобой... Мне казалось, я влюбилась в тебя. На самом деле, просто мне одиноко. И я... ещё не забыла его. Я, наверное, никогда его не забуду... А тебе и твоей Рыси я жутко завидую.

— Почему?

— Потому что вы оба живы, — со вздохом произнесла Марина, — А раз живы, значит у вас есть ещё шанс быть вместе. Тем более, вы всё видите наперёд и можете обойти беду.

Альк лишь рукой махнул.

— Да ничего мы не можем, — устало возразил он, — В одном месте обойдёшь — в другом наткнёшься. На всю жизнь всё равно счастья не вытянешь, — почему-то именно теперь он так отчетливо это понял. Ведь дар так и не помог ему за столько лет удержать своё счастье. И вообще, в последнее время ему стало казаться, что другим этот дар приносит намного больше пользы, чем ему самому.

— Другие не могут и так, — заметила Марина. И с этим нельзя было не согласиться.

— Знаешь, — сказала она, немного помолчав, — Мне-то всё равно нет хода назад, а ты можешь всё исправить. — она села на кровати и, наверное, смотрела на него в темноте, — Найди её! Скажи, что любишь. Она очень обрадуется, вот увидишь!

— Да говорил уже, — со вздохом возразил Альк, — Много всего говорил. Не помогало это никогда... Я вообще не понимаю, что произошло.

— Может быть, она обиделась, что ты ей изменяешь? — предположила девушка.

— Говорила, что это ей всё равно.

— А тебе было бы всё равно? Если бы она с кем-нибудь переспала?

— Она так и делала. — с нажимом произнёс Альк, — Я её как-то раз даже поймал — в купальне с мужиком.

— И как, тебе понравилось? — съязвила Марина.

Альк помолчал. Даже сейчас, спустя годы, его немного коробило, а тогда...

— Убить хотел, обоих, — честно признался он, — В глазах потемнело. Не знаю, как сдержался.

— Ну вот, — подвела итог Марина, — Она чувствует себя так же, если думает, что ты с другой, — пояснила она, — Скорее всего, тоже хочет убить, в частности тебя.

— Я мужчина! — привёл Альк свой коронный аргумент.

— И что? — спокойно возразила Марина, — Какая разница? Если любят оба, изменять нельзя никому! У нас это вообще смертью карается. К тому же, какой смысл в таком действии? Спать с одним, а представлять другого! Глупость какая-то! — возмущённо заключила она.

— Но ты ведь и сама, получается, сейчас так поступила, — наполнил ей Альк.

— Моего мужа давно нет, — сказала Марина с достоинством, — а мне пора жить дальше. По крайней мере, попытаться. А ты вот что скажешь? Как будешь смотреть ей в глаза?

— Раньше смотрел — и ничего.

— Я поспорить готова, что раньше и разговоров таких у тебя не было, — возразила девушка, — И так как ты очень умный человек, ты задумаешься о моих словах — и об этих, и о других. Почему-то мне кажется, что скоро вы будете вместе, и я очень рада за вас, — она с улыбкой, которую уже можно было различить в утренних сумерках, погладила его по щеке. А потом поднялась с кровати, прошествовала через комнату и открыла окно, впустив предрассветную свежесть и прохладу, — А когда помиритесь, когда у вас закончится война, приезжайте вместе в Иргемаджин. Я бы хотела увидеть её и, возможно, подружиться.

Альк вздохнул. Странная она, странная... Не такая, как он привык. Но с ней так легко разговаривать!.. Она так просто называет вещи своими именами! И по поводу того, что не влюбилась в него, она если и не обманывает его, то, скорее всего, заблуждается сама. Она может быть, ещё и не влюблена, но могла бы полюбить... И будет скучать. Непременно будет. Но даже не пытается его удержать...

А ещё с ней нельзя не согласиться. Рыску надо найти... Хотя бы ради того, чтобы попытаться спасти.

— Ладно, — с усмешкой сказал Альк, — Наверное, мне и правда стоит помириться с Рыской. Но сюда я её не повезу! — предупредил он.

— Почему? — удивилась Марина.

— А ты думаешь, она не почувствует, что у нас с тобой всё было?

— Уверена, что почувствует, — кивнула девушка, — Даже я бы это почувствовала, просто так, без дара, как женщина... А чтоб не было недоразумений, просто расскажи ей всё заранее.

Альк рассмеялся.

— Предположим, что я так и сделал бы, — сказал он, — Знаешь, что тогда было бы?

— Что?

— Она бы очень разозлилась и проредила тебе косички. И мне тоже, раз на то пошло. Она ОЧЕНЬ ревнивая, что бы она там не говорила, — признал он.

— Ничего, — примирительно сказала Марина, — Может

быть, в первый момент так и было бы. А потом бы она всё поняла и успокоилась.

— Откуда ты знаешь?

Марина снова глубоко вздохнула и с лёгкой завистью и светлой грустью произнесла:

— Судя по тому, что ты о ней рассказал, она любит тебя так сильно, что этому никто и ничто на свете не может этому помешать. Главное, найди её. Такая любовь не у каждого бывает в жизни, и будет жаль, если она пропадет зря. Такую любовь надо постараться сберечь.

Солнце светило неярко, спрятанное за туманом. Сегодня было нежарко. Волны тихо шелестели у причала.

Светлейший иргем провожать посла не поехал, попрощавшись с ним во дворце за завтраком и ещё раз сердечно поблагодарив его за спасение.

В карете от дворца до причала Альк ехал с Салимом и в сопровождении охраны. Марина исчезла из его покоев на рассвете, когда Альк уснул. На вопрос, куда она подевалась, переводчик ответил лишь:

— У неё теперь много дел, господин посол. Мало ли куда она могла поехать... — Салим был слегка расстроен, потому что поспорил с товарищами на довольно большую сумму денег — как раз-таки на тему переводчицы и посла, и теперь выходило, что проиграл.

... Но она всё же пришла.

Она стояла на самом краю причала и смотрела в морскую даль. Платье на ней сегодня было чёрное, но как и все предыдущие её наряды — открытое и короткое. Из украшений на этот раз были только серьги и зеленые бусы на шее — словно отшлифованные осколки камня, нанизанные на леску.

Когда Альк окликнул Марину, она лишь бросила взгляд через плечо, но к нему не подошла. Пришлось подходить самому.

Она обернулась. Карие глаза были наполнены слезами. Хотелось утешить её, но слов не нашлось. Альк просто молча обнял девушку, почувствовав, что она дрожит.

— Ненавижу прощаться... — прошептала она, спрятав лицо у него на груди.

А Альк продолжал молчать. Да и что он мог ей сказать? Пообещать снова приехать? Поклясться в дружбе? Сделать пошлый комплимент? Для чего?

— Я думал, ты меня не проводишь, — сказал он наконец — просто так, лишь бы не молчать.

— Я и не хотела. Это слишком печально... — она шмыгнула носом, посмотрела на него и через силу улыбнулась. — Я больше люблю встречать, — сказала она.

Они ещё помолчали, глядя друг на друга.

— Кстати, хотел тебе сказать... Ты получишь свою премию, — произнёс Альк.

— Да? — удивилась Марина, отстраняясь, — Ты уже это знаешь?

Альк лишь пожал плечами.

— И сколько? — с живым интересом спросила она.

— Двести, если по твоим словам, — он улыбнулся, — Но обычаи ваши странные, так и знай! — припечатал он.

— Какие есть... По мне так ваши — ещё более странные, — вздохнула девушка. Надо сказать, от хорошего известия она слегка повеселела. — Раз уж я здесь... — произнесла она, — Ты вроде говорил, у твоей Рыси зелёные глаза?

— Жёлто-зелёные, — поправил Альк.

Марина закинула руки за голову и сняла свои бусы. А в следующий момент уже протянула их Альку.

— Передай ей, — сказала она, — У нас считается, что этот камень приносит удачу.

Альк кивнул, взял безделушку и обмотал вокруг запястья, чтоб не потерять.

— Спасибо, — сказал он, — За всё — спасибо...

— И тебе тоже.

— Мне-то за что?

— За то, что впервые за два года в моей жизни произошло хоть что-то хорошее, — она со вздохом опустила глаза.

Альк легонько приподнял её голову за подбородок.

— И это только впервые, — сказал он, глядя девушке в глаза, — У тебя ещё много хорошего впереди.

— Ты думаешь? — с надеждой спросила она.

— Я знаю, — с уверенным видом кивнул путник.

— И скоро?

— Очень скоро. Чуть больше, чем через год. Но не позже, чем через полтора.

— А ускорить это можно? — спросила Марина, немного разобравшаяся в том, что Альк рассказывал ей на досуге о своем даре.

— Можно, — кивнул он, — Но зачем? Всё и так случится, без моей помощи.

Марина кивнула в ответ.

— Наверное, ты прав, — сказала она.

А потом поцеловала Алька и отошла на шаг.

— Доброго вам пути, господин посол, — сказала она по-иргемаджински.

— Спасибо за ваше гостеприимство. До свидания, — на том же языке ответил он, с улыбкой, и взошёл на палубу.

Ветер надул паруса, и корабль устремился на северо-восток.

Альк смотрел на берег до тех пор, пока различал его. Фигурка в чёрном не двигалась с места до самого конца.

===== Глава 26 =====

Нетопыриха легко, словно не касаясь лапами дороги, мчалась вперёд, отбрасывая огромную жутковатую тень в свете полной луны. Лёгкий морозец только бодрил, не давая уснуть.

“Какая прекрасная ночь, “- подумала Рыска. Хотя, до ночи ещё было далеко. Ещё был только вечер. Но ночь обещала быть длинной, как обычно в это время, когда год только-только начался, а тем более здесь, на севере.

Проехав очередной перелесок по берегу замёрзшего озера, Рыска наконец увидела его — родовой замок Хаскилей, вотчину древнего саврянского рода, место, куда мечтала попасть столько лет. Он возвышался над лесом темной громадой, и яркая полная луна бликами отражалась в стёклах башенных окон. Острые высокие шпили пронзали небо. Цепочкой светились огни факелов на крепостной стене. А вокруг была разбросана веска, большая, дворов, наверное, на триста. Почти город. Но тишина стояла потрясающая.

Ей приходилось уже бывать в этих краях, и не раз. За шесть лет на дорогах она трижды попадала сюда: два раза она просто проезжала мимо. И ещё как-то раз она побывала на замковом дворе: один из стражников, совсем молодой парень, упал со стены и разбился, а она поменяла ему дорогу и спасла его от смерти. Из-за этого припозднилась, устала и заночевала в веске у стен замка.

Но сегодня особый день, потому что сегодня она едет прямо туда, и совсем не по делу.

Она приглашена в замок в качестве гостыи. И пригласил её не кто-то, а сам господин Хаскиль, отец Алька, тот самый, который не дал им когда-то пожениться. Да ладно уж, кто старое помянет, тому глаз долой... К тому же, всё изменилось до такой степени, что раньше о таком и подумать было невозможно...

Осадив Ладу прямо возле замковых ворот, Рыска постучалась в огромные створки.

— Кто там? — раздался громовой окрик.

— Путница из Ринстана, госпожа Рысь, — представилась она, — К хозяину замка.

— Не назначено, — ответили ей.

— Господина позови, — повысила она голос.

— Делать мне больше нечего! — ответил стражник, — Езжай своей дорогой, мы никого не ждём.

— Хорошо, я уеду, — спокойно сказала путница. — Сами со своим господином разбирайтесь.

— Это ещё что такое? — послышался из-за стены голос постарше, — Тебе что говорят?..

— Но ведь поздно уже... — промямлил уже знакомый голос, явно растеряв всю свою смелость перед начальством.

— Твоё какое собачье дело? Коровники давно не чистил? Извините, госпожа, сейчас открываю!.. Что стоишь? Бегом марш докладывать господину! — послышался звук, будто кому-то вlepили оплеуху. А потом загредел засов, железный, величиной, наверное, с бревно.

Господин Хаскиль самолично встречал Рыску на парадном крыльце — она увидела его на фоне приоткрытого дверного проёма ещё когда ехала через двор. А двор оказался огромен. Как хлебное поле и начинался сразу за коровниками, расположенными при входе. Оказалось, она заехала не с парадных ворот. Ей объяснили, как добраться до самого замка, но она не поняла, и ей дали провожатого.

Отец Алька был одет в домашнюю одежду и накинутый поверх неё тулуп. Он выглядел так... Она даже объяснить не могла, как. Ей вдруг на щепку показалось, что это её отец, такой, каким она хотела бы его видеть, а она вернулась к себе домой. Даже сердце защемило.

— Добрый вечер, девочка, я очень рад! — поприветствовал он её, — Думал, ты уже не приедешь. А я пообещал жене! — он совершенно по-отечески обнял Рыску, поцеловал в лоб, — Ну здравствуй, моя родная!

— Добрый вечер, господин, — ответила Рыска, — Как же я могла не приехать? Я же обещала...

— Пойдём скорее домой, тут сегодня холодно, — сказал старик.

— Подождите, — остановила его девушка, — Вы ведь говорили, что мы встречаемся по делам. Зачем тогда мне заходить внутрь? Может быть, я лучше на дворе переночую? Или в веске?

— Да ты что! — перебил её господин Хаскиль, — Ты спасла одного моего внука и родила ещё двоих. А я тебя как собаку во дворе оставляю? А ну, быстро в дом! — велел он.

— А нетопырь?

— О нём не беспокойся, разместят и накормят, — уверенно произнёс бывший посол, жестом отпуская слугу, взявшего поводья Лады.

— А они знают, чем его кормить? — зацепилась Рыска за последнюю надежду. Впервые за столько лет она оробела, почувствовала себя девчонкой. Она одновременно хотела попасть в замок и боялась этого.

— Конечно, знают, — заверил её хозяин замка, легонько подталкивая в спину, — У нас

тут, оказывается, одни путники кругом. Сначала тесть, потом Альк, а теперь и ты.

При звуке этого имени как обычно дрогнуло сердце. Рыска упёрлась не хуже упрямой коровы возле самой двери.

— А где Альк? — напрямую спросила она.

— Его здесь нет, не беспокойся, — заверил бывший посол.

— А не будет?

— Откуда же я знаю? Он у нас как ветер: никогда не знаешь, откуда подует, — спокойно произнёс старик, открывая перед девушкой дверь и вполне себе представляя, откуда в ближайшее время подует этот ветер.

Взволнованная Рыска даже не подумала спросить дар об Альке. Переступая порог, она почему-то замерла. Порог... При чём здесь порог? Почему она об этом думает? Какая-то догадка шевельнулась в голове, но оформиться не успела, потому что за дверью путница увидела ослепительную роскошь...

Убранство приснопамятного замка Полтора Клинка в сравнение не шло, вернее, в подмётки не годилось тому, что Рыска увидела здесь — равно как и убранство всех остальных виденных ею замков. Единственным виденным ею местом, которому замок Хаскилей, пожалуй, уступал, был царский дворец в северной столице. И то сказать: дворец есть дворец. Его назначени не только жилое, но ещё и декоративное, и административное. Всё это обезличивает, делает холодным и чужим. А замок, в котором есть хозяйка, следящая за всем и сразу — это дом. Очень большой, вернее, непомерно огромный — но дом! И потому он намного уютнее дворца. В нём хочется не стоять по стойке “смирно”, а присесть и расслабиться.

Рыска огляделась. Всё вокруг сияло так, что глазам было больно: огромными, стосвечными люстрами под потолком просторной залы, отражающими их свет зеркалами, натёртыми до блеска полами, светлыми тонами стен и портьер, глянцевыми листьями зимних растений в керамических кадках, позолотой на рамках портретов предков рода... И голубыми глазами девочки, лет, наверное, десяти, сорвавшейся вдруг с места и бросившейся к Рыске с криком:

— Мама! Мамочка!

Не успев ничего понять, Рыска подхватила ребёнка на руки, позволив обнять и прижаться к себе. Она даже не могла вспомнить потом, как смогла такое допустить. Видимо, соскучилась по своим детям, а девочка очень напомнила их: Альк, когда был совсем маленьким, а потом и Вангелия приветствовали её точно так же.

— Я всегда знала, что ты приедешь! Всегда! Всегда! — со слезами шептала девочка, не желая с неё слезать.

Замерев на месте от неожиданности, Рыска начала затравленно озираться. Как такое произошло, в голове у неё не укладывалось. И можно было бы спросить дар, как такое получилось, но во-первых, кто-то из присутствующих тоже носил дар и ей мешал (она пока не понимала, кто именно), а во-вторых, она так разволновалась, что не могла правильно сформулировать вопрос.

Взгляд путницы натолкнулся на пожилую женщину — и та сразу же сложила руки, словно в молитве, глядя на Рыску: пожалуйста! И путница со вздохом молча согласилась подыграть. В конце концов, у девочки нет матери, и ей очень не хватает её. Вот только почему она подумала так на неё, Рыску? Как такое может быть?.. Хотя, кто автор идеи теперь, похоже, понятно. Убила бы, честное слово!

Рыска немного подержала девочку на руках (надо сказать, была она далеко не лёгкая), потом, скинув оружие и кожух, присела в кресло. Иоланта мигом взобралась к ней на колени, стала рассказывать о ничего не значащих, но милых мелочах. Алькова мать сидела напротив. Господин Хаскиль тоже находился поблизости. А потом и все домочадцы подтянулись.

Оказалось, их так много! И приходилось при девочке вести себя так, будто со всеми давно знакома и вообще, только вчера уехала. Были тут и дети, и подростки, и взрослых хватало, и бедной Рыске оставалось лишь гадать, кто есть кто. Знакомство получилось, что надо. Честно говоря, хотелось встать и уйти. Но чистые глаза девочки не давали ей этого сделать. Оставалось тихо злиться на того единственного, кто мог такое придумать и недоумевать, как такое пришло ему в голову. Ведь раньше у него все были дома! Или же...

— Уже поздно, Иоланта, — сказала наконец госпожа Хаскиль, — Мама устала с дороги, ложись спать. Завтра ещё пообщаетесь.

— Хорошо, бабушка! А можно мама меня сегодня уложит? — спросила девочка.

— Конечно! — с опаской покосившись на “маму”, но продолжая улыбаться девочке, ответила женщина.

Иоланта слезла с Рыскиных колен и, схватив новообретённую маму за руку, потащила за собой наверх. Рыска успела обернуться на лестнице и увидела уже не одну пару молитвенно сложенных рук, а три: ещё и господин Хаскиль присоединился, и женщина лет сорока, скорее всего, сестра Алька, о которой он рассказывал.

Когда Иоланта засопела, укрытая одеялом на огромной шикарной кровати с балдахином в комнате, где легко уместился бы весь Рыскин дом в Калининках, а то и вместе с двором, путница подкинула дров в камин — скорее по хозяйственной привычке, подула на лампу и вышла в освещённый коридор. Господа Хаскили — старики и их дочь — втроём дежурили под дверью.

— Вы что все с ума сошли!!! — немного отойдя в сторону от двери детской комнаты, не своим голосом то ли зашептала, то ли закричала Рыска, — Как вам в голову такое пришло???

— Да это... Так получилось, — оправдывался хозяин, — Она спросила, где мама, а Альк сказал...

— Да я и не сомневалась, что это его рук дело! Но я-то здесь при чём?

— Спасибо тебе, девочка!

— Не за что! — зло бросила Рыска, поворачиваясь к лестнице, — Я уйду, — жёстко сказала она.

— Подождите! — взмолилась Алькова мать, — А завтра мы ей что скажем?

— Скажите, что я ночью умерла.

— Да если б мы могли, давно б сказали!

— А вы что, до старости собирались ее обманывать? — вызверилась Рыска уже в полный голос, напрочь забыв и о своем уважении к старшим, и о других нормах приличия. — Так не делают! — проговорила она уже почти на лестнице, — Даже из лучших побуждений. Прощайте.

— Куда же вы пойдёте? — спросила госпожа Хаскиль, — Ночь ведь глубокая, снег, мороз...

— Лучше уж в чистом поле, чем здесь! — рявкнула Рыска, ступая на первую ступеньку.

В это момент внизу хлопнула входная дверь. Холодок побежал по ногам...

Всем троим было хорошо видно, как Рыска, дёрнувшись, словно от пощёчины, замерла

на месте, глядя вниз.

*

... Война началась в тот самый год, когда они с Альком простились в Чеговицах, в самом конце осени.

Тсарица-видунья по недосмотру стражи, а по другим сведениям — с её же помощью, сбежала из специальной охраняемой палаты лазарета в Ринстане, где её держали, ожидая, когда Виттора придет в себя с намерением допросить. Узнав об этом, Рыска пришла в ярость. А она-то приложила такие усилия, чтобы обезвредить гадину! И предупреждала! Всё, что нужно было сделать — это добить Виттору. И никто этого не сделал! А теперь было поздно. Тсарица-видунья сбежала и снова возглавила войско. Вновь обретя своего лидера, враги вдохновились и удвоили старания.

Ну как же Рыске было жаль, что не смогла она отправить своего врага на небесные дороги ещё тогда! Слишком тяжёл для её руки был тот клинок. Слишком мало она тогда умела и знала. Вот сейчас ни за что бы не промахнулась... Но сожалеть тоже было поздно.

... Сама Рыска участвовала в битвах, пока могла, а потом вынуждена была оставить это: ей становилось всё тяжелее. Нужно было возвращаться домой, чтобы дать себе роздых перед делом, которое многократно важнее всех битв на свете.

В самом конце зимы Рыска приехала в Калинки, снова принеся богатую пищу для сплетен и сплетников. То, что она выгнала Тамеля из дома ещё прошлым летом и по закону (не без помощи её величества, разумеется) смогла добиться отмены их союза, уже успело поднадоесть весчанам. Тем более, что бывший Рыскин муж сразу же благополучно осел в соседней веске, и на войну его уже провожала новая жена, с мальчиком на руках и снова беременная.

А вот когда с животом вернулась и Рыска, окружающие были озадачены.

Тамель, приехавший на побывку днём раньше, узнал об этом в тот же день и явился со скандалом, заявляя свои права.

— Ты что, совсем идиот? — спросила путница спокойно, — Ты вспомни, сколько лет назад мы с тобой в одной постели спали? Не от тебя это, успокойся.

— А от кого?! — взвился Тамель, стоя в дверном проёме, — От хахаля твоего благородного?

— Да, совершенно верно, от него. А теперь будь добр, уходи. Я давно уже ничем тебе не обязана.

Он бы ещё долго кочевряжился, понося её последними словами, но Рыске это надоело. И потому она взяла со стола нож и метнула его в бывшего мужа. Не особо острый, но довольно тяжёлый, он воткнулся в косяк рядом с шеей Тамеля. В следующую щепку его вымело из избы. Больше он не приходил никогда, благо, скучать по нему было некому: единственный, кто мог бы к нему за столько лет привязаться, недавно узнал правду о своём настоящем отце и поддержал мать.

Девочка родилась в середине весны, в тот же день, что и её брат — по первому теплу, первой зелёной травке и распускающейся первой листве, с прилётом птиц из тёплых стран. Интересно, что и самой Рыске примерно в это же время исполнилось двадцать восемь лет.

Малышку мать назвала Вангелия, в честь саврянской бабушки. Так же, как её брат, она была разительно непохожа на Рыску.

С новорожденным ребёнком путница едва ли побыла два месяца, а потом ей пришлось

уехать: враг, то и дело прорывающийся в страну, ждать не собирался, и Рыска заняла положенное ей место в строю.

Крысолов, который тоже не сидел в Ринстане, лишь увидел её и покачал головой:

— Ты стала ещё красивее, чем прежде, — отметил он.

Она лишь усмехнулась в ответ. Да, пожалуй, стала. Слегка поправилась, вернее, формы её тела стали более округлыми и женственными. На лицо немного изменилась. Взгляд исподлобья сошёл на нет, стал более открытым и ясным... Да вот только кому это всё было теперь нужно?

На мужчин Рыска совсем перестала обращать внимание, хотя жизнь её, как и раньше, проходила в основном среди них. Только с тех пор, как рассталась она с Альком, не интересовали они её больше. То ли сравнила, насколько велика разница между ним и всеми остальными, то ли просто остыла к тридцати годам, а может, и помнила о клятве и следовала ей — неизвестно. Главное, что перестала на них смотреть вовсе, как на плохих, так и на хороших. Жила только службой: помогала людям, если на это хватало её сил и в каждый свободный момент своей жизни, как только её отпускали, стрелой летела к детям.

О том, что в её жизни когда-то был Альк Хаскиль, красивый, благородный саврянский дворянин, теперь вспоминалось так, словно это был сон, хотя и было у этого сна сразу два подтверждения... Но думать об этом и ждать случайной встречи было слишком уж тяжело и больно. И Рыска больше не думала и не ждала, живя одним днём.

Жизнь её состояла теперь из коротких, постоянно сменяющих друг друга фрагментов: бой, затишье, несколько спокойных дней, снова вражеская атака, изобилующая морем крови и раненых, криками, стонами, смертями, реже — чудесными спасениями, опять тишина и долгожданная поездка домой, а потом снова в бой.

Она давно привыкла к безрадостным военным будням и зачерствела душой. За почти три года ей пришлось оборвать много жизней, столько, что она давным-давно потеряла им счёт. Когда придет её время, думалось ей, она расплатится за всё, телом — с крысами, а душой — с богами. Но это будет потом. А пока следует держать себя в руках. Крепко держать, потому что слабым на войне не место.

Она и не была слабой. Никогда не была.

А вот милой юной весчанкой, верящей, не смотря на подсказки дара, в добро, страдающей каждому и каждого прощающей, она раньше была... А потом перестала ей быть.

И тем не менее, кровожадной не стала. То, что на войне приходится убивать, она приняла как данность, но намного больше ей нравилось лечить и выхаживать раненых. И если каждый раз после битвы на душе было мерзко и гадостно, то на выздоравливающих смотреть было приятно. То, что кому-то с её помощью становилось легче, воодушевляло путницу. Прав был незабвенный хуторской старик: вспоминать спасённых намного приятнее, чем загубленных. Их она и будет вспоминать, если переживет войну.

Дар её развился, обрёл законченность и высший смысл. Как оно обычно и водится, со временем приходит опыт, а то, что делаешь часто и с удовольствием, получается лучше всего. Вот и у Рыски лучше всего получалось исцелять, возвращать к жизни безнадежных. Со стороны вообще казалось, что она вершит невозможное. Даже Крысолов, самолично обучавший девушку, поражался, насколько хорошо у неё получается то, чему она посвятила свою жизнь и свой дар. А после того, как путница сумела спасти воина, которого практически насквозь пронзило копьё, её стали всерьёз считать целительницей.

Того, чем она расплачивается за свои возможности не видел и не знал никто.

...В ту ночь, когда она почувствовала случившееся с Альком и не смогла из-за дальности поменять его дорогу, её дар претерпел изменения. Почти двое суток она не могла ничего поделывать, а потом, когда у неё почти не осталось сил, словно какое-то озарение пришло. Словно кто-то где-то открыл для неё неведомую дверь, и всё получилось легче, чем обычно. Крыса, правда, погибла, но с тех пор Рыска почувствовала, что крыса ей больше и не нужна. Да и наплевать ей тогда было. Она радовалась, что тот единственный, кого она в этой жизни так сильно любила спасён, что ему ничего больше не угрожает.

А потом пришла и расплата...

Её больше не трясло как раньше. Кровь — и та не потекла из носа. Даже голова не заболела. Рыска даже порадовалась поначалу, да и было чему: она так легко свернула огромный ворот!

А после она поняла, что происходит...

Её дар стал подобен пламени, но не свечи, а костра. Теперь она горела ярче, но и выгорала в несколько раз быстрее. Она могла видеть дальше, на несколько лет вперёд. Люди, которых она бралась спасти, выживали и быстро выздоравливали. Пожалуй, теперь она могла потягаться и с Витторой.

Но беда была в том, что и смерть свою она видела — и намного раньше, чем ей думалось.

Однако она нечасто задумывалась об этом. Не привыкла она переживать за себя, так уж вышло. Времени у неё было пока достаточно, и путница занялась тем, что стала помогать людям выжить. Лучшего места, чем на войне, для этого найти было невозможно.

Путникам чаще приходится воевать, а она лечила, вступая в бой лишь по большой необходимости. Может быть это, думала она, поможет ей там, за невидимой дверью, которую она откроет намного скорее, чем хотелось бы. Может быть, за это ей хоть немного смягчат наказание...

Часто вспоминались слова того же старика, о том, что в путницы женщины идут либо сдуру, либо с горя. Вот только ответить себе, какова же на самом деле её причина, Рыска так и не могла.

Но, наверное, ничто в жизни не случайно. Не случайным был и ее ставший таким сильным дар. Именно благодаря ему дальнейшее и произошло.

... Чуть меньше года назад, очень морозной и практически бесснежной зимой случилось в её жизни одно событие.

Погода на улице стояла премерзкая: постоянно дул ледяной ветер, мороз сковал землю и реки ещё в середине осени. Размытые осенними дождями, а затем разбитые множеством колёс и копыт дороги, по которым двигались обозы с продовольствием и войска были теперь похожи скорее на вспаханные под зиму поля, сплошь усыпанные грязевыми комьями. Перемещаться по таким не было ни желания, ни возможности.

Но выбора, как обычно, тоже не было: с первыми морозами началось и очередное наступление. С самой середины осени враги теснили савринтарских воинов всё дальше, вглубь страны. Юго-восточная армия, к которой Рыска была прикомандирована, несла огромные потери. Конечно, им присылали и подкрепления, но это была капля в море по сравнению с теми силами, которые пополняли вражеские ряды.

Они прибывали ежедневно — с новыми, свежими силами, с ворохами оружия, с

плотоядными взглядами на плодородные земли Ринтара. Защитникам страны ежедневно приходилось сдавать города, и помочь им было некому: на саврянской стороне было почти то же самое. Война наступала сразу с двух сторон.

Конечно, Рыске было известно и то, что в Иргемаджин отправлено посольство с просьбой о помощи и о том, кто это посольство возглавляет, но ждать помощи пока было рано. И осознание этого не прибавляло воинам боевого духа. Бойцы устали, намёрзлись, да и с продовольствием дела обстояли не лучшим образом. Если бы хотя бы изменилась погода... Но её словно кто-то нарочно портил.

Вернее, кто создает защитникам тсарствия дополнительные помехи, было давно известно. Непонятно было, как бороться с этим.

То, что тсарица-видунья постоянно находится где-то поблизости, Рыска чувствовала, как и то, что к ней теперь не подобрёшься. Судьба уже давала шанс навсегда покончить с врагом. Второго не представится.

...Как-то раз после особо ожесточённого боя, победа в котором вообще казалась чудом, Рыска с угрюмым видом вернулась в свой шатер, который делила с учителем и тут же принялась приводить в порядок своё оружие. Битва продолжалась трое суток, и в ней опять полегла или была ранена тьма народа. Мало того: всё вполне могло продолжиться, и в любой момент, а потому следовало как можно скорее заточить клинки и хоть немного отдохнуть. Вот сейчас, ототрёт их от крови, которой они заляпаны от рукоятки до самых кончиков, заточит... Как же она сегодня устала!.. Закончит с мечами — и завалится на лежак, прямо как есть, без ужина, без костра, не раздеваясь и не умываясь.

Да конечно, нет, так нельзя...

Отложив своё оружие (теперь это были другие клинки, длиннее предыдущих, но слегка уже, и потому — довольно легкие), путница сбросила лёгкий доспех, сняла насквозь пропитанную кровью рубашку и осмотрела свою рану на предплечье. Так, царапина, но неприятно. Тем более, в такой холод заживает плохо, пару недель будет мешать, не меньше. Нужно срочно смазать специальной настойкой.

И умыться тоже не помешает: всё лицо в брызгах чужой крови. Да и вообще, привести себя в порядок надо, а то дальше будет хуже.

Возле шатра послышались шаги. Учитель кашлянул совсем рядом.

— Заходите, — бросила ему Рыска.

Полог колыхнулся, впустив холод внутрь. Рыска успела метнуть взгляд на улицу. Там уже стемнело, на небе ярко светили частые звёзды. А вот мороз к ночи усилился.

— Ты чего без костра? Заболеешь ведь, — пожурил Рыску Крысолов, но она лишь рукой махнула — не до этого было. — Я за тобой, доча, — добавил он, — Нужна твоя помощь.

— Я устала, — буркнула путница, — справьтесь без меня.

— Там... плохо дело. У парня в боку обломок зазубренного кинжала, похоже между рёбрами застрял, возможно, с ядом...

— Таких много сегодня было, — уронила Рыска, переодеваясь — Крысолов едва отвернуться успел. — Я скажу, как нужно поступить, а вы сделайте сами. Ничего там сложного нет.

— Вероятность его выживания очень мала, — предостерег учитель, — Я же видел, как ты можешь. Помоги парню!

Рыска вздохнула.

— Учитель, у меня правда нет сил! — взмолилась она, — Пусть кто-нибудь другой...

Нужно ранку расширить и...

— Рысь, пойдй сделай сама, — перебил Крысолов, — Как ты, больше никто не умеет. У мужиков руки под такое не заточены. Тем более, ещё яд этот...

Рыска умылась из кадки, предварительно сбив покрывающий воду небольшой ледок. Потом горестно посмотрела на учителя. Ей до жути никуда не хотелось... Но старый путник давно знал подход к ней. У него остался напоследок всего один аргумент.

— Парень молоденький совсем, двадцати лет нет. Помрёт ведь, жалко...

— Ведите! — со вздохом, произнесла Рыска, накидывая кожух и беря сумку.

Когда Крысолов остановился у шикарного шатра, принадлежащего командующему, Рыска в первый момент хотела развернуться в обратную сторону. Конечно, как и все, она знала, кто именно командует армией, к которой она приписана и даже видела его несколько раз. Восторгов по этому поводу у путницы не возникало.

— А вы говорили, паренёк, — укоризненно глядя на учителя, проговорила Рыска. Она злилась сама на себя за то, что как бы там ни было, уйти и оставить в беде умирающего она уже не сможет.

— Так паренёк! Внук командующего, — объяснил Крысолов.

Но Рыска уже скользнула за колышущуюся ткань.

Увидев её, господин командующий подскочил, изумлённо приоткрыв рот.

— Где раненый? — жёстко спросила девушка, глядя мимо господина Хаскиля.

— Вы? — удивился белокопый старик, — Но вы же...

— Всё потом, — перебила его Рыска, — Где раненый, я пришла помочь.

— Идите сюда, — он отвёл в сторону занавеску, отделяющую соседнее импровизированное помещение и посторонился, пропуская её вперёд.

Молодой паренёк, почти мальчик, лежал на нескольких положенных друг на друга тюфяках. Лицо его было белым, как полотно. Одна коса отсутствовала, другая насквозь пропиталась кровью.

И надоели же ей эти савряне!..

Путница бегло осмотрелась. Вокруг раненого суетились два лекаря и трое слуг. Ламп, освещающих пространство, было целых шесть.

Вот значит как? Если ты простой воин, штопай свои раны сам, спасибо Хольге, если хоть товарищи помогут. Сиди в шатре при свете одного только костра, мёрзни и голодай (впрочем, так было всегда).

А вот если ты внук командующего, тогда все атрибуты умирающего к твоим услугам!.. Да только не поможет здесь ничего. Нужно срочно менять дорогу, иначе умрёт мальчик. Но сначала надо вырезать осколок.

— Все вон отсюда, — скомандовала Рыска, обращаясь к лекарям и слугам.

— А разве вам не надо помочь? — спросил один из них.

— Что ж до сих пор тянули? Принесите лучше самогона, кинжал поострее и тряпья. Только очень быстро. И сразу уходите.

Оставшись с парнем один на один, Рыска склонилась над ним, осмотрела рану. Почти не кровило, но осколок ушёл вглубь и похоже, действительно застрял между рёбрами. Ничего хорошего, надо сказать.

Получив всё, что просила, Рыска протерла руки и взялась за дело. Кинжал прокалила над лампой и протёрла самогоном, плеснула его же на тряпку, обработала рану. А потом твёрдой рукой полоснула, расширяя рану — быстро, чётко и аккуратно.

Парень застонал и дёрнулся. Впрочем, глаза его оставались закрытыми.

— Тихо! Тихо... — зашептала Рыска, — Сейчас... Почти получилось... Зачем же ты очнулся? — спросила она у самой себя.

— Он мне косу отрубил... — стонал парень, — Как же я теперь жить буду?

— Да, да, — поддакивала Рыска, пытаясь подцепить металлический обломок, радуясь, что для него сейчас важнее коса, а не кинжал с ядом и не боль. Вот пусть и думает о косе. — Косички вырастут, — утешивала она, — А ты лежи спокойно. Скоро закончу.

— Больно...

— Надо терпеть... Ты же мужчина, — ласково, нараспев говорила путница, — Сейчас всё пройдёт...

— Мама... Где мама? — чуть не плакал парень.

— Она скоро придёт... Нет, руку сюда не суй, схватись вот и держи, — она вложила в судорожно скрюченные пальцы одну из своих кос. Пусть лучше за неё схватится, чем за рану.

— Мама! — послышалось снова.

— А как маму зовут?

— Камилла...

— Вот скоро она и придёт. И дедушка тоже, — Рыска наконец-то подцепила осколок, похожий на пилу и дёрнула как занозу. Парень надрывно застонал и потянул её за косу сильнее, но в следующую щепку всё было готово: окровавленное, зазубренное, чёрное от яда лезвие лежало на тряпочке. Кровь хлынула из раны с удвоенной силой. Промокать бесполезно. Но так даже лучше: конечно, мальчик теряет кровь, но вместе с ней выходит и яд. Хвала Хольге, внутрь осколок не вошёл, наверное, у нападавшего не хватило силы либо ударил неловко, сбоку, больше вскользь, иначе и Саший не предсказал бы исход.

Глядя на бледного, перепачканного кровью парня, Рыска в который раз вспомнила Алька. Это его рану ей впервые пришлось зашивать... Как же страшно ей было!..

Впрочем, успокаиваться было рано. Рыска вновь подошла к парню. Он корчился от боли, тяжело дыша, иногда тихонько всхлипывая.

— Пожалуйста, потерпи ещё чуть-чуть, — попросила она, — полежи молча ещё три щепки! Тебя как зовут?

— Таш...

— Давай мне руку, Таш, — она разжала сомкнувшиеся на косе пальцы, — Держи крепко, — попросила она.

Парень вцепился в её руку и сжал до боли. Рука у него была сильная, привычная к оружию, видимо, с детства с мечом не расставался.

Сжав похолодевшие пальцы мальчика, Рыска закрыла глаза. Теперь она видела дороги и могла его вытащить. Она не могла не помочь... Этот мальчик, хотя и был старше, очень напоминал ей того, что ждал её в Калинках. Впрочем, они приходились друг другу двоюродными братьями.

Ворот подался и в несколько щелчков приблизил нужную дорогу.

... Накидывая кожух, Рыска ощутила лёгкое головокружение. На всякий случай она прихватила одну тряпицу из огромного их вороха, приложила её к носу. Так, пара капель крови... Это совсем не страшно.

Вокруг Таша снова засуетились слуги и лекари — она сама их позвала, когда закончила. Кровь уже остановили, и парень снова впал в беспамятство.

Рыска оглядела его уже спокойнее, не спеша, со стороны. Это был четвёртый в её жизни

представитель семейства, и она лишь головой удивлённо покачала.

— Да вы Хаскили что, все на одно лицо, что ли, рождаетесь? — спросила она тихо, ни к кому не обращаясь.

— Таш не Хаскиль. Он сын моей дочери, — пояснил голос за спиной.

— Да? А по-моему, это не имеет значения, — вздохнула путница, — Спокойной ночи, господин командующий, — произнесла она, направляясь к выходу из шатра.

— Подождите! — схватив её за руку, попросил старик, — Я должен вас отблагодарить!

— Мне ничего не нужно, — бросила Рыска, стараясь не смотреть на него.

— Да подождите вы! — воскликнул бывший посол, — Простите меня, госпожа, — он в упор посмотрел ей в глаза. — Простите за всё. Не уходите, пожалуйста...

...Время давно перевалило за полночь, а она так и сидела в шатре командующего, словно попав в давнюю, полузабытую, но всё равно прекрасную сказку. Здесь горел не костер, а что-то вроде очага. Господин Хаскиль предложил Рыске своё личное кресло, укрыл пледом, уселся напротив. Слуги то и дело исполняли его распоряжения.

Он предлагал девушке ужин, но она отказалась. После такого дня это было совсем неуместно. А вот варенухи она употребила от души. Рыске стало тепло, она расслабилась, и уходило ей расхотелось вовсе. Тем более, ни один вопрос её не оставался теперь без ответа, а раскаянию старика не было никакого предела. Он готов был искупить свою вину как угодно и, казалось, попроси она тогда подарить ей родовой замок — и это незамедлительно произошло бы.

По прошествии стольких лет господин Хаскиль тоже изменился. Годы и связанные с ними потери кого угодно сделают другим, а он ещё и потерял старшего сына, и теперь до смерти боялся, что ещё с кем-нибудь из его семьи такое случится.

Рыска слушала его неторопливую речь и не верила ушам. В молодости, ещё тогда, в северной столице, она его жутко испугалась. Много лет считала злым и жестоким. Послушав Алька в их последнюю встречу, решила всё же простить. А теперь понимала его и больше не злилась. Более того, она была ему признательна, ибо если б не его несогласие на их с Альком свадьбу, была бы она сейчас просто женой богатого человека — и больше никем. Впрочем, это она давно поняла.

— Я и не думал, что ты такая добрая, — вздохнул старик, — Теперь мне понятно, что привлекло в тебе моего сына. Если б я только знал!..

— Ничего, всё хорошо, — поднося к губам кружку и делая глоток варенухи, произнесла Рыска, — всё как надо...

— А Таш теперь поправится?

— Конечно. Но если что, я рядом. Зовите в любое время.

— Почему ты не отказала в помощи? — спросил он.

Рыска отставила кружку.

— Потому что никому не отказываю, — задумчиво ответила она, — Потому что Таш ещё совсем ребенок и потому что очень похож на моего сына... И на Алька... — из её глаза скатилась слеза. Рыска отёрла её и шмыгнула носом. Сидит, сидит ещё эта заноза. Всегда будет сидеть, хоть что делай...

— Ты до сих пор о нём думаешь? — глядя девушке в глаза прямым взглядом, спросил командующий.

— Я его никогда не забуду, господин, — и, наверное, из-за пережитого за этот день она не выдержала и расплакалась, закрыв руками лицо.

Но она теперь умела быстро брать себя в руки. Через десять щепок она вытерла слёзы, вздохнула.

— Простите меня, я что-то...

— Хочешь, я напишу ему? Попрошу приехать сюда? — вдруг спросил господин Хаскиль.

— Что? — не поняла Рыска.

— ...Чтобы вы встретились? Хочешь?

Рыска горестно вздохнула.

— Он далеко сейчас... — глядя в пустоту, произнесла она.

— Но ведь вернётся же он!

— Вернётся, — с уверенностью кивнула путница, — Но...не нужно... Не стоит.

— Да почему? Ты же хочешь этого. Он тоже. Он до сих пор один, как и ты. — старик снова заглянул ей в глаза, — Я думаю, он так же помнит о тебе, как и ты о нём.

— Да какая уже разница? — устало спросила Рыска, — Нам всё равно вместе не быть. Время давно упущено.

— А не надо было слушать старого дурака! — взвился вдруг бывший посол, — Тебе не надо было уходить, а ему, раз уж ты ушла, хорошенько подумать, прежде чем идти в неизвестном направлении в такой ливень!..

— А он разве за мной пошёл? — оживилась Рыска.

— Ещё как пошел! — с усмешкой сказал господин Хаскиль, — Только вот куда зашёл — неизвестно. Вернулся вечером мокрый насквозь. Было очень холодно, вот он и заболел... Мы больше недели думали, что все, огонь и воду прошёл, домой живым вернулся, а от простой простуды помрет. Лекарь руками разводил. Вся семья молилась, с утра до ночи. Жена не отходила от него... И помиловала Хольга: выздоровел.

Рыска, нахмурившись, смотрела куда-то в очаг. Так значит, не отпустил без вопросов, не поблагодарил богов, что ушла, а упустил и не нашёл потом?.. Не задрал нос, позволив идти на все четыре стороны, а заболел и не смог продолжить поиски?.. Но это всё равно уже не имело значения.

— Я давно уже понял, что напрасно вас разлучил, — печально продолжал господин Хаскиль, — Ты даже не представляешь себе, как он переживал, да так долго, несколько лет. Это надо было видеть! Уже и женатый был, а иногда посмотришь: сидит, в пустоту смотрит, глаза блестят и туда-сюда двигаются. — он помолчал, — А ты почему такая упрямая оказалась? Почему о ребёнке ему не сказала?

Рыска усмехнулась.

— Я не знала, — честно призналась она, — думала желудок у меня болит, вот и тошнит без конца... Я узнала уже потом, когда в Калининках поселилась. Слишком молодая была, не поняла сразу... Только когда штаны налазить перестали, до меня и дошло, что со мной. Да тётя ещё подсказала... Я тогда сутки в молельне провела, благодарила божию за счастье.

Господин Хаскиль вздохнул.

— Что ж это за счастье — одной растить ребенка? — помолчал немного, — Тяжело пришлось? — спросил он.

— Это ерунда, — покачала головой Рыска, — Я все могу, ничего не боюсь. Люди опять же добрые на свете есть, такие, как учитель мой, как тётя, — она улыбнулась. — Зато знаете, какая радость — смотреть на ребёнка и видеть в нём черты дорогого тебе человека. Это ни с чем не сравнить!

Господин Хаскиль хмуро улыбнулся. У него тоже было такое счастье — любимая дочь, невероятно похожая на свою маму. Пожалуй, стоило согласиться.

— Какой он? — с дрожью в голосе спросил старик, — Мой внук?

Лицо Рыски озарилось.

— Очень красивый... Как его отец... Сильный. Добрый. Старательный. Умный... — с теплотой, на которую лишь мать способна, проговорила она, — А ещё... совсем недавно... — она немного помолчала, подбирая слова, — У меня родилась дочь, — твёрдо произнесла она.

— Что? — удивился старик.

— Девочка, — она набрала побольше воздуха, — Вангелия. Ей... два года почти.

— Когда ж вы успели? — удивился Альков отец, а Рыска с радостью отметила, что сомнения, от кого она родила ребёнка у него даже не возникло.

— Тем самым летом, когда умерла Дамира и погиб ваш старший сын.

Господин Хаскиль закрыл глаза, борясь со слезами. Так вот, значит, как? Все видит богиня, это правда? Забирает одних — и взамен даёт других? Нет больше Эдгарда, зато есть внучка?.. Бывший посол и так уже

знал, что делать, а теперь в своем решении лишь укрепился.

— А что на это Альк сказал? — спросил он.

— Альк не знает о ней, — покачав головой, сказала путница.

— Так я ещё и первым узнаю? И долго ты собиралась молчать?

— Вообще не собиралась, — вздохнула Рыска, — Но с тех пор так и не видела его ни разу.

— Ты моя бедная девочка! — не выдержал старик и бросился обнимать девушку.

Рыска тоже обняла его, ощутив такой покой на душе, как тогда, на берегу Рыбки, когда увидела Алька живым. Теперь, подумалось ей, с таким дедушкой, её дети в полной безопасности.

— Когда закончится эта проклятая война, — начал бывший посол тоном, не терпящим возражений, — Я лично приеду за вами и заберу всех с собой.

— Тёте будет одиноко...

— Её тоже заберём. Всех, кого скажешь... А потом я разыщу Алька, и у вас будет свадьба, как вы хотели. Я куплю тебе самое красивое платье, и не одно, а тысячу! И с головы до ног обвешаю тебя драгоценностями! Вы будете жить, как захотите. Есть у вас желание быть вечно в пути — будьте. А мы с женой будем растить ваших детей...

Рыска лишь улыбалась, слушая его. Как бы ей тоже хотелось во всё это поверить... Исполнить все мечты. Стать женой Алька... Она давно перестала на него злиться, но дело было не в этом. Опять — не в этом.

— Я бы с радостью, господин, но... — перебила она.

— Что?

— Есть среди нас те, кто не переживет войну, — веско сказала путница.

— Кого ты имеешь в виду? — похолодел старик.

— Себя, господин. — прозвучали её слова, — Меня убьют.

Повисла тишина, нарушаемая лишь треском пламени в очаге. Бывший посол неотрывно глядел на Рыску. В его жёлтых глазах отражался огонь, а вокруг давно уже залегли глубокие морщины. А потом он снова заговорил.

— Как вы только живете с этим даром? Это ж не дар, а проклятье какое-то, — вздохнул

он, — Что, даже никакой надежды нет?

— Один остаётся всегда, — повторила Рыска давно осевшую в памяти фразу.

— То есть можно попытаться всё исправить?

Путница пожала плечами.

— Да. Но никто не знает, к каким последствиям это приведёт. Может быть всё, что угодно, и цена может стать непомерной.

— Например? — не понял старик.

— Ну, скажем, ваша смерть.

Господин Хаскиль отмахнулся как от назойливой мухи и так радостно рассмеялся, словно услышал что-то очень весёлое и обнадеживающее.

— И всего-то? Смерть глупого, немощного старика за счастье всей семьи? Полноте, разве это жертва? — и Рыска прониклась ещё большим уважением к отцу Алька — и ещё глубже его поняла. Сколько лет, сил, стараний, средств он положил на то, чтобы в его семье тсарили мир и покой. Как любил их всех — и каждого по отдельности. Как больно ему, наверное, было, когда любимый сын не оправдал его надежд, да ещё и сбежал, предоставив лишь гадать: вернется живым или нет? А когда вернулся с весчанкой, это, наверное, вообще был удар?.. Как ещё он должен был поступить? Он просто захотел предотвратить в своей семье очередную беду. Ведь он тоже любит Алька, по-другому, но не меньше, чем она! Он просто переживал за сына. Сама бы она на его месте как поступила? Где уверенность, что не так же или ещё хуже? А когда понял всё, разве не признал — и свою ошибку, и внуков? Разве не попросил прощения?

Отчего-то именно сейчас Рыска поняла: вот в кого Альк такой — рыцарь без страха и упрека. Жаль, что он далеко и что дороги их разошлись. Но спасибо его отцу за всё: за тёплые слова поддержки, за то, что не оставит её детей (и даже просить его об этом не надо, он и сам это знает), если она погибнет, и за самого Алька, которого вырастил таким.

— Но не думай, что я тебе не верю, — продолжал тем временем господин Хаскиль, — всякое может быть, и я не хотел бы, чтобы мои внуки нуждались. Они должны жить достойно. Им понадобится и жильё, и образование, и многое другое. После моей смерти им полагается наследство, — перешёл он на деловой тон, — Будь ты женой Алька, всё это разумелось бы само собой, но, повторяю, случиться может всякое, и чтобы не было недоразумений, я внесу их в завещание. При этом мне требуется твое присутствие, и потому обещай мне, Рысь, прибыть ко мне в замок, как только я вызову тебя вашей путничьей почтой.

Рыска улыбнулась.

— Да, конечно, — сказала она. — Если ещё буду жива, — добавила она.

— Если будешь жива, — кивнул старик, — Приедешь немедленно, где бы ни была. Обещаешь?

— Обещаю, — сказала она, поднимаясь из кресла.

Когда путница ушла к себе, бывший посол ещё долго смотрел ей вслед. Он не то что бы не верил ей — он просто никогда не сдавался. Так уж привык по жизни. Не собирался изменять себе и сейчас. Кто знает, может быть, и правда можно ещё всё исправить? Они, путники, всё кругом знают, везде всё замечают, но почему-то живут ненамного лучше обычных людей, если по итогам. Альк, например, со своим даром похоже даже не догадывается о дочери.

Господин Хаскиль улыбнулся, подумав о внучке. Надо же, оказывается на земле недавно

появился ещё один маленький человек, носящий его фамилию. Скорее бы увидеть ее! Их обоих.

Запоздало, но его грызла совесть. Он давно понял, что ошибся, не дав согласия на союз своего сына и ринтарки, а теперь, познакомившись с Рыской, совершенно уверился в том, что ошибся тогда. Как можно было не заметить: они же созданы друг для друга! Его дерзкому, надменному и зловредному сыну как раз и нужна была такая кроткая, милая девушка. И вовсе она не бестолковая, наоборот, очень мудрая и добрая, смогла простить его, человека, отнявшего её счастье — и не копить обид. Вырастить детей — и никого ни в чём не винить. А красивая какая! Одни глаза чего стоят. Как изумруды... А как она отзывается о его сыне! Это как же надо любить человека, чтобы так надолго это сохранить и не растерять по жизни?

Вслед осенив Рыску знаком богини, господин Хаскиль поднял глаза. С неба начинал падать снег.

А неделю спустя на помощь савринтарцам прибыли союзники с юга — почти на месяц раньше, чем ожидалось, и проклятых врагов вышибли из южной части страны. Те, кто ещё мог сражаться, скорее отправились на север, где тоже кипели сражения. К началу лета стало вполне спокойно. И хотя ясно было, что это ненадолго и уж конечно, не навсегда, передышка была весьма кстати.

*

Как только господин Хаскиль получил послание о том, что его сын в ближайшее время возвращается домой, он отправил и письмо путничьей почтой для Рыски.

Единственное, чего он боялся, так это того, что они приедут в разное время и приехавшего первым придётся каким-то образом удержать. Но боги во всём шли навстречу: Альк и Рыска приехали в один и тот же вечер, с разницей в пару лучин.

Вот только радости от встречи что-то было пока незаметно.

Стоя на верхней ступеньке широкой каменной лестницы, Рыска выглядела усталой и опустошённой. Обернулась через плечо, взглянул на господина бывшего посла.

— Я ухожу, — глухо произнесла она, — Прощайте, — она легко сбежала по лестнице, подхватила свои вещи и, не обращая внимания на Алька, направилась к двери.

— Стой! — рявкнул он, и она действительно остановилась. Медленно повернулась, улыбнулась... И с невероятной яростью вlepила ему пощёчину.

— Старый кобель! — процедила она.

В следующую щепку Рыска легче тени выскочила на улицу.

===== Глава 27 =====

Альк посмотрел на отца, стоящего на лестнице, покачал головой вместо приветствия и вышел вслед за Рыской.

Никуда она не ушла. Сидела на парапете фонтана, глядя на дальний лес. Альк подошёл, сел с ней рядом.

— А почему старый? — спросил он.

— На счёт кобеля, значит, возражений нет? — не глядя на него, спросила Рыска.

— Ну, грешен... — они помолчали.

— Пойдём, — он слегка толкнул её в бок.

Рыска недовольно дёрнулась.

— Как ты только додумался до такого? — спросила она. — Как можно было врать

ребёнку столько лет?

— Ты о чём?

Она вкратце рассказала, что произошло.

— Ничего я ей не говорил! — возразил Альк, когда она закончила. — Она сама это придумала.

— Да? А кто не сказал ребёнку о смерти матери?

Альк вздохнул.

— Думаешь, это легко?

— Ты же у нас ничего не боишься! — съязвила Рыска.

— Значит, кое-чего всё-таки боюсь, — бесстрастно произнёс белокопый, — К тому же, ты всё равно теперь будешь её мамой, так что...

— С чего ты взял?! — взвилась Рыска.

— С того, что приехала сюда именно тогда, когда приехал я. Почему, интересно?

— Твой отец меня позвал! — рявкнула она, — Только и всего. Я не знала, что ты тоже явишься!

— Это зачем ещё тебя позвал мой отец? — не понял Альк.

— Не знаю. Говорил, что хочет изменить завещание, чтоб после его смерти наши дети без наследства не остались, — устало проговорила путница, даже не сообразив сразу, что сказала.

Она произнесла это как само собой разумеющийся факт, а Альк вдруг вскочил и встал напротив неё.

— Ты что сейчас сказала? — склонив голову на бок, тихо и зло спросил он.

— Что не так-то? — не поняла Рыска.

— Какие дети?

— А-а... — вспомнила она, — Ты же не знаешь. У нас теперь есть ещё и дочь.

— И ты опять молчала?

Рыска смерила его взглядом.

— Каким образом я должна была тебе это сообщить? — спросила она, — Мы разошлись слишком далеко. Кстати, это ещё не все новости. У тебя есть ещё один сын.

— Да? А это как может быть? — не поверил Альк.

— Вот и я думаю — как? Ведь ты Виттору в глаза никогда не видел, а она вдруг взяла и родила от тебя. Невероятный феномен, не так ли?

Альк потерял дар речи. А Рыска продолжала смотреть на него с ненавистью. В неверном свете луны она казалась словно постаревшей, невероятно усталой, несчастной... Собственно говоря, почти так и было.

— Я тебя не обманывал, — сказал Альк наконец, — Я её не помню. Наверное, напился сильно...

— Да мне нет никакой разницы, — отмахнулась она, — Делай, что хочешь. — она помолчала, — Пойду я... — она со вздохом поднялась, — Захочешь увидеть детей — ты знаешь, где они. Тётю я предупредила. Можешь забрать их на время, показать родным... — бросила она через плечо и медленно пошла в ту сторону, откуда приехала. Сумку она несла в левой руке, мечи — в правой, едва не волоча по земле.

Альк стоял и смотрел ей вслед. Он не сомневался, что она уйдёт. Конечно, уйдёт... Если даже тогда, будучи наивной влюблённой девчонкой нашла на это силы, то теперь ей это сделать проще простого. Вот сейчас скроется в тени, и больше он её не увидит...

— А ну, стой! — рявкнул он.

Она даже не обернулась, не замедлила шаг.

Альк ещё щепку помедлил и пошёл за ней, легко догнал её, развернул к себе лицом, грубо схватил за руку, заставив уронить оружие.

— Ну чего тебе ещё? — раздражённо и устало, но спокойно и бесстрастно спросила она.

— Ты никуда не пойдёшь! — тихо сказал белокопый.

— Да-а? — она издевательски подняла брови, — А что ты сделаешь? Убьёшь меня?

Он молчал.

— Пусти меня. — холодно процедила она, — Ты меня не удержишь.

— Да что случилось-то с тобой? — сорвался он на крик, — Мы ведь всё решили! Почему ты так себя ведёшь? Зачем мне такое написала?

Она рассмеялась.

— У себя спроси, Альк, — опустив глаза, проговорила она, — А теперь отпусти. И... живи как хочешь.

В её голосе было столько горечи, раздражения и равнодушия, что любой другой человек выпустил бы её руку и позволил ей уйти.

Любой другой, но не этот.

Альк не выпустил Рыскину руку, наоборот, схватил её ещё и за вторую, заставив уронить и сумку тоже, и вот тогда она начала вырываться, не для виду, а по-настоящему.

— Пусти, я сказала! — это она уже прокричала, — Я не хочу тебя видеть!

Но Альк лишь покачал головой.

— Нет, — спокойно сказал он.

— Я тебе не жена! Ты не имеешь права! — орала она, — Пусти! Я хочу уйти!

— Если ты уйдёшь отсюда, то только со мной, — он слегка повысил голос, — Честное слово, надоело искать тебя по всему белому свету.

— Не надо меня искать! — продолжая вырываться, кричала она, — Я тебя ненавижу! — голос её сорвался, и в этот момент Альк действительно отпустил её руки.

Потеряв равновесие, Рыска упала в мягкий, пушистый, всего сутки назад выпавший снег. Альк немедленно оказался на ней — она даже понять ничего не успела. Так удерживать её ему было даже легче.

— Пусти... — снова повторила Рыска, тяжело дыша. Вывернуться из-под него она даже не пыталась, точно зная, что это у неё не получится.

— Хорошо, я отпущу, — пообещал Альк, вжимая её в снег и крепко удерживая за запястья, — Но не раньше, чем узнаю, что с тобой случилось. Неужели все из-за того, что Иоланта решила, что ты её мать?

— Мне холодно, отпусти меня, тогда я расскажу, — хлюпая носом, попыталась торговаться Рыска.

— Тебя отпустишь — и ты сразу сбежишь. Так рассказывай, — не повёлся Альк, — Что случилось? То не хотела меня отпускать, а теперь такая встреча, — довольно мирно сказал он.

— Случилось то, что ты кобель! Ни одной юбки не пропустишь! — зло выплюнула она, — Сам о любви мне говорил, и тем временем всех подряд собирал! Думаешь, мне это неизвестно?

— Уверен, что известно, — сказал саврянин, — Не пойму, почему именно сейчас для тебя это стало так важно?

— Это всегда было для меня важно! — снова прокричала Рыска, — Я не желаю ни с кем тебя делить! Уж лучше совсем без тебя! Твои бабы попадают мне на каждом шагу... Мне надоело!!! — не выдержав, она разрыдалась. Такой беспомощной и несчастной Рыска в жизни себя не могла припомнить. — Оставь меня в покое! Дай уйти! Я себя тоже не на помойке нашла!

Альк покачал головой.

— Ты что, так переживала из-за моих баб? — недоуменно спросил он.

— Нет, что ты! — сквозь слёзы возразила Рыска, — Я просто обожаю, когда какая-нибудь коза сидит у тебя на коленях и плетёт тебе косу! — припомнила она случай в Лосиных Ямах, навечно засевший в её памяти занозой, ставший точкой отсчёта, моментом, когда в ней впервые бушевала такая сильная ревность.

— Вообще-то я этого никому никогда не позволял, — признался Альк.

— Я же своими глазами видела! — прокричала Рыска, и слёзы полились из её глаз ещё обильнее.

— После той первой ночи с тобой — никому, — поправился Альк.

Это было чистой правдой. Ни одна девушка больше никогда не плела его кос. Он не давал им этого делать, при этом позволяя всё остальное. Многие порывались, но он всегда останавливал их, просто говорил, что не любит этого, не вдаваясь в подробности. Пожалуй, Марине он позволил бы, но она не просила, словно почувствовала, что это не её территория, а сам предлагать он не стал.

Рыска умолкла и перестала сопротивляться. Это был сильный аргумент. Если не позволял, значит не забыл ни её, ни ту их первую ночь, вспоминая которую девушка до сих пор ощущала трепет сердца.

Альк, почувствовав, что она расслабилась, отпустил её руки, поднялся... и в ту же щепку в лицо ему полетел снег. Ощувив свободу, Рыска мгновенно вскочила, попутно зацепив горсть снега, и бросила в него, пустившись наутёк.

Но ей не суждено было далеко убежать: её догнал снежок. И то ли детский азарт напал на неё — немедленно ответить, не сдаваться! — то ли просто не успела подумать, но следующий снежок от неё полетел вслед за первым. В лицо не попала — да и не старалась она особо, а вот в распахнутый ворот — очень даже.

— Ах ты!.. — Альк на миг замешкался, вытряхивая снег из-под одежды — и получил следующий снежок, прямо в то самое место, которое следует беречь больше всего.

— Я ведь сейчас тебя догоню! — пообещал он.

— Попробуй! — с вызовом сказала Рыска, катая следующий снежок.

Он догнал её легко, без каких либо усилий, но сразу заваливать в снег не стал. Поллучины они, словно дети, обстреливали друг друга снежками. А потом, когда белоконому надоела эта игра, он в один прыжок оказался рядом с девушкой и снова без каких-либо усилий заставил её упасть в снег, который здесь, в отдалении от замка, был глубже и мягче.

Рыска раскинула руки и со вздохом посмотрела в звёздное небо. Она выпустила пар и больше не злилась — ну не могла она злиться на того, кого так сильно любила! И потому, наверное, не сопротивлялась, когда Альк склонился над ней и поцеловал в губы... Он был холодный и весь в снегу, но ей вдруг стало жарко... Совершенно так же, как много лет назад.

Как в первый раз.

А потом он так же легко, как это было всегда, поднял её, поставил на ноги и крепко обнял.

— Я обещаю тебе, — тихо проговорил он, — Я не посмотрю больше ни на одну женщину.

— Я не верю... — прошептала Рыска, — Но мне всё равно... — она всхлипнула, — Я так люблю тебя! Я так рада...

— И тем не менее, я тебе это обещаю, — повторил Альк, — И ты мне тоже это обещай! Рыска подняла голову.

— А я уже обещала, — напомнила она. — Ты что, забыл?

— Так с тех пор столько времени прошло, — возразил он. — Ты что, все эти годы?..

— Совершенно верно, Альк, была одна и ни на кого не смотрела, — закончила она за него.

Он немного помолчал.

— Значит, дала мне отставку — и в монашки записалась? Зачем?

Рыска вздохнула.

— Не знаю... — сказала она, — Ты что, не рад?

— Очень рад! — Альк крепче прижал её к себе.

Они ещё долго, очень долго молча стояли, трогательно обнявшись. — Ну что, передумала уходить? — спросил он наконец.

— Только с тобой... — уткнувшись ему в грудь, прошептала она.

— Тогда, может быть, поженимся? — спросил он до того буднично, что Рыска вскинула голову.

— Ты столько раз об этом говорил, что я уже не верю в возможность такого, — с улыбкой ответила она, — Придумай что-нибудь другое...

— Тут больше ничего, к сожалению, не придумаешь, — пожал плечами Альк, — Но завтра, если ты, конечно, согласна, пойдём в молельню и поженимся, — просто сказал он.

Рыска лишь усмехнулась.

— Нас Хольга не благословит, — сказала она.

— Почему?

— Потому что мы грешники, — пояснила она с горечью, — Развратники, прелюбодеи и убийцы. Не пойду я в молельню... Таких как я, туда и пускать не полагается.

Альк думал всего пару щепок. Он никогда не был таким уж набожным. Скорее привык с детства чтить богиню. С годами он лишь укрепился во мнении, что молятся люди лишь для собственного успокоения, и не более того. Да и не в этом сейчас было дело. Дело было в том, чтобы больше никогда не отпускать от себя свою любимую, а для этого было просто необходимо жениться на ней. Как именно это произойдёт, ему было безразлично.

— Ну тогда, — предложил он, — Можно попросить моего отца. Он хозяин замка, а это почти то же самое, что наместник в городе. Пусть он по закону засвидетельствует наш брак. Он имеет на это право.

— А может, ещё Сашия в свидетели позовём? — съязвила Рыска. И тут вдруг до неё дошло... И как она раньше не поняла, ведь это было очевидно! — Он ведь это нарочно сделал! — с возмущением произнесла путница, — А я-то думаю, зачем я ему нужна? Как будто, завещание без меня переделать нельзя! Он специально так сделал, Альк?

— Конечно, — улыбнулся он.

— Но зачем?

Альк вздохнул. Давно на душе у него не было так радостно!

— Я же тебе говорил: он всё понял, — пояснил он своей женщине, — И раскаялся.

Впрочем, ты и сама это уже знаешь, раз он тебя пригласил. — Альк поцеловал Рыску снова, — Ну так что? Ты согласна? — спросил он, — Прямо завтра?

— Сегодня, — неожиданно даже для самой себя, сказала Рыска.

— Что?

— Я говорю: сегодня, — твёрдо повторила Рыска, — Пока опять что-нибудь не случилось или ты не передумал.

— Так поздно уже! — возразил Альк, — Отец, наверное, спать уже лёг, да и вообще... Зачем — сегодня-то? Завтра поспим до обеда, потом встанем, приведём себя в порядок...

— Ах, поспим? — возмутилась Рыска, — Ты меня ещё и в постель до свадьбы решил затащить? Нет уж, дорогой!

— Будто ты сама в эту постель не хочешь, — фыркнул Альк.

— Конечно, я хочу, — не стала отпираться Рыска, — Я почти четыре года об этом мечтала. Но до свадьбы спать с тобой больше не буду! — отрезала она.

Альк думал, что его удивить уже никто не сможет, но сейчас просто опешил.

— Рысь, опомнись, у тебя двое детей от меня! — воззвал он к её совести.

— Ну и что? — просто сказала она, — При чём здесь дети? — Рыска с совершенно серьёзным видом смотрела Альку в глаза, — Или женись на мне сегодня, или “поспим” только завтра. — пообещала она.

У Алька закончились аргументы.

— Ладно, — сдался он, — Пошли.

— Куда? — не поняла Рыска.

— К моему отцу, разумеется.

Рыска снова упёрлась. На самом деле она не ждала, что Альк на такое согласится.

— Ты что, в самом деле собираешься поднять из постели пожилого человека ради... такого?

— А ты что, в самом деле думаешь, что он спит? — вопросом ответил ей Альк, — Пойдём... — он помолчал, глядя на Рыску, — Невеста... — произнёс он наконец, и у неё мурашки по спине побежали. Она четырнадцать лет ждала этого.

Когда они поднялись на парадное крыльцо замка, Альк подхватил Рыску на руки и перенёс через порог. А потом, уже в гостиной, снова поцеловал её. Не было слов, чтобы описать всё, что происходило в душе у обоих.

Родители Алька улеглись спать поллучины назад. И они, и Камилла, да и многие другие неотрывно следили за Альком и Рыской из всех окон, а теперь, убедившись, что путники между собой, судя по всему, разобрались, успокоились и решили укладываться.

Альк без стука открыл дверь.

— Отец? Вставай, у нас дело к тебе, — позвал он.

— Что такое? — отозвался господин Хаскиль из темноты. По голосу было понятно, что его не разбудили. Видно, думал, прокручивал в голове произошедшее.

— Тут девушка срочно хочет замуж. Прямо сейчас.

— А может, давайте завтра? — предложил старик, зевая.

— Какое, к Сашию, завтра? — раздался из темноты шёпот. Это госпожа Хаскиль возмутилась, пихнув мужа в бок, — Куда ещё тянуть? Вставай давай, пока не передумали!

В комнате вспыхнула масляная лампа. Господин Хаскиль накинул халат и подошёл к стене с двуконием. Затем неторопливо снял со стены лик Хольги, светловолосой по саврянским обычаям, и подошёл к застывшим в дверном проеме Альку и Рыске. Те, не

сговариваясь, опустились на колени перед отцом.

Он много чего хотел бы им сказать... Но не смог. Старика душили слёзы.

— Да благословит вас Хольга, как я благословляю, — проговорил он сдавленным голосом. Рыска помнила лишь, как поцеловала икону, потом старика, и отвернулась, смахивая слёзы. Она дрожала всем телом, не хуже чем раньше после смены дороги. Хотелось снова прижаться к Альку, но он стоял, вытянувшись, словно аршин проглотил.

— Пойдемте, — вздохнув, сказал господин Хаскиль, — Раз вы решили... Сейчас так сейчас.

— Я не допущу!.. — вмешалась вдруг мать.

— Мам, ты что? — Альк, не понимая, уставился на неё.

— Говорю: я не допущу, чтобы моя невестка выходила замуж в таком виде!

Рыска бросила беглый взгляд в зеркало. Вид у неё действительно был не из лучших. После игрищ в снегу, она была вся мокрая, косы растрепались, да и одежда, надо сказать, была на ней не самая чистая. Хотя, если честно, ей было всё равно. Предстоящее событие затмевало собой абсолютно всё.

— Подожди немного, — развела руками госпожа Хаскиль, подходя к сыну, — Мы приведем Рыску в порядок и вернём тебе.

— Да надоело мне ждать! — не выдержал Альк, — Кому это всё нужно, мам? Никого, кроме нас, там не будет. Завтра наиграетесь уже...

— Я сказала: все! — рывкнула женщина на великовозрастного сына. Рыскино “да не надо, не надо” она вообще не расслышала, оттесняя девушку вглубь комнаты. — Как будто ты сам не знаешь, что все женщины хотят быть красивыми, да ещё в такой день! Подождешь две лучины, ничего с тобой не случится. Кстати, тебе тоже себя в порядок привести не помешает!

— Мне и трёх щепок хватит! — огрызнулся Альк.

— Прекрасно, тогда ещё успеешь выпить и успокоиться, — сказала женщина, — А то окончательно обнаглел: с матерью споришь! Всё, идите отсюда. — она махнула рукой сыну и мужу, а потом взяла с комода колокольчик и позвонила.

Рыска и представить себе не могла, что совместными усилиями шести служанок, а также матери и сестры Алька её, простую и скромную девушку можно сделать такой!

Стоило мужчинам уйти, вокруг неё закипела бурная деятельность. Сначала её погрузили в ванну, которая словно уже была набрана и ждала её, потом высушили и уложили длинные чёрные волосы (с ними, правда, возились дольше всего, потому что они ну никак не желали сохнуть!).

— У меня одеть нечего... — робко призналась Рыска Камилле, и та вдруг посмотрела на неё, словно что-то вспомнив.

Вернее, она действительно вспомнила...

Вспомнила тот день, когда Альк вернулся домой и попросил дать платье для Рыски... и всё, что было потом.

— Я сейчас, — кивнула ей Камилла и ушла, но через четверть лучины вернулась. В руках она держала что-то белое, пушистое, невесомое... Словно облачко.

Рыска, сидящая на стуле перед зеркалом и уже одетая в ниглиже, слегка поморщилась, потому что служанка с гребнем в руках неосторожно дёрнула одну из прядей, обернулась, увидела это... и замерла.

— Это мне? — спросила она.

— Тебе, — кивнула Камилла. — Я купила два платья на выбор, когда собиралась замуж, — пояснила она с улыбкой, — Это и ещё одно. Но выходила замуж в другом... В этом оказалось слишком жарко летом. Так что оно совсем новое, — женщина вздохнула.

Когда Рыска, надев это платье, увидела себя в зеркало, она обомлела и чуть было не расплакалась.

— Не смей! — предостерегла её будущая свекровь, — А то будешь плохо выглядеть! Тебе сейчас надо быть красивой.

— Мне страшно... — прошептала Рыска, стараясь не заплакать.

Она вспоминала, как готовилась к первой свадьбе, как чувствовала только горечь, словно ей предстояло идти на поминки, а теперь... Такой взволнованной она в жизни не могла себя припомнить. И счастливой тоже... А ведь она уже смирилась, что ничего подобного в её жизни уже не будет!

Госпожа Хаскиль подошла к ней ближе, поправила лиф на платье. Слишком уж выступали из декольте Рыскины груди (Камилла в молодости, видимо, была более плоскогрудой). Но смотрелось всё так, будто нарочно придумано. Во всяком случае, Алькова мать ничего по этому поводу не сказала.

Оглядев Рыску критическим взглядом, она взяла её за руку — и ощутила как девушка дрожит, какие ледяные у неё пальцы.

— Ты замёрзла, что ли? — спросила она, заглянув будущей невестке в глаза. И отдала служанке распоряжение принести её меховую накидку.

— Нет... — покачала головой Рыска.

— Mam, ты что не видишь, она нервничает, — произнесла Камилла.

Госпожа Хаскиль невозмутимо пожала плечами.

— Значит, ей тоже нужно выпить, — сказала она, отпустила служанок и беззастенчиво вторглась в тщательно охраняемые владения мужа — его личный сейф, где хранился дорогой алкоголь.

Рыске приходилось и раньше пить коньяк, и она не стала изображать из себя неизвестно кого: приняла бокал из рук Альковой матери и осушила до дна, предварительно чокнувшись с будущими родственницами.

— Добро пожаловать в семью, дочка! — сказала госпожа Хаскиль, отставляя пустой бокал и радушно улыбнувшись, — Я ни щепки не сомневалась, что ты и красива, и достойна моего сына. Как считаешь, — обратилась она к дочери, — Вот здесь, — она ласково дотронулась до Рыскиной шеи, — неплохо смотрелось бы моё ожерелье?

— То самое? — тоже с улыбкой спросила Камилла.

— Конечно! Платина с бриллиантами.

— Не надо, — попыталась возражать Рыска, — Зачем оно мне? Я простая путница, а не знатная дама!

— Не будешь носить — подаришь со временем дочери. Или невестке, — веско сказала женщина.

— Оно же... наверняка очень дорогое.

— Очень дорогое, — кивнула госпожа Хаскиль, снова заглядывая в сейф и извлекая на свет красную бархатную коробку, — и само по себе, и потому, что мне подарил его отец на мою свадьбу, — коробочка открылась, и на свет явилось нечто, ярко заигравшее гранями камней в неярком свете ночных светильников. — Но ничего дороже для меня нет в этом мире, чем мои дети, в частности Альк, который благодаря тебе жив и благодаря тебе же

теперь счастлив. И ещё мои внуки — те, которых ты родила и тот, которому не позволила умереть. Не обижай меня, дочка, прими этот дар, — женщина протянула ей драгоценность на раскрытых ладонях, и вот тут не смотря на запрет и слегка расслабивший её алкоголь, у Рыски брызнули слёзы.

... Оказалось, прошло не две лучины, а целых пять, с тех пор как госпожа Хаскиль отправила сына и мужа готовиться к свадьбе. Альк не усидел на месте и сам пришёл за своей невестой. Он заждался, уже злился, но когда открыл дверь и увидел Рыску... Вся заготовленная им гневная речь так при нём и осталась. Мать была права: в такой день женщина обязана быть красивой.

Самой красивой.

Такой Рыска и была.

— Спасибо, что помогли, — всё, что он сумел сказать матери и сестре, — Пойдёмте. Пора.

Альк как обычно легко подхватил Рыску на руки и зашагал с ней по коридору. Это было невероятно кстати, потому что ходить на высоких каблуках она не умела.

— А потом куда? — шёпотом спросила она Алька по-ринтарски.

— Куда захочешь. Замок большой, — спокойно ответил Альк, — И ты даже не представляешь себе, что я с тобой сделаю, — прошептал он ей в самое ухо, заставив хихикнуть. От непривычного вида давно знакомой женщины, а особенно — просящихся на свободу груди, Альк едва подавил желание пропустить церемонию и сразу перейти к делу.

— Ты что?! — совершенно понизив голос, возразила Рыска, — Я не буду ничем таким заниматься в полном народе доме!

— Это не дом, а замок, — объяснил Альк, — Тут не так-то просто кого-то потревожить. Есть комнаты, где и поблизости никто не живёт, да и стены каменные, а народу не так уж и много.

— Всё равно! — стояла на своём Рыска.

— Да никто ничего не услышит! — уговаривал Альк больше для того, чтобы просто поговорить. Пожалуй, оба они понимали, что ни он не станет спрашивать, ни она — сопротивляться.

— Нет, мне сты-ы-ыдно! — сама не зная, действительно стесняется или просто капризничает, протянула девушка.

— Интересно как! — заметил Альк, — В кормильне — не стыдно, в лесу — не стыдно, в Пристани — не стыдно: вот где зрителей-то было полно! — а тут вдруг стыдно. Ты ведь уже женой моей будешь, не забывай!

Мать, шедшая чуть впереди, по-ринтарски понимала и в самом деле с трудом, скорее, знала пару слов от служившей у неё много лет женщины, помогавшей растить детей, давно ставшей ей подругой. Она не поняла, о чём разговаривают Альк и Рыска, но чувствовала их настроение.

Волнуются... Пытаются шутить. Оба не дети уже.

И настрадались — не дай богиня никому... А рады как! Просто невозможно не заметить такую вселенскую радость. Просто светятся от счастья! Но и переживают... Им предстоит серьёзный шаг, к которому они шли столько лет. Но сделать его они боятся. И не сделать — тоже.

Мать подавила вздох, украдкой обернувшись через плечо. Она как никогда готова была сделать что угодно, лишь бы не спугнуть их счастье. Пусть, думала она, пусть поженятся

сейчас, хоть на дворе и ночь, и не так она это себе представляла. Хорошо, что муж не стал возражать, а сразу бросился делать то, о чём его попросили. Хорошо, что всё наконец сложилось удачно. Теперь ни слова им поперек. Ни жеста наперекор! Что попросят — всё дать, иначе этот раз будет последним. А она больше не в силах смотреть на то, как страдает от одиночества её любимый сын.

— Пошли тогда в башню, — между тем предложил Рыске Альк.

— Это туда, где лестница винтовая, что ли?

— Ну да.

— Ты же говоришь, что устал, — съязвила Рыска, — Ещё не донесёшь, уронишь...

— А кто тебе сказал, что я тебя туда понесу? Сама пойдёшь! И там уж точно никто ничего не услышит.

— В башне холодно, Альк, — вставила мать (как звучит слово “башня” по-ринтарски она знала), — И я уже распорядилась: ваша комната готова, в северном крыле, с видом на лес. Там и просторно, и уже натоплено, есть ванна, и поблизости никого не будет, я обещаю, — спокойно произнесла она, и Рыска, сама не зная, почему, вдруг зарделась аки маков цвет. Альк заметил это и крепче прижал её к себе. Ему вспомнилась молодость и Рыскино смущение по поводу и без повода.

Что бы ни произошло за эти годы, она осталась такой же чистой, как и была. Мало ли, что было... Сейчас он видел перед собой всё ту же милую, юную девушку, которая полюбила его с первого взгляда. И потому сам он тоже чувствовал себя юным и очень счастливым.

*

В кабинете господина Хаскиля горели две свечи: одна на письменном столе, возле огромной, старой книги, вторая — на круглом столике с витой ножкой, где стояли, отражая её пламя, тонкие хрустальные бокалы и простая бутылка тёмного стекла.

Рыска оглядела присутствующих. Их было немного: родители Алька, его сестра Камилла, её сын Таш, видимо, приехавший в замок вместе с дедом, пожилая ринтарка, няня Алька и, конечно, они вдвоём, главные герои предстоящего действия.

Путница с улыбкой посмотрела на парня, жизнь которого ей не так давно удалось спасти. Волосы у него уже слегка отросли после вынужденной пострижки, но были всё ещё очень коротки, и он жутко стеснялся этого. Но это было сущей мелочью, по сравнению с тем, что могло с ним произойти. Надо бы поговорить с ним завтра, чтоб не переживал.

Камилла никак не нарадуется на сына, смотрит на него с нежностью. Она солидарна с Рыской, это уж точно. Он у неё один, и она как никто признательна будущей невестке за его спасение. Пару лучин назад, улучив момент, чтоб не слышала мать, она шепнула Рыске на ухо:

— Спасибо тебе, — и вложила в руку колечко, так что теперь Рыска просто унижена бриллиантами. И, честно говоря, ей даже немного стыдно. Она ведь ничего такого не сделала и благодарности не ждала... Вернее, то, что они все ей так рады — приятно, а вот драгоценности... Зачем они ей? Да еще так много: ожерелье, серьги, кольца. А ей на самом деле нужна лишь одна драгоценность этого замка...

Пожилая ринтарка горестно вздохнула:

— Может хоть до свету подождете? — безнадежно спросила она, — А то ведь тех, кто ночью женится, Саший благословляет!

— Да типун тебе на язык! — в сердцах ответила госпожа Хаскиль.

— Нет, я серьёзно! — добавила няня.

— А он нас давно уже благословил, нянюшка, очень давно! — весело сказал Альк, обнимая пожилую женщину, — И все благословили. Ты осталась.

Няня со вздохом перевела взгляд на Рыску.

— Красивая какая, — сказала она, — Как зовут тебя?

— Рыска... — смущённо ответила девушка.

— Береги его, — произнесла женщина уже по-ринтарски, — Он только с виду такой... Ему очень нужна любовь и ласка. Будешь беречь?

— Буду... — прошептала Рыска, приткнувшись к Алькову плечу, — Пока бьётся моё сердце, пока кровь течёт, пока я дышу — буду... А потом — буду с небес. И никому больше не отдам...

Женщина тоже пустила слезу и обняла Рыску.

— Ну тогда, и я благословляю, — всхлипнула она, вытирая слёзы платком.

Господин бывший посол откашлялся.

— Ну что, все поплакали? — спросил он, старательно хмурия брови.

— Все, — облегченно вздохнув, за всех ответила служанка.

— Тогда начнём, — он перелистнул страницу своей книги, поднёс свечу поближе, и, щурясь, стал читать.

Он читал веские, веками выверенные слова, не потерявшие своего значения, не смотря на прошедшее с их написания время. Его жена, стоя справа от мужа, не стесняясь, плакала от счастья. Альк крепко держал Рыску за руку, глядя при этом в пол. А она... У неё было стойкое ощущение, что внутри разгорается огонь, что сейчас просто сердце разорвётся от счастья. И она тоже крепче сжала руку горячо любимого мужчины, вздрогнув всем телом. Забыть этот момент она не сможет и после смерти...

— ...Итак, властью, данной мне его величеством тсарём и памятью моих предков, я, глава и старейшина рода, Эдгард Хаскиль, объявляю вас мужем и женой, — произнёс отец Алька. А Рыска почему-то подумала о другом: так значит, имя Эдгард у них родовое? Так называют старших сыновей... И почему такие вещи лезут в голову в самые важные моменты жизни?

А старик тем временем подошёл к ним ближе и подал на ладони два кольца...

После всего Альк склонился над Рыской с невероятно счастливым лицом. Она никогда его таким не видела — в который раз так подумалось... Когда их губы встретились, у Рыски вновь потекли слёзы. А потом он сказал ей — во всеуслышание:

— Я люблю вас, госпожа Хаскиль.

— Я тебя тоже... — задыхаясь, ответила она — и едва удержалась на ногах. Оказалось, что слова порой пьянят намного сильнее вина и поцелуев. Конечно, Альк не позволил ей упасть, подхватил за талию, посмотрел в глаза.

— Почему ты опять плачешь? — спросил он, — Теперь что не так?

— Я не знаю... — прошептала Рыска, — Я... я не могу поверить, что это ты... Что ты — мой муж!..

— Я это, не сомневайся, — Альк порывисто вздохнул, снова обняв Рыску, — И с этого момента — ни шагу друг от друга. Так будет лучше.

А потом господин Хаскиль вручил им по бокалу, велел пить.

— С отравой? — заигранно пошутил Альк.

— Как ты любишь, — не остался в долгу отец, и все посмеялись. Даже это было смешно

через столько лет, когда выяснились все недоразумения.

— А ведь вы обманули меня! — не удержалась Рыска, — Говорили одно, оказалось другое...

— Что, получилось хуже? — спросил бывший посол, — Да и не обманул я ничуть! Теперь и ты, и ваши дети — мои наследники в любом случае, — улыбнулся он и продолжал, — А мне позвольте выпить за ваше здоровье, за долгие годы, которые вы проживёте вместе, за ваших замечательных детей, которые уже родились — и за тех, которые ещё будут. Я желаю вам быть такими же счастливыми, как мы с мамой, и очень рад, что именно мне выпала честь поженить вас. А ещё... — он вздохнул, подходя к детям ближе, — Ещё простите меня... Я был перед вами неправ. Простите, если сможете, я не сс зла, — он отёр слезу, выпил вино до дна и обнял обоих сразу.

*

...Когда все разошлись из кабинета, госпожа Хаскиль закрыла дверь на засов и направилась а мужу.

— Что? — спросил он, в полумраке не разобрав выражения её лица.

— Сейчас я все косы кому-то повыдергаю, — прошипела она.

— За что? — не понял бывший посол, тем не менее, отгораживаясь от жены столом.

— За всё хорошее. А ну, иди сюда!

— Но они же простили! — напомнил старик.

— А я — нет! — сообщила жена. — Такая милая девушка... Столько лет!.. Тебя убить за это мало!

Господин Хаскиль остановился, позволив жене его догнать и правда слегка подёргать за одну косу — не больно, так, как таскают за чуб маленьких детей, чтоб застыдить, но не обидеть и ни в коем случае не причинить вред... А потом со вздохом обнял её. Если б он мог предотвратить то, о чём год назад поведала ему невестка, если б мог отдать свою жизнь за неё, то, ни щепки не сомневаясь, сделал бы это.

===== Глава 28 =====

Рыске не спалось. Замёрзла сегодня по дороге и, похоже, начала заболеть, что и немудрено было в такую мерзкую погоду.

Весь день (или, точнее будет сказать, уже не первый день) постоянно моросил мелкий, противный дождь, а с наступлением сумерек начинался лёгкий морозец, и всё вокруг покрывалось ледяной коркой. Хорошо ещё, что нетопырь — не корова, ему есть, чем цепляться за лёд, а то бы и половины сегодняшнего пути не проделали.

Городок Приозёрье расположился как раз на берегу Плотинного озера и был по сути большой веской. Здесь, что само собой разумелось, было сыро, воняло рыбой, Пристани не было, а кормильня была лишь одна, большая, неплохая, но непомерно дорогая: хозяин, пользуясь своим выгодным подожением драл с гостей втридорога.

Вообще-то Альк с Рыской торопились не сюда, а дальше, вниз по течению Рыбки, на паром, чтобы переправиться на саврянскую сторону, где должны были встретиться с Крысоловом, от которого совсем недавно получили послание, и дальше, на север, где снова начались стычки всё с тем же врагом. Но сегодня мерзкая, несвойственная для середины зимы погода им здорово подгадила: на паром они опоздали, и теперь нужно было ждать до утра. Да и не первая это была задержка в пути.

Похлюпав немного носом, Рыска склонилась всё же к мысли, что придётся разбудить

благоверного, иначе завтра они либо никуда не поедут, либо ей придется ехать больной. Она встала, зажгла лампу на комод — и тут обнаружила, что Альк тоже не спит.

— Что случилось? — спросила она заботливо, про себя отметив, что это не спроста. Вроде говорил, что устал, лег раньше неё — и не спит?

— Да, ничего, — отмахнулся Альк. Но Рыска, откинув одеяло, успела заметить, как он отдернул руку от правого бока.

— Болит? — участливо спросила она, припоминая, что это далеко не в первый раз.

— Да нет... — спокойно ответил Рыске муж, — С чего ты взяла?

— А почему не спишь? — продолжала допрашивать она.

— Не хочется пока. Легли слишком рано, да ты ещё носом хлюпаешь. Надо, кстати, дорожку тебе подправить...

— Зубы мне не заговаривай, — перебила Алька Рыска, — Признавайся: болит?

Альк закатил глаза.

— Всё видит! — со вздохом, проговорил он. Помолчал и всё же нехотя признался, — Так, на погоду ноет. Озеро это ещё, сырость...

А Рыска уже копалась в сумке, давясь слезами. Что-то слишком много всего в последнее время выпало на её долю, и плакать она стала по поводу и без повода.

— Не надо ничего, само пройдёт, — попросил Альк.

— Да хватит играть в героя! — жёстко сказала путница, — Если смажу чуть-чуть, хуже не будет, — она открыла маленькую баночку с зеленоватой, остро пахнущей мятой мазью и предельно осторожно нанесла её на шрам на теле Алька, при этом тяжело и горестно вздохнув. В следующий раз, прошу тебя, не молчи, — печально попросила она, рассматривая бледно-розовый, идеально прямой рубец, начинающийся на середине груди, тянущийся через весь правый бок и заканчивающийся у бедра, — Бедный мой, — прошептала она, дотронувшись губами до его шрама и тут же отворачиваясь, чтобы Альк не видел её слёз.

Уже два года прошло с тех пор, как Альк и Рыска поженились, и за эти два года она смогла пожалеть лишь об одном: что это не произошло раньше. Рыска и представить себе не могла, что на неё прольётся такой водопад любви и заботы. Конечно, прилюдно это никак не выражалось, но она была уже достаточно взрослой и мудрой, чтобы этого не ждать. Она и сама научилась не подначивать его и не спорить с ним прилюдно. Зато стоило им остаться наедине, как Алька словно подменяли. Он переставал показывать ей своё “я”, слушался Рыску буквально во всём, позволял ей себя жалеть, если ей того хотелось, и старался ни словом, ни делом не расстраивать, особенно избегая слёз.

Но был всё же один повод для этого, с которым и ему ничего было не поделать.

В первую их брачную ночь, в замке Альковых родителей, Рыска впервые увидела шрам на теле своего любимого, при чём, увидела не сразу, а после того, как схлынула первая волна страсти.

К тому времени Рыска была уже настолько закалённой, что ей бы и в голову не пришло бояться смотреть на последствия ранений, ибо повидала она на тот момент и трупы, и раны, при виде которых кровь стыла в жилах, и даже ещё живых, но уже обречённых людей, нашигованных арбалетными болтами либо разрубленных почти пополам. Да и не просто созерцала она это со стороны, а принимала активное участие в исцелении, не раз, не два и даже не сто. Да и убивать, чего греха таить, приходилось...

Но когда Рыска увидела это... Альк навсегда запомнил, как она побледнела и рухнула как подкошенная. И хотя почти сразу и пришла в себя, две лучины потом беззвучно плакала,

прижавшись а нему всем телом. Как она потом призналась, сама не поняла, почему так отреагировала на это. Однако он чувствовал, что всё она поняла... Просто не признается.

Рыска тоже старалась не раздражать мужа лишний раз, и за два года умудрилась ни разу с ним не поругаться, предпочитая лучше уступить, чем нарушить равновесие в их паре. Словом, не смотря то, что за два года они так ни разу и не расставались, они нисколько не надоели друг другу и были абсолютно счастливы. Война, которая хоть и не была непрерывной, а вспыхивала в виде стычек то тут, то там, — и та не могла помешать их счастью. Она лишь сплотила их ещё сильнее.

Путники не сидели на одном месте; их постоянно посылали туда, где они были больше всего необходимы, как сейчас. По сути, их жизнь не претерпела значительных изменений: они как и прежде, жили в дороге. Но теперь они были вместе. Они были сильнее, чем раньше. Но зато появился страх потерять друг друга. Оба помнили, как плохо было в одиночестве, и никто не хотел снова это пережить, а потому они старательно берегли друг друга. Если бы они общались с кем-нибудь более тесно, окружающие умерли бы от зависти к таким отношениям.

... Рыска убрала мазь в свою сумку и ушла в тёмный угол комнаты, которую они сняли до утра в кормильне, сделав вид, что жутко занята. На самом деле она просто хотела справиться со слезами, чтобы Альк этого не видел.

— Ты плачешь, что ли? — догадался он.

— Нет, всё хорошо, — отозвалась она бодро и почти достоверно. — Просто нос течет...

— Давай тебя подлечу, — предложил Альк снова.

— Нет, не надо, — отказалась Рыска, — Тебе самому плохо. Надо беречь силы. Я сама справлюсь. — она подошла к двери, — Я сейчас пойду вниз, выпью варенухи и вернусь. Она мне всегда помогает. А ты спи... — она не звала его с собой лишь по одной причине: её всё равно душили слёзы. Выйдя в коридор, она отошла немного от двери и разрыдалась, облокотившись о стену.

Она не то что переживала за своего любимого: перед его страданием в её понимании меркла даже собственная боль. И хуже всего было то, что и поделаться-то ничего было нельзя! Рыска понимала, что последствия этого ранения полностью не пройдут никогда, потому что Альк уже не молод. Было бы ему лет на двадцать поменьше... Ну хорошо, хотя бы на десять — и можно было бы на это надеяться (ведь от того ранения пятнадцатилетней давности почти ничего не осталось), а так... И думать нечего.

А самое главное, кто будет заботиться о нём, когда она сама умрёт? С кем он останется? Ведь ей осталось уже недолго, она чувствует... Хоть бы та иргемаджинка, о которой Альк рассказывал, Марина, приехала, что ли... Было бы не так печально оставлять его, зная, что кто-то будет любить его так же, как она. Тут и ревность уходила на задний план...

Да ещё кое-что произошло совсем недавно.

За последние два года из-за войны у Рыски так и не было возможности повидать тётю и детей. Вырваться в Калинки ей удалось лишь два месяца назад, в конце осени. То, что она узнала там, стало последней каплей в чаше её бесконечного терпения и спокойствия.

*

... На землю тихо ложился первый снег. Первый настоящий в этом году... Было очевидно, что он уже не растает, потому что мороз на улице был хоть и не сильный, но постоянный. Рыска была этому даже рада: болота, по которым пролегалла дорога от Ринстана

до Калинок, вполне замёрзли, и передвигаться теперь было легко.

Они ехали молча, бок о бок, думая каждый о своем. От предвкушения встречи у Рыски сладко щемило сердце. А больше всего её радовало то, что дети, наконец, познакомятся с отцом. Она уже и не надеялась, что ей суждено это увидеть и молча благодарила божиню.

И никто из них двоих, таких сильных, умных и опытных не сумел этого почувствовать: до последнего радовались, как идиоты!.. Пока тётя не сказала, и в мыслях такого не было.

... Скрипнула калитка, и пятилетняя Вангелия, прямо как была, без верхней одежды, сбежала по ступенькам крыльца, увидев мать в окно.

Рыска, не помня себя от счастья, подхватила ребёнка на руки, расцеловала в румяные щечки.

— А я знаю, кто ты! — воскликнула девочка, обратив внимание на Алька, — Ты мой папа!

Альк усмехнулся.

— Ну раз знаешь, тогда, может быть, и меня поцелуешь? — спросил он.

Вангелия потянулась к отцу, и Рыска чуть было её не уронила. Более чем за год, что она не видела дочь, девочка сильно выросла и стала тяжеловата для хрупкой матери.

Альк принял ребёнка у жены, но Рыска успела перед этим заметить, как у него дрожит рука. Не железный он, и она всегда это знала... Но как же всё-таки хорошо, что божиня послала им детей!

— А где твой брат? — с улыбкой спросила Рыска у дочки.

— А он уехал! — с детской непосредственностью сообщила Вангелия, и Рыску словно ледяной волной окатило. Она почувствовала, наконец, произошедшее. Схватившись за сердце, путница бросилась в дом. Альк перехватил девочку поудобнее и пошёл следом за женой.

Тетя Ульфина сидела возле печи, глядя в щёлочку неплотно прикрытой топки, в которой танцевало веселое рыжее пламя. Рыска окликнула её и обомлела, когда та обернулась... С их последней встречи прошло чуть больше года.

А тётя постарела на все десять.

— Рыся, прости... Я не уберегла... не уберегла... — запричитала она.

... Лучину спустя Рыска молча, словно бы застыв, сидела возле стола и пристально вглядывалась в уходящую в леса дорогу, так, словно бы тот, кто уехал по ней в неизвестном направлении должен был вот-вот вернуться, а она боялась пропустить этот момент.

— Когда это случилось? — полушёпотом спросила она.

Тётя Ульфина всхлипнула.

— В начале прошлой осени... Только хлеб с полей убрали да картошку выкопали, — она отерла красные глаза рушником, — Просыпаюсь я на утро после уборочной — а его нет как нет, родненького моего. И мечи его пропали, какие ты подарила. И козуха зимнего нет. И... ни коровы его, ни седла. — женщина помолчала, закрыв руками лицо, — А ещё в ту же ночь и товарищи его пропали: Данька с Ганькой, Янинкины дети.

Рыска подавила вздох. Вот уж кого стоит пожалеть, так это Янину: у неё вообще никого, кроме сыновей не было. Надо бы зайти к ней, поддержать... Ох, самой-то как плохо! Словно воздуха не хватает... Сыночек родненький, ну куда тебя понесло? Где же ты? Даже не повидались на прощание...

— Вот и думай теперь: может, его уже и в живых-то нет, — тётя снова всхлипнула и расплакалась, — Ты прости меня, Рыся... я теперь вообще не знаю, как жить... Если б ни

Геля, давно б на небесные дороги отправилась... А ведь говорила я: окороти ты его с его рассказами! Он всё героем стать мечтал, вот и домечтался... — женщина поплакала немного молча, — Он мне в последнее время своей войной прохождению не давал, всё отпустить просил, особенно, когда рекруты в веску приехали, а его не взяли... Молод слишком, говорили. А я-то, дура старая, подумала, успокоиться... А он взял и сбежал... Может, и нет его уже... — она разрыдалась в голос.

— Успокойтесь, живой он, — со вздохом, сказал Альк.

Девочка, сидящая у него на коленях, согласно кивнула:

— Вот и я бабушке говорю: ты не плачь! Альк живой. И Данька с Ганькой живые, — сообщила она отцу, видимо, впервые услышав мнение, отличное от бабушкиного, — Но ни она, ни тётя Яна мне не верят. А я знаю!..

Что именно она знает, объяснить Вангелия пока не умела, но Альк более внимательно посмотрел на дочку. В суматохе он и не подумал об этом. А теперь почувствовал.

— Ох, рановато... — пробормотал он и погладил девочку по светлой голове.

— Что — рановато? — сразу спросила любопытная малышка.

— Уехал он рановато, — соврал путник. Не объяснять же ребёнку свои соображения: мала ещё, не поймёт.

— Нет! — возразила Вангелия, — Не рановато! Он прямо ночью уехал. Бабушка только уснула.

— А почему не сказала ей? — мрачно спросила Рыска.

— Альк просил не говорить, — просто пожала плечами девочка, — Сказал, что мне подарок привезет!

У Рыски не выдержали нервы. Уронив на руки голову, она разрыдалась. Доездила по дорогам... Довоевалась... Упустила сына.

Сколько она так проплакала, Рыска не помнила. Чувствовала она себя так, словно ей что-то отрезали. Ей всё вспоминался сын: то маленький, то уже повзрослевший. Память услужливо подбрасывала воспоминания: то ощущение тёплого, маленького тельца на руках, то шелковых детских волос в ладонях, которые она с рождения так ни разу ему и не стригла, плела в две косы. Одно время мальчик сопротивлялся, говоря, что так носят только девчонки, но она сумела его убедить... Вспомнилось, как однажды, четырёхлетний, он впервые схватил её меч — и как она испугалась, что он поранится; вспомнилось, как радовался он каждому её визиту домой, как хмурился, когда уезжала.

А ведь она даже не осознавала, насколько сильно его любит, как много он значит для неё! Просто принимала как само собой разумеющийся факт его радость, его улыбку, то, что он где-то есть и всегда ждёт её... И вот теперь он так далеко. Неизвестно где... О, богиня, увидит ли она его ещё хоть раз?

Её дар молчал по этому поводу. Только голова болела... Все старания узнать об этом были напрасны.

...Рыска не помнила, как легла спать в тот вечер. А может, и не легла, а просто упала в обморок... Но очнулась она в постели. Алька рядом не было. Он сидел у окна, глядя в ночь.

— Ты что там делаешь? — спросила она, и он тут же оказался рядом. Но продолжал молчать.

А Рыска снова разревелась, обняв мужа.

— Я боюсь, Альк... Вдруг его убьют... Я их столько видела — совсем мальчишек! Они погибают первыми! — жаловалась она.

Альк молча выслушал её стенания, дождался, пока жена наплачется всласть и произнёс:

— Всё с ним будет хорошо.

— Ты точно знаешь? — с надеждой спросила Рыска, продолжая всхлипывать, — Мне почему-то дар ничего не подсказывает... Я так боюсь за него...

— Дар тут ни при чём, — возразил Альк. Он тоже так далеко вперёд не видел. — Но ничего с нашим сыном не случится.

— Откуда ты знаешь?

— Со мной же не случилось, — пожал он плечами, — А я ведь тоже из дома сбежал! Я уверен, что и мой сын вернётся живым. — вообще-то, аргумент был слабоват. Альк просто хотел утешить жену и ничего лучше не придумал. Конечно, он тоже переживал, но на то он был и мужчина, чтобы в тяжёлый момент жизни поддержать свою женщину.

— Ох, и не знаю... — вздохнула Рыска, снова откинувшись на подушку, — Он ведь ребёнок совсем... Тебе-то хоть семнадцать лет уже было, а ему только весной шестнадцать исполняется. И потом, ты же не на войну сбежал...

— Ты считаешь, в Пристани прощя?

— По крайней мере, не убьют сразу...

— Ну да, немного погодя... Никакой разницы, Рысь. Точно так же неизвестно, со щитом или на щите. Но я верю в него. — одухотворённо произнес путник. Впервые за много лет — действительно одухотворённо! — Успокойся, пожалуйста. Слезами тут точно ничего не исправишь.

Рыска порывисто вздохнула.

— Представляешь, я ведь с самого начала войны почти не видела его... Как Вангелию родила, так считай сразу и уехала, — призналась она, — Он вырос без меня, — трагически заключила путница.

Альк хмыкнул.

— Что уж тогда мне говорить? — произнёс Альк с горечью, — Я его вообще видел один раз в жизни, и то — малышом. И ещё раз — издалека. Вот так встречу где-нибудь и не пойму даже, что это он.

Рыска лишь молча всхлипнула. А вот в этом она была виновата, целиком и полностью.

— А знаешь, — неожиданно сказал Альк, — Я им горжусь. Похоже, мой сын — настоящий мужчина, хотя ещё и очень молодой.

— Да ты что такое говоришь? — ужаснулась Рыска, — Какой мужчина? У него ещё молоко на губах не обсохло!

— Видимо, обсохло, — с ухмылкой произнёс Альк, — И раз он так решил, то я благословляю его. Он достоин называться потомком моего рода.

Рыска так опешила, что сначала долго молчала, а потом произнесла несколько фраз не совсем цензурного содержания, которым в своё время научилась у одной крысы. Разозлилась, зато и немного успокоилась.

Альк невозмутимо её выслушал.

— Не пристало супруге посла так выражаться, — сказал он, — Вставай, наверное, — добавил он, — Скоро рассвет. А у нас сегодня много дел.

— Каких? — не поняла Рыска. От горя она почти перестала соображать.

— Война может и сюда дойти, — заметил Альк, — Я думаю, оставлять такого маленького ребёнка с пожилой женщиной здесь не стоит. Раньше хоть парень здесь был... А теперь они совсем одни.

— И... что ты предлагаешь? — спросила Рыска.

— Отвезти их в Ринстан. Это столица, и на её оборону, я уверен, будут брошены, в случае чего, все силы. Там будет безопаснее, — весьма убедительно сказал Альк. — У тебя ключ от квартиры Крысолова есть?

— У тёти есть, — подтвердила Рыска, — А может, лучше в замок? — только спросила она.

— Нет, — отрезал Альк, — Не лучше. В последнее время стычки всё чаще на севере. Пусть поживут в Ринстане.

Рыска в который раз порадовалась, что больше не одна. Она и не догадалась бы спрятать от войны тётю и Вангелию, совершенно перестав от горя соображать. Представить себе последствия такого легкомыслия было несложно. И она в который раз возблагодарила судьбу за него.

Скотину продали — не продали: раздали соседям буквально за бесценок. Оставили только одну скаковую корову. В доме оставили всё как есть, взяв лишь самое необходимое, рассудив, что на себе всё не утащишь. А заколачивать дом бесполезно: весчане и так не сунутся, а уж если враг нагрянет — то это попросту не поможет. Вскроют хотя бы из любопытства, а то и подожгут.

Всё это было весьма вероятно, как подсказывал Рыске дар, но не смотря на это, она задержалась на пару щепок и, достав из сумки небольшой обрывок бумаги, написала на нем углём:

“ Альк! Бабушка и Вангелия в Ринстане. Прошу, береги себя. Я очень сильно тебя люблю. Мама.”

Слёзы снова потекли из её глаз, но путница одёрнула себя на этот раз. Плакать было как минимум поздно.

Перед самой околицей Рыска вдруг осадила скакунью и бросив спутникам:

— Подождите, — направилась к дому на отшибе.

Без стука путница ворвалась в ветхую избушку.

— Яна! — окликнула она.

Из тёмного угла нетопленной хаты навстречу ей вышла женщина, и вот тогда ей стало по-настоящему грустно...

Янина, дочь, а вернее, падчерица, покойного лесника имела похожую с Рыской судьбу. Её мать в войну так же, как Рыскину, изнасиловали. Янина тоже была наполовину саврянкой. И хотя отчим отнёсся к нежданному дитяти по-доброму, назвав дочерью, на этом счастье её кончалось.

Весчане выместили на несчастной всю ненависть к саврянам. “Сашиева дочь” — так её называли, даже в глаза. Доходило до того, что следы толчёной горчицей посыпали.

А когда девушке было семнадцать лет, появился в Калининках заезжий разбитной молодец, которому молодая, красивая Янина очень даже понравилась.

Жениться-то на ней он женился, а вот потом... И месяца не прошло, как сбежал в неизвестном направлении, и никто его больше никогда не видел. Сначала думали, пропал, в болоте сгинул, искать стали, а потом хватились: оказалось, обобрал он родителей молодой жены. Последнее унёс. А так как и в других домах поживился (он за месяц в веске ко многим в дома вхож стал, на другого кого и не подумали, да и разбираться, по правде говоря, не стали), то пришли весчане в дом на отшибе с дубинами и вилами. Вор исчез, с хозяев взять было нечего, и тогда обозлённые люди, лишившиеся последнего, от души побили попавших

под раздачу несчастных.

Жена и два сына лесника не вынесли побоев и умерли. Сам лесник отлежался, но погиб на следующий год — шатучий медведь в лесу задрал. Янина же чуть не померла, да видно Хольга её спасла. И выжить смогла, и детей родить: сразу двоих. Они-то и стали лучшими друзьями Рыскиного сына.

Видя, насколько мальчишки дружны, путница стала относиться к ним радушно, часто приглашала недоедающих детей за стол в своём доме и о том же самом просила тётю. Так и выросли вместе три мальчика: Рыскин Альк, дерзкий и заласканный и два его товарища, близнецы Данька и Ганька, осторожные, пугливые, но горой стоящие за своего вожака. Редкий день этих троих не видели вместе. И когда другие весковские мальчишки подросли, наслушались от родителей о войне с саврянами и стали сторониться белокомого, эти остались с ним как прежде. Как оказалось, вместе они и сбежали. Всем троим на тот момент по полгода оставалось до пятнадцати лет.

С самой Яниной Рыска не общалась, но стоило ей появиться в Калинках, как весчане перестали травить бедную, безответную девушку — по одним только им известной логике. И, возможно, пришла бы она к Рыске рано или поздно, да и хотела бы это сделать, да больно редко путница бывала дома. К тому же, как и все весчане, побаивалась Янина Рыску. Но детям водиться с её сыном не запрещала.

А сейчас стояла перед ней — исхудавшая, исплаканная, совсем седая. Белая, как саврянка...

— Госпожа путница... — только смогла пролепетать она и упала перед ней на колени, обхватив за ноги.

— Ты что? Встань немедленно! — велела Рыска.

Но она вцепилась и не отпускала, пока не наплакалась вдоволь. Да и сама Рыска от души поревела, в который раз за эти два дня.

— Живы твои дети, живы, милая, живы... — приговаривала Рыска, глядя Янину по плечам и по седой голове.

— А вернутся? — позволила себе спросить женщина.

— Не знаю... — вздохнула Рыска, — Не понять пока. — помолчали немного, — Что ж ты в нетопленной хате сидишь? Затопила бы... — произнесла Рыска, лишь бы что-нибудь сказать.

— Печка обвалилась... — безнадёжно махнула рукой Янина, — И дров у меня нет... Да и всё равно помирать, так какая разница? — всхлипнула она.

— Ты что? — опешила Рыска, — Нельзя так говорить!

Янина вздохнула.

— Всё равно мне, госпожа путница, — уронила она, — Помру я... Не дождусь...

Рыска думала всего щепку, а потом решительно поднялась с лавки, на которую они незаметно, за разговором присели.

— Собирайся, — велела она Янине.

— Куда?! — не поняла та.

— В Ринстан со мной поедешь.

— Зачем?

Рыска легко подняла с лавки исхудавшую женщину.

— Затем, что ты ещё молодая совсем. Тебе жить и жить, сыновей ждать, а потом и внуков, — чем больше Рыска говорила, тем больше верила в свои слова.

— Да я же... Больная совсем... Ой, помру-у-у! — снова взвыла она.

— Не помрёшь, — Рыска уже снимала с гвоздя старый, ветхий Янинин кожан, — Я же не померла. Поехали, милая. Я теперь с тобой.

Наверное, осознание того, что на свете есть кто-то ещё более несчастный, чем она сама и придало ей тогда сил. Она поселила Янину вместе с тётёй и Вангелией. Ничего, думалось ей, учитель не обидится за её самоуправство. Тем более, нет другого места в Ринстане, где можно было бы надолго их оставить.

Что до несчастной Янины...Рыска в любом случае не могла бросить её на произвол судьбы.

Теперь они с Альком могли быть относительно спокойны хотя бы за одного своего ребёнка, и потому уехали по делам в тот же день. И хотя беспокойство за сына не отпускало её, с тех пор Рыска старалась держать себя в руках.

Вот только в последнее время как-то навалилось всё... Так и тянуло зареветь. Но при муже она себе этого не позволяла.

*

В зале для гостей было полно народу, да ещё и темно — несколько светильников не так рассеивали мрак, как создавали дополнительные тени. Рыска присела за стол в углу, заказала варенухи, тщетно пытаясь перестать думать об исчезнувшем в неизвестном направлении сыне, о боли, терзающей её любимого мужа и о собственной близкой смерти.

И последнее пугало её больше всего — да, вот так!

Приходилось признать: она жутко трусила. Трусила и хотела выть, блажить как Янина тогда...

Она могла сказать кому угодно и что угодно. Но не могла обмануть себя. Тем более, у неё опускались руки. Все мы такие, к сожалению... Как бы ни был человек силен и уверен в себе, всё это меркнет на пороге могилы. Пришло осознание: вот как страшно и плохо было тогда Альку. Теперь понятно, почему он так себя вёл. Но и боролся... А она не может. Может за других — и не может за себя. Идиотский характер. С таким прямая дорога... к Сашю, в бездорожье — он ведь её бог, с тех пор, как помолилась ему тогда, когда думала, что всему конец. И в момолельне с тех пор всего два раза была: когда узнала, что беременна и во время своей свадьбы с Тамелем. Так что, не примет её Хольга... Ни под каким видом не примет. И правильно сделает.

Очень скоро она, Рыска, покинет земные дороги. Чуть больше, чем через месяц это случится... Вот если б с сыном до этого повидаться! Вот если б быть уверенной, что он переживёт. войну. Вот если б знать, что её любимый забудет её и со временем успокоится. Хотя, он-то взрослый. Так много всего в жизни повидал. Конечно, забудет... Будет дальше жить, как прежде...

— Не буду, — послышалось совсем рядом, и Рыска вздрогнула.

— Что — не будешь? — спросила она стоящего рядом Алька. Надо же, даже не заметила, что он пришёл за ней! Так непривычно видеть его с распущенными волосами... И почему всякая ерунда лезет в голову, когда нужно думать и говорить о серьёзных вещах?

— Ни я и никто другой не будет жить дальше, как прежде, если тебя не станет, — как всегда спокойно пояснил он. — Детям нужна мать, а я... Я так и подавно сойду с ума и отправлюсь следом за тобой, — просто сказал Альк.

— Почему? — не поняла Рыска.

Альк присел рядом с женой, заглянул ей в глаза и произнёс:

— А помнишь, что говорил мой дед? — она кивнула, вспоминая, а Альк продолжал, — Так оно и будет. Если ты умрёшь, то я тоже.

— Ты же говорил, что у дедушки малярия... — опустил глаза, вздохнула Рыска.

— Так ты же мне не поверила!

Она устало посмотрела на него.

— И что теперь делать?

— Жить, — просто ответил Альк, — Дальше жить.

— Но времени всё меньше!

— Зато и дорога ясней, — Альк взял Рыску за руку, — Поверь, очень скоро мы увидим, что нужно делать.

Рыска придвинулась ближе к Альку, приклонила голову к его плечу.

— Я боюсь ничего мы не успеем, — прошептала она, — И вообще, боюсь умереть, оставить вас всех...

— Ты не умрёшь, — Альк обнял жену, — Я же не умер тогда.

— Но это ведь ты... — Рыска уже не скрывала слёз.

— Но я же с тобой.

Рыска отерла слёзы и постаралась успокоиться. Как и всякой женщине, ей стало легче от того, что она озвучила проблему. Да и всегда её успокаивало присутствие Алька... К тому же, один ведь шанс остается всегда, при любой вероятности. Может быть, и правда, обойдется ещё?..

Служанка принесла варенуху — одну кружку, как Рыска и просила.

— Будешь? — кивнула путница своему мужу.

— Пей, тебе нужнее, — отказался Альк, — Ещё одну неси, — бросил он служанке.

Рыска едва сделала глоток, как кое-что заставило её замереть, а потом и вовсе отставить кружку.

Мелодичный перебор струн всегда завораживал её... А голос...

Этот человек пел и раньше, и неплохо, надо признать. Вот только на гитаре играть не умел. Или она считала, что не умеет... А может, и научился за год с лишним!

То, что молодой парень — саврянин, Рыска видела со своего места. И то, что на гитаре он играет левой рукой — тоже. И, может быть, кто — то другой и не узнал бы его. Возможно, и никто не узнал бы.

Но только не она.

Рыска перевела взгляд на мужа. Он тоже всё понял.

Путница подскочила с места, но Альк остановил её, удержав за руку.

Рыска нахмурилась, села на место. Чем дальше она слушала, тем выше поднимались её брови.

По северным путям их ездит очень много:

Зверь страшный под седлом, а за спиной мечи.

У каждого из них безлюдная дорога.

Не встретишь никогда двух путников в ночи.

Не встретишь их вдвоём... Но подожди немножко!

О том, что не поймёшь уж лучше промолчи:

Есть тот, кто крысой был, а с ним лесная кошка.

Они всегда вдвоём — два путника в ночи...

Они, как свет и тень, дополнили друг друга;

Не страшен им ни снег, ни ливень, ни пожар,
Ни время, ни молва — лишь расставанья вьюга,
Ведь на двоих один горит в сердцах их дар.
Они вдвоём всегда — одни на целом свете,
Но на двоих у них нет ни одной “свечи”.

Им “свечи” не нужны: они друг другу светят,
И легче им в пути — двум путникам в ночи.

... У бешеной реки они вдвоём стояли
Под звон мечей и крик в преддверии войны,
И всё-таки смогли: дорогу поменяли.

Им жизнями с тех пор обязаны все мы.

Забыли о войне лишь за одно мгновенье,
А если б не они, погибли бы в бою.

Им Хольга не дала своё благословенье,
Но принял Саший их давно под длань свою.

Там была ещё пара куплетов, но Рыска уже не слушала, сосредоточившись на главном: имени Сашия, которым их благословили. От злости даже радость её померкла. Вот значит как: ради красного словца!..

Песня закончилась. Молодой человек поднялся со своего места и раскланялся. Не смотря на незатейливость и даже наивность текста, а так же простоту мелодии, творение юного менестреля сорвало бурю оваций. Молодая служанка, которую ещё сто лет назад послали за варенухой, стояла на том же месте, обнявшись с пустым подносом и пожирала парня глазами. Рыска немедленно испытала желание оттащить девицу за косу.

Да-а, рано повзрослел мальчишка...

— Слышь, пацан, так не бывает, — прорвался сквозь поднявшийся в кормильне шум, хриплый голос.

— Да, белокопый, где это ты видел, чтобы путники по двое ходили? — поддакнул кто-то гнусавый.

— Сожалею, господа, но это всего лишь легенда, — нараспев проговорил юноша, собирая деньги в карман тсецкого мундира, в который был одет, — Пошли, — бросил он кому-то и, не давая спору по поводу поднятой в песне темы набрать обороты, забросил гитару за спину и легче тени заскользил между столами. Такое, как у него, надменное выражение лица, Рыска видела в жизни только ещё у одного человека. Служанку, провожающую его глазами, парень даже не удостоил взгляда.

Его приятель, на голову ниже ростом и, в отличие от певца, ринтарской внешности, следовал за ним по пятам. Направлялись ребята к выходу из кормильни.

Когда молодые парни в одеянии тсецов проходили мимо неё, путница успела взглянуться в их лица. Она не ошибалась.

— Нет, ты видел? Ты это видел? — возмутилась она, имея в виду парней, но обращаясь к Альку.

Он ничего не успел ей ответить, потому что как только за юношами закрылась дверь, Рыска вскочила и бросилась за ними.

— А ну, стой! — крикнула она, как только дверь за её спиной ударила о косяк. Оба парня обернулись в ту же щепку. — Сейчас лесная кошка выцарапает кому-то глаза!

Белокосый парень на миг застыл на месте.

А потом — совсем как в детстве! — бросился к Рыске, напроць забыв и о том, что он уже не ребёнок, и о том, что на него смотрят люди. Обо всём на свете...

— Мама! Моя мама! — шептал он щепку спустя, обнимая Рыску.

— Живой... — прошептала она в ответ, тоже обняв сына и погладив по голове.

Она никогда не могла долго злиться на него. И никогда толком не могла ругать. И сейчас не могла...

Она любила его безумно. Он был её радостью, её счастьем, не единственным, но очень важным человеком в её жизни, которого ещё несколько щепок назад она и не рассчитывала больше увидеть.

Однако волна радости вскоре схлынула. Рыска отстранилась от сына и совсем другим, жёстким тоном, с горечью произнесла:

— Ну и как это понимать, Альк? Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Мам, я...

— Ты знаешь, кто ты? — перебила его Рыска, переходя на крик, — Ты сопливый мальчишка, не наигравшийся в войну, которого давно не секли хворостиной и не трепали за космы!

— Да я же...

— Молчать!!! — рявкнула она, — Я прямо сейчас пойду к твоему командиру и скажу что тебе... Вам обоим, — она метнула быстрый взгляд на Даньку (или Ганьку — она так и не научилась их различать), — Ещё нет шестнадцати лет. Вас немедленно отправят домой!!!

— Рысь, успокойся, — Альк обнял жену за плечи, — Дай ему сказать! — попросил он.

— И ты туда же? — она сердито дёрнула плечом.

— Дай ему сказать! — с нажимом повторил муж.

Рыска посмотрела на одного. На другого... У неё давно уже сложилось впечатление, будто она и не принимала участие в появлении на свет собсвенного сына. Она смотрела на подрастающего мальчика и всегда видела в нём лишь его отца. Теперь же, увидев их обоих сразу, лишь укрепила в своём мнении. В парне не было от неё ничего, ни единой черточки. Конечно, на свету, если хорошенько присмотреться, было заметно, что глаза у сына чуть зеленее, а волосы — чуть темнее, чем у отца, но это лишь для тех, кто хотел найти различия. Те же, кто видел их вместе впервые, замечали только их сходство и ничего больше.

— Это твой папа? — шёпотом спросил товарищ сына, глаза на путника.

— Да... — ответил тот, глядя на отца и не веря своим глазам. У обоих парней во взглядах читался неприкрытый восторг.

В детстве Альк обожал рассказывать своим друзьям сказки, главным героем которых был его отец, увиденный им лишь однажды и навсегда оставшийся в его памяти. Когда мальчик узнал, что состоит со своим героем в ближайшем родстве, он был потрясён. А теперь стоял и не мог отвести от него взгляд, ибо сильнее не может быть впечатления, чем когда наяву увидишь того, на кого стремился быть похожим с раннего детства, а в пятнадцать лет — и подавно. И почти то же самое, только на другой лад, происходит, когда будучи ещё молодым и полным сил впервые видишь такого взрослого и так похожего на тебя сына. И если Рыска всегда замечала в сыне лишь те черты, которые она любила и хотела замечать, то Альк смотрел глубже. Он видел не только себя, но и отца, деда, а так же то, что неуловимо отражалось на портретах предков. Пожалуй, он был не прав. Если бы он увидел парня в отсутствии его матери, он не смог бы его не узнать. То, что мальчишка — Хаскиль

по рождению, не вызывало сомнений у Алька и не вызвало бы у его родственников.

— Где песню такую услышал? — глядя на сына, спросил Альк.

— Сам сочинил, господин... — продолжая заворуженно тарашиться на отца, ответил Альк-младший.

— Да какой я тебе господин? — севшим голосом проговорил Альк и первым шагнул навстречу сыну.

Увидев своих самых любимых мужчин обнимающимися, Рыска едва не лишилась сознания от радости. Сердце её готово было разорваться. Пожалуй, она и правда не напрасно прожила эту жизнь.

Всё сбылось... Гордая дворянская семья приняла её. Любимый сын познакомился со своим отцом. Все её любимые живы и счастливы. Ей не о чем больше просить богов. И нечего бояться смерти...

Да о чём она думает?!

Это всё, разумеется, так, но спускать мальчишке с рук то, что он натворил нельзя! А такие песни и подавно!

— Потрудись объяснить, Альк, — снова завела она, — Куда тебя понесло?

Говорила она спокойно, и от этого парню стало не по себе. Хотя он и перерос уже свою маму, по сути остался всё тем же мальчишкой, благоговееющим перед ней. Рыска никогда не била сына. Она давила на него своим авторитетом тем сильнее, чем старше он становился, а с многолетней привычкой сделать что-либо за одну щепку никто бы не смог. О том, какие мать имеет на него права, пока ему не исполнилось шестнадцать лет, Альк тоже знал. И потому побледнел и замер на месте, исподлобья глядя на мать... А потом вдруг твёрдо и с достоинством, хотя и голос, и руки у него предательски задрожали, ответил:

— Мне нечего тебе сказать, мама. Кроме того, что ты и сама понимаешь.

— Так объясни хотя бы то, что понимаю, — с издёвкой попросила путница.

Парень ещё немного помолчал. А потом заговорил, и голос его уже не дрожал. Да и смотрел он теперь прямо, открыто, с вызовом.

— В нашем царствии идёт война, ты знаешь это, — произнёс он, и Рыска фыркнула уловив его тон, — И воюют сейчас все: и старики, и женщины. И многие мои ровесники тоже. — он помолчал, — А раз так, тогда и мне нечего сидеть дома. Вот почему я здесь.

Рыска поджала губы.

— Ты должен был сказать бабушке, — с нажимом произнесла она, и, повысив голос, припечатала, — Ты чуть в могилу её не загнал!

— Я не мог ей сказать! — возразил юноша, — Она бы меня не отпустила и вообще посадила бы под замок.

— Вот и сидел бы! — вызверилась Рыска, — А то понесло его геройствовать. Теперь я посажу тебя под замок, будь уверен! Сопля зелёная! Веди меня к своему командиру! — велела мать.

— Нет! — испугался было сын.

— Я сказала: веди!

— Нет. — тише, но твёрже, снова без страха глядя матери в глаза, произнёс Альк.

Пару щепок они смотрели друг на друга, а потом белокопый парень проговорил спокойно:

— А если хочешь, пошли. — ещё немного помолчал, опустив голову, а потом резко её вскинул, — Только знай, мам, я всё равно сбегу! Так или иначе. В такие времена, когда даже

ты воюешь, я не имею права сидеть, забившись в нору, как крыса.

— Ты не равняй себя со мной! — заорала путница, — Меня учили воевать много лет! У меня есть опыт и совсем другие возможности...

— А у меня есть молодость и желание защищать родину! — парировал Альк, — Есть родные и друзья, которых я люблю и напрасной гибели которых не желаю. Тем более, что война не прекратится и не подождёт, пока мне исполнится шестнадцать. Всё, что ты сказала, мама — оно так. Ты, конечно, права, что я молод и что ты опытнее как воин, но это не отменяет того, что ты женщина, а я мужчина, и поэтому можешь хоть охоту на меня объявить, но я всё равно вернусь в строй рано или поздно. — он скрестил руки на груди задрал нос.

Рыска оторопела на миг, но быстро справилась с собой.

— И всё же я попробую. Веди к командиру! — приказала она, — Я сейчас же вас всех сдам.

— Ты этого не сделаешь... — покачав головой, уверенно сказал сын.

— Почему это? — взвилась мать, — Ещё как сделаю! — она даже развернулась и сделала пару шагов, совершенно забыв, что верхней одежды на ней нет, а на улице мороз.

— Потому, что в глубине души ты гордишься мной, — улыбнулся Альк-младший, — А ругаешься только потому, что сильно переживала за меня... Не надо так, мам... Ты же сама меня таким вырастила.

Рыска ещё немного помолчала, глядя на сына во все глаза, а потом порывисто вздохнула и снова обняла его.

Альк-старший стоял и смотрел на жену и сына с улыбкой. Что Рыска никуда не пойдёт и командиру мальчишку не сдаст, он знал, а прерывать её пламенную речь не было смысла. За два месяца, с тех пор, как они узнали, что парень подался на войну, она сильно испереживалась. Теперь ей просто необходимо было выговориться. Так пусть поговорит!

— Пойдёмте обратно в кормильню, что ли? — предложила она наконец, обнимая сына, — А то тут так холодно...

По щекам путницы струились слёзы, в который раз за этот вечер.

— Нет, мам, подожди, — возразил Альк, отстраняясь, — Тут... случилось кое-что. Вы не могли бы помочь? — спросил он, по очереди взглянув на своих родителей. — Мой друг сильно болен. А нам завтра в дорогу.

Большой отряд, человек, наверное, в триста, остановился на постой в вешке от города, и сын Рыски был прав: молодежь, ещё не достигшая призывного возраста была здесь не редкостью. Мало того: Альк и его товарищи были не самыми молодыми в этом лагере.

— Ты это видишь? — риторически спросила Рыска Алька.

— Да вижу, — со вздохом ответил он.

— Кошмар, — покачав головой, тихо произнесла путница.

— Времена такие, — философски заметил её муж. Он тоже беспокоился за дальнейшую судьбу сына, но во-первых, теперь точно видел, что в ближайшем будущем парню ничего не грозит, а во-вторых, просто мыслил трезвее и логичнее чем Рыска, ставшая в последнее время сама не своя. Да и поступок своего отпрыска, а значит и всех юных патриотов, он скорее одобрял.

— Неужели всё так плохо? — снова спросила она.

Альк ничего не ответил ей, потому что как раз в этот момент они и пришли.

Сын откинул полог одного из небольших тсецких шатров, сшитых из простого, грубого

серого полотна и кивнул матери и отцу, приглашая их войти.

Шатёр, которых вдоль самой дороги стояло великое множество, был рассчитан на десять человек, но в этом было только четверо: трое играли в карты при трепетном свете свечи, а четвёртый... Четвёртый метался в бреду на своем лежаке. Кто-то заботливо прикрыл парня ещё двумя покрывалами, кроме его собственного, но это не могло уже помочь...

— Привет, ребята, где вы были? — проговорил, вставая, один из картёжников, — Вы на ужин опоздали, — сообщил он, — Но мы для вас поесть взяли!

— Как он? — коротко спросил сын. При товарищах голос Алька-младшего звучал совсем иначе. Это был тон предводителя, лидера, главного здесь человека.

— Да так же, — махнул рукой парень. И тут заметил гостей, так же, как и остальные присутствующие, мигом бросившие карты и тоже вскочившие.

Судя по выражению их лиц, не только Рыскин сын не справил ещё шестнадцатилетие, и теперь мальчишки (да, именно мальчишки!) испуганно переглядывались между собой.

— Да не бойтесь, это не за вами, — заметив их замешательство, бросил друзьям Альк-младший, — Это мои родители. В кормильне встретились... Они могут помочь Даньке. Только выйдите, пожалуйста, а то будете мешать.

Испуг на лицах юных тсецов сменился удивлением, и Рыска подавила усмешку. Видимо, рассказы её сына здесь тоже слышали. Только теперь, скорее всего, в этих рассказах главных героев двое. Даже песню сочинил, ишь ты... И чего напустилась на парня? Молодец он, да другим и быть не мог.

Когда все, кто мог помешать, вышли, сын склонился над другом.

— Вот, мам... Со вчера без памяти, — сказал он печально, — Командир сказал, завтра утром в поход, а Данька нам обузой станет... Надо здесь его оставлять. — сын немного помолчал, — Но не можем же мы его просто в снег бросить!.. А времени нет, на север надо идти, и остаться никто не может.

— А в город, в лазарет? — не веря ушам, спросил сына отец.

Альк-младший шмыгнул носом, отвернувшись:

— Там сказали, забесплатно безнадежного не возьмут... Помрёт ведь, как пить дать, я чувствую. Охота им, что ли, потом его ещё и хоронить? А денег нет ни у кого... — сын снова умолк.

— Потому и в кормильню пошли? — снова задал Альк-старший вопрос сыну.

— Да... — уронил парень, — раздобыл гитару у ребят, взял Ганьку с собой и пошёл, — Хорошо, люди попались щедрые, хоть немного денег подбросили... Теперь, если вы ничего не сможете, хоть есть чем в лазарете заплатить. Так вы поможете? Попробуете?..

— Давно заболел? — спросила Рыска у сына, словно не слыша его вопроса.

— Позавчера, — ответил тот, — Да, позавчера. Мы одну ночь здесь переночевали, а наутро у него жар начался. К вечеру ослаб совсем, слёг, бредить стал...

— Почему лекаря сразу не позвали? — перебила путница.

— Приходил лекарь из города, — сказал юноша устало, — Да и в отряде ещё один есть... Сказали, не жилец. Только я уже и без них это знаю. Помогите, пожалуйста... Это же мой лучший друг!

Рыска быстро переглянулась с мужем.

Парень метался в бреду, периодически кашляя. Губы его были в крови. Скоротечная чахотка, промелькнуло в голове у Рыски. Никто уже не мог ему помочь — бессильны были любые средства. Дорогу при такой вероятности (полтысячи к одному), не взялся бы менять

ни один путник. Даже при их с Альком связке это было бы почти невозможно.

Раньше.

А теперь она это могла. Одна.

Только Альк об этом не знал...

Все прошедшие годы она успешно скрывала от мужа то, что её дар претерпел изменения, и признаваться в этом не собиралась никогда. Тем более, теперь, когда почувствовала так близко собственную смерть. Почему она не рассказала ему? Да всё было проще простого: она не хотела, чтобы он это знал... Боялась, что начнёт завидовать, почувствует себя ущербным... Она не желала напоследок, перед смертью ещё и поругаться из-за этого с Альком. И омрачать свои последние дни — не хотела.

Но она не могла и дать умереть мальчику, выросшему на её дворе, лучшему другу своего сына.

— Хочешь, давай попробуем, — проговорил за её спиной Альк. Она обернулась и уставилась на него.

— Мы не сможем... — неуверенно произнесла Рыска.

— Пойди погуляй, сынок, — вкрадчиво произнёс муж, пристально глядя на неё, — Нам с мамой посоветоваться надо.

Как только они остались наедине, если не считать парня без сознания, Альк нахмурился.

— Ничего не хочешь мне рассказать, дорогая? — спросил он с горечью.

Рыска молчала.

— Или ты думала, что я не догадаюсь?

Она снова молчала.

— Я же просил ничего не скрывать от меня!

— Давно ты знаешь? — наконец спросила путница.

— Всегда знал, — со вздохом уронил Альк, — Я бы сдох в Иргемаджине, если бы с тобой и твоим даром такое не произошло. Не помогла бы и наша связка.

Рыска вздохнула — как оказалось, с облегчением.

— Что делать-то? — спросила она.

— Для начала, спасти ребёнка, как ты и хотела.

— А потом?

— А потом видно будет, — Альк сдвинул брови еще ближе. — Опять твои тайны! — раздражённо процедил он.

Они простились с сыном на пороге лазарета, куда всё же пришлось отправить больного.

Конечно, всем троим хотелось пообщаться ещё, но нужно было хоть немного поспать, особенно парню: он и так провел на ногах целый день, выискивая пути спасения товарища, а завтра, в отличие от родителей, у которых были скакуны, ему предстояло маршировать на север, так как войско было пешее.

Несчастному Даньке больше не грозила смерть. Конечно, и в путь ему тоже было нельзя, но теперь, после небольшого отдыха в лазарете, парень поправится и догонит отряд, хвала богам, пункт следования известен.

— Ну всё, — со вздохом сказал сын, когда они вышли за ограду, — Спасибо вам... — он опустил глаза.

Мальчик ещё совсем, подумала Рыска. И усталость не берёт! Скорее всего, он думает сейчас о том, как вернётся в лагерь и какие восхищённые взгляды и слова его ждут. Сказки

сказками, а подтверждение сказок — это уже серьёзно. Сослуживцы теперь умирают от зависти: и знатные у парня родители, и путники, и понимающие: ничего про его возраст не сказали, позволили служить.

Рыска успокоилась по поводу сына, и дело было не только в том, что подсказывал ей дар. Она тоже гордилась им. Да и нельзя пресекать патриотизм. Если так делать, откуда же впредь будут братья рыцари без страха и упрёка и в кого будут влюбляться девушки?

Конечно, естественно, Альк ещё очень молод, но он... готов служить! Он сегодня вполне доказал, что уже взрослый. Многие ли могут этим похвастаться в таком возрасте?

— Ну и песню же ты сочинил! — попеняла Рыска, лишь бы нарушить молчание.

— Тебе не понравилось? — хитро улыбнулся парень.

— Почему же? Понравилось. Особенно про Сашия, — она улыбнулась в ответ, — И как тебе такое только в голову пришло?

— Это художественный вымысел, — пояснил Альк-младший. Помолчал и добавил, — Там раньше другой куплет был, но про Сашия всем больше понравилось.

— А многие её слышали?

— Пока только мой отряд, ну ещё люди в кормильне... А что?

— Да, ничего... Иди сюда, — она снова обняла сына, — И не поговорили толком... Ты береги себя, мой родной, — она отёрла слёзы, — Помни, что мы любим тебя, что бы ни случилось, — поцеловав парня в лоб, она отошла на два шага.

Муж, всё ещё хмурясь, полез за пазуху и через щепку вложил в ладонь сына горсть монет.

— Не надо... — рассматривая деньги, растерянно произнёс парень. Он хотел бы вернуть их в ту же щепку! Но отец его остановил, прихлопнув сверху своей ладонью сжатую ладонь парня.

— Бери, я сказал, — проговорил Альк, — Не хватало, чтобы мой сын ещё пел по кормильням!

У Рыски зачесался язык напомнить один эпизод, но она вовремя его прикусила. Не при ребёнке же!

— Вам за меня стыдно? — с вызовом спросил Альк-младший.

Альк-старший пристально посмотрел на отпрыска.

— Мне было бы стыдно за труса, который бросил товарища умирать в лесу у дороги, — ответил он спокойно, — А так — нет. Всё правильно, — он помолчал и добавил, — Неправильно только одно: что у потомка древнего рода нет денег. Именно эту неправильность я и хочу устранить. И не называй меня на вы!

— Простите, господин... — замялся Альк-младший.

— Ну ты что, издеваешься?..

Рыска решила отойти чуть в сторону, чтобы не смущать своим присутствием мужа и сына. Без неё они быстрее разберутся.

Она подошла к стоящему в стороне Ганьке. И как она могла перепутать их с братом? Данька всегда был хохотун, выдумщик, ни щепки не молчал. Скорее всего, пошёл в отца. Надо думать, таким навсегда и останется. Ганька, напротив, всегда больше держал язык за зубами, как Янина.

— Ну? — кивнула ему Рыска, — Ты как?

Он лишь плечами пожал по своему обыкновению.

— Ты не переживай за брата. Всё с ним будет хорошо, — пообещала она.

— Спасибо, тётя Рыся, — сказал он наконец, — А вы маму не видели?

— Видела, — кивнула путница.

— Как она? — вскинулся Ганька.

— Жива-здоровая. В Ринстане живёт, с моей тётей, — о том, в каком состоянии была несчастная женщина, Рыска решила не рассказывать. С этим можно было разобраться и потом.

— Как она туда попала?

— Я её отвезла, — ответила Рыска, — Там и спокойнее, и вообще...

— Спасибо вам... Спасибо! — зачастил Ганька, — Я как только вернусь, что угодно для вас сделаю! — он бросился целовать ей руки, но Рыска остановила его.

— Ты, главное, вернись, — вздохнула она, — Все трое — вернитесь. А уж тогда... — она махнула рукой и закрыла глаза. Опять проклятые слёзы!

Рано ещё мальчишкам служить... Но с этим уже ничего не поделаешь. А вот то, что сын там не один — это хорошо. Это правильно.

...Всю дорогу до кормильни Рыска молчала. Какой её ждёт разговор, она представляла. Неприятно... Ну и ладно. Зато мальчик жив. И за сына теперь спокойнее стало.

Она вошла в их съёмную комнату первой. Альк, шедший следом, закрыл дверь за собой, и оба оказались в темноте.

От неожиданности Рыска обернулась — и внезапно оказалась в объятиях Алька.

— Пожалуйста, прости, — прошептала она, — Я просто боялась тебя расстроить...

Альк ничего не сказал. Он начал целовать её, нежно и страстно, и Рыска очень быстро забыла про все свои беды.

Годы всё же кое-чему их обоих научили... А может, и не в этом было дело. Может быть, просто незначительна была эта проблема по сравнению с остальными. Или же не хотелось терять драгоценное время, которого оставалось всё меньше?... Кто знает, почему не состоялся скандал?

Но засыпая на плече мужа, Рыска видела за окном бледный свет начинающегося утра. А думала... Она не думала. Ей не хотелось думать.

Она была просто счастлива.

===== Глава 30 =====

— Ну? — грозно спросил Крысолов, сцапав Рыску за правую руку, — Значит, поженились? А учителя даже на свадьбу не позвали? — он повертел изящное кольцо с гербом Хаскилей пальце ученицы, — Как докатились до такого, господи?

— Извините, учитель, просто всё так внезапно вышло! — Рыска взблеснула счастливыми глазами.

— Да ничего! — расплылся в улыбке старый путник, — Вы уж тоже не дети, чтоб под кого-то подстраиваться. Ерунда это, переживу... Но я так за вас рад! Наконец-то! Думал, и не доживу уже!

— А вот меня могли бы и позвать, — попенял Жар, — Я, конечно, тоже за вас рад, но погулять на свадьбе, тем более, в замке, не отказался бы!

— Успеем ещё, — кивнула с улыбкой Рыска, сама не зная почему, но надо думать, под впечатлением от последней ночи, забыв обо всех своих переживаниях, — Вот закончится война — и приедешь к нам в замок, в гости, со всей семьёй, тогда и отпразднуем... — она вдруг умолкла, посмотрев на Алька. Впервые она так сказала: “к нам в замок”. Раньше произносить что-то подобное у неё язык не поворачивался. Но Альк в ответ лишь

одобрительно улыбнулся и нежно сжал под столом её руку. Давно пора.

— Да уж, закончится она, война эта, — отмахнулся Жар, горестно вздыхая, — Больше пяти лет покоя нет. И что это за тсарица-видунья такая, откуда она столько народу берет и как ими управляет?

Крысолов вздохнул.

— Кажется, у меня есть ответы на все эти и другие вопросы, дорогой друг. И эта одна из причин, того, почему я взял тебя с собой: я отвечу на все.

Альк посмотрел на наставника внимательнее.

— Ну, давай, говори, — сказал он.

— Но не здесь же! — Крысолов обвёл рукой зал кормильни.

Старый путник был прав: разговаривать о более-менее значимых вещах в общественном месте не стоило. Мало ли, кто ещё мог находиться в кормильне и слышать их? Поэтому было решено снять комнату, а лучше две и подняться наверх, тем более, что всё равно надо было искать место для ночлега: стремительно смеркалось.

Но хозяин их разочаровал: свободных комнат на эту ночь в его заведении не было. Другую кормильню искать было бесполезно: в Чеговицах, небольшом городке, куда учитель вызвал Алька и Рыску путничьей почтой, другой кормильни попросту не было.

— Пойдёмте в Пристань, что ли, — досадливо, с явным нежеланием снова выходить на мороз, проговорил Крысолов.

— А меня кто туда пустит? — буркнул не менее раздосадованный Жар. За день он устал и замёрз. И не настолько интересно ему было то, о чём должен был рассказать Крысолов. Кровать, на которой можно развалиться, интересовала его куда больше.

— С троими путниками? Не смейся, — успокоил его Альк, — Тем более, Рыска там как родная. Да, Рысь? — подколот Альк.

— Прекрати, — путница шутливо толкнула мужа плечом. Вообще-то, ей действительно было до сих пор неудобно перед Главой Чеговицинской путничьей общины за то, до какого состояния она напилась в его кабинете в свой первый приезд в город.

...Главу путничьей общины городка они встретили прямо у ворот Пристани, с той стороны, где была калитка на его половину, одетого в тулуп и косматую шапку-ушанку, со снеговой лопатой, занятого расчисткой свежевыпавшего снега, не смотря на сгущающиеся сумерки.

— Что ж делом не по рангу занимаешься, уважаемый? Неужто заставить некого? — спросил Крысолов после взаимных приветствий.

— Да кого? — словоохотливо отозвался мужик, оперевшись на лопату, — Ни сына, ни зятя у меня нет, внук мал ещё, да и сам я люблю в охотку свежий снег покидать. Хотели чего или так, поздороваться? — спросил он, отметив, что ему уже приходилось видеть и пожилого ринтарца, и благородного соотечественника. А с женщиной так вообще пришлось сидеть за одним столом при весьма печальных обстоятельствах.

— Прямо и не знаю, как с вами и быть, — вздохнул он, выслушав вечерних гостей, — И отказывать вам не хочется, и поселить вас негде.

— Почему это — негде? — не понял Крысолов, — Неужто ни одной свободной комнаты нет? Здесь ведь глушь настоящая. Откуда народ-то понаехал?

— Ваша правда, дорогой коллега, глушь несусветная, — метнув глазами молнии, согласился здешний путник, нервным жестом откинув одну косу за спину, — Да только граница тут совсем рядом. В Пристани гарнизон расквартирован. Не то, что в гостинице — е

сарая, на дворе — и то мест нет.

Альк покачал головой, явно желая выругаться. Но он больше себе этого при Рыске не позволял. Идти ночевать под сень близкого леса никому не улыбалось. Мало того, что к вечеру усилился мороз, так ещё и неизвестно было, кого там можно встретить, в этом лесу, здесь, у самой границы.

— Может, хоть в кабинет к себе пустите? — жалобно спросила Рыска. Она устала, как никогда. У нее просто ноги подкашивались. Ещё и тошнило от слишком жирного жаркого, которым она сегодня поужинала. Наверное, и предыдущая бессонная ночь давала о себе знать (хотя, об этом-то жалеть не приходилось), и прошедший день, проведенный в седле под снегопадом. Впрочем, ей до жути хотелось прилечь. Альк крепился, но тоже чувствовал себя весьма заезженным, наверное, по той же причине.

— Да и кабинет мой занят, — развёл руками путник, — Я уж два месяца все дела дома у себя решаю: и посетителей принимаю, и почту раздаю. А в кормильню не ходили?

— Да оттуда только! — пробормотал Жар.

Рыска, единственная из всех до сих пор сидевшая в седле, посмотрела вниз, и голова у нее закружилась. Попросить Алька подать ей руку значило расписаться в собственной слабости и вызвать кучу вопросов, а потому она решила спешиться самостоятельно. Приземлилась она в снег, не давший сразу опоры, и голова у неё снова закружилась. Вцепившись в узду своей скакуньи, Рыска, конечно, удержалась на ногах, но произошедшее не укрылось ни от Алька, тут же пришедшего на помощь жене, ни от Чеговицинского Главы, со вздохом махнувшего рукой.

— Устала, милая? — обратится он к Рыске.

Она лишь кивнула, глубоко дыша. Опять напала дурнота. Ох, не надо было столько есть... А какой голод был! Зверский!

Путник вздохнул.

— Что ж, на улице в мороз да снег живых людей не оставляют, — сказал он, — Раз некуда вам пойти, так ночуйте у меня дома. Правда, комнату только одну на всех могу предоставить. Потерпите? А для скакунов — только навес, да сено на ужин. Ну как?

— Просто замечательно! — просияв, ответила за всех усталая Рыска.

— Ну, тогда, добро пожаловать, — сказал Чеговицинский путник, кивнув головой в сторону крыльца на жилой половине.

Рыска прилегла — теперь её ещё и познабливало. Альк уселся на ту же кровать (надо сказать, единственную в комнате), взяв жену за руку. Крысолов расположился в кресле у камина, вытянув к огню усталые ноги. Жару досталась шаткая табуретка. Конечно, хозяйка пообещала принести пару матрацев для него и Крысолова, да только что-то пока не торопилась.

Он с завистью посмотрел на “голубков” и подумал, что когда-то такое и представить было невозможно. Но это с одной стороны. С другой, то, что Альк и Рыска созданы друг для друга, было видно чуть ли ни с первого взгляда на них. Но как же хорошо всё-таки, что поженились! То, что Рыска жаждет этого всей душой никогда и ни для кого не было секретом. Но этот-то! Довольный донельзя, хоть и хмурится, как всегда. Сидит с ней, по руке её гладит, с такой нежностью, что сердце замирает. Поглядев на это пару щепок, Жар не стал просить саврянина подвинуться, чтобы и ему тоже усесться на кровать. Пусть радуются друг на друга, подумал он. Им сейчас ни до чего, всё по боку: и друзья, и родственники. Им хочется быть только вдвоём.

Однако Рыска уже и сама заметила, что её названный брат испытывает неудобства и позвала:

— Иди, садись сюда. Подвинься, Альк!

И вот тут Жар окончательно оторопел, потому что Альк ПОСЛУШАЛСЯ(!!!), хотя и метнул на бывшего вора недовольный взгляд. Обалдеть!

— Рысь, да я и здесь посижу, не надо! — начал из вежливости отказываться Жар.

— Да, ладно, иди, садись сюда! — ворчливо позвал уже Альк. Пришлось пересесть.

— Ну, все уселись? — спросил Крысолов, — Теперь слушайте.

Он помолчал щепку и начал.

— Я долго размышлял о тсарице-видунье, прочёл много книг, советовался с коллегами и кое до чего докопался, но обо всём по порядку.

Итак, Виттора училась вместе с тобой, доча. Это уже ни от кого не секрет. И...ты лично познакомилась с ней перед войной.

— Жаль, я её не убила, — вставила Рыска мрачно.

— Да, жаль, — вздохнув, согласился путник, — И ведь надо было потом добить, а я, старый дурак, решил, что она может пригодиться... Но начну я с другого.

Я отлично помню способную девушку, которая всегда радовала наставников. Хольга отсыпала ей таланта — на троих хватит. Она была одной из лучших на вашем потоке. И если ты, доча, брала усидчивостью, старанием, упорством и стремлением быть кое на кого похожей (Альк с ухмылкой взглянул на Рыску и покачал головой. Она пожала плечами в ответ), то Витторе всё давалось само собой. Она легко обучилась теории, преуспела в практике, освоила боевые дисциплины — да так, что многие парни ей и в подмётки не годились. Такую грех было не выбрать путницей.

— А меня, значит, не грех? — встрял Альк.

— Я ещё раз повторю, если ты забыл: я голосовал против, — с нажимом произнес Крысолов, — Не перебивай, пожалуйста, больше, а то забуду что-нибудь важное... Тем более, да будет тебе известно, Альк, Виттора по некоторым достоверным сведениям состояла в связи с кем-то из наставников. И, похоже, даже не с одним.

— А, ну тогда, все понятно, — согласился Альк, — Приношу извинения: не оправдал надежд, — добавил он с сарказмом.

Рыска молча дёрнула мужа за косу, которая была к ней ближе, и нахмурилась. Больше Альк наставника не перебивал.

— Семь лет быстро прошли, — продолжал Крысолов, — Девушка на “отлично” сдала все дисциплины, успешно прошла последнее испытание, получила грамоту и первую “свечу” и... больше в Пристани её никто и никогда не видел. Это, конечно, ерунда. Для беспокойства это причиной не является. В истории Пристани тысячи примеров, когда в жизни путников случалось что-то такое, что мешало продолжению службы, скажем, приключалась тяжёлая болезнь. А может быть, заключался счастливый брак, когда не хочется надолго уезжать из дома (особенно к этому, кстати говоря, склонны женщины). Да и мало ли чего может случиться? Может, умерла она давно! Но тут кое-что произошло, — путник сделал паузу, глядя на слушателей. — Через два года после вашего выпуска, доча, один из наставников увидел девушку в городе, да не одну, а со своей “свечой”, — Крысолов вздохнул, — В образе человека, — завершил он.

Повисла тишина. Присутствующие уставились на Крысолова не мигая, во все глаза.

— И...как им такое удалось? — спросил, наконец, Альк.

— Да так же, как и вам, — ответил путник.

— А нам как удалось? — нетерпеливо задал следующий вопрос саврянин.

— А вы ещё не догадались? — усмехнулся Крысолов, — Всё дело в любви. Или хотя бы, в привязанности.

— Кого к кому?

— Взаимной, надо понимать... — вздохнул путник. — Только так “свеча” может стать человеком.

Помолчали, вспоминая ситуацию.

— Что-то я этой привязанности тогда не заметил, — фыркнул Жар. Немного подумал и покачал головой, — Нет, — увереннее добавил он, — Я ведь всё это от начала до конца видел. Альк у нас всегда только себя любил. А Рыска... Она ведь крыс и саврян всегда больше всего на свете боялась и ненавидела. Так что, он ей в любом виде был неприятен... — покосился на супругов, — Тогда, я имею в виду... Там о привязанности и речи быть не могло. Если только потом... Но тогда не срастается ваша версия!

— Ты не прав, мой друг, — снова вздохнул Крысолов, — То есть, по началу так оно всё и было, но затем, в связи с произошедшим отношение их друг к другу начало меняться. — он улыбнулся, — Лично я с первого взгляда всё понял. Я вот эту картину идиллическую, — он кивнул на Алька и Рыску, — Ещё тогда себе представил и не ошибся. И потом, всё логично: Рыска у нас очень добрая. Не может оставить живое существо в беде, даже крысу. Тем более, после такого рассказа. Ей стало его жалко, а от жалости недалеко до симпатии, а там и привязанности. А Альк... Он, похоже, был ей благодарен, не смотря на всю свою зловредность, особенно после того, как она не оставила его путнику, а решила всё же забрать с собой. С этого-то всё и началось.

То же самое произошло в случае Витторы: она общалась с парнем с первого курса, а когда он стал крысой, она забрала его себе. Любовь-не любовь, а привязанность у них точно возникла за семь лет. И в итоге у них вышло то же, что и у вас.

— Да такого же быть не может! — возразил Альк, — Когда становишься “свечой”, не то, что через два года — через пару недель начинаешь чувствовать себя крысой. И я это, как ты понимаешь, не по наслышке знаю.

— Всё так, Альк, — согласился старый путник, — Но, я думаю, ты согласишься, что не то что ты или я, а многие мудрецы и мыслители, проведшие свою жизнь в исследованиях — и то не знают о даре абсолютно всего. Все наши знания, выводы и измышления — это лишь малая толика, крошечная частичка того, чем дар является на самом деле. К тому же, многие по этому поводу вообще не заморачиваются: научился дороги менять — и хватит с него.

Альк согласно кивнул. А Крысолов продолжал:

— Но есть и те, кто мыслит нестандартно, любит докапываться до истины, до глубин, до истоков. Виттора принадлежит именно к этой категории. Всегда такой была... И вот, её старания, помноженные на талант, дали свои плоды: её “свеча” осталась человеком и не потеряла разума. И возможно, я бы сумел разобраться в ситуации, да вот беда: мне ни разу так и не удалось найти их. Да и за такой срок, надо полагать, парень всяко умер. По-другому и быть не может. Восемь с лишним лет с тех пор прошло... Мне казалось, и года достаточно, но, видимо, это было просто совпадение... — добавил он задумчиво, но вдруг умолк и отвёл взгляд с таким видом, будто сообразил, что сболтнул лишнего.

— Это ты о чём? — не понял Альк.

— Да так...

— Что значит — да так? — прицепился к нему саврянин, — Начал — теперь говори, — с нажимом произнёс он, — К тому же, я давно обо всём догадался. Мог бы и раньше рассказать... про свое... хм, совпадение.

— Не мог... — устало уронил Крысолов.

— Нет мог! — рявкнул Альк, — И это значительно облегчило бы мне задачу!

— Да-а? — с ухмылкой произнёс путник, — И каким образом? Почему ты разделился с крысой, до сих пор никто не выяснил, а в человека тогда ты и без меня превращаться научился. Зачем тебе было это знать?

— Затем, что я бы сразу тогда понял, что могу тебе доверять, — процедил Альк.

— Вы о чём? — попыталась вклиниться Рыска, садясь на кровати, но сжигающие друг друга взглядом Альк и Крысолов даже не обратили внимания на ее реплику.

— Да ни хрена бы тогда не понял! — вызверился Крысолов, — И сейчас не понимаешь! Ты просто от любопытства умираешь — и всё! Ничуть не изменился, каким в двадцать лет был, таким в сорок и остался! — лицо старика на миг исказило страдание, но он быстро справился с собой. — У всех есть тайны, Альк... А это — моя! Я никогда и ни с кем не собирался ее обсуждать.

— Почему же сейчас передумал?!

— Оговорился! А ты и рад стараться — вынь тебе да положи истину! Может сам расскажешь, раз всё знаешь? Как тогда, как раз перед тем, как кое-кто, — он покосился на Жара, — меня камешком угостил!..

Ещё с десятков щепок путники, наставник и ученик, пристально смотрели друг на друга. Давние разногласия, недосказанность, обиды готовы были прорваться наружу.

Почувствовав это, Рыска легонько, незаметно для окружающих погладила Алька по спине, раз, другой, третий... От первого прикосновение Альк недовольно дёрнулся. После второго через плечо покосился на жену. После третьего вздохнул, нахмурился сильнее, но уже более мирно проговорил:

— Может, всё же расскажешь, а то ведь и правда, любопытно? И не только мне.

— Да, расскажите, учитель, пожалуйста! — поддержала мужа Рыска.

— Ты тоже догадалась? — посмотрел ей в глаза Крысолов.

— Мне Альк говорил... — потупилась она, — Да и вообще... Расскажите, пожалуйста.

Путник помолчал немного.

— Боюсь, это охарактеризует меня не с лучшей стороны, доча. Я буду выглядеть... как Райлез. И даже еще хуже, чем он.

— Да говори уже! — раздражённо бросил Альк, не глядя на наставника, — Кем она была?

— Она? — удивился ничего не понимающий Жар, — Действительно, интересно! — забыв об удобстве, он снова пересел на табуретку. Пусть она шаткая, зато поближе к рассказчику.

Крысолов долго смотрел в огонь камина и молчал.

— Впрочем, если не расскажешь, — не выдержал Альк, — Я действительно озвучу свою версию. И тебе придётся постараться её опровергнуть.

Крысолов смерил саврянина взглядом.

— Я расскажу, Альк, — устало уронил он, — Но не потому, что боюсь твоего злого языка... Я сделаю это потому, что вы — мои близкие люди. Ближе, чем у некоторых людей бывают родственники. И потому, что мне до смерти надоело носить это в себе.

Старый путник ещё немного помолчал, обдумывая, с чего бы начать... а потом заговорил, совсем другим голосом — словно помолодев.

— Ее звали Зарина... — начал он, — Она поступила в Пристань на следующий год после того, как я стал путником. Мне тогда было двадцать шесть лет, ей — восемнадцать...

В молодости я особо не стремился стать вольным наёмником. Мне всегда больше нравилась стезя наставника, поэтому, окончив обучение, я остался в Пристани. В первый же год мне дали группу адептов. Среди них я Зарину и встретил. Она была в тот год единственной поступившей девушкой...

Такая милая, красивая, юная... Истинная ринтарка: глаза как вишни, губки алые, косы чёрные... Я полюбил её с первого взгляда — она меня тоже. — Крысолов улыбнулся своим мыслям, немного помолчал и продолжал, — Я заговорил с ней о свадьбе уже через неделю после нашего с ней знакомства. Но она отнеслась к этому так легкомысленно! Словно я ей по городу прогуляться предложил: нет, что ты, я пока не хочу замуж! Впрочем, учёба и дальнейшее путничье звание интересовали её куда больше, чем спокойная семейная жизнь. А вот я тогда был действительно готов всё бросить, покинуть Пристань, оставить все мечты, лишь бы быть с ней.

Хотя, в итоге мы пришли-таки к соглашению: чуть более через год после знакомства, в начале зимы в общежитии Пристани забился дымоход. Топить печи стало невозможно. Было холодно, и адепты мёрзли в своих комнатах, как забившиеся под стреху воробьи. Конечно, всё быстро устранили: на то и столичная Пристань. Уже через три дня дымоход исправили... Но за эти три дня я сумел уговорить Зару переехать ко мне. Мы стали жить вместе.

Так продолжалось четыре года. И за эти годы я полюбил её ещё сильнее. Правда, стал ненавидеть лето, потому что летом она уезжала домой, к родным, и тогда я начинал с нетерпением ждать осени.

Нашу размолвку я спровоцировал сам...

К сожалению, как и один мой хороший знакомый, — Крысолов метнул на Алька быстрый взгляд, — верностью я никогда не отличался. И в один далеко не прекрасный день Зара застучала меня с другой и ушла от меня. Позже мы помирились, но больше она в мой дом так и не вернулась...

Отношения перешли на уровень встреч время от времени. И просто нам тоже не было: мы редкий день не ругались. Но я любил её... Всё равно, любил. И ни щепки не сомневался, что и она меня любит. Как бы там ни было, не смотря ни на подсказки дара, ни на простые логические измышления, я продолжал мечтать. Мне казалось: вот исполниться то, чего Зара хочет, станет она путницей, успокоится и станет сговорчивее. Тогда снова предложу ей выйти за меня, и, возможно, она согласится.

Но влюбленность многим отшибает разум. И со мной так было: я был молод, влюблён и глуп. И не сумел понять что важно, а что нет. Не подумал, какая именно трагедия может в действительности произойти и что по сравнению с этой бедой померкнут остальные... Эх, что ходить вокруг да около? Окончив учебу Зарина стала крысой, — жёстко, словно ставя перед этим фактом самого себя, произнёс Крысолов.

Повисла тишина, которую никто не смел нарушить. Альк, наверное, хотел бы сказать какую-нибудь гадость в своей манере, но вместо этого взглянул на Рыску, вцепившуюся в его ладонь и устало кивнул ей головой. Она тоже ничего не сказала. Только поднесла его руку к своему лицу и потерлась о неё щекой, на миг закрыв глаза.

— У меня в те времена, — вздохнув, продолжал свой рассказ Крысолов, — Тоже был

человек, которому я безгранично доверял, которого очень уважал и считал самым-самым — мой учитель, старший наставник. Я обратился к нему с просьбой помочь, и он не отказал: похлопотал, и Зару отдали мне. Но это было лишь начало моих бед. наших с ней бед...

Я попросил в Пристани длительный отпуск и увез её из Ринстана, в глубинку, на юг, туда, где жила моя мать. Стоит ли упомянуть, что как только я истово пожелал, чтобы Зара стала человеком, как так оно и произошло?

Итак, признавшись во всём моей матери, мы поселились у неё, в небольшом городе у самой границы. Там тоже была Пристань, в библиотеке которой и прошёл следующий год моей жизни. Я перечитал за этот год больше книг, чем за всю свою предыдущую и последующую жизнь. Но и это ничем не помогло. После прочтения всех этих книг, а так же, припомнив всё, чему учился столько лет, я пришёл к выводу: всё, что я могу сделать для Зары — это отпустить её по обряду. То, почему она не становится больше крысой, я тогда так и не понял. Это дошло до меня гораздо позже, через очень много лет. Да и не имело это, как оказалось, никакого значения: становясь человеком, “свеча” всё равно остается “свечой”.

Делать было нечего. Время шло. Обряд оказался единственно возможным путем спасти мою любимую. Но тут снова возникла проблема: мне нужен был ещё один путник для помощи в обряде. А ещё... Ещё требовалось моё как владельца “свечи” желание её отпустить. И если надеяться на помощь своего учителя я мог (ведь однажды он мне уже помогал!), то желания отпускать Зару не имел никакого.

Как и у вас, дорогие ученики, у нас с Зарой получилась очень сильная и прочная связка. Мне страшно было её разрушать, тем более, обо всех последствиях этого разрушения я точно знал, и это лишь во-первых. А во-вторых, Зарина была обижена на меня, так же, как и Альк впоследствии. Я прекрасно понимал, что как только отпущу её, она тут же покинет меня. И этого я боялся ещё больше. И потому медлил. Тянул... Думал. — он вздохнул, — Но так ничего больше и не придумал.

А потом... Потом у неё участились приступы безумия. Они и так имели место, но я старался, как мог, беречь её: совсем не зажигал, лишней раз не беспокоил. Выполнял любое её желание. Очень любил... За этот год, что мы провели с ней вместе, были в нашей жизни и радостные моменты. Но теперь я понимаю, что она чувствовала... Это словно праздник накануне твоих похорон... Это намного страшнее, чем просто один раз умереть... — он некоторое время смотрел вникуда, а потом пристально взгляделся в Алька, — Ты был во всём прав, — кивнув, произнёс старый путник, — Мой учитель либо ошибся, отдав мне Зару-“свечу”, либо сделал это нарочно, зная, что отпустить её я не смогу. Прав так же и в том, что я и не отпустил её, и не смог использовать. — он снова вздохнул, — И снова прав: в случае с тобой я пытался исправить и ту ошибку тоже...

— Как она умерла? — перебил наставника Альк.

— Очень прозаично, хотя ей, наверное, казалось иначе...

Моя мать держала мясную лавку в городе. И был у неё нож — здоровенный такой, чуть ли ни с меч величиной... — Крысолов помолчал, явно пытаясь справиться со слезами, ибо есть раны, которые с годами не заживают. Просто уходят вглубь. — Вот им она и зарезалась... Сначала высказала мне, что давно поняла моё нежелание отпускать её, а потом прямо у меня на глазах вскрыла сонную артерию... Зрелища ужаснее я в жизни не видел и врагу не пожелаю увидеть, — он снова помолчал, — А потом я похоронил её и вернулся в Ринстан. Долго там, конечно, не прожил — вскоре началась война, а после неё я так на

дорогах и остался. Пока не постарел, и Пристань не призвала меня. Дальнейшее вам известно...

На этот раз тишина наступила надолго. Требовалось время для осмысления. Всем.

Рыске до ужаса хотелось обнять и попытаться утешить учителя, и будь они одни, так бы она и поступила. Но в присутствии мужа и названного брата она этого сделать не посмела.

А потом хозяйка дома вежливо постучалась в комнату и попросила помочь ей с матрацами. Жар и Альк вышли следом за женой хозяина дома, и они остались один на один.

— Почему вы вдруг сравниваете себя с Райлезом? — насмелилась спросить путница своего учителя.

Крысолов невесело усмехнулся, продолжая смотреть в огонь камина.

— А с кем ещё? — спросил он, — Законы и традиции Общины попрали и предали — это раз; умом слегка тронулся — два; решил, что что-то могу сам, без помощи коллег и Пристани — три. И “свечу” отпустить, как и он, не смог. А хуже него потому, что он-то Алька ненавидел, а я Зару любил. И всё равно — не отпустил. Кишка оказалась тонка...

— Нет! — жарко возразила Рыска: история потрясла её до глубины души, — Это только потому, что вы боялись, что она вас потом бросит! А вовсе не из-за жажды власти или сумасшествия, как Райлез!

— Ох, доча, доча, — по-стариковски прокряхтел Крысолов, — Ты ведь тоже боялась, что Алька держит с тобой только “свеча”. И тоже не хотела его терять. Но делала то, что тебе говорили...

— Я мало что тогда понимала!

— А если б поняла, если б имела такую возможность, то отпустила бы его. Не смотря ни на что — отпустила бы. Я уверен, — подвёл итог путник, — Так что, не оправдывай меня. Мне нет прощения, потому что сам себя я никогда не прощу, — он резко поднялся и вышел, тихо притворив дверь.

Луна светила в небе над заснеженным городком. С востока снова напозлали облака — тихо, крадучись, словно без участия ветра. Да и не было никакого ветра. Тишина стояла такая, что звук открывающейся двери показался жутким треском пополам со скрипом, отдающим сразу в мозги.

Крысолов не обернулся, так и продолжал стоять, скрестив руки на груди и глядя на луну.

— Ну ты что? Пошли, холодно же! — угрюмо буркнул Альк. На морозе, после теплого, заботливо протопленного дома, в накинутом поверх рубашки кожухе, его мигом затрясло.

— Я думал, не ты придёшь, — на миг обернувшись через плечо, бросил Крысолов.

— Я её не пустил, — сделав ударение на первом слове, произнёс Альк, — Она плохо себя чувствует... Да какая разница? Ты долго собираешься здесь торчать?

— А может, я сегодня решил в каприз обвалиться, как ты у нас обычно делаешь. Вот теперь стой тут со мной и суши мои сопли! — полуворчливо-полушутливо ответил Крысолов.

— Ещё чего! Я сейчас уйду! — пригрозил Альк.

— Не уйдёшь, — спокойно проговорил путник.

— Ещё как уйду! — саврянин взялся за дверную ручку.

Наставник с усмешкой взглянул на ученика и напомнил:

— Если вернешься без меня, Рыска выскочит на улицу сама, тут же, и ты её не удержишь. А потом ещё и пилить тебя будет. Уверен, ты этого не хочешь.

— Ой, ладно, — сдавшись, проворчал белокопый. Постоял немного молча и произнёс совсем другим тоном, не глядя на наставника, — Я и не знал, что всё было так серьёзно, — помолчал еще, — Но ты ведь сам говорил, что то, что нас не убивает, делает нас сильнее.

— Или калеками, — задумчиво произнес старый путник, — Твои слова.

Они ещё немного постояли и помолчали — как раньше, как много лет назад. Альк чувствовал, что мороз уже забрался под рубашку и начал робко пока, но уже вполне ощутимо покалывать совсем недавно затихший шрам, но всё равно не торопил наставника.

— Знаешь, — сказал наконец Крысолов, — Было ведь время — я жить не хотел. На войне смерти искал... Да и после войны лучше не стало. Мне помогло только одно: мои ученики, уже потом, когда я вернулся в Пристань. И особенно один... Это ты, Альк, — он повернулся, и саврянин смог разглядеть при свете луны его улыбку. А так же в очередной раз отметить: старый он уже. Совсем старый...

— Да ладно, — Альк сдержанно улыбнулся в ответ.

— Нет, это правда! И... я не мог позволить тебе погибнуть. Если бы тогда это понимал, тебе было бы легче!

— Ну хватит уже... — совсем смутился Альк. Таких откровений он никогда не любил и не приветствовал: чувствовал себя неловко.

А Крысолов, словно не слыша его, заключил:

— Я очень благодарен тебе, что вызвал меня на этот разговор. И вообще рад, что вы у меня есть.

— Пошли уже, я замёрз, — вздохнул саврянин, — Всё это я знаю. Но... раз ты такое уже видел... Должен был понимать, — тихо произнёс он, отведя глаза. И, наверное, это означало, что конфликт многолетней давности наконец-то исчерпан.

— Если б не понимал, убил бы тебя без разговоров — и всё, — объяснил путник, — Ладно. Закрыли тему. Ты расскажи лучше, как вы с Рыской-то наконец друг друга нашли? Я уж и не верил, что сойдётесь. А тут — поженились!

Альк довольно улыбнулся.

— Не поверишь: мой отец нас свёл.

— Давно?

— Да уж больше двух лет...

— А сына... то есть, детей, ты видел?

— Видел, — вздохнул Альк, еле заметно улыбнувшись, — Дочку на своём седле от вески до столицы вёз, а с сыном... вчера ночью общался. Случайно встретились. Он тоже в строю.

— Он же молодой ещё! — удивился Крысолов.

— Из дому сбежал, — с гордостью возвестил Альк.

— Хаскиль! — в тон ему заметил учитель, широко улыбувшись.

— Ну а то ж!

Старый путник посмотрел в небеса. Его беде было так много лет... Он давно уже не страдал. Так, вспоминал иногда. С горечью, но просто вспоминал. То, что происходило вокруг сейчас, трогало его сердце гораздо сильнее. И те, кого можно любить, у него теперь были. А значит, жизнь его не была напрасной.

Забыть свою первую любовь ему было не суждено. Но теперь он наконец-то по-настоящему отпускал её.

— Ты иди, Альк, раз тебе холодно, — сказал Крысолов, — Я сейчас тебя догоню.

Прикрывая дверь, Альк успел заметить, как с неба снова посыпал тихий, пока ещё редкий снег, а на луну напоззло облако — как одеяло.

Ему и самому захотелось скорее в теплую постель, под одеяло, к Рыске... Как же он устал сегодня! Но нужно было ещё дослушать то, что хотел сообщить Крысолов, а значит, спать было рано. Сейчас, подумал Альк, наставник вернётся и разговор продолжится.

Однако в комнате царил такой уютный полумрак, что думать ни о чём, кроме сна, было невозможно. Тем более, что в комнате никого, кроме спящей Рыски не оказалось. Она лежала на боку, укрытая одеялом по самую шею. Узкую ладонь она положила под щёку, а чёрные волосы, чуть волнистые после кос, разметались по всей постели. Смотреть на спокойное, безмятежное, совсем молодое лицо её, слушать ровное дыхание было без зависти совершенно невозможно. Да ещё так хотелось её обнять...

“ Прилягу всего на щепочку. Даже косы расплетать не буду, — подумал Альк, — Тем более, Крысолов же сейчас придёт...”

Но стоило ему прилечь, как Рыска, не открывая глаз, оплела его словно плющ, затянула в тёплый кокон, что с мороза показалось ему просто сказочно приятным, и Альк — всего на щепочку! — закрыл глаза.

*

Кто-то дотронулся до его плеча, и Альк мгновенно открыл глаза. Склонившийся над ним Жар приложил палец к губам и кивнул на дверь.

Осторожно высвободившись из Рыскиных объятий, Альк поднялся из постели. Он ещё слабо соображал со сна, зато дар подсказывал ему, что произошло что-то очень нехорошее.

— Что случилось? — встревоженно спросил он у Жара, как только они вышли за дверь, чтобы не тревожить спящую Рыску.

— Крысолов куда-то пропал. Я уже лучину, как проснулся, а его всё нет. Да и не было, похоже: постель не смята.

Альк огляделся по сторонам и оторопел.

— Уже утро, что ли? — запоздало удивился он.

— Будто сам не видишь...

И правда: в небольшое, заснеженное окошко мягко лился тускловатый свет позднего зимнего утра.

Альк подумал. Могло быть и так, что у старого путника появились какие-то дела с утра пораньше. Мало ли, они ведь в Пристани находятся, так или иначе. Возможно, послание какое-нибудь пришло ещё ночью, и он срочно уехал... Но во-первых, он непременно разбудил бы кого-нибудь и сказал, что срочно уезжает, а во-вторых... Вернувшись в комнату, саврянин лишь вздохнул. Его тревога возросла, ибо и сумка Крысолова, и его меч были на месте, там, где он оставил их вчера.

Альк накинул кожух и спешно вышел во двор. Жар не отставал ни на шаг.

Под навесом, где они вчера оставили своих скакунов, со вчерашнего вечера ничего не изменилось: три нетопыря и одна корова как стояли, жуя сено, так там и остались.

А вот во дворе кое-что изменилось: заботливо расчищенные накануне дорожки за ночь заровняло снегом, да так сильно, что и не понять уже было, где именно они находятся. Стоило сойти с крыльца, как ноги погружались в снег по колено. И снег продолжал лениво падать, успев за ночь выбелить и двор, и деревья, и само утро.

— Иди обратно в дом, — напряжённо произнёс белокопый, оттесняя Жара к двери.

— Ты чего? — не понял тот.

— Уйди, говорю, на пару щепок. Ты мне мешаешь, — пояснил Альк и напрямик, без дороги, направился к навесу.

Жар слишком много лет общался с видунами, чтобы просто уйти и спокойно ждать, когда Альк вернётся и что потом ему скажет. Он и без дара, просто по голосу и тону белокомого всё понял. Нужно было будить Рыску, что он и сделал.

... Пройдя через двор по глубокому снегу до большого стога сена, Альк нашёл возле него Крысолова. Вернее, он почувствовал, что найдёт его там, как только стог попал в поле его зрения. И если б не навес, построенный для защиты сена от непогоды, искать пришлось бы дольше, а может быть, и безуспешно, потому что снег, заматывая предметы, глушит дар так же, как и слух: не понять, что именно чувствуешь (это Альк знал по опыту).

Старый путник полусидел, привалившись к стогу с подветренной стороны, где снега намело меньше, чем с противоположной, был слегка припорошен и выглядел неживым. Сено и снег кругом были залиты замерзшей уже кровью. Возле самого стога было слегка натоптано, но дальше следы терялись. За ночь их занесло напрочь.

Альк смотрел на это всего полщепки, не более. А потом просто подхватил своего учителя на руки (надо сказать, оказался он очень тяжёлым) и потащил в дом. Разбираться, жив путник или нет, а также выяснять, что с ним произошло и кто это сделал, следовало в тепле.

В камине жарко пылал огонь. Наконец-то стало по-настоящему тепло.

Кровать, на которой на животе лежал старый путник, Рыска велела подтащить поближе к камину, а окно занавесила покрывалом.

Крысолов оказался жив, но изранен, да к тому же, сильно переохлаждён. Несколько ран на теле старика не были так уж серьёзны, и умереть от них он не смог бы. Но была и по-настоящему серьёзная рана, в виде широкой полосы кожи на затылке и шее, словно снятой острым мечом. Видимо, кто-то хотел отрубить путнику голову, но то ли сил у этого кого-то не хватило, то ли Крысолов увернулся. А вот почему его не добились потом, было в самом деле непонятно, как и неясна была личность (скорее даже, личности) покушавшихся на него.

Самым плохим было то, что Рыска и помочь-то своему учителю как полагается не могла. Другим могла, себе могла, Альку... А вот ни учителю, ни детям — не могла, кроме того, что мог бы сделать любой обычный лекарь: не могла она менять дороги видунов.

Впервые в жизни она осознала такое вот своё бессилие, и это было ужасно. Но печалиться по этому поводу не было смысла, тем более, тайной это никогда и не было. Просто путница не осознавала этого раньше.

Она сделала, что могла: промыла и перевязала рану учителя. Хорошо хоть кровь, хлынувшую с новой силой, как только Альк занёс бесчувственного путника в тепло, удалось остановить, а то в какой-то момент Рыске показалось, что конца ей не будет, этой крови. Вся постель ей была залита, и не перетянешь даже... Очень трудно оказалось справиться там, где дар — не помощник. Но она очень старалась. Она смогла, наконец, и как следует согреть его. Теперь оставалось только ждать.

День был потерян: как только Рыска приняла на себя заботу о Крысолове, Альк с Жаром пошли за стражей, и до самой темноты вызванные угрюмые мужики в мундирах тсецов, но с цепкими взглядами ищек исследовали двор (хотя, и ежу понятно, что ничего там найти не удалось бы), задавали им всем, включая хозяев дома одни и те же неприятные вопросы.

А самым худшим было то, что учитель так и не рассказал им всего, что собирался, а уж

то, что это был ключевой момент их встречи, было ясно как день.

Не обсуждая это, Алык и Рыска молча ругали каждый себя за одно и то же: за то, что начали этот разговор о личной жизни путника, не дав ему поведать им главное и за то, что после предыдущей, практически бессонной ночи безмятежно заснули, и никто не почувствовал близкую беду.

К вечеру Крысолову стало хуже: у старика начался жар и бред. Поняв, что сама не справляется, Рыска попросила Алька сходить за лекарем в город. Глядя на мрачную, не склонную к общению подругу, Жар решил идти вместе с Альком.

— Зачем ещё? — неласково спросил саврянин, обвешиваясь мечами, — Я и без тебя дорогу найду. Ещё не дай божиня, те, кто старика ранил, в городе остались, да захотят до нас добраться. Не хватало мне ещё тебя защищать!

— Да я, к твоему сведению, уже давно сам себя защитить могу! — выпятил грудь Жар.

На это Алык лишь криво улыбнулся. Ну да, научился бывший вор держать меч — и что? Толку-то с того если выскочат откуда ни возьмись человек десять головорезов?

— Сиди здесь, я сказал! — рявкнул Алык, берясь за дверную ручку.

Жар не то что бы стремился геройствовать, просто не знал, куда себя деть в обществе еле живого Крысолова и угрюмо-сосредоточенной Рыски. Мало того, он вообще ничего не понимал, с того самого момента, как получил от Крысолова послание, в котором тот срочно вызывал его в Чеговицы и собирался распросить белокомого по дороге. Алык же прекрасно догадался, что Жар вцепится в него с распросами, как только они останутся одни и не хотел этого разговора, потому что понятия не имел, что отвечать, более того, сам мучился неизвестностью.

Рыска же злилась на себя за бессилие и не хотела, чтобы кто-то видел её в таком состоянии. Ей легче было отправить восвояси обоих, чем остаться с кем-то одним. Тем более, путница точно знала, что никто на её мужчин нападать в городе не собирается.

— Пусть Жар идёт с тобой, — бесстрастно произнесла она, обращаясь к мужу.

— Да зачем он мне?..

— Пусть идёт. — повторила она.

— Слыхал? — Жар с торжествующим видом начал одеваться.

... С тех пор лучины четыре прошло. Однако Рыска не волновалась. Дар подсказывал ей, что это просто лекарь сильно занят.

Но смотреть в глаза окружающим и разговаривать с ними, пока Крысолову не станет лучше, или хотя бы, ясней, что с ним будет дальше, путнице не хотелось: она чувствовала свою вину. Да и просто привыкла за годы одиночества прятаться от всех, когда наваливалась беда. Лучше, думалось ей, она сначала поговорит с лекарем, а уж потом...

Присев на табуретку возле постели раненого, Рыска взяла его за руку и вздохнула. Что ж теперь будет с учителем? Рана очень серьёзная. И дар его в данном случае — только помеха; не только она — ни один путник ему не поможет. И старый он уже, лет шестьдесят пять, наверное. Алык вот намного его моложе — и то периодически вспоминает о своей старой и казалось бы зажившей ране. И если у Алька это уже никогда не пройдет, то у Крысолова и подавно. Хорошо уже то, что жив...

Рыска смахнула слезу.

Она одновременно и воин, и лекарь; ей нельзя плакать. Но как это сделать, если лежащий без сознания и мечущийся в бреду человек близок, как родной отец?

Он научил её всему, что она умеет. Он был рядом, когда никого больше не было, всегда

верил в неё и, наверное, действительно любил как любят свою дочь... И неужели он теперь погибнет? Семь из десяти, что погибнет... Понятное дело, что на войне — как на войне, что рано или поздно кто-то из близких отправится на небесные дороги, но как же это страшно!.. Только не учитель!

Только не учитель. Только не Альк. Только не Жар, не тётя, не дети... Многого хочешь, путница. А самое главное, прекрасно знаешь, что будет, сегодня, наверное, яснее чем раньше...

Старик застонал, пошевелился и открыл глаза. Рыска тут же бросилась к нему.

— Доча... — прошептал он хрипло, как только сумел понять, кто перед ним, — Доча, слушай... Слушай меня. Езжайте на остров... На Пелигос... Она там, доча... Жар пусть едет с вами. И... не разлучайтесь с Альком. Вам нельзя...

— А вы? — всхлипнула Рыска.

— Меня оставьте... Главное: остров... Убей Виттору... — он еле говорил, тяжело и часто дыша. На лбу выступили капли пота, и Рыска поспешила промакнуть их полотенцем.

— Кто вас так, учитель?

Наверное, старый путник ещё много чего хотел сказать, но закашлялся и снова потерял сознание. Из его раны опять хлынула кровь. Рыска, давась слезами, снова взялась за перевязку. Старая повязка была отброшена ею в сторону — не до того путнице было.

Когда кровь снова была остановлена, она осмотрелась и увидела крупную крысу, обнюхивающую валяющуюся на полу окровавленную ветошь.

— Проклятая тварь! — прорыдала Рыска и кинула в крысу чем попало (как оказалось, под руку попало полено, ибо сидела она рядом с камином). А сама упала на колени у постели раненого и заревела в голос.

Ну как же это подло! На учителя была вся надежда! Он уже знал, что следует делать, а они так глупо упустили момент, когда ему нужна была их помощь! Это не он сейчас умирает — это всему тсарствию приходит конец. Это оно погибает в корчах вместе со всеми жителями... А всё из-за того, что вчера, не смотря на смутную тревогу она думала не об общем деле, а о том, что устала и плохо себя чувствует, потому, что позволила себе уснуть.

Растянувшись на полу, она заревела громче...

Конечно, дело не только в ней или в них во всех. Но разве от этого легче? Разве легче от того, что весь мир сошел с ума?

Что вообще случилось в нём? Зачем нужны войны? Ради чего? Неужели только ради власти? Разве это повод убивать такое количество людей? Может быть, только ей этого не понять, может, она так и осталась тупой весчанкой, а таким, как Виттора, известен истинный смысл войны?

Да конечно же нет!!!

Эта Виттора — само зло. Это так, иначе как она смотрит по утрам в зеркало? Кем собирается вырастить своего ребёнка?

Ведь такого просто не должно быть... Люди обезумели, не иначе, раз поклонились ей и легко убивают своих соотечественников, своих братьев — ради какой-то эфемерной цели. Неужели они надеются, что с приходом тсарицы-видуньи к власти им станет лучше? Неужели думают, что та, которая ни за что ни про что убивает женщин и детей, отнесётся к ним по-доброму?

Скорее всего, они вообще не думают. Просто, как и она, жаждут власти. Похоже, им просто мало воздуха, земли, воды. Они не хотят жить в мире. Они хотят золота и власти...

Пожалуй, Альк был прав, говоря, что люди всегда найдут, за что подражаться. Но разве такие средства можно оправдать хоть какой высокой целью? Разве можно?..

Наревевшись, Рыска поднялась с пола, отряхнула и поправила одежду. Она не заметила этого, но когда выпрямилась, отерев слёзы, она словно стала другим человеком. Совсем другой... Собственная смерть впереди, которую она почувствовала так давно, стала вдруг размытой и какой-то неважной. Она умрёт? Это ещё неизвестно. Один шанс есть всегда.

Но уж до этой твари, с подачи которой (а это так — она чувствует) ранен учитель, а так же убиты и ранены многие хорошие люди, сволочи, благодаря которой она так редко видит своих детей, беспринципной мрази, покусившейся на её мужчину, она точно доберётся, и пусть это будет последним, что она сделает в жизни.

— Я отомщу за вас, учитель, — глухо произнесла чернокосяя путница, — Я докажу, что вы ненапрасно прожили и жизнь и воспитали столько учеников. А потом... вернусь, и мы ещё вместе посмеёмся над всем этим... — пообещала она с горечью в голосе.

Ничего такого ей не представлялось, но Рыска сказала это на зло своей судьбе. И ей стало легче. И, наверное, поэтому, когда дверь открылась, впустив в комнату немолодого незнакомого саврянина, Жара, Алька и Главу Пристани с женой, путница совершенно спокойно и по-деловому поговорила с лекарем и помогла при осмотре. Получив рекомендации от благообразного пожилого человека и заручившись тем, что начиная с завтрашнего дня он станет ежедневно посещать больного, а так же вручив вознаграждение, она сама проводила лекаря, а затем сказала:

— Теперь всем спать. Завтра с утра в путь.

— Я после такого не усну, — буркнул Жар. Каким он был, таким и остался. Что в молодости, что теперь боялся крови. Служба в столице не сделала его более закалённым за столько лет... Хотелось пожалеть его и утешить. Но вместо этого она жестко бросила названному брату:

— Вот и прекрасно, сиди с учителем. А я посплю. Только разбуди завтра пораньше.

— Пусть, наверное, Жар здесь, с ним и остается, а мы на север поедем? — предположил Альк несколько неуверенно. Почему-то ему тоже казалось, что Жар должен ехать с ними.

— Нет, мы все едем, — возразила Рыска, по-прежнему ни на кого не глядя. — Вы позаботитесь о нем? — обратилась она к хозяину дома, — Это мой отец, — произнесла она далее, как никогда в жизни веря в то, что говорит, — Я... мы, — она метнула взгляд на спутников, — Будем вам очень признательны, — и, вытащив горсть монет, она вложила их в ладонь гостеприимного, уже не впервые пришедшего ей на помощь человека.

— Да... конечно, — слегка смутившись, ответил тот, — Но не надо денег, — он высыпал златы на комод, — Вы когда вернетесь? — риторически спросил он.

— Можем и не вернуться, — уронила Рыска, — Но я очень надеюсь на вас. Я знаю, что вы не оставите его. Но уж если вернёмся... Я щедро вас отблагодарю. А теперь давайте отдыхать. Впереди трудные дни.

По-прежнему ничего было не ясно. Кроме одного: после слов на пару щепок пришедшего в себя учителя медлить больше нельзя. Надо торопиться в путь. На север. На этот трижды клятый остров.

Так они завтра и поступят.

===== Глава 31 =====

...До северного побережья Саврии от Чеговиц Альк, Рыска и Жар добрались за четыре дня. Жарову корову оставили у Главы Пристани, а самого Жара пересадили на более

быстроходного скакуна — нетопыря Крысолова, справедливо рассудив, что хозяину этот скакун если и понадобится, то весьма нескоро, а им нужно торопиться.

По дороге Рыска более или менее чётко объяснила своим спутникам всё, что успел сообщить ей учитель, не вызвав никаких восторгов с их стороны. Дело казалось невыполнимым.

Остров Пелигос уже несколько лет служил оплотом армии тсарицы-видуньи, и никто за почти шесть лет войны так и не смог туда прорваться. На этот остров враги отступали каждый раз, как только терпели очередное поражение.

Идею пробраться туда втроём иначе как безумной назвать было невозможно. А уж попытаться убить тсарицу-видунью, владеющую умами, собравшую народы под свои знамёна, с лёгкостью использующую как “свечу” любого видуна, сумевшую среди бела дня сбежать из охраняемой камеры было безумием в чистом виде.

Однако именно этого хотел Крысолов, и потому отрицать эту идею тоже не стоило.

— Ладно, — решил, наконец, Альк, когда до побережья оставался один дневной переход. Дискуссия на привале в очередной раз ни к чему не привела, — Давайте сначала доберёмся до моря, а там решим. Не дурак же он, в самом деле, чтобы просто, послать нас туда на смерть, — как всегда, в моменты переживаний, есть он не мог, вместо обеда затачивая мечи: теперь и свои, и Рыскины.

— А вы уверены, господа видуны, что эта самая тсарица-видунья вообще на острове? — с опаской спросил Жар, — А то притащимся туда, как последние дураки, а её там нет как нет!

— Там она, — буркнул Альк и замолчал. Рыска, тоже молча, и совершенно без аппетита ела, отвернувшись от спутников. Из неё в последнее время вообще слова вытянуть было невозможно.

— Я вот только думал, — снова начал Жар, — Что победить врага легче, когда он беззащитен. А там, на этом острове, наверняка уйма её приспешников. Правильно ли будет лезть в самое сердце осинового гнезда?

— Раз Крысолов сказал — туда, значит, пойдём туда, — слегка повысил голос Альк.

— Давно ты его слушаться стал?

Саврянин прожёл друга взглядом.

— При чём здесь это? — стараясь не злиться, спросил он, — Я теперь и сам чувствую, что так будет правильно. Ты как, Рысь?

— Я с тобой согласна, — не поворачиваясь, односложно ответила путница.

— А ты с ним всегда согласна, — ревниво укорил Жар, — Вот я бы не пошёл!

— Мы тебя и не заставляем, — пожала плечами Рыска, через плечо серьёзно взглянув на названного брата, — Там много чего может случиться. Если тебе страшно...

— Куда ж я от вас? — перебил её Жар, махнув рукой. Он был знаком с Крысоловом много лет и уважал старого путника не менее, чем Альк и Рыска, — Тем более, мне он тоже говорил быть с вами.

— Вот видишь, и ты его слушаешься, — спокойно заключил Альк, глядя на юг, в ту сторону, откуда они приехали. Да, думал он, очень плохо, что так получилось. Знания, советы, да даже само присутствие Крысолова облегчило бы их задачу в разы. Да и условий в этой задаче было бы куда как побольше, а значит, и решить её легче. Да и вообще, Крысолов — по жизни оптимист. С ним просто и легко начинать любое дело. Хоть бы выжил, просто так, ни почему, чтобы повидаться ещё хоть раз...

О том, кто ещё может не дожить до конца войны, Альк предпочитал не думать, хотя сон о Рыскиной смерти теперь снился ему так часто, что хоть вообще не спи. Похоже, то, что снилось белоконому столько раз, всё же случится и очень скоро... Наверное, как раз на этом острове и случится. И, видимо, там тоже есть эта проклятая Длань... Хотя, было в предчувствиях Алька и кое-что хорошее: например, своей смерти он не видел.

Вот только то, что будет с ним самим в случае гибели Рыски, он давно понял, и это было ещё хуже.

*

До северного побережья Саврии друзья добрались к вечеру следующего дня и сразу же увидели расположившийся среди прибрежных скал военный лагерь, да такой большой, что охватить его одним взглядом было невозможно: он простирался в обе стороны на многие вешки. Удивительного в этом ничего не было, ибо именно здесь, на севере и происходила в последнее время основная часть стычек с врагом и здесь же требовалась наиболее надёжная защита.

Остановиться в этом лагере было разумным шагом — так они решили и поступить. Во-первых, это было правильно в смысле безопасности, а во-вторых, следовало потолковать немного с воинами, а может, и с военачальниками, выяснить, что к чему и на основе этого продумать свои дальнейшие действия. К стати, транспортное средство для отправки на Пелигос здесь раздобыть тоже было проще всего.

Итак, лагерь обошли с востока, и только собирались начать искать место для ночлега, как Рыска, взглянув куда-то влево, радостно рассмеялась.

— Ну хоть раз повезло, — проговорила она и устремилась туда же. Жар сразу же понял, что именно его подружка там увидела. А вот Альк просто последовал за спутниками, лишь по дороге разглядев, что именно их так порадовало. Уже смеркалось, а в сумерках видел он плохо и с каждым прожитым годом — всё хуже.

...Большой шатёр командующего армий с фамильным гербом стоял чуть в стороне от основного лагеря и выглядел в сумерках чем-то похожим на замок, возвышающийся над веской. Увидев его, Альк сначала не поверил глазам, а потом впервые за последние дни улыбнулся.

Уже практически стемнело, когда войдя в шатёр, друзья увидели и господина Хаскиля, и его гостью, госпожу посла Иргемаджина. Высокопоставленные особы беседовали у огня, попивая чай.

Когда взгляды ринтарки и иргемаджинки встретились, аристократка радушно улыбнулась, а весчанка, хоть и давно уже ставшая путницей, вдруг почувствовала свою ущербность, и сначала вытянулась в струну, затем поникла... В душе её бушевал ураган. С одной стороны, Рыску обуревала ревность. С другой, она была даже рада. Ведь именно этого она на днях и хотела: чтобы приехала Марина. Вот и пусть будет так. Раз ей суждено погибнуть, Альк по крайней мере будет не один...

— Я на улице подожду, — уронила путница и осторожно высвободив из руки мужа вмиг похолодевшие пальцы, скользнула назад, вон из шатра.

Жар нашёл Рыску в роще, недалеко от лагеря, сидящей на пне, замершей, как каменное изваяние и смотрящей в пустоту. Хорошо хоть нехолодно сегодня, подумал он, но всё же снял с себя кожу и накинул на неё. Рыска, казалось, даже не заметила этого.

— Долго собираешься мёрзнуть? — спросил он, — Простудишься ведь. Пошли уже,

меня за тобой послали. Там ужин подают.

— Я не хочу, — уронила путница.

— Рысь, что с тобой? — не понял Жар, — Хватит переживать. Мы все здесь... Мы тебя защитим (на этом месте Рыска беззвучно, невесело хмыкнула и метнула на Жара быстрый взгляд). Пошли... А то ведёшь себя прямо... как Альк тогда, в пещерах...

— Да не в этом дело! — оборвала его Рыска.

— А в чём?

— Там эта Марина. Я туда не пойду.

Жар пожал плечами.

— И что? — не понял он, — Она нам не враг. Предложила свою помощь, между прочим.

— Она любовница Алька, — изрекла Рыска.

— Тьфу ты! — Жар аж ногой притопнул, — Тут судьба всего царствия решается, а ты о такой ерунде...

— Ерунде?! — вскинулась Рыска, — Я бы посмотрела на тебя, если бы тебе, не дай богиня, такая ерунда выпала! Да ещё и перед смертью!

— Да ты чего, Рысь, с ума сошла?

— А ты бы не сошёл?

— Я тебя просто поддержать пытаюсь!

— Иди вон его поддержи! — совсем уж истерически выкрикнула Рыска, — Слюни распустил, как только увидел её! А ты иди, иди, может, она и тебе даст! — со злостью добавила она.

Она ещё много чего говорила, но Жар уже не слушал. Он просто смотрел на подругу и качал головой. Ему было её искренне жаль, но он не мог помочь.

— Ты дура, — беззлобно произнёс он, когда она умолкла.

— А ты кобель! — прошипела она. Кричать больше не могла: голос сел, — Такой же, как и мой муженёк. Оставьте меня оба в покое! Дайте сдохнуть хоть...

Жар цокнул языком, постоял ещё немного, а потом ушёл. Что толку её убеждать? Она не ребёнок. Многих вообще насквозь видит. Да и поднадоела её упёртость и замкнутость за последние дни. Надо рассказать Альку — и пусть сам с ней разбирается... А то ему, Жару, ещё перепало, кобелём обозвала. А он, между прочим, с самой свадьбы Селине не изменял! Да что они, эти женщины, вообще в любви понимают? Откуда им знать, что значит любимая жена, та, от которой и на шаг уходить не хочется?

Продолжая вздыхать, он побрёл в лагерь. Тоска по дому, жене и детям, которых не видел уже полгода, тоже находясь в армии, постепенно вышла на первый план, вытеснив обиду на Рыску.

— Где она? — спросил Альк, выглянув из шатра.

— Да тут, недалеко, в роще... Не трогай её, в каприз обвалялась, — посоветовал он, — А то поругаетесь ещё...

— Так, мне это надоело, — оборвал его Альк. Ревность со стороны Рыски как правило никак не проявлялась, но на то он был и видун, чтобы чувствовать, что происходит с его женой. — Марина, пойдём со мной, — окликнул он иргемаджинку.

Увидев их вдвоём, Рыска оскалилась.

— Хоть подождали бы, пока сдохну... — бросила она и отвернулась.

— Рысь, я ведь тебе уже говорил... — раздражённо начал Альк.

— Подожди, — оборвала его Марина, — Можно, мы поговорим наедине, Альк?

— Да, правильно, иди отсюда, смотреть на тебя не хочу, — поддержала её Рыска. Впервые за два года она так грубо разговаривала с мужем. — Иди и жди. Сейчас мы передерёмся, кто-нибудь падёт в бою, а ты достанешься победительнице, — добавила она, уже не зная, злится или шутит. Всё перемешалось, и отличить одно от другого было невозможно.

— У тебя совсем крыша поехала, — покачал головой Альк. Он, разумеется, понимал Рыскино состояние, но всему же на свете есть предел! Так грубо с ним никто и никогда не смел разговаривать.

— Точно, поехала, — согласилась с ним Рыска, — И всё началось с того дня, когда я решила поверить одной крысе!

— Пожалуйста, иди, — тихо шепнула Альку Марина, и он, махнув рукой, оставил их одних.

Рыска продолжала сидеть и злиться — теперь уже на себя. Она верила Альку (да и проверить, если что, вполне могла). Поводов для ревности больше чем за два года, с самой свадьбы у неё не было — он держал данное ей слово. Но ревность существовала теперь словно сама по себе, наполняя её до краев, стоило женщине — совершенно неважно какой! — приблизиться к Альку на расстояние вытянутой руки.

Рыска не говорила об этом мужу. Но сгорала от этого чувства изо дня в день. Ревновала к служанкам в кормильнях, к торговкам на рынках и в лавках, к дамам на приёмах во дворцах и замках, где им приходилось иногда бывать, к прошлым и будущим, к тем, кого видела и не видела и даже к тем, кого сама придумала.

Как-то раз, в конце прошлого лета вообще произошёл вопиющий случай. Дело было в саврянской столице, которую Рыска среди всех городов этой страны не любила особенно — как и собственно Саврию, не смотря на объединение. Так вот, переходящая дорогу старуха лет восьмидесяти, не меньше, запнулась на брусчатке, ушибла колени, да ещё яблоки из её корзины раскатились во все стороны. Альк, как настоящий мужчина, помог пожилой женщине подняться, отряхнул от пыли, собрал яблоки в корзину. Бабуля улыбнулась во все свои три зуба, и, произнеся: ” Спасибо, красавчик!” — и поковыляла дальше.

Рыска, всё это время стоявшая рядом со злым выражением лица, скрестив руки на груди, поспешила отвернуться. Альк что-то говорил ей, но она не слышала. Её раздирало изнутри.

— Мужчине же не положено таскать корзины! — ядовито заметила она, когда обрела способность связно говорить.

— Да я только яблоки собрал, — пожал плечами Альк, — Думал, ты наоборот рада будешь, — добавил он, но Рыска особо не прислушивалась. Она смотрела вслед уходящей бабуле. Жутко хотелось её догнать и надеть корзину ей на голову. С Альком она не разговаривала тогда полдня, ссылаясь на головную боль.

Нетрудно себе представить, что произошло с доброй Рысей, когда она увидела, как её муж радостно приветствует на незнакомом языке девицу, о роли которой в его жизни ей было доподлинно известно.

— Я хотела... извиниться перед вами, госпожа Рысь, — начала Марина.

Рыска молчала, не глядя на неё.

— Я знаю, что вам всё известно... Простите меня. Так получилось...

Рыска молчала.

— Если б я знала... Вернее... мне говорили, что господин посол не связан узами

брака... Я про вас... уже потом узнала.

— Он тебе сказал? — наконец, подала голос Рыска.

— Да, — вздохнула Марина, — Он нечаянно назвал меня вашим именем. Простите, госпожа... — она помолчала, — Он любит только вас.

— Да знаю я... — буркнула Рыска, — Поделаться ничем с собой не могу.

Горячая волна схлынула. В голове у Рыски прояснилось. Путница немного успокоилась и повернулась, пытаясь разглядеть иргемаджинку в поздних сумерках.

Марина оказалась красивой, весьма похожей на ринтарку. И на неё, Рыску, тоже. Ростом невысокая, на полголовы, наверное, ниже путницы, но видно, что сильная. И тоже воин, с мечом за спиной. А самое интересное, что было в девушке — это её причёска. Интересно, как можно заплести столько косичек? Наверное, на целый день работы.

— Так вы меня простите? — ещё раз спросила Марина.

— Я на тебя и не сердилась никогда, — вздохнула Рыска, — Знаю, что ты его спасла. И вот это всегда ношу, — она закатала рукав и показала обмотанные в четыре оборота вокруг правого запястья бусы — отшлифованные осколки жёлто-зелёного камня, нанизанные на леску. Марина улыбнулась. — Просто... ревную очень... — добавила Рыска, — И когда такое происходит, я словно не я.

Угрюмая путница и сама не поняла бы, почему вдруг её потянуло на откровенность. Да только не успела об этом подумать. Просто сказала — и всё. Как будто прорвало.

— Не вижу в вашей ревности ничего удивительного, — неожиданно поддержала её Марина, — Ведь ваш муж... он такой... Я восхищаюсь им! — наконец, произнесла Марина, снова улыбнувшись, — Он словно драгоценный камень, бриллиант в монаршей короне: все знают, что он им не достанется, но посмотреть, а тем более, дотронуться, всё равно хотят. И вполне понятно, что такое сокровище следует тщательно охранять, ни на миг не теряя бдительности...

— А ты бы такое сокровище хотела? — в лоб спросила Рыска, снова чувствуя поднимающуюся ревность.

Марина пожала плечами.

— Когда-то, может быть, и да, — с лёгкой грустью произнесла она, — Но сейчас я замужем. Не имею права по закону, да и... нет, уже не хочу, — она покачала головой с сомнением, которое Рыске совсем не показалось. Да, отметила путница, он всё ещё нравится ей... С этим уже ничего не поделаешь.

— А вот если бы меня не стало, — печально спросила Рыска, — Если б я умерла... Ты бы бросила мужа, чтобы быть с Альком?

— Что?..

— Ты поняла меня, — утвердительно произнесла Рыска, — Не надо удивляться. Просто ответь.

Марина вдруг поникла и села на широкий пенёк рядом с Рыской. Мгновенья летели одно за другим, но Марина молчала. Рыска не то, чтобы умела читать мысли: у неё было ощущение того, о чём человек думает. И в этот раз она чувствовала одно: да, да, я хочу! Хочу!

— Ну так что, Марина? — переспросила она.

Девушка поднялась и не глядя уже на Рыску, произнесла:

— Моя религия запрещает говорить о смерти, если она ещё не наступила. Простите, я не буду отвечать...

— Ладно... — вздохнула Рыска, — Не бери в голову. Я не хотела тебя обидеть.

Они немного поговорили и пошли к шатру, когда уже совсем стемнело. Приступ ревности окончательно отступил, и Рыска выяснила, что Марина светлый, положительный, не способный на подлость человек и что намерения завладеть её сокровищем иргемаджинка не имеет. Однако, вместо радости, она забеспокоилась сильнее: так значит, Марина замужем. Так значит, её надежды не оправдались.

... Ни сна, ни аппетита у Рыски и так не было, а тут ещё, вернувшись в шатёр, она обнаружила, что Альк куда-то ушёл. Понятное дело, что по делам, а не для того, чтобы её позлить, но ей почему-то захотелось именно позлиться, покричать, поплакать, обратить на себя чьё-либо внимание. Или ещё лучше: пойти его искать, а потом устроить ему прилюдный скандал. Большое усилие воли потребовалось ей, чтобы именно так и не поступить, а тихо усесться у огня, вздрагивая от каждого шороха.

Пошло две лучины. Все давно легли спать, а Алька всё не было, и теперь Рыска разволновалась по-настоящему. И хотя дар подсказывал: ничего не случилось, всё пока в порядке, что-то другое перекрывало голос и разума, и дара. Что-то женское, нерациональное, глупое... То, что она всю жизнь в себе подавляла, а сейчас по какой-то причине не могла.

Но как только она, не выдержав, поднялась и накинула кожух, Альк вернулся.

— Ты куда? — спросил её муж, столкнувшись с ней на выходе.

Рыска сразу же задрала нос и напустила на себя безразличный вид. Дудки, не узнает он, как она переживала!

— Пойду пройдуся, — холодно произнесла она, — А ты ложись. Мне что-то не спится сегодня. — и она, не оглядываясь, вышла.

Но не успела Рыска сделать и пары шагов, как Альк догнал её.

— А ты куда? — спросила она как можно более безразлично, но сердце её при этом подпрыгнуло от радости.

— С тобой, — спокойно ответил ей муж, — Я тоже не хочу спать.

— Завтра, вполне возможно, тяжёлый день. Лучше б ты отдохнул, — напомнила она. На душе у неё было гадостно. Её мучила совесть за собственные слова, те, что сказала ему в приступе ревности.

— То же самое относится и к тебе. Но какой смысл ворочаться без сна? Лучше провести время с пользой. Поэтому, пойдём, — Альк взял Рыску за руку.

— Куда? — удивилась она.

— А вон туда, где стог сена стоит.

Рыска пригляделась. Возле самой рощи, на фоне светлого неба, действительно вырисовывались очертания большого стога.

— Зачем?! — искренне удивилась Рыска.

— Угадай, — мрачно ответил Альк. Честно говоря, он обиделся на жену. Поводов для её ревности он давно уже не давал. С самой свадьбы.

— Не-ет! Там же холодно! — воспротивилась Рыска.

Однако воспротивилась только на словах. Ни вырывать свою ладонь из руки мужа, ни упираться она даже не собиралась.

— А там, — Альк кивнул на шатёр, — Народу полно. Ты же у нас стеснительная, — заметил он, — А потом пора будет в путь, и вряд ли на корабле нам предоставят отдельные апартаменты. Так что у нас сегодня, считай, последняя ночь. Не стоит проводить её так бездарно, — он улыбнулся и поцеловал Рыску в губы.

Путница вздохнула, покачала головой и всё же согласилась. На сеновале — так на сеновале. Прямо как молодые, которым больше нигде! Даже весело... Небольшой мороз, конечно, присутствует, это да, но вдвоём теплее, да и в крайнем случае, всегда можно вернуться обратно, если будет слишком уж холодно.

От таких мыслей даже на душе повеселело. И захотелось кое-чего, как обычно...

Интересно, подумала Рыска, а хотела бы она Алька так же сильно, если б они не расставались, если бы прожили все эти годы вместе? Наверное, нет. Хотя, кто знает? Их медовый месяц и так затянулся — на целых два года. Редкую ночь они просто спят, как правило, по вполне банальной причине, вроде её личных женских неприятностей. Или это от переживаний и страха потерять друг друга так усиливается желание? Возможно, и так. Тем более, после любви, как правило, просто хочется спать, а не думать.

Но стоило им подойти ближе к стогу, как она увидела маленькое строение, сторожку или небольшой сарайчик. Единственное окошко мягко светилось.

— Ну вот, тут кто-то живет, — разочарованно произнесла Рыска.

— Естественно. Но только не сегодня, — сказал Альк и, толкнув от себя небольшую дверь, прошел внутрь, слегка пригнувшись. Рыскину руку он так и не выпустил.

— Что это? — не поняла она, оказавшись внутри.

— Чудо цивилизации, — пояснил Альк, — Всё для вас, госпожа Хаскиль.

Рыска огляделась. В небольшом помещении, размером с каморку, в которой она жила, когда училась в Пристани, а может, и меньше, уместились лишь стол, узкий топчан, маленькая печка и табуретка. Особой чистоты тоже не наблюдалось. Но было так тепло! Как будто и зимы нет.

И у неё возник закономерный вопрос:

— Это кого же ты ночью на улицу выгнал?

— Почему сразу выгнал?

— А как же?..

— За деньги, разумеется. Снял для тебя этот шикарный номер-люкс.

Рыска всё продолжала стоять и глазеть по сторонам. В такой ситуации, в полевых условиях, навес над головой — это уже благо. А найти место для ночлега, отдельное от всех да ещё и отапливаемое — почти невозможное счастье!

Конечно, за два года, с тех пор как Альк повернулся к ней такой неожиданной стороной, она многое повидала, и даже такое, на что, как ей казалось, он вообще не способен. Но почему-то именно сейчас вдруг по-настоящему оценила все его старания. Именно теперь многое поняла... И снова хлынули слёзы!

— Ты долго собираешься стоять и плакать? — серьёзно спросил её Альк, — Или ты недовольна?

— Очень довольна! — пролепетала Рыска, сбрасывая кожух.

... Четыре лучины спустя, когда всё закончилось, а спать Рыске так и не захотелось, она спросила мужа.

— Альк, а помнишь ту песню про двух путников... про нас, которую пел наш сын?

— Ну да... — сонно ответил Альк. Вот он как раз-таки спать очень хотел, уснул бы через щепку, если бы она его не окликнула.

— И что ты думаешь? — бодрым голосом произнесла Рыска, садясь на топчане.

— Ничего не думаю. Спать хочу, — честно признался Альк, легко укладывая Рыску обратно, в узенькое пространство между собой и стеной. Но она затрепыхалась, сбросив его

руку и снова садясь.

— Нет, подожди! — произнесла она, — Ты слышал, что он сочинил?

— Конечно, слышал, — с легким раздражением ответил Альк, — Ложись, Рысь, давай спать. Завтра рано вставать.

Рыска недовольно фыркнула.

— Стенка холодная и мне тесно! — закапризничала она.

Альк с готовностью сдвинулся к стене и снова попытался уложить жену.

— А так я упаду! — снова недовольно буркнула она.

— Не упадёшь, — пообещал Альк, обнимая её и прижимая к себе. Похоже, поспать ему сегодня не дадут.

— Упаду, — упрямо твердила Рыска, — И теперь мне жарко от печки!

Альк прицокнул языком. С него теперь тоже слетел сон.

— Пошли обратно в шатёр, — предложил он.

— Да ну, — отказалась жена, — Тут теплее. Только тесно и неудобно.

— Лучину назад ты об этом не думала.

— А теперь — думаю!

— На тебя не угодишь! — вздохнул он. А потом лёг на спину и уложил Рыску на себя. И в самом деле, топчан оказался узким и жёстким. От стены явно было холодно, а от печи — жарко. Вот только раньше такие мелочи Рыску не волновали... — Теперь удобно? — спросил он.

Она пожала плечами.

— Теперь — да. Но долго ты так выдержишь?

— Неважно. Спи давай.

— У тебя завтра всё будет болеть! — предостерегла она.

— Спи, говорю...

— Не хочу! — наконец, призналась она и снова села.

— Ты почему в последнее время такая капризная стала? — не выдержав, рывкнул Альк — и тут же пожалел о своей резкости. Смутное предчувствие шевельнулось у него в душе.

— Никакая я не капризная! — с готовностью ответила она в том же тоне, — Мне просто одна вещь покоя не дает!

— Ох-хх... Какая? — спросил Альк, поняв, что она просто не хочет спать и ему тоже не даст.

— Это всё из-за той песни, — сказала Рыска.

— При чём здесь песня? — не понял Альк.

— Просто... — она умолкла, подбирая слова, — Если с этой песней согласиться, то мы с тобой... от Сашия, что ли? — озвучила она наконец свою мысль.

Альк хмыкнул.

— А ты только догадалась, что ли? — спросил он, — Нужны мы Хольге такие? Ты же сама говорила, что мы развратники, прелюбодеи и убийцы. Помнишь, что моя няня говорила? Тех, кто ночью женится, Саший благословляет.

— И ты с ней согласился... — задумчиво произнесла Рыска.

— А что, должен был поспорить? — он помолчал немного, — Ты вспомни хорошенько: всю жизнь, с тех пор, как мы встретились, у нас получается то, что получаться не должно. Нас словно кто-то выручает из безнадёжных ситуаций. Мы вернулись живыми из пещер. К тебе вернулся дар, хотя по логике такого быть не могло. Наша связка не разрушилась. А

когда я мог умереть, ты сумела меня спасти не смотря на разделяющее нас огромное расстояние. Так от кого же ещё мы можем быть?

Рыска вздохнула. Во-первых, она давно это подозревала, а во-вторых, с годами, с приобретёнными знаниями не так уж она и боялась небесной кары. Да и круг общения к таким мыслям не располагал.

— Значит, — заключила она, — После смерти нас ждёт бездорожье?

— Ну, ты мне это ещё много лет назад пророчила, — напомнил ей Альк, — И я ещё тогда тебе сказал, что не боюсь и что мне так даже интереснее. А с тобой — тем более.

Рыска на миг задумалась.

— И мне с тобой — тоже, — подвела она итог — и, наконец, прилегла рядом с ним, пристроив голову на его плече.

Полежала немного, закрыв глаза, и вдруг вскочила.

— Альк! Я поняла! — воскликнула она.

— Что ты поняла? — успев снова задремать, недовольно буркнул Альк.

— Я поняла, что хотел сказать учитель! И про твой сон! И про свою смерть!

— И что?

— Тот остров, Пелигос... Ты же говорил, что видел меня мёртвой среди скал. И чувствовал Длань Сашия... Я теперь уверена: весь остров под Дланью! Сто к одному!

Альк тоже поднялся, соображая.

— То есть... — начал он.

— Виттора, как ты сам говорил, находится там. А в таких местах дар накапливается. Поэтому она потом такая сильная!

Альк кивнул.

— Наверное, — осторожно согласился он.

— И ещё в ней кое-что есть, я подозреваю, — произнесла Рыска, — Помнишь, ты говорил, что совершенно не помнишь её, и тем не менее ребёнок у неё — от тебя?

— Ну помню... — нехотя признал Альк.

— Так вот, похоже, она что-то делает с людьми. Как-то на них воздействует. Это не относится к дару видуны. Это какой-то другой дар...

— Скорее, особенность дара, — поправил Альк, — Какая-то малоизученная особенность...

— Откуда ты знаешь?

— А ты сама подумай. У нашего дара есть некоторые допуски и нюансы — свои у каждого видуна. Можно предположить, что воздействие на умы — это какая-то недоступная другим часть дара Витторы. Кстати, Крысолов как раз-таки говорил, что девушка талантлива и любознательна. Возможно, сумела найти в своём даре эту особенность и развить её. Но это как раз понятно. Непонятно другое: как она с ума не сошла, прожив столько лет под Дланью Сашия? Обычно после пребывания в таких местах, как ты сама, наверное, помнишь, голова болит очень долго. А за несколько суток вообще можно умом тронуться.

— А кто сказал, что она не тронулась? — возразила Рыска, — Столько народу ни за что ни про что положить — это нормально, что ли? Да и видунов в её окружении нет.

— А Берек как же? — напомнил Альк, хотя и это уже было понятно, — И другие, я уверен, тоже. К примеру, тот воин, который ранил меня в Иргемаджине. Я не успел понять, но судя по всему, он носил дар, иначе я смог бы отбить такой бросок.

— А Берек тоже сошёл с ума, — припечатала Рыска, покрутив пальцем у виска, — Как и

все, кто, имея дар, связался с Витторой, благо, таких, похоже, немного.

Альк прилёг обратно, немного подумал и подвел итог.

— Теперь ясно, почему мы должны пробраться на остров и убить тсарицу-видунью, — сказал он, — И как я сам не догадался?..

— Ты о чём?

— О том самом. — он вздохнул, — Понять бы это раньше — и можно было бы сберечь множество людей.

— Да говори уже! — нетерпеливо воскликнула Рыска.

Альк выдержал ещё одну паузу.

— Я думаю, — со вздохом произнёс он, — Что со смертью Витторы война закончится. — он ещё помолчал, — Не будет её, не будет её дара — и некому станет управлять всем этим многотысячным войском. Люди, во всяком случае, абсолютное их большинство, опомнятся, успокоятся и разбегутся кто куда. Не считая, разумеется, тех, кто сам по себе — сумасшедший.

Рыска щепку подумала.

— Почему же война не закончилась тогда, когда я чуть не убила её? Нет, вряд ли... — начала она.

— Вот именно потому, что не убила, — ещё более уверенно произнёс Альк, — А теперь надо убить непременно. — заключил он. — Там, на острове, она будет без дара. И это наш шанс. — по его тону и облегчённому вздоху Рыска поняла: Альк всё решил.

Решил убить тсарицу-видунью самолично.

— Подожди! — снова вскинулась она, — Не стоит забывать: мы ведь там тоже будем без дара, — напомнила она.

— Ничего, — уже совсем спокойно произнёс Альк, — Такое уже было, тогда, в пещерах. Пойду и убью её, — мрачно добавил он. — Или тебе её жалко?

— Мне-е? — воскликнула Рыска, — Да ты знаешь, что она хотела сделать? Она хотела завоевать всё тсарствие, взойти на престол и взять в себе в помощники (и в мужья тоже!) ТЕБЯ! — возвестила она, не скрывая возмущения.

— Да-а? — словно даже обрадовался Альк, — И всего-то? Значит, убивать меня никто не собирается? — он начал подниматься с топчана, — Так что же я тогда делаю в этой хибаре, когда меня трон ждёт?

— Ты что, серьёзно? — у Рыски аж сердце упало. Ничего в жизни она не боялась так, как снова потерять его.

Вместо этого Альк покачал головой и, обхватив её, лёг обратно, прижал её к себе.

— Когда ж до тебя уже дойдёт, что мне кроме тебя никто не нужен? — проговорил он со вздохом, — Почему ты такая ревнивая, а Рысь?

— Не знаю... Боюсь опять остаться без тебя... Больше чем смерти боюсь. — призналась она.

Альк нежно поцеловал её и крепко обнял.

— Альк? — снова позвала Рыска.

— Что?

— А я у тебя какая? — зачем-то спросила она.

— В смысле — какая?

— По счёту?

— Тебе зачем?

— Хочу знать.

— Ты опять начинаешь?

— Скажи! — настаивала Рыска, — Считай это моим последним желанием перед смертью.

Альк глубоко вздохнул.

— Ты думаешь, я считал? — спросил он серьёзнее.

— И всё же?

Альк ещё крепче прижал Рыску к себе, поцеловал в висок и сказал:

— Ты у меня уже очень давно — единственная. Других нет и не будет.

Рыска давно спала, а Альк, продолжая обнимать её одной рукой, смотрел в темноту и думал. Покоя не давали им же самим сказанные слова.

Единственная. Другой нет и не будет.

Самому не верится. И тем не менее, это правда. Это так.

Надо же, даже признаваться в этом было не стыдно...

Перед глазами промелькнули те, с кем он в разные времена делил постель. Не все они были случайными. Попадались среди них и те, кто оставил так или иначе след в его сердце.

Те, в чьей смерти он винил себя.

Те, что годы спустя всё ещё приходили к нему во сне.

— Эй, Альк, проснись, к тебе пришли, — окликнул его сосед по комнате.

Белокосый юноша с трудом разлепил веки. После целого дня занятий он так устал, что рухнул на кровать, не раздеваясь и тут же уснул.

С постели он еле поднялся — у него болела каждая мышца. В последнее время их стали гонять так, что даже ему приходится тяжело, не говоря об остальных, этих слабаках, которым и учиться-то не надо — всё равно прямая дорога в крысы.

— Кто пришёл? — недовольно спросил Альк. Вообще-то, разговаривать с такими, как эти двое, сидящие за столом, один из которых — дремучий весчанин, а второй, хоть и дворянского рода, но тупица непроходимый, сын посла в жизни бы не стал, да ведь поселили же в одну комнату! Скорее бы уж доучиться и навсегда распрощаться с ними.

— Там, — не поворачиваясь, ответил ему парень.

— Где — там? — плохо соображая после сна, рявкнул Альк.

— Чего орёшь, белокосый? — без тени уважения спросил сосед, — За дверью, конечно! Сюда ей за каким Сашием?

С Алька мигом слетел сон.

— Завтра вернусь, поговорим ещё! — пообещал он.

Задерживаться он теперь не мог. За окном уже темно. Это произойдёт сегодня...

Быстро переплёл косы, поправил помятую одежду, глянул мельком на своё отражение в окне — сойдёт, не до этого сейчас! — и скорее выскочил в коридор.

— Ж-жених! — фыркнул один из оставшихся в комнате парней, глядя на товарища, когда за Альком закрылась дверь.

В тёмном коридоре он сначала никого не увидел. А потом от стены отделилась тень.

— Ладея! — позвал он. Сердце как всегда при виде неё затрепетало. Он протянул ей руку для приветствия, а она... Она вдруг схватила его за руку и потащила за собой, ничего не говоря.

В её комнате никого не было. Лишь свеча горела на столе.

— А где твоя соседка? — спросил Альк, осматриваясь.

— Нет её. На каникулы уехала, — глухо ответила девушка.

— Что-то рано...

— Она на третьем курсе. Их уже отпустили... — Ладея вздохнула и посмотрела ему в глаза, — Ты проводишь меня? — попросила она, и голос её предательски дрогнул.

Она вообще была непохожа на себя сегодня. Обычно жёсткая, сильная, заглядывающая буквально в душу прищуренными жёлто-зелёными глазами и постоянно слегка насмешливо улыбающаяся, сегодня она была тиха и подавлена.

— Конечно! — улыбнулся Альк, зная, что ей предстоит и стараясь поддержать, — и провожу, и подожду, пока не выйдешь оттуда.

— Не надо, — попросила она жёстко, — Ложись спать лучше. Если всё будет хорошо, я прийду к тебе сразу же.

— Обещаешь? — спросил Альк.

— Обещаю, — кивнула Ладея, — Отвернись на щепочку. Мне надо переодеться.

Он отвернулся к двери, борясь с желанием подсмотреть. Если б не дворянское достоинство, так и сделал бы!

А когда она разрешила повернуться, увидел её в сером шёлковом балахоне, всего на миг, потому что Ладея тут же подула на свечу, и комната погрузилась во мрак.

А в следующую щепку она сама обняла его, прижавшись всем телом. Девушку била крупная дрожь.

— Я боюсь, Альк... Мне страшно... — шептала она.

Но он уже не мог ни о чём думать. У него даже дар отказал. В голове вообще ничего не было. Судорожно прижимая к себе тело, явно обнажённое под серой хламидой, он чувствовал только одно: что хочет её, немедленно, прямо сейчас... Интересно, если сказать ей “я тебя люблю”, она согласилась бы ему отдаться? Она ведь тоже этого всегда хотела. Просто не признавалась... Ну, говори же — и она никуда не пойдёт! Она останется и откажется от испытания. Она ведь относится к тебе так же, как ты к ней... Ну и пусть весчанка, зато умная, красивая, самая лучшая! Да и нечего тебе терять, некуда вернуться. Останешься с ней... Стоп, и Пристань, что ли, придётся бросить?..

Ладея порывисто вздохнула и отстранилась.

— Пойдём... — уронила она, и выпорхнула в коридор.

Альк шёл за ней, стараясь унять участившееся дыхание и рвущееся вон из груди сердце.

— Только не жди меня, очень прошу, — повторила она на пороге учебного корпуса.

— Да, конечно, — кивнул Альк. — Ты только заходи сразу, не тяни. Всё уже решено. Вызовут — и сразу иди.

Ладея кивнула, ещё на щепку обняла его и легонько коснулась губами его губ.

Когда, шурша своим одеянием, она растворилась в гулком коридоре, он постоял ещё, держась одной рукой за стену. Впервые Ладея поцеловала его — сама, и теперь у него голова кружилась.

Нет, конечно, девушек у него было до неё предостаточно. Но ни одна не вызывала таких эмоций. Мало ли, что он ей обещал? Он её дождётся!

Посидит на скамейке у выхода. Луна сегодня, правда, убывающая... Лучше бы растущая, она более счастливая. Но это же — Ладея! Он верит в неё.

... Солнце поднималось над столицей в лёгкой дымке.

Альк просидел всю ночь у выхода из учебного корпуса. Что ждать уже нечего, он давно понял. Но уйти всё не было сил...

А потом из-за маленькой двери чёрного хода всё же вышел человек. За эту ночь он словно постарел на десять лет.

— Иди отдохни, — жёстко бросил он Альку, — Скоро занятия, а ты всю ночь не спал.

— Где она? — не своим голосом спросил белокопый.

— Что за глупый вопрос? — буркнул Крысолов, — Там, — он махнул рукой на дверь, слегка дёрнув бровями.

— Да как так-то? — взвыл Альк, хватая наставника за руки.

— Сядь и успокойся! — рявкнул путник, — Она знала, куда шла.

— Она была лучшей! — на весь двор заорал юный саврянин.

— Лучшей — не значит хорошей. Раз община решила, что ей положено быть крысой, значит, так тому и быть.

Закрыв руками лицо, Альк осел обратно на скамейку, туда, где просидел всю ночь. Размер бедствия медленно доходил до сознания.

— Да, давай, пореви ещё, как баба, — зло бросил Крысолов, удаляясь.

Альк, со вздохом поднялся с кровати, осторожно укрыв Рыску сползшим покрывалом и присел на скамеечку возле печи. Подбросил дров в топку — до утра далеко, а на улице холодно. Нельзя, чтобы она замерзла...

Яркая луна переместилась по небу, заглянула в крошечное оконце и осветила милое усталое Рыскино лицо.

Такое же, как он видел в своих снах...

Неужели ей суждено погибнуть так же, как погибла Ладея? Или как та девушка, имени которой он даже уже не помнил — помнил лишь, что она была женой помощника отца...

Она была девственницей — а он даже этого не понял. Сам был слишком молод тогда, всего шестнадцать лет. До семнадцати оставался месяц.

Альк запомнил её светлые волосы до плеч, светлые серо-жёлтые глаза, стройный стан, изящные руки... Дорогие красивые платья, пальцы, унизанные перстнями, ожерелье на шее... Глубокое декольте, в которое захотелось тут же заглянуть... Утончённые духи, ударившие в нос, когда она впервые оказалась рядом.

... — Позвольте пригласить вас на танец?..

Смущённый взгляд, отведённые глаза.

... — Да иди уж, потанцуй, стрекоза, я же вижу, что ты хочешь! — рассмеялся сидящий рядом хромой старик — доверенное лицо и друг господина посла.

Он честно думал, что это её отец... А потом ему стало всё равно: потом, когда в гулких коридорах их замка, куда девушка приехала погостить вместе с мужем, она подарила ему поцелуй.

...Слуги всё видят и молчат, не желая лезть в хозяйские склоки — но только не няня, ибо ей, воспитавшей его, многое было дозволено. И дёрнул же её Саший зачем-то притащиться среди ночи в его комнату!..

Как она ругалась! Альк и подумать не мог, что тихая, скромная, уже немолодая женщина может изрыгать такие слова! И за косы надрала, и по щекам надавала...

— А вам должно быть стыдно, госпожа! Он же мальчик совсем! Вот расскажу всё вашему мужу!

— Не надо! — взмолилась девушка.

— Идите отсюда вон! Хольга вам судья!.. А ты сиди тут, малолетний развратник!

Но кто сказал, что на этом все закончилось?

Они встретились в столице, на балу в царском дворце. Господин посол и его помощник были по горло заняты делами и ничего кроме этих самых дел не замечали. И нянюшки, бдительно следившей за воспитанником, тоже рядом не было: подхватила простуду, выскочив не одетой по первому теплу и в столицу не поехала.

Весна...

В Брбджисце только сошёл снег. Городские клумбы снова побелели — от первых подснежников. На крышах гомонили первые вернувшиеся с юга птицы. А в сердцах молодых людей цвела любовь.

Вылезти из окна своей комнаты, а затем перемахнуть ограду было парой пустяков — так Альк и делал, каждую ночь, как только всё в доме засыпало.

Занятый отец понятия не имел, где ночует его сын. А Альк всегда возвращался до рассвета. То, что парень вконец исхудал, могли бы заметить мать или няня, но отец, глядя в запавшие от недосыпа глаза сына, списывал всё на весеннюю нехватку витаминов и велел слугам получше кормить отпрыска, а сам снова уезжал по делам.

...Прошла весна, настало лето, и Альку почему-то стало порой лень лазать в окно, а потом бегать через весь город. Он стал задумываться о том, что пора прекращать ночные походы. Беда была в том, что несчастная девушка наоборот, всё сильнее к нему привязывалась, и Альк никак не мог подобрать слов, чтобы с ней расстаться.

А потом и причина появилась.

— Альк... — прошептала она, как только он поднялся с кровати и начал одеваться, — Мне нужно тебе сказать... Я беременна.

У него в душе не шевельнулось ничего. Он просто равнодушно пожал плечами.

— Да? Хорошо, — сказал он.

— Ты... забереёшь меня с собой? Женишься на мне?

Он медленно обернулся.

— Как я могу это сделать? У тебя уже есть муж.

— Но это твой ребёнок!

Альк щепку подумал.

Какой ребёнок? Тут вся жизнь впереди! Карьера, женщины, веселье... Да и отец, понятное дело, не похвалит — а отца он уважал. И боялся.

— Просто скажи мужу, — пожал он плечами. — Он будет рад, вот увидишь.

— А как же мы? — опешила девушка, — И потом... он не поверит, что это от него.

— Почему?

— Потому что он уже не мужчина!

Вот тут до избалованного юнца дошло, что за поступок придётся отвечать.

— Ладно, — резко помрачнев, сказал он, — Я что-нибудь придумаю, — бросил он и шагнул к подоконнику.

— Не забывай, что я тебя люблю, — последнее, что Альк услышал от своей любовницы, перед тем, как исчезнуть за окном.

И, возможно, он и в самом деле что-нибудь придумал бы — кто знает? Но под стеной его ожидал разъярённый рогоносец.

Нет, конечно, это было проще простого — сбить с ног старика. Да и до дома добежать — недалеко, быстро, легко, петляя тёмными переулками, чтобы оторваться от погони. И даже знакомство с отцовской плёткой для верховой езды оказалось не так страшно...

Всё страшное случилось позже...

Прошла пара недель, и однажды, проснувшись утром, Альк вдруг подумал о несчастной девушке, и сердце его заняло от жалости. Он откуда-то точно знал, что с ней случилась беда... Он не просто знал это, а словно видел, слышал, был там... Альк сам тогда не знал, что с ним происходит. Много позже до него дошло, что это проявление дара.

...Вечером отец вернулся хмурый и раздражённый.

— Что с ней? — с порога бросился к нему Альк.

Отец поднял на сына глаза.

— Что с ней? А ничего, — бросил он, — Ничего хорошего. Ее просто казнили за измену. — он помолчал, — А её муж, с которым я лет двадцать дружил, повесился. Ты доволен? Уйди с глаз!..

А ещё страшнее были угрызания совести, оставшиеся на всю жизнь: не надо было сбегать! Надо было её защитить... Как? А так же, как сумел сделать ей ребёнка — того, который погиб вместе со своей матерью.

Альк долго смотрел на спящую Рыску.

В первый раз можно было оправдать трусость молодостью и страхом перед отцом.

Во второй — списать нерешительность на недостаток опыта и знаний.

В этот раз оправдания быть не могло.

В этот раз он не допустит, чтобы его любимая погибла, пусть ценой собственной жизни, дара... Да неважно чего! Он не допустит, и точка.

Вероятность того, что она выживет ничтожна. Но так уже не раз бывало в его жизни!

Разве мог он тогда выжить, связанный, придавленный, уже попрощавшийся с жизнью? Разве могла запуганная девушка, ненавидящая обе его ипостаси, не только согласиться помочь ему, но и полюбить всем сердцем?.. Разве можно было поверить в то, что превратившийся в крысу видун может снова стать человеком? Или, может быть, можно воскреснуть, превратившись в крысу? Остановить войну, вызвав жуткое наводнение?.. Разделиться с крысой, в теле которой уже собирался подохнуть? И дар после стольких смертей обычно не возвращается. И связка не восстанавливается...

Альк хмыкнул.

— Мы ещё посмотрим... — тихо сказал он, укладываясь рядом с женой. Он придумал решение для своей проблемы, и его снова потянуло в сон.

А потом погладил её по голове, отведя со лба волосы, поцеловал, едва коснувшись губ, провёл рукой по шее, по груди, положил ладонь на её живот... Он не ошибся.

Вот почему она стала такой капризной, постоянно плачет и без причины злится.

И теперь он скорее сам сдохнет, чем допустит, чтобы с ней что-нибудь произошло. Да и вообще, не для того они столько лет шли друг к другу, чтобы всё рухнуло из-за какой-то ненормальной, одержимой властью бабы.

Трудно будет? А когда было легко?

Ещё одной, отправившейся по его вине на небесные дороги, не будет.

===== Глава 32 =====

Рыска, наконец, уложила вещи, поправила перевязи мечей и присела на дорожку. Поднимаясь, хотела сказать “с Хольгой”, да в последний момент передумала: разговор с Альком двухнедельной давности был свеж в ее памяти... А раз так, не стоит трогать имя божины своим языком. И молиться — тоже. Лучше затянуть пояс на коже потуже — и в путь.

Полог шатра, в котором они всё это время квартировались, колыхнулся.

— Я иду, Альк, — не дожидаясь вопроса, ответила Рыска.

— Подожди, — он подошёл к ней, положил руки ей на плечи, — Присядь, пожалуйста.

Мне нужно с тобой поговорить.

— Давай уже на корабле поговорим. И так много времени потеряли, а ещё на дорогу неделя нужна, — поторопила его Рыска.

— Нет, — он посмотрел ей в глаза, нахмурившись, — Не поговорим.

— Да что такое? Почему?

— Не поговорим, потому что ты никуда не поедешь, — отрезал путник.

Рыска, ничего не понимая, уставилась на него. Всё время, что они провели на побережье, ничего подобное не обсуждалось. Они готовились, искали корабль, собирались в дорогу... Что это вообще за новости такие? Да она и не спрашивает его, ехать ей или нет! Она всегда всё решала сама!

— Альк, ты что? Всё ведь уже решено! — напомнила она.

— Вот именно. — он кивнул, — Всё решено, и ты никуда не поедешь.

— Альк...

— Ты поняла? — он на миг встретился с ней глазами, а потом развернулся к выходу. — Сиди и жди меня здесь.

В последний момент он вдруг передумал объяснять жене свои соображения. Это могло лишь ухудшить ситуацию. А смотреть ей в глаза и сочинять какую-нибудь чушь просто не мог. Развернуться и поскорее уйти было единственным выходом.

На щепку Рыска замерла на месте, но тут же побежала за Альком, не забыв, впрочем, прихватить свою сумку. Мало ли, что он сказал! Да, он её муж, но ведь не хозяин!

— А ну, стой! — крикнула она ему вслед.

Альк замер на месте.

— Что это значит? — спросила она обходя его и заглядывая в глаза. — Сначала “поговорим”, потом уходишь... Как это понимать?

В жёлтых глазах саврянина плескалась боль. Такая сильная, что у неё не нашлось аргументов для продолжения спора.

— Почему, Альк? — тихо спросила Рыска.

— Потому что ты погибнешь там. Я уже говорил... — он попытался отвести взгляд и продолжить путь, но она схватила его за руку. Он почти не сопротивлялся.

— Я это знаю, — напомнила она, — Но всё равно поеду. Вместе мы справимся. К тому же, учитель говорил, что нам нельзя расставаться!

— Только не там... Под Дланью Сашия все равны... — устало напомнил Альк, — Моей смерти на этих дорогах нет... Я вернусь, — пообещал он, погладив её по щеке, — Поверь мне. Как раньше...

В другое время, несколько лет назад, она начала бы спорить, что-то доказывать, но не теперь. Теперь, в этот самый момент, она увидела далеко-о-о... Намного дальше, чем раньше.

Дальше, чем видел Альк.

И его смерть на этих дороге тоже была. И на этой, и на всех остальных. Вернее было сказать, судьба предоставляла им выбор: либо он, либо она. Остаться обоим в живых никак не получилось бы.

А ещё была одна неясная, теряющаяся в тумане дорога, как тогда, отличающаяся от всех остальных — зелёная горошина, но не в мешке жёлтых... В гораздо большем их количестве.

И неизвестен был не только исход: вообще ничего было неизвестно. Даже приблизительно. Очередной, а может, и последний в её практике слепой поворот. Но именно на этот поворот Рыска и рассчитывала, а сейчас благодарила судьбу за то, что этот единственный шанс всё же выпал. Понятное дело, что ничего хорошего от этого шанса ждать не приходилось, но все остальные дороги были совершенно неприемлимыми. Путница давно поняла, что если спрячется за спиной своего любимого и спасется сама, то её жизнь потеряет смысл, как и было всякий раз, когда она оставалась без него, и на этот раз уж точно — навсегда. А если она погибнет сама, пытаясь спасти его, то случится нечто ещё более страшное — то, о чём говорил Альков дед, и это уже не было домыслом. А потому в следующий момент она выпустила его ладонь и отошла на шаг, продолжая смотреть на него.

— Много лет назад в моей жизни уже были те, кого я не смог сберечь, потому что слишком долго думал или пустил дело на самотёк, — отвернувшись, произнёс Альк, — В этот раз такого не будет. Сейчас ещё можно что-то сделать. Потом будет поздно.

Рыска покачала головой. С Альком всегда было невозможно спорить. Теперь и подавно. А значит, она и не будет этого делать.

— Ладно... — неуверенно произнесла Рыска, — Раз ты так считаешь... Можно тебя хотя бы проводить?

— Нет, — жёстко сказал Альк, — Возвращайся в шатёр и жди меня. Я обещаю тебе, что вернусь.

С этими словами белокопый накинул капюшон и направился к причалу.

...Три лучины спустя Рыска всё ещё продолжала стоять и смотреть вслед кораблю. Ветер дул в лицо, но ей было не до этого.

Теперь достаточно далеко, думала она. Теперь он не почувствует.

Закрыв глаза, она увидела дороги — так чётко, как никогда прежде. Словно вознеслась над миром и смогла весь его окинуть взглядом — словно только они, видимые лишь ей одной, в этом мире и остались, а всё остальное ушло, потерялось, стало неважным...

На дорогах она видела и исход войны: то скорую победу, то ещё годы и годы страшных, кровавых битв.

Она видела и то, что в обозримом будущем ожидало её близких, и на каждой дороге по-разному, с одной лишь общностью: за одни жизни приходилось платить другими. Была, как оказалось, и дорога, на которой они с Альком оба выживали... теряя всех остальных и оставляя тсарствие на милость победителя.

Получалось так, что кто-то один из них должен был стать камнем преткновения, своеобразной жертвой за победу в этой войне.

А потом прояснилась и та, ранее неведомая, туманная, но, как оказалось, всз же, единственно приемлемая и правильная дорога.

— Спасибо... — шевельнулись губы путницы. Предчувствие ее не обмануло.

На этой дороге приходил конец кровожадной тсарице-видунье.

На этой дороге заканчивалась война — скоро, с малыми потерями, если не считать те, что уже случились.

На этой дороге великое объединённое Савринтарское тсарствие существовало долгие счастливые века, приумножая свою славу и разрастаясь.

На этой дороге древний род Хаскилей, который ей выпала честь продолжать, процветал и дальше...

А ещё выживал и выздоравливал учитель. Марина, посол Иргемаджина благополучно

отправлялась домой. Сын целым и невредимым возвращался с войны вместе с товарищами — на радость тёти Ульфины и матери близнецов. Иоланта и Вангелия выросли в прекрасных дев и проживали счастливую, долгую жизнь...

А самое главное, на этой дороге Альк продолжал жить... и забывал свою жену, словно её и не было в его жизни никогда.

Что будет на этой дороге с ней самой, Рыска даже не стала выяснять, ибо выбирала её не для себя, а для других. Наверное, решила она, тогда, много лет назад, в тот день, когда появился на свет её сын, Саший вернул ей её дар, а затем хранил, не позволил ни замёрзнуть насмерть среди ледяного безмолвия, ни стать крысой в Зале Испытаний, ни закончить путь на помосте, выйти живой из стольких сражений, для того, чтобы сейчас она выбрала эту дорогу.

Интересно: а зачем это всё Сашию? Зачем он ей помог? Может быть, от того, что не так уж он и плох, не так страшен, как принято о нём думать? Похоже, он вообще отличный парень. Как Альк: только поначалу кажется злым и циничным, а если заглянуть глубже, то лучшего и не попросишь?..

Надо же, к чему можно прийти в конце пути!

Рыска вздохнула.

Альк...

Даже не попрощались... Но на это стоит лишь горько улыбнуться: в их жизни прощаний было больше, чем достаточно.

Огромный ворот подался неожиданно легко, и выбранная дорога стала единственной.

...Кто-то тронул Рыску за плечо, и она словно очнулась.

Ледяной северный ветер вмиг разрушил видение. Стало холодно и неприятно. Путница поёжилась и подняла воротник. Обернулась и увидела Марину у себя за спиной, кивнула ей.

— Я думала, ты не согласишься остаться здесь. Всеми правдами и неправдами поедешь с ним... — уронила иргемаджинка.

— Пришлось подчиниться, — уронила Рыска, глядя в морской простор остановившимся взглядом. Корабль уже исчез в туманной дали, за полосой прибоя.

— Мне казалось, ты более упрямая, — с лёгким укором произнесла Марина.

Рыска обернулась, оглядела её. Никогда б не подумала, что такой ответственный момент своей жизни придется разделить с бывшей любовницей собственного мужа... Однако выбора особого не было. Да и, честно говоря, Марина ей нравилась. Отчего-то её присутствие воодушевляло Рыску.

— Тебе правильно казалось, — с улыбкой кивнула путница, — Ты поможешь мне?

Марина думала лишь щепку.

— Что нужно делать? — спросила она.

— Идти на Пелигос. А у тебя есть корабль... Ваши иргемаджинские корабли быстрее наших, мы прибудем туда раньше них.

— Вдвоём?

— Я тебя не прошу. Просто дай корабль — и всё... Я справлюсь и одна...

Но Марина перебила её.

— Ты представляешь, что будет, когда мы доберёмся туда? — она произнесла это одновременно радостно и безнадежно.

— Я представляю, что теперь будет, если я останусь здесь, — вздохнула Рыска, — Если кто-то и должен убить Виттору — то это я, — сказала она и тут же воочию увидела, что

сможет. Что у неё получится.

Вот так просто получится — и всё. Слепой поворот.

— Альк сказал мне, что ты можешь погибнуть... — уронила Марина.

Рыска по-девичьи звонко, весело рассмеялась.

— Я погибну в любом случае, — махнув рукой, сказала она — как о чем-то мелком, несущественном, неважном, — Это моя судьба. А ты... Ты ведь тоже его любишь — я это вижу. Вижу и без дара, и поэтому — не ради меня, не ради страны, которая даже не твоя родина — ради человека, который тебе дорог, прошу: помоги мне. Помоги — и, возможно, он будет с тобой, — она глубоко вздохнула.

От проникновенной речи путницы у Марины сжалось сердце. Она разрыдалась, закрыла руками лицо.

— Не реви, — спокойно попросила Рыска.

— Мне так жаль... — всхлипнула Марина.

— А мне уже нет, — улыбнулась Рыска, снова устремив взор в морскую даль, — Я даже рада, что всё скоро закончится: устала переживать. — она помолчала, — Я готова в дорогу. Если ты согласна, прикажи снаряжать корабль, — резко развернувшись, она пошла в шатёр.

*

Приболотинский молец, присланный в веску сразу после ухода предыдущего и отслуживший здесь уже более пятнадцати лет, ни разу не видел, чтобы эта женщина так истово молилась. Ничто и никогда не загоняло её в молельню так надолго: уже почти сутки стояла она на коленях перед изваянием Хольги и как заведённая била земные поклоны.

В позапрошлом году у неё умер муж: утонул по пьяни в колодце. А их сын погиб на войне ещё три года назад. У бедолаги никого с тех пор не осталось. Что привело её сюда сейчас, никто не знал, но с самого вчерашнего вечера она ни на щепку не прекращала молиться.

Раздумывая, стоит ли напомнить старухе, что молельня на ночь закрывается или, может быть, как и вчера, позволить ей остаться тут до утра, молец вышел на улицу, попутно открыв дверь одной из припозднившихся прихожанок — женщине лет сорока, пришедшей с тринадцатилетним сыном и одиннадцатилетней дочкой.

— Всего доброго, батюшка, — попрощалась она, — Прошу: помолитесь о грешной душе раба божиного Виккия, помяните добрым словом, — добавила женщина, — А то что-то снится мне часто стал, — призналась она с содроганием, — Будто готовлю я обед в его доме, как часто бывало, а он вдруг заходит в кухню, да не через дверь, а прямо из печки, в саже весь и с рогами, как у коровы!

— Помилуй Хольга нас, грешных! — молец осенил в ответ знаком богини и себя, и прихожан, — Раз такое происходит, вы творожников испеките да на жальник отнесите. И ещё поминки по нему соберите, — посоветовал он, — А то, похоже, некому его и помянуть-то стало, вот и беспокоит. Ведь некому?

— Ох, некому, батюшка, ваша правда, некому... — покачала головой женщина, — Как умер, все разбежались. Никого не осталось. Что родственники со сгоревшего хутора не унесли, то весчане растащили... И никто из родни с тех пор в веске не появляется, словно вымерли. Её вон муж, — она понизила голос, кивая на молящуюся старуху, — Братом ему приходился.

Молец понимающе кивнул.

— А поминки соберу, — согласилась весчанка, — Аккурат на этой неделе, пока морозно. А то глядишь, уже весна скоро, корова отелится, хлопот будет невпроворот...

— Чего вам хлопот бояться с вашими-то помощниками? — улыбнулся молец, — Парень, смотрю, весь в отца. Скоро вырастет, невестку приведёт. Да и дочка-красавица! Счастливая вы.

— Ох, и не говорите, — женщина с улыбкой погладила по вихрам сына, — Счастливая... Даром, что вдова. Таких детей, как у меня, ни у кого нет. Смотрю на сына — и кажется мне, что Цыка мой и не умирал. Да и дочка радуется... Оба взрослые уже. Мне-то нечего божиню гневить. Её вон, — она снова понизила голос и кивнула на стоящую на коленях старуху, — Намного жалче. В молодости и войну пережила, и от саврянского насилия пострадала — и дочь родила. Да всю жизнь ей люди простить этого не могли! Будто виновата она в чём... А теперь и муж с сыном её покинули.

Молец ещё посмотрел, размышляя, покачал головой.

— А дочка-то её где? — спросил он.

Фесся вздохнула и улыбнулась, на миг помолодев — на те почти семнадцать лет, что не видела свою младшую подругу.

— Сбежала, — просто сказала она, — Не захотела, чтоб её всю жизнь за материнский грех корили.

— И куда же?

— Ох, и не знаю... Но Цыка мой в тот же год её с белоколым видел. Видать, к ним, к саврянам, и подалась...

— Помилуй Хольга, да разве же так бывает? — удивился молец, — Ей белоколых ненавидеть полагалось, прости божиня!

— Так и ненавидела раньше, — подтвердила Фесся, — Но для чего бы муж мой собственный обманывать меня стал? Как на духу говорю: вернулся Цыка с севера и про Рыску рассказал. Привет, говорит, мне передавала... А к саврянину так и льнула, глаза от счастья сияли! Но сама-то я, конечно, не видела.

... Молец и Фесся с детьми уже вышли из молельни, а старуха, обернувшись, ещё долго смотрела им вслед, на закрывшуюся дверь. А потом снова подняла глаза к изваянию Хольги и страстно зашептала:

— Прости, о пресветлая, мой грех! Не наказывай её за это. Сбереги мою дочь, где бы она ни была, защити её, сохрани! Накажи меня, помоги ей...

Проводив прихожанку, молец всё же решил оставить старуху в молельне до утра, проникнувшись трагизмом её истории.

*

Альк теперь точно знал, что ему делать. Рыска сама того не ведая, подсказала ему. И, наверное, нечто подобное имел в виду и Крысолов, их общий учитель.

Даже ничего особенного, сложного или невыполнимого не пришлось придумывать. Всё было невероятно просто. И понятно. Как раз в духе старого путника.

Раз тсарица-видунья хотела заполучить его, Алька, в свое полное распоряжение, следовало просто дать ей такую возможность, вернее, заставить её поверить, что даёт. И теперь оставалось просто двигаться вперёд — пока не покажется в туманной дали проклятый остров. А уж если нарвутся на врагов — что ж, так даже лучше. Это только

ускорит встречу с тсарицей-видуньей.

Там, на этом острове, он сумеет убедить эту ненормальную в том, что его заинтересовало её предложение. И она никак не сможет вычислить его намерения: у неё там нет дара.

А убить её... Нет ничего проще! Жалости к этой твари, пусть она и женщина, он не испытывает. Оружие у него непременно отберут, но он конечно раздобудет себе другое, да в конце концов, обойдется и голыми руками! Главное, подобраться к ней поближе, и уж он не оплошает. И, конечно, после гибели видуньи начнется битва, в которой ему не выстоять одному, но это уже не так важно. Альк рассказал о своих намерениях отцу, с трудом, но заручился его поддержкой, и теперь флот Савринтарского тсарствия и союзники отчалит от северного побережья и пойдёт следом, на этот же остров. Обезглавленное войско в этой битве не выстоит, он точно это знает, и потому самая главная задача — это добраться до Витторы. И он доберётся. Неважно какой ценой.

И ещё важно сделать всё быстро. Как можно быстрее, пока его супруга не нашла способ увязаться за ним: ведь он, разумеется, не поверил, что она будет сидеть на месте и ждать исхода.

Вглядываясь в даль, Альк думал о том, что допустил всё же одну ошибку...

Крысолов сказал, что нужно торопиться на Пелигос — он так и поступит; взять с собой Жара — он взял; убить Виттору — убьёт без сожаления.

Вот только не расставаться с Рыской означало её верную смерть. И потому он ни при каких условиях не собирался её брать. Да и в его планы по устранению тсарицы-видуньи это никак не вписывалось. Однако ошибка была не в этом. Ошибка была в том, что нужно было всё же сказать ей то, что он понял уже две недели назад, в сарайчике возле стога, где они вместе провели ночь.

Уставшая, испереживавшаяся, испуганная, занятая совсем другими делами и мыслям, Рыска, как оказалось, не заметила одной вещи. Не заметила того, что уже два месяца носила под сердцем ещё одного их ребёнка. Наверное, надо было ей сказать...

Возможно, тогда она поберегла бы себя.

Но в тот момент Альк вдруг понял одну вещь: узнав такое, она разревётся и станет умолять его или не ехать, или взять её с собой. Он тоже не железный, и начини она тогда его умолять, он согласился бы — о, эта Сашиева синтементальность, возрастающая с каждым прожитым годом, происходящим печальным или трогательным событием!.. Чем это должно было закончиться, понятно уже давно.

И всё же надо было ей сказать...

Сдвинув брови, белокопый поспешил укрыться от взглядов в каюте. Как он переживал за неё, никто, кроме него не знал. Сколько раз судьба давала возможность исправить всё, еще тогда, много лет назад. Надо было просто жениться на ней: не слушать отца, а просто в тот же день отвести её в молельню и попросить благословения божины... Или потом, четыре года спустя, не уезжать морозной ночью, а остаться до утра, дожидаться, когда проснётся и поговорить... Или не слушать, то, что она говорила на своей свадьбе, а проявить силу, просто увезти её вместе с сыном...

Да мало ли их было, таких возможностей? Любая из них привела бы к тому, что Рыска сейчас находилась бы не в шатре на побережье, а за надёжными стенами замка, и он был бы за неё спокоен. Он думал бы о деле, а не о том, как сильно переживает. А тосковал бы так же, как сейчас: ведь тоска навалилась, как только корабль отошёл от причала.

Альк вздохнул, присел на узкую лежанку, облокотился о стену и закрыл глаза. Слишком велика была вероятность того, что эта тоска теперь не отпустит до самой его смерти. То, что эта смерть гораздо ближе, чем он думал, отправляясь в на остров, белокошему теперь тоже было известно. Но это совершенно ничего не меняло.

*

— Дальше идти нельзя, господин, — сообщил капитан, — Во льду завязнем, — пояснил он.

Альк, не оборачиваясь, кивнул. Это он и сам уже вполне понял.

— Да, вы правы, — произнёс он, — Спускайте лодку на воду. Высадите нас — и можете быть свободны.

Альк прекрасно знал, на что идёт и никого не звал с собой. Вот если б ещё ворюгу восвояси отправить...

Жар подошел к Альку, встал рядом, проследил его взгляд.

— Это тот самый остров? — спросил он.

Альк рассеянно кивнул. Длань Сашия он чувствовал уже отсюда.

— Может быть, не пойдёшь со мной? — спросил он безнадежно.

— Ага, щас! Держи карман шире, — сердито бросил Жар, — Сначала неделю мёрзни туда, потом неделю мёрзни оттуда, да впридачу переживай за тебя. Тем более, раз Крысолов сказал идти с вами — значит, я пойду.

— Тогда будешь грести, — не терпящим возражений тоном, произнёс белокоший.

— С радостью, — парировал Жар, — Хоть согреюсь.

Он говорил что-то ещё, но Альк уже не слушал. На него давила близкая Длань. И был это намного сильнее чем тогда, возле пещер. Видун чувствовал не только пустоту — его словно что-то затягивало туда, придавливало к земле, лишало сил. Словно тогда, когда он был “свечой”...

— Эй, что с тобой? — ворвался в сознание голос Жара.

Альк повернул голову.

— А что со мной не так? — спросил он.

— Ты прямо побледнел весь... Да так внезапно. Тебе плохо?

— Нормально, — буркнул Альк и отвернулся.

Да, надо торопиться, подумал он. Если здесь всё время так, недолго и с ума сойти.

... Около полудня, когда зимнее солнце ослепительно сияло с бледно-голубых небес, отражаясь в голубоватых льдинах, зелёной воде, лодка ткнулась носом в каменистый берег.

Альк сумел взять себя в руки и подавить внезапно напавшую панику, видимо, тоже вызванную Дланью, а вот Жару, наоборот, стало жутко. То, что происходило с его другом, ему было в жизни не понять, но он чувствовал это по-своему: скалы, образующие островной берег, поднимались прямо из воды, и в них завывал ветер, надрывно голосили чайки, на причале было полно народу, настроенного явно недружелюбно. Радости всё это не вызывало. Оставалось лишь надеяться, что старый путник, с которым Жар общался столько лет и которому доверял, всё же знал, о чём говорит, а не просто произнёс что-то в бреду. Ну, и на то, что Альк ещё не свихнулся... Хотя, кого он обманывает? Проклятый саврянин всегда лез на рожон!

Но и выручал из безнадежной ситуации тоже — всегда...

Вот и сейчас, даже не удостоил взгляда оцетинившуюся мечами охрану.

— Проводите меня к её величеству, — надменно бросил Альк.

— А ты кто такой? — спросил его кряжистый мужик с бородой — видимо, начальник охраны на причале.

— Альк Хаскиль, — холодно улыбнувшись, представился он, — Ваш будущий тсарь, — добавил он с такой спокойной уверенностью, что даже у Жара сомнений не осталось. — Это мой слуга, — кивнул он на вора и, не обращая внимания на мечи, которые, впрочем, тут же начали спешно возвращаться в ножны, прошествовал вперед.

Воины расступались перед Альком. Жар смотрел и не верил глазам. Альк не изменился, был всё таким же... И тем не менее, перед ним и в самом деле был тсарь. Как в сказке... Это было чудесное превращение, которое, похоже, заметил только один он.

— Позвольте ваше оружие, господин... — проблеял кто-то.

Альк ожёг наглеца взглядом, но мечи всё же снял, не глядя, кому-то отдал.

— Ты поплатишься за это, — пообещал он.

Жар, семенивший за саврянином, уже не знал, что ему думать. С одной стороны, он видел их с Рыской вместе и в том, что их связывает, не сомневался. С другой, всё выглядело так естественно... Ещё и Длань эта, от которой, говорят, у видунов едет крыша... Да и власть способна развратить кого угодно... Помилуй Хольга, не свихнуться бы за компанию!

... И вдруг, словно перекрывая шум непрекращающегося ветра, раздался звонкий женский голос:

— Ты всё же приехал... Я знала!

Жар посмотрел вперед.

До тсарицы-видуньи было достаточно далеко, и видеть её глаза и выражения лица он не мог, но готов был поклясться, что она рада... Вот просто рада — и всё.

Альк, шедший перед ним, остановился и слегка наклонил голову.

— Приветствую вас, ваше величество, — произнёс он, приложив левую руку к груди, — До меня дошли сведения о том, что вы желаете меня видеть. Я к вашим услугам, — он снова поклонился.

И тогда она подошла ближе, встала напротив белокомого.

Виттора была до жути похожа на Рыску. У неё были такие же жёлто-зелёные, светлые глаза, черные волосы, распущенные и трепещущие на ледяном ветру, неулыбчивое лицо. Тсарица-видунья была такого же роста и сложения, стройная и гибкая. Облачена она была в чёрное с золотом длинное одеяние. Зимнее солнце ледяными бликами сияло на гранях драгоценных камней в её короне.

Одной рукой Виттора придержалась за дерево, вросшую в скалистый склон сине-зелёную ель. За другую руку тсарицы-видуньи держался испуганный подросток лет двенадцати: худенький, желтоглазый, со светлыми волосами до плеч... Не нужно было быть видуном, чтобы понять, кто подарил Витторе этого ребёнка.

— Здравствуй, Альк Хаскиль, — с улыбкой произнесла Виттора, и Жар увидел, что ещё роднит эту женщину с той: сияющие от счастья глаза, — Да, я тебя ждала, — подтвердила она.

Она тоже была влюблена... Наверное, подумал Альк, именно поэтому она отпустила его тогда, в Зайцеграде.

Но ведь этого не могло быть! Такие, как Виттора, любить не способны...

И в следующий момент он получил подтверждение. Черноволосая, светлоглазая, так похожая на Рыску, тсарица-видунья рассмеялась — холодным, злым смехом.

— Ты в самом деле хотел меня провести? — с лёгким разочарованием спросила она, — Я была о тебе лучшего мнения, — она хохотнула еще раз, — Забыла представить: это Делл, твой сын. Можешь познакомиться, — Виттора подтолкнула мальчика вперёд, но тот лишь дёрнулся с недовольным видом.

— Он не может быть моим сыном, — возразил Альк. Как же тяжело ему было: чують по голосу и поведению человека, что что-то упустил, а точно не знать.

— Не придуривайся, эту загадку ты разгадал, — снисходительно улыбнулась она, — Как и все остальные, верно?.. И всё же мне есть, чем удивить тебя, — она сделала паузу, — Твой старый учитель о многом мог бы тебе поведать, если бы ты смотрел в оба и не упустил его из виду, — медовым голосом продолжала она, — Однако, ты и сам не промах: многое понял без подсказки... И всё же кое о чем никто из вас не догадался!

— Ты о чём? — нахмурился Альк, на миг выдав свое напряжение.

У Витторы вновь сверкнули глаза, на этот раз — победно.

От услышанного далее Жара прошиб холодный пот.

— Дело в том, Альк, что у меня дар редкой силы. Он не был таким, но стал, — призналась она, — Я долго жила здесь, Длань Сашия приняла меня. Как примет и тебя, если останешься здесь, со мной.

Альк продолжал молча смотреть на Виттору.

— У меня есть дар и здесь. Так что, смирись, ты попался, — с невероятной радостью заключила она, — Теперь ты мой. И всё, между чем ты можешь выбирать — это остаться здесь, со мной, добровольно или принудительно.

Альк усмехнулся.

— По-твоему, я похож на сумасшедшего? — спросил он. Поняв, что Виттора обо всём знает, и ему больше нет нужды никого из себя изображать, он согнал с лица улыбку и нахмурился. Неожиданно для себя, увидев хмурое лицо Алька, Жар порадовался. Всё же, так привычнее. И сомнений больше нет.

— Пока нет, — спокойно согласилась самопровозглашенная тсарица, — но через пару недель в моей темнице тебе, я уверена, придётся нелегко. Примерно, вот так, — она снова улыбнулась и посмотрела Альку в глаза — и тот непроизвольно схватился за виски, ощутив резкую боль. Однако она пока лишь этим и ограничилась, — Помнишь, как хорошо быть крысой? — издевательски спросила она, — А когда станет совсем плохо, единственной, кто сможет тебе помочь, буду я. Так что, предлагаю внять голосу разума, покуда таковой имеется... Ну ты же умный человек, Альк! Зачем испытывать судьбу? Зачем снова проходить этот путь? Просто будь со мной, и я сделаю всё, чтобы твоя жизнь была такой, как ты хочешь. Или темница тебе больше нравится?

— Ты для начала меня туда посади, — с вызовом произнёс Альк.

Виттора подкатила глаза.

— Признаться, я и не рассчитывала на скорый результат, — пожалала она плечами, — Но я ведь могу не только угрожать. Я могу дать тебе такое, о чём ты и в своём замке не мечтал... Хотя, наверное, мечтал, — она опять приторно улыбнулась, — Ты ведь очень любишь добиваться невероятных целей и не мечтать не можешь... А я могу дать тебе ВСЁ! Савринтарское тсарствие — это только начало. А там... Да мало ли на земле интересного? И всё это будет... наше, — пообещала Виттора всё тем же сладким голосом.

— Помнится, я уже как-то слышал нечто подобное, — кивнул Альк, — Не заинтересовало.

— И почему? — иронично спросила тсарица.

— Цена была непомерной.

Виттора улыбнулась.

— Вот видишь: снова всё сходится, — сказала она, — А я прошу просто быть со мной — и всё...

— Почему ты вдруг решила, что я соглашусь? — устав это слушать, перебил Виттору Альк.

— Потому, что ты, как я уже говорила, очень умный человек, — серьёзно сказала она, — И ещё потому, что это не последний мой аргумент. — Она вдруг слегка нахмурилась, на мгновенье обернулась, посмотрела назад через правое плечо — словно ей что-то показалось, словно что-то заметила, при этом понимая, что это совершенно нелогично и невозможно.

— Да-а? — издевательски поднял бровь Альк, — И какие же аргументы есть у тебя ещё?

— Ну, к примеру, вот такой, — молниеносно выхватив меч, она... нет, не метнула его в саврянина или в его друга... И не велела своей страже сию же щепку хватать незваных гостей, нет... Виттора сделала то, чего путник, повидавший за годы своих странствий много ужасного и непрятного, всё же не ожидал: она приставила клинок к горлу ребёнка и, холодно улыбнувшись, произнесла, — Ну, как?

Однако, удивиться он не успел. Почти.

И когда все присутствующие на скалистом, овеваемом ледяными ветрами, берегу, включая прислужников и приспешников тсарицы-видуньи, опешили от увиденного, Альк один сохранил самообладание.

А потом и вовсе улыбнулся, глядя мимо Витторы...

...Издавна корабли Иргемаджина — самые быстроходные и независимые от ветров. А в лагерь сторонников тсарицы-видуньи новые силы прибывают отовсюду, ежедневно, и никто бы не удивился ещё одному кораблю — а так оно и произошло: успели и добраться на день раньше, и переночевать на острове, и занять наиболее удобную позицию.

И ещё одно: во имя своей любви, той, к которой идёшь годами, можно преодолеть не только зимнее море, но и собственный страх перед заведомо определённой, печальной судьбой.

Может быть, поэтому, а может, просто из-за собственной глупости, Рыска и стояла сейчас слева от Витторы. В её руках был арбалет — уже взведённый. Наконечник болта упирался точно в висок тсарицы-видуньи, чуть ниже ободка короны.

— Бросай оружие, — устало произнесла Рыска, — Скорее... Иначе я тебя убью.

— Ты не сможешь! Никогда не могла! — попыталась давить на неё Виттора, но тут же увидела переползший на курок палец... И ещё кое-что привлекло внимание видуньи.

— Бросай оружие, — повторила Рыска.

До Витторы, наконец, дошло, что происходит, и она подчинилась, подняв вверх руки.

— Забери ребёнка, — велела Рыска стоящей сзади неё с мечом Марине, — Уведи его.

Убедившись, что мальчик в безопасности, Рыска немного успокоилась, еле заметно вздохнула. Виттора мигом это уловила, а затем, скосив на Рыску взгляд, сделала осторожный выпад в её сторону, уцепившись за нитку бус на её руке.

В ту же щепку путница хладнокровно разрядила своё оружие: ведь так и полагается в путничьей общине. Тех, кто тронулся умом, следует убивать, как бешеных собак. Виттора же заслужила смерть не только за это: самое страшное преступление она совершила по

отношению к собственному сыну.

Звякнула о скалы скатившаяся с головы самодержицы корона... Во все стороны полетели отшлифованные осколки зелёного с жёлтым камня, когда треснула леска на Рыскиной руке... Красивая, но жестокая девушка, упала на камни, раскинув руки. Жёлто-зелёные глаза продолжали смотреть в небо. Кровь мгновенно залила лицо, волосы, разбрызгалась каплями по снегу...

Альк подошел ближе, присмотрелся. Разочарованно вздохнул и посмотрел на Рыску.

— Я тебе где сказал быть? — глухо спросил он.

Она лишь пожала плечами.

Разницы в том, где она встретит этот миг для неё не было.

— И что было бы, если б я послушалась? Учитель ведь говорил... — со вздохом ответила она.

Они всего щепку друг на друга смотрели... Больше времени у них не было, потому что воины из охранения тсарицы-видуньи хоть и поздно, но опомнились и схватились за оружие. И хотя было их не так много, на четверых вполне хватало.

Не смотря на то, что в море, на горизонте уже видны были корабли Савринтарского царства и Иргемаджина — даже раньше, чем Альк рассчитывал, продержаться до их прихода вряд ли стоило надеяться. Хотя, как знать, конечно...

— Дай мне меч! — попросил он, и Рыска с готовностью швырнула ему один из своих клинков, который Альк легко поймал. А она вскользь подумала, что всё в жизни не случайно. Реши она когда-то обучаться бою одним клинком, и кто-то из них сейчас остался бы без оружия. Такая мысль её воодушевила, и путница, выхватила второй клинок, намереваясь вступить в бой, как вдруг обратила внимание на мальчика, устремившегося бегом вверх по склону. Сердце сжалось от боли.

Нет, не стоило убивать Виттору на глазах у ребёнка... Но жизнь не дала в данном случае никакого выбора.

... Несколько щепок всё же было в запасе, и Рыска в три прыжка настигла мальчика, развернула его к себе и... увидела в его жёлтых глазах море боли, горя, разочарования. Он сердито дёрнулся, сбросив ее руку.

— Ты убила мою маму! — выплюнул он с недетской злостью.

— А иначе она убила бы тебя, — возразила путница.

— Она бы не убила! Немножко порезала бы — и всё Так нужно для дела! — мальчик рывком расстегнул воротник и показал небольшой белёсый шрам на своей шее, — Она уже так делала, — объяснил он, и у Рыски чуть колени от ужаса не подогнулись. ТАКОЕ никогда в жизни не смогло бы уложиться у неё в голове!

А мальчик продолжал смотреть на путницу в упор, требуя объяснить, как ему жить дальше. Всё правильно, Виттора была кровавой убийцей, сумасшедшей, кем угодно — и при этом была его матерью.

— Теперь у меня никого нет! — выдавил незнакомый ребёнок с глазами Рыскиного сына. Сделать здесь можно было только одно.

— У тебя есть... — прошептала она.

— Да? И кто же? — вздохнул Делл, глядя мимо неё, на набирающую обороты битву. Рыска тоже оглянулась. Ей тоже полагалось быть там, но бросить мальчика одного?..

— У тебя есть я, — соврала она, — ты мой сын. А Виттора... просто давно украла тебя у меня.

— Зачем? — спросил Делл, совершенно не поверив ей.

Слишком он был взрослый, слишком умный... Наверное, скорее всего, тоже видун. Но ведь ребёнок ещё!.. А детям свойственно верить в хорошее, не проверяя слова взрослых.

И, наверное поэтому, Рыска произнесла далее.

— Чтобы я искала тебя, чтобы приехала сюда и чтобы убить меня.

В глазах мальчика мелькнула тень сомнения.

— Поверь, — продолжала Рыска, — Родная мать не стала бы резать своего сына.

В обращённых к ней глазах появился живой огонёк надежды.

— Иди и прячься, — кивнув, велела она мальчику, — Я потом тебя найду.

Она сделала несколько шагов вниз по склону, на ходу поднимая меч, но тут Делл окликнул её.

— Госпожа...

Рыска обернулась.

— Их очень много. Вы тоже можете погибнуть!

— Я знаю, — улыбнулась путница. Она давно смирилась с этим, — Тогда поезжай со своим отцом.

— Это он? — мальчик показал пальцем на высокого белокомого мужчину в чёрном плаще, вокруг которого, создавая иллюзию сверкающих сфер, порхали мечи — снова два, как и положено, а враги один за другим падали к его ногам.

— Да, — кивнула Рыска. Снова качнулась в сторону, порываясь уйти... Но вместо этого на миг обняла ребёнка, закрыв собой от холода, от ветра, от зла, от бед. Всё же не война, а материнство всегда было её истинным предназначением! — Если я умру, поезжай с ним, — повторила она, — И... постарайся простить меня.

Сорвавшись с места, она устремилась на помощь своим. Мало нас, очень мало, мелькнула мысль, всего четверо... А врагов... Кто их считал? Но неизмеримо больше.

Но ей было нестрашно. Наверное, от того, что Альк был с ней. Он, как всегда, всё сможет...

... Пронзила мечом одного, полоснула по горлу второго, добыла себе второй клинок, пробилась к своим... Некогда смотреть что и как — надо сражаться.

И это оказалось неожиданно просто — даже не чувствуя дар, наверное, потому что сражаться было за что: за свою землю, за своих близких, за детей — в том числе, и за того, что почти поверил ей и теперь ждёт где-то, затаившись в скалах... И, конечно, за него, за человека, которого любила всю жизнь и к которому всю жизнь шла.

И так странно: когда точно знаешь, что погибнешь, уже не страшно. Совсем не страшно...

И не капельки не удивительно было, когда из-за скалы вдруг показался этот человек...

Вероятно, его причины для мести были тоже веские. О да, ему было, за что ненавидеть Алька Хаскиля! Ведь именно он, а не его племянник, был лучшим адептом, ему, а не Райлезу, пророчили великое будущее и путником в итоге стал тоже Альк, а не сын сестры Берека.

Но главное заключалось не в этом и даже не в смерти Райлеза. На наглого, зарвавшегося, неблагодарного щенка Береку было, откровенно говоря, наплевать, более того, путник даже считал, что мальчишка получил по заслугам, а путником стал достойнейший.

Однако события, произошедшие в семье самого путника повергли его в уныние и озлобили. В тот же год, когда Райлез не вернулся из пещер и стал кормом для крыс, умерли

сразу двое: любимая сестра и тётя Берека, мать и бабушка Райлеза. Их убила тоска.

И хотя виноват во всём был именно Райлез, спроса с него уже не было, а потому вся порожденная горем ненависть обратилась на Алька и на саму Пристань, так и не отринувшую дерзкого саврянина, давшую ему второй шанс.

Виттора встретила ему на следующий год: поступила учиться и сразу приглянулась ему. Она была одновременно талантлива и красива, умна и амбициозна, молода и серьёзна. С ней он почти забыл о своём горе...

Пока она, клявшаяся Береку в любви, внезапно не родила ребёнка — опять же, от Хаскиля.

Расплеваться с Витторой было не так-то просто: её влияние на людей, подобное гипнозу, не давало ему этого сделать, и Берек остался при ней, возненавидев при этом и её, и Алька — ещё сильнее. Но теперь, находясь поблизости от тсарицы-видуньи, слыша и видя, как она лелеет мечту заполучить Хаскиля в мужья, Берек преследовал свою цель. Он даже считал эту цель высокой и богоугодной: ведь несправедливо же получалось, что белокопый получил от жизни так много, что к его ногам штабелям падают самые красивые женщины, что он достиг исполнения мечты, что любит и любим, что жив и продолжает свой род. И теперь до этой цели Береку оставался шаг: именно здесь, на острове под Дланью Сашия всё должно было получиться.

Вот сейчас, думал выживший из ума путник, уже представляя Алька падающим на землю и захлебывающимся собственной кровью, сейчас... Никто и ничто тебе не поможет! Дара здесь нет и честного поединка — тоже. Ты уже покойник, белокопый!..

Раздался щелчок. Арбалетный болт сорвался в полёт... И не достиг положенной цели.

Берек сплюнул на землю, помянув Сашия.

Алька не мог спасти дар — дара не было... Не мог спасти и опыт закаленного бойца: слишком много было врагов, Альк просто не видел за ними подлого предателя.

И всё же кое-что его спасло: его любовь.

...Альк не увидел сорвавшийся в полёт болт. Его увидела Рыска — и в ту же щепку подалась чуть влево, закрыв своего любимого собой. Она не поступила бы иначе.

А потому и рухнула на камни, обагрив своей кровью припорошивший их снег...

В следующую же щепку в лоб стрелку вонзился меч саврянина. А остальные враги в ужасе дрогнули, взглянув на Алька. Многие не то, что расхотели продолжать бой, а вообще пожелали поскорее убежать как можно дальше — да и не за что уже было им сражаться.

Глаза у белокоплого стали совсем безумными, он зашипел, как крыса и ринулся на врагов. Жар, уже видевший Алька таким и помнивший, чем это закончилось, мог лишь посочувствовать врагам. Да они и сами уже всё поняли, по большинству бросившись наутёк.

Воинство, намного превышающее их количеством, вдруг дрогнуло и отступило, неся огромные потери. Альк, мгновенно добывший второй меч, разил направо и налево, и каждый удар был смертоносным. Приспешники покойной самодержицы сочли за благо поскорее прыгать в лодки, да хоть и в море, куда угодно, лишь бы подальше от обезумевшего саврянина.

Жар обернулся и увидел Марину, одной рукой дотронувшуюся до Рыскиной шеи, другой зажимающую рану на своём плече. Бывший вор и сам был ранен, но даже как-то не подумал об этом...

Потому что чернокопая путница лежала на земле, раскинув руки, и невидящим взглядом смотрела в яркую голубизну зимнего неба. Ее сцепленные друг с другом косы змеями

расстилались по земле. Из правого уголка рта стекала струйка крови. В левом боку торчало оперение тяжёлой четырёхгранной стрелы. Ледяной ветер продолжал завывать в скалах. Отчаянные крики чаек были подобны плачу.

— Умерла? — спросил Жар чрезвычайно спокойно.

— Похоже, да... — уронила иргемаджинка.

Всё вокруг наполнялось другими звуками: из-за скал показался небольшой отряд под Савринтарским флагом — кто-то причалил раньше. Пришлось поднять вверх руки, доказывая, что не являешься врагом... Но это Жар почти не запомнил. Его поглотило горе.

— Где он? — спросил взявшийся откуда-то господин Хаскиль, и Жар махнул рукой в сторону причала, не в силах оторвать взгляд от Рыски...

... Кто-то грубо оттолкнул его в сторону, и Жар чуть было не упал на камни, а потом увидел Алька.

Альк на миг остановился возле Рыски, поднял свою жену с земли и тут же развернулся с ней в обратную сторону, к причалу. Стоять и смотреть на неё он не собирался: достаточно насмотрелся в снах, где все было точно так же. Сейчас нужно было действовать.

Конечно, без дара он не мог понять, есть ли шанс на её спасение или нет, но одно соображение всё же было у него...

Жар, пытаясь понять, что происходит, куда Альк так торопится, шёл за ним — как и ничего не понимающая Марина. А потом и господин Хаскиль присоединился к этому шествию.

— Ты... куда? — робко спросил Жар.

— В море. Нужно уйти из-под Длани.

— Зачем?

— Думаю, она жива... Я попытаюсь спасти... — Голос саврянина был совсем бесцветным.

— Откуда ты знаешь? — спросил его отец.

— Потому что пока не тронулся умом, — произнёс он, хотя никто из присутствующих и не мог понять, о чём он, — Хотя, Длань эта... Мало ли... Но может, успею.

— И что ты собираешься делать? — спросила Марина.

Как и остальные, она еле успевала за Альком, спешащим к причалу.

— Попробую её вытащить, — спокойным голосом проговлрил Альк.

Все трое, один из которых знал Алька с рождения, другой прошёл с ним бок о бок трудный путь, а третья видевшая его при смерти, знали этот его голос. Все помнили: так он говорил, когда дело было практически безнадежным.

Безнадёжно-спокойный голос. Остановившийся, сосредоточенный взгляд. Ни одного лишнего движения. Пан или пропал...

— Ты... вы оба можете погибнуть, — напомнил господин Хаскиль. Где-то в глубине души сын, естественно, был для него дороже, чем невестка — как и для всех отцов и матерей, но ему и в голову не пришло останавливать Алька. Видел он уже однажды, что произошло, когда в прошлый раз он между ними встал, хватит... Теперь и правда, пусть лучше погибнут оба, чем кто-то один, потому что и для второго жизнь всё равно будет закончена.

— Значит, здесь нас и закопаешь, — горько усмехнулся Альк, — Хотя, копать здесь негде: камни одни. Бросишь в море, да и всё... — на миг остановившись, он с жуткой улыбкой взглянул на отца и пошёл дальше.

В лодку Альк спрыгнул легко, по-кошачьи, почти не пошатнув судёнышко. Продолжая прижимать к себе Рыску, не подающую признаков жизни, он обернулся к своим спутникам и критически осмотрел их.

— Мне нужен кто-то из вас... Вместо “свечи”... Иначе я вряд ли смогу... Я никого не неволю, но может быть, кто-то согласится?

От такого прямого заявления у присутствующих застыла в жилах кровь. Всем им в разное время довелось узнать, для чего путнику необходима “свеча”. Помочь Альку сейчас означало собственную верную смерть.

И в то же время отказать в такой просьбе было невозможно.

— Давай я, — спокойно произнёс господин Хаскиль, — Я уже старей, годом раньше — годом позже...

— А матери я что скажу? — перебил Альк, — Нет.

— Лучше я, — вклинилась Марина, — Я ей должна.

— Нет, — снова отказался Альк, — У тебя другая дорога.

Странно, он и без дара понимал, что к чему в этой ситуации. Может быть, через столько лет это уже и неважно — есть дар, нет его? Может быть достаточно практики и опыта, чтобы всё понять?..

— Давай ты, Жар, — уверенно кивнул белокопый, — Наверное, за этим Крысолов и взял тебя с собой.

Жар на миг заколебался, но тут же кивнул в ответ и спрыгнул в лодку вслед за Альком.

Рыска не раз спасала его, не боясь ничего. Она, не задумываясь, пожертвовала бы ради него жизнью. Сейчас всего лишь пришло время с ней расплатиться. И теперь даже безапелляционный тон Алька, словно уже всё решил и никого не спрашивает о его мнении, не покорило. Так уж повелось с давних пор, что в их стае Альк — вождь. Он всегда знает, что нужно делать, всегда находит выход из тупика, всегда и всех побеждает, а значит, и сейчас следует снова послушаться его и... принять свою судьбу.

Через четверть лучины, налегая на вёсла, Жар вёл лодку, стараясь не наткнуться на льдины и замёрзшие трупы врагов, туда, вперёд, в бескрайний морской простор, где кончается действие Длани Сашия. Ничего хорошего вокруг бывший вор не видел. Неласковое море ему совсем не нравилось, как и ледяной ветер. Он совсем замёрз и почти не чувствовал собственных рук... И всё же ему хотелось улыбаться. Похоже, думал он, жизнь его не была напрасной, раз у него были те, за кого не жалко эту самую жизнь отдать. Он жил не зря... И надо же как выходит: Алька даже не надо просить позаботиться о Селине и детях, потому что хмурый саврянин и сам догадается.

Впервые в жизни Жар вдруг понял, кого и за что следует именовать господином и что означает слово “благородство”. Как жаль, что сказать об этом, похоже, уже не получится.

... Альк все продолжал смотреть на жену, одной рукой прижимая её к себе, а вторую положив на её горло, чтобы чувствовать биение жизни — слабое, едва осязаемое...

Только бы успеть...

Конечно, это неправильно: менять одну жизнь на другую. Кто больше достоин жить, решают боги, а не люди. Но раз учитель так рассудил, значит, у этого есть причина. Значит, знал, что делает — так же, как тогда, когда дал ему шанс.

... А потом и дар Алька, высвободившись из-под Длани, вернулся к путнику — и всё стало понятно.

*

...Когда на рассвете приболотинский молец вернулся в молельню, старуха всё ещё находилась там. Она лежала на боку, на коврике перед изваянием Хольги.

Она была мертва.

===== Глава 33 =====

Ну и снега намело в этом году! По колено нетопырихе, это уж точно! А вот морозы слабые, мягкие, только для того, чтобы снег не таял. После такой зимы будет бурная, дружная весна. Поля, сады и лес напоит талая вода, реки наполнятся до краёв. Урожай в этом году будет невероятно богатый. Год Коровы, не иначе, словно по заказу.

Жаль, что это давно безразлично... Все последние десять лет у неё сплошной год Крысы. И другого уже не приходится ждать. Да и недолго уже осталось: этот, пожалуй, последний. Весны точно не увидеть.

...Зимой так рано темнеет: чуть перевалило за полдень — и уже сумеречно, особенно в лесу, особенно, когда едешь без дороги. И дёрнул же Саший свернуть в чащу, почувяв близкое жильё! Дар, что ли подвёл? Ведь знала, что такое вполне может случиться в заснеженном лесу — и ведь нет же, всё равно свернула!

Опомнившись, она вздохнула.

Ей давно всё равно, где и когда умирать. Её жизнь давно уже закончилась. Просто в такие моменты забываешь обо всём, окунаясь в текущие проблемы и дела. А так...

Внезапно деревья расступились, и путница оказалась... Нет, не на опушке. На краёв вески!

Всё же дар её не подвёл.

Оглядевшись, она заметила что-то непонятное, явно рукотворное, скорее всего, остатки дома. Да, это явно когда-то был дом. Весчане не оставили от него ничего, кроме каменного фундамента: наверняка, образующие стены брёвна растащили, где-то на дрова, а что-то, возможно, годилось и на ремонт собственных домов или забора.

Объехав остатки фундамента, она остановилась посреди широкого... двора? А если взойти вон туда, тогда...

Путница спешила. Ноги, обутые в высокие кожаные сапоги на меху по колено ушли в снег. Повинуясь странному наитию, вызванному скорее воспоминаниями, чем даром, она, пройдя по снегу, влезла на фундамент и посмотрела перед собой на юг.

...Чернокосая девочка вышла на порог с кружкой ячменя.

— Цыпа-цыпа-цыпа, — позвала она, и стайка разномастных кур во главе с петухом, мгновенно бросив свои занятия, вроде подкапывания заборных столбов и купания в пыли, бросилась к её ногам, чтобы ни в коем случае не пропустить обед...

Где, когда она могла это видеть?..

А вон там... Там раньше был сарай, в котором хранились лопаты, грабли, бороны, сохи... Почему раньше: вон он! Весь насквозь пророс кустарником, но держится. Наверное, и старое дедово копьё до сих пор там — кому оно нужно? Вот только заходить туда не стоит. Крыша вполне может рухнуть...

Эх, да когда ж ты привыкнешь, путница: нет тебе разницы, где умирать.

А там, позади, среди вымахавших за двадцать пять лет деревьев, теряются остова давно истлевших коровников. Если присмотреться, и столбы от забора остались, а вон там... Надо же, собачья конура уцелела!

Спрыгнув с возвышения в мягкий снег, путница подошла к нетопырихе, потрепала её по

мордочке.

— Устала, моя девочка? Сейчас в веске будем. И поедем, и выспимся, — пообещала она. Голос у женщины был тихий, глухой, слегка с хрипотцой. Но приятный и своеобразный.

Проснувшись, зашевелился и вылез из-за пазухи крыс, потянулся мордочкой к её лицу. Этот крыс — не тот. Он не умеет говорить. Он не человек в теле крысы, а просто крыса. Не “свеча”...

Но уже почти четыре года — её единственный друг, и никто в целом свете не понимает её лучше, чем он.

— Тоже есть хочешь? — спросила женщина, — Потерпи, все хотят.

Ухватив за узду свою скакунью, путница потянула её вперёд, за собой. Если она права, и ей приходилось здесь бывать, если это — сгоревший хутор, то там, за бывшим забором, от которого остался вот этот обугленный столб, начинается дорога через небольшую рощу, которая выведет её в веску. А там за определённую плату можно и отдохнуть, и поужинать, и остаться до утра. Так, собственно, она и собирается сделать.

Умирать она не боится.

Она боится упустить что-то очень важное, какое-то пока неясное событие... Наверное, из-за него она и завернула в эту веску, которую за столько лет так и не удосужилась посетить.

*

Убрав посуду после ужина, Фесся зажгла лучину и присела за прялку.

— Не сходишь за водой, Рыся? — обратилась она к дочери, — А то завтра и умыться будет нечем.

— Да, мамочка, — кивнула девушка и сняла с гвоздя тулуп. Затем подхватила два ведра и вышла за дверь.

Женщина не успела приловчиться как следует к своей работе, как дверь с треском отворилась, и дочка, раскрасневшаяся от легкого морозца, влетела обратно в дом.

— Мама! — воскликнула девушка, — Там... там... Гости!..

— Кто? — откладывая в сторону веретено, спросила Фесся. Кого принесло на ночь глядя, она и представить себе не могла.

— Путница! Говорит, она твоя старая подруга!

Женщина, не понимая, нахмурилась. Она в жизни не то что не была знакома ни с одним путником, а даже близко к людям этого сословия не подходила. А женщин-путниц и в глаза никогда не видела. Наверное, подумала она, кто-то ошибся. С другой стороны, может это такой способ попроситься на ночлег? А вот это как раз прекрасно. У путников всегда есть деньги, возможно, заплатит за постой хорошо (они, медные, никогда не лишние, хотя они с дочкой и не бедствуют).

— Ну тогда, зови! — развела руками Фесся.

Однако никого звать уже было не нужно: путница стояла за плечом Фессиной дочери, оглядывая хату жёлто-зелёными глазами.

— Проходите, — учтиво произнесла девушка и посторонилась.

Путница сделала ещё один шаг и остановилась, едва переступив порог.

“Саврянка, ” — отметила хозяйка дома, когда капюшон чёрного длинного плаща упал с головы гостыи, явив светлые, убранные назад волосы.

Путница была уже немолодая: лет, наверное, на десять младше Фесси, за сорок, стало

быть. Зато одежда на ней была явно городская — дорогая и красивая. И ещё — а в веске это и представить себе было невозможно! — на ней было не платье, а штаны! Как у мужиков, но тоже новые, из тонкой кожи, забранные в высокие, выше колена, сапоги. Из-за плеч путницы виднелись рукояти двух мечей. На безымянном пальце правой руки взблёскивало золотое колечко.

“Замужем она, что ли? Говорят, они замуж не выходят...” — подумала Фесся.

В том, что видит эту женщину впервые, весчанка теперь готова была поклясться, ибо если путники в их веску все же порой заезжали, то саврянки — уж точно никогда. И всё же кое-что смутило Фессю. Она не помнила где, но она определенно где-то видела эти жёлто-зелёные глаза. И уж совсем насмелилась было спросить об этом путницу напрямую (в конце концов, хочется знать, кто собрался переночевать в твоём доме), как та улыбнулась знакомой улыбкой и прошептала:

— Фессенька... Здравствуй...

— Рысочка! — сама удивившись, как смогла вспомнить, всхлипнула Фесся и бросилась к своей припозднившейся гостье.

— Так вот, чьё у меня имя! Теперь поня-атно! — протянула девушка, многозначительно кивая сама себе.

— Да, умер, давно уж... Рысе тогда и пяти лет не было. Ох, словно и не со мной было... — отмахнулась Фесся. Она давно не плакала по мужу — то ли потому, что уже больше шестнадцати лет была вдовой, то ли оттого, что плохого с тех пор в жизни ее не случалось.

Старший сын весчанки, названный в честь отца Цыкой жил в Макополе, был удачно женат, растил уже двоих сыновей и вообще неплохо жил, работая на купца. Матери он, конечно, мало помогал, зато приезжал всегда с гостинцами для неё и сестры, а лучшим подарком Фесся считала то, что её внуки-погодки здоровы и сыты, а невестка ласкова и к своему мужу и к свекрови.

Дочка у Фесси замуж долго не выходила и даже, как мать в своё время, работала на хуторах, а в прошлом году просватали и её, как раз-таки за молодого парня с ближнего хутора, наследника большого, не менее, чем в своё время у Сурка, хозяйства, и свадьбу собирались играть по первому теплу.

— Плохо, конечно, одной-то будет, — вздохнула женщина, — Ну да ничего, переживу. Главное, чтоб дочка счастливая была! А я уж как-нибудь... Да и рядом тут все, соскучиться не успеешь...

Рыска лишь согласно кивала.

— Да, да... Пусть женятся. Невеста хороша, как ты в своё время, — повторяла она.

— И не говори, — махнула рукой Фесся и потянулась за бутылём с ледяным вином, затем плеснула в глиняные кружки, — Давай, подруга, давно не видела тебя!

Женщины выпили вина. Фесся немного поела квашеной капусты, Рыска не стала ни пить, ни есть. Она вообще не притронулась к еде за весь вечер.

— А у тебя как? Вы, путники, говорят, семьёй не обрастаете. Дети-то хоть есть?

Рыска усмехнулась.

— Чем путники не люди? — спросила, словно сама себя, — Конечно, есть. Трое родных, двое приемных. Всё как и у других, — ответила она.

— И где же они? — не поняла Фесся.

— Кто где... — вздохнула Рыска, глядя в тёмное окно.

Жаль, подумалось ей, она ведь их больше, скорее всего, не увидит... Как и всех остальных.

— А что с волосами-то твоими? — заглянув ей в глаза и нахмурившись, спросила Фесся. Рыска улыбнулась.

— Поседела, — просто сказала она.

Весчанка лишь головой покачала, не представляя, отчего можно так поседеть — из чёрной стать белой!

— А вот... дети, говоришь, есть... А муж? Кольцо, вижу, на пальце...

Рыска вздохнула тяжело, горестно, погладила взобравшегося на плечо крыса и, заметив неудовольствие подруги, ссадила его на свои колени.

— Есть... — уронила она, — Вот только, где он?.. Я не знаю...

*

Арбалетный болт вонзился между рёбер, а она не почувствовала боли. Перед глазами почему-то встала та ночь в шатре господина Хаскиля, когда она спасла Таша...

А потом всё исчезло. Просто стало темно и холодно.

Боль пришла намного позже, когда она начала хоть что-то соображать. Она разрасталась при каждом вздохе, не давала говорить и вообще жить. Она заполнила весь мир, вытеснила собой всё остальное, даже саму жизнь... А Рыска всё боролась: и с болью, и со страхом, и с темнотой. Она была уверена, что должна жить. Почему-то должна — и всё.

Если бы она тогда знала...

Боль стала отступать постепенно. Сначала она покидала на пару лучин, потом на полдня... Ничего сказать по-прежнему было невозможно. Зато она стала понимать, что происходит вокруг.

Первым, кого она смогла отличить от тьмы и боли, был её учитель. Рыске даже на некоторое время показалось, что она просто уснула в своей комнате, в общежитии Пристани, забыв закрыть дверь, а он зашёл к ней в гости после занятий... Но всё оказалось не так.

Закашлявшись с кровью, она опять не смогла сказать ни слова, и Крысолов дал ей бумагу и уголёк. Первый её вопрос был об Альке: где он?

Старый путник прочитал написанные дрожащей рукой каракули, вернее, бросил один лишь взгляд на них.

— Не знаю, доча... Никто не знает, — уронил он.

Рыска помнила лишь как из лёгких исчез сразу весь воздух, а потолок опять поплыл перед глазами.

Много позже, ближе к весне, когда закончилась война, а сама она вполне выздоровела, Рыска смогла разузнать о судьбе каждого.

Оказалось, все живы и здоровы — чем не повод для радости?

Учитель поправился довольно быстро благодаря заботе хозяев дома, в котором его оставили.

Любимый сын, вместе с товарищами даже навещал её в лазарете. Ни он, ни его друзья-близнецы не были ранены, зато все трое очень возмужали: это нельзя было не признать.

— Я, наверное, в армии останусь, мам, — сказал Альк, хмурясь, как отец, — Ну её, вашу Пристань, ещё в крысу превращусь...

Рыска лишь плечами пожала. Неволить сына у неё никогда и в мыслях не было, тем более, в таком. Да и не было ничего такого уж прекрасного в путничьей жизни — это она

знала как никто другой.

— Решай сам, сынок, — только и сказала она, — Какой бы путь ты ни выбрал, моё отношение к тебе не изменится.

Зато Делл, мальчик, которого привезли с острова, сын покойной Витторы, изъявил желание обучаться на путника, и его забрал с собой Крысолов. В то, что Рыска действительно его мать он не то что бы поверил — видимо, просто смирился, принял, успокоился. И хотя мальчик был слегка диковат и запуган, со временем, думалось ей, всё у него пройдёт. Всё забудется... По крайней мере, желания мстить за смерть Витторы Рыска в нём не заметила, да и в любом случае, она была намерена принимать дальнейшее участие в жизни этого ребёнка. Она не могла поступить иначе: это был сын Алька.

Вангелию позднее Рыска перевезла в замок к дедушке и бабушке, и девочка очень быстро там освоилась: овладела саврянским языком, подружилась с сестрой. Она была слишком маленькой, чтобы понять, что произошло в жизни её матери, а отца видела лишь однажды. Для неё, по сути, мало что изменилось.

Тётя осталась в столице вместе с учителем, который теперь не ездил по дорогам: был уже стар. Он продолжал обучать молодых. Тётя стала единоправной хозяйкой в его доме. Делл остался с ними, а после поступил и в Пристань.

Жар был ранен в бою, но несерьёзно, быстро оправился, и той же весной возвратился в Ринстан к жене и детям. После войны его жизнь быстро вернулась в привычное русло.

Марина тоже благополучно вернулась домой, но с тех пор периодически приезжала в Савринтарское тсарствие: это была её работа, на ней лежали полномочия посла Иргемаджина.

И никто, никто из большого семейства Хаскилей на этой войне больше не погиб.

Не стало только Алька...

Его не нашли ни живым, ни мёртвым. Он просто исчез. Как Рыска верно поняла тогда, кто-то из них двоих должен был стать жертвой за победу.

Альк спас её. А сам...

...Рыска долго считала, что Альк погиб. Что-либо другое представлялось ей с трудом, а проверить она не могла: дар отказал надолго: она думала, что потеряла его окончательно.

Вот тогда-то она и поседела, за одну ночь, и с тех пор все, кто не был с ней толком знаком, принимали её за саврянку. Она даже волосы отрезать хотела... Но не стала. Сохранила в память о своем любимом.

И ещё кое-что дала ей судьба, чтобы не забывать, и узнав об этом она снова проплакала от радости весь день, прямо как тогда, в молодости: она была беременна! А в конце лета того же года у Рыски родился ещё один сын. Она назвала его Эдгардом, в нарушение всех традиций семейства, к которому он принадлежал.

А когда к ней вернулся дар, а вернулся он внезапно и неожиданно, первое, что она захотела узнать — это где и как погиб Альк. Ведь наверняка же, думалось путнице, где-то на свете живёт человек, который видел его — или ещё живым, или уже мёртвым, — неважно. Этого человека нужно найти и распросить обо всём. Возможно, найти могилу любимого, поплакать, попрощаться, точно узнать что к чему... И каково же было удивление Рыски, когда дар подсказал ей: Альк жив, сто к одному!

Не смотря на невероятно морозный день, она выскочила в чистое поле и долго крутилась на месте, обдуваемая ветрами, искала его так, как раньше... И ничего не нашла.

И тогда ей стало хуже, чем прежде. Получалось так, что Альк жив, а дара у него больше

нет.

А потом она и увидела всё, что было, словно наяву: ледяное море, искрящееся под зимним солнцем, лодку посреди полыньи на зелёной воде, Жара с вёслами в руках и себя на руках у Алька, без сознания, с арбалетным болтом в левом боку...

Он передумал в последний момент и справился один.

Да и не могло быть по-другому: этот человек никогда не выбирал из двух зол. Просто был растерян, а может, позвал Жара с собой для моральной поддержки... В любом случае, Жар остался жив.

Правильно ли менять одну жизнь на другую? Наверное, нет... А кто из этих двоих был для неё дороже, кем она пожертвовала бы ради другого?

Не дай божиня никому и никогда задаться подобным вопросом.

Но Альку именно такой вопрос и выпал. И он сумел на него ответить: никто. Альк не дал умереть любимой и не допустил смерти друга.

Он предпочел пожертвовать собой и своим даром.

...Рыска покинула замок в тот же вечер. Она уже поняла, что не найдёт его как находила раньше. Но кто мог запретить искать его иначе? Ведь можно было просто ездить из города в город, из вески в веску, побывать даже в соседних тсарствах. Ведь найдёт же она его рано или поздно. Дар снова с ней, она сможет!..

Она не смогла.

На шестой год поисков она поняла, что искать больше негде. И впервые за много лет ей по-настоящему захотелось умереть, ибо ничто так не повергает в уныние, как несбывшаяся мечта, неоправдавшаяся надежда (которая, как известно, путникам не полагается).

Рыска хотела заехать в замок и повидать на прощание детей и стариков, а потом... Что именно будет потом, она не думала. Ей было просто очень плохо. Она вдруг в полной мере осознала, почему супруга или супругу называют именно “половинкой”: всё от того, что этот человек — часть тебя. Потеряв его, ты теряешь и себя тоже и уже не можешь быть прежним.

За прошедшие годы всё прошло, всё подзабылось. У Альковых родителей остались ещё дети, да и внуков было полно. Они скорбели по погибшим сыновьям, да и как может быть иначе? Но они были вдвоём, вместе. Им было легче. Да и у всех так или иначе были те самые “половинки”, составляющие цельной жизни. О детях речь вообще не шла: Вангелия и Делл мало знали об отце; Эдгард-младший так вообще его ни разу не видел. Альк-младший был уже слишком взрослый, да и жизнь его была весьма насыщенной и богатой на события, чтобы надолго загрузить. По сути, из всех детей оплакивала отца только Иоланта: лишь она хорошо его помнила и, наверное, по-настоящему любила. Но и она вскоре утешилась — на то и дана людям юность, чтобы быстро залечивать раны.

И лишь Рыска осталась не у дел. Только ей не суждено было перестать горевать никогда...

И неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы в тсарском дворце, куда она заехала повидаться с её величеством, не встретила её Марина, прибывшая в страну несколько дней назад по делам.

Они проговорили всю ночь, и Рыска честно призналась, что не хочет больше жить.

— Да ты что, сошла с ума?! — взвилась иргемаджинка, — Как вообще можно допускать такие мысли? Тем более тебе, у которой столько детей!

— У детей своя жизнь, — вздохнула Рыска, — А я... Мне уже всё равно. Мне без нег ничего не хочется.

— Брось эти глупости! — разозлилась Марина, — Нет тебе дела до детей, подумай хотя бы о людях, которым ещё можешь помочь со своим даром. Подумай, сколько народу можешь спасти. И это только во-первых!

— А что во-вторых? — горько спросила Рыска.

— А сама не догадываешься?

Рыска лишь покачала головой. А Марина с улыбкой произнесла:

— Насколько мне известно, вы всю жизнь друг друга теряли, а потом искали и находили. Может быть, вам суждена ещё одна встреча?

— Вряд ли... — вздохнула Рыска, — Ничего такого я не вижу. А самое страшное, у меня такое впечатление, что его все забыли... Что его и не было вовсе. Никто о нем не говорит, не думает, не помнит. Только я...

Марина вздохнула и помрачнела.

— Ты преувеличиваешь, — сказала она, — Просто невозможно переживать бесконечно. Надо жить дальше. Найти утешение. Так поступили все, кроме тебя. Но если тебе так легче, то знай: есть ещё кое-кто, кто его не забыл и не утешился.

— И кто же это?

Иргемаджинка помолчала, глядя Рыске в глаза.

— Это я, — сказала она.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. А потом Марина продолжала.

— Таких, как он не забывают, Рыска. Бриллианты не тускнеют. И если он жив, ты непременно его найдёшь. Я в тебя верю.

Почему-то эти слова воодушевили Рыску. Легче вроде не стало, но умирать расхотелось.

Она всё же побывала в замке — но не для того, чтобы попрощаться. Просто повидалась и вернулась к своим трудам. Стала ездить по дорогам, как раньше, но всякой ерундой больше не занималась. Теперь она настроилась исключительно на помощь людям.

Бескорыстную помощь. Возможно, думала путница, богиня простит её и всё же позволит найти Алька, хотя бы в самом конце жизни.

Но с каждым годом она всё больше убеждалась: никогда она его не найдёт. Никогда. А значит, действительно пора все забыть. Пора успокоиться.

*

...Фесся молча слушала её, изредка качая головой.

— И что, так и не нашла? — спросила она, когда Рыска умолкла.

— Нет, — горько уронила путница, — Даже не представляю себе, где он.

— Кошмар какой... А точно жив?

— Жив...

Женщина снова покачала головой, подумала и спросила:

— А Жар что говорил? Он ведь, похоже, последним его видел?

Рыска вздохнула.

— Говорил, что до берега лодку довёл, а тут и враги навалились: помощь к ним подоспела. Пришлось сражаться, хоть и не долго. Видел, как Альк кровь под носом вытер и мечи выхватил. А потом из виду его потерял... Больше и не видел его никто и никогда, хотя долго искали: и он, и господин Хаскиль, и другие... Но так никого и не нашли. Я и на острове том потом тоже побывала, когда выздоровела, пыталась искать там... Да без толку всё... Словом, отчаялась я.

Они ещё помолчали. Потом Фесся улыбнулась.

— Никогда б не подумала о тебе такого, — произнесла она.

— Какого?

— Чтобы ты — и с саврянином?..

— Ещё и с крысой... — улыбнулась в ответ Рыска, — А вот вышло так. Что поделаешь, любовь по национальному признаку не делится... Я вот что хотела спросить: можно ли у тебя пожить немного? Пару дней. Я заплачу, не сомневайся, — пообещала Рыска, на что весчанка лишь отмахнулась, — Хотелось бы могилу мамы посетить. Проводишь меня на жальник?

— Конечно, — пообещала Фесся, — И провожу, и живи, сколько хочешь — нам с Рысей веселей. Завтра аккуратно с утра и ходим. К вечеру баньку истоплю... А пока, давай укладываться.

Поутру Фесся поднялась пораньше и ещё до того, как Рыска проснулась, напекла творожников — помянуть Рыскину мать.

Путница долго стояла над могилой матери и понимала: ей не больно, не жаль, не хочется плакать... Ей всё равно.

ВСЁ РАВНО.

Если бы умер кто-то из родителей Алька, она и то горевала бы намного больше... Видимо, за это Хольга и наказала её: нельзя так относиться к матери, какой бы она не была. И ведь можно было за столько лет хоть раз её навестить!.. Но, разъезжая по всему царствию, она умышленно обходила сторорой Приболотье — сама не зная, почему.

— А отчим где? — спросила Рыска Фессю.

— Да вот же, рядом, — кивнула та на соседний холмик.

Рыска молча положила творожник и туда.

— А брат где живёт? — спросила она, накидывая капюшон и разворачиваясь, чтобы идти назад.

— Ох, нигде не живёт, Рысонька, нигде...

— Как это?.. — похолодела путница, хотя дар тут же заботливо подсказал.

— В самом начале войны забрали. Нет его давно... — произнесла Фесся, — Подожди, Рысь, ты куда?

...В старом покосившемся доме, где много лет назад она появилась на свет, ничего не изменилось. Страшно подумать: даже занавеска на окне была всё та же.

И никто там не жил... Никто. Дверь моталась на петле, и её скрип разносился на всю округу — угрюмый, пробирающий насквозь, словно волчий вой.

Переступив порог, она замерла. А потом упала на колени и долго, в голос рыдала. Никто не мог этого услышать: скрип заглушал все звуки.

А ведь она не плакала несколько лет...

Рыска вернулась в дом Фесси только с наступлением темноты. Хозяйка уже беспокоиться начала, искать собиралась.

По лицу было видно: плакала, да ещё как. Но понятливая весчанка ни слова не стала об этом спрашивать. Захочет — сама расскажет.

Однако от бани Рыска отказываться не стала — как и от застолья после оной. А потом и рассказала, и поплакала... и напилась. Не помнила даже, как на печку спать влезла.

...Перед самым рассветом кто-то тихо постучался в дверь. Фесся, спавшая рядом с Рыской, пробормотала:

— И кого там Саший принёс в такую рань? — но с печи слезла. А потом, накинув тулуп поверх ночной рубахи, выскочила в сени.

Рыска, конечно, привыкла спать чутко, но глаза открывать не стала: не за чем было. Однако ей вполне было слышно, что к Фессе пришла какая-то женщина, о чем-то её просит.

— Ох, горе луковое, — вздохнула Фесся, возвратившись в дом. Постояла, повздыхала и заглянула на печку.

— Рыся, — позвала она, — Проснись, пожалуйста!

— М-м-м? — не открывая глаз, отозвалась та.

— Тут... это... Помощь твоя нужна. Только у них денег нет...

Рыска со вздохом открыла глаза. Деньги с весчан она давно не брала. А вот голова у неё после вчерашнего раскальвалась.

— А может хоть до обеда подождут? — с надеждой спросила она.

— Да нет... Горе там. Человек помирает.

Путница тихо застонала.

— Скажи: сейчас иду. Через щепку.

Фесся выглянула снова в сени, а Рыска с трудом начала подниматься, ругая себя на все корки. Старая дура! Это надо же было так напиться!.. А потом даже рассмеялась... Уже и до “старой” дожила!

— Далеко идти-то? — спросила она у Фесси, одеваясь.

— Да нет. Через три дома в сторону леса. Проводить? — предложила подруга.

— Сама найду, — отмахнулась Рыска, зачёрпывая ковшом воду из стоящей на лавке кадки. — А кто там?

— Да мужик... Бывший тсец, что ли... Про него мало кто что-нибудь знает. Они с Мейкой всего два года, как перебрались сюда. До этого в городе жили, а потом он болеть сильно да часто стал. Пришлось им в веску переехать: на земле прокормиться легче. С тех пор и живут тут.

— Чем это он болеет? — риторически спросила Рыска, надевая сапоги.

— Ясное дело, чем: израненый весь. Да впридачу без памяти. Мейка рассказывала, что после войны его нашла. Спрашивала его: кто он, откуда? А он не помнит. Всё, что до войны было — напрочь забыл. Даже своё имя.

— Понятно, — путница накинула плащ, затянула пояс, свистнула. В ту же щепку из-под печки выскочил крыс, нагло, прямо на глазах у кошки, прошествовал через всю кухню и взбежал по ноге своей хозяйки.

— Как, говоришь, женщину зовут? — переспросила Рыска, перекидывая через плечо ремень сумки и поворачиваясь к двери.

— Мейка... Саломея, — поправилась Фесся.

— Саврянка, что ли? — уточнила путница.

— Да вроде нет... А там, кто её знает? Глаза зелёные, как у тебя. Да, и говорит плохо, непонятно. А он точно саврянин, — словно сама себе кивнула Фесся, — Правда, старый совсем. Я сразу и не поняла, думала — седой просто...

— Ладно, — вздохнула Рыска, — Пойду, — и вышла за порог. Ничего удивительного для себя она не услышала. Ну, савряне, и что? После объединения тсарствия люди стали терпимее относиться друг к другу, а война и вовсе побратала две нации, так что жили теперь и белокодые в Ринтаре, и ринтарцы в Саврии. Таких понятий-то не стало: Саврия, Ринтар. Молодежь возраста Рыскиного сына и вовсе так не выражается. Только те, кто постарше

помнит об этом. Лет через двадцать-тридцать и вовсе забудется...

Рыска вышла на крыльцо.

Близился рассвет. Ночью, видимо, бушевала метель, и дорожку через двор просто заровняло — и не видно, что она тут есть, только следы приходившей женщины пропечатались дорожкой. Да, всё же знатные в этом году снега! Давненько таких не было. А мороз снова небольшой, хотя и крепче, чем накануне.

Она прошла через двор, с трудом открыла калитку, огляделась, увидела нужный дом (в нём светилось окно) и направилась туда. Цепочка следов вела туда же. О том, откуда в этом доме узнали о заезжей путнице, Рыска, разумеется, догадалась: сплетни по веске разлетаются быстро, этому не стоит удивляться.

Она вошла в дом без стука. На скрип двери из-за печи моментально выскочила... нет, не женщина. Худенькая девица лет двадцати с небольшим. У девушки были чёрные волосы, заплетённые в две косы и светлые глаза.

— Ты Саломея? — с порога, не здороваясь, спросила Рыска.

— Да, госпожа путница, — с сильным саврянским акцентом ответила девушка.

— Где больной? — нахмурившись и уже по-саврянски задала Рыска следующий вопрос.

Девица удивлённо дёрнула бровями.

— Здесь, госпожа, идите за мной, — и посторонилась, пропуская её в запечный закуток, — Я к печке поближе положила, а то его знобит.

— Да уж, молодец, — с издёвкой произнесла Рыска, сбрасывая плащ, — Натопила сдуру! Жарища ещё хуже холода. Воду ставь на огонь, быстро, — скомандовала она, — Дверь приоткрой, пусть подвыветрится, а то дышать нечем, — распорядилась она, швыряя плащ на лавку, — Опа, а ты у нас кто? — от неожиданности спросила она по-ринтарски светленького мальчишку, свесившего с печи любопытную голову.

— Я? Стефан, госпожа путница, — ответил мальчик на том же языке, но совершенно без акцента, — А вы вылечите моего папу?

— Я постараюсь, — кивнула Рыска, — Только ты спрячься обратно и мне не мешай! — велела она.

— Понял, — и он тут же исчез за занавеской.

Сердце путницы забило в бешеном темпе: мальчик напомнил ей её собственных детей. Надо бы ему хоть подарить что-нибудь, эх...

Зайдя за занавеску, Рыска взглянула на больного и её сердце вообще на миг остановилось...

— Лампу неси. Или хоть лучину, тут же темно! — крикнула она хозяйке дома. Смутное подозрение шевельнулось у неё, но было слишком темно, чтобы сразу понять...

Испуганная девушка мгновенно возникла за её спиной, держа в руках свечу.

— Сядь в изголовье, — велела Рыска, — Одеяло откинь.

А дальнейшее просто неосознанно вырвалось у неё, ибо она давно уже не поминала пресветлую божию:

— О, Хольга...

Она просто стояла и смотрела на него.

Перед ней был старик. Да, старик...

И хотя она точно знала, сколько ему лет, выглядел он старше. Наверное, оттого, что довелось ему пережить на своем веку столько, что хватило бы на десять жизней. Или оттого, что с его помощью изменились тысячи судеб... Или просто оттого, что уже долгие годы

лучшей подружкой его была бутылка — а кто не грешит этим от безделья и ощущения собственной никчёмности?

И ещё раны... Огромное количество старых ран: на левой скуле, на правом плече, шрам чуть ниже виска, частично скрытый волосами, большое количество мелких шрамов... А левая нога вообще отсутствовала ниже колена, её заменяла деревянная культя... Да, а тот-то шрам, полученный в Иргемаджине и правда теряется на фоне всего остального!

Впервые в жизни от вида больного путнице стало нехорошо. Ощувив дурноту, она схватилась за печь, но тут же отдернула руку: слишком горячо. А потом попятилась назад, выскочила из избы, на крыльцо и долго стояла и не могла отдышаться. Даже снег, который она черпала горстями и умывалась, не помогал: он таял, стекая водой по её горячим рукам и щекам.

— Вы не поможете, госпожа? Всё так плохо? — прошелестело за спиной.

Рыска вздрогнула обернулась. Саломея стояла позади неё, прислонившись к двери и теребя пояс своего платья.

— Если он умрёт, тогда я тоже умру... — уронила девушка. Слёзы текли по её щекам.

...Если мы расстанемся, я сразу умру...

...Не оставляй меня, я не хочу без тебя жить...

...Я боюсь потерять тебя больше, чем смерти...

Бриллианты не тускнеют с годами.

Это не Саломея стояла и плакала сейчас, прижимаясь спиной к двери: это Рыска беспомощно просила судьбу не отнимать у неё единственную в её жизни любовь. Это из её глаз текли жгучие слёзы, которые никогда не могли помочь.

Это она не представляла своей жизни без этого человека...

— Конечно, помогу... Помогу, девочка. Пойдём в избу, — она развернула Саломею и сама открыла дверь, — Ты согрела воду?

— Давно согрела... Вам плохо, госпожа путница?

— Уже нет, — ответила Рыска с судорожным вздохом, — Не обращай внимания... Часто с ним такое?

— Ему всегда в ненастье плохо: раны ноют. Но такого ещё не бывало, — девушка всхлипнула, — Неделю уже лежит, бредит иногда... А до города к лекарю не добраться: дорогу замело. Думала, помрёт... Дай вам Хольга здоровья! Это она вас послала!

Рыска промолчала. Какая разница, кто её сюда привёл? Всё равно.

Так же, как всё равно, что Альк утратил и дар, и память. Это он... И она нашла! Нашла его! Остальное неважно... Важно то, что судьба назначила их для того, чтобы помогать друг другу. И она его спасёт. Снова. В который раз. Не для себя... Но это ничего не меняет.

— Я ведь даже как зовут его не знала, — опустил глаза, проговорила Саломея, — Мне и в голову не приходило, что он из благородных... Хотя, руки, конечно, к работе непривычные. Могла бы догадаться. А он теперь точно поправится?

— Точно... — глядя вникуда, проговорила Рыска.

— Как мне вас благодарить, госпожа путница? — спросила девушка, — У меня ведь ни медьки нет... Да и запасов мало: до весны, боюсь, не хватит.

Рыска улыбнулась.

— Когда выздоровеет, позови меня. Хочу с ним поговорить.

— И всё? — не веря ушам, спросила Саломея. Обычно путники не оказывали бесплатных услуг, мало того: драли втридорога, а тут...

— И всё, — кивнула Рыска и поднялась.

А потом снова заглянула за печь.

Альк спал спокойным сном, ровно и глубоко дыша. Погладив его по волосам, она не выдержала и поцеловала его в щеку. А потом резко развернулась и пошла к двери, стараясь сдерживать слёзы.

Саломея всё видела, а потому спросила:

— А вы ему кто?

Конечно, вопрос запоздал, но до этого девушка просто была преисполнена благодарности, а теперь... Мало ли?

— Похоже, уже никто, — не оборачиваясь, уронила путница и вышла.

Алька не пришлось ни звать, ни идти к нему: он пришёл сам через две недели, когда выздоровел окончательно.

Рыска, не желая сидеть у Фесси на шее, помогала ей по дому, раз та отказывалась брать у путницы деньги, и как раз в этот момент чистила во дворе снова выпавший снег. Спешить ей теперь было некуда и незачем. Да и сил особо не было: после того, как она поменяла Альку дорогу, чтобы он выздоровел, дар у неё ослаб. Рыска давно знала, что рано или поздно это случится, что она выгорит до тла. Вот этот момент и настал... Больше она не поменяет ни одну дорогу и никого не спасет. Она ещё способна видеть дороги — но слабо, плохо. Её путничья служба окончена.

Да и жизни осталось лишь догореть...

Что было самым странным, так это то, что она не боялась. Она всё сделала правильно: истратила остатки дара на того, кто был для неё важнее и дороже всех на свете.

И потому, неважно, кто встретит её там, за краем — Хольга, Саший... Она готова.

Осталось только попрощаться.

... Сколько он так смотрел на неё? Рыска понятия не имела, увлечшись работой.

Альк стоял за калиткой и с интересом её разглядывал, когда она, наконец, подняла голову.

— Добрый день, госпожа путница. Божиня в помощь, — услышала она и уронила снеговую лопату.

— Добрый день... — она осеклась. Как к нему обращаться? Почему так трудно просто назвать его по имени?

— Жена сказала, вы хотели со мной поговорить. Вот я и пришёл, — произнёс он.

Рыска оглядела его, подошла ближе.

Он смотрел на неё с уважением, с благодарностью, так, как смотрят на того, кому ты обязан... Но он её не помнил. Не нужен был дар, чтобы это понять. Никакого сомнения не было: высокий престарелый воин впервые видит белокошую путницу. Он с ней не знаком.

Но кое-что всё же радовало: он не так уж сильно и постарел. И теперь выглядел здоровым.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она, про себя отмечая, что он и не должен её узнавать: от неё ведь не осталось ничего. Ни внешности, ни голоса. Она уже не она.

— Всё хорошо, спасибо, — пожал он плечами, — Но вы ведь не за этим меня звали. Я хочу узнать, кто вы? — спросил он, — И кто я.

Рыска кивнула.

— Тогда пойдёмте в дом, — произнесла она, — Я всё вам расскажу. Но предупреждаю: это будет для вас невероятно. Поэтому сразу прошу приготовиться к этому.

Альк смотрел, нахмурившись, как раньше, а Рыска улыбалась. Они были в доме совсем одни: Фесся с дочерью ушли, дав им возможность пообщаться наедине.

— И всё это — правда? — наконец спросил он.

— Лишь часть всей правды, — опустив глаза, поправила она, — Правдой была наша жизнь. — она вздохнула, с улыбкой посмотрела на него, — Я так рада, что ты жив... Ты даже не представляешь!

Альк вздохнул.

— И что дальше? — спросил он. Он не мог осознать — сам пока не зная, что именно. В голове не укладывалось сказанное путницей.

— Дальше будет весна, — Рыска снова с улыбкой посмотрела в окно, слово видя, как тает снег, бегут ручьи, чернеют проталины, всходит трава, распускаются деревья, прогревает солнце, — Вы поедете на север, в Саврию, переправитесь через реку. — она словно снова чувствовала запах полноводной реки и слышала её плеск, скрип паромных цепей. — Тебе будет достаточно показать герб на седле. — Вот для чего она столько лет его носила! — И ещё кольцо... От реки до замка — дня три-четыре пути. А там... Там тебя узнают, — Рыска умолкла. Ее душили слёзы.

— Кто? — переспросил Альк.

— Твои родители, сестра, брат. Дети... Наши дети. — она встретилась с ним глазами, — Скажешь им всем, что я их люблю... Не забудь! — она поднялась из-за стола и стала одеваться. — Я оставлю тебе нетопыриху. Её зовут Лада. Когда-то мне подарил её ты... Она уже немолодая, но до замка дотянет. Возьми мои мечи, — она положила ножны с клинками на стол, — Так будет безопаснее. Да, и деньги заberi. На дорогу тут хватит... — её кошель лёг рядом.

Рыска накинула капюшон и вышла во двор. Крыс догнал её и привычно по ней взобрался — путница лишь осторожно придержала его, спускаясь по ступеням.

Ладу она вывела во двор, накинула поводья на кольца забора, на миг обняла нетопыриху за шею.

— Прощай, моя боевая подруга, — сказала она, — Не поминай лихом!

Развернувшись, решительно и быстро пошла к калитке — ей было пора. Она завершила свои труды. Скоро дар выжжет её окончательно, и тогда придут крысы... Она не хочет, чтобы это хоть кто-нибудь увидел.

... И тут кто-то схватил её за руку и развернул в обратную сторону.

— А ты куда? — испытующе глядя на неё, спросил белокопый.

— Ухожу... — глядя ему в глаза, спокойно ответила путница.

— Куда?

— Неважно... — она попыталась высвободить руку, но почему-то не смогла... Не от того, что не выпускали, а просто не захотела. Она десять лет мечтала снова ощутить эту руку в своей...

— Альк, не надо, я пойду... — прошептала она, заливаясь краской как в молодости.

Он молчал, испытующе глядя на неё.

— Если всё, что ты сказала — правда, — начал Альк, — То почему ты уходишь? По твоим словам получается, что ты занимала в моей жизни одно из главных мест. Остаешься!

— Нет... — всхлипнула-выдохнула Рыска.

— Почему???

— Потому, что у тебя теперь другая жена... И она любит тебя! — не выдержав,

прорыдала она, — И мальчик... Ты нужен им!

— А ты?

— А я всё равно скоро умру!.. — у Рыски сорвался голос. Стало тяжело дышать. Не видя и не слыша больше ничего, она сделала шаг вперёд и уткнулась в Алька, обхватила его руками и с наслаждением почувствовала, что он тоже её обнял.

— Ты никуда не пойдёшь... — тяжело дыша, проговорил он.

— Ты что, меня вспомнил? — с надеждой прошептала она.

— Нет... Но женщину, которая искала меня десять лет я никуда не отпущу, — твёрдо произнёс он. Голос его звучал так же, как раньше: Альк всё решил и никого не собирается спрашивать. Рыска и подумать не могла, что это может не злить, а умилять и радовать.

— Но моя смерть... Она совсем рядом!

— А это мы ещё посмотрим, — с вызовом проговорил он.

*

... А потом ей стало тяжело дышать: что-то словно сдавило грудь, и вместо дыхания получался лишь кашель.

Когда мало-помалу, преодолевая боль, Рыска смогла несколько раз неглубоко вдохнуть, то и перед глазами хоть что-то появилось, сначала неясное, потом уже более чёткое. Позднее она обнаружила себя лежащей на спине и смотрящей в потолок.

Потолок был белёный — такой бывает в весчанских избах. Под потолком кое-где пучками висели старые, пересохшие травы, а по углам клочьями болталась грязная, пыльная паутина.

Где она?

Рыска медленно подняла одну руку — левую, сама не понимая, почему на неё взглянула и увидела кольцо. Кольцо с бриллиантом, которое дала ей Камилла в ту ночь, когда была свадьба... Как странно, это кольцо она отдала Вангелии перед отъездом!

А ещё за пальцы зацепились волосы. Чёрные.

Это были ЕЁ волосы!

В следующую щепку Рыска попыталась сесть на своем ложе, да потерпела неудачу, упала обратно, ощутив головокружение, закашлялась с кровью, не понимая, почему с ней это происходит...

Она всё ещё давилась воздухом и кровью, скрючившись на кровати, когда сильные руки пришли на помощь, уложили удобнее, поправили подушку, убрали волосы с лица.

— Ничего, ничего... Ты справишься. Главное: живая... — произнёс самый родной для неё в этом мире голос. А когда она снова смогла различать предметы вокруг себя, то увидела и его самого...

— Альк... — прошептала она, вернее, слегка шевельнула губами.

Да, это был он. Её Альк. Благородный белокопый видун, которого она любила больше своей жизни — уже не молодой, но ещё и не старик, без шрамов на лице, на обеих ногах, как всегда, живой и несломленный. Его дар и память были как и прежде при нём.

— Альк... — снова прошептала Рыска.

— Молчи! — велел он, — Тебе нельзя разговаривать. Хвала Пресветлой, ты жива, — вздохнул он, присаживаясь рядом с ней. А потом взял ее руку, поцеловал, затем приложил к своей щеке, закрыв глаза, — На этом — всё, — сказал он через пару щепок, — Никаких больше дорог, Пристаней, кормилен и войн! Как только выздоровеешь — в замок! И ни шагу

оттуда!

Рыска лишь кивала, кротко улыбаясь. Ей было всё ещё тяжело дышать и больно, но она и представить себе не могла, что при этом можно быть такой счастливой!

Впрочем, вся её жизнь, начиная от того момента, когда она нашла его, была такой — сладко-горькой. Смесью боли и наслаждения.

Она никогда не желала себе другой доли.

===== Эпилог =====

С гибелью тсарицы-видуньи закончилась и война. В Савринтарском тсарствии понемногу налаживалась жизнь, отстраивались разрушенные города и сгоревшие вески, залечивала раны земля, рождались новые жители. Зима сменяла осень, а затем уступала место весне и лету. Во дворцах двух столиц вершились государственные дела, а Пристани выпускали на дороги всё новых и новых путников, и им конечно же, нужны были “свечи”.

Всё получилось как в Рыскином сне, за исключением всего трёх вещей: волосы неулыбчивой путницы по-прежнему были чёрными, а её любимый не отходил от неё далеко больше, чем на пару щепок. И ещё: мальчика, родившегося после войны, Рыска предложила назвать не Эдгард, а Стефан, потому что ребёнок, увиденный ею во сне, так и не шёл у неё из головы. Альк не стал возражать.

То, почему Альк не потерял дар и не погиб, смог объяснить выздоровевший вскоре после победы Крысолов, навестив Алька и Рыску в замке.

— Да, такое бывает, — согласился он, когда его ученики обрисовали произошедшее, — Альк не пострадал потому, что он ничего не делал.

Альк и Рыска, не понимая, уставились на него. Их старый учитель снова сумел их удивить.

— И не надо делать такие лица, — усмехнулся старый путник, — Я ни щепки не сомневаюсь, что ты, мой лучший ученик, и взялся бы за безнадежное дело, и сумел спасти Рыску, но... тебе не пришлось. Кто-то успел до тебя.

— Но кто? — недоуменно спросил белокопый.

— А вот этого не знаю, — пожал плечами путник, — Обычно это подвластно тому, кто способен пожертвовать своей жизнью. Кто-то пожертвовал за тебя своей, доча, — добавил он, глядя на Рыску.

Доча...

Путница вдруг помрачнела и поднялась из кресла, в котором сидела, придерживая округлившийся живот. А потом, не оборачиваясь, вышла.

Альк хотел было пойти за ней, но Крысолов остановил его.

— Не надо. Пусть... Пусть побудет одна.

...Альк нашёл жену в башне, сидящей на кушетке и смотрящей в окно, на юг. Он ничего не сказал, просто подошёл и сел рядом. Через пару щепок она со вздохом склонила голову к нему на грудь и обняла.

— Представляешь, Альк, а я думала она давно забыла про меня... — прошептала Рыска.

Муж погладил её по голове, потом по спине, ласково прижал одной рукой.

— Ну, такого быть не может... Разве ты смогла бы забыть нашу Вангелию?

Рыска лишь головой покачала — конечно, нет!

— А я даже ни разу ни приехала к ней... Она не видела внуков, не видела тебя. Какая же я сволочь!

Альк усмехнулся.

— Всё в мире не случайно, Рысь. И ты сама это знаешь. Я думаю, именно потому, что она не видела меня, всё так и вышло.

Рыска недоуменно заглянула Альку в глаза.

— Почему? — не поняла она.

— Судя по твоим рассказам о ней, её на месте хватил бы удар, если бы она увидела меня.

— Это ещё с чего? — совершенно искренне удивилась она.

Альк продолжал выразительно смотреть на неё, и Рыска вдруг улыбнулась. Ах, ну да! Потому что он саврянин! Надо же, за столько лет она совсем забыла о том своём, да и мамином тоже, страхе.

— Ничего... — Альк поцеловал жену в висок, потом уложил головой к себе на колени, погладил её волосы, — Теперь уже назад не повернёшь. Родится сын, съездим, наконец, в твою веску, сходим на могилу. Покажешь мне, где ты родилась...

— Представляешь, а я даже не помню её... — словно не слыша, говорила Рыска, — Вот увидела бы где-нибудь — и не узнала бы. Представляешь, Альк? Ведь это была моя мать!..

Он не представлял. Но он был рядом. И поэтому, наверное, жертва Рыскиной матери не была напрасной.

*

...— Итак, господин посол, вам ясна ваша задача, верно? — уточнил его величество, — В первую очередь — продление договора о мире и сотрудничестве, а во-вторых — постарайтесь уговорить светлейшего иргема поделиться секретом строительства кораблей, а ещё лучше — сразу же привезите сюда мастеров-строителей.

— Я понял, ваше величество, — кивнул Альк, — Сделаю всё, что в моих силах. Могу я быть свободным? — спросил он.

— Да, конечно, — ответил Шарес.

Но когда посол уже дошёл до двери кабинета его величества, царь снова окликнул его.

— Альк? Как думаешь, это может получиться? Поделятся они своими секретами или нет?

Белокосый улыбнулся.

— А куда они денутся? — спросил он, изломив бровь.

— Что ж ты там такого сделал, что Иргемаджинский правитель так расстарался? Столько кораблей, воинов... Я, признаться, и половины не ожидал!

Альк скромно пожал плечами.

— Дипломатический ход, ваше величество и не более того, — сказал он.

— Ну, ступай, — улыбнулся Шарес, — А то твоя супруга, наверное, совсем заждалась. Возьми её с собой в Иргемаджин!

— Всенепременно, ваше величество, и её, и детей. Только съездим домой, подготовимся — и в дорогу.

— Счастливого пути, — пожелал царь.

Альк учтиво поклонился и вышел.

...Рыска, ожидая его, совсем не скучала, беседуя с её величеством: это ему пришлось ждать, когда она наговорится с Исенарой и, наконец, обратит на него внимание, поэтому на предложение пройтись до дома пешком он не сразу согласился, да ещё и хмурился почти всю дорогу.

Однако прохладный ночной воздух северной столицы успокоил, расслабил. Всё же на его родине намного лучше летом, чем в Ринтаре.

Альк, наконец, перестал дуться. На то ведь Рыска и женщина, чтобы любить болтовню с подругой. К тому же, подумалось ему, она такая сегодня красивая, ещё совсем молодая... Тёмно-бордовое платье ей невероятно к лицу. Волосы так красиво уложены... Тем более, видеть её такой приходится редко: нужно ценить и не портить вечер. Лучше сообщить ей хорошую новость.

— Рысь, — вклинился он в её щебетание, — Скажи: ты со мной в Иргемаджин поедешь?

— А как же? Конечно!

Она аж остановилась под раскидистым цветущим деревом, глядя ему в глаза — и Альк невольно ей залюбовался. И что за вечер сегодня? Прямо какая-то романтическая чушь в голову лезет... Почему-то именно сегодня, в этот летний вечер она кажется особенно красивой. Надо скорее домой, в постель, снять с неё это платье и...

Альк наклонился и поцеловал жену.

— Пойдём скорее домой, — прошептал он ей на ушко и взял в свою руку её вздрогнувшую ладонь.

... Но его планам не суждено было сбыться.

Стоило им войти в их столичный дом, как буквально на пороге на них налетела служанка.

— Господин... вот, только что принесли, — она подала Альку письмо.

Альк его, конечно, развернул, с умным видом посмотрел на убористый почерк, но как только служанка ушла, тут же отдал его Рыске.

— Читай! — велел он.

Та метнула на мужа хитрый взгляд. Она прекрасно знала о том, что её бесстрашный супруг плохо видит в сумерках и в темноте, а особенно плохо — при вечернем освещении. Что подделаешь, уже немолодой. Сорок семь лет, как-никак... Но ему она, понятное дело, ничего такого не сказала, взяла письмо и вчиталась.

Письмо прислали из замка, а написала его Камилла. О содержании его путница догадалась почти сразу, по первым строкам.

“Дорогой братец! — писала Камилла, — В нашем доме кое-что случилось в ваше с Рыской отсутствие. Происшествие не смертельное, но довольно неприятное.

Дело в том, что мой племянник Альк и племянница Иоланта вчера за ужином сообщили нам шокирующую новость: оказывается, они давно уже состоят в связи и четыре месяца как ждут ребёнка. У отца чуть не случился удар — ведь это инцест! — но мама объяснила всем, что твои сын и дочь на самом деле не состоят в кровном родстве, и он немного успокоился. Однако предавать дело огласке нельзя, а оно, как ты понимаешь, будет предано ей в любом случае. В связи с этим, прошу вас с супругой срочно явиться в замок для семейного совета. Очень ждем вас. Камилла.

P.S. Живот пока не заметен, но все платья моей племянницы уже стали ей малы.”

— И что делать? — раздражённо спросил Альк.

Рыска удивлённо пожала плечами.

— Как это — что? — просто спросила она, — Готовиться к свадьбе. А потом срочно собираться на Иргемаджин.

— Рысь, ты поняла, что случилось? — взвился Альк.

— Ничего страшного, кроме того, что мечта хорошенько выспаться осуществится теперь нескоро. Надо выехать прямо на рассвете, а потому не стоит терять и щепки. — она дошла до лестницы и обернулась, — Пойдём спать. Завтра очень рано вставать!

— Рысь... — произнёс Альк как-то рассеянно, — Нас же соседи засмеют!.. Так ведь нельзя!

Рыска остановилась, вернулась назад, взяла мужа за руку.

— Уж лучше пусть засмеют, чем в жизни детей повторится всё то, что мы с тобой пережили, — серьёзно произнесла она, — Ты ведь давно знаешь, что Альк и Иоланта должны быть вместе. Так чему ты удивляешься?

— Ей всего семнадцать лет! — привёл Альк последний аргумент.

— Так же, как мне в первую нашу ночь, — Рыска улыбнулась, — Не копируй отца! Пожалуйста... — она на миг прижалась к мужу, — Ничего страшного не случилось. Пойдём, Альк. Утро вечера мудреннее. Ты должен радоваться: твой род продолжается.

Покачав головой, Альк поддался на уговоры супруги и пошёл за ней, а потом, на середине лестницы и вовсе подхватил её на руки.

На рассвете им снова в путь...

Но до рассвета ещё далеко.

Больше книг на сайте - Knigolub.net